Научный журнал
Основан в 2010 г.
Выходит девять раз в год.

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
«Коми научный центр Уральского отделения
Российской академии наук»

Известия

КОМИ НАУЧНОГО ЦЕНТРА УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 3 (88) **Серия «ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ»** **2026**

Главный редактор – акад. РАН А. М. Асхабов
Зам. главного редактора – чл.-корр. РАН С. В. Дёгтева
Зам. главного редактора – чл.-корр. РАН В. Н. Лаженцев
Ответственный секретарь – к.и.н. Д. В. Милохин

Редакционный совет:

акад. РАН В. В. Алексеев, акад. РАН А. А. Барях, акад. РАН В. И. Бердышев, д.м.н. Е. Р. Бойко, чл.-корр. РАН И. Н. Болотов, акад. РАН В. Н. Большаков, Ph.D. (Econ.) К. Борисова-Маринова (Болгария), д.ф.-м.н. Т. М. Бречко (Польша), к.г.-м.н. И. Н. Бурцев, акад. РАН А. Д. Гвишиани, д.ф.-м.н. Н. А. Громов, д.и.н. И. Л. Жеребцов, д.б.н. В. Г. Зайнуллин, чл.-корр. РАН В. А. Ильин, акад. РАН С. В. Кривовичев, И. В. Курляк, акад. РАН А. В. Кучин, чл.-корр. РАН Ю. Б. Марин, акад. РАН В. П. Матвеенко, д.и.н. В. И. Меньковский (Беларусь), акад. РАН Г. А. Месяц, чл.-корр. РАН А. А. Москалёв, д.э.н. Л. А. Попова, д.г.-м.н. А. М. Пыстин, чл.-корр. РАН И. М. Рощевская, д.х.н. С. А. Рубцова, д.и.н. Э. А. Савельева, д.и.н. Т. С. Садыков (Казахстан), чл.-корр. РАН А. Ф. Титов, д.б.н. С. Н. Харин, к.б.н. И. Ф. Чадин, акад. РАН В. Н. Чарушин, д.т.н. Ю. Я. Чукреев, д.б.н. Е. В. Шамрикова, акад. РАН В. С. Шацкий, д.э.н. А. Г. Шеломенцев, к.э.н. А. А. Юдин

Редакционная коллегия серии «История и филология»:

д.и.н. И. Л. Жеребцов (ответственный редактор), к.и.н. И. О. Васкул (зам. ответственного редактора), д.филол.н. Е. А. Цыпанов (зам. ответственного редактора), к.и.н. Д. В. Милохин (ответственный секретарь), д.и.н. Е. Т. Артемов, д.и.н. А. А. Бровина, акад. РАН А. В. Головнев, к.филол.н. Н. В. Горинова, д-р наук И. Жепниковска (Польша), д.и.н. А. Е. Загребин, д.филол.н. Т. И. Зайцева, к.и.н. Н. М. Игнатова, д.и.н. В. А. Исупов, д.филол.н. Л. Л. Карпова, д-р наук Г. Клумпп (Эстония), д.филол.н. Н. В. Кондратьева, к.и.н. П. П. Котов, к.филол.н. Ю. А. Крашенинникова, д.и.н. Е. Ф. Кринко, д.филол.н. Р. А. Кудрявцева, д-р наук С. Лаллукка (Финляндия), д-р филос. А. Леэте (Эстония), д-р филос. Д. Лозовану (Молдова), д.и.н. А. В. Мартыненко, д.и.н. М. А. Мацук, д.и.н. В. И. Меньковский (Беларусь), чл.-корр. РАН И. И. Муллонен, к.филол.н. А. Г. Мусанов, д-р филос. З. Надь (Венгрия), д.филол.н. О. И. Налдеева, д.и.н. П. Ю. Павлов, д.и.н. И. В. Побережников, д.филол.н. В. А. Поздеев, к.и.н. С. А. Попов, д.и.н. С. А. Прокопенко, д.и.н. А. В. Репневский, акад. РАН В. Н. Руденко, д.и.н. Т. С. Садыков (Казахстан), к.филол.н. С. А. Сажина, д.геогр.н. В. И. Силин, д.и.н. А. В. Сперанский, к.и.н. М. В. Таскаев, д.и.н. Ю. П. Шабаев, д-р филос. М. Шмигель (Словакия), к.и.н. С. Ю. Шокарев

Адрес редакции:

167982, ГСП-2, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Коммунистическая, д. 24
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, каб. 317, 318.
Тел. (8212) 24-47-79
E-mail: journal@frc.komisc.ru
izvestia.komisc.ru

ISSN 1994-5655

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свид. о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС 77-26969 от 11 января 2007 г.

Подписной индекс в каталоге «Почта России» 52047

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук», 2026

Science Journal

Founded in 2010
Published 9 times a year

Established by
Federal State Budgetary
Institution of Science
Federal Research Centre
«Komi Science Centre, Ural Branch, RAS»

PROCEEDINGS

OF THE KOMI SCIENCE CENTRE URAL BRANCH RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

№ 3 (88) **«HISTORY AND PHILOLOGY» series** **2026**

Editor-in-chief – RAS acad. A. M. Askhabov

Deputy editor-in-chief – RAS corresp. member S. V. Degteva

Deputy editor-in-chief – RAS corresp. member V. N. Lazhentsev

Executive secretary – Cand. Sci. (Hist.) D. V. Milokhin

Editorial Council:

RAS acad. V. V. Alekseev, RAS acad. A. A. Baryakh, RAS acad. V. I. Berdyshev, Dr. Sci. (Med.) E. R. Bojko,
RAS corresp. member I. N. Bolotov, RAS acad. V. N. Bolshakov, PhD. (Econ.) K. Borisova-Marinova (Bulgaria),
Dr. Sci. (Phys.- Math.) T. M. Brechko (Poland), Cand. Sci. (Geol.-Mineral.) I. N. Burtsev, RAS acad. A. D. Gvishiani,
Dr. Sci. (Phys.-Math.) N. A. Gromov, Dr. Sci. (Hist.) I. L. Zherebtsov, Dr. Sci. (Biol.) V. G. Zainullin,
RAS corresp. member V. A. Ilyin, RAS acad. S. V. Krivovichev, I. V. Kurlyak, RAS acad. A. V. Kuchin,
RAS corresp. member Yu. B. Marin, RAS acad. V. P. Matveenko, Dr. Sci. (Hist.) V. I. Men'kovsky (Belarus),
RAS acad. G. A. Mesyats, RAS corresp. member A. A. Moskalev, Dr. Sci. (Econ.) L. A. Popova,
Dr. Sci. (Geol.-Mineral.) A. M. Pystin, RAS corresp. member I. M. Roshchevskaya, Dr. Sci. (Chem.) S. A. Rubtsova,
Dr. Sci. (Hist.) E. A. Savelyeva, Dr. Sci. (Hist.) T. S. Sadykov (Kazakhstan), RAS corresp. member A. F. Titov,
Dr. Sci. (Biol.) S. N. Kharin, Cand. Sci. (Biol.) I. F. Chadin, RAS acad. V. N. Charushin,
Dr. Sci. (Tech.) Yu. Ya. Chukreev, Dr. Sci. (Biol.) E. V. Shamrikova, RAS acad. V. S. Shatsky,
Dr. Sci. (Econ.) A. G. Shelomentsev, Cand. Sci. (Econ.) A. A. Yudin

Editorial Board of «History and Philology» series:

Dr. Sci. (Hist.) I. L. Zherebtsov (executive editor), Cand. Sci. (Hist.) I. O. Vaskul (deputy executive editor),
Dr. Sci. (Philol.) E. A. Tsypanov (deputy executive editor), Cand. Sci. (Hist.) D. V. Milokhin (executive secretary),
Dr. Sci. (Hist.) E. T. Artemov, Dr. Sci. (Hist.) A. A. Brovina, RAS acad. A. V. Golovnev, Cand. Sci. (Philology) N. V. Gorinova,
Dr. Sci. I. Zhepnikovska (Poland), Dr. Sci. (Hist.) A. E. Zagrebin, Dr. Sci. (Philol.) T. I. Zaitseva,
Cand. Sci. (Hist.) N. M. Ignatova, Dr. Sci. (Hist.) V. A. Isupov, Dr. Sci. (Philol.) L. L. Karpova,
Dr. Sci. G. Klumpp (Estonia), Dr. Sci (Philol.) V. V. Kondratyeva, Cand. Sci. (Hist.) P. P. Kotov, Cand. Sci. (Philol.) Yu. A. Krasheninnikova,
Dr. Sci. (Hist.) E. F. Krinko, Dr. Sci. (Philol.) R. A. Kudryavtseva, Dr. Sci. S. Lallukka (Finland), PhD A. Leete (Estonia),
PhD D. Lozovanu (Moldova), Dr. Sci. (History) A. V. Martynenko, Dr. Sci. (Hist.) M. A. Matsuk,
Dr. Sci. (Hist.) V. I. Men'kovsky (Belarus), RAS corresp. member I. I. Mullonen, Cand. Sci. (Philol.) A. G. Musanov,
PhD Z. Nad' (Hungary), Dr. Sci. (Philol.) O. I. Naldeeva, Dr. Sci. (Hist.) P. Yu. Pavlov,
Dr. Sci. (Hist.) I. V. Poberezhnikov, Dr. Sci. (Philol.) V. A. Pozdeev, Cand. Sci. (History) S. A. Popov, Dr. Sci. (Hist.) S. A. Prokopenko,
Dr. Sci. (Hist.) A. V. Repnevsky, RAS acad. V. N. Rudenko, Dr. Sci. (Hist.) T. S. Sadykov (Kazakhstan), Cand. Sci. (Philology) S. A. Sazhina,
Dr. Sci. (Geogr.) V. I. Silin, Dr. Sci. (Hist.) A. V. Speransky, Cand. Sci. (Hist.) M. V. Taskaev, Dr. Sci. (Hist.) Yu. P. Shabaev,
PhD M. Shmigel' (Slovakia), Cand. Sci. (Hist.) S. Yu. Shokarev

Editorial Office:

Office 317, 318 Komi Science Centre, Ural Branch, RAS
24, Kommunisticheskaya st., GSP-2,
Syktyvkar 167982, Komi Republic
Tel. +7 8212 244779
E-mail: journal@frc.komisc.ru
izvestia.komisc.ru

The "Russian Post" catalogue subscription index 52047

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

ISSN 1994-5655

Registered by the Russian Federal Surveillance Service for Compliance with the Law in Mass Communications and Cultural Heritage Protection.

The certificate of mass media registration – ПИ № ФС 77-26969 dated 11 January, 2007

© Federal State Budgetary Institution of Science
Federal Research Centre
«Komi Science Centre, Ural Branch,
Russian Academy of Sciences», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Демаков Д. А., Смертина Н. С.
История изучения археологических памятников Чусовского озера и реки Березовки 7

Половников Л. В.
Проблема интерпретации «чудских ям» в археологии Пермского Предуралья 12

Белицкая А. Л.
Могильник Отлинский-1 (итоги раскопок 2024 года) 22

Мацук М. А.
Система государственного феодализма Московского царства и товарно-денежные отношения в Коми крае XVII века. Часть II. Бизнес на исполнении государственных повинностей 35

Гладких С. А.
Албазинский приказный Пётр Якимович Осколков 44

Золотарев О. В., Судовиков М. С.
«Зырянские князьки» купцы Сухановы: легенды и быль 50

Кожевникова Ю. Н.
Церкви и часовни для российских саамов: нереализованные проекты первой половины XIX века 57

Расов В. А.
Городская реформа Александра II в освещении дореволюционной отечественной историографии 63

Котов П. П.
Уходы удельных крестьян Русского Севера в монашество 71

Краева Н. В.
Владельческие знаки на книгах финно-угроведа Лыткина Г. С. в собрании Национального музея Республики Коми 80

Скутнев А. В.
Роль прокуратуры при расследовании государственных преступлений священнослужителей после судебной реформы 1864 года 84

Рожина А. В.
Взаимное страхование от огня недвижимости Сольвычегодского уезда Вологодской епархии в 1910-1917 годы 92

Джакели Е. Н.
Научная теория Анциферова Н. П. в условиях советской исторической политики 1920–1930-х годов 101

Силин В. И.
Воленс Нина Васильевна и ее работы на Севере 105

Щевич К. С.
Деятельность театров Сталинской области в 1941–1945 годы: проблемы и достижения (по материалам Государственного архива Донецкой Народной Республики) 109

Морозова Е. И.
«...Не знаю, что будет со мной впереди» (тыловой дневник Лосева И. А.) 115

Самарин А. В.
Научно-технические проблемы развития Коми АССР в советский период 119

Шарапов В. Э., Жеребцов И. Л.
Полевые материалы этнографа Грибовой Л. С. по исторической традиции в современном быту и духовной культуре коми-пермяков (1964) 128

Кушнерева К. В.
Нравственно-трудовые ценности, отраженные в северном художественном тексте второй половины XX века 138

Горинова Н. В.
Поэтическое творчество коми поэта Лодыгина В. 143

Зиявадинова О. С.
Ванеев Альберт – Ванюшев Василий: диалог с природой 153

Сажина С. А.
Фонетические особенности нердвинского диалекта коми-пермяцкого языка (вокализм) 159

Беляева Н. Ж.
Изобразительное искусство Республики Коми:
сравнительный анализ зональных выставок 1979 и 2013 годов 166

Всероссийская научная конференция
«Исторический опыт научного освоения арктических территорий России» 171

Бровина А. А.
Исторический опыт научных исследований историко-культурной и природной среды
Арктической зоны Российской Федерации 172

Петровский М. Н.
Медный завод Русинга: очерк истории открытия и добычи медной руды
в Русской Лапландии в XVIII веке 180

Лейман И. И.
Роль купечества в развитии пароходства на арктических территориях России
во второй половине XIX – начале XX века (на примере деятельности Булычева А. В.) 186

Филиппова Т. П.
Научное изучение минерально-ресурсного потенциала Европейского Севера России
в конце XIX – первой трети XX века 191

Оседах А. Г.
Исследование арктических территорий профессором Черновым А. А. 196

Егорова С. Л.
Пастбищные ресурсы архипелага Новая Земля: геоботанические исследования Зубкова А. И.
и Александровой В. Д. (1930-е годы) 200

Симакова С. А.
Углехимические исследования в Воркутинском районе Коми АССР (1930–1950-е годы):
предпосылки организации, развитие, результаты 205

Емелина М. А., Замятин В. Ю.
Вклад Алексеева Ю. К. в научное изучение Северного Ледовитого океана 209

Рецензии

Золотарев О. В.
Лейман И. И. Купечество Вологодской губернии в середине XIX века;
Лейман И. И. Ярмарки на Европейском Севере России в XIX – начале XX века 214

CONTENTS

Demakov D. A., Smertina N. S.
The history of studying archaeological sites of Lake Chusovskoye and the Berezovka River 7
Polovnikov L. V.
The problem of interpretation of the «Chud Pits» in the archaeology of the Permian Cis-Urals 12
Belitskaia A. L.
Burial ground Otlinsky-1 (excavation results 2024) 22
Matsuk M. A.
The system of state feudalism of the Moscow Kingdom and commodity-money relations in the Komi region of the XVII century. Part II. Business in the performance of state duties 35
Gladkikh S. A.
Albazin administrator Pyotr Yakimovich Oskolkov 44
Zolotarev O. V., Sudovikov M. S.
The «Zyryan princes» Sukhanov merchants: legends and reality 50
Kozhevnikova Yu. N.
Churches and chapels for the Russian Sami: unimplemented projects of the first half of the XIX century 57
Rasov V. A.
The urban reform of Alexander II as revealed in pre-revolutionary Russian historiography 63
Kotov P. P.
Conversion of appanage peasants of the Russian North to monasticism 71
Kraeva N. V.
Ownership marks on books of the Finno-Ugric scholar G. S. Lytkin in the collection of the National museum of the Komi Republic 80
Skutnev A. V.
The role of the Prosecutor's Office in investigating state crimes of the clergy after the judicial reform of 1864 84
Rozhina A. V.
Mutual insurance against fire of real estate in the Solvychegodsk Uyezd of the Vologda Diocese in 1910–1917 92
Dzhakeli E. N.
N. P. Antsiferov's theory in the context of Soviet historical policy of the 1920s–1930s 101
Silin V. I.
Nina Vasilyevna Volens and her work in the North 105
Shchevich K. S.
Theater activities in the Stalino Region in 1941-1945: problems and achievements (based on materials of the State Archive of the Donetsk People's Republic) 109
Morozova E. I.
"...I don't know what will happen to me in the future" (I. A. Losev's rear diary) 115
Samarin A. V.
Scientific and technical problems of the Komi ASSR development in the Soviet period 119
Sharapov V. E., Zherebtsov I. L.
Field materials of ethnographer L. S. Gribova on the historical tradition in the everyday life and spiritual culture of the Komi-Permians (1964) 128
Kushnereva K. V.
Moral and labor values reflected in the Northern literary text of the second half of the XX century 138
Gorinova N. V.
The poetic works of the Komi poet V. Lodygin 143

Ziyavadinova O. S.
Albert Vaneev – Vasily Vanyushev: dialogue with nature 153

Sazhina S. A.
Phonetic features of the Nerdvino dialect of the Komi-Permian language (vocalism) 159

Belyaeva N. Zh.
Fine Arts of the Komi Republic: a comparative analysis of the zonal exhibitions of 1979 and 2013 166

All-Russian Scientific Conference
"The historical experience of scientific exploration of Russia's Arctic territories" 171

Brovina A. A.
Historical experience of scientific research of the historical, cultural and natural environment of the Arctic zone of the Russian Federation 172

Petrovsky M. N.
The Rusinga Copper Factory: an outline of the history of the discovery and mining of copper ore in Russian Lapland in the XVIII century 180

Leyman I. I.
The role of merchants in the development of shipping in the Arctic territories of Russia in the second half of the XIX–early XX centuries (based on the example of A. V. Bulychev's activity) 186

Filippova T. P.
Scientific study of the mineral resource potential of the European North of Russia in the late XIX - first third of the XX centuries 191

Osedakh A. G.
Research of the Arctic territories by Prof. A. A. Chernov 196

Egorova S. L.
Pasture resources of Novaya Zemlya: geobotanical research by A. I. Zubkov and V. D. Aleksandrova (1930s) 200

Simakova S. A.
Coal chemical research in the Vorkuta region of the Komi ASSR (1930-1950s): organization prerequisites, development, results 205

Emelina M. A., Zamyatin V. Yu.
Yu. K. Alekseev's contribution to the scientific study of the Arctic Ocean 209

Reviews

Zolotarev O. V.
Leiman I. I. Merchants of the Vologda province in the mid-XIX century;
Leiman I. I. Fairs in the European North of Russia in the XIX - early XX centuries 214

УДК 902/904
DOI 10.19110/1994-5655-2026-3-7-11

История изучения археологических памятников Чусовского озера и реки Березовки

Демаков Д. А.*, Смертина Н. С.*,**

* Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Пермь
** Институт гуманитарных исследований УрО РАН,
г. Пермь

demakov-denis@mail.ru
nadiabat@yandex.ru

Аннотация

Чусовское озеро и р. Березовка находятся на севере современного Пермского края и примыкают к водоразделу бассейнов рек Кама и Печора. В ходе археологических работ в 60-70-х гг. XX в. на данной территории удалось выявить и частично изучить раскопками 18 памятников, датируемых от мезолита до нового времени. В результате археологических работ исследователями был сделан вывод, что данные памятники представляют значительный интерес для изучения древней истории северных районов Прикамья и культурных связей с территориями Печорского и Вычегодского бассейнов, северного Зауралья.

Возрождение интереса к археологическим памятникам Чусовского озера и р. Березовки привело к возобновлению археологических разведок на данной территории в XXI в. Проведенные работы доказали сохранность памятников, перспективность их изучения на современном методическом уровне как в археологической сфере, так и совместно с учеными естественно-научного профиля. Продолжение исследований даст возможность подробнее изучить историю развития данной территории в голоцене, взаимодействие археологических культур Прикамья, северного Приуралья и Зауралья.

Ключевые слова:

археологический памятник, Чусовское озеро, р. Березовка, археологическая разведка, археологические раскопки, взаимодействие археологических культур

The history of studying archaeological sites of Lake Chusovskoye and the Berezovka River

Demakov D. A.*, Smertina N. S.*,**

* Perm State Humanitarian Pedagogical University,
Perm
** Institute of Humanitarian Studies, Ural Branch, Russian Academy of Sciences,
Perm

demakov-denis@mail.ru
nadiabat@yandex.ru

Abstract

Lake Chusovskoe and the Berezovka River are located in the north of modern Perm Krai and border the watershed of the Kama and Pechora river basins. During archaeological excavations in the 1960s and 1970s, 18 sites dating from the Mesolithic to modern times were identified and partially excavated in this area. As a result, the researchers concluded that these sites are of significant interest for studying the ancient history of the northern Kama regions and cultural ties with the territories of the Pechora and Vychegda basins, as well as the northern Trans-Urals.

Renewed interest in the archaeological sites of Lake Chusovskoe and the Berezovka River led to the resumption of archaeological exploration in this region in the XXI century. The conducted research demonstrated the preservation of these sites and the potential for their in-depth study using modern methodologies, both within the archaeological field and in collaboration with natural scientists. Continued research will provide an opportunity to study in more detail the history of this territory's development during the Holocene and the interactions between archaeological cultures of the Kama region, the northern Urals, and the Trans-Urals.

Keywords:

archaeological site, Lake Chusovskoe, Berezovka river, archaeological exploration, archaeological excavations, interaction between archaeological cultures

Чусовское озеро находится на севере Пермского края, где он граничит с Республикой Коми. Озеро вытянуто в субмеридиональном направлении, имея протяженность до 10 км при максимальной ширине около 2,5 км, площадь озера – 15,88 кв. км. Эта равнина дренируется впадающей в Чусовское озеро р. Березовкой и ее многочисленными притоками. В южной части озера берет начало р. Вишерка, впадающая в р. Колву [1, с. 116–117].

На сегодняшний день на данной территории известно 18 археологических памятников, подавляющая часть которых является многослойными и датируется от периода мезолита до нового времени.

Археологическое изучение района началось в 1963 г. и было связано с проведением изыскательных работ по проектированию нового пути переброски вод р. Печоры в р. Каму, не через реки Вычегда и Северная Кельтма, как предполагалось ранее, а непосредственно через реки Березовка и Вишерка в р. Каму (проект «Тайга») [2].

В. А. Обориным в ходе археологической разведки открыты четыре памятника, заложены шурфы, собран подъ-

емный материал. Наибольший интерес из них представляло поселение Васюковское-II. На нем было обнаружено около 10 жилищных впадин, заложен шурф и собран небольшой подъемный материал [3].

В 1964 г. археологические изыскания здесь продолжил В. П. Денисов. На Васюковских памятниках были проведены дополнительные обследования, уточнены границы распространения культурного слоя, а также стратиграфия памятников. В процессе раскопок поселения Васюковское-II на площади 281 кв. м было вскрыто четыре жилища, ямы, два погребения, пять очагов, обнаружены обгоревшие бревна, траншея, три полуземлянки и выявлен грунтовый могильник. В результате удалось собрать интересный материал, свидетельствующий о том, что в древности этот район был обитаем, а также, находясь на водоразделе, часто испытывал сильное культурное влияние с севера [4].

В 1965 г. отрядами Камской археологической экспедиции Пермского государственного университета под руководством В. П. Денисова и И. Ю. Кривоногова были продолжены раскопки поселения Васюковское-II, а также проведены дополнительные обследования стоянок, расположенных в районе оз. Чусовского, и организованы поиски новых памятников.

В результате раскопок поселения Васюковское-II на памятнике была вскрыта площадь 327 кв. м, раскопано три надземных жилища и одна полуземлянка, выявлен новый интересный вещественный материал, а также уточнена стратиграфия. Весь комплекс материалов, полученных во время раскопок, позволил по-новому взглянуть на археологические культуры Верхнего Прикамья, а также проверить характер взаимоотношений этих культур с культурами Печоро-Вычегодского края, с которыми у них просматривается много общих черт.

После окончания раскопок В. П. Денисовым была проведена четырехдневная разведка в течении р. Березовки и в нижнем течении р. Молог (Республика Коми), в результате которой открыты пять новых памятников [5].

И. Ю. Кривоногов обследовал узкую песчаную гряду, расположенную между дер. Ларьевой и хутором Васюково, вдоль восточного берега оз. Чусовского и левого берега р. Березовки. Недостаток времени и средств не позволил разведывательному отряду В. А. Оборина в 1963 г. подробно обследовать эту гряду. В результате исследования было обнаружено два новых памятника и уточнены сведения об еще двух. Был сделан вывод, что на Чирвинской и Поздеевской стоянках можно проводить раскопки и дальнейшие исследования [6].

В 1966 г. В. П. Денисовым продолжены работы на поселении Васюковское-II. Изучено 315 кв. м площади памятника, вскрыто шесть жилищных впадин, находки из которых датируются периодом от неолита до раннего железного века [7].

В. А. Обориным раскопками изучались памятники, открытые в 1965 г. как на территории Пермской области, так и Республики Коми. На поселении Молог I в раскопе 92 кв. м выявлены очаги, жилище, два культурных горизонта (энеолит и ранний железный век). На поселении Лисья Курья в раскопе площадью 112 кв. м – неолитическая, харинская и вонвиздинская керамика, очаги, один из них с металлургическими остатками.

На памятнике Чирва II, поселение, траншеей и раскопом общей площадью 128 кв. м изучены очаги, скопления золы, столбовые ямы – остатки наземного сооружения [8].

Г. Н. Чагиным проведена археологическая разведка в районе исследования. Сборами подъемного материала изучены памятники Березовское Озеро (единственный известный на данный момент мезолитический памятник на данной территории), Васюковская I, Банская, местонахождение Кордон. Долгое озеро I, поселение изучено шурфовкой. Материал, полученный с памятников, датируется периодом от мезолита до средневековья [9].

По результатам работ 1963–1966 гг. В. П. Денисовым был опубликован перечень памятников района изучения с кратким их описанием. Автор сделал вывод, что обнаруженные памятники относятся почти ко всем этапам древней истории края от мезолита до позднего средневековья.

Все памятники нуждаются или в стационарных раскопках, или в дообследованиях, рекогносцировочных раскопках и последующих стационарах. Разведочными маршрутами охвачены пока не все притоки р. Березовки.

Обнаруженные памятники представляют значительный интерес для изучения древней истории северных районов Прикамья и культурных связей с племенами Печорского и Вычегодского края и северного Зауралья [10].

В связи с интенсификацией работ по проекту «Тайга» и проведением первого и единственного ядерного взрыва на данной территории (1971) [2], археологические исследования были приостановлены и продолжены лишь в 1973 г., когда В. П. Денисовым были осуществлены раскопки поселения Чирва II на площади 84 кв. м и стоянки Поздеевское Озеро I на площади 120 кв. м. На последнем памятнике выявлены остатки грунтовых очагов и хозяйственные ямы различных исторических эпох, а также христианское погребение с нательным крестом. Обнаружен богатый материал различных исторических эпох – неолит (камская неолитическая культура с гребенчатой керамикой), энеолит (гаринская культура), бронза (лебяжская и гамаюнская культуры), ранний железный век (ананьинская и гляденовская культуры), эпоха средневековья [11]. На этом интерес к изучению памятников данной территории затих.

В 2000, 2005, 2010, 2015 и 2021 гг. органы охраны памятников Пермского края проводили мониторинг состояния археологических памятников Чусовского озера и р. Березовки. Было отмечено, что антропогенная нагрузка на памятники практически не оказывается в связи с опустением данных территорий. Исключением тут выступает поселение Васюково I, где на месте бывшего хутора возник рыбацкий и охотничий кордон.

Археологическое изучение памятников возобновилось лишь в 2022 г., когда Д. А. Майстренко были проведены раскопки на поселении Чирва II. Результаты данных работ не опубликованы.

В 2024 г. отрядом Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного гуманитарно-

педагогического университета под руководством Е. Л. Лычагиной была проведена археологическая разведка с целью оценки состояния и возможностей дальнейшего исследования археологических памятников, расположенных в левобережье р. Березовки. Маршрут проходил от хутора Васюкова до устья р. Березовки и включал работы на шести объектах историко-культурного наследия – Васюково I, Чирва I–III (поселения), Поздеевское Озеро I и II (стоянки).

Проведенная разведка показала, что все осмотренные памятники перспективны для исследования. Поселения Васюково I и Чирва II являются многослойными и могут быть интересны для изучения периода неолита – раннего железного века. На памятниках Чирва I и III в будущих исследованиях стоит сконцентрировать внимание в первую очередь на изучении западин, которые трактуются как остатки древних жилищ. Особый интерес вызывает стоянка Поздеевское озеро I, на которой были зафиксированы самый мощный культурный слой и большая насыщенность находками [12].

В 2024–2025 гг. отрядами Камской археологической экспедиции Пермского государственного национального исследовательского университета под руководством М. Л Перескокова и П. С. Козьяковой также проводились археологические работы на памятниках района исследования, концентрировавшиеся на поселениях Васюково I–II. Результаты данных работ на сегодняшний день нигде не опубликованы.

Район Чусовского озера и р. Березовки также интересен для совместной работы с учеными естественно-научного профиля. Одним из таких исследований является изучение приуральских и трансуральских контактов на данной территории.

Проведенный анализ показал, что район Чусовского озера в основном использовался в рамках меридиональных связей при продвижении населения с юга на север и обратно.

В период мезолита-неолита можно говорить об освоении этого района небольшими группами охотников и собирателей, связанных с камской мезолитической и неолитической культурами, в ходе их миграции на север в бассейны рек Вычегда и Печора. В энеолите этот вектор развития отношений сохранялся.

Ситуация изменилась на рубеже II-I тыс. до н. э., когда «северные культуры» через район Чусовского озера стали продвигаться с севера на юг, в бассейн Верхней Камы. Схожая ситуация повторилась во второй половине I тыс. н. э.

Периоды «экспансии» населения северных приуральских культур (лебяжской, ванвиздинской) совпадают со временем активного проникновения в район исследования населения из таежного Зауралья (гамаюнская культура, оронтурский тип памятников). Вполне вероятно, что проникновение через Уральский хребет на Русскую равнину происходило в низовьях Оби. Далее путь проходил по многоводной Печоре [13, с. 54].

Уникальные археологические памятники Чусовского озера и р. Березовки, открытые в 60-х гг. XX в. и активно изучавшиеся, могли быть уничтожены в ходе проекта «Тайга». Однако же они сохранились, и интерес к их изучению вновь возрождается.

Археологические работы на современном методическом уровне, а также активное взаимодействие с учеными естественно-научного профиля могут пролить свет на историю развития данной территории в голоцене, взаимодействие археологических культур Прикамья, северного Приуралья и Зауралья.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Оценка морфометрических параметров озер болотных котловин севера пермского Прикамья / П. Ю. Санников, С. В. Копытов, Е. А. Игошева, Е. А. Мехоношина [и др.] // Географический вестник. – 2024. – № 2 (69). – С. 109–123.
2. Ramzaev, V. Radiological investigations at the «Taiga» nuclear explosion site: Site description and in situ measurements / V. Ramzaev, V. Repin, A. Medvedev, E. Khramtsov [et al.] // Journal of Environmental Radioactivity. – 2011. – Volume 102. – Issue 7. – P. 672–680.
3. Оборин, В. А. Отчет об археологических раскопках и разведках на севере Пермской области в 1963 г. / В. А. Оборин // Архив Института археологии Российской академии наук (ИА РАН). Ф-1. Р-1. № 2674.
4. Денисов, В. П. Отчет об археологических раскопках и разведках, произведенных Чердынским отрядом Камской археологической экспедиции в Чердынском районе Пермской области в июне-июле 1964 г. / В. П. Денисов // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2950.
5. Денисов, В. П. Отчет об археологических раскопках и разведках, произведенных Чердынским отрядом Камской археологической экспедиции в Чердынском районе Пермской области в 1965 г. / В. П. Денисов // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3103.
6. Кривоногов, Ю. И. Отчет об археологической разведке в Чердынском районе Пермской области в 1965 г. / Ю. И. Кривоногов // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3095.
7. Денисов, В. П. Отчет об археологических раскопках и разведках, произведенных Чусовым отрядом Камской археологической экспедиции в Чердынском районе Пермской области в 1966 г. / В. П. Денисов // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3531.
8. Оборин, В. А. Отчет об археологических раскопках в Пермской области в 1966 г. / В. А. Оборин // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3357.
9. Чагин, Г. Н. Отчет об археологической разведке, произведенной в Чердынском районе Пермской области в 1966 г. / Г. Н. Чагин // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3377.
10. Денисов, В. П. Список археологических памятников, обнаруженных КАЭ и экспедицией Пермского отделения ВООПИК в Чердынском районе Пермской области и Троицко-Печорском районе Коми АССР по р. Вишерка, Березовка, Молохи на Чусовском озере (1960-е гг.) / В. П. Денисов // Архив Государственной инспекции по

охране объектов культурного наследия Пермского края (ГИООКН ПК). Ф. 3. Оп. 2. Д. 220/3.
11. Денисов, В. П. Отчет об археологических раскопках и разведке Верхнекамского отряда Камской археологической экспедиции Пермского государственного университета и Областного краеведческого музея, проведенных в Чердынском, Чайковском, Чусовском и Добрянском районах Пермской области в 1973 году / В. П. Денисов // Архив ГИООКН ПК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 201/3.
12. Археологические исследования в районе озера Чусовское на территории Чердынского городского округа в 2024 г. / Е. Л. Лычагина, Д. А. Демаков, Н. С. Смертина (Батуева), А. Р. Смертин // Сб. мат. науч.-практ. конф., посв. 125-летию Чердынского краевед. музея им. А. С. Пушкина и 80-летию со дня рождения Г. Н. Чагина. – Чердынь, 2024. – С. 79–97.
13. Лычагина, Е. Л. Озеро Чусовское как место приуральских и трансуральских контактов в древности и средние века / Е. Л. Лычагина, С. В. Копытов, Д. А. Демаков // Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2024. – Выпуск 27. – С. 48–62.

References

1. Sannikov, P. Yu. Ocenka morfometricheskih parametrov ozer bolotnyh kotlovin severa permskogo Prikamya [Assessment of morphometric parameters of lakes in the swamp basins of the north of the Permian Kama region] / P. Yu. Sannikov, S. V. Kopytov, E. A. Igosheva, E. A. Mekhonoshina, E. A. Novikova [et al.] // Geograficheskij vestnik [Geographical Bull.]. – 2024. – № 2(69). – P. 109–123.
2. Ramzaev, V. Radiological investigations at the «Taiga» nuclear explosion site: Site description and in situ measurements / V. Ramzaev, V. Repin, A. Medvedev, E. Khramtsov, M. Timofeeva [et al.] // J. of Environmental Radioactivity. – 2011. – Vol. 102. – Issue 7. – P. 672–680.
3. Oborin, V. A. Otchet ob arheologicheskih raskopkah i razvedkah na severe Permskoj oblasti v 1963 g. [Report on archaeological excavations and exploration in the north of the Perm region in 1963] / V. A. Oborin // Archive of the Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences. F-1. P-1. № 2674.
4. Denisov, V. P. Otchet ob arheologicheskih raskopkah i razvedkah, proizvedennyh Cherdynskim otryadom Kamskoj arheologicheskoj ekspedicii v Cherdynskom rajone Permskoj oblasti v iyune-iyule 1964 g. [Report on archaeological excavations and explorations carried out by the Cherdynsky team of the Kama Archaeological expedition in the Cherdynsky area of the Perm region in June-July 1964] / V. P. Denisov // Archive of the Institute of Archeology, RAS. F-1. P-1. № 2950.
5. Denisov, V. P. Otchet ob arheologicheskih raskopkah i razvedkah, proizvedennyh Cherdynskim otryadom Kamskoj arheologicheskoj ekspedicii v Cherdynskom rajone Permskoj oblasti v 1965 g. [Report on archaeological excavations and explorations carried out by the Cherdynsky team of the Kama Archaeological expedition in the Cherdynsky area of the Perm region in 1965] / V. P. Denisov // Archive of the Institute of Archeology, RAS. F-1. P-1. № 3103.
6. Krivonogov, Yu. I. Otchet ob arheologicheskoj razvedke v Cherdynskom rajone Permskoj oblasti v 1965 g. [Report on archaeological exploration in the Cherdynsky area of the Perm region in 1965] / Yu. I. Krivonogov // Archive of the Institute of Archeology, RAS. F-1. P-1. № 3095.
7. Denisov, V. P. Otchet ob arheologicheskih raskopkah i razvedkah, proizvedennyh Chusovym otryadom Kamskoj arheologicheskoj ekspedicii v Cherdynskom rajone Permskoj oblasti v 1966 g. [Report on archaeological excavations and explorations carried out by the Chusov team of the Kama Archaeological expedition in the Cherdynsky area of the Perm region in 1966] / V. P.Denisov // Archive of the Institute of Archeology, RAS. F-1. P-1. № 3531.
8. Oborin, V. A. Otchet ob arheologicheskihy raskopkah v Permskoj oblasti v 1966 g. [Report on archaeological excavations in the Perm region in 1966] / V. A. Oborin // Archive of the Institute of Archeology, RAS. F-1. P-1. № 3357.
9. Chagin, G. N. Otchet ob arheologicheskoj razvedke, proizvedennoj v Cherdynskom rajone Permskoj oblasti v 1966 g. [Report on the archaeological survey carried out in the Cherdynsky area of Perm region in 1966] / G. N. Chagin // Archive of the Institute of Archeology, RAS. F-1. P-1. № 3377.
10. Denisov, V. P. Spisok arxeologicheskih pamyatnikov, obnaruzhennyh KAE i ekspediciej Permskogo otdeleniya VOOPIK v Cherdynskom rajone Permskoj oblasti i Troiczko-Pechorskom rajone Komi ASSSR po r. Visherka, Berezovka, Molohi na Chusovskom ozere (1960-e gg.) [List of archaeological sites discovered by the KAE and the expedition of the Perm Branch of the VOOPIK in the Cherdynsky area of the Perm region and Troitsk-Pechora region of the Komi ASSR along the Visherka, Berezovka, Molokhi rivers on Lake Chusovskoe (the 1960s)] / V. P. Denisov // Archive of the State Inspectorate for the Protection of Cultural Heritage of the Perm Region. F. 3. Op. 2. D. 220/3.
11. Denisov, V. P. Otchet ob arheologicheskih raskopkah i razvedke Verhnekamskogo otryada Kamskoj arheologicheskoj ekspedicii Permskogo gosudarstvennogo universiteta i Oblastnogo kraevedcheskogo muzeya, provedennyh v Cherdynskom, Chaikovskom, Chusovskom i Dobryanskom rajonah Permskoj oblasti v 1973 godu [Report on the archaeological excavations and exploration of the Upper-Kama team of the Kama Archaeological Expedition of Perm State University and the Regional Museum of Local Lore conducted in Cherdynsky, Chaikovsky, Chusovsky and Dobryansky areas of the Perm region in 1973] / V. P. Denisov // Archive of the State Inspectorate for the Protection of Cultural Heritage of the Perm Region. F. 3. Op. 2. D. 201/3.
12. Lychagina, E. L. Arheologicheskie issledovaniya v rajone ozera Chusovskoe na territorii Cherdynskogo gorodskogo okruga v 2024 g. [Archaeological research in the area of Lake Chusovskoe in the Cherdynsky town district in 2024] / E. L. Lychagina, D. A. Demakov, N. S. Smertina

(Batueva), A. R. Smertin // Sbornik materialov nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashhennoj 125-letiyu Cherdynskogo kraevedcheskogo muzeya im. A. S. Pushkina i 80-letiyu so dnya rozhdeniya G. N. Chagina [Collection of materials of the scientific and practical conference dedicated to the 125th anniversary of the Cherdyn Museum of Local Lore named after A. S. Pushkin and the 80th birth anniversary of G. N. Chagin]. – Cherdyn`. – 2024. – P. 79–97.

13. Lychagina, E. L. Ozero Chusovskoe kak mesto priuralskih i transuralskih kontaktov v drevnosti i srednie veka [Lake Chusovskoye as a place of Ural and Trans-Ural contacts in Antiquity and the Middle Ages] / E. L. Lychagina, S. V. Kopytov, D. A. Demakov // Voprosy arheologii Urala: sbornik nauchnyh trudov [Questions of the archeology of the Urals: collection of sci. papers.]. – Ekaterinburg: Ural University Publ. House. – 2024. – Issue 27. – P. 48-62.

Благодарность (госзадание):

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–68–10023, https://rscf.ru/project/23–68–10023/.

Acknowledgements (state task):

The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-68-10023, https://rscf.ru/project/23-68-10023/.

Информациях об авторах:

Демаков Денис Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института археологии и антропологии им. А. М. Белавина Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета; Scopus Author ID: 57225007533; ORCID: 0000–0002–3808–1673; SPIN-код: 8351–8408 (614990, Российская Федерация, Пермский край, г. Пермь, ул. Сибирская, д. 24; e-mail: demakov-denis@mail.ru).

Смертина Надежда Сергеевна – кандидат исторических наук, ученый секретарь Института гуманитарных исследований Уральского отделения Российской академии наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета; Scopus Author ID: 57193231896; ORCID: 0000–0003–3709–1105; SPIN-код: 4212–3151 (614990, Российская Федерация, Пермский край, г. Пермь, ул. Генкеля, д. 4; e-mail: nadiabat@yandex.ru).

Authors:

Denis A. Demakov – Cand. Sci. (History), Senior Researcher at the A. M. Belavin Research Institute of Archaeology and Anthropology of Perm State Humanitarian Pedagogical University; Scopus Author ID: 57225007533; ORCID: 0000-0002-3808-1673; SPIN-code: 8351-8408 (24, Sibirskaya st., Perm 614068, Russian Federation; e-mail: demakov-denis@mail.ru).

Nadezhda S. Smertina – Cand. Sci. (History), Scientific Secretary of the Institute of Humanitarian Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Department of Russian and World History, Archaeology of Perm State Humanitarian Pedagogical University; Scopus Author ID: 57193231896; ORCID: 0000–0003–3709–1105; SPIN-code: 4212–3151 (4, Genkel' st, Perm 614990, Russian Federation; e-mail: nadiabat@yandex.ru).

Для цитирования:

Демаков, Д. А. История изучения археологических памятников Чусовского озера и реки Березовки / Д. А. Демаков, Н. С. Смертина // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 3 (88). – С. 7–11.

For citation:

Demakov, D. A. The history of studying archaeological sites of Lake Chusovskoye and the Berezovka River / D. A. Demakov, N. S. Smertina // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2026. – No. 3 (88). – P. 7–11.

Дата поступления статьи: 30.12.2025
Прошла рецензирование: 23.01.2026
Принято решение о публикации: 30.01.2026
Received: 30.12.2025
Reviewed: 23.01.2026
Accepted: 30.01.2026

УДК 902/904
DOI 10.19110/1994-5655-2026-3-12-21

Проблема интерпретации «чудских ям» в археологии Пермского Предуралья

Половников Л. В.

Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
г. Пермь

lv_polovnikoff@mail.ru

Аннотация

Статья представляет комплексный анализ проблемы интерпретации «чудских ям» – широко распространенного понятия в фольклоре населения Пермского Предуралья. Сквозь призму историографического обзора, с привлечением дореволюционных источников и современных данных археологии, автор прослеживает эволюцию научных взглядов на эти объекты – от отождествления с жилищами-землянками и местами самопогребения чуди до современных трактовок. Предания и легенды повествуют о гибели в ямах народа, некогда населявшего данную территорию до прихода русского населения. Археологические материалы, которые накапливались продолжительное время, позволяют сделать предположение, что под термином «чудские ямы» нередко скрываются разнородные объекты, связанные с грабительскими раскопками, природными процессами или хозяйственной деятельностью и домостроительной практикой средневековых племен. В данной практике частым явлением было строительство как внутрижилищных ям-кладовок и ям-подпечий, так и сооружение ям-зернохранилищ.

Ключевые слова:

чудь, ямы, жилище, средневековье, Пермское Предуралье

The problem of interpretation of the «Chud Pits» in the archaeology of the Permian Cis-Urals

Polovnikov L. V.

Perm National Research Polytechnic University,
Perm

lv_polovnikoff@mail.ru

Abstract

The paper presents a comprehensive analysis of the problem of interpretation of the «Chud pits» - a widespread concept in the folklore of the Permian Cis-Urals population. Through a historiographical review, using pre-revolutionary sources and modern archaeological data, the author traces the evolution of scientific views on these objects, from identification with dugout dwellings and places of self-burial of the Chud to modern interpretations. Legends and folk narratives tell of the deaths in these pits of the people who once inhabited this territory before the arrival of the Russian population. Archaeological data, accumulated over a long period, suggests that the term «Chud pits» often refers to a variety of objects associated with predatory excavations, natural processes, or economic activities and house-building practices of medieval tribes. These practices frequently included the construction of both storage pits and oven-pits within dwellings, as well as the digging of grain storage pits.

Keywords:

Chud, pits, dwelling, Middle Ages, Permian Cis-Urals

Изучая дореволюционные источники, которые посвящены первым археологическим изысканиям, можно найти неоднократные упоминания о народе – чуди, некогда проживавшем на территории бывшей Пермской губернии. Чудь – собирательное название народов и племен, чаще финно-угорского происхождения, проживающих на территории Европейского Севера [1, с. 194], Урала [2] и Сибири [3, с. 26], который исчез в средневековье во времена древнерусской колонизации [4, с. 208]. Представители финно-угорского мира проживали и на территории Пермского Предуралья, и потому известия о чуди являются очень распространенными [5, с. 81].

Изучение памятников археологии Пермского Предуралья неразрывно связано с деятельностью Н. Рычкова и В. Н. Берха Первый в своих записках оставил замечание, что жителями Древней Биармии была чудь [6, с. 67–69], а уже В. Н. Берх провел первые земляные работы на городищах Искор Пянтежском и поселении Урол, которые ассоциировались у местного населения с чудью [7, с. 89–99]. Но оба исследователя не упоминали, что существует хоть какое-то родство чуди с пермяками, указывая лишь, что чудской народ проживал тут ранее.

А. Крупенин одним из первых попытался определить происхождение чуди и связал ее с финно-угорским населением, некогда проживавшим на данной территории. В качестве доказательств впервые привлечены археологические данные «…из финских племен отличалось своей многочисленностью племя Чудь. Если верить существующему в здешнем краю преданию, то эта Чудь или, как предание ее называет, "Чудаки" была древнейшею обитательницей Пермского края. Так и от Чудаков этих осталось несколько памятников <…> Эти памятники состоят из городищ <…>, курганов, кувшинов, запястьев, серег, колец, идолов и прочего. Городища дают понятие о соединен их в общества…» [8, с. 5–6].

Именно А. Крупенин положил начало изучению этнической принадлежности Пермской чуди. В дальнейшем этот вопрос в работах местных исследователей решался не всегда однозначно. Мы же не будем заострять на этом внимание, так как К. В. Моряхина и А. Н. Сарапулов в серии публикаций подробно описали периоды научных дискуссий, поэтому нет смысла переписывать уже проведенное исследование [5; 9–10]. Отметим лишь, что на современном этапе данные этнографии относят чудь к пермским финнам, а лингвистические источники и археологические артефакты указывают, что чудь – это предки угорских народов.

Одновременно с археологическим изучением начинается сбор легенд и преданий о чуди. В данных легендах часто упоминаются так называемые «чудские ямы», происхождение которых иногда описывается по-разному. В одних сюжетах данные ямы упоминаются как жилища чуди – маленькие землянки, сверху на крышу которых присыпалась земля [11, с. 43]. Еще одно объяснение в преданиях также тесно связано с исчезновением чуди, она ушла под землю в ямы, которые наблюдали на полях, в лесах, рядом с деревнями местные обыватели. В результате этого легенды стали обрастать новыми подробностями, транслирующими один из распространенных сюжетов о самопогребении [12, с. 18].

Предания о самопогребении очень широко распространены и упоминаются не одним автором: «Соорудили землянки. Спустились в них, подрубили стойки, поддерживающие потолки. Их и задавило землей» [13, с. 17]. Однако причины и способы смерти в разных источниках различаются. В одних говорится о самосожжении: «… чудь будто бы сама себя в землянках сожгла» [12, с. 18], в других речь идет об удушье: «…чудь в ямы влезла, потом все и задохнулись» [14, с. 5]. Иногда указывается причина, например приход врагов: «…когда русские пришли, чудь скрылась в ямы, подрубила столбы, на которых было укреплено покрытие этих ям, и таким образом заживо погребла себя» [2, с. 49], также приход русского населения сопровождался христианизацией: «…в ответ на это чудь вырыла ямы, спряталась в них вместе со своим имуществом отказавшись подчиняться» [15, с. 229–230]. Также причиной гибели в ямах мог быть и голод: «…говорили же, настал голодный год, вырыли ямы и столбы подрубили и сами себя там погребли» [16, с. 13]. Таким образом, несмотря на разнообразие деталей, можно увидеть общую идею о том, как целый народ добровольно уходил под землю, оставляя после себя углубления, легко читаемые в местном ландшафте. Стоит отметить, что данные предания и легенды подкреплялись археологическими находками, которые удалось обнаружить рядом или в самих ямах. Например, кости, керамику «чудские пуговицы», «оловянную посуду» [17, с. 45–46].

Исследователь Л. П. Лашук объясняет, что подобная легенда могла возникнуть вследствие того, что позднейшее население, пришедшее на ранее функционировавшие археологические памятники (могильники, городища, селища), подвергало их распашке, которая обнажала «чудские вещи». Также сказывались природные процессы – размывы берегов, оседание почвы. Так происходило знакомство христианского населения с погребальной практикой чудских людей и остатками хозяйственных и производственных сооружений. Остальное уже дополняла народная фантазия [18, с. 213]. Неудивительно, что соотношение локализации легенд о чудских ямах с археологическими памятниками совпадает и с могильниками, и с поселениями [19, с. 14–17].

Так как находки привлекали большое внимание, местные жители занимались кладоискательством, тем самым разрушая культурный слой памятников, оставляя после себя ямы. В личном дневнике А. Е. Теплоухова оставлено следующее замечание о Вакинском городище: «Яма, которую разрыли жители пограничных деревень с незапамятных времен, отыскивая будто бы сложенное имущество чудаков» [20, с. 190–191]. Автор данной статьи во время одной из археологических разведок на городище Борино в Кочевском муниципальном округе Пермского края обнаружил грабительскую яму. Анализ источников показал, что городище у местного населения ассоциируется с чудью, что жила под землей. У нее были богатства, которые остались в глубине горы после гибели легендарного народа, и сама яма существует не один десяток лет [21, с. 27]. Есть свидетельства о подкопах, прощупывании колодца: «Земля называется Курэгкар. Там де есть колодец и большой колокол внутри. Его когда-то хотели разрушить <…> Взберешься туда, на самой горе есть дыра, просунешь туда длинный шест, он там качается. Как пещера там» [22, с. 148]. Так можно объяснить происхождение подобных объектов на некоторых памятниках, которые со временем народная молва связывала с чудью.

Оплывшие ямы стали привлекать внимание исследователей. В 1884 г. В. Н. Шишонко побывал на селище «Красные села», он интерпретировал заплывшие ямы с остатками жилых построек землянок следующим образом: «…здесь по преданию, жил некогда народ Чудь <…> самые места чудских жилищ означаются ямами вроде односторонней улицы, расположенными на значительном пространстве» [23, с. 625].

Первые земляные работы на «чудских ямах» будут проведены в 1893–1895 гг. С. И. Сергеевым в Чердынском уезде. В летние месяцы 1893–1894 гг. осмотрены «чудские ямы» в 5–6 верстах ниже Усть-Игума – левого притока р. Яйвы, и ниже по течению Яйвы у деревень Вижай, Коврижки, Лубнище, Гремячиха, Жуклина, Палашир, Вогуль. У деревень Вижай, Жуклина эти ямы позднее четко будут определены как могильники, равно как между деревнями Палашир и Вогуль, хотя, по рассказам одних местных жителей, это были «чудские могилки», по рассказам других – эти ямы напоминают остатки «чудской деревни», «селища ихнего». У дер. Лубнище ямы были измерены, их длина и ширина составляли от 2 до 4 саженей. Одна из ям была раскопана траншеей, находок не найдено. Середина ямы прощупывалась железным щупом на глубину ½ аршина. У дер. Коврижки ямы имели очень большие размеры: длиной от 3 до 6 саженей, шириной от 3 до 5. Одна из ям также была раскопана траншеей, материковый слой появился уже на глубине 1 ½ аршина. Несмотря на то, что ра-

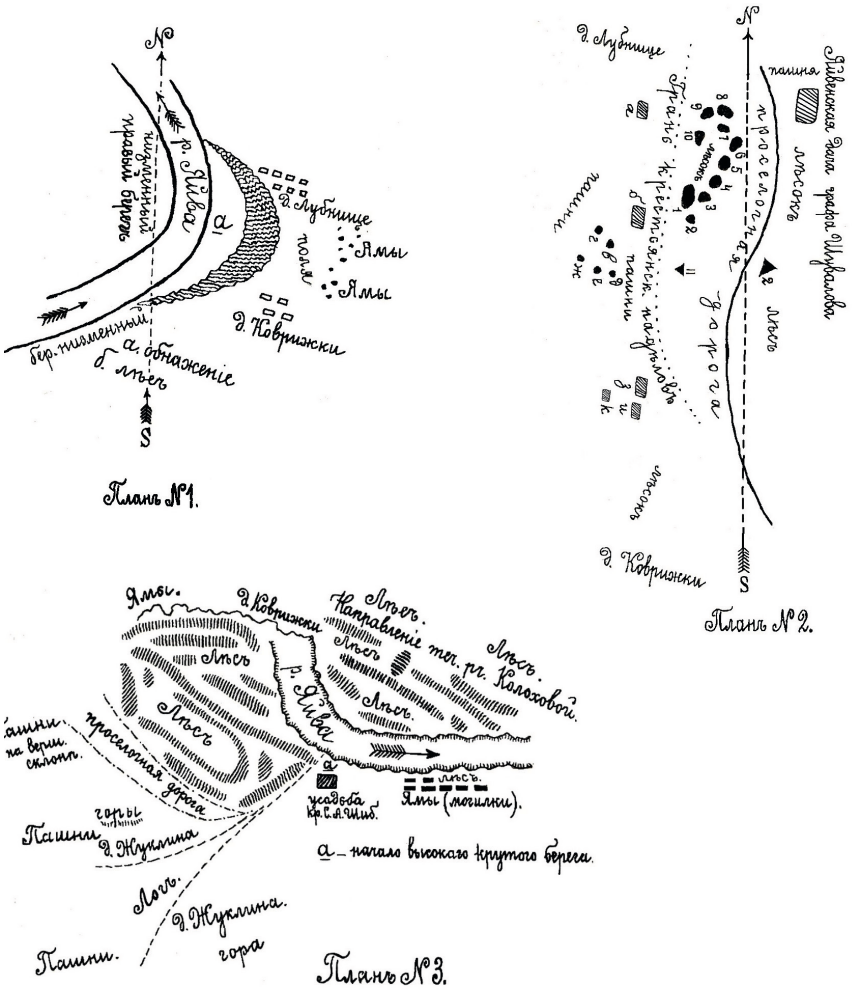

Рисунок 1. Планы с указанием обнаруженных ям С. И. Сергеевым в летние месяцы 1893-1894 годов [17, табл. 1].

Pic. 1. Plans with the indication of the discovered pits by S. I. Sergeev in the summer months of 1893-1894. [17, Table 1].

нее крестьяне рядом с ямами находили ральники, топоры, «оловянную посуду», исследователь не обнаружил даже остатков массового материала [17, с. 44–50] (рис. 1).

Научные изыскания будут продолжены в 1895 г. также в Чердынском уезде. Одни чудские ямы располагались «между Азласскими могильниками и пахотными полями в лесу», вторые – близ с. Кокорина, на правом берегу руч. Азлас, другие же – примерно в 4,5 «верстах» от с. Верх-Боровского. Общее их количество не указано, но три ямы, что находились неподалеку от с. Верх-Боровского, были раскопаны. Исследователь проводил раскопки по методике близкой тому времени, снимая землю пластами и обращая внимание на то, как эти слои могут меняться. Во время работ были обнаружены находки, в дальнейшем даны их описание, а также информация о стратиграфии: «…во всех трех ямах огнище, на глубине 2 аршин, на плотике из желтой, вязкой глины; черепки глиняной посуды, и между ними узорчатые, куски шлака и спекшиеся обломки железных предметов, железный ножичек, кусочки костей и конские зубы. В одной яме, на глубине 1 аршин, найден жернов из валуна, 8 вершков в диаметре, с отверстием в 1 вершок, сглаженный на одной стороне» [24, с. 34–36]. Что из себя представляли раскопанные объекты С. И. Сергеев не упоминает. Таким образом, если первоначальные земляные работы не подтвердилипринадлежностьчудских ям к поселенческим памятникам, то последующие уже увенчались успехом. В опыте С. И. Сергеева мы также видим попытку отделить могильники от поселенческих памятников. По меткому замечанию Н. Г. Брюховой, до того как археологи начали проводить систематические раскопки некрополей, в научных работах чаще использовалось название «чудские ямы» в качестве местоположения и могильников, и поселенческих памятников. Многие ямы были оставлены в результате деятельности местных кладоискателей либо это могли быть реальные остатки поселенческих сооружений [25, с. 75].

Неудивительно, что чудские ямы станут объектом исследования и в советское время. В период с 1917 по 1924 г. были совершены поездки по уездам Пермской губернии для осмотра и изучения уральских древностей, инициированные Пермским университетом под руководством А. В. Шмидта. Одним из итогов данной работы станет статья «О Чуди и ее гибели», в которой также будет дублирован сюжет о самопогребении чуди в ямах [2, с. 49]. Крупные археологические раскопки проводились в рассматриваемом регионе с 1933 г. Камской экспедицией ГАИМК, которой первоначально руководил также А. В. Шмидт Вместе с ним трудились такие археологи, как Н. А. Прокошев, А. В. Збруева, М. В. Талицкий. Последний из них особенно заинтересовался «чудскими ямами» на археологических памятниках.

Так, первичный осмотр памятника «Красные сёла» в 1935 г. не подтвердил наличия заплывших ям [26, с. 129], упоминаемых В. Н. Шишонко. Но заложенные шурфы открыли часть ямы-кладовки, а не жилища-землянки, хотя сам исследователь на первоначальном этапе сомневался в своих выводах. В дальнейшем М. В. Талицкий при обследовании памятников неоднократно наблюдал западины, которые идентифицировал как остатки построек. В отчете за 1938 г. по обследованию археологических памятников бассейна р. Иньва читаем: «Стариковское селище, <…> ямы в лесу на небольшой возвышенности <…> по догадке о назначении этих ям место и зовут селищем <…> ям здесь около 8»; «Ям-городище <…> на мысочке <…> несколько

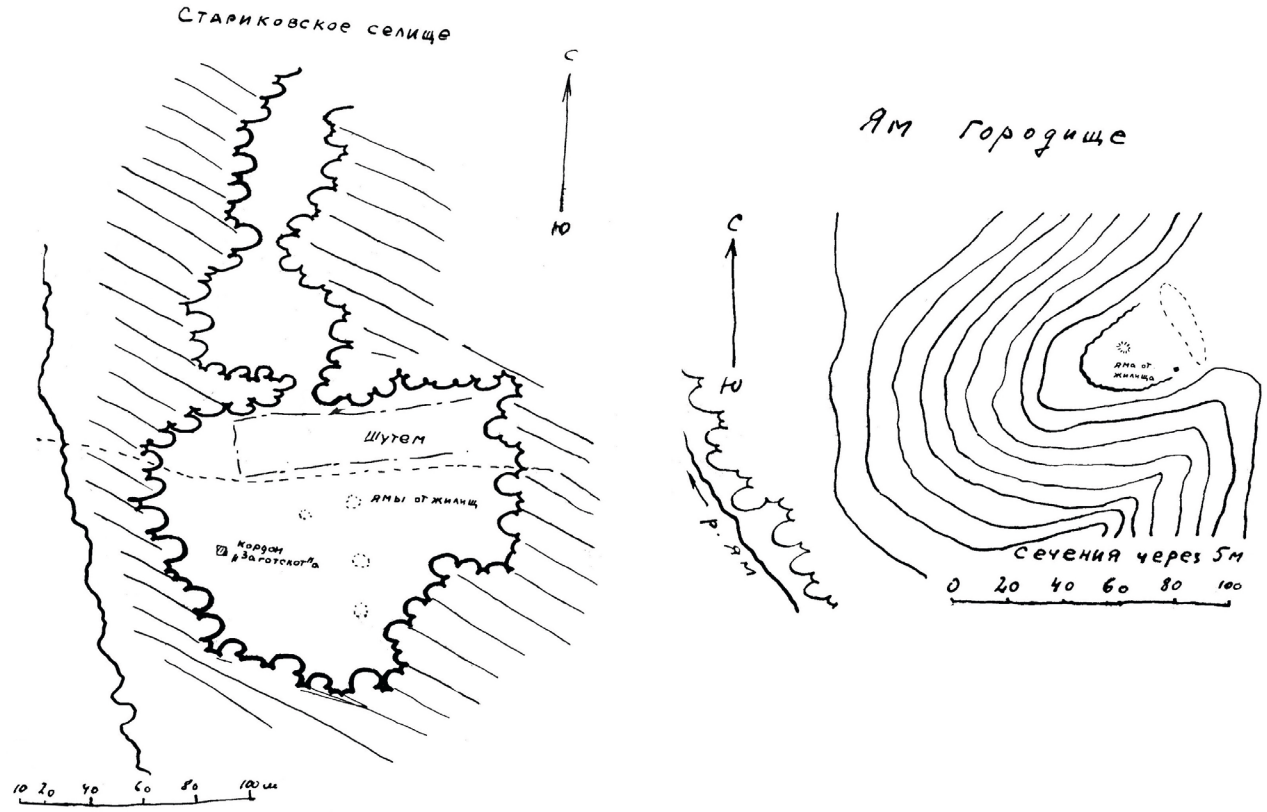

Рисунок 2. Глазомерные топографические планы, составленные М. В. Талицким, на которых отмечены оплывшие ямы [27].
Pic. 2. Dimensional topographic plans drawn up by M. V. Talitsky, which show the sunken pits [27].

ям – следов жилищ» [27] (рис. 2). В публикации 1951 г. подведен итог: «На ряде памятников в бассейне Иньвы (Стариковское селище, Ям-городище), относящихся к ломоватовской эпохе, мне приходилось наблюдать заплывшие ямы-кладовки как на Родановом городище» [28, с. 88]. Отсюда и был получен вывод, что оплывшие объекты на поле жилищами не являются. Это либо остатки внутрижилищных ям-кладовых, либо тех кладовок, которые были вынесены за пределы жилого пространства.

К сожалению, археологические изыскания М. В. Талицкого будут проходить не в тех местах, где проводил исследования С. И. Сергеев, но в 1947 г. в Чердынском районе с разведкой побывала И. А. Талицкая [29]. Чуть позднее в капитальном труде «Материалы к археологической карте бассейна р. Камы» она систематизировала архивные данные и нанесла на карту «Азласские "чудские ямы". X–XIV вв.», «Верх-Боровские "чудские ямы "», обозначив их хронологическое бытование X–XIV вв. [30, с. 135].

А. П. Смирнов в 1952 г. в работе «Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья»» выразил мнение, что заплывшие ямы, раскопанные в 1895 г. С. И. Сергеевым, не что иное, как остатки жилищ земляночного типа, которые были распространены среди прикамских племен с X в. Одним из главных маркеров принадлежности этих ям к жилым сооружениям служили «огнища на дне землянок, при которых найдены орнаментированные черепки глиняных сосудов, железные ножички, шлак, конские зубы и т. д.» [31, с. 233]. А. П. Смирнов указывает, что чаще всего жилища подобной конструкции можно встретить на неукрепленных поселениях, где проживало сельское население, нежели на городищах. Ученый обосновывал свое предположение тем, что в X в. у местных племен начинает зарождаться феодальная знать, ее местопребывание – городища, для нее характерны низкие срубные дома, наподобие жилищ Роданова городища. Сами городища представляются как ремесленные центры зарождающихся городов либо усадьбы феодальной аристократии [31, с. 200, 233]. Еще одно доказательство в пользу существования углубленных в землю жилищ у местных племен автор приводит из письменного источника – заметок арабского путешественника X в. Инб-Руста: «На зиму они поселяются в ямах, над которыми устраивают крыши, похожие на крыши христианских храмов, и покрывают их землей» [32, с. 32–33].

На данном этапе мнение А. П. Смирнова о сосуществовании двух типов жилищ: срубных на городищах, а земляночных на селищах, не является актуальным, но частично затрагивает местную домостроительную практику. Во-первых, свидетельства Инб-Руста относятся к славянским племенам, а экстраполировать описание быта одних племен на другие некорректно. Во-вторых, В. А. Обориным и Е. М. Черных доказано, что в X в. у племен Верхнего Прикамья в качестве жилищ использовался наземный дом как на селищах, так и на городищах. В таких домах была большая яма-кладовка, а иногда она выносилась за пределы жилого пространства [33, с. 78–83]. Остается объяснить, что за следы огня были прослежены в 1895 г.

Раскопки последних десятилетий поселенческих памятников Верхнего Прикамья открывают для исследователей разные хозяйственные объекты. Одни из

них – ямы-кладовки, внутри которых фиксируются следы очажных устройств в виде прокалов. А. Н. Сарапулов также предполагает, что костры в ямах разводились для просушки ямы и ее прогрева в холодное время. Подобные очаги были причиной пожаров, а впоследствии эти ямы использовались повторно для иных целей [34, с. 327]. Такие следы огня фиксировались в ямах-кладовках и на Родановом городище [28, с. 39–40], на селище Запоселье I [35, с. 186], в яме-зернохранилище с Калинского селища [36]. В работах, посвященных изучению хозяйственных построек Бартымского селища, авторы также обращают внимание на то, что в подобных ямах часто разводили огонь. Об этом свидетельствуют следы кострищ на дне и стенках [37, с. 23].

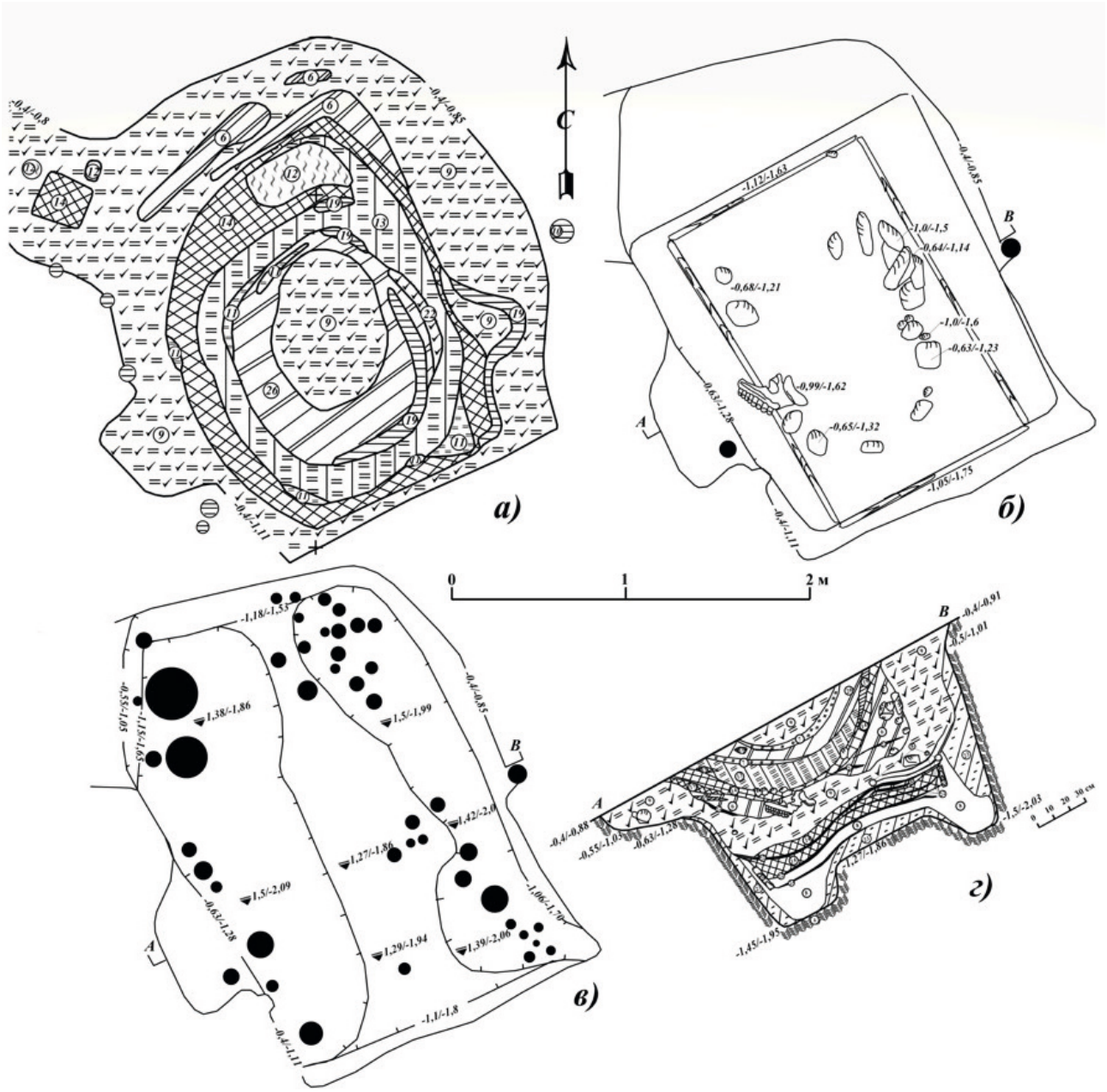

Рисунок 3. Пример печи с подпечьем [38, рис. 1].
Условные обозначения. 6 - плотная светло-коричневая глина с вкраплениями угля и золы; 7 - плотный светло-серый суглинок с примесью прокаленной глины и вкраплениями угля; 8 - мягкий светло-серый суглинок, насыщенный углем и золой; 9 - плотный пестроцветный серо-коричневый суглинок с примесью глины и вкраплениями угля; 10 - черно-серый гумусированный суглинок; 11 - рыхлая прокаленная глина; 12 – зола; 13 - плотный серый суглинок с примесью глины и вкраплениями угля; 14 - плотный серо-коричневый суглинок, насыщенный углем; 15 - плотная красная прокаленная глина; 19 - сырая светло-серая глина; 20 - древесный тлен; 22 - уголь; 23 - темно-коричневый суглинок; а) фиксация на материке; б) план ямы в процессе разборки; в) план ямы после разборки; г) профиль разреза ямы по линии А-В.
Pic. 3. Sample ovens with an underoven [38, pic. 1].
Symbols. 6 - dense light brown clay with inclusions of charcoal and ash; 7 - dense light gray loam with admixture of calcined clay and inclusions of coal; 8 - soft light gray loam saturated with charcoal and ash; 9 - dense variegated grey-brown loam with clay admixture and coal inclusions; 10 - black-gray humus loam; 11 - loose calcined clay; 12 – ash; 13 - dense gray loam with clay admixture and coal inclusions; 14 - dense gray-brown loam saturated with charcoal; 15 - dense red calcined clay; 19 - raw light gray clay; 20 - wood ash; 22 - charcoal; 23 - dark brown loam; a) fixation on the mainland; б) plan of the pit in the process of disassembly; в) plan of the pit after disassembly; г) pit section profile along line A-B.

Кроме того, в Пермском Предуралье, в эпоху средневековья начиная с XI в., в жилищах стали появляться специальные кладовые – ямы-подпечья, достигавшие глубины 2 м и более. Во время их строительства первоначально выкапывался котлован центральной части жилого пространства жилища. Над котлованом сооружали деревянный настил и ставили на него глинобитную подушку очага или сам глинобитный очаг (рис. 3). Использовались такие ямы-подпечья как место для хранения припасов и домашней утвари. После того, как жилище переставало функционировать, настил сгнивал и очаг обваливался внутрь [38, с. 125–132]. И потому на стратиграфическом срезе можно заметить следы воздействия огня, как в ямах, исследованных С. И. Сергеевым Немаловажно отметить, что при раскопках в 1954 г. и в 2016 г. на городищах Анюшкар и Роданово соответственно в ямах-подпечьях были обнаружены фрагменты жерновов [39, с. 90], как и в одной из раскопанных «чудских ям» с. Верх-Боровское. Это также наводит на мысль, что одна из чудских ям может являться либо кладовой, либо ямой-подпечьем. К сожалению, поселенческих памятников у сел Верх-Боровское и Кокорино не обнаружено, чтобы путем полноценных раскопок доказать или опровергнуть данное предположение. Но дореволюционные сведения открывают перспективы для поиска еще не выявленных археологических памятников.

Таким образом, анализ источников от дореволюционных сообщений до современных археологических данных позволяет связывать термин «чудские ямы» как собирательное фольклорно-археологическое понятие. Следы кладоискательства, разрушаемые природой могильники и поселения интерпретировались народным сознанием через легенды об исчезновении чуди. «Чудские ямы» стали привлекать исследователей, которые путем визуального осмотра и земляных работ выявляли новые археологические памятники. Особый интерес представляли оплывшие углубления на городищах и селищах, позволяли ученым предполагать функциональное назначение подобных объектов – от земляночных жилищ до ям-кладовок. Современные исследования показывают, что данные ямы не были самостоятельными жилищами, а являлись частью комплекса наземных построек. Мы не можем с полной уверенностью утверждать, что все «чудские ямы» на средневековых поселениях могут быть подобными объектами. Для этого необходимо полноценное исследование, которое будет включать сбор всех имеющихся источников, разведочные работы с целью выявления новых памятников и дальнейшие земляные работы при их обнаружении.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Агеева, Р. А. Об этнониме чудь (чухна, чухарь) / Р. А. Агеева // Этнонимы. – М.: Наука, 1970. – С. 194–203.
2. Шмидт, А. В. О Чуди и ее гибели / А. В. Шмидт// Записки Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1927. – Т. XL, вып. II. – С. 49–53.
3. Новицкий, Г. Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году / Г. Новицкий. – СПб.: Типография В. С. Балашева, 1884. – 116 с.
4. Петрухин, В. Я. Мифы финно-угров / В. Я. Петрухин. – М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 463 с.
5. Моряхина, К. В. К вопросу о классификации легенд о Пермской чуди / К. В. Моряхина // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Пермь, 2014. – № 9. – С. 81–86.
6. Рычков, Н. П. Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году / Н. П. Рычков. – СПб.: Императорская академия наук, 1770. – 202 с.
7. Берх, В. Н. Путешествие в город Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей / В. Н. Берх. – СПб.: Военная типография главного штаба, 1821. – 256 с.
8. Крупенин, А. Д. Краткий исторический очерк заселения и цивилизации Пермского края / А. Д. Крупенин// Пермский сборник. Кн. 1. – М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1859. - С. 1–45.
9. Моряхина, К. В. Складывание легенд и преданий о Пермской чуди / К. В. Моряхина, А. Н. Сарапулов // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Stadia Historica Jenium. – 2010. – № 1 (6). – С. 7–11.
10. Моряхина, К. В. Представления о «пермской чуди» в отечественной историографии / К. В. Моряхина, А. Н. Сарапулов // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Пермь, 2017. – № 13. – С. 90–100.
11. Смирнов, И. Н. Вотяки / И. Н. Смирнов // Известия общества археологии, истории и этнографии. Т. 8. Вып. 2. – Казань: Тип. Имп. ун- та, 1890. – 358 с.
12. Канева, И. А. Чудь в преданиях коми / И. А. Канева // Живая старина. – 2006. – № 2. - С. 18–20.
13. Микушев, А. К. Легенды и сказания народа коми / А. К. Микушев // Дыхание Пармы. – Сыктывкар, 1991. – С. 15–37.
14. Рочев, Ю. Г. Национальная специфика коми преданий о чуди / Ю. Г. Рочев. Сер. препринтов «Научные доклады»; вып. 124. – Сыктывкар: Изд-во КФАН СССР, 1985. – 26 с.
15. Добротворский, Н. Пермяки / Н. Добротворский // Вестник Европы. – СПб.: Типография Стасюлевича, 1883. – С. 229–264.
16. Анкудинова, М. А. Историческая память в устных преданиях коми / М. А. Анкудинова, В. В. Филиппова, Т. С. Канева. - Сыктывкар, 2005. – 158 с.
17. Сергеев, С. И. Следы чудских поселений по реке Яйве / С. И. Сергеев // Записки Уральского общества любителей естествознания. – Екатеринбург: Типография В. Н. Алексеева, П. Н. Галина, 1901. – Т. 22. – С. 44–51.
18. Лашук, Л. П. Чудь историческая и чудь легендарная / Л. П. Лашук // Вопросы истории. – 1969. – № 10. – С. 208–216.
19. Моряхина, К. В. Пространственный анализ легенд о Пермской чуди и их соотношение с археологическими памятниками / К. В. Моряхина, А. Н. Сарапулов //

Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Stadia Historica Jenium. – 2011. – № 1 (7). – С. 9–18.
20. Информационные возможности археологического дневника Теплоуховых: записи Александра Ефимовича Теплоухова (по материалам архива ИИМК РАН) / Ю. А. Подосенова, Е. Л. Лычагина, Н. Г. Брюхова, Н. С. Смертина // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – 2024. – № 25. – С. 187–195.
21. Половников, Л. В. Результаты археологической разведки в Кочёвском муниципальном округе Пермского края в бассейне реки Онолвы в 2018 году / Л. В. Половников // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – 2024. – № 24. – С. 25–32.
22. Голева, Т. Г. Предания коми-пермяков о древнем городище Курэгкар / Т. Г. Голева // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – 2021. – № 19. – С. 145–152.
23. Шишонко, В. Н. Пермская летопись 1263–1881 гг. Четвертый период. 1676–1682 гг. / В. Н. Шишонко. – Пермь: Типография Губернской Земской Управы, 1884. - 653 с.
24. Сергеев, С. И. Памятники древностей близ сел Искора, Губдора и Верх-Боровского Чердынского уезда / С. И. Сергеев // Труды Пермской ученой архивной Комиссии. – Пермь, 1897. – Т. 3. – С. 25–40.
25. Брюхова, Н. Г. Сведения о могильниках Пермского Предуралья (по материалам дореволюционных изданий) / Н. Г. Брюхова // Археология Евразийских степей. – 2025. – № 5. – С. 70–77.
26. Талицкий, М. В. Обследование по р. Чусовой / М. В. Талицкий // Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936 гг.: краткие отчеты и сведения. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. – С. 125–130.
27. Талицкий, М. В. Научный отчет о командировке (07–28.08.1938 г.). Археологические памятники бассейна Иньвы (правого притока Камы). – 1938 // Архив Коми-Пермяцкого краеведческого музея им. П. И. Субботина-Пермяка. Ф. 926. Д. 1.
28. Талицкий, М. В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. / М. В. Талицкий // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III; ред. В. Н. Чернецов. – М.: Академия Наук СССР, 1951. – № 22. – С. 33–96.
29. Кузьминых, С. В. К истории уральской археологии в послевоенные годы: письма И. А. Талицкой О. Н. Бадеру / С. В. Кузьминых, О. М. Мельникова // Археология Евразийских степей. – 2023. – № 3. – С. 343–365.
30. Талицкая, И. А. Материалы к археологической карте бассейна р. Кама / И. А. Талицкая // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Материалы и исследования по археологии СССР. – М.: Академия Наук СССР, 1952. – № 27. - С. 44–144.
31. Смирнов, А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья / А. П. Смирнов. – М.: Изд-во Академия наук СССР, 1952. – 276 с.
32. Хвольсон, Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русских Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн Даста / Д. А. Хвольсон. – СПб.: типография Императорской академии наук, 1869. - С. 15–40.
33. Черных, Е. М. Жилища Прикамья (эпоха железа) / Е. М. Черных // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. – Ижевск: УдГУ, 2008. – 271 с.
34. Сарапулов, А. Н. Новый тип средневековых хозяйственных сооружений на территории Пермского Предуралья / А. Н. Сарапулов // Археология Евразийских степей. – 2017. – № 1. – С. 324–328.
35. Крыласова, Н. Б. Археологические памятники Чашкинского озера / Н. Б. Крыласова, Е. Л. Лычагина, А. М. Белавин, С. В. Скорнякова. – Пермь: ПГГПУ, 2014. – 565 с.
36. Сарапулов, А. Н. Отчет о раскопках Калинского селища в Юсьвинском районе Пермского края в 2012 г. Архив МАЭ ПГГПУ. – 2012. - 43 с.
37. Голдина, Р. Д. Бартымский комплекс памятников эпохи средневековья в Сылвенском поречье / Р. Д. Голдина, И. Ю. Пастушенко, Е. М. Черных. – Ижевск; Пермь: УдГУ, 2011. – 340 с.
38. Крыласова, Н. Б. Особенности средневековых печей (по материалам городищ Карагайского района Пермского края) / Н. Б. Крыласова // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – 2015. – № 10. – С. 125–137
39. Сарапулов, А. Н. Средневековое земледелие Пермского Предуралья по археологическим данным / А. Н. Сарапулов. – Пермь: ПГГПУ, 2015. – 170 с.

References

1. Ageeva, R. A. Ob etnonime chud (chuhna, chuhar') [About the ethnonym Chud (Chukhna, Chuhar)] / R. A. Ageeva // Etnonimy [Ethnonyms] .– Moscow: Nauka, 1970. – P.194-203.
2. Schmidt, A. V. O Chudi i ee gibeli [About Chud and its death]/ A. V. Schmidt// Zapiski Uralskogo obshchestva lyubitelej estestvoznaniya [Notes of the Ural Society of Natural Science Lovers.]. – Ekaterinburg, 1927. - Vol. XL. Issue II. - P. 49-53.
3. Novitsky, G. Kratkoe opisanie o narode ostyackom, sochinennoe Grigoriem Novickim v. 1715 godu [Brief description of the Ostyak people, written by Grigory Novitsky in 1715] / G. Novitsky. – St. Petersburg: V. S. Balashev Printing House, 1884. – 116 p.
4. Petrukhin, V. Ya. Mify finno-ugrov [Myths of the Finno-Ugrians] / V. Ya. Petrukhin. –Moscow, AST Tranzitkniga, 2005. – 463 p.
5. Moryakhina, K. V. K voprosu o klassifikatsii legend o Permskoy chudi [To the issue of classification of legends about the Permian Chud] / K. V. Moryakhina // Trudy Kamskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii [Works of the Kama archaeological and ethnographic expedition]. – Perm, 2014, No. 9. – P. 81–86.
6. Rychkov, N. P. Zhurnal, ili Dnevnye zapiski puteshestviya kapitana Rychkova po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva v 1769 i 1770 godu [Journal, or Travel Notes of Captain Rychkov's voyage through the various provinces

of the Russian state in 1769 and 1770] / N. P Rychkov. – St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1770. –202 p.
7. Berkh, V. N. Puteshestvie v gorod Cherdyn' i Solikamsk dlya izyskaniya istoricheskih drevnostej [A trip to Cherdyn and Solikamsk to explore historical antiquities]/ V. N. Berkh. – St. Petersburg, Military Printing House of the General Staff, 1821. – 256 p.
8. Krupenin, A. D. Kratkij istoricheskij ocherk zaseleniya i civilizacii Permskogo kraya [Brief historical sketch of the settlement and civilization of the Perm Region] / A. D. Krupenin // Perm collection. Book I. – Moscow: Printing House of the Lazarev Institute of Oriental Languages, 1859. – P. 1–45.
9. Moryakhina, K. V. Skladyvanie legend i predanii o Permskoi chudi [The formation of legends and tales about the Permian Chud] / K. V. Moryakhina, A. N. Sarapulov // Vestnik nauchnoi assotsiatsii studentov i aspirantov istoricheskogo fakulteta Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta [Bull. of the Scientific Association of Students and Postgraduates of the Faculty of History of Perm State Humanitarian and Pedagogical Univ.]. Series: Stadia historica jenium. - 2010. - No. 1(6). – P. 7–11.
10. Moryakhina, K. V. Predstavleniya o «permskoj chudi» v otechestvennoj istoriografii [Ideas about the "Permian Chud" in Russian historiography] / K. V. Moryakihina, A. N. Sarapulov // Trudy Kamskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii [Works of the Kama archaeological and ethnographic expedition]. – Perm, 2017. - No. 13. – P. 90-100.
11. Smirnov, I. N. Votyaki [The Votyaks] / I. N. Smirnov // Izvestiya obshchestva arheologii, istorii i etnografii [News of the Society of Archaeology, History and Ethnography]. Vol. 8. Issue 2. – Kazan: Printing House of the Imperial University, 1890. – 358 p.
12. Kaneva, I. A. Chud' v predaniyakh komi [Chud in Komi legends] / I. A. Kaneva // Zhivaya starina [Living antiquity]. - 2006. - No. 2. - P. 18-20.
13. Mikushev, A. K. Legendy i skazaniya naroda komi [Legends and tales of the Komi people] / A. K. Mikushev // Dyhanie Parmy [Breath of Parma]. – Syktyvkar, 1991. – P. 15-37.
14. Rochev, Yu. G. Natsionalnaya spetsifika komi predanii o chudi [National specificity of Komi legends about the Chud] / Yu. G. Rochev. Seriya preprintov «Nauchnye doklady» [Series of preprints "Scientific reports"]. Issue 124. – Syktyvkar: Publ. House of the Komi Sci. Centre, USSR Ac. Sci. – 26 p.
15. Dobrotvorsky, N. Permyaki [The Permians] / N. Dobrotvorsky // Vestnik Evropy [Herald of Europe]. – St. Petersburg, Stasyulevich Printing House, 1883. – P. 229-264.
16. Ankudinova, M. A. Istoricheskaya pamyat' v ustnyh predaniyah komi [Historical memory in the oral traditions of the Komi people] / M. A. Ankudinova, V. V. Filippova, T. S. Kaneva. – Syktyvkar, 2005. – 158 p.
17. Sergeev, S. I. Sledy chudskih poselenij po reke Yajve [Traces of Chud settlements along the Yaiva River] / S. I. Sergeev // Zapiski Uralskogo obshchestva lyubitelej estestvoznaniya [Notes of the Ural Society of Natural Science Lovers]. – Ekaterinburg: Printing house of V. N. Alekseev, P. N. Galin. 1901. - Vol. 22. – P. 44-51.
18. Lashuk, L. P. Chud' istoricheskaya i chud' legendarnaya [Historical Chud and Legendary Chud] / L. P. Lashuk // Voprosy istorii [Questions of History]. – 1969. - No. 10. – P. 208-216.
19. Moryakhina, K. V. Prostranstvennyj analiz legend o Permskoj chudi i ih sootnoshenie s arheologicheskimi pamyatnikami [Spatial analysis of the legends about Permian Chud and their relationship with archaeological sites] / K. V. Moryakhina, A. N. Sarapulov // Vestnik nauchnoi assotsiatsii studentov i aspirantov istoricheskogo fakulteta Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta [Bull. of the Scientific Association of Students and Postgraduates of the Faculty of History of Perm State Humanitarian and Pedagogical Univ.]. Series: Stadia historica jenium. – 2011. - No. 1 (7). – P. 9-18.
20. Informacionnye vozmozhnosti arheologicheskogo dnevnika Teplouhovyh: zapisi Aleksandra Efimovicha Teplouhova (po materialam arhiva IIMK RAN) [Information possibilities of the Teploukhovs archaeological diary: records of Alexander Efimovich Teploukhov (based on the materials of Institute of the History of Material Culture, RAS)] / Yu. A. Podosenova, E. L. Lychagina, N. G. Bryukhova, N. S. Smertina // Trudy Kamskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii [Works of the Kama archaeological and ethnographic expedition]. – Perm, 2024. - No. 25. – P. 187-195.
21. Polovnikov, L. V. Rezultaty arheologicheskoj razvedki v Kochyovskom municipalnom okruge Permskogo kraya v bassejne reki Onolvy v 2018 godu [Results of archaeological exploration in the Kochyovsky municipal okrug of the Perm Territory in the basin of the Onolva River in 2018] / L. V. Polovnikov // Trudy Kamskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii [Works of the Kama archaeological and ethnographic expedition]. – 2024. - No. 24. – P. 25-32.
22. Goleva, T. G. Predaniya komi-permyakov o drevnem gorodishche Kuregkar [Legends of the Komi-Permians about the ancient settlement of Kuregkar] / T. G. Goleva // Trudy Kamskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii [Works of the Kama archaeological and ethnographic expedition]. – 2021. - No. 19. – P. 145-152.
23. Shishonko, V. N. Permskaya letopis' 1263-1881 gg. Chetvertyj period. 1676-1682 gg. [Perm Chronicle 1263-1881. The fourth period. 1676-1682] / V. N. Shishonko. – Perm: Printing House of the Provincial Zemstvo Administration, 1884. – 653 p.
24. Sergeev, S. I. Pamyatniki drevnostej bliz sel Iskora, Gubdora i Verh-Borovskogo Cherdynskogo uezda [Ancient sites near the villages of Iskora, Gubdora and Verkh-Borovsk Cherdyn Uyezd] / S. I. Sergeev // Trudy Permskoi uchenoi arkhivnoi komissii [Proc. of the Perm Academic Archival Commission]. – Perm, 1897. - Vol. 3. – P. 25–40.
25. Bryukhova, N. G. Svedeniya o mogilnikah Permskogo Preduralya (po materialam dorevolyucionnyh izdanij)

[Information on the burial grounds of the Perm Cis-Urals (based on pre-revolutionary publications)] / N. G Bryukhova // Arheologiya Evrazijskih stepej [Archaeology of the Eurasian Steppes]. – 2025. - No. 5. – P. 70-77.
26. Talitsky, M. V. Obsledovanie po r. Chusovoj [Survey along the Chusovaya River] / M. V. Talitsky // Arheologicheskie issledovaniya v RSFSR. 1934-1936 gg.: kratkie otchety i svedeniya [Archaeological research in the RSFSR. 1934-1936: brief reports and information]. - Moscow; Leningrad: USSR Ac. Sci. Publ. House, 1941. – P. 125-130.
27. Talitsky, M. V. Nauchnyj otchyot o komandirovke (07–28.08.1938 g.). Arheologicheskie pamyatniki bassejna In'vy (pravogo pritoka Kamy) [Sci. report on the business trip (07–28.08.1938). Archaeological sites of the Inva basin (right tributary of the Kama river)]. - 1938 // Archive of the Komi-Permian Museum of Local History named after P. I. Subbotin-Permyak. F. 926, D. 1.
28. Talitsky, M. V. Verhnee Prikamye v X-XIV vv. [Upper Kama river area in X-XIV centuries] / M. V. Talitsky // Materialy i issledovaniya po arheologii Urala i Priuralya [Materials and research on the archaeology of the Urals and Pre-Urals]. Vol. III / MIA [Materials and research on the archaeology of the USSR]. No. 22 / Ed. V. N. Chernetsov. – Moscow: USSR Ac. Sci., 1951. – P. 33-96.
29. Kuzminykh, S. V. K istorii uralskoj arheologii v poslevoennye gody: pisma I. A. Talickoj O.N. Baderu [On the history of Ural archaeology in the post-war years: letters from I. A. Talitskaya to O. N. Bader] / S. V. Kuzminykh, O. M. Melnikova // Arheologiya Evrazijskih stepej [Archaeology of the Eurasian Steppes]. – 2023. - No. 3. – P. 343-365.
30. Talitskaya, I. A. Materialy k arheologicheskoj karte bassejna r. Kama [Materials for the Archaeological Map of the Kama River Basin] / I. A. Talitskaya // Materialy i issledovaniya po arkheologii Urala i Priuralya [Materials and research on the archaeology of the Urals and Pre-Urals]. Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR [Materials and research on the archaeology of the USSR]. – Moscow: USSR Ac. Sci. Publ., 1952. - No. 27. – P. 44-144.
31. Smirnov, A. P. Ocherki drevnei i srednevekovoi istorii narodov srednego Povolzhya i Prikamya [Essays on the ancient and medieval history of the peoples of the Middle Volga and Kama Regions] / A. P. Smirnov. – Moscow, USSR Ac. Sci. Publ., 1952. – 276 p.
32. Khvolson, D. A. Izvestiya o hazarah, burtasah, bolgarah, mad'yarah, slavyanah i russkih Abu-Ali Ahmeda ben Omar Ibn Dasta. [News about the Khazars, Burtases, Bulgarians, Magyars, Slavs and Russians by Abu Ali Ahmed ben Omar Ibn Dast] / D. A. Khvolson // St. Petersburg, Printing House of the Imperial Academy of Sciences,1869. – P. 15-40.
33. Chernykh, E. M. Zhilishcha Prikamya (epokha zheleza) [Dwellings of the Kama Region (Iron Age)] / E. M. Chernykh // Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoj arheologicheskoj ekspedicii [Materials and research of the Kama-Vyatka archaeological expedition]. – Izhevsk: Udmurt State Univ. Publ., 2008. – 271 p.
34. Sarapulov, A. N. Novyj tip srednevekovyh hozyajstvennyh sooruzhenij na territorii Permskogo Preduralya [New type of medieval economic structures on the territory of the Perm Cis-Urals] / A. N. Sarapulov // Arheologiya Evrazijskih stepej [Archaeology of the Eurasian Steppes]. – 2017. - No. 1. – P. 324-328.
35. Krylasova, N. B. Arkheologicheskie pamyatniki Chashkinskogo Ozera [Archaeological sites of Lake Chashkinskoye] / N. B. Krylasova, E. L. Lychagina, A. M. Belavin, S. V. Skornyakova. – Perm, Perm State Polytechnic Univ., 2014. – 565 p.
36. Sarapulov, A. N. Otchet o raskopkah Kalinskogo selishcha v Yusvinskom rajone Permskogo kraya v 2012 g. [Report on the excavations of the Kalinskoye settlement in the Yusvinsky area of the Perm Krai in 2012]. Archive of the MAE PGGPU (Museum on archaeology and ethnography, Perm State Pedag. Univ.]. 2012. – 43 p.
37. Goldina, R. D. Bartymskij kompleks pamyatnikov epohi srednevekov'ya v Sylvenskom porechye [Bartynsk complex of sites of the Middle Ages in the Silvensk riverine] / R. D. Goldina, I. Yu. Pastushenko, E. M. Chernykh. – Izhevsk, Perm: Udmurt State Univ., 2011. – 340 p.
38. Krylasova, N. B. Osobennosti srednevekovyh pechej (po materialam gorodishch Karagajskogo rajona Permskogo kraya) [Peculiarities of medieval furnaces (on the materials of the settlements of the Karagay area of the Perm Territory)] / N. B. Krylasova // Trudy Kamskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii [Works of the Kama archaeological and ethnographic expedition]. – 2015. - No. 10. – P. 125-137.
39. Sarapulov, A. N. Srednevekovoe zemledelie Permskogo Predural'ya po arheologicheskim dannym [Medieval agriculture of the Perm Cis-Urals according to archaeological data] / A. N. Sarapulov - Perm. Perm State Polytechnic Univ., 2015. – 170 p.

Информация об авторе:

Половников Леонид Вячеславович – старший преподаватель Пермского национального исследовательского политехнического университета; Scopus Author ID: 58918624300, ORCID: 0000-0003-1769-4929, SPIN-код: 9754-8218, AuthorID: 850646 (614990, Российская Федерация, г. Пермь, Комсомольский пр-кт, д. 29; e-mail: lv_polovnikoff@mail.ru).

Author:

Leonid V Polovnikov – Senior Lecturer, Perm National Research Polytechnic University; Scopus Author ID: 58918624300, ORCID: 0000-0003-1769-4929, SPIN-code: 9754-8218, AuthorID: 850646 (29, Komsomolsky ave., Perm 614990, Russian Federation; e-mail: lv_polovnikoff@mail.ru).

Для цитирования:

Половников, Л. В. Проблема интерпретации «чудских ям» в археологии Пермского Предуралья / Л. В. Половников // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 3 (88). – С. 12–21.

For citation:

Polovnikov, L. V. The problem of interpretation of the «Chud Pits» in the archaeology of the Permian Cis-Urals / L. V. Polovnikov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2026. – No. 3 (88). – P. 12–21.

Дата поступления статьи: 12.01.2026
Прошла рецензирование: 23.01.2026
Принято решение о публикации: 30.01.2026
Received: 12.01.2026
Reviewed: 23.01.2026
Accepted: 30.01.2026

УДК 902.2+902.6
DOI 10.19110/1994-5655-2026-3-22-34

Могильник Отлинский-1 (итоги раскопок 2024 года)

Белицкая А. Л.

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
belitskaia522@yandex.ru

Аннотация

В статье вводятся в научный оборот результаты раскопок 2024 г. могильника Отлинский-1, открытого в 1975 г. Л. Л. Косинской, которой было изучено одно погребение – № 6. Памятник отнесен к вымской археологической культуре, датирован XI–XIV вв.; обряд погребения определен как кремация. В дальнейшем не исследовался раскопками, однако его масштабное разрушение кладоискателями в период 2016–2020 гг. привело к необходимости проведения аварийно-спасательных работ. Раскопом площадью 64 кв. м вскрыты четыре погребения из «западной» группы захоронений – № 22–24 и 31. В итоге установлен факт неоднократного нарушения могильных ям в более раннее, чем 2010-е гг., время. Найдены костные останки двух индивидуумов и немногочисленный, сильно поврежденный погребальный инвентарь. Полученные в 2024 г. материалы позволяют скорректировать данные Л. Л. Косинской: для захоронений характерен обряд ингумации, время функционирования памятника, вероятно, XIII–XIV вв., его этнокультурная атрибуция – поздний этап вымской культуры.

Ключевые слова:

погребальный обряд, ингумация, вымская археологическая культура, поздний железный век, кладоискатели, аварийно-спасательные раскопки

Burial ground Otlinsky-1 (excavation results 2024)

Belitskaia A. L.

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
belitskaia522@yandex.ru

Abstract

The results of the excavations of the Otlinsky-1 burial ground in 2024 are introduced into scientific circulation. The site was discovered in 1975 by L. L. Kosinskaya, who studied burial № 6. The site belongs to the Vym archaeological culture, dated back to the XI–XIV centuries; the burial rite is defined as cremation. It was not further investigated by excavations, but its large-scale destruction by treasure hunters in the period 2016–2020 led to the need for emergency rescue operations. Excavation area of 64 sq. m., 4 burials from the «western» group of burials, № 22–24 and 31, were excavated. As a result, the fact of repeated disturbance of burial pits at an earlier time than the 2010s was established. The skeletal remains of two individuals and a few heavily damaged burial implements were found. The materials obtained in 2024 allow us to correct the data of L. L. Kosinskaya: the burial rite of inhumation is characteristic of the burials, the time of the site functioning is probably the XIII–XIV centuries, its ethnocultural attribution is the late stage of the Vym culture.

Keywords:

funeral rite, inhumation, Vym archaeological culture, Late Iron Age, treasure hunters, rescue excavations

Введение

Грунтовый могильник Отлинский-1[1] расположен на останце I надпойменной террасы, находящейся в отдалении от современного русла р. Вымь, в 1,1 км к ССЗ от дер. Верхняя Отла Княжпогостского района Республики Коми (рис. 1). Поверхность террасы занята невысокой эоловой дюной с двумя гривками высотой 0,8 м и понижением между ними, по которому проходит лесная дорога. На гривках находятся две группы погребений – восточная (погребения № 1–21) и западная (погребения № 22–32), выраженные на поверхности в виде неглубоких овальных впадин, ориентированных перпендикулярно длинной оси дюны – ССВ-ЮЮЗ (западная группа) или СВ-ЮЗ (восточная группа) (рис. 2).

Памятник выявлен в 1975 г. Л. Л. Косинской, в то время сотрудником Коми республиканского краеведческого музея (ныне Национальный музей Республики Коми). На поверхности террасы, в 70 м от палеорусла Выми, которое сейчас заболочено, ею зафиксировано 26 впадин, расположенных отдельными группами параллельными ее краю. Шурфом на глубину 0,4 м вскрыто одно погребение (№ 6), совершенное, по мнению Л. Л. Косинской, по обряду кремации. Аналогии погребальному инвентарю[2] (фрагменты украшений из цветного металла и бусина из глухого стекла) позволили предварительно датировать Отлинский-1 могильник XI–XIV вв. и отнести памятник к вымской археологической культуре позднего железного века [1, с. 113; 2, с. 14–16].

В 2015 г. В. Н. Кармановым было проведено обследование объекта археологического наследия (ОАН), им зафик-

[1] Памятник внесен в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, регистрационный номер – 111440072990006, поставлен на учет Указом Президента РФ № 176 от 20.02.1995.
В научной литературе используется название «Отлинский I могильник», однако в данной статье наименование дано в соответствии с ЕГРОКН.

[2] Коллекция Национального музея Республики Коми НМРК КП-6068/1–4.

сированы 32 впадины, включая исследованную в 1975 г., и установлена граница его территории. Она проведена по подножию дюны, на которой расположены погребения, и представляет собой неправильный четырехугольник площадью 0,79 га. Состояние сохранности памятника было признано удовлетворительным [3, с. 45–46].

В 2021 г., во время очередного мониторинга физического состояния ОАН, Управлением Республики Коми по охране объектов культурного наследия на территории Отлинского-1 могильника зафиксированы многочисленные следы грабительских действий кладоискателей, совершенных в период 2016–2020 гг. Закопушками или более масштабными вкопами, охватывающими всю видимую поверхность впадин, нарушено 17 из 32 объектов; разрушения прослеживаются и в межмогильном пространстве. Наличие столь масштабных повреждений и отсутствие данных о погребальном обряде Отлинского-1 могильника обусловили необходимость проведения в 2024 г. аварийно-спасательных работ. Раскопом площадью 64 кв. м в «западной» группе было вскрыто четыре наиболее пострадавших от рук кладоискателей захоронения – № 22–24, 31 (фото 1, 2).

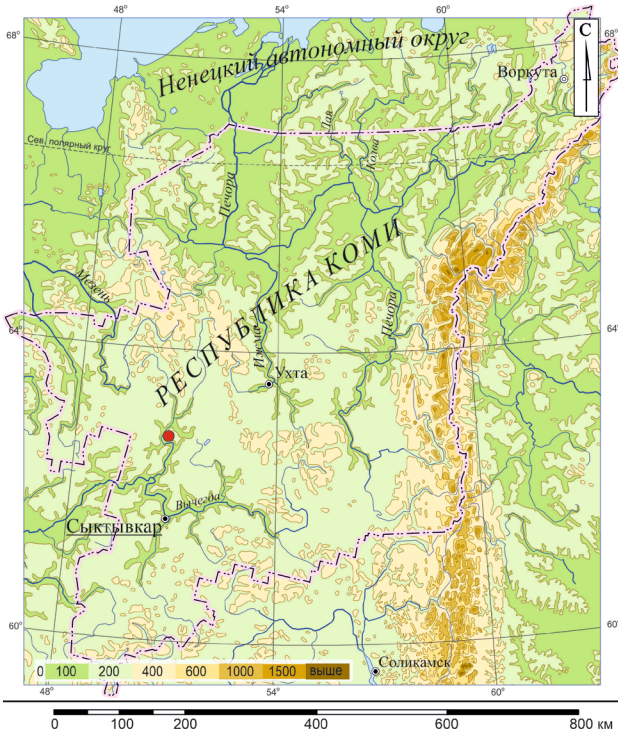

Рисунок 1. Месторасположение объекта археологического наследия «Могильник Отлинский-1».
Pic. 1. Location of the archaeological heritage site «Burial ground Otlinsky -1».

Характеристика памятника

Участки территории, подвергшиеся наиболее активному антропогенному воздействию, находились на гребне дюны, в центральной и западной частях раскопа. Его следы фиксировались в виде сооружения в древности объектов – погребений, и их разрушений в последующее время. Следы деятельности по организации некрополя и его дальнейшей трансформации отразились как в стратиграфии почвенных слоев, так и в планиграфии расположения культурных остатков.

Последовательность вскрытых раскопом 2024 г. почвенных отложений типична для иллювиально-железистых подзолов Европейского Севера России и однообразна, за исключением участков, подвергшихся наиболее интенсивному антропогенному влиянию. По всей площади раскопа наблюдаются три основных слоя: слаборазвитая растительная лесная подстилка с хвойным опадом, белесый оподзоленный песок (элювиальный горизонт), мощность которого варьирует, и желтый песок с ожелезнениями, светлеющий по мере углубления (иллювиальный горизонт). Белесый песок представляет собой культуровмещающие отложения, древнюю или современную дневную поверхность; желтый песок – нетронутые отложения, так называемый «материк». Все остальные слои, выявленные в 2024 г., являются их модификацией и результатом сочетания механического и геохимического факторов. Это:

– пылеватый светло-желтый грунт – перемещенный иллювиальный песок, выкид при обустройстве погребений;

Фото 1. Могильник Отлинский-1. Вид на территорию памятника с погребениями № 22, 31, пострадавшими от действий кладоискателей. Снимок с ЮЮЗ.
Photo 1. Burial ground Otlinsky -1. View of the territory of the site with burials No. 22, 31, affected by the actions of treasure hunters. Photo from the South-South-West.

Фото 2. Могильник Отлинский-1. Вид на территорию памятника с погребениями № 23, 24, пострадавшими от действий кладоискателей. Снимок с Ю.
Photo 2. Burial ground Otlinsky-1. View of the territory of the site with burials No. 23, 24, affected by the actions of treasure hunters. Photo from the South.

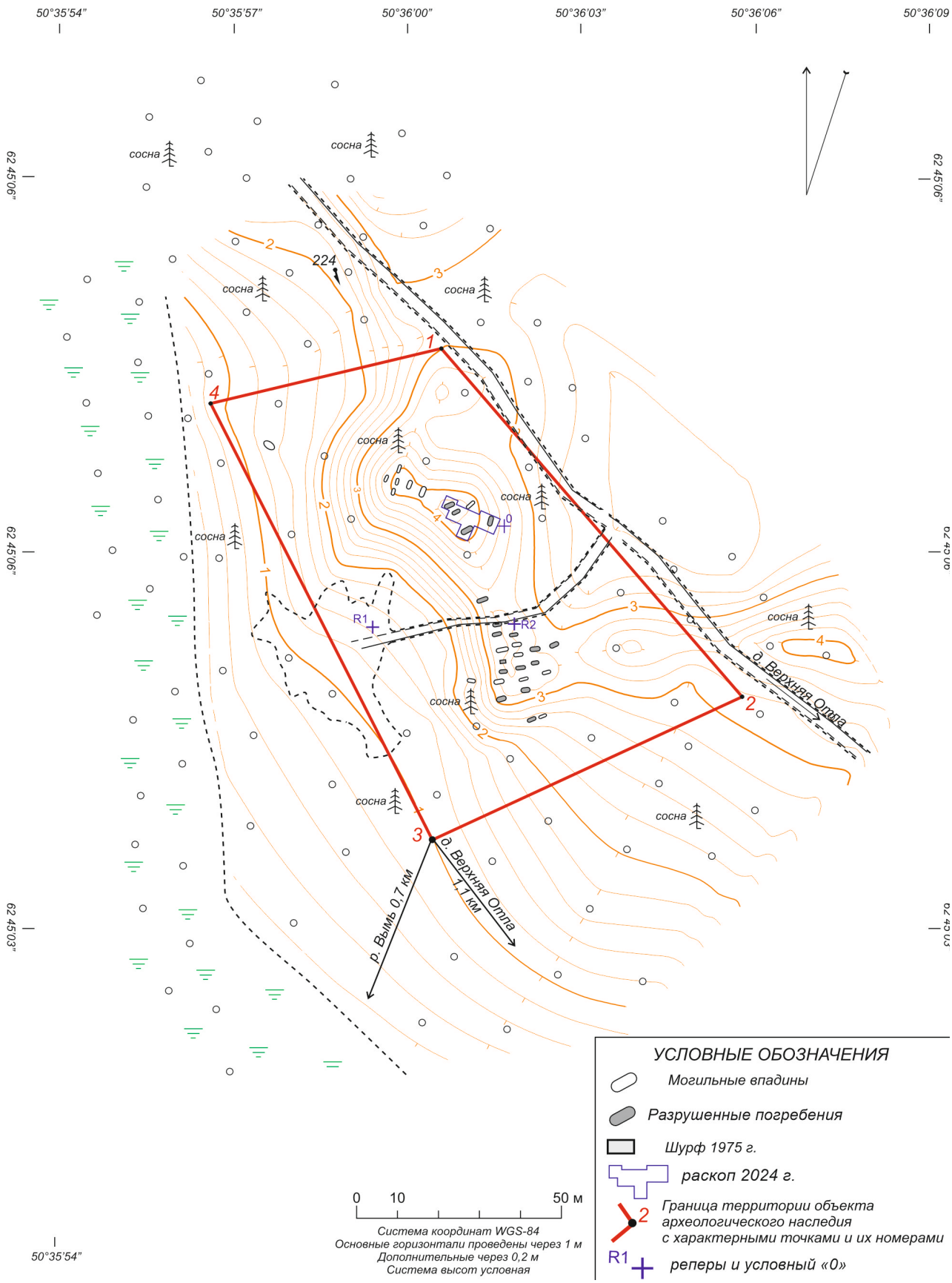

Рисунок 2. Объект археологического наследия «Могильник Отлинский-1». Инструментальный ситуационный план В. Н. Карманова (2015), дополнения А. Л. Белицкой (2024).

Pic. 2. Archaeological heritage site «Burial ground Otlinsky -1». V. N. Karmanov's instrumental situational plan (2015), additions by A. L. Belitskaya (2024).

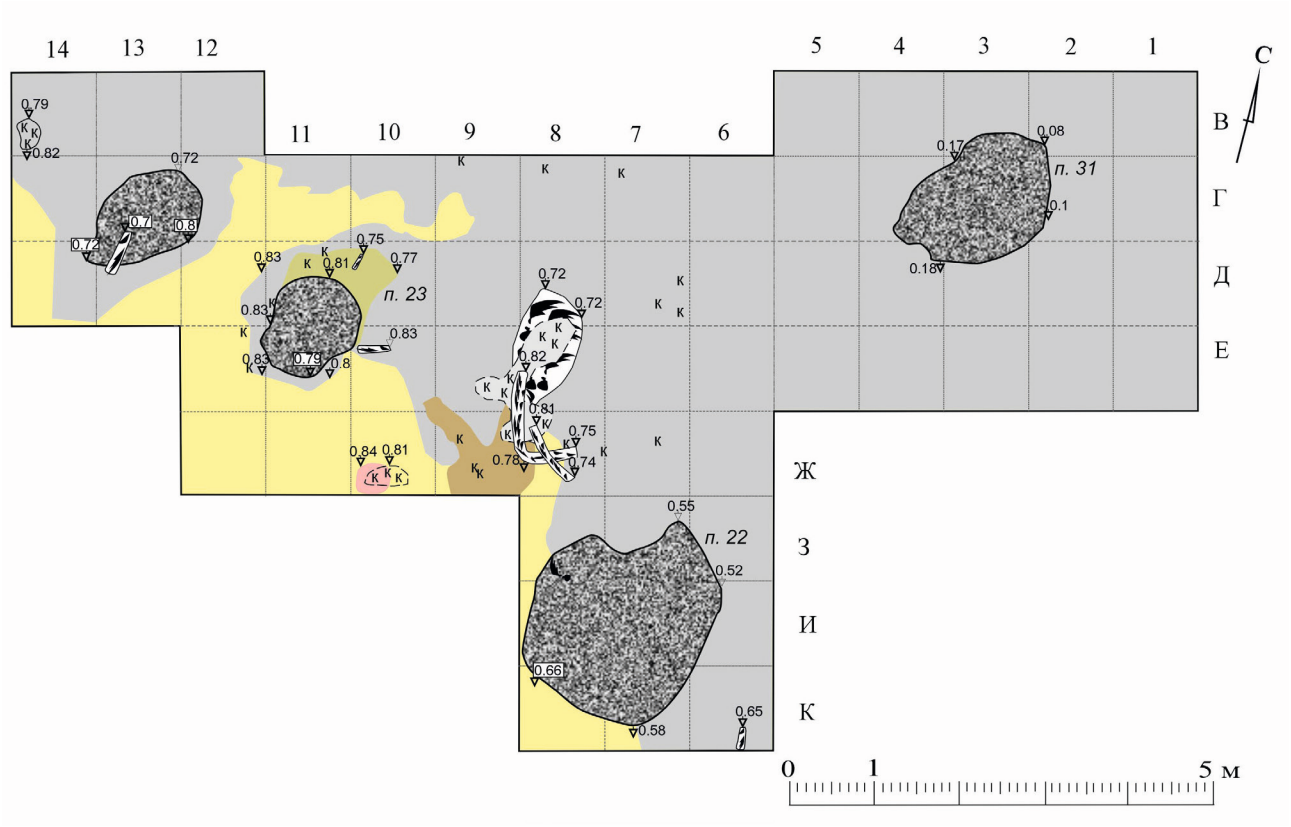

Рисунок 3. Могильник Отлинский-1. Чертеж поверхности раскопа на уровне I горизонта (0-15 см).
Pic. 3. Burial ground Otlinsky -1. Excavation surface drawing at the level I of horizon (0-15 cm).

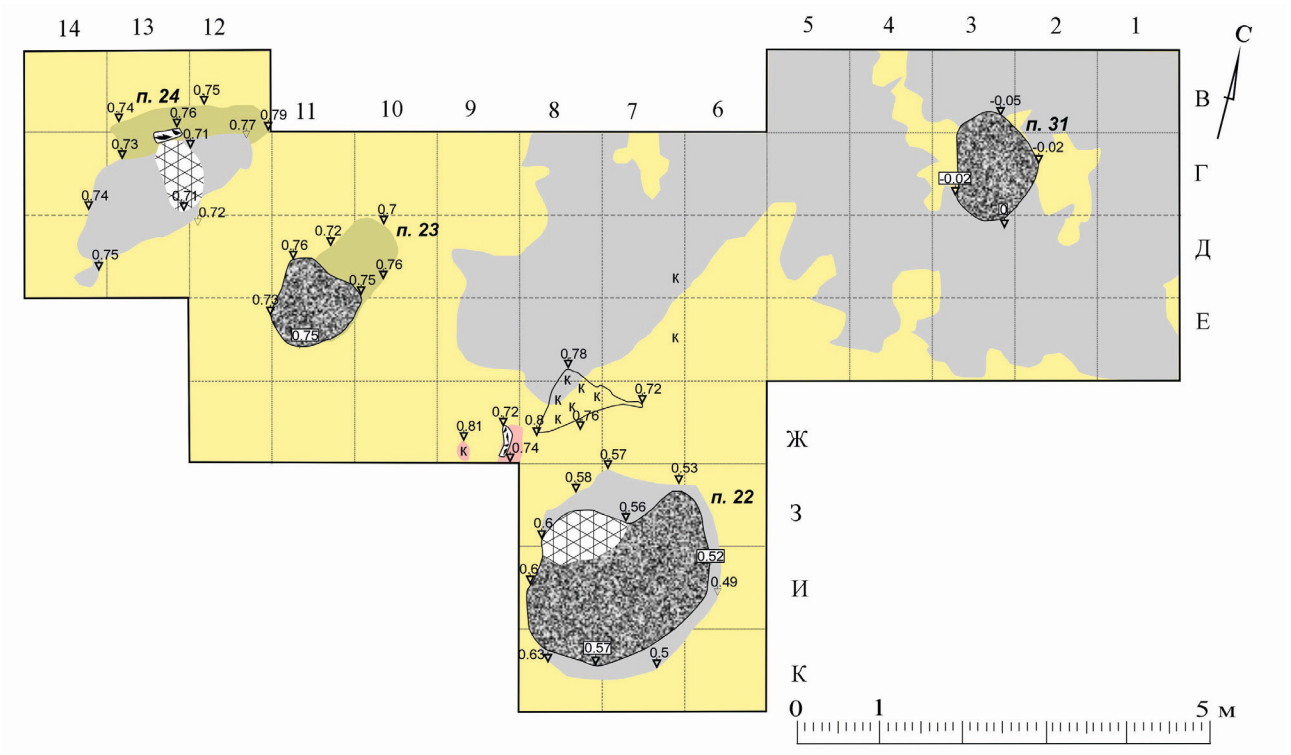

Рисунок 4. Могильник Отлинский-1. Чертеж поверхности раскопа на уровне II горизонта (15-25 см).
Pic. 4. Burial ground Otlinsky -1. Excavation surface drawing at the level II of horizon (15-25 cm).

– рыхлый смешанный белесо-желтый песок с включениями – заполнение погребений и грабительских вкопов. В последних наблюдается интенсивное прорастание корней кустарничковых растений, чем они выделяются в плане;

– рыхлый смешанный желто-сероватый песок, следы грабительского выкида второй половины XIX – начала XX в. из погребений, перекрывшего древнюю дневную поверхность;

– рыхлый светло-серый песок, перемешанный с эластичным органическим веществом. Генезис слоя неясен, предположительно, это переотложенная лесная подстилка, представленная сфагнумом, перемешанная с грунтом (выкид из погребения?) в неустановленное время;

– рыхлый песок розоватого цвета. Происхождение неясно, цвет может быть следствием каких-то геохимических процессов в результате взаимодействия с органикой, в том числе с обугленными плахами и фаунистическими остатками, выброшенными из погребения № 22.

Культурные остатки за пределами погребений содержались преимущественно в белесом песке, на глубине до 0,3 м (I–III условные горизонты) (рис. 3, 4). Оподзоленный песок покрывал площадь раскопа после снятия дерна. На его фоне выделялись неоднородные по цвету вытянутые пятна – контуры погребений № 22–24. На участках, куда кладоискатели откидывали грабительский отвал из погребений № 22 и 24, найдены скопления мелко раздробленных кальцинированных костей и обломки обугленных плах (фото 3). Наиболее вероятно, что это следы разрушений,

Фото 3. Могильник Отлинский-1. Скопление мелких кальцинированных костей на уровне I горизонта (0-15 см), кв. Ж-10. Снимок сверху.
Photo 3. Burial ground Otlinsky -1. Accumulation of small calcified bones at the level I of horizon (0-15 cm), sq. Ж-10. Photo from above.

Фото 4. Могильник Отлинский-1. Остатки обугленной плахи из погребения № 22 на уровне IV горизонта (35-45 см), кв. К-8. Снимок сверху.
Photo 4. Burial ground Otlinsky -1. The remains of a charred block from burial No. 22 at the level IV of horizon (35-45 cm), sq. K-8. Photo from above.

совершенных во второй половине XIX – начале XX в. На современной дневной поверхности эти следы не фиксировались и были хорошо задернованы. Единственная прослеженная закономерность в их размещении – расположение к ССЗ от погребения № 22.

В ходе работ стало ясно, что имеющиеся данные как об обряде погребения, так и о степени воздействия на объекты памятника крайне ограничены, и картина на самом деле гораздо сложнее. Во-первых, наряду с кладоискательскими вкопами 2016–2020 гг., были выявлены следы разрушений, совершенных гораздо ранее, и, вероятно, неоднократно. Современные разрушения, за исключением тех, что уничтожили погребение № 31, были компактными и имели вид неглубоких закопушек. Они не нанесли большого ущерба могильным ямам, так как пришлись на более старые нарушения, которые могли быть совершены во второй половине XIX – начале XX в. В это время среди местных крестьян был распространен поиск «чудских древностей» для их дальнейшей продажи [4, с. 42]. Эти вкопы, в отличие от современных, более обширные и глубокие, охватывали всю могильную яму, как в случае с погребением № 22. Помимо них, встречены компактные глубокие ямки, которые до начала земляных работ не фиксировались на поверхности, как в случае с погребениями № 23 и 24. Это говорит в пользу значительного срока произведенных нарушений. Возможно, они были совершены вскоре после погребения умершего.

Во-вторых, было установлено, что глубина погребений в два раза больше, чем вскрытая Л. Л. Косинской в 1975 г., и ниже слоя мелких кальцинированных костей находятся ингумированные останки умерших. Этот факт меняет существовавшие представления о погребальном обряде Отлинского-1 могильника.

Погребения

В ходе полевых работ 2024 г. изучено четыре погребения в западной части Отлинского-1 могильника – № 22–24 и 31.

Погребение № 22 (кв. З-К/6–8) (рис. 5) располагалось южнее основного ряда могильных ям и было выражено на поверхности до начала земляных работ в виде аморфной задернованной впадины размерами 200 х 194 см, ориентированной по линии С-Ю. У ее западного края дерн отсутствовал: именно на эту часть пришелся грабительский вкоп 2016–2020 гг. размерами 100 х 63 х 30 см. С юго-восточной и восточной от ямы сторон подзол был перекрыт смешанным желто-сероватым песком – остатками отвала кладоискателей второй половины XIX – начала XX в.

На III условном горизонте в материковом песке желтого цвета оконтурилась яма овальной формы, ориентированная по линии ССВ-ЮЮЗ. Вероятно, в момент совершения захоронения могила была перекрыта в верхней части настилом из обугленных досок, остатки которых лежали на ее южном краю (фото 4). Другие части деревянной конструкции оказались отброшены вместе с кальцинированными костями за южный край и к ССЗ от нее.

Контуры практически всей могильной ямы нарушены двумя грабительскими вкопами, один из которых разрушил ее северную часть, второй – центральную. Северный, размерами 46 х 80 см, читался как пестрое, овальное пятно,

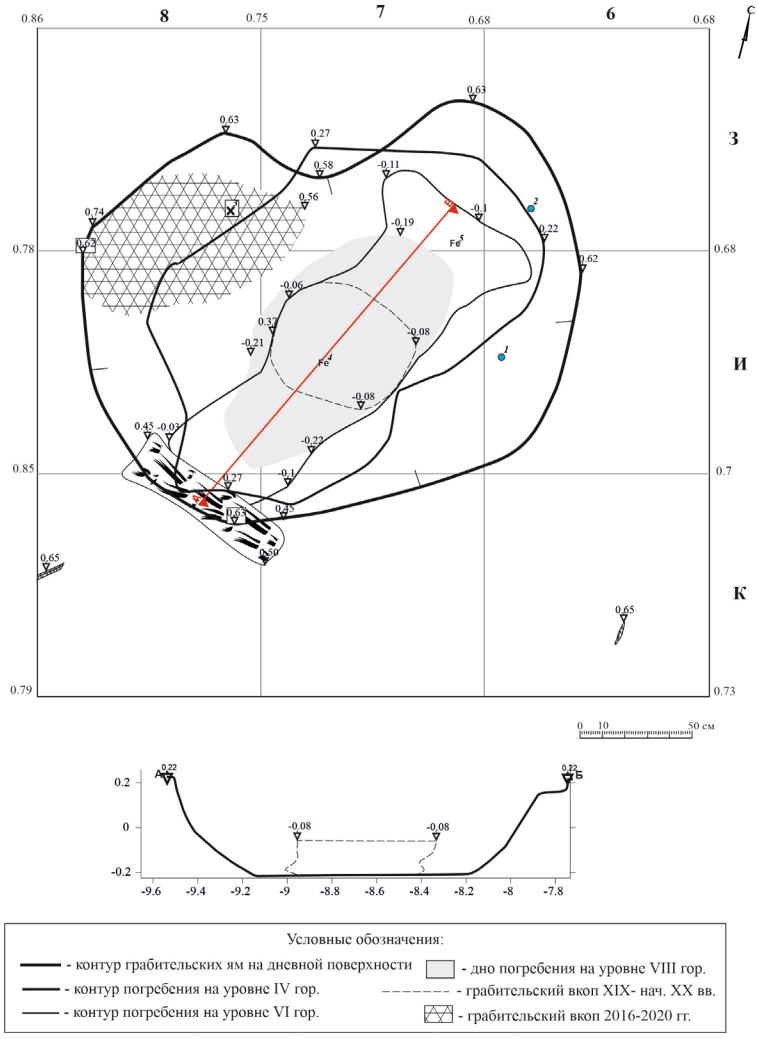

Рисунок 5. Могильник Отлинский-1. Чертеж погребения № 22 и его продольный профиль: *1, 2* – стеклянная бусина (гл. 0,47 и гл. 0,36 м соответственно); *3* – кремневый осколок (гл. 0,29 м); *4* – фрагмент железного кольца (гл. -0,05 м); *5* – железное изделие, деталь крепления(?) (гл. -0,25 м).

Pic. 5. Burial ground Otlinsky-1. Drawing of burial No. 22 and its longitudinal profile. *1, 2* – glass bead (depth 0.47 m; depth 0.36 m), accordingly; *3* – flint fragment (depth 0.29 m); *4* – fragment of an iron ring (depth -0.05 m); *5* – iron product, fastening part(?) (depth -0.25 m).

вытянутое по линии ВЮВ-ЗСЗ. Его заполнение практически идентично заполнению погребения – смешанный белесо-желтый песок. Следы центрального вкопа размерами 62 х 55 см сохранились в виде овального пятна белесого смешанного песка с большим количеством корней в заполнении, вытянутого по линии ССЗ-ЮЮВ. Оба вкопа достигают дна могильной ямы.

Глубина погребения № 22 могла составлять до 0,7 м, сохранившаяся часть имеет размеры около 124 х 57 см. Судя по контуру на дне, оно было овальной формы, ориентировано по линии С-Ю. Всего длина погребения могла составлять около 157 см. Костные останки не найдены.

У восточной стороны погребения в заполнении на разной глубине находились две стеклянные бусины – серебростеклянная(?) (рис. 6, *1*) и полупрозрачная синяя (рис. 6, *2*). В грабительском вкопе 2016–2020 гг. лежал кремневый осколок. Центральный вкоп содержал на дне фрагмент железного кольца (рис. 6, *14*), северный – железное изделие неясного назначения (рис. 6, *13*).

Судя по цвету заполнения, перемещенным деревянным конструкциям, отсутствию в пределах захоронения костей как сырых, так и кальцинированных, бессистемному положению находок, погребение № 22 разрушалось неоднократно, до дна. Вероятно, наибольший ущерб нанесли кладоискатели второй половины XIX – начала XX в. Действия грабителей периода 2016–2020 г. носили локальный характер и затронули верхи старого вкопа без существенного урона остаткам самого погребения.

Погребение № 23 (кв. Г–Е/10–12) (рис. 7) находилось на вершине дюны. На поверхности до начала работ выделялся грабительский вкоп в виде овальной задернованной впадины размерами 150 х 100 см, ориентированной по линии С-Ю. Закопушка периода 2016–2020 гг. размерами 40 х 40 х 30 см была наложена на ее западную сторону, а нетронутая часть погребения находилась к северу, в виде полуовального пятна серо-коричневого песка.

Могильная яма ориентирована по линии ССВ-ЮЮЗ, нетронутая часть размерами 110 х 60 см и глубиной до 80 см. На ее дне исследованы останки погребенного, лежавшего скорченно на правом боку головой на север. Сохранились прядь волос, череп с нижней челюстью, ребра, тазовые кости, кости конечностей, несколько позвонков и фаланги пальцев. Антропологическое определение показало, что погребение № 23 – женское, возраст индивидуума 16–19 лет[3]. Следы прижизненных травм и хронических заболеваний, которые могли бы стать причиной смерти погребенного, отсутствуют.

Под дерном были найдены остатки обугленной плахи, ориентированной по линии ЗЮЗ-ВСВ, на которой лежал фрагмент нижней части бубенчика из цветного металла с линейной прорезью и расширением на концах (рис. 6, *3*). По всей мощности заполнения погребения № 23, особенно в его нетронутой части, найдены многочисленные мелкие кальцинированные кости, а также изделия из железа и цветного металла, подвергшиеся действию огня (рис. 6, *6, 8–10*). Можно предположить, что это были украшения, но установить однозначно невозможно. Из определимых вещей найдены спиралевидные пронизки (рис. 6, *7*) и часть изделия в виде фрагмента пластинчатого стерженька, обломанного с двух сторон (рис. 6, *5*).

Погребение № 24 (кв. В–Д/12–14) (рис. 8) находилось в 1,2 м к западу от погребения № 23. Оно не было выражено на поверхности, зато к югу от него читалась впадина с остатками обугленных плах, заполненная белесым пе-

[3] Определение пола и возраста захороненных выполнено с.н.с. отдела фондов БУК Вологодской области «Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник» Т. А. Пантелеевой.

Рисунок 6. Могильник Отлинский-1. Инвентарь из раскопок 2024 года: *1, 2* – стеклянная бусина; *3* – фрагмент бубенчика из цветного металла с линейной прорезью; *4* – фрагмент грушевидного(?) бубенчика из цветного металла; *5* – стерженек из цветного металла; *6, 8-11* – оплавленное изделие из цветного металла; *7* – спиралевидная пронизка из цветного металла; *12* – накладка из цветного металла; *13* – железное изделие, шнеллер путлища седла(?); *14* – фрагмент железного кольца. *1, 2, 13, 14* – погребение № 22; *3, 5-10* – погребение № 23; *4, 11, 12* – погребение № 31.

Pic. 6. Burial ground Otlinsky -1. Inventory from the excavations of 2024. 1, 2 – a glass bead; 3 – a fragment of a bell made of non-ferrous metal with a linear slot; 4 - a fragment of a pear-shaped(?) bell made of non-ferrous metal; 5 – a rod made of non-ferrous metal; 6, 8-11 – a fused product made of non-ferrous metal; 7 - a spiral-shaped thread decoration made of non-ferrous metal; 12 - a non-ferrous metal plate; 13 - an iron product, a schneller of a saddle path (?); 14 – a fragment of an iron ring. *1, 2, 13, 14* – burial No. 22; *3, 5-10* – burial No. 23; *4, 11, 12* – burial No. 31.

ском, первоначально принятая за могильную яму. Часть ее была разрушена компактным грабительским вкопом размерами 50х56х20 см периода 2016–2020 гг.

Первые признаки погребения № 24 в виде овального пятна смешанного песка, вытянутого по лини З-В, обозначились на уровне IV условного горизонта. Оно имело овальную форму, размеры 150х70 см, наклонные стенки, и было деформировано с юга компактным вкопом размерами 40х70 см, который практически не отличался от основного заполнения погребения. Глубина погребения № 24 – до 80 см.

Останки погребенного индивидуума выявлены на V–VII условных горизонтах. Сохранились череп, кости ног и ребра. Умерший лежал скорченно на левом боку, ориентирован по линии З-В. Антропологическое определение показало, что в погребении № 24 захоронен мужчина 30–34 лет. Следы прижизненных травм и хронических заболеваний, которые могли бы стать причиной смерти погребенного, отсутствуют.

Находки из погребения № 24 представлены двумя мелкими оплавленными слитками из цветного металла, лежавшими в заполнении. Возможно, это остатки украшений, но однозначное определение не представляется возможным.

Погребение № 31 (кв. В–Д/2–4) (рис. 9) было расположено на склоне «западной» гривки к западу от основной группы ям. До начала земляных работ на его месте находился обширный аморфный грабительский вкоп, ориентированный по линии ВСВ-ЗЮЗ, окруженный выкидом. На II–III условных горизонтах вкоп приобрел овальную форму, его ориентировка изменилась – ССЗ-ЮЮВ. Вероятно, так была ориентирована могильная яма. Грабительский вкоп доходил до уровня IV условного горизонта, никаких следов могильной ямы, деревянных конструкций, костных останков на месте погребения № 31 не обнаружено. Все находки из него сделаны при просейке грабительского выкида; в основном, это оплавленные слитки неясного назначения, возможно, украшения (рис. 6, *11*), мелкая подквадратная накладка(?) (рис. 6, *12*) и грушевидный(?) бубенчик из цветного металла (рис. 6, *4*).

Инвентарь и вопросы датировки Отлинского-1 могильника

Инвентарь изученной части памятника скуден и малоинформативен, поэтому установить узкие рамки функционирования Отлинского-1 могильника на настоящем уровне исследованности невозможно. Предметы подвергались действию огня. Можно предположить, что они вместе

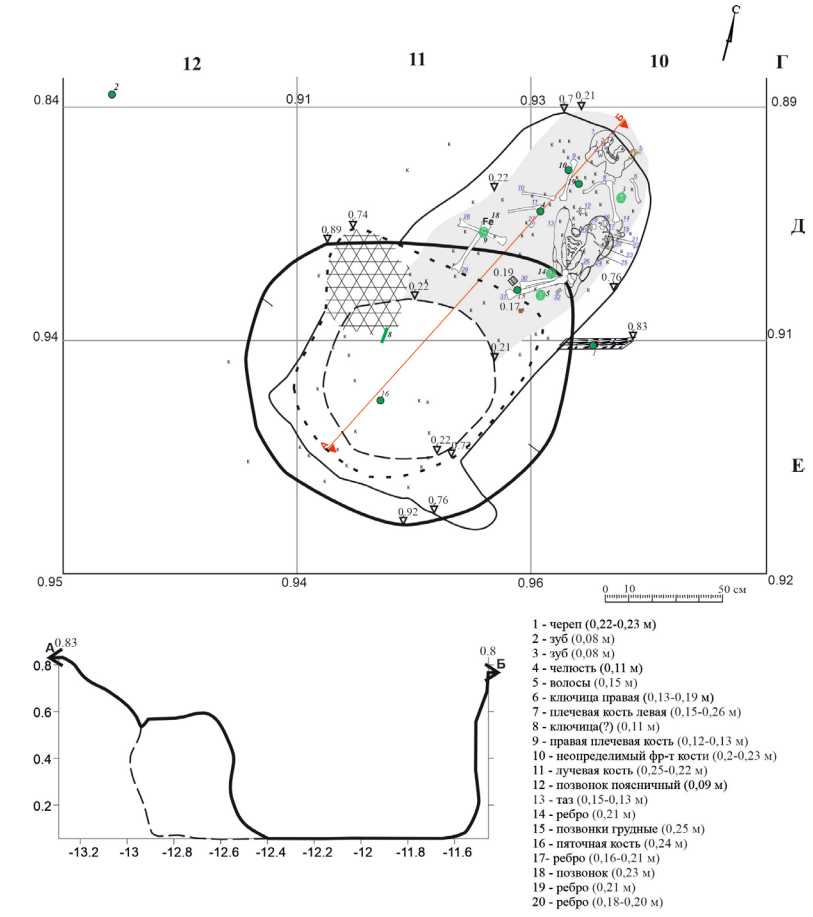

Рисунок 7. Могильник Отлинский-1. Чертеж погребения № 23 и его продольный профиль: 1 – фрагмент бубенчика (гл. 0,84 м); 2, 4, 8, 9, 11, 13 – фрагменты оплавленного украшения из цветного металла (гл. 0,75; 0,7; 0,58; 0,49; 0,37; 0,12 м соответственно); 3, 5, 7, 10 – фрагменты спиралевидной пронизки (гл. 0,77; 0,59; 0,56; 0,45 м соответственно); 6 – стерженек из цветного металла (гл. 0,6 м); 12 – фрагмент изделия из железа (гл. 0,21 м).

Pic. 7. Burial ground Otlinsky -1. Drawing of burial No. 23 and its longitudinal profile. 1 – a fragment of a bell (depth 0.84 m); 2, 4, 8, 9, 11, 13 – a fragment of a fused non-ferrous metal adornment (depth 0.75; 0.7; 0.58; 0.49; 0.37; 0.12 m); 3, 5, 7, 10 - a spiral-shaped thread decoration fragment (depth 0.77; 0.59; 0.56; 0.45 m); 6 - a rod made of non-ferrous metal (depth 0.6 m); 12 - a fragment of an iron product (depth 0.21 m).

с одеждой умершего сжигались на стороне и ссыпались в могильную яму в ходе процесса захоронения. Оружие, хозяйственные инструменты, посуда, бытовые или культовые вещи не найдены. Большая часть предметов – аморфные фрагменты неопределимых изделий, предположительно, мелких украшений.

Нет уверенности, что кремневый осколок, найденный в верхах грабительского вкопа периода 2016–2020 гг., принесен на территорию могильника преднамеренно. Но следует отметить, в погребениях Ыджыдъёльского и Вадъягского могильников тоже были найдены куски кремня.

Железное изделие неясного назначения (рис. 6, *13*), размерами 6,6 х 3,4 см, изготовлено, вероятно[4], из трех частей: верхней прямоугольной рамки, нижней пластины с загнутыми краями и штифта, который крепится посередине снизу к пластине. Внешне оно напоминает крупную пряжку без язычка или шнеллер путлища седла. Функциональная принадлежность остается неясной, но, даже несмотря на плохую сохранность вещи, можно предполагать, что она – этнографическая и относится ко времени совершения кладоискательских разрушений погребений второй половины XIX – начала XX в.

Спиралевидные пронизки (рис. 6, *7*), подобные найденным в погребении № 23, были широко распространены в железном веке в качестве разделителей в составных украшениях, поэтому считаться датирующим материалом они не могут. К последним можно отнести четыре предмета: две бусины (экземпляр из раскопок 1975 г. в коллекции Национального музея Республики Коми отсутствует) и фрагменты двух бубенчиков. Ю. Л. Щапова считает, что в домонгольское время на территории Древней Руси бусы редко носили в виде больших ожерелий, чаще шейное украшение состояло из нескольких стеклянных бус в сочетании с металлическими привесками [5, с. 86]. Вероятно, это же можно сказать о костюме населения, оставившего Отлинский-1 могильник.

Обе бусины найдены рядом с погребением № 22 на разных уровнях заполнения грабительского вкопа второй половины XIX – начала XX в. Они стеклянные, зонные, изготовлены путем навивки на основу размягченной стеклянной массы. Этот способ – серийный, для массового производства, что сильно затрудняет поиск аналогий в связи с широким распространением подобных видов бус.

Синяя полупрозрачная бусина (рис. 6, *2*) патинирована, ее размеры: высота – 0,3–0,35 см, внешний диаметр – 0,7 см, диаметр канала – 0,2 см. В погребениях других могильников вымской культуры синие бусы относятся к категории наиболее распространенных [6, с. 144–145]. По мнению Э. А. Савельевой, они встречаются на Жигановском могильнике в погребениях XII–XIII вв., а на Ыджыдъёльском могильнике входят в комплексы, датируемые XII–XIII и XIII–XIV вв. [7, с. 24–27].

На Пожегском городище найдены две бусины из темно-синего прозрачного стекла, изготовленные в технике навивки. Авторы публикации материалов городища, вслед за Ю. Л. Щаповой, указывают, что такие экземпляры характерны для X–XI вв. Однако темно-синий цвет стекла получается при использовании кобальта, который не был известен древнерусским мастерам в качестве красителя. Поэтому вплоть до XIV в. в распространении изделий из

[4] Изделие сильно коррозировано, характер крепления установить невозможно.

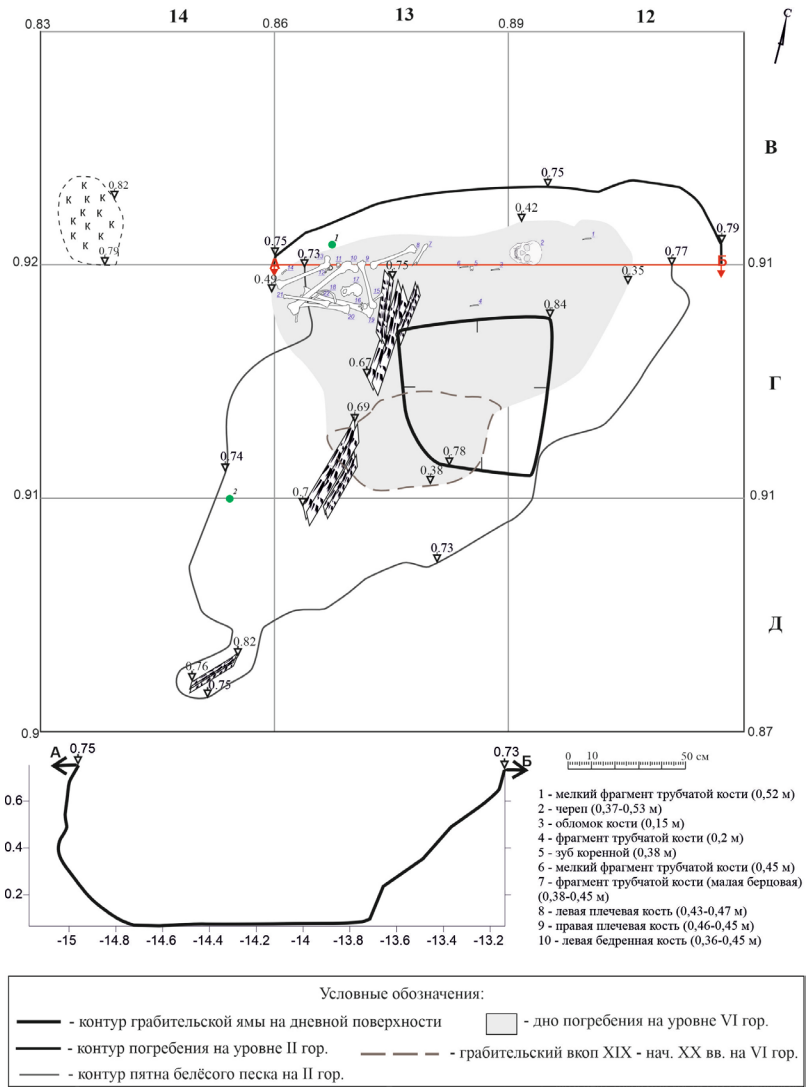

Рисунок 8. Могильник Отлинский-1. Чертеж погребения № 24 и его продольный профиль: *1, 2* – фрагменты оплавленного украшения из цветного металла (гл. 0,33; 0,77 м).
Pic. 8. Burial ground Otlinsky-1. Drawing of burial No. 24 and its longitudinal profile: *1, 2* – fragments of a fused decoration made of non-ferrous metal (depth 0.33; 0.77 m).

кобальтово-синего стекла усматривают влияние византийских и причерноморских мастеров.

В Новгороде стратиграфически выделены два варианта синих зонных бус. Первый имеет киевское происхождение и характерен для X–XI вв., источник второго, датируемого началом XII–XIV в., не установлен. В Киеве производство бус было сконцентрировано до середины XII в., после появляется несколько провинциальных центров стеклоделия, в том числе и в Новгороде [8, с. 164–165; 9, с. 80].

В материалах Старой Ладоги – древнерусского центра торговли между Европой, Востоком и финно-угорскими племенами, синие зонные бусы немногочисленны и встречаются в слоях, датируемых X–XI вв. По мнению З. А. Львовой, место их производства – северная Европа, что подтверждается немногочисленностью: ареал распространения – Скандинавия, северные и отчасти центральные районы Восточной Европы IX–XI вв. [10].

Стеклянные зонные синие бусы встречаются и на памятниках золотоордынского времени. В кочевнических погребениях они датируются второй половиной XIII–XIV в. [11, с. 206]. Для вещей из золотоордынских городов Н. Н. Бусяцкая находит аналогии в домонгольских памятниках Средней Азии, Новгороде, в слоях XII – начала XIII в., Саркеле, Херсонесе, курганах северо-западной Руси XIII–XIV вв., слоях XIII–XIV вв. Московского Кремля [12].

Таким образом, датировка синей бусины может укладываться как в рамки X–XI вв., так и XII–XIII, XIII–XIV вв. Для уточнения ее хронологической принадлежности необходим химический анализ состава стекла, который позволит установить центр производства.

Высота второй бусины – 0,4–0,45 см, внешний диаметр – 0,6 см, диаметр канала – 0,2 см (рис. 6, *1*). Степень ее сохранности хуже, чем у первой: она имеет легко отходящее серебристое покрытие, под которым полупрозрачное грязновато-желтое стекло. Способ изготовления неясен: это может быть как подвергнувшееся действию огня расслоившееся сребростеклянное, так и ложнозолотостеклянное изделие. Последними считаются бусы, покрытые серебряной фольгой и имеющие слой из прозрачного желтого стекла, за счет которого и достигается эффект золочения [9, с. 84–88]. Этим они отличаются от золото- и сребростеклянных, имеющих два слоя прозрачного стекла, между которыми помещена фольга из драгоценного металла. Сомнение в технике производства не дает возможности уверенного поиска аналогий для нее. Если это золотостеклянный экземпляр, тогда он может быть датирован X–XI, и XII–XIII, и XIII–XIV вв. [7 с. 24–27; 13, с. 85–88], в зависимости от химического состава стекла и технических особенностей их изготовления.

Изделие из цветного металла из погребения № 31 (рис. 6, *4*) также не может служить надежным хроноиндикатором для датировки Отлинского-1 могильника. Из-за отсутствия второй половины и деформации неясны вид изделия – бубенчик или привеска, а также его форма – шаровидная или грушевидная. Размеры фрагмента украшения – 1,9 х 1,2 см. Вещи, обладающие с ним сходством, встречаются на Вадъягском (погребение № 7) и Жигановском (погребение № 68) могильниках [6, с. 86, рис. 29, 36; 13, с. 286, рис. 156]. Оба памятника относятся к XII–XIV вв., к позднему этапу вымской культуры; погребение № 68 Жигановского могильника принадлежит комплексу второй половины XIII в.

От бубенчика из погребения № 23 сохранилась только нижняя часть размерами 1,5 х 1,1 см (рис. 6, *3*). Это литой тонкостенный со щелевидной прорезью экземпляр. По классификации Э. А. Савельевой он относится к типам 2

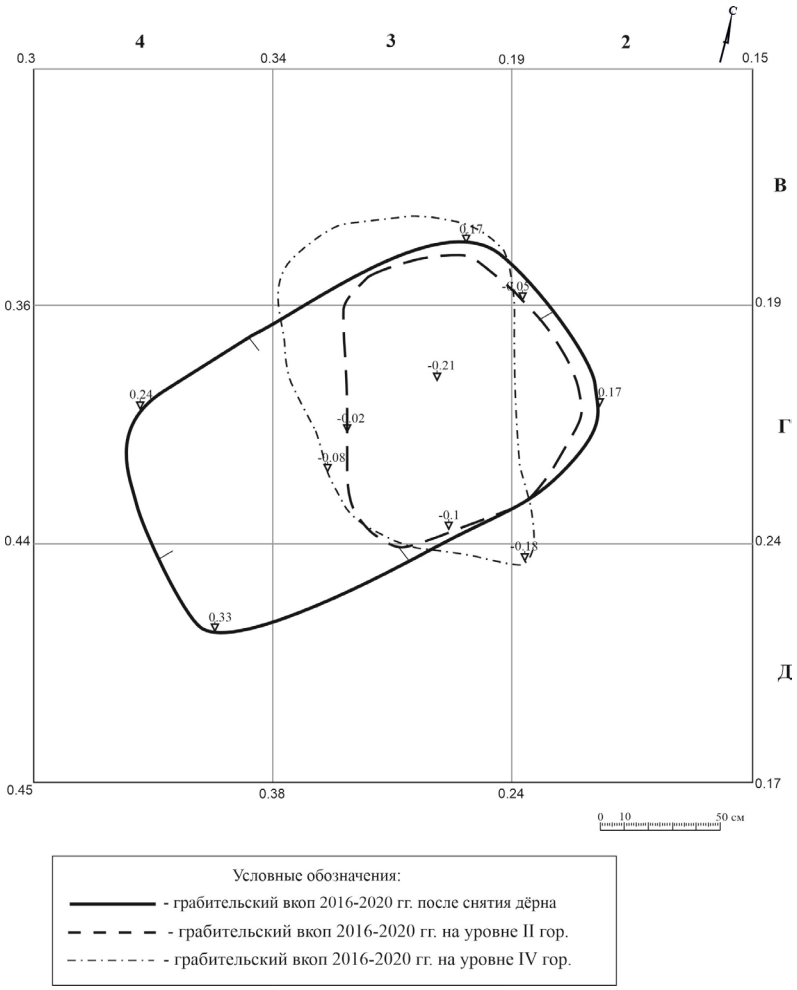

Рисунок 9. Могильник Отлинский-1. Погребение № 31.
Pic. 9. Burial ground Otlinsky -1. Burial No. 31.

или 3 [6, с. 85], более однозначно судить сложно в связи с его фрагментарностью.

Бубенчики с расширяющейся на концах прорезью были распространены на памятниках позднего периода вымской культуры. Они есть на Пожегском городище, датирующемся XII–XIV вв. [14, с 21, рис. 9, 2], упоминавшихся выше Жигановском и Вадъягском могильниках [15, с. 50]. Экземпляры украшений со щелевидной прорезью встречены в погребениях раскопа I Жигановского некрополя, датируемых, в зависимости от типа изделия, первой четвертью – первой половиной XII в. и второй половиной XIII–XIV в. [13, с. 99–100]. На памятниках Сургутского Приобья К. Г. Карачаров датирует такие бубенчики XIV в. [16, с. 211, рис. 1, 26, 27].

Э. А. Савельева указывает, что подобные украшения были характерны для северных славян [6, с. 88], вероятно, имея в виду северо-западные княжества Древней Руси. Подавляющее большинство захоронений с бубенчиками было женскими, наиболее вероятно, что они были характерны именно для женского наряда [17, с. 133].

Поскольку верх бубенчика не сохранился, то точная датировка по классификации, предложенной Ю. М. Лесманом для новгородских украшений, невозможна; остаются только общие хронологические рамки – XI–XIII вв. [18, с. 60–62]. Этой же датировки для шаровидных бубенчиков со щелевидной прорезью придерживаются В. А. Мальм и М. В. Фехнер. Временем наибольшего их распространения они считают XII в. [17, с. 136–137]. Однако тут следует отметить, что в обоих изданиях нет указания на наличие расширения на концах прорези; в иллюстрациях полной аналогии отлинскому экземпляру нет. Наибольшим сходством с ним обладают нижние части грушевидных бубенчиков с линейной прорезью и поперечным швом, которые М. В. Седова датирует второй половиной XIII–XIV в. [19, с. 156–157].

Заключение

Раскопки 2024 г. Отлинского-1 могильника дали очень интересный результат, в значительной мере изменяющий имевшиеся ранее представления об этом памятнике. Несмотря на небольшую вскрытую площадь (64 кв. м) и ограниченное количество исследованных захоронений, можно говорить о своеобразии его погребального обряда. Даже беглое сравнение показывает, изученные погребения Отлинского-1 могильника стоят особняком в ряду раскопанных ранее вымских некрополей. Здесь не встречены признаки, которые считаются господствующими среди известных памятников. Не нашли подтверждения кремация или биобрядность захоронения, напротив, оба найденных костяка похоронены по обряду ингумации в скорченной позе на боку. Ямы Отлинского-1 могильника меньше по размерам, чем на других памятниках, в них не встречены остатки внутримогильных конструкций или береста. Следами использования огня в погребальном обряде можно считать только обугленные плахи, вероятно, перекрывавшие погребение на уровне дневной поверхности, а не лежавшие на дне. Возможно, именно на них сжигали вещи умершего. Нет причин считать скопления мелких фрагментов кальцинированных костей и фрагментов обугленного дерева на территории могильника остатками поминальной тризны, синхронной времени обустройства погребений; это следы грабительских действий при разрушении ОАН.

Сходство погребального обряда Отлинского-1 и других вымских могильников проявляется в топографии и расположении могил: рядами и/или обособленными группами на песчаной дюне с ориентацией ям на палеорусло реки.

Как указывалось выше, датировка памятника затруднена из-за немногочисленности и плохой сохранности вещей, подвергшихся действию огня. В качестве предварительной даты для изученных могил Отлинского-1 могильника можно установить XIII–XIV вв. и отнести их к позднему этапу вымской культуры. Однако данная датировка во многом опирается на единственный предмет, который уверенно относится к ее развитой поре, поэтому для окончательных выводов требуется продолжение раскопок на большой площади. Скудность инвентаря, отсутствие

оружия, керамики, орудий труда, также не характерные для погребений большинства вымских некрополей, могут объясняться особенностями духовной культуры и погребального обряда, группы населения, оставившего его.

Тем не менее нужно еще раз подчеркнуть, что все намеченные тезисы имеют предварительный характер и требуют проверки дальнейшими работами на памятнике и углубленным сравнительным анализом погребального обряда Отлинского-1 могильника с другими памятниками вымской культуры.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Археологическая карта Республики Коми / отв. ред. В. Н. Карманов. – Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2014. – 416 с.
2. Научный архив Национального музея Республики Коми. Д. 460. Л. 14–16.
3. Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Р-1. № 50123, 50124. Л. 45–46, 130–143.
4. Сидоров, А. С. Памятники древности в пределах Коми края. По археологическим разведкам (Продолжение) / А. С. Сидоров // Коми му. – 1925. – № 1 (11). – С. 40–50.
5. Щапова, Ю. Л. О происхождении некоторых типов древнерусских бус / Ю. Л. Щапова // Советская археология. – 1962. – № 2. – С. 81–96.
6. Савельева, Э. А. Вымские могильники XI–XIV вв. / Э. А. Савельева. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1987. – 200 с.
7. Савельева, Э. А. Ыджыдъёльский могильник / Э. А. Савельева. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2014. – 120 с.
8. Савельева, Э. А. Бусы Пожегского городища / Э. А. Савельева, Н. А. Павлова // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье: материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 12. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1993. – С. 158–175.
9. Щапова, Ю. Л. Стекло Киевской Руси / Ю. Л. Щапова. – М.: Издательство Московского университета, 1972. – 213 с.
10. Львова, З. А. Стеклянные бусы Старой Ладоги как исторический источник / З. А. Львова / Андрей Чернов. Стихи и исследования. – URL: https://chernov-trezin.narod.ru/ZLATA_LVOVA.htm#_ftnref3 (дата обращения: 06.02.2025).
11. Курышова, Н. П. Классификация бус из кочевнических погребений золотоордынского времени / Н. П. Курышова // Поволжская археология. – 2012. – № 1. – С. 204–215.
12. Бусяцкая, Н. Н. Стеклянные изделия городов Поволжья (XIII–XIV вв.) / Н. Н. Бусяцкая. – URL: https://opentextnn.ru/history/archeology/library-archeology/busjatskaja-n-n-stekljannye-izdelija-gorodov-povolzhja-xiii-xiv-vv/?ysclid=m6ufbuxst6693680316 (дата обращения: 07.02.2025).
13. Савельева, Э. А. Жигановский могильник / Э. А. Савельева. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2010. – 456 с.
14. Савельева, Э. А. Пожегское городище / Э. А. Савельева, М. В. Клёнов. Серия препринтов «Научные доклады». Вып. 278. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1992. – 34 с.
15. Савельева, Э. А. Вадъягский могильник / Э. А. Савельева // Поселения каменного и медно-бронзового века на Печоре и Усе: материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 4. – Сыктывкар, 1973. – С. 47–66.
16. Карачаров, К. Г. Погребальная керамика Сургутского Приобья XIII–XV вв. / К. Г. Карачаров // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. – Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. – С. 205–218.
17. Мальм, В. А. Привески-бубенчики / В. А. Мальм, М. В. Фехнер // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.: Труды Государственного исторического музея; вып. 43. – М.: Советская Россия, 1967. – С. 133–148.
18. Лесман, Ю. М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) / Ю. М. Лесман // Материалы по археологии Новгорода. 1988. – Новгород: Новгородский государственный объединенный музей, 1990. – С. 29–98.
19. Седова, М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.) / М. В. Седова. – М.: Наука, 1981. – 195 с.

References

1. Arkheologicheskaya karta Respubliki Komi [Archaeological map of the Komi Republic] / Ed. V. N. Karmanov. – Syktyvkar: Komi Republican Printing House, 2014. – 416 p.
2. Nauchnii arhiv nacionalnogo muzeya Respubliki Komi [Scientific Archive of the National Museum of the Komi Republic]. D. 460. L. 14–16.
3. Nauchno-otraslevoi arhiv Instituta arheologii RAN [Scientific - Branch Archive of the Institute of Archeology, RAS]. P-1. № 50123, 50124. L. 45–46, L. 130–143.
4. Sidorov, A. S. Pamyatniki drevnosti v predelakh Komi kraya. Po arkheologicheskim razvedkam (Prodolgenie) [Ancient sites within the Komi region. On archaeological exploration (continued)] / A. S. Sidorov // Komi mu [Komi land]. – 1925. – № 1 (11). – P. 40–50.
5. Shchapova, Yu. L. O proiskhozhdenii nekotorykh tipov drevnerusskikh bus [About the origin of some types of ancient Russian beads] / Yu. L. Shchapova // Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archeology]. – 1962. – № 2. – P. 81–96.
6. Savelyeva, E. A. Vymskie mogilniki XI–XIV vv. [Vym burial grounds of the XI–XIV centuries] / E. A. Savelyeva. – Leningrad: Leningrad University Publ. House, 1987. – 200 p.
7. Savelyeva, E. A. Ydzhydelskii mogilnik [Ydzhydyel burial ground] / E. A. Savelyeva. – Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2014. – 120 p.
8. Savelyeva, E. A. Busy Pozhegskogo gorodishcha [Beads of the Pozheg settlement] / E. A. Savelyeva, N. A. Pavlova // Vzaimideystvie kultur Severnogo Priuralya v drevnosti i srednevekovye [The interaction of cultures of the Northern Pre-Urals in Antiquity and the Middle Ages]; Materials on the archeology of the European Northeast. Issue 12). – Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 1993. – P. 158–175.

9. Shchapova, Yu. L. Steklo Kievskoi Rusi [The Glass of Kiev Rus] / Yu. L. Shchapova. – Moscow: Moscow University Publ. House, 1972. – 213 p.
10. Lvova, Z. A. Steklyannye busy Staroi Ladogi kak istoricheskii istochnik [Glass beads of Staraya Ladoga as a historical source] / Z. A. Lvova / Andrei Chernov. Stikhi i issledovaniya [Poetry and Research]. – URL: https://chernov-trezin.narod.ru/ZLATA_LVOVA.htm#_ftnref3 (accessed: 06.02.2025).
11. Kuryshova, N. P. Klassifikaciya bus iz kochevnicheskih pogrebenii zolotoordynskogo vremeni [Classification of beads from nomadic burials of the Golden Horde period] / N. P. Kuryshova // Povolzhskaya arkheologiya [Volga Region Archeology]. – 2012. – № 1. – P. 204–215.
12. Busyatskaya, N. N. Steklyannye izdeliya gorodov Povolzhya (XIII-XIV vv.) [Glass products of the Volga region towns (XIII–XIV centuries)] / N. N. Busyatskaya. – URL: https://opentextnn.ru/history/archeology/library-archeology/busjatskaja-n-n-stekljannye-izdelija-gorodov-povolzhja-xiii-xiv-vv/?ysclid=m6ufbuxst6693680316 (accessed: 07.02.2025).
13. Savelyeva, E. A. Zhiganovskii mogil`nik [Zhiganov burial ground] / E. A. Savelyeva. – Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2010. – 456 p.
14. Savelyeva, E. A. Pozhegskoe gorodishche [Pozhegsk settlement]. Series of pre-prints «Scientific reports»; Issue 278) / E. A. Savelyeva, M. V. Klyonov. – Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 1992. – 34 p.
15. Savelyeva, E. A. Vadyagskii mogilnik [Vadyag burial ground] / E. A. Savelyeva // Poseleniya kamennogo i medno-bronzovogo veka na Pechore i Use [Settlements of the Stone and Copper-Bronze Age on Pechora and Usa]: Materials on the archeology of the European Northeast; Issue 4). – Syktyvkar. 1973. – P. 47–66.
16. Karacharov, K. G. Pogrebalnaya keramika Surgutskogo Priobya XIII–XV vv. [Funerary ceramics of the Surgut Ob-Region of the XIII–XV centuries] / K. G. Karacharov // Issledovaniya po srednevekovoi arkheologii lesnoi polosy Vostochnoy Evropi [Research on medieval archeology of the forest belt of Eastern Europe]. – Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language, Literature, Ural Branch, USSR Ac. Sci., 1991. – P. 205–218.
17. Mal`m, V. A. Priveski-bubenchiki [Pendants-Bells] / V. A. Mal`m, M. V. Fekhner // Ocherki po istiorii russkoi derevni X–XIII vv. [Essays on the history of the Russian village of the X–XIII centuries: Proc. of the State Historical Museum; Issue 43. – Moscow: Soviet Russia, 1967. – P. 133–148.
18. Lesman, Yu. M. Khronologiya uvelirnykh izdelii Novgoroda (X–XIV vv.) [Chronology of adornments of Novgorod (X–XIV centuries)] / Yu. M. Lesman // Materialy po arkheologii Novgoroda. 1988 [Materials on the archeology of Novgorod. 1988.]. – Novgorod: Novgorod State United Museum, 1990. – P. 29–98.
19. Sedova, M. V. Uvelirnue izdeliya drevnego Nongoroda (X–XV vv.) [Adornments of ancient Novgorod (X–XV centuries)] / M. V. Sedova. – Moscow: Nauka, 1981. – 195 p.

Благодарность (госзадание):

Исследование выполнено в рамках реализации госзадания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по теме НИР «Выявление, изучение и сохранение археологического наследия северо-востока Русской равнины» (№ ГР 1023032400490-4-6.1.2).

Автор выражает благодарность А. С. Макарову, Н. А. Конюхову, А. Р. Игушеву, Д. П. Мирошнику, П. А. Бешкареву, Е. В. Гурович, А. О. Басенко, А. И. Волкову, С. Л. Муравскому, В. Е. Сундуковой, К. О. Зоринову, участвовавшим в раскопках Отлинского-1 могильника; а также специалистам, проводившим камеральные исследования костных останков, А. Л. Бобрецову, Т. А. Пантелеевой.

Acknowledgements (state task):

The research was carried out within the frames of the state task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, on the research topic «Identification, study and preservation of the archaeological heritage of the northeast of the Russian Plain» (№ ГР 1023032400490-4-6.1.2).

Thanks to: A. S. Makarov, N. A. Konyukhov, A. R. Igushev, D. P. Miroshnik, P. A. Beshkarev, E. V. Gurovich, A. O. Basenko, A. I. Volkov, S. L. Muravsky, V. E. Sundukova, K. O. Zorinov, who participated in the excavations of the Otlinsky-1 burial ground; as well as specialists, A. L. Bobretsov and T. A. Panteleeva, who conducted cameral examinations of bone remains.

Информация об авторе:

Белицкая Анастасия Леонидовна – младший научный сотрудник сектора сохранения и популяризации археологической науки Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; Scopus Author ID: 58220542200, ORCID: 0000-0003-4773-0310, SPIN-код: 9996-9055 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: belitskaia522@yandex.ru).

Author:

Anastasiya L. Belitskaia – junior researcher, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS; Scopus Author ID: 58220542200, ORCID: 0000-0003-4773-0310, SPIN-code: 9996-9055 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: belitskaia522@yandex.ru).

Для цитирования:

Белицкая, А. Л. Могильник Отлинский-1 (итоги раскопок 2024 года) / А. Л. Белицкая // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 3 (88). – С. 22–34.

For citation:

Belitskaia, A. L. Burial ground Otlinsky-1 (excavation results 2024) / A. L. Belitskaya // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2026. – No. 3 (88). – P. 22–34.

Дата поступления статьи: 15.11.2025
Прошла рецензирование: 15.11.2025
Принято решение о публикации: 30.01.2026
Received: 15.11.2025
Reviewed: 15.11.2025
Accepted: 30.01.2026

УДК 94(470.13)
DOI 10.19110/1994-5655-2026-3-35-43

Система государственного феодализма Московского царства и товарно-денежные отношения в Коми крае XVII века. Часть II. Бизнес на исполнении государственных повинностей

Мацук М. А.

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
michailmatsuk@rambler.ru

Аннотация

Система государственного феодализма предполагала использование сил и средств черносошных крестьян для реализации важных государственных задач (освоение Сибири и транспортное сообщение центра с северными и Зауральскими территориями). Черносошные крестьяне должны были в рамках государственных повинностей выполнять ямскую гоньбу (перевозку государственных грузов и пассажиров) и поставлять хлеб в муке и крупах на жалование сибирским военнослужащим (служилым людям). Данная деятельность осуществлялась на денежные средства крестьян. Государство не платило им за это. Выполнение государственных повинностей открывало возможности для предпринимательской деятельности отдельных крестьян, что способствовало развитию товарно-денежных отношений в районе Европейского Севера России в целом и Коми края в частности.

Ключевые слова:

система государственного феодализма, Московское царство, Коми край, ямская гоньба, сибирские хлебные запасы, государственные повинности, предпринимательство, XVII век

The system of state feudalism of the Moscow Kingdom and commodity-money relations in the Komi region of the XVII century. Part II. Business in the performance of state duties

Matsuk M. A.

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
michailmatsuk@rambler.ru

Abstract

The system of state feudalism assumed the use of the labor and resources of the state peasants for the implementation of important state tasks (the development of Siberia and the transport links of the center with the northern and Trans-Ural territories). As part of state duties, state peasants had to carry out Yamskaya gonba (transportation of state goods and passengers) and supply bread in flour and cereals for the salaries of Siberian military personnel (serving people). This activity was carried out with the money of the peasants. Government did not pay them for this. The fulfillment of state duties opened up opportunities for entrepreneurial activity of individual peasants, which contributed to the development of commodity-money relations in the European North of Russia in general, and the Komi Region in particular.

Keywords:

system of state feudalism, Moscow Kingdom, Komi region, Yamskaya gonba, Siberian grain reserves, state duties, entrepreneurship, XVII century

Система государственного феодализма предполагала использование сил и средств черносошных крестьян для реализации важных государственных задач (освоение Сибири и транспортное сообщение центра с северными и Зауральскими территориями). Черносошные крестьяне должны были в рамках государственных повинностей выполнять ямскую гоньбу (перевозку государственных грузов и пассажиров) и поставлять хлеб в муке и крупах на жалование сибирским военнослужащим (служилым людям) (Сибирские хлебные запасы) [подр. см. о выполнении этих повинностей в наших работах: 1, с. 54–74; 2, с. 267–340]. Данная деятельность осуществлялась на денежные средства крестьян. Государство не платило им за это, ограничиваясь царскими указами о том, что налогоплательщики такой то территории за свой счет должны делать то, что требовала власть. Фактически затраты крестьянских миров на выполнение государственных повинностей представляли собой скрытые статьи бюджета Московского царства, что позволяло правительству, с одной стороны, получать реализацию государственных программ бесплатно для высшей власти, а с другой – освобождало правительство от введения еще более значительных налогов, которые бы шли на транспортное сообщение и на снабжение сибирских военнослужащих продуктами питания.

Черносошное крестьянство выполняло требования центральной власти, перевозило государственных пас-

сажиров и грузы, снабжало хлебом укреплявших российскую власть в Сибири военнослужащих. Для выполнения возложенных на них повинностей в волостных мирах (общинах) собирались с крестьян деньги в необходимом объеме. Если собранных денег могло не хватало, тогда сборы, например на ямскую гоньбу, проводились необходимое количество раз до накопления нужной суммы. Так, например, в 1654/55 г. устьвымский земский целовальник Матвей Яковлев сын Туркин шесть раз собирал деньги и сдавал их сам или через посыльных в Яренске земскому городовому (*всеуездному – М. М.*) старосте Кириллу Стефанову сыну Давыдову на совместную ямскую гоньбу яренчан и сольвычегодцев [3].

Когда же дело доходило до непосредственного выполнения повинности, тогда возникал вопрос о конкретном человеке, который будет делать, что требуется. Для объяснения этого необходимо кратко рассказать о сути выполняемых повинностей.

Ямская гоньба через Коми край выполнялась по трем утвержденным маршрутам. Два из них – Великий Северный путь в Сибирь (по другому – Большой Сибирский путь) с двумя направлениями. Первое направление условно назовем «южное», второе – «северное». «Южное» направление для населения Коми края начиналось в Сольвычегодске. Далее вверх по Вычегде до Виляди, потом до яма у Ильинского погоста, далее до Пыелдинского яма, затем до Ужги, далее до Кай городка, дальше до Соли Камской и в Сибирь. «Северное» начиналось от Сольвычегодска, шло по Вычегде, Выми до Турьинского (Турецкого) яма, далее волоком на р. Ижму, по ней и по Печоре и ее притокам через Урал в Сибирь. Это главные направления. Второстепенное направление – от г. Устюга Великого по р. Лузе и далее по лесной дороге до Ужги и затем по вышеописанному пути. Движение производилось от яма до яма. Там меняли лошадей или лодки (если движение проходило летом по рекам). На этих ямах стояли ямщики, принимавшие грузы и пассажиров у закончившего путь ямщика, и везли их далее. На этих ямах фиксировался каждый проезжавший. Ямщики работали год и потом собирались на свой съезд (в Яренске или Сольвычегодске) на сверку документов (счет) – сколько пассажиров и грузов перевезено и сколько на это потрачено денег. Волостные миры Яренского уезда должны были в соответствии с общеуездной раскладкой выставлять на определенные ямы конкретное число ямщиков и вносить деньги в общую сумму на выполнение этой повинности.

Организация гоньбы была неодинаковая. Так, на Турьинском яме ямской целовальник нанимал из местных желающих отвезти пассажиров, едущих из Сибири в Москву, до определенного яма (Яренск, Сольвычегодск). На Пыелдинском яме стояли так называемые «ямские охотники», нанятые волостными мирами, как находящимися на тракте или вблизи его, так и не стоявшими на Большом (Великом) Северном (Сибирском) пути.

Для описания повинности «Сибирские хлебные запасы» приведем большую цитату из нашей работы 1998 г.: «Повинность действовала около 100 лет (с 1588 по 1685–1687 гг.). Первоначально она лежала на крестьянах Пермской земли (Чердынский, Соликамский и Кайгородский уезды), Вятских уездов (Хлыновский, Слободской, Шестаковский, Орловский, Котельнический), Яренского, Сольвычегодского, Великоустюжского уездов и Устьянских волостей. Со временем правительство заменило крестьянам Устьянских волостей выполнение сибирских хлебных запасов фиксированным сбором, поступавшим в Москву. Таким образом, вся история изучаемой повинности связана с указанными поморскими уездами.

Указ о введении данной повинности был принят правительством в 1587/88 г. В состав повинности входили сбор и доставка в Сибирь (на Лозву или в Верхотурье) муки ржаной, круп и толокна, или вместо последних двух – ржи в соответствии с определенным правительством окладом, а также посылка в эти города плотников тоже по окладу для строительства речных судов, необходимых для перевозки привезенного хлеба в другие сибирские города.

В 1625/26 г. указом правительства повинность была отменена. Восстановили ее в 1631/32 г., однако не полностью. Вместо хлеба тяглецы возили деньги. Плотников в Верхотурье не посылали. С 1637 г. была восстановлена возка хлеба черносошными крестьянами в Верхотурье. С 1643 г. восстанавливается посылка плотников из Поморья для строительства дощаников в Верхотурском уезде.

Окончательная отмена повинности для большинства уездов произошла в 1685 г. Яренчане, и кайгородцы и в 1685/86 г. должны были везти в Верхотурье за сибирские хлебные запасы деньги. Для них повинность была отменена в 1687 г. [2, с. 295–296].

Оклад повинности для яренчан колебался от 400 четвертей ржаной муки, круп и толокна до 448 четвертей. В течение многих лет правительство разрешало им, как и другим поморским крестьянам, возить вместо круп и толокна рожь. Размер оклада повинности зависел от населенности и зажиточности населения волости, что фиксировалось в писцовых описаниях территории (сошное письмо). Так, крестьяне Вишерской волости (верхневычегодские волости) должны были возить на Верхотурье 2,5 четверти муки ржаной и 0,5 четверти ржи. Сысольские крестьяне – 104 четверти муки и ржи [1, с. 60, 61]. Причем оклады волостей Сысольской земли были разные, опять же в соответствии с сошным письмом. Так, в 1654 г. в Верхотурье были приняты в государевы житницы «с Пыелдина у целовальника у Панфилка Ярафеива на нынешней на 162-й год государева привозного сошного запасу четырнатцать чети и полтора четверика муки ржаной, две чети с осьминою ржи. С Кибры одиннатцать чети с осьминою муки ржаной, две чети ржи. С Визенги одиннатцать чети с осьминою муки ржаной, две чети с осьминою ржи. С Вотчи пять чети с осьминою муки ржаной, четь ржи. С Межадора четыре чети с осьминою муки ржаной, четь ржи. С Ыбу десять чети муки ржаной, две чети ржи. З Гарьи три чети без четверика и полполчетверика муки ржаной, осьмина ржи. С Пажги пять чети без полуосьмины и полчетверика муки ржаной, четь ржи. Ис Шешек шесть чети муки ржаной, четь с осьминою ржи. С Устья с Плеса шестнатцать чети муки ржаной, три чети ржи» [4]. Стандартный, утвержденный правительственным указом вес четверти

муки ржаной составлял 5 пудов с четвертью, ржи – 6 пудов с четвертью с мешками. Напомним, что в пуде было 16,3807 кг. То есть с Вишерской волости отвезли около 53 кг хлебопродуктов, с Сысольской земли – 1750 кг. По царскому указу в зимнее время вес одной подводы с санями не должен был превышать 20 пудов (около 327 кг). На одни сани могли нагрузить максимум 15 пудов (около 250 кг) грузов. Таким образом, для перевозки всего объема хлебопродуктов (562,25 пуда) с налогоплательщиков только Сысольских волостей Яренского уезда требовалось собрать обоз минимум из 38 лошадей с санями, которые должны были перевезти груз на расстояние около 1 тыс. км. Еще больше привезли из Яренского уезда в Верхотурье ржаной муки и ржи в 1646 г. Тогда 30 извозчиков сдали 338 четвертей (1774,5 пуда) муки ржаной и 62 четверти (387,5 пуда) ржи [5]. Всего – 2162 пуда хлебов. Для того, чтобы перевезти такой объем грузов требовался обоз в 144–145 лошадей с санями.

Это было весьма сложно сделать на принципах очередности. Тут включались другие правила. Выполнение указанных государственных повинностей (ямская гоньба, сибирские хлебные запасы) открывало возможности для предпринимательской деятельности отдельных крестьян, что способствовало развитию товарно-денежных отношений в районе Европейского Севера России в целом и Коми края в частности.

В начале XVII столетия правительство организовало поставки государственного хлеба из Казанского уезда в Соликамский уезд. Оттуда черносошные крестьяне должны были перевезти хлеб на своих подводах до Верхотурья, сдать хлеб воеводам для помещения его в житницы, заготовить лес на строительство речных судов – дощаников для сплава хлебных грузов в сибирские города и раздачи хлеба там служилым людям в качестве государева жалования. От 1603 г. сохранился весьма интересный документ – поручная по нанявшемуся выполнить обязанности целовальника от Сысольских и Ужгинской волостей по исполнению указанной повинности [6]. Кроме целовальника были наняты два извозчика Первый Попов и Михаил Лобанов, которые должны были управлять 15 лошадьми и доехать на них без груза от Ужги до Соликамского уезда, там загрузиться и отвезти груз в Верхотурье. Выполнять обязанности целовальника за Сысольские и Ужгинскую волости подрядился Дементий Григорьев сын Хоза из Княжего погоста Вымской земли. Поручителями выступили Алексей Владимиров сын Вилежанин из Еренского городка и Назар Петров сын из дер. Кошки Вымской земли. Д. Г. Хоза фактически должен был выполнять обязанности экспедитора: получить «государев хлебный запас» на Усть-Боровые у казанских детей боярских Ивана Языкова и Осипа Хохлова с товарищами; отдать полученный хлеб извозчикам; проследить, чтобы они не перегрузили свои подводы или не поехали полупустыми; приехав в Верхотурье, принять хлеб у извозчиков и сдать его воеводам князю Матвею Львову и голове Угрюму Новосильцеву; проследить за тем, чтобы извозчики вывезли столько леса, сколько прикажут воеводы; после этого отпустить извозчиков домой с сопроводительными документами. Сам Д. Г. Хоза должен был еще некоторое время пробыть в Верхотурье. Воеводы могли обязать его за Сысольские и Ужгинскую волости выполнить определенные работы, связанные со строительством дощаников, а именно изготовление конопати, лык, канатов и деревянных частей дощаников. Уехать из Верхотурья он мог только по разрешению воевод, причем должен был привезти документ, подтверждающий сдачу хлеба, выполнение работ и разрешение на возвращение домой ему и его коллеге Вычегодскому целовальнику.

За указанную работу Д. Г. Хоза получил от сысольских и ужгинского целовальников большую по тем временам сумму денег – 7 руб. 20 алтын (7 руб. 60 коп.). Это были деньги как за исполнение работы экспедитора, так и за перечисленные выше дополнительные работы, которые воеводы могли возложить на него. Эти деньги Д. Г. Хоза получил авансом при заключении договора. В случае неисполнения каких-то пунктов договора Д. Г. Хозой ответственность ложилась на поручителей в полном объеме и плюс накладывалась пеня со стороны государя за срыв выполнения государственной повинности.

На условиях найма выполняли свою работу извозчики и плотник, который должен был за Сысольские и Ужгинскую волости построить один дощаник. Ему деньги передал извозчик Первый Попов. Необходимо отметить, что извозчики, вероятно, нанимали лошадей с санями у других крестьян, особенно если это была «разовая» работа. Или же они имели в хозяйстве до 10 лошадей каждый, целенаправленно занимаясь работами по перевозке грузов.

Позднее изменились условия выполнения повинности, и правительство стало требовать от черносошных крестьян собирать хлеб на местах и везти его в Верхотурье из своих уездов. Опять же эту работу крестьяне выполняли по договорам с волостными мирами и властями.

Представление об этом дает документ 1654 г. – поручная запись по Якове Яковлеве сыне Хлыстунове, «Верхотурском извозчике и плотнике» [7]. Этот Я. Я. Хлыстунов должен был за Вишерскую волость отвезти в Верхотурье собранный крестьянами хлеб и, сдав хлеб в государевы житницы, присоединиться к бригаде плотников, которые строили дощаник. Условия договора соответствовали предполагаемой работе. Я. Я. Хлыстунов должен был «тот государев запас <…> отвести за Вишерскую четверть сошки нынешняго 162-го (*1654 г. – М. М.*) году по зимнему пути на Верхотурье или в Оникину деревню доброе, сухое, без подмесу. А дорогою едучи беретчи: не подмочить и не стереть, и коньми не стравить. И приехать ему Якову на Верхотурье, и судовую поделку делать посошно с плотниками вместе без хитрости. И с Верхотурья запас отпустить». Хлыстунов должен был ехать в обозе с другими извозчиками, перевозившими хлебопродукты за Сысольские волости. Вся «бригада» извозчиков была под руководством целовальника Панфила Ярафиева «с Сысолы с Пыелдина». Я. Я. Хлыстунов ржаную муку (3 четверти) за Вишерскую волость благополучно доставил в Верхотурье, о чем свидетельствует выданная П. Ярафиеву «приемная» отпись Верхотурского воеводы Л. Т. Измайлова [4]. Кто был этот Я. Я. Хлыстунов? Он был крестьянином с. Кибра Сысольской земли. Одним из поручителей был его отец

Яков Емельянов сын Хлыстунов. Поручители обязались за Я. Я. Хлыстунова Стефану Меньшикову сыну Макарову, целовальнику Вишерской волости. Я. Я. Хлыстунов получил авансом от С. М. Макарова за предполагаемую работу 6 руб. 50 коп. [7]. Обращает на себя внимание то, что в предмет оплаты входила не только работа извозчика и плотника, но и стоимость муки («тот Яков взял за нашею порукою у того Стефана деньгами **за запас** (*выделено нами – М. М.*) и на старощенье и на судовую поделку 6 рублев с полтиною»). То есть, вероятно, Я. Е. Хлыстунов с товарищами продал свою муку вишерцам и его сын подрядился эту муку отвезти за тысячу верст в Верхотурье.

От 1674 г. сохранилось одно известие о предпринимателях при отвозе Сибирского хлебного запаса. 25 января 1674 г. в Еренском городке «охотные наемные Верхотурские хлебные подрядчики» Аверкий Микитин сын Сытин и Григорий Яковлев сын Бутин взяли у Вымской Турецкой трети посылщика Сидора Кириллова «найму по любовному своему договору и по ряде». Деньги были взяты «за Верхотурский Сибирский хлебный запас, и за отвоз, и за отдачу, и за мехи, и за старощение, и за все про все, кроме судового плотничества». Подрядчики взяли с Турецкой трети у посыльщика 38 руб. 19 алтын 2 деньги (38 руб. 58 коп.) [8, с. 52]. Такие деньги были взяты лишь с одной волости. Обращает на себя внимание и то, что к середине 1670-х гг. выкристаллизовалось название таких подрядчиков – «охотные наемные Верхотурские хлебные подрядчики», что говорит о том, что данная деятельность прочно стала областью бизнеса.

Приведенные примеры не являются уникальными. На наш взгляд, продемонстрированные примеры отражают типичный подход крестьянского сообщества к выполнению конкретной государственной повинности по снабжению сибирских служилых людей хлебным жалованием. Подход этот можно свести к формуле: повинность выполняем без напряжения всего крестьянского волостного мира, сведя ее к незначительным денежным затратам.

По этой формуле было организовано и выполнение другой достаточно тяжелой повинности – ямской гоньбы. Выше мы кратко показали разницу в выполнении ямской гоньбы на отрезках пути через Сысольские волости (Пыелдинский ям) и через Турьинский ям Вымской земли. Более подробно рассмотрим документы, говорящие о существенных моментах выполнения данной повинности. Начнем с Сысольского направления. Там сложилась практика выполнения ямской гоньбы силами «ямских охотников». Эти ямские охотники, или ямщики нанимались гонять ямскую гоньбу за крестьян волостных миров Сысольской земли и достаточно далеко лежавших от Пыелдинского яма Вишерских волостей. Сохранилось несколько документов найма таких ямских охотников волостными целовальниками.

До нашего времени дошли документы за период с 1681 по 1703 г. Всего нам известны 22 подобных документа: 1. Поручная запись сысольцев по ямском охотнике Иване Артемонове сыне Надеине, нанявшемся у вишерских крестьян и Вишерского целовальника Аверкия Савина. Декабрь 1680 [там же, л. 1, 2]; 2. Память названного ямского охотника, что он наемные деньги получил. 9 января 1681 г. [9, л. 3]; 3. Поручная запись вишерскому целовальнику и крестьянам по ямском охотнике Евдокиме Панкратьеве. 5 декабря 1681 г. [10]; 4. Поручная запись Устьсысольцев по Вишерском ямском охотнике Михаиле Муравьеве. 1 ноября 1682 г. [11]; 5. Поручная запись крестьян Сысольских волостей по ямских охотниках Иване Григорьеве с товарищами. Ноябрь 1683 г. [12]; 6. Поручная запись крестьян Киберской волости вишерским целовальнику и крестьянам в исправном отбывании гоньбы ямскими охотниками Панфилом Куратовым с товарищами, нанявшимися за них стоять на Пыелдинском яму целый год. 4 марта 1685 г. [13]; 7. Поручная запись вишерскому целовальнику Прокопию Афанасьеву и всем крестьянам по ямским охотникам Мирошке Безсонове и Василии Иванове. 16 декабря 1685 г. [14]; 8. Поручная запись крестьян Ибской волости Вишерскому целовальнику Петру Сидорову и всем крестьянам по ямском охотнике Петрушке Муравьеве. 1 сентября 1686 г. [15]; 9. Поручная запись Стеньки Тюрнина, попа Козьмы Артемонова, Терентия и Прокопия Игушевых по ямском охотнике Никоне Тюрнине. 9 сентября 1687 г. [16]; 10. Поручная запись вишерскому целовальнику Афанасию Спиридонову и всем крестьянам по ямском охотнике Никоне Тюрнине. 14 октября 1687 г. [17]; 11. Поручная по ямском охотнике Филиппе Михайлове сыне Муравьеве. 10 декабря 1689 г. [18]; 12. Список с поручной по ямским охотникам Панфиле Иевлеве сыне Куратове и Иване Васильеве сыне Югове. 21 ноября 1690 г. [19]; 13. Поручная запись крестьян Киберской волости Вишерскому ямскому старосте Мокею Ярофиевых и всем крестьянам по ямском охотнике Михее Борисове сыне Кичигине. 15 декабря 1691 г. [20]; 14. Отпись Вишерского ямского охотника Михея Борисова сына Кичигина в приеме от Вишерского ямского старосты Мокия Дементьева ямских наемных денег. 11 января 1692 г. [21]; 15. Поручная запись по ямском охотнике Панфиле Иевлеве сыне Куратове. 20 января 1693 г. [22]; 16. Поручная по ямским охотникам Ермаке Осифове и по Афоньке Осифове Королевых. 11 сентября 1693 г. [23]; 17. Поручная по ямском охотнике Феофане Саватиеве сыне Королеве. 9 сентября 1694 г. [24]; 18. Поручная запись крестьян Устьсысольских волостей Устьсысольским земским целовальникам Якову Зеленецкому с товарыщи и всем крестьянам по ямском охотнике Елизарии Никитине сыне Оплеснине. 27 ноября 1695 г. [25]; 19. Поручная по ямском охотнике Мокие Дементиеве сыне Коюшеве. 21 сентября 1699 г. [26]; 20. Поручная запись крестьян вишерскому целовальнику Павлу Афанасьеву и всем крестьянам по ямском охотнике Сидоре Княжеве на Пыелдинский ям. 9 сентября 1700 г. [27]; 21. Поручная запись крестьян Стефана и Ивана Тюрниных и Кирилла Кочанова вишерскому земскому целовальнику Федору Анисимову и крестьянам вишерским по ямском охотнике Андрее Тюрнине на Пыелдинский ям. 9 сентября 1702 г. [28]; 22. Поручная запись крестьян Пыелдинской волости Вишерскому земскому целовальнику Иову Ивашеву по ямском охотнике Фадее Ушакове на Пыелдинский ям. 5 сентября 1703 г. [29].

Теперь представим поименный реестр указанных выше ямских охотников: Иван Артемонов сын Надеин (Вотча) (1680/81 год); Евдоким Панкратьев (1681/82 год); Михаил

Исаков сын Муравьев (Иб) (1682/83 год); Иван Григорьев с товарищами (1683/84 год); Панфил Куратов (Кибра) с товарищами (1685 год); Мирон Безсонов и Василий Иванов (1685/86 год); Петр Исаков сын Муравьев (Иб) (1686/87 год); Никон Тюрнин (1687/88 год); Филипп Михайлов сын Муравьев (Иб) (1689/90 год); Панфил Иевлев сын Куратов (Кибра) и Иван Васильев сын Югов (Кибра) (1690/91 год); Михей Борисов сын Кичигин (Кибра) (1691/92 год); Панфил Иевлев сын Куратов (Кибра) (1692/93 год); Ермак Осифов сын и Афонасий Осифов сын Королевы (Подъельск) (1693/94 год); Феофан Саватиев сын Королев (Пыелдино) (1694/95 год); Елизарий Никитин сын Оплеснин (Вильгорт) (1695/96 год); Мокий Дементиев сын Коюшев (Вишерская волость) (1699/1700 год); Сидор Княжев (1700 год); Андрей Тюрнин (1702 год); Фадей Ушаков (1703 год). Эти люди подряжались перевозить государственных пассажиров и грузы за крестьян Вишерской волости (за зафиксированные в переписной книге Яренского уезда 1678 г. 37 крестьянских дворов). Необходимо иметь в виду, что на Пыелдинском яме стояли в ожидании проезжавших ямские охотники, исполнявшие ямскую гоньбу за сысольские волости. Поэтому перечисленные ямщики постоянно находились в большой компании своих коллег.

Для некоторых из них работа в качестве ямщика была постоянным явлением. Так, Панфил Иевлев сын Куратов был ямщиком от Вишерской волости в 1685, 1690/91 и 1692/93 гг. Возможно, что в другие годы он нанимался в ямщики от какой-либо из сысольских волостей. То есть ямская гоньба на досконально известном ему участке Сибирского пути была для него привычным видом получения денег. Не будет большой ошибкой предположить, что значительная часть перечисленных выше ямских охотников занимались этим делом несколько лет подряд.

Для некоторых семей работа в качестве ямского охотника являлась семейным бизнесом. Так, анализируемые нами источники упоминают среди ямских охотников, выполнявших ямскую гоньбу за Вишерскую волость, крестьян сысольского села Иб Муравьевых. Михаил Исаков сын Муравьев был ямским охотником за Вишерскую волость в 1682/83 г., его брат Петр Исаков сын Муравьев – в 1687/88 г. и его сын Филипп Михайлов сын Муравьев – в 1689/90 г. Только за указанные годы семья заработала 74 руб. 30 коп. Из них 36 руб. заработал Петр Исаков сын Муравьев, 21 руб. 30 коп. – Михаил Исаков сын Муравьев и 17 руб. – Филипп Михайлов сын Муравьев. Все они должны были выполнять одинаковую работу за одинаковое количество крестьянских дворов Вишерской волости. Формально они должны были стоять на Пыелдинском яме в течение года, т. е. с 1 сентября до 1 сентября следующего года. Разница произошла из-за времени заключения контракта. Петр Исаков сын Муравьев заключил свой контракт 1 сентября; Михаил Исаков сын Муравьев – 1 ноября и Филипп Михайлов сын Муравьев – 10 декабря.

Разница в оплате происходила и из-за объема работы. Так, например, Панфил Иевлев сын Куратов заключил договор с целовальником и крестьянами Вишерской волости на работу в качестве ямского охотника с 20 января по 1 сентября 1693 г. перевозить грузы и пассажиров за 21 крестьянский двор. Он получил оплату по 16 алтын 2 деньги, т. е. по 49 коп. со двора, всего 10 руб. 29 коп. Ранее, в 1690/91 г., он, совместно с Иваном Васильевым сыном Юговым, подрядился с 21 ноября 1690 г. на выполнение указанной работы с целовальниками и крестьянами Устьсысольской, Зеленецкой и Вишерской волостей за 187 крестьянских дворов. За работу они получили 74 руб. 23 алтына 2 деньги, т. е. 74 руб. 70 коп.

Возможно, что достаточно позднее время заключения контрактов целовальниками волостей связано с небольшим числом желающих заняться такой работой. Напомним, что подрядившийся ямской охотник на большой срок (до года) выбывал со своими лошадьми из обычной крестьянской жизни с ее трудовыми и бытовыми реалиями.

Кроме больших по времени контрактов желающие имели возможность заключать разовые договоры при возникновении такой ситуации. Так, в 1704 г. через Яренский уезд осуществлялась массовая перевозка сибирских солдат. Сохранилось 12 документов, зафиксировавших подобные разовые договоры, заключенные вишерскими крестьянами, которые должны были перевозить солдат на своих подводах, с крестьянами сысольских волостей, подрядившихся вместо них сделать эту работу: 1. Запись крестьян Пыелдинской волости Семена и Ивана Емельяновых детей Тюфяковых о найме их крестьянином Вишерской волости Самуилом Прохоровым сыном Игушевым для провоза вместо него сибирских солдат. 2 февраля 1704 г. [30]; 2. Запись крестьян Пыелдинской волости Семена и Ивана Емельяновых детей Тюфяковых о найме их крестьянами Вишерской волости Терентием Дмитриевым и Антоном Ларионовым сыном Игушевыми для провоза вместо них сибирских солдат. 3 февраля 1704 г. [31]; 3. Запись крестьянина Пыелдинской волости Семена Емельяновых сына Тюфякова о найме его крестьянином Вишерской волости Федотом Георгиевым для провоза вместо него сибирских солдат. 14 февраля 1704 г. [32]; 4. Поручная запись крестьян Межадорской волости Герасима Антипова сына Коршанова и Федота Васильева по Науме Лукьянове сыне Еремееве при найме его Фотием Никитиным сыном Ивашевым для провоза вместо него сибирских солдат. 20 февраля 1704 г. [33]; 5. Запись крестьянина Пыелдинской волости Ивана Трофимова сына Найденых о найме его крестьянином Вишерской волости Анисимом Ивановым сыном Юрьевым для провоза вместо него сибирских солдат. 20 февраля 1704 г. [34]; 6. Запись крестьянина Киберской волости Артемия Дмитриева сына Лунева о найме его верхневычегжанином Вишерского прихода Тарасом Ивановым сыном Габовым для провоза вместо него сибирских солдат. 21 февраля 1704 г. [35]; 7. Запись Пыелдинской волости крестьянина Сидора Сергеева сына Князева о найме его Вишерской волости крестьянином Доментианом Васильевым сыном Поповым для провоза вместо него сибирских солдат. 21 февраля 1704 г. [36]; 8. Запись Киберской волости крестьян Ивана Пантелеева сына и Василия Прокофьева сына Куратовых и Тимофея Иванова сына Костина о найме их верхневычегжанами Вишерского прихода Ильей Тихоновым сыном Ладановым, Семеном Яковлевым и Петром Артемьевым для провоза вместо них сибирских солдат.

22 февраля 1704 г. [37]; 9. Поручная запись Вотчинской волости крестьянина Ивана Артемьева сына Братенкова по Василие Ермолаеве сыне Братенкове при найме его Вишерской волости крестьянином Фотием Никитиным сыном Ивашевым для провоза вместо него сибирских солдат. 22 февраля 1704 г. [38]; 10. Запись Киберской волости крестьянина Леонтия Федосьева сына Бренева о найме его Вишерской волости крестьянином Доментианом Васильевым сыном Шеиновым для провоза вместо него сибирских солдат. 23 февраля 1704 г. [39]; 11. Запись Киберской волости крестьянина Василия Максимова сына Заева о найме его верхневычегжанином Вишерского прихода Василием Венедиктовым сыном Данщиковым для провоза вместо него сибирских солдат. 25 февраля 1704 г. [40]; 12. Запись Киберской волости крестьянина Сергея Федорова о найме его Вишерской волости крестьянином Агафоном Ивлевым для провоза вместо него сибирских солдат. 25 февраля 1704 г. [41].

Все контракты были заключены в феврале 1704 г. в период от 2 по 25 февраля. Их заключили желавшие выполнить работу по перевозке сибирских солдат крестьяне сысольских волостей: Пыелдинской волости – Семен и Иван Емельяновы дети Тюфяковы (2 февраля, 3 февраля); отдельно Семен Емельянов сын Тюфяков (14 февраля); Иван Трофимов сын Найденых (20 февраля); Сидор Сергеев сын Князев (21 февраля); Межадорской волости – Наум Лукьянов сын Еремеев (20 февраля); Киберской волости – Артемий Дмитриев сын Лунев (21 февраля); Иван Пантелеев сын Куратов, Василий Прокофьев сын Куратов и Тимофей Иванов сын Костин (22 февраля); Леонтий Федосеев сын Бренев (23 февраля); Василий Максимов сын Заев (25 февраля); Сергей Федоров (25 февраля); Вотчинской волости – Василий Ермолаев сын Братенков (22 февраля). Итак, на выполнение указанной работы заключили контракты четыре крестьянина Пыелдинской волости, причем из них два брата заключили три контракта; по одному крестьянину Вотчинской и Межадорской волостей. Наибольшее число желающих заработать на выполнении этой государственной повинности было из Киберской волости – семь человек. Всего только у крестьян Вишерской волости нанялись перевозить вместо них сибирских солдат 13 крестьян разных сысольских волостей. Вероятно, общее число ямщиков на перевозке сибирских солдат могло доходить до 100 и более человек.

На северном направлении Великого Сибирского пути, проходившего через вымские волости, организация гоньбы была другая. Там действовала схема разовых наймов ямщиков, перевозивших пассажиров на санях зимним путем и гребцов и кормщиков на речные суда летним речным путем. Смена лошадей и лодок происходила на яме в Турье. Проезжавшие предъявляли ямским старостам подорожные и те нанимали желающих везти пассажиров и грузы дальше по маршруту следования.

В нашем распоряжении находится несколько ямских книг Турьинского (Турецкого) яма. Две из них: «Книги ямские Туреского яму» за 7182-й (1673/74) и «Книга ямская загонная с Туреского яму на понизную воду до Соли Вычегоцкой» 7186 (1677/78) года опубликованы нами в нашей большой публикации документов Яренского уезда «"Внутреннее" делопроизводство воеводской и волостной власти северных уездов Европейской России XVII века» [8, с. 61–68, 73–80].

В 1673/74 г. через Турьинский (Туреский) ям проехали: 1. Из Пустозерска 9 чел. холмогорских стрельцов 7 ноября, выехали только через две недели из-за ледостава. От Турьи до Соли Вычегодской были наняты три ямщика (Иван Жиганов с Турьинской трети, Мокий Шаламов с Княжпогостские трети и «Леонтьев из Половников» с Ляльской трети). Найма им дано 70 коп. только И. Жиганову. Другие ямщики получили деньги от своих третей. Вероятно, что они получили такой же платеж. 2. Из Турьи до Глотовы слободы ехали московский стрелец и яренский пристав для поиска беглых стрельцов. Им даны две подводы с санями и проводником. Подводы наняты у Степана Чудинова и Саввы Епова. Обоим дано 26 алтын 4 деньги (80 коп.), по 40 коп. за подводу. 3. 9 февраля из Пустозерска проехал через ям посланный в Москву пустозерский стрелец. До Соли Вычегодской нанята подвода Афанасия Суворова. Ему дано найма 8 гривен (80 коп.). 4. 23 марта проезжали через Турьинский ям в Удорскую волость окладчик десятой деньги и два стрельца. Им дано три подводы. Наняты подводы у Афанасия Суворова, Андрея Ванюкова и Матвея Сухоносова. Найма им дано по 10 алтын (30 коп.) человеку. Всего 90 коп. 5. 29 марта проехал из Пустозерского острога в Москву стрелец. Нанята ему подвода от Турьи до Соли Вычегодской Бориса Щербакова. Найма дано 1 руб. 6. 20 мая приехали в Турьинский ям два стрельца и двинской целовальник. Для их проезда наняли две лодки Гаврила Мингалева и Саввы Волынкина. Им дано 2 руб. 8 гривен (2 руб. 80 коп.) на двоих, по 1 руб. 40 коп. человеку. 7. 21 июня приехали из Пустозерского острога московские стрельцы четыре человека и из Сибири один, бывший в провожатых. Дано им судно Матвея Некрасова и Антона Семенова. Аренды дано за судно 28 алтын 2 деньги (85 коп.) и стрельцам дано 10 алтын (30 коп.), для того, чтобы вместе с хозяевами сами поработали гребцами. 8. 29 июня проезжали через Турью в Москву сотник московских стрельцов из приказа Тайных дел с десятью стрельцами. Им дано крытое судно Афанасия Костарева. Ему с товарищем за аренду судна и за работу дано полтора рубля и стрельцам дано 26 алтын 4 деньги (80 коп.), чтобы поработали гребцами на судне, в котором плыли. 9. 13 июля приехали в Турью три целовальника с денежною казною, пушниной и разными документами и два стрельца. Им куплено судно у Гроди Тягинова и Федора Васильева за 2 руб. Проезжавшим уплатили за то, чтобы они сами гребли в судне. За это им дано 7 руб. 10. 28 июля проезжал в Яренск с документами из Пустозерска стрелец. Ему дана лодка Емели Самодурова. Сам же Е. Самодуров был за гребца. Дано ему за аренду лодки и работу гребцом один рубль. 11. 8 августа, 20 августа и 26 августа, 26, 27 и 30 сентября проезжали разные должностные лица из Пустозерского острога, Тобольска, Томска и Сургута. Их лодки были в нормальном состоянии, поэтому ямские старосты им дали деньги, чтобы те сами гребли. 12. 2 октября перевезли от Турьи до Еренского городка дворцового

кузнеца. Лодка была арендована у Никиты Насонова. От аренды и за работу гребцом Н. Насонов получил 26 алтын 4 деньги (80 копеек). 13. 7 октября через Турью ехал в Москву таможенный подьячий из Сургута. Для перевозки его до Соли Вычегодской нанята лодка Фомы Мингалева, который сам с товарищем подрядился быть гребцом. Ему было дано за лодку и работу 1 руб. 20 алтын (1 руб. 60 коп.). Итак, зимним путем с Турьинского яма перевозили пассажиров на своих подводах: Иван Жиганов, Мокий Шаламов, Леонтий из Половников, Степан Чюдинов, Савва Епов, Афанасий Суворов (дважды – до Соли Вычегодской и Удорской волости), Андрей Ванюков, Матвей Сухоносов, Борис Щербаков. Водяным путем арендовались лодки и суда Гаврила Мингалева, Саввы Волынкина, Матвея Некрасова, Антона Семенова, Афанасия Костарева, Гроди Тягинова, Федора Васильева, Емельяна Самодурова, Никиты Насонова, Фомы Мингалева. Эти люди часто также нанимались быть гребцами на своих лодках.

Следующий документ «Книга ямская загонная с Турецкого яму на понизную воду до Соли Вычегоцкой трех третей ямских заказчиков Турецкого целовальника Офонасья Костарева» относится к 1677/78 г. С сентября 1677 г. по октябрь 1678 г. через Турьинский ям в центр страны (главным образом в Москву) проехали 42 чел. из Пустозерского уезда и Сибирских городов: Енисейского, Нарымского, Ленского Отлинского, Нерчинского острогов. Из них лишь три человека ехали зимним путем, остальные – водным. Из них четыре человека отправились дальше на своих лодках, а остальных проезжавших надо было дальше везти на лодках, предоставленных им на Турьинском яме. Всего ямские заказчики мобилизовали восемь лодок. Причем часть из них были крытыми. Семь лодок из восьми ямские заказчики арендовали, а одну лодку «взяли под казною у Конашка Тарасова сильно, за судно платили цену Конашке Тарасову 6 рублев» [8, с. 77]. Остальные лодки были взяты в аренду: у Саввы Волынкина (лодка крытая большая «сысольская»), дано арендной платы 2 руб. 30 коп.; Филиппа Пирогова (лодка крытая) – 1 руб. 80 коп.; Андрея Габушева (лодка) – 2 руб. 25 коп.; Епифана Михалева (лодка) – 1 руб. 70 коп., сам Епифан «с товарищем» был в качестве гребца – за работу на двоих дано 3 руб. 75 коп.; Аники Костарева (лодка крытая) – 1 руб. 80 коп.; Нечая Козлова (лодка крытая) – 2 руб. 25 коп.; Владимира Демидова (лодка) – 1 руб. 20 коп. [там же, с. 76–80]. Величина арендной платы зависела от размера лодки и ее благоустройства (в первую очередь от того – крытая она или нет). После совершения рейса гребцы возвращались на арендованной лодке домой и передавали лодку через ямских заказчиков хозяину судна.

Итак, мы видим, что существовала однократная аренда речного судна у одного хозяина в год. Вероятно, аренда была случайной, все зависело от того, была ли лодка свободная на момент проезда пассажиров через Турьинский ям. Не всегда ямские заказчики могли удовлетворить требования проезжавших. Так, в октябре 1678 г. они столкнулись с тем, что первоначально договорились об аренде лодки у одного хозяина, но проезжавший был недоволен судном и пришлось арендовать у другого хозяина по более дорогой цене. Все это говорит о том, что на Выми не было ожидающих своих пассажиров ямских охотников. Там важным аргументом было наличие свободной лодки и желание хозяина дать ее в аренду. Инвестиция предпринимателя выражалась в наличии у него достаточно вместимой лодки, годной для перевозки нескольких пассажиров на длительное расстояние – с Турьи (верховье р. Вымь) до Соли Вычегодской (низовье р. Вычегды).

В целом мы можем отметить, что в Коми крае в XVII столетии существовала сложившаяся и устойчивая практика подключения предпринимателей к выполнению государственных повинностей по перевозке грузов и пассажиров для получения ими определенного дохода. Конечно, для этого они должны были иметь в хозяйстве, вероятно, больше одной лошади, на которой производили перевозки и достаточно большие речные суда. На наш взгляд, такие инвестиционные активы позволяли крестьянам осуществлять указанные предпринимательские действия.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Мацук, М. А. Крестьяне Коми края в конце XVI–XVII в. Феодальная эксплуатация / М. А. Мацук; отв. ред. А. А. Преображенский. – М.: Наука, 1990. – 152 с.
2. Мацук, М. А. Фискальная политика Русского правительства и черносошное крестьянство восточного Поморья и Приуралья в XVII веке / М. А. Мацук; науч. ред. А. А. Преображенский. – Сыктывкар, 1998. – 671 с.
3. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (Архив СПбИИ РАН). Ф. 254 (Яренские акты). Оп. 1. Д. 31, 32, 36, 40–42.
4. Архив СПбИИ РАН. Ф. 82 (Коллекция С. Е. Мельникова). Оп. 1. Д. 71. Л. 1, 2.
5. Российский государственный архив древних актов. Ф. 214 (Сибирский приказ). Оп. Оглоблина. Кн. 196. Л. 309–319 об.
6. Архив СПбИИ РАН. Ф. 153 (Коллекция А. М. Шегрена). Д. 27. Л. 1–3.
7. Архив СПбИИ РАН. Ф. 82 (Коллекция С. Е. Мельникова). Оп. 1. Д. 69. Л. 1.
8. Мацук, М. А. «Внутреннее» делопроизводство воеводской и волостной власти северных уездов Европейской России XVII века / М. А. Мацук // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2021. – № 4 (56). – С. 6–106.
9. Архив СПбИИ РАН. Ф. 82 (Коллекция С. Е. Мельникова). Оп. 1. Д. 145.
10. Архив СПбИИ РАН. Ф. 82 (Коллекция С. Е. Мельникова). Оп. 1. Д. 146. Л. 1.
11. Архив СПбИИ РАН. Ф. 82 (Коллекция С. Е. Мельникова). Оп. 1. Д. 148. Л. 1, 2.
12. Архив СПбИИ РАН. Ф. 82 (Коллекция С. Е. Мельникова). Оп. 1. Д. 150. Л. 1, 2.
13. Архив СПбИИ РАН. Ф. 82 (Коллекция С. Е. Мельникова). Оп. 1. Д. 151. Л. 1, 2.

14. Архив СПбИИ РАН. Ф. 82 (Коллекция С. Е. Мельникова). Оп. 1. Д. 152. Л. 1.
15. Архив СПбИИ РАН. Ф. 82 (Коллекция С. Е. Мельникова). Оп. 1. Д. 153. Л. 1, 2.
16. Архив СПбИИ РАН. Ф. 82 (Коллекция С. Е. Мельникова). Оп. 1. Д. 155. Л. 1.
17. Архив СПбИИ РАН. Ф. 82 (Коллекция С. Е. Мельникова). Оп. 1. Д. 156. Л. 1.
18. Архив СПбИИ РАН. Ф. 82 (Коллекция С. Е. Мельникова). Оп. 1. Д. 158. Л. 1.
19. Архив СПбИИ РАН. Ф. 82 (Коллекция С. Е. Мельникова). Оп. 1. Д. 160. Л. 1.
20. Архив СПбИИ РАН. Ф. 82 (Коллекция С. Е. Мельникова). Оп. 1. Д. 163. Л. 1, 2.
21. Архив СПбИИ РАН. Ф. 82 (Коллекция С. Е. Мельникова). Оп. 1. Д. 165. Л. 1.
22. Архив СПбИИ РАН. Ф. 82 (Коллекция С. Е. Мельникова). Оп. 1. Д. 168. Л. 1, 2.
23. Архив СПбИИ РАН. Ф. 82 (Коллекция С. Е. Мельникова). Оп. 1. Д. 169. Л. 1.
24. Архив СПбИИ РАН. Ф. 82 (Коллекция С. Е. Мельникова). Оп. 1. Д. 170. Л. 1, 2.
25. Архив СПбИИ РАН. Ф. 82 (Коллекция С. Е. Мельникова). Оп. 1. Д. 171. Л. 1, 2.
26. Архив СПбИИ РАН. Ф. 82 (Коллекция С. Е. Мельникова). Оп. 1. Д. 178. Л. 1.
27. Архив СПбИИ РАН. Ф. 82 (Коллекция С. Е. Мельникова). Оп. 1. Д. 188. Л. 1.
28. Архив СПбИИ РАН. Ф. 82 (Коллекция С. Е. Мельникова). Оп. 1. Д. 196. Л. 1.
29. Архив СПбИИ РАН. Ф. 82 (Коллекция С. Е. Мельникова). Оп. 1. Д. 205. Л. 1.
30. Архив СПбИИ РАН. Ф. 254 (Яренские акты). Оп. 1. Д. 118. Л. 1.
31. Архив СПбИИ РАН. Ф. 254 (Яренские акты). Оп. 1. Д. 119. Л. 1.
32. Архив СПбИИ РАН. Ф. 254 (Яренские акты). Оп. 1. Д. 120. Л. 1.
33. Архив СПбИИ РАН. Ф. 254 (Яренские акты). Оп. 1. Д. 121. Л. 1.
34. Архив СПбИИ РАН. Ф. 254 (Яренские акты). Оп. 1. Д. 122. Л. 1.
35. Архив СПбИИ РАН. Ф. 254 (Яренские акты). Оп. 1. Д. 123. Л. 1.
36. Архив СПбИИ РАН. Ф. 254 (Яренские акты). Оп. 1. Д. 124. Л. 1.
37. Архив СПбИИ РАН. Ф. 254 (Яренские акты). Оп. 1. Д. 125. Л. 1.
38. Архив СПбИИ РАН. Ф. 254 (Яренские акты). Оп. 1. Д. 126. Л. 1.
39. Архив СПбИИ РАН. Ф. 254 (Яренские акты). Оп. 1. Д. 127. Л. 1.
40. Архив СПбИИ РАН. Ф. 254 (Яренские акты). Оп. 1. Д. 128. Л. 1.
41. Архив СПбИИ РАН. Ф. 254 (Яренские акты). Оп. 1. Д. 129. Л. 1.

References

1. Matsuk, M. A. Krestyane Komi kraya v kontse XVI – XVII v. Feodalnaya ekspluatatsiya [Peasants of the Komi region in the late XVI – XVII centuries. Feudal exploitation] / M. A. Matsuk; Ed. A. A. Preobrazhensky. – Moscow : Nauka Publ., 1990. – 152 p.
2. Matsuk, M. A. Fiskalnaya politika Russkogo pravitel'stva i chernososhnoe krestyanstvo vostochnogo Pomorya i Priuralya v XVII veke [Fiscal policy of the Russian government and the state peasantry of Eastern Pomor region and the Urals in the XVII century] / M. A. Matsuk; Ed. A. A. Preobrazhensky. – Syktyvkar, 1998. – 671 p.
3. Arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN [Archives of St. Petersburg Institute of History, RAS (hereinafter - Archives SPbII RAN)]. F. 254 (Yarensk akts). Op. 1. D. 31, 32, 36, 40, 41, 42.
4. Ibid. F. 82 (Collection of S. E. Melnikov). Op. 1. D. 71. L. 1, 2.
5. Rossijskij gosudarstvennyj arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 214 (Siberian Prikaz). Op. of Ogloblin. Book 196. L. 309–319 ob.
6. Archives SPbII RAN. F. 153 (Collection of A. M. Shegren). D. 27. L. 1–3.
7. Ibid. F. 82 (Collection of S. E. Melnikov). Op. 1. D. 69. L. 1.
8. Matsuk, M. A. «Vnutrennee» deloproizvodstvo voevodskoj i volostnoj vlasti severnykh uezdov Evropejskoj Rossii XVII veka ["Internal" paperwork of the voivodship and volost authorities of the northern uyezds (districts) of the European Russia in the XVII century] / M. A. Matsuk // Voprosy istorii i kul'tury severnykh stran i territorii [Historical and cultural problems of northern countries and regions]. – 2021. – No. 4 (56). – P. 6-106.
9. Archives SPbII RAN. F. 82 (Collection of S. E. Melnikov). Op. 1. D. 145.
10. Ibid. F. 82 (Collection of S. E. Melnikov). Op. 1. D. 146. L. 1.
11. Ibid. F. 82 (Collection of S. E. Melnikov). Op. 1. D. 148. L. 1, 2.
12. Ibid. F. 82 (Collection of S. E. Melnikov). Op. 1. D. 150. L. 1, 2.
13. Ibid. F. 82 (Collection of S. E. Melnikov). Op. 1. D. 151. L. 1, 2.
14. Ibid. F. 82 (Collection of S. E. Melnikov). Op. 1. D. 152. L. 1.
15. Ibid. F. 82 (Collection of S. E. Melnikov). Op. 1. D. 153. L. 1, 2.
16. Ibid. F. 82 (Collection of S. E. Melnikov). Op. 1. D. 155. L. 1.
17. Ibid. F. 82 (Collection of S. E. Melnikov). Op. 1. D. 156. L. 1.
18. Ibid. F. 82 (Collection of S. E. Melnikov). Op. 1. D. 158. L. 1.
19. Ibid. F. 82 (Collection of S. E. Melnikov). Op. 1. D. 160. L. 1.
20. Ibid. F. 82 (Collection of S. E. Melnikov). Op. 1. D. 163. L. 1, 2.
21. Ibid. F. 82 (Collection of S. E. Melnikov). Op. 1. D. 165. L. 1.
22. Ibid. F. 82 (Collection of S. E. Melnikov). Op. 1. D. 168. L. 1, 2.
23. Ibid. F. 82 (Collection of S. E. Melnikov). Op. 1. D. 169. L. 1.
24. Ibid. F. 82 (Collection of S. E. Melnikov). Op. 1. D. 170. L. 1, 2.
25. Ibid. F. 82 (Collection of S. E. Melnikov). Op. 1. D. 171. L. 1, 2.
26. Ibid. F. 82 (Collection of S. E. Melnikov). Op. 1. D. 178. L. 1.
27. Ibid. F. 82 (Collection of S. E. Melnikov). Op. 1. D. 188. L. 1.
28. Ibid. F. 82 (Collection of S.E. Melnikov). Op. 1. D. 196. L. 1.
29. Ibid. F. 82 (Collection of S. E. Melnikov). Op. 1. D. 205. L. 1.
30. Ibid. F. 254 (Yarensk Acts). Op. 1. D. 118. L. 1.
31. Ibid. F. 254 (Yarensk Acts). Op. 1. D. 119. L. 1.
32. Ibid. F. 254 (Yarensk Acts). Op. 1. D. 120. L. 1.
33. Ibid. F. 254 (Yarensk Acts). Op. 1. D. 121. L. 1.

34. Ibid. F. 254 (Yarensk Acts). Op. 1. D. 122. L. 1.
35. Ibid. F. 254 (Yarensk Acts). Op. 1. D. 123. L. 1.
36. Ibid. F. 254 (Yarensk Acts). Op. 1. D. 124. L. 1.
37. Ibid. F. 254 (Yarensk Acts). Op. 1. D. 125. L. 1.
38. Ibid. F. 254 (Yarensk Acts). Op. 1. D. 126. L. 1.
39. Ibid. F. 254 (Yarensk Acts). Op. 1. D. 127. L. 1.
40. Ibid. F. 254 (Yarensk Acts). Op. 1. D. 128. L. 1.
41. Ibid. F. 254 (Yarensk Acts). Op. 1. D. 129. L. 1.

Благодарность (госзадание):

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН «Государственная политика развития Европейского Севера России: актуальные проблемы социально-политической, экономической, социокультурной и демографической истории в XVI – XX вв.» (FUUU-2025-0026 рег. № ЕГИСУ НИОКТР 1024072600006-8-6.1.1).

Acknowledgements (state task):

The publication was prepared within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences "State Policy for the Development of the European North of Russia: Current Issues of Socio-political, Economic, Socio-cultural and Demographic History in the XVI – XX centuries" (FUUU-2025-0026 Reg. No. EGISU NIOKTR 1024072600006-8-6.1.1).

Информация об авторе:

Мацук Михаил Александрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник лаборатории археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID: 0000-0002-9019-9994, SPIN-код: 7737-6080 (167000, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: michailmatsuk@rambler.ru).

Author:

Mikhail A. Matsuk – Dr. Sci. (History), Chief Researcher of the Laboratory of Archaeography and Publication of Documents on the History of the Development of the European North of Russia, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS; ORCID: 0000-0002-9019-9994, SPIN-code: 7737-6080 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167000, Russian Federation; e-mail: michailmatsuk@rambler.ru).

Для цитирования:

Мацук, М. А. Система государственного феодализма Московского царства и товарно-денежные отношения в Коми крае XVII века. Часть II. Бизнес на исполнении государственных повинностей / М. А. Мацук // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 3 (88). – С. 35-43.

For citation:

Matsuk, M. A. The system of state feudalism of the Moscow Kingdom and commodity-money relations in the Komi region of the XVII century. Part II. Business in the performance of state duties / M. A. Matsuk // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2026. – No. 3 (88). – P. 35-43.

Дата поступления статьи: 28.01.2026
Прошла рецензирование: 28.01.2026
Принято решение о публикации: 30.01.2026
Received: 28.01.2026
Reviewed: 28.01.2026
Accepted: 30.01.2026

УДК 929:94(57)"16"
DOI 10.19110/1994-5655-2026-3-44-49

Албазинский приказный Пётр Якимович Осколков

Гладких С. А.

г. Котлас

sgladkih@inbox.ru

Аннотация

В статье раскрывается биография Петра Якимовича Осколкова – выходца из Ленской волости Яренского уезда, представителя известной торговой династии, участника освоения Сибири и Дальнего Востока в XVII в., приказчика Албазинского острога. Решающую роль в его судьбе сыграл случай: П. Я. Осколков оказался невольно замешан в убийстве илимского воеводы Л. А. Обухова и поэтому бежал в Приамурье, где стал заметным администратором, возглавившим юго-восточный форпост России – Албазинский острог.

Ключевые слова:

Пётр Якимович Осколков, освоение Сибири, Албазинский острог

Albazin administrator Pyotr Yakimovich Oskolkov

Gladkikh S. A.

Kotlas

sgladkih@inbox.ru

Abstract

The paper reveals the biography of Pyotr Yakimovich Oskolkov, a native of Lena Volost, Yarensk Uyezd, a representative of a well-known merchant dynasty, a participant in the development of Siberia and the Far East in the XVII century, and an administrator at the Albazin prison. A decisive role in his fate was played by a chance: P. Ya. Oskolkov was unwittingly involved in the murder of the Ilim voivode L. A. Obukhov, and therefore fled to the Amur region, where he became a prominent administrator who headed the southeastern outpost of Russia, the Albazin prison.

Keywords:

Pyotr Yakimovich Oskolkov, Siberian exploration, Albazin prison

На личность Петра Якимовича (Акимовича, Екимовича) Осколкова внимание автора впервые обратил исследователь истории освоения Сибири Георгий Борисович Красноштанов [1]. Именно ему удалось обнаружить в Российском государственном архиве древних актов и частично опубликовать документы о жизни П. Я. Осколкова, на которых с привлечением ряда иных источников и построено предлагаемое вниманию читателя исследование.

К сожалению, дефицит источников не позволяет составить полную биографию этого интересного человека. Восстанавливается, и то с большими лакунами, лишь период 1642–1672 гг. Как верно отметил Г. Б. Красноштанов, «многие события его жизни остаются темными», а прежние историки, начиная со знаменитого Г. Ф. Миллера, в упоминаниях о Петре Осколкове допустили ряд серьезных ошибок [2, с. 77, 168–169]. Тем не менее дать общее представление об этой исторической фигуре все-таки возможно.

Крестьянин по происхождению П. Я. Осколков принадлежал к известной торговой династии. Краткая информация об истории рода Осколковых изложена в нескольких научных и краеведческих публикациях [3, с. 125–127; 4, с. 15–20; 5, с. 102; 6, с. 19–20]. Согласно преданию, род ведет начало от переселенцев из Новгорода, осевших на вычегодской земле. В XVII–XVIII вв. Осколковы вели активную торговлю в Сибири и Китае. По словам С. В. Бахрушина, «по своему богатству крестьяне Осколковы занимали очень видное место среди именитого купечества XVII в., наряду с Босыми, Ревякиными и Федотовыми, и пользовались значительным влиянием в Москве» [3, с. 127]. Наиболее яркими представителями рода были Андрей Амосович – один из богатейших сибирских купцов; Афанасий Андреевич – один из высокообразованных корреспондентов Юрия Крижанича; Григорий Афанасьевич – один из основателей русской духовной миссии в Пекине.

Род Осколковых в XVII в. делился на две основные ветви, которые по месту проживания родоначальников можно условно назвать ленской и цылибской. Ныне эти земли относятся к Ленскому району Архангельской области. Пётр Якимович Осколков принадлежал к ленской ветви, представители которой являлись частновладельческими крестьянами. Ленская волость Яренского уезда в XVII в. последовательно принадлежала думным дьякам И. Т. Грамотину и Ф. Ф. Лихачеву, князьям Д. М. Алачеву, И. С. Прозоровскому и Я. К. Черкасскому [7, с. 17–19]. Редакторы сборника научных трудов С. В. Бахрушина утверждают, что цылибские Осколковы, в отличие от ленских, всегда были черносошными, т. е. лично свободными крестьянами [3, с. 125–126], но документы о их пребывании в Сибири свидетельствуют об ином: в 1645 г. братья Андрей, Иван и Осип Амосовы Осколковы из цылибской ветви именовались крестьянами Ф. Ф. Лихачева [2, с. 170–171]. Видимо, только разбогатев, Осколковым удалось откупиться от личной зависимости.

Сохранившиеся документы позволяют установить место рождения П. Я. Осколкова. В опубликованной Н. П. Воскобойниковой и М. А. Мацуком переписной книге Яренского уезда 1646 г. имеется запись: «Дер. Яковлевская на речке на Лене, а в ней <…> Якимко Фёдоров сын Осколкова <…>, у него ж сын Петрушка сошел в Сибирь во

150 году» [8, с. 69]. Кроме Петра названы шесть проживавших с отцом сыновей Якима Фёдоровича, младшему из которых было 10 лет. 150-й (7150-й) год по древнерусскому летоисчислению – это период с 1 сентября 1641 г. по 1 сентября 1642 г.[1] Деревни Яковлевской, находившейся близ современного села Лена, в настоящее время не существует, хотя представители рода Осколковых и доныне живут на вычегодской земле.

Как отмечал С. В. Бахрушин: «В больших купеческих семьях естественными помощниками главы дома являлись младшие сочлены – сыновья, младшие братья, племянники, внуки, которые, по его поручению, разъезжали "с торгом" по городам Руси и Сибири». При этом в силу близкого родства «сделки, которые племянники совершали от имени дядьев, признавались действительными без особой доверенности» [9, с. 135–136], что облегчало торговые операции. В сибирских торговых документах 1640–1650-х гг. Пётр Якимович Осколков обычно фигурирует как брат (в реальности – вероятно, троюродный брат) Андрея, Ивана и Осипа Амосовичей Осколковых. С родных берегов малой реки Лены (Ленки) он перебрался на берега великой сибирской реки Лены.

В июне 1645 г. П. Я. Осколков возглавил хорошо снаряженную артель покрученików И. А. Осколкова, состоявшую из 19 чел. и направленную из Якутска вниз по Лене «на рыбную ловлю и на соболиной промысел»; а 20 августа следующего года выехал из Якутска в Енисейск и далее в Европейскую Россию, сопровождая партию товара из тысяч соболиных шкурок: добытых на Индигирке – на сумму 3260 руб., и на Вилюе – на 634 руб. [2, с. 170–171]. Столь внушительные по тем временам цифры наглядно свидетельствуют о масштабе торговой деятельности дома Осколковых.

6 ноября 1648 г. П. Я. Осколков направился из Илимска в Енисейск «для долговой взятки торгового человека Осипа Осколкова», а 13 мая 1649 г. прибыл из Енисейска в Якутск с товарами Осипа и Ивана Осколковых. С ним прибыли и пятеро покрученików Осипа Осколкова. 2 июля 1649 г. П. Я. Осколков отбыл из Якутска «на Индигирскую и на Колыму реки на соболиной промысел и для торгу» с товаром и промысловым снаряжением на общую сумму 1265 руб. 16 алтын 4 деньги (1265 руб. 50 коп.) [там же, с. 172–173].

Находясь на Индигирке, Пётр Осколков привлекался к процедуре официальной оценки предназначенного для продажи казенного имущества [10, с. 188]. 25 апреля 1650 г., готовясь к отъезду в Якутск, он предъявил на индигирской таможне приобретенные у 42 продавцов (39 промышленных людей, один приказчик, статус двоих не указан) 1196 собольих шкурок и «шубу соболью, а в ней шестьдесят недособолей», на общую сумму 1256 руб. 26 алтын 4 деньги (1256 руб. 80 коп.) [2, с. 173–176]. По мнению известного историка М. И. Белова, переход с Индигирки на Лену П. Я. Осколков совершил полярными морями в составе группы из 20 чел., пройдя на коче опасный путь до Жиганского острога [10, с. 332]. При этом на таможне в Якутске им было представлено соболей «своего промыслу» на сумму 1941 руб. 25 алтын (1941 руб. 75 коп.). По доносу об утайке незаконно приобретенных Осколковыми соболей «иноземского промыслу» началось следствие, результат которого неизвестен [2, с. 177–178].

В некоторых документах 1650 г. Пётр Осколков именуется «торговым человеком» уже без «аффилиации» со своими братьями [2, с. 176–177; 10, с. 186, 188]. Однако далее в его биографии существует серьезный пробел. Известно лишь, что, зарекомендовав себя грамотным оценщиком «мягкой рухляди» и иного товара, П. Я. Осколков переходит на гражданскую «государеву службу». Некоторое время он состоит в должности выборного таможенного целовальника съезжей избы Илимского острога, т. е. избранного «торговыми людьми» чиновника уездной администрации, и находится в подчинении воеводы Лаврентия Авдеевича Обухова. Что произошло далее – непонятно, но, видимо, вследствие допущенных воеводой или целовальником злоупотреблений, П. Я. Осколков бежал из Илимска в Киренск (официально именовавшийся тогда Никольским погостом) с компрометирующими документами – «товарными книгами съезжие избы и с отписками ево, Петрушкина, приему». Немаловажно и то, что по состоянию на 1664 г. за ним числился долг перед казной в 42 руб. 3 алтына 2 деньги (42 руб. 10 коп.) [2, с. 76, 179].

В Киренск, вероятно, Пётр Якимович направился потому, что там проживал его тесть – казачий пятидесятник Никифор Романович Черниговский. Однако прибывший в июне 1665 г. на киренскую ярмарку Л. А. Обухов арестовал П. Я. Осколкова и решил вывезти его на суд и расправу в Илимск. 27 июня закованный в кандалы беглый целовальник на дощанике воеводы отправился обратно вверх по р. Лене. В этот момент его дальнейшая судьба представлялась самой безотрадной. Однако в ночь на 28 июня случилось событие, перевернувшее судьбу П. Я. Осколкова.

Мало того, что воевода Л. А. Обухов был классическим коррупционером-вымогателем, о чем свидетельствуют многочисленные жалобы челобитчиков. Он отличался крутым характером, безграничным самодурством и совершенно безнравственным поведением. Его разгул, произвол и насилия на киренской ярмарке переполнили чашу терпения местных жителей.

Еще до приезда воеводы в Киренск Н. Р. Черниговский планировал самовольно уехать в Москву – «бити челом великому государю о всяких изгонях и обидах на воеводу на Лаврентья Обухова». Но, видимо, не надеясь на заступничество высшей власти, он уже во время пребывания Л. А. Обухова в Киренске согласился на уговоры своих единомышленников ограбить воеводу (что, скорее всего, воспринималось заговорщиками не грабежом, а экспроприацией по принципу «грабь награбленное») и бежать «в Даурскую землю», т. е. на берега Амура [там же, с. 70–71].

Приамурье после разгрома маньчжуро-китайско-корейскими силами в 1658 г. русского Амурского войска [11, с. 133–134] формально контролировалось маньчжурами, но фактически было «ничейной землей», а о богатстве этого края свидетельствовали уцелевшие участники Амурского похода. Амур манил к себе сибиряков, под гнетом воеводы истосковавшихся по «вольной жизни». В итоге

[1]

быстро сложился заговор, в котором участвовали 22 чел. Было принято решение захватить и ограбить воеводский дощаник после отъезда Л. А. Обухова из Киренска.

Согласно аргументированному предположению Г. Б. Красноштанова, Н. Р. Черниговский согласился возглавить заговор, так как воевода годом ранее изнасиловал одну из его дочерей, находившуюся замужем за священником Фомой Кирилловым [2, с. 103]. Возможно, что арест второго зятя стал последним, решающим в цепи событий, превративших Никифора Черниговского из казачьего пятидесятника в разбойничьего атамана.

П. Я. Осколков в замыслы заговорщиков посвящен не был. Как сказано в показаниях сыновей Н. Р. Черниговского, о готовящемся нападении «зять де их, Петрушка, что за ним, Петрушкою, сестра их, и матери, и жены их не знали» [там же, с. 122]. Руководитель заговора решил лично не участвовать в грабеже, распорядившись лишь привезти к нему воеводу в Киренск. Возможно, поэтому события пошли не по запланированному сценарию.

В ночь на 28 июня у безымянного острова на Лене, с того момента и доныне именуемого Обухов, «воры и изменники с вогненым оружьем» на нескольких стругах напали на воеводский дощаник. На борту произошла рукопашная схватка, сопровождаемая случайными выстрелами. Оказавшие сопротивление были избиты, несколько человек убиты. В ночной суматохе воевода пытался спастись вплавь, прыгнув в воду. Погнавшиеся за ним в струге заговорщики нагнали его у самого берега и закололи «пальмами» (разновидность копья). Имена убийц впоследствии назывались разные, ясности в этом вопросе нет.

Убийство воеводы (по-современному – губернатора) было делом доселе в Сибири неслыханным. Побег на Амур становился необходимостью, чтобы уйти от суровой ответственности. Повязанных кровью Л. А. Обухова заговорщиков теперь ничто не удерживало. Прибыв на захваченном дощанике в Киренск, они устроили массовый грабеж, а затем направились вниз по Лене – в благословенную «Даурскую землю». При этом, однако, с пути направили в Москву оправдательную челобитную с многочисленными обвинениями в адрес покойного Л. А. Обухова. В числе подписавших этот документ был и П. Я. Осколков.

В официальном донесении якутскому воеводе о действиях нападавших сказано, что они колодника «Петрушку Осколкова, розломав железа <…>, в воровской даурской побег взяли» [там же, с. 76]. При столь драматических обстоятельствах освобождения у П. Я. Осколкова действительно оставался лишь один путь: примкнуть к заговорщикам. И в этом он был отнюдь не одинок: в извечной надежде на «землю и волю» к ватаге Н. Р. Черниговского присоединились десятки людей. В их числе оказался даже основатель Усть-Киренского Троицкого монастыря «черный поп» (иеромонах) Гермоген, что придавало разбойничьему отряду некоторую легитимность. Пройдя сопровождавшийся дальнейшими грабежами непростой путь по Лене, Олекме и Тугирскому волоку, «воровское войско» Н. Р. Черниговского прибыло в Приамурье.

Показательно, что на Амуре беглецы стали действовать не как разбойники, а как государевы люди, закрепляв-шие за Россией новые территории. На месте покинутого Е. П. Хабаровым еще в 1651 г. Албазинского городка они возвели острог, земли вокруг распахали и засеяли зерновыми культурами, а местные племена вновь обложили ясаком, согласно практике того времени в обеспечение уплаты взяв аманатов (заложников). Видимо, решение о подобных действиях было принято еще в начале побега, о чем свидетельствует фрагмент ранее упоминавшейся челобитной: «…не мога его, Лаврентьева, мученья претерпеть, и от всяких ево изгони и угроз пошли вам, великим государем, служить на Амур реку» [там же, с. 91]. Это явно свидетельствовало о желании загладить вину за совершенное преступление.

При этом Н. Р. Черниговский полуофициально вступил в подчинение ближайшему крупному чиновнику – приказному человеку Нерчинских острогов Лариону Борисовичу Толбузину. Испытывая острую нехватку людей и ресурсов, тот не имел ни желания, ни возможностей бороться с албазинцами и сквозь пальцы смотрел на прошлое новоявленных подчиненных: ведь они фактически утвердили новый форпост русских земель, прикрывший Нерчинск с востока. Однако в глазах центрального руководства албазинцы по-прежнему являлись преступниками, что делало шатким и положение Л. Б. Толбузина. Возвращение русских на Амур не могло не обеспокоить и правящую в Китае маньчжурскую династию.

К тому же, с учетом обстоятельств ухода на Амур, покорностью и покладистостью бывшие беглецы отнюдь не отличались, допуская немалые «вольности»: например, плодородие местных земель и богатые урожаи зерновых привели к процветанию в остроге пивоварения и винокурения. В своем желании отличиться и заслужить прощение албазинцы порой перегибали палку, собирая ясак насильно и уходя в дальние грабительские походы, в том числе на подконтрольную «богдойскому царю» (китайскому императору) территорию. Такие действия вызывали официальные дипломатические протесты со стороны Китая [12, с. 44–45]. Существование Албазина постепенно превращалось в раздражающий фактор и без того непростых русско-китайских отношений.

Тем не менее в отписках (донесениях) Л. Б. Толбузина и сменившего его Д. Д. Аршинского Н. Р. Черниговский постоянно упоминается как «приказный человек», а его подчиненные – как «служилые люди» [2, с. 144, 151]. Термин «приказный человек» («приказный», «приказчик») означал в то время «начальник», «руководитель», использовался в разных сферах деятельности и подразумевал утверждение в должности вышестоящей властью. Да и сами жители Албазинского острога в челобитных именовали себя «вольными охочими служилыми казаками», т. е. добровольно состоявшими на государственной службе. Однако такой не утвержденный официально статус не позволял им уверенно смотреть в будущее.

Двойственное положение албазинцев привело к тому, что некоторые из них решили попытать счастья в государственной измене. В 1670 г. восемь человек бежали из Албазина в Китай. А затем случилось и вовсе неожиданное. Как сообщал в Москву Д. Д. Аршинский, «…декабря в 15 день

писали ко мне из Олбазинского острогу албазинские охочие служилые люди Петрушка Екимов с товарищи: <…> Микифорко Черниговской хотел де бежать в Даурскую землю к богдойскому царю». Его выдала жена казака Ивана Перелешина, которую он звал с собой. В итоге обоих схватили и доставили в Нерчинск, где Н. Р. Черниговский признался в подготовке побега и был закован в кандалы до решения высшей власти [там же, с. 156].

Таким образом, П. Я. Осколков открыто пошел против своего тестя и начальника, в чем получил поддержку большинства албазинцев. Но, видимо, было в этом патриотичном поступке и «двойное дно»: жертвуя своим приказным, казаки надеялись получить прощение за убийство илимского воеводы. Свидетельством тому служит их челобитная, отправленная Д. Д. Аршинским в Москву одновременно с донесением о проступке Н. Р. Черниговского. К сожалению, ее текст сохранился не полностью. В этом документе «Олбазинского острогу вольные охочие служилые десятничишка казачьи и рядовые казачишка», общим числом 82 чел., сообщали о своей пятилетней честной службе без государева жалованья и, видимо, просили о выдаче такового, что автоматически означало бы их прощение. Показательно, что в перечне челобитчиков первым указано имя «Петрушка Екимов» [там же, с. 157], что свидетельствует о его лидерстве и, вероятно, занятии им еще при Н. Р. Черниговском должности казачьего десятника, т. е. одного из руководителей албазинцев, которые, очевидно, управлялись по принципам казачьего «круга» и копировали десятичную структуру казачьего войска.

Челобитная не вызвала изменений в положении беглецов. Однако активная позиция П. Я. Осколкова привела к тому, что он становится приказным Албазинского острога – видимо, по выбору «сослуживцев». По мнению Г. Б. Красноштанова, П. Я. Осколков занимал должность албазинского приказчика с 1670 по 1673 г. [там же, с. 237]. С учетом цитированной челобитной это возможно, но немногие сохранившиеся документы об истории Албазина не позволяют уверенно подтвердить эту датировку.

В мае 1672 г. Д. Д. Аршинскому передали очередную челобитную албазинцев, которую с другими бумагами доставили в Москву только 13 декабря. При этом в числе челобитчиков имя Петра Осколкова указано не первым, а вторым – после Фёдора Евсевьева, что позволяет предположить исполнение функций приказчика именно этим человеком (позднее, в 1675–1676 гг., он трижды занимал этот пост). Содержание челобитной сходно с поданной в 1670 г.: «Албазинского острогу служилые людишка», умалчивая об убийстве Л. А. Обухова, перечисляют свои заслуги и просят пожаловать их «за ту нашу службишку <…> денежным, и хлебным, и соляным жалованьем» [там же, с. 180–182]. При этом сравнение челобитных позволяет судить об успешной руководящей деятельности Фёдора Евсевьева и Петра Осколкова: численность албазинских казаков за полтора года выросла с 82 до 120 чел., посевы ржи – с 50 до 90 десятин. Однако и на сей раз положительного для албазинцев решения не последовало.

Единственный документ, в котором П. Я. Осколков назван приказным, был опубликован в 1821 г., и местонахождение подлинника ныне неизвестно. Это храмозданная грамота митрополита Сибирского и Тобольского Корнелия (Корнилия), в которой сообщается, что в 7181 (1672–1673) г. «Даурския земли Албазинского острога <…> приказный Петрушка Осколков» и его подчиненные обратились к митрополиту с просьбой благословить строительство на территории острога деревянной церкви Воскресения Христова с приделами Богородицы Владимирской и Собора Архистратига Михаила [13, с. 202–203] – видимо, по названиям имевшихся в Албазине икон. Разрешение было получено, и о дальнейшем существовании храма свидетельствует наличие в Албазине священника – «белого попа Фёдора Иванова» [2, с. 249]. Церковь сгорела при первом взятии Албазина китайцами в 1685 г.

Таким образом, П. Я. Осколков, продолжая дело своего предшественника, совершил новый важный шаг политической значимости, закрепив русское присутствие на Амуре возведением первого приходского храма. Однако по состоянию на 20 декабря 1673 г. приказчиком Албазинского острога вновь значится Н. Р. Черниговский [там же, с. 199]. Обстоятельства его возвращения в Албазин неясны, но П. Я. Осколкову это не сулило ничего хорошего: отношения зятя с тестем после того, как первый отправил последнего в застенок по обвинению в измене, явно оставляли желать лучшего. Поскольку в дальнейших документах Пётр Осколков не упоминается, нельзя исключить и его смерть в 1672 или 1673 гг., что могло послужить одной из побудительных причин освобождения и возвращения Н. Р. Черниговского. Но до обнаружения дополнительных источников любые выводы о финале жизни П. Я. Осколкова будут преждевременны.

Албазинцы были помилованы царем Алексеем Михайловичем по новой челобитной, поданной ими в мае 1673 г. и доставленной в Москву в январе 1674 г. Этот документ сохранился только в кратком пересказе, поэтому неизвестно, приложил ли к нему свою руку П. Я. Осколков. На этот раз челобитная шла от имени самого «Микифорка Черниговского с товарыщи», которые утверждали, что убили Л. А. Обухова «за невозможное свое терпение, что он, Лаврентей, приезжая к ним в Устькиренскую волость, жен их насильничал, а животы их вымучивал» [14, с. 275]. На основании этой челобитной 15 марта 1675 г. царь Алексей Михайлович приговорил участников убийства воеводы к смерти, а остальных беглецов – к битью кнутом и отсечению руки, но уже 17 марта за то, что «они, пришед в Дауры, вины свои принесли, и на Албазинском городище острог поставили, и ясачных людей призвали и аманатов поимали, и пашню завели, казнить и наказанья им чинить не велел» [там же, с. 275–276]. Таким образом, прощение последовало лишь тогда, когда албазинцы не только указали на свои заслуги, но и повинились в содеянном, что полностью отвечало христианскому правосознанию.

Узнал ли о милости царя П. Я. Осколков – неизвестно. Не дожил до столь долгожданной вести и Н. Р. Черниговский: «самовольной и самохотной атаман» скончался в Албазине летом 1675 г. [2, с. 217]. А основанный ими острог навсегда вошел в историю России, обессмертив свое имя в 1686 г. знаменитым «Албазинским сидением».

Таким образом, Петру Якимовичу Осколкову, начавшему свою деятельность в Сибири с традиционной для представителей этого рода торговли, суждено было войти в российскую историю отнюдь не с экономической, а с совершенно иной – военно-политической – стороны. При этом решающую роль в его биографии сыграл случай. Пусть не совсем по своей воле, он стал, хотя и не самой яркой, но все же достаточно заметной фигурой в истории присоединения и освоения российского Приамурья.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Личный архив автора. – Письмо Г. Б. Красноштанова от 15 марта 2010 г.
2. Красноштанов, Г. Б. Никифор Романов Черниговский: документальное повествование / Г. Б. Красноштанов. – Иркутск: Репроцентр А1, 2008. – 378 с.
3. Бахрушин, С. В. Торговые крестьяне в XVII в. / С. В. Бахрушин // С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. 2. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. – С. 118–133.
4. Безменова, Е. А. Цылиб небесный и земной / Е. А. Безменова. – Коряжма: РГ «Успешная», 2025. – 292 с.
5. Плаксина, Н. Е. Завещание Аммоса Осколкова 1760 г. как источник по истории церковного строительства в Яренском уезде во второй половине XVIII в. / Н. Е. Плаксина // Межкультурные связи народов России на Европейском Севере: Межрегиональная научно-практическая историко-краеведческая конференция, с. Яренск, Архангельская область, 29 октября 2018 г.: мат. конф. – Сыктывкар: [б. и.], 2018. – С. 100–106.
6. Политов, В. В. Яренск (исторический очерк) / В. В. Политов. – Л.: Наука, 1978. – 112 с.
7. Мацук, М. А. Коми край от Бориса Годунова до Петра I: Очерки истории коми крестьянства конца XVI–XVII вв. / М. А. Мацук. – Сыктывкар: Коми книжное изд–во, 1993. – 184 с.
8. Документы по истории народа Коми: писцовая и переписные книги Яренского уезда XVII в. / сост.: Н. П. Воскобойникова, М. А. Мацук. – Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1985. – 388 с.
9. Бахрушин, С. В. Агенты русских торговых людей XVII в. / С. В. Бахрушин // С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. 2. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. – С. 134–153.
10. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах: сб. док. о великих русских географических открытиях на Северо-Востоке Азии в XVII веке / сост. М. И. Белов. – Л., М.: Изд-во Главсевморпути, 1952. – 386 с.
11. Гладких, С. А. Амурский поход 1649–1659 гг.: Соратники и соперники Ерофея Хабарова / С. А. Гладких. – М.: Издательский дом «Сказочная дорога», 2021. – 192 с.
12. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 6. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1857. – 516 с.
13. Берх, Г. Подвиги боярского сына Ерофея Хабарова и водворение россиян при берегах реки Амура / Г. Берх // Сын Отечества. – 1821. – № XII. – С. 197–204.
14. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 8. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1862. – 368 с.

References

1. Lichnyj arhiv avtora [Personal archive of the author]. – Pismo G. B. Krasnoshtanova ot 15 marta 2010 g. [Letter of G. B. Krasnoshtanov dated March 15, 2010].
2. Krasnoshtanov, G. B. Nikifor Romanov Chernigovsky: dokumentalnoe povestvovanie [A documentary narrative] / G. B. Krasnoshtanov. – Irkutsk: Reprocentr A1, 2008. – 378 p.
3. Bakhrushin, S. V. Torgovye krestyane v XVII v. [Trading peasants in the XVII century] / S. V. Bakhrushin // Bakhrushin, S. V. Nauchnye trudy [Sci. works]. – Vol. 2. – Moscow: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR [Publ. House of the USSR Academy of Sciences], 1954. – P. 118–133.
4. Bezmenova, E. A. Cylib nebesnyj i zemnoj [Tsylib celestial and terrestrial] / E. A. Bezmenova. – Koryazhma: RG «Uspeshnaya» [Regional newspaper «Successful»], 2025. – 292 p.
5. Plaksina, N. E. Zaveshchanie Ammosa Oskolkova 1760 g. kak istochnik po istorii cerkovnogo stroitel'stva v Yarenskom uezde vo vtoroj polovine XVIII v. [Testament of Ammos Oskolkov of 1760 as a source on the history of church building in the Yarensk Uyezd in the second half of the XVIII century] / N. E. Plaksina // Mezhkulturnye svyazi narodov Rossii na Evropejskom Severe [Intercultural relations of the peoples of Russia in the European North]: Interregional Sci. Pract. Conf. on history and local lore, Yarensk, Arkhangelsk Region, October 29, 2018: Conference proceedings. – Syktyvkar, 2018. – P. 100–106.
6. Politov, V. V. Yarensk (istoricheskij ocherk) [Historical Essay] / V. V. Politov. – Leningrad: Nauka, 1978. – 112 p.
7. Matsuk, M. A. Komi kraj ot Borisa Godunova do Petra I: Ocherki istorii komi krestyanstva konca XVI–XVII vv. [Komi Region from Boris Godunov to Peter I: Essays on the history of the Komi peasantry of the late XVI–XVII centuries] / M. A. Matsuk. – Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo [Komi Book Publ. House], 1993. – 184 p.
8. Dokumenty po istorii naroda Komi: piscovaya i perepisnye knigi Yarenskogo uezda XVII v. [Documents on the history of the Komi people: scribes and census books of the Yarensk Uyezd of the XVII century] / comp. N. P. Voskobojnikova, M. A. Matsuk. – Syktyvkar: Komi filial AN SSSR [Komi Branch of the USSR Academy of Sciences], 1985. – 388 p.
9. Bakhrushin, S. V. Agenty russkih torgovyh lyudej XVII v. [Agents of Russian merchants of the XVII century] / S. V. Bakhrushin // Bakhrushin, S. V. Nauchnye Trudy [Sci. works]. Vol. 2. – Moscow: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR [Publ. House of the USSR Academy of Sciences], 1954. – P. 134–153.
10. Russkie morekhody v Ledovitom i Tihom okeanah: Sbornik dokumentov o velikih russkih geograficheskih otkrytiyah na Severo-Vostoke Azii v XVII veke [Russian sailors in the Arctic and Pacific oceans: collection of documents on the

great Russian geographical discoveries in the Northeast Asia in the XVII century] / Comp. M. I. Belov. – Leningrad, Moscow: Izdatelstvo Glavsevmorputi [Publ. House of the main northern sea route «Glavsevmorput»], 1952. – 386 p.
11. Gladkikh, S. A. Amurskij pohod 1649–1659 gg.: Soratniki i soperniki Erofeya Habarova [Amur campaign of 1649–1659: Companions and rivals of Erofei Khabarov] / S. A. Gladkikh. – Moscow: Izdatelskij dom «Skazochnaya doroga» [Publ. House «Fairytale Road»], 2021. – 192 p.
12. Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye arheograficheskoj komissiej [Supplements to historical documents, collected and published by the archaeographic commission]. Vol. 6. – St. Petersburg: Tipografiya Eduarda Praca [Eduard Prats Printing House], 1857. – 516 p.
13. Berkh, G. Podvigi boyarskogo syna Erofeya Habarova i vodvorenie rossiyan pri beregah reki Amura [The exploits of the boyar's son Erofei Khabarov and the settlement of Russians on the banks of the Amur River] / G. Berkh // Syn Otechestva [Son of the Fatherland]. – 1821. – No. XII. – P. 197–204.
14. Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye arheograficheskoj komissiej [Supplements to historical documents, collected and published by the archaeographic commission]. Vol. 8. – St. Petersburg: Tipografiya Eduarda Praca [Eduard Prats Printing House], 1862. – 368 p.

Благодарность (госзадание):

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Asknowledgement (state task):

The paper was prepared within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS.

Информация об авторе:

Гладких Сергей Александрович – кандидат исторических наук, SPIN-код: 3438-8780 (165300, Российская Федерация, Архангельская обл., г. Котлас; e-mail: sgladkih@inbox.ru).

Author:

Sergey A. Gladkikh – Cand. Sci. (History); SPIN-code: 3438-8780 (Kotlas, Arkhangelsk Region, Russian Federation; e-mail: sgladkih@inbox.ru).

Для цитирования:

Гладких, С. А. Албазинский приказный Пётр Якимович Осколков / С. А. Гладких // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 3 (88). – С. 44–49.

For citation:

Gladkikh, S. A. Albazin administrator Pyotr Yakimovich Oskolkov / S. A. Gladkikh // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2026. – No. 3 (88). – P. 44–49.

Дата поступления статьи: 15.01.2026
Прошла рецензирование: 15.05.2026
Принято решение о публикации: 19.05.2026
Received: 15.01.2026
Reviewed: 15.05.2026
Accepted: 19.05.2026

УДК 94(47)
DOI 10.19110/1994-5655-2026-3-50-56

«Зырянские князьки» купцы Сухановы: легенды и быль

Золотарев О. В.*, Судовиков М. С.**

*Сыктывкарский государственный университет им. П. Сорокина, г. Сыктывкар
**Кировская государственная универсальная областная научная библиотека им. А. И. Герцена, г. Киров

kimoopd@syktsu.ru
sudovikov70@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется история деловой и общественной деятельности самой известной коми купеческой династии – Сухановых.
Сухановы являлись типичной предпринимательской фамилией Европейского Севера России XVIII столетия, которая формировалась в ходе сложного и многогранного процесса. Работа знакомит с биографией и деятельностью представителей династии. Отмечается, что род Сухановых не только создавал хозяйственную и социально-общественную среду региона, но и играл немаловажную роль в политической и культурной эволюции края.
На примере клана Сухановых можно четко отследить такие присущие купеческому сословию черты, как разнообразные виды предпринимательской активности при явном преобладании торговли, участие в общественной и благотворительной деятельности, весьма неустойчивый социальный статус. Успешные торговые начинания, а позднее – и выгоды от исполнения общественных обязанностей позволили Сухановым в течение почти полутора столетий входить в верхний слой северного русского купечества и внести серьезный вклад в эволюцию Коми края.
Благодаря Сухановым территория получила определенный импульс в своем развитии, а Усть-Сысольск стал городом и ее центром.
Влияние Сухановых на жизнь коми народа было столь велико и разнообразно, что представители династии стали героями многочисленных коми легенд и преданий. Таким образом, исторический факт закреплялся в народной культуре, продолжая свою жизнь в различных сюжетах и мотивах.

Ключевые слова:

Коми край, Сухановы, купечество, торговая деятельность, предпринимательство, коми легенды, Усть-Сысольск

The «Zyryan princes» Sukhanov merchants: legends and reality

Zolotarev O. V.*, Sudovikov M. S.**

*Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar
** Kirov State Universal Regional Scientific Library named after A. I. Herzen, Kirov

kimoopd@syktsu.ru
sudovikov70@mail.ru

Abstract

The paper analyzes the history of the business and social activities of the most famous Komi merchant dynasty - the Sukhanovs. The Sukhanovs were a typical entrepreneurial family in the European North of Russia of the XVIII century, which was formed during a complex and multifaceted process. The work introduces the biography and activities of the dynasty's members. It is noted that the Sukhanov family not only formed the economic and social environment, but also played an important role in the political and cultural evolution of the region.
The Sukhanov clan clearly demonstrates such characteristics inherent to the merchant class as diverse entrepreneurial activities, with a clear predominance of trade, participation in social and charitable activities, and a highly unstable social status. Successful trade undertakings, and later the benefits of fulfilling public duties, allowed the Sukhanovs to occupy the upper layer of the northern Russian merchants for nearly a century and a half, making significant contribution to the evolution of the Komi region.
Thanks to the Sukhanovs, the region received a significant impetus in its development, and Ust-Sysolsk became a city and its center.
The influence of the Sukhanovs on the life of the Komi people was so great and varied that members of the dynasty became heroes of numerous legends and tales. Thus, this historical fact was fixed in folk culture, continuing to live in various narratives and motives.

Keywords:

Komi region, the Sukhanovs, merchants, trading activities, entrepreneurship, Komi legends, Ust-Sysolsk

Реформы Петра Великого дали толчок экономическому развитию Российской империи. Новый импульс получило и российское предпринимательство. На отечественном экономическом небосклоне в XVIII в. появились незнакомые прежде фамилии: Демидовы, Мальцовы, Грачевы, Гарелины… Причем, приращение предпринимательства происходило не только в центральных регионах империи, но и на ее окраинах. В том числе и на северо-востоке европейской

части, где еще с XVI в., казалось, безраздельно господствовали выходцы из разбогатевших поморских крестьян Строгановы, составившие состояние на основе солеваренных промыслов. Теперь здесь стали звучать и другие имена: Осколковы, Шаньгины, Рыбниковы, Курочкины…

Для жителей Коми края особняком в этом перечне фамилий стоит семья купцов Сухановых, которые являются, пожалуй, самой древней и знаменитой предпринимательской династией, игравшей немалую роль в XVIII и начале XIX в. в общественно-политической жизни территорий, населенных коми-зырянами. Сухановы настолько безраздельно господствовали на земле Коми, что академик И. И. Лепехин, в 1771 г. побывавший в этих краях, даже назвал их «зырянскими князьками». В своих «Записках…» он поражался огромному богатству и влиянию Сухановых: «Проворство в торговле обогатило их <…> Каждый зырянин составляет их как бы природного крестьянина и все его стяжение почти наверняка принадлежит Сухановым. Они их задатчивают на хлеб и на звериные промыслы и после обирают все их житье, бытье, богачество <…> Есть ли где увидишь лучшие нивы в ближайших селениях к Усть-Сысоле и спросишь, кому они принадлежат? – отвечают: Сухановым; есть ли где пасутся стада, стада принадлежат Сухановым» [1, с. 272].

Корни этой династии И. И. Лепехин находит зырянскими. Действительно, свое начало эта примечательная купеческая фамилия берет с крестьянина Федора, по прозвищу Бес, проживавшего в с. Усть-Сысоле в 1586 г. Его сын, Давыд, получил прозвище Сухан, давшее впоследствии именование и всей династии. Сухановы увеличивали свое состояние с каждым поколением. Поначалу с помощью земледелия [2, с. 63].

Сын Давыда-Сухана Леонтий – положил начало занятием торговлей. Еще более широко поставил дело сын Леонтия Леонтий Суханов (Бажен). Торговым успехам Сухановых во второй половине XVII в. весьма способствовало то обстоятельство, что через территорию коми-зырян стали пролегать оживленные торговые пути из центральных и северных районов России в Сибирь и Прикамье.

Постепенно доля Сухановых в торговле коми купцов стала значительной, обороты ее из года в год росли. Дальше – больше. Сухановы начали составлять торговые обозы, арендовать суда для перевозки грузов на ярмарки (вплоть до Петербурга и Москвы). Причем наибольший доход купцам приносила посредническая торговля [3, с. 264–265].

В 1723 г. братья Сухановы (Афанасий, Евстафий, Андрей, Иван) были зачислены в купечество г. Яренска. Они все больше расширяют сферу своих экономических интересов. Сухановы арендуют и покупают пахотные и сенокосные участки, рыболовные угодья, скупают сельскохозяйственную продукцию, дичь, рыбу (они поставляют эти продукты в крупнейшие города Российской империи). Не чураются и ростовщичества. В 1760 г. более сотни крестьян сысольских и вычегодских областей были должниками Сухановых. Силами попавших в зависимость от купеческой фамилии крестьян и наемных работников на собственных и арендованных землях купцы организуют товарное производство сельскохозяйственных продуктов. В конце XVIII в. они арендуют речку, три крупных озера, землю вокруг них. Засилье новоявленных богатеев, еще недавно бывших простыми крестьянами, вызывает недовольство местного населения. О натянутых отношениях «зырянских богачей» с крестьянством говорит и И. И. Лепехин, отметивший «сколь вредны вообще, и сколь тягостны для крестьянства такие посторонние помещики, и не по своим местам живущие промышленники, всяк удобно видит» [1, с. 273; 4, с. 45].

Не остаются купцы в стороне и от промышленного производства. Они основывают винокуренный завод на р. Човью, владеют мельницей и брусяно-точильными промыслами на притоках Печоры. Им же принадлежат, по свидетельству И. И. Лепехина, и «лучшие мельницы» близ Усть-Сысолы [1, с. 272–273].

Но главным для Сухановых остается торговля. Постепенно они сосредотачивают свои интересы на территории Коми края. При этом их влияние уже не ограничивается только экономикой. Уже с середины 1670-х гг. Бажен Суханов практически постоянно занимает пост волостного целовальника, а также и земского судьи.

XVIII век по праву может считаться расцветом торговой империи Сухановых, когда их могущество было по достоинству оценено академиком И. И. Лепехиным, который отмечал, что именно факт проживания Сухановых в Усть-Сысоле вызывает «у зырян почтение к сей селитьбе». Влияние этих «зырянских господарей» было настолько велико, что они добились открытия в непримечательном (за исключением того, что именно там проживали Сухановы) погосте Усть-Сысола сначала таможни, а затем и постоянно функционирующего торжка. А в 1708 г. в Усть-Сысоле была открыта приказная изба. И здесь, по всей видимости, не обошлось без московских связей Сухановых [1, с. 273; 5, с. 267]. Считается, что «зырянские князьки» приложили руку к решению преобразовать в 1780 г. (при проведении губернской реформы) Усть-Сысольск в город и центр уезда. Признанием заслуг богатейшей коми фамилии в том, что Усть-Сысольск стал столицей Зырянского края служит и такой факт: на высочайше утвержденном плане застройки нового уездного центра одна из улиц названа Сухановской. А сама семья вскоре переходит из яренского купечества в усть-сысольское. Немало усилий прилагают купцы и для благоустройства города. Так, два первых каменных здания, построенных в Усть-Сысольске, были сооружены Сухановыми.

Но далеко не все было благополучно в купеческой судьбе. Их растущее богатство не могло не привлечь внимание «лихих людей». В 1732 г. жертвами разбойников стал целый ряд кораблей, перевозивших по Печоре товары. Среди них были и суда Сухановых. Но наиболее нашумевший инцидент, чуть не поставивший крест на богатстве Сухановых, произошел в 1739 г. Тогда «воровские люди» с верхней Вычегды под предводительством Петра Клакунова, привлеченные слухами о богатстве «зырянских князьков», приплыли в Усть-Сысолу и совершили нападение на владения коми богачей. Сухановы (а точнее – Елисей Иванович Суханов) позднее докладывали в своей челобитной императрице Анне Иоанновне: «В нынешнем 1739 году мая 10 приплыли сверху Вычегдою рекою воровские люди и обступили наш двор внезапну страшным разбоем. И, увидя их многолюдственный разбой, отец мой Иван и дядя Петр

Сухановы с домашними своими и с прилучившимися посторонними людьми во дворе запершись, из ружей по ворам палили». Несмотря на то, что купеческий двор был сильно укреплен, в нем имелся целый арсенал оружия (пистолеты, ружья, даже три небольшие пушки) и то, что оборонявшиеся отчаянно защищались, разбойникам удалось поджечь его и взять штурмом: «Оные разбойники дом наш, – сообщает Елисей Суханов (сам, кстати, не бывший непосредственным свидетелем произошедшего), – зажгли огнем. Вышли в ограду свою, где разбойники, помянутых отца моего Ивана и дядю Петра схвативши, били кистенями и копьями, колом и ножами своими резали, от которых тяжких ран отец мой Иван в тот же день к вечеру и умре, а дядя мой Петр лежит весьма болен при смерти». При штурме и последовавшем за ним разгроме погибли две дочери одного из Сухановых, Любава и Александра, работница Фимка Мальцева, учитель детей крестьянин из Межадора Семен Остапов, «прилучившиеся в доме» бурмистр Исак Чюкомин, купец Софрон Шешуков и еще несколько человек. Погиб, как можно заметить, и записанный в яренское купечество Иван Афанасьевич Суханов. Обитатели усадьбы, не выдержав пыток, выдали разбойникам ларцы с деньгами (позднее они были обнаружены на берегу реки пустые). Нападавшие смогли изрядно поживиться: их добычей стало немало пушнины, 25 пудов табаку, украшения, одежда и т. д. К тому же многое сгорело при пожаре. Разгромила банда Клакунова и винокуренный завод Сухановых на р Човью. Как видим, убытки, понесенные братьями Иваном и Петром Сухановыми, были весьма значительны. А память о пережитом страхе оказалась столь живуча, что даже в 1771 г. И. И. Лепехин указывал: «Сему страху так они подвержены, что и малолюдный мой приезд наделал им много сует, и я с великим трудом мог добиться, чтоб допущену быть пред лицо» Сухановых. Впрочем, жажда к наживе и власти пересиливала: «страх, который они почасту претерпевают от наезду разбойников не может преодолеть их вкоренившегося над зырянами господствования» [1, с. 272–273; 6, с. 58–64].

Конечно, это было чрезвычайное, из ряда вон выходящее событие для Коми края и позднее вокруг него сложилось немало легенд. Например, говорилось, что предводителем разбойников был не кто иной, как старший из Сухановых, скрывавшийся под прозвищем Шыпича, который именно благодаря грабежам и создал свое баснословное состояние. Ходили слухи и о колдовском даре Шыпичи. Однако, награбив богатство, он порвал со своими соратниками по лихому делу. И те решили отомстить прежнему предводителю [7].

Легенда о славном атамане Шыпиче позднее была записана и переработана известным коми ученым и писателем К. Ф. Жаковым. В ней указывается, что мифический Шыпича жил в устье р. Сысолы (где позднее будет основан Усть-Сысольск). Он был разбойником, который накопил большое добро, а когда состарился – решил уйти на покой. При этом обманул своих товарищей, скрывшись от них с награбленным. А они не простили Шыпиче предательства, напав на его дом. И здесь бывшему атаману ничто не помогло, даже то, что был он могучим колдуном-памом, повелевавшим огнем, водой и ветром, обладал способностью путешествовать под водой, проходя большие расстояния в сотни верст. Сухан-Шыпича погиб. Согласно легенде, над его могилой на берегу Сысолы был сооружен Троицкий собор (бывший центральным собором города, храм этот был разрушен в 30-е г. XX в.). В предании говорится о том, что когда река подмоет под храмом берег и собор рухнет, тогда Шыпича встанет из гроба и принесет для всего зырянского народа счастливую жизнь [8].

Однако легенда – легендой, но не только имуществу, но и могуществу Сухановых был нанесен серьезный урон. Впрочем, как мы увидим, они сумели не только оправиться после него, но даже увеличить свое состояние и влияние.

И все же экономические сложности не обходят стороной «зырянских князьков» – с основанием Усть-Сысольска появляются сильные торговые конкуренты Сухановых: Латкины, Осколковы, Новоселовы… Постепенно могущество фамилии слабеет. В 1782 г. самый влиятельный из семьи Петр Петрович Суханов числится купцом только 3-й гильдии [9, с. 115].

В начале XIX в. положение бывших безраздельных властителей Зырянского края поправилось. Это новое возвышение связано с деятельностью представителей двух ветвей сухановской династии – Алексея Ивановича Суханова (внука П. П. Суханова) и Степана Григорьевича Суханова. С 1801 г. оба числятся уже купцами 2-й гильдии.

Алексей Суханов возглавил семейное дело в 1792 г. после смерти деда и отца, будучи еще сравнительно молодым человеком. Через девять лет он сумел многократно умножить доставшийся от отца капитал и записаться в купцы 2-й гильдии. Во второе десятилетие XIX в. объявленный им капитал составлял 20 тыс. руб. Особенно велики объемы его торговли хлебом. Занимался Алексей Суханов и закупкой местной охотничьей и сельскохозяйственной продукции, арендовывал (совместно с С. Г. Сухановым) брусяноточильные промыслы на Печоре. Однако то ли конкуренты стали теснить Алексея Суханова, то ли удача отвернулась от него, но к началу 20-х гг. XIX в. дела его идут значительно хуже. В 1821 г. он вынужден перейти в купцы 3-й гильдии [5, с. 267]. Но и там он надолго не задержался: в 1824 г. А. Суханов вынужден записаться уже в мещанство. Детей у него не было. Поэтому эта ветвь династии прервалась.

А вот у другого Суханова, выдвинувшегося в начале XIX в., Степана Григорьевича, было аж 12 детей. В конце 90-х гг. XVIII в. он числится в купцах 3-й гильдии. Его дела идут в гору. И в 1801 г. он переходит уже во 2-ю гильдию. Такой рост обеспечила транзитная торговля, Степан Григорьевич вывозит в весьма значительных количествах из Коми края дичь и пушнину, закупает в Вятской губернии хлеб и везет его в Архангельский порт [10, с. 113]. О размерах торговли С. Г. Суханова говорит такой факт: в 1819 г. он вывез только в Архангельск товара на сумму свыше 262,6 тыс. руб. Правда, вскоре объемы его оборота падают, и падают значительно, в пять-шесть раз. Степан Григорьевич пытается поправить дела: активизирует торговлю брусками и точилами, которые вырабатывались на арендуемыми им (одно время совместно с А. И. Сухановым) брусяных промыслах, поставляет муку на Нювчимский железоделательный завод, торгует салом, закупая его в Перми. Но свое падение он

остановить не может: в 1822 г. переходит в купцы 3-й гильдии, а позже так и вообще вынужден записаться в мещане. Основной причиной коммерческих неудач С. Г. Суханова было отсутствие значительных собственных свободных средств [5, с. 268].

Впрочем, в 1828 г. Степан Григорьевич опять числится среди купцов 3-й гильдии, но преклонный возраст (Суханову было уже под 70) не позволил ему продолжить предпринимательскую деятельность.

Фактически это были последние титаны сухановской империи. Больше значительных купцов среди Сухановых не было. В немалой степени краху Сухановых способствовала и серия шумных скандалов, сопровождавших семью в первой половине XIX в.

Первое неприятное для Сухановых происшествие случилось в 1812 г., когда вскрылось, что Мелания Степановна Суханова заплатила 1 тыс. руб. для того, чтобы освободить трех сыновей от набора в армию на войну с французами [11, с. 117]. Этот непатриотический поступок Мелании Степановны уважения фамилии явно не добавил.

А в 1839 г. – новая неприятность. Вологодская уголовная палата своим приговором положила: «…бывших с 1823 по 1829 год усть-сысольских Градского Главу купца Степана Суханова, Гласных Градской Думы мещан Василия Лыткина, Моисея Сорвачева, писаря Лариона Попова и Смотрителя Богадельни Василия Фролова, изобличенных в неправильном ими употреблении в расход общественных сумм и других противозаконных поступках, не определять ни к каким должностям и не допускать к общественным выборам». Что в реальности произошло, и в каких «противозаконных поступках» был изобличен Степан Григорьевич, известный нам своей коммерческой удачей, судить сейчас сложно. Впрочем, он не дожил до этого позора, скончавшись в 1837 г. в возрасте 75 лет [10; 11, с. 114].

Однако это еще не конец истории. В 1845 г. в Вологодском губернском правлении была назначена продажа «недвижимого имения» усть-сысольских мещан «за неплатеж присужденных Уголовною Палатою денег, за растрату частной благотворительной суммы». Среди предназначенного к продаже был и «Павла и Александра Сухановых каменный дом». Так сыновьям пришлось расплачиваться за прегрешения отца. Каменный дом Сухановых был куплен городом для уездного училища за 2285 руб. в 1850 г. [12].

Конечно, эти скандалы не способствовали росту авторитета династии. Впрочем, несмотря на эти неприятные инциденты, Сухановы пользовались среди общественности края немалым почетом и уважением. Об этом свидетельствует, например, следующий факт из судебного дела 1802 г., приведенный одним из исследователей истории Усть-Сысольска. Обиженная солдатская вдова выговаривает судебному стряпчему: «…велик ты человек и что за десяцкой а хотя ты у Суханова на венчанье вместо десяцкого был и народ разгонял то за это и был ты позван обедать» [13, с. 86–87].

Во многом таким уважением Сухановы пользовались не только благодаря богатству, но вследствие своей благотворительной и общественной деятельности. Так, еще в 1739 г. Иван и Петр Сухановы приготовили для строительства каменной церкви (взамен обветшавшей деревянной) «кирпича обоженного 300 тысяч, на фундамент каменья, железа 200 пудов, извести 200 бочек». Было получено и разрешение на строительство Покровской церкви в Усть-Сысоле «своим иждивением» от епископа Велико-Устюжского и Тотемского Сергия. Несмотря на семейную трагедию – набег разбойников, Покровская церковь была достроена и освящена в 1740 г. В 1753 г. рядом с Покровской церковью началось и строительство другой каменной церкви – Троицкой (оно было закончено в 1768 г.). Также на средства и по инициативе одного из Сухановых, известного нам Алексея Ивановича, была возведена в 1820 г. (освящена в 1822 г.) взамен сгоревшей деревянной каменная Кирульская Вознесенская церковь [14, с. 93–94].

Давали Сухановы деньги и на связанные с войной 1812 г. нужды. Тогда усть-сысольское купечество пожертвовало 630 руб. По 50 руб. внесли Степан Григорьевич и Алексей Иванович Сухановы [там же].

Другим известным фактом меценатства купеческой династии является участие Алексея Степановича Суханова в работе над русско-зырянским словарем. Подготовка словаря была начата в середине 1820-х гг. усть-сысольским мещанином И. Мальцевым и священником В. Михайловым. А после смерти И. Мальцева продолжена уездным стряпчим Н. Поповым, крестьянином Ф. Поповым и купеческим сыном А. Сухановым. Алексей Степанович не только финансировал работу, но и занимался выполнением переводов. Работа была частично закончена (до буквы К) в 1834 г. Готовый образчик зырянского словаря был передан в Академию наук, где получил положительный отзыв и советы по окончанию работы академика А. М. Шегрена. И хотя в 1842 г. А. С. Суханов умер, первый вариант «Русско-зырянского словаря» в четырех томах, содержащий около 50 тыс. слов, был закончен и передан в Академию наук. К сожалению, издать его не удалось [9, с. 143]. В попытке составления первого зырянского словаря есть и немалая доля участия семьи Сухановых.

Помимо благотворительной и меценатской деятельности купеческая династия знаменита и своей общественной активностью. Выходцы из семьи Сухановых пять раз занимали должность городского главы Усть-Сысольска. Наибольшую известность имели как главы города Степан Григорьевич (занимал эту должность в 1811–1813 и 1823–1828 гг.) и Алексей Иванович (глава Усть-Сысольска в 1814–1816 гг.). Именно при них произошли довольно значимые изменения.

Так, в 1813 г. были предприняты меры для создания противопожарной охраны в городе: нанят трубочист и приобретен ручной пожарный насос. А в 1815 г. открылась первая в Коми крае Усть-Сысольская больница. Отметим, что последним в дореволюционной истории города главой был Ефим Александрович Суханов (в 1906–1910 и 1914–1918 гг.).

Помимо общественно-политической деятельности, род Сухановых во второй половине XIX – начале XX в., после упадка предпринимательской активности, внес немалый вклад в социальное развитие Коми края. Кроме уже упоминавшегося участия А. С. Суханова в работе над зырянским словарем, следует остановиться еще на ряде фактов. Так, первой детской коми писательницей была Агния Андреевна

Суханова. Она писала пьесы для школьных постановок, издавала сборники сказок, создала первые коми учебники [15].

Многие Сухановы нашли свое призвание на педагогическом и медицинском поприще. Наиболее известен Иван Алексеевич Суханов, немало сделавший для становления санитарной службы в Коми крае.

Однако слухи о баснословном богатстве бывших властителей Зырянского края продолжали и в XX в. будоражить воображение. Впрочем, немало способствовали этому и прошлые действия самих Сухановых.

Дело в том, что после учиненного над Сухановыми в 1739 г. последние Сухановы страшно опасались повторения разбоя. Академик И. И. Лепехин, посетивший купцов спустя 40 лет (они его, кстати, как помним, приняли со всяческими предосторожностями и опасениями), отмечал, что Сухановы весьма «подвержены страху от наезда разбойников». Именно эти опасения Сухановых породили слухи (имевшие, впрочем, под собой и реальную почву), что купцы, дабы обезопасить себя от неожиданного нападения, стали рыть под своими усадьбами подземные ходы и прятать в них накопленные сокровища. Уже в 20-е гг. XX в. один из краеведов со ссылкой на свидетельство городского учителя писал о том, что в подземном ходе, шедшем со двора бывшего дома Сухановых в Усть-Сысольске, имелась ниша, в которой была «большая каменная плита около двух аршин в поперечнике. При ударе по ней раздавался гул, словно плита закрывала собой какой-то склеп <...> Возможно, что Сухановы хранили под этой плитой ценности». Впрочем, другой исследователь свидетельствует, что попытки найти подземный ход, предпринятые в 1905 г., были безуспешны [1, с. 273; 16; 6, с. 63].

Интерес к подземелью Сухановых возрос, когда в середине 1920-х гг. при уличных работах наткнулись на остатки подземного хода знаменитых купцов. Ход этот тянулся к р. Сысоле от их дома. Если судить по вынутым доскам, ход был «обшит тесом, который был хорошо просмолен...». Был даже найден сохранившийся свод со столбами-подпорками [17]. Однако должного исследования эти находки не получили.

Еще одна легенда, связанная с Сухановыми, гласила, что купеческое богатство было спрятано под огромным кедровым пнем. Любопытно, что во дворе дома Сухановых действительно рос громадный кедр, который погиб во время «кедрового мора», прошедшего в 1920-х гг. Несмотря на неоднократные попытки выкорчевать его, это удалось сделать только в 1969 гг., но никаких богатств там не было... Впрочем, на этом легенда не закончилась, говорят, клад будет найден белоголовым Иваном Сухановым, тезкой Шыпичи-Суханова [15].

Любопытно, что в 1939 г. история Шыпичи-Суханова послужила сюжетом для первой коми музыкальной драмы – «Шыпича».

Так предпринимательские успехи купцов Сухановых, переживших расцвет в XVIII в. и получивших гордое наименование «зырянских князьков», породили в коми народе необычайные слухи и легенды. И это несмотря на то, что Сухановы оказались не в состоянии вывести свою деятельность за пределы Коми края и стать дельцами хотя бы губернского масштаба. Более того, удачливые конкуренты со временем положили конец даже местной империи Сухановых.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. Продолжение дневных записок путешествия Ивана Лепехина академика и медицины доктора, Вольного экономического в С.П.; друзей природы испытателей в Берлине и Гессенгомбурского патриотического общества члена по разным провинциям Российского государства в 1771 году. – СПб., 1780. – 376 с. + 46 с. прибавление.
2. Суханов, Н. В. Настоящее в прошлом / Н. В. Суханов // Известия Общества изучения Коми края. – 2004. – № 1. – С. 60–64.
3. История Коми : с древнейших времен до конца XX в.: в 2 т. / под общ. ред. А. Ф. Сметанина. Т. 1. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. – 558 с.
4. Мальцева, А. К. Роль общины крестьян Коми края XVIII века в вопросах землевладения и землепользования / А. К. Мальцева // Труды ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. Вып. 29. – Сыктывкар, 1983. – С. 39–54.
5. Мацук, М. А. «Зырянские князьки» Сухановы / М. А. Мацук // Родники пармы. Вып. IV. – Сыктывкар, 1996. – С. 265-270.
6. Богословский, Н. К материалам по истории общественной и торгово-промышленной жизни в Коми области. «Челобитная г. Яренска нижайшего купеческого человека Елисея Ивановича сына Суханова». Странички из прошлой жизни гор. Усть-Сысольска / Н. Богословский // Коми му. – 1924. – № 1–2. – С. 58–64.
7. Богословский, Н. О былых разбойниках в Коми крае и об атамане их, Суханове, по прозванию «Шипича» / Н. Богословский // Записки общества изучения Коми края. – Усть-Сысольск, 1928. – С. 29–53.
8. Жаков, К. Ф. Атаман Шыпича / К. Ф. Жаков / Под шум северного ветра. – СПб., 1913. – С. 74–79.
9. Связь времен / ред.-сост.: И. Л. Жеребцов, М. И. Курочкин. - Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2000. – 863 с.
10. Вологодские губернские ведомости. – 1839. - № 33. – С. 258.
11. Суханов, Н. В. Сухановы в Усть-Сысольске во II четверти XIX века / Н. В. Суханов // Известия Общества изучения Коми края. – 2005. – № 2 (5). – С. 113–118.
12. Вологодские губернские ведомости. – 1845. - № 17. – С. 268.
13. Александровский, А. Н. Старый Усть-Сысольск / А. Н. Александровский // Коми му. – 1927. – № 3. – С. 83-87.
14. Суханов, Н. В. Сухановы в Усть-Сысольске в первой четверти XIX века / Н. В. Суханов // Известия Общества изучения Коми края. – 2005. – № 1 (4). – С 93–97.
15. Молодежь Севера. – 2003. – 24 апреля.
16. Ползунов, П. К вопросу о подземном ходе со двора бывшего дома Сухановых в городе Усть-Сысольске / П. Ползунов // Коми му. – 1924. – № 7-10. – С. 44.
17. Югыд туй. – 1925. – 4 июля.

References

1. Prodolzhenie dnevnyh zapisok puteshestviya Ivana Lepekhina akademika i mediciny doktora, Volnogo ekonomicheskogo v S.P.; druzej prirody ispytatelej v Berline i Gessengomburskogo patrioticheskogo obshchestva chlena po raznym provinciyam Rossijskogo gosudarstva v 1771 godu [Continuation of the daily notes of the journey of Ivan Lepekhin, academician and doctor of medicine, Free Economic in St. Petersburg; friends of nature, researchers in Berlin and a member of the Hessengomburg Patriotic Society in various provinces of the Russian state in 1771]. – St. Petersburg, 1780. – 376 p. + 46 p. addition.
2. Sukhanov, N. V. Nastoyashchee v proshlom [Present in the past] / N. V. Sukhanov // Izvestiya Obshchestva izucheniya Komi kraya [News of the Society on the study of the Komi Territory], 2004.. – № 1. – P. 60-64.
3. Istoriya Komi : s drevnejshih vremen do konca XX v. [The history of Komi: from ancient times to the end of the XX century]: in 2 vols. / Ed. A. F. Smetanin. Vol. 1. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 2004. – 558 p.
4. Maltseva, A. K. Rol' obshchiny krestyan Komi kraya XVIII veka v voprosah zemlevladeniya i zemlepolzovaniya [The role of the community of peasants of the Komi Territory of the XVIII century in matters of land ownership and land use] / A. K. Maltseva // Trudy IYaLI Komi filiala AN SSSR [Proc. of the Inst. of Language, Liter. and History, Komi Branch, USSR Ac. Sci.]. Issue.29. – Syktyvkar, 1983. – P. 39-54.
5. Matsuk, M. A. «Zyryanskie knyazki» Suhanovy [The "Zyryan princes" Sukhanovs] / M. A. Matsuk // Rodniki parmy [Springs of Parma]. Issue IV. – Syktyvkar, 1996. – P. 265-270.
6. Bogoslovsky, N. K materialam po istorii obshchestvennoj i torgovo-promyshlennoj zhizni v Komi oblasti. «Chelobitnaya g. Yarenska nizhajshego kupecheskogo cheloveka Eliseya Ivanovicha syna Suhanova». Stranichki iz proshloj zhizni gor.Ust'-Sysol'ska [To materials on the history of public and commercial and industrial life in the Komi region. "Petition of Yarensk of the lowest merchant man Elisei Ivanovich, son of Sukhanov". Pages from the past life of Ust-Sysolsk] / N. K. Bogoslovsky // Komi mu. – 1924. – № 1-2. – P. 58-64.
7. Bogoslovsky, N. O bylyh razbojnikah v Komi krae i ob atamane ih, Suhanove, po prozvaniyu «Shipicha» [About the former robbers in the Komi Territory and their chieftain, Sukhanov, nicknamed "Shipicha"] / N. O. Bogoslovsky // Zapiski obshchestva izucheniya Komi kraya [Notes of the Society on the study of the Komi territory]. – Ust-Sysolsk, 1928. – P. 29-53.
8. Zhakov, K. F. Ataman Shypicha / K. F. Zhakov // Pod shum severnogo vetra [Under the noise of the north wind]. – St. Petersburg, 1913. – P. 74-79.
9. Svyaz' vremen [The Connection of Times] / Ed.-Comps. I. L. Zherebtsov, M. I. Kurochkin. – Syktyvkar: Fond "Pokayanie" ["Repentance" Foundation], 2000. – 863 p.
10. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. – 1839. – № 33. – P. 258.
11. Sukhanov, N. V. Suhanovy v Ust'-Sysolske vo II chetverti XIX veka [The Sukhanovs in Ust-Sysolsk in the II quarter of the XIX century] / N. V. Sukhanov // Izvestiya Obshchestva izucheniya Komi kraya [News of the Society on the study of the Komi territory]. – 2005. - № 2 (5). – P. 113-118.
12. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. – 1845. – № 17. – P. 268.
13. Aleksandrovsky, A. N. Staryj Ust-Sysolsk [Old Ust-Sysolsk] / A. N. Aleksandrovsky // Komi mu. – 1927. – № 3. – P. 83-87.
14. Sukhanov, N. V. Suhanovy v Ust-Sysolske v pervoj chetverti XIX veka [The Sukhanovs in Ust-Sysolsk in the first quarter of the XIX century] / N. V. Sukhanov // Izvestiya Obshchestva izucheniya Komi kraya [News of the Society on the study of the Komi territory]. - 2005 - № 1 (4). – P. 93-97.
15. Molodezh Severa [Youth of the North]. – 2003. – April 24.
16. Polzunov, P. K voprosu o podzemnom hode so dvora byvshego doma Suhanovyh v gorode Ust-Sysolske [To the question of the underground passage from the courtyard of the former house of the Sukhanovs in the town of Ust-Sysolsk] / P. K. Polzunov // Komi mu. – 1924. - № 7-10. – P. 44.
17. Yugyd tui [Bright path]. – 1925. – July 4.

Информация об авторах:

Золотарев Олег Васильевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам Института истории и права Сыктывкарского государственного университета им. П. Сорокина, ORCID: 0009-0003-3128-9353, SPIN-код: 4924-1471 (167001, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский пр-кт, д. 55; e-mail: kimoopd@syktsu.ru).

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировской государственной универсальной областной научной библиотеки им. А. И. Герцена; ORCID: 0000-0002-6278-0043 (610000, Российская Федерация, г. Киров, ул. Герцена, д. 50; e-mail: sudovikov70@mail.ru).

Authors:

Oleg V. Zolotarev - Dr. Sci. (History), Prof., Head of the Department of History and Methods of Teaching Social and Legal Subjects, Institute of History and Law, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, ORCID: 0009-0003-3128-9353, SPIN-code: 4924-1471 (55, Oktyabrsky ave., Syktyvkar 167001, Russian Federation; e-mail. kimoopd@syktsu.ru).

Mikhail S. Sudovikov – Dr. Sci. (History), Prof., Head of the Research Center of Regional Studies at the Kirov State Universal Regional Scientific Library named after A. I. Herzen, ORCID: 0000-0002-6278-0043 (50, Herzen st., Kirov 610000, Russian Federation; e-mail: sudovikov70@mail.ru).

Для цитирования:

Золотарев, О. В. «Зырянские князьки» купцы Сухановы: легенды и быль / О. В. Золотарев, М. С. Судовиков // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 3 (88). – С. 50–56.

For citation:

Zolotarev, O. V. The «Zyryan princes» Sukhanov merchants: legends and reality / O. V. Zolotarev, M. S. Sudovikov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2026. – No. 3 (88). – P. 50–56.

Дата поступления статьи: 13.04.2026
Прошла рецензирование: 15.05.2026
Принято решение о публикации: 19.05.2026
Received: 13.04.2026
Reviewed: 15.05.2026
Accepted: 19.05.2026

УДК 253
DOI 10.19110/1994-5655-2026-3-57-62

Церкви и часовни для российских саамов: нереализованные проекты первой половины XIX века

Кожевникова Ю. Н.

ФИЦ Кольский НЦ РАН,
г. Апатиты
yukozhevnikova@gmail.com

Аннотация

В статье впервые рассматриваются два проекта по улучшению пастырского окормления восточных саамов, проживавших в Русской Лапландии в первой половине XIX в. Эти проекты были предложены протоиереем Иоанном Дьяконовым, возглавлявшем Кольское благочиние Архангельской и Холмогорской епархий в 1813–1838 гг. В научный оборот вводятся новые сведения, обнаруженные в фондах Государственного архива Мурманской области, Государственного архива Архангельской области и Национального архива Республики Карелия. Определяется роль архангельских архиереев, понимавших важность миссионерской работы в Русской Лапландии. Выясняются причины, помешавшие воплощению замыслов о новых храмах в саамских Воронинском и Семиостровском погостах. Основными из них стали ограниченность средств местных саамов и отсутствие государственной финансовой поддержки. Определяется значение проектов, привлекших внимание духовной власти к острой проблеме церковно-приходской жизни в Русской Лапландии, что способствовало их частичной реализации во второй половине XIX в. Собранные приходскими священниками ценные сведения ознакомили епархиальное руководство со спецификой жизненного уклада российских саамов и их религиозными нуждами.

Ключевые слова:

Русская Лапландия, Кольское благочиние, часовни, Семиостровский погост, Воронинский погост, российские саамы, архангельские епископы

Churches and chapels for the Russian Sami: unimplemented projects of the first half of the XIX century

Kozhevnikova Yu. N.

Federal Research Centre Kola Science Centre,
Russian Academy of Sciences, Apatity
yukozhevnikova@gmail.com

Abstract

For the first time, the paper considers two projects to improve pastoral care for the Eastern Sami who lived in Russian Lapland in the first half of the XIX century. These projects were proposed by Archpriest John Dyakonov, who headed the Kola Deanery of the Arkhangelsk and Kholmogory Diocese in 1813–1838. New information found in the collections of the State Archives of the Murmansk Region, the State Archives of the Arkhangelsk Region, and the National Archives of the Republic of Karelia is introduced into scientific circulation. The role of the Arkhangelsk bishops, who understood the importance of missionary work in Russian Lapland, is determined. The reasons that prevented the implementation of plans for new churches in the Sami Voroninsky and Semiostrovsky Pogosts are explored. The main ones were the limited resources of the local Sami and the lack of state financial support. The significance of these projects that drew the attention of the ecclesiastical authorities to the pressing problem of parish life in Russian Lapland is assessed, leading to their partial implementation in the second half of the XIX century. Valuable information collected by parish priests provided the diocesan leadership with insights into the specific lifestyle of the Russian Sami and their religious needs.

Keywords:

Russian Lapland, Kola Deanery, chapels, Semiostrovsky Pogost, Voroninsky Pogost, Russian Sami, Arkhangelsk bishops

Введение

В первой половине XIX в. российские саамы (лопари) исповедовали православие и принадлежали общинам трех приходов Кольского благочиния Архангельской и Холмогорской епархий: Кольского Соборного, Понойского и Кандалакшского. Духовное окормление «лапландцев», чьи небольшие сезонные поселения – зимние и летние погосты и становища на Мурманском берегу Баренцева моря и внутри материка – находились на огромном пространстве Кольского полуострова, фактически возлагалось на трех приходских священников [1].

При архангельском епископе Парфении (Петрове) по инициативе Миссионерского комитета в 1813–1814 гг. была предпринята неудачная попытка распространить печатные книги Нового Завета среди российских саамов. За редким исключением они не владели грамотой. К тому же священные тексты оказались переведены на непонятный им диалект саамского языка [2]. Однако предварительно собранные местным духовенством статистические сведения о лопарях и степени их воцерковленности обозначили насущную проблему церковно-приходской жизни на Кольском Севере, которую предстояло решать в будущем, – мизерное число храмов, действовавших на территории саамских погостов Русской Лапландии (только Сретенский и Борисоглебский в ее северо-западной части). Вопрос

о необходимости новых церквей и часовен, а также самостоятельных приходов для восточных саамов неоднократно поднимался протоиереем Воскресенского собора в г. Коле Иоанном Дьяконовым, который в течение четверти века возглавлял Кольское благочиние (1813–1838) и понимал все трудности пастырской работы среди прихожан в Кольском Заполярье.

В отечественной историографии вопросы, связанные со строительством церквей в Русской Лапландии в первой половине XIX в., ранее не изучались. В единственной работе, посвященной вкладу архангельских архиереев в развитие православной миссии на Кольском Севере в XIX – начале XX в., кратко упоминается первая попытка открыть самостоятельный саамский приход во время нахождения на архиерейской кафедре епископа Георгия (Ящуржинского) в 1830-е гг. [3].

В данной статье впервые рассматриваются два миссионерских проекта по созданию новых храмов в саамских погостах Русской Лапландии, инициатором которых выступал благочинный протоиерей Иоанн Дьяконов, и выявлены причины, помешавшие их реализации. Основными источниками для проведенного исследования стали ранее неизвестные документы, обнаруженные автором в фондах различных духовных учреждений из Государственного архива Мурманской области (ГАМО), Государственного архива Архангельской области (ГААО) и Национального архива Республики Карелия (НА РК).

Проект об Успенской часовне в Воронинском погосте

В рассматриваемый период российское законодательство до середины 1830-х – начала 1840-х гг. жестко ограничивало возведение новых деревянных церквей, равно как и любых часовен[1]. Кроме того, любые строительные работы в саамских погостах Русской Лапландии серьезно осложнялись отсутствием квалифицированных мастеров и строительных материалов. По этим причинам в первой половине XIX в. в Архангельской духовной консистории рассматривались более простые на первый взгляд проекты по переносу уже существовавших лопарских часовен в многолюдные места с их последующей перестройкой в церкви.

Первый проект был связан с деревянной Успенской часовней, стоявшей в становище Гаврилово на Мурманском берегу, в устье р. Воронья, на землях саамского Воронинского погоста (рисунок). Она находилась в ведении причта кольского Воскресенского собора, в котором служил благочинный протоиерей Иоанн Дьяконов. По сведениям опрошенных священником воронинских саамов, здание часовни привезли в становище жители г. Онеги, которые во второй половине XVIII в. имели здесь рыбные промыслы[2]. В начале XIX в. «оные заведения» были выкуплены старообрядцами из Сумского посада Кемского

[1] Запрет на строительство деревянных церквей был введен в 1800 г. при Павле I и окончательно снят в 1835 г. при Николае I [4, с. 48–50, 80–84]. Все ограничения, связанные с возведением и ремонтом часовен, отменил «Устав духовных консисторий» в 1841 г.

[2] Появление Успенской часовни историки датируют второй половиной XVIII в., что не противоречит сведениям, сообщенным саамами в 1822 г. [5, с. 186, 210].

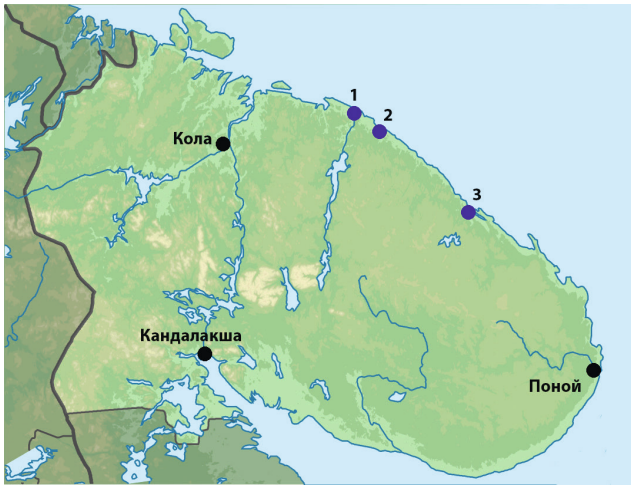

Рисунок. Часовни в Семиостровском и Воронинском погостах в первой половине XIX века.
Условные обозначения. 1 – Успенская в становище Гаврилово; 2 – Никольская на реке Ринде; 3 – Всемилостивого Спаса в становище в Семиостровах.
Pic. Chapels in the Semiostrovsky and Voroninsky Pogosts in the first half of the XIX century.
Legend. 1 – Uspenskaya Chapel in the Gavrilovo settlement; 2 – Nikolskaya Chapel on the Rinda River; 3 – All-Merciful Savior Chapel in the Semiostrovy settlement.

уезда Федором Рюхиным и его сыном. В 1822 г. при часовне временно проживала лопарская семья, нанятая ими на сезон «для караулу» имущества [6].

Как обнаружил благочинный во время посещения становища, часовенная постройка использовалось как амбар для хранения «сухой трески». Воронинские саамы оправдывались перед отцом Иоанном, что не могли постоянно присматривать за часовней из-за своих сезонных перемещений по разным становищам, и поддержали высказанную им идею перенести ее в зимний Воронинский погост, где «никто бы не мог тою часовнею самовольно овладеть» [там же]. «Лапландцы» были готовы разобрать и перевезти ее на своих оленях, так как она «для них жителей нужна, а паче для усердия их в воскресные и праздничные дни» [7].

Протоиерей Иоанн Дьяконов в рапорте для консистории пояснял важность переноса часовни. Прежде всего он беспокоился о том, что воронинские саамы, общаясь с Рюхиными, могли проникнуться духом «раскольнического учения». Кроме того, в зимнем Воронинском погосте[3] приходский священник был вынужден совершать все необходимые таинства и требы в низких и тесных лопарских жилищах буквально «на коленях» [там же]. Перевезенную же часовню можно было затем переделать в небольшую церковь, пристроив алтарь.

Предложение благочинного не было поддержано епархиальным руководством. Для его воплощения требовалось немало времени и усилий, чтобы убедить Святейший Синод разрешить перенос часовни и ее перестройку в деревянную церковь, официально преодолев законодательные препоны. В то время епископ Неофит (1821–1825) основное внимание уделял христианизации и катехизации самоедов-ненцев в Мезенском уезде, для чего на несколь-

[3] В зимнем погосте саамы собирались к декабрю и проживали в нем до конца марта.

ко лет на средства, выделенные казной, была организована православная миссия, которую возглавлял настоятель Антониево-Сийского монастыря архимандрит Вениамин (Смирнов). Как свидетельствует ведомость о Кольском Соборном приходе за 1828 г., Успенская часовня по-прежнему стояла в становище Гаврилово «с трапезою, но без главы <…> по фундаменту, стенами и крышею прочная» [8]. Вопрос о строительстве церкви в этих местах был решен в последней четверти XIX в., когда вблизи становища уже существовала русская колония с постоянными жителями [9, с. 319]. При этом оставалась и старинная часовня с иконами, обложенными серебряными и позолоченными ризами [10, с. 183].

Проект об Ильинской церкви в Семиостровском погосте

По сведениям протоиерея Иоанна Дьяконова за 1822 г., в прибрежной части обширного саамского Семиостровского погоста находились две деревянные часовни, Никольская на р. Ринде (в современной транскрипции – Рында) и Всемилостивого Спаса в Семиостровах (см. рис. 1). В рапорте для консистории священник предусмотрительно поясняет, что они были построены «с давних времен для богослужения проживающими там промышленниками» [11] и таким образом не являлись «противозаконными»[4]. Свечная торговля в них не велась, поскольку необходимые для личной молитвы свечи саамы и промысловики привозили с собой. Эти часовни долгое время были приписаны к Воскресенскому собору в уездном г. Коле, но, как отмечал благочинный, его «жители за дальностью к оным часовням ни малейшей приверженности не имеют»[5]. Согласно резолюции епископа Неофита (Докучаева-Платнова), вынесенной в ноябре 1822 г., обе часовни были переданы в ведение священника Петропавловской церкви в поморском с. Поной: «…если часовни тверды, оставить их по-прежнему, причислив к приходу Понойскому» [14].

При архангельском епископе Георгии, управлявшем епархией в 1830–1845 гг. и проявлявшем неподдельный интерес к церковно-приходской жизни на Кольском Севере, протоиерей Иоанн Дьяконов поднимает наболевший вопрос об улучшении пастырского окормления саамов, проживавших на землях Семиостровского погоста в центральной части Кольского полуострова и на морском побережье. В 1832 г. благочинный предлагает построить для них церковь и выделить ее из состава Понойского прихода, учредив при ней самостоятельный причт. Этот проект, несмотря на его важность и необходимость, также не был реализован при жизни благочинного по ряду причин, позднее озвученных архиереем в докладе для Святейшего Синода: «непостоянное жительство лопарей»; «скудное их состояние»; «рассеянность их погостов в разных местах по небольшому количеству»; вследствие этого «неудобность назначить место для церкви» [15]. Следует добавить, что открытие нового прихода в Русской Лапландии требовало серьезных средств, прежде всего, на содержание причта. Местные лопари не могли обеспечить священника и причетников положенными в таких случаях жильем и ругой. Требовались казенные средства.

Получив отказ, благочинный в 1833 г. убеждает семиостровских саамов обратиться ко владыке за разрешением перенести часовню, стоявшую на р. Ринде, на место между двумя становищами Шубино и Барышиха, и пристроить к ней алтарь. Любопытно, что «за неумением грамоты» лопари приложили к прошению свои «обывательские клейма» (тамги) вместо подписей. Они дали согласие «общими силами содержать по крайней мере одну церковь» [16]. Эта небольшая часовня, «с малым количеством икон» и «присовокуплением малой паперти», была посвящена святителю Николаю Чудотворцу. Как рассказывали саамы, ее построил уроженец Верхнематегорского прихода Холмогорского уезда Степан Матвеевич Негодяев-Кочнев (1739–1828) – известный в Архангельской губернии судостроитель и владелец Ровдогорской верфи [17, с. 559]. В последней четверти XVIII в. он приобрел на Мурманском берегу «для промыслу рыб большое заведение». После его смерти все имущество было распродано крестьянам-старообрядцам Кемского и Онежского уездов Архангельской губернии [18].

Новую церковь предполагалось поставить между двумя многолюдными в промысловый сезон становищами Шубино и Барышиха (в 3-х и 4-х верстах соответственно от часовни на р. Ринде), куда ежегодно в марте приезжали на оленях из Керети, Ковды и прочих селений рыбаки («от хозяев по сто и больше»), а в июне приходили за рыбой большие морские суда из Архангельска. Семиостровские саамы обязались разобрать весной часовню и «на гребных судах» перевезти на выбранное ими место. Храм планировалось освятить в честь пророка Божия Илии Фесвитянина. Лопари предлагали организовать денежный сбор и пожертвовать оленей на строительные работы. Кроме того, они просили владыку снова причислить их к кольскому Воскресенскому собору, так как понойский священник, проживавший «зимним и летним трактом без малого недостатка за 500 верст», имел возможность приезжать к ним только один раз в год на Рождество Христово в зимний Семиостровский погост.

В декабре 1833 г. архангельский архиерей, заинтересовавшийся предложением благочинного, затребовал дополнительные сведения о численности семиостровских саамов и промысловиков в Шубино и Барышихе, о размере общин в Соборном и Понойском приходах, а также о расстояниях между всеми погостами и становищами [19]. Он просил объяснить ему, что означают понятия становища и погосты в Русской Лапландии, как живут местные лопари, включая описание их жилищ и обычаев. Благочинный не располагал точными данными о проживающих в становищах в промысловый сезон и не знал «сколько верст от одного погоста до другого в точности <…> по той причине, что таковые пустые места начальством в известность не приведены» [20].

Приходилось посылать запросы из духовной консистории в светские губернские учреждения. Также в ГААО сохранились письма, отправленные лично владыкой на имя Степана Ивановича Дьяконова, одного из сыновей

[4] Новые часовни запрещалось возводить с петровского указа в 1722 г. [12, № 606].

[5] Часовни находились в 200 верстах от Колы [13].

благочинного, служившего непременным членом Кольского земского суда. Архиерей просил сообщить подробности об устройстве и местоположении саамских погостов и становищ, а также поведать историю названий этих поселений [21]. В другой раз епископ Георгий обратился к Степану Дьяконову с просьбой проверить составленный становым приставом Едовиным список погостов с указанием расстояний от г. Колы и их распределением по приходам Кольского благочиния [22]. Таким образом сбор необходимых для епископа и духовной консистории сведений и делопроизводственная переписка между инстанциями затянулись до середины 1840-х гг.

В 1835 г. состоялась первая поездка епископа Георгия на Кольский Север, в ходе которой он лично познакомился с некоторыми особенностями жизненного уклада российских саамов и убедился в острой необходимости строительства новых храмов и открытии новых приходов в Русской Лапландии. К сожалению, ранее предложенный благочинным проект о церкви для семиостровских саамов не был осуществлен при жизни его создателя. В 1838 г. протоиерей Иоанн Дьяконов умер [23]. Последние годы из-за слабого здоровья и ухудшавшегося зрения ему было тяжело справляться со всеми должностными обязанностями, поэтому в 1833–1838 гг. владыка назначил второго благочинного священника Иоанна Плотникова [24].

Никольская часовня на р. Ринде продолжала стоять на прежнем месте до конца XIX в. В образованной по соседству колонии Рында в 1879 г. был построен приходский храм в честь Преображения Господня. Однако епархиальный миссионер Павел Ильинский отмечал, что местные колонисты и промысловики чаще приходили молиться именно в часовню: они «придерживаются раскола и церковь посещают мало, чаще посещают часовню, куда жертвуют деревянное масло и рыбу» [10, с. 180].

В заключение следует отметить, что в 1839 и 1840 гг. епископ Георгий отсылал в Святейший Синод пространные доклады о положении лопарей и необходимости предпринимать срочные меры для их утверждения в православии. К архиерейским докладам были приложены собранные обоими кольскими благочинными, Иоанном Дьяконовым и Иоанном Плотниковым, исторические и этнографические данные о российских саамах. Во второй половине 1840-х гг., уже после ухода епископа Георгия с архангельской кафедры, в консистории продолжали обсуждаться высказанные при нем предложения по перестройке в церкви разных часовен (например, в саамских Лявозерском, Сонгельском или Нотозерском погостах). Понадобилось еще почти 20 лет, чтобы в Русской Лапландии – в 1862 г. – были открыты самостоятельные лопарские Ловозерский и Нотозерский приходы и на казенные средства построены для них храмы.

Выводы

Рассмотренные проекты протоиерея Иоанна Дьяконова о церквах и часовнях в саамских погостах не были реализованы при его жизни, но имели важное значение для дальнейшего развития церковно-приходской жизни в Русской Лапландии. Прежде всего, они привлекли внимание епархиальных властей к проблемам катехизации российских саамов и пастырского служения среди них. В течение многих лет благодаря местному приходскому духовенству были собраны и обобщены важные исторические и этнографические сведения о религиозной жизни «лапландцев» в первой половине XIX в. Архангельские архиереи, понимавшие необходимость миссионерской работы в Русской Лапландии, получили точное представление о нуждах саамов. Наиболее активную позицию в поисках решения вопроса о церквах занимал епископ Георгий (Ящуржинский), который был переведен на тобольскую кафедру в 1845 г. и не успел добиться финансирования от Синода.

Основными причинами, препятствовавшими осуществлению в первой половине XIX в. предложений о постройке приходских храмов в Семиостровском и Воронинском погостах стали ограниченные возможности местных лопарей по содержанию церквей и причтов, равно как и отсутствие государственной финансовой поддержки. Особенности жизненного уклада российских саамов требовали в тот период от духовной власти особого подхода для решения проблемы фактического отсутствия православных церквей в лопарских погостах. В последующее время идеи, высказанные протоиереем Иоанном Дьяконовым, были частично воплощены в жизнь благодаря привлечению казенных средств.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Кожевникова, Ю. Н. Пастырская деятельность православных священников среди кольских саамов в первой половине XIX века / Ю. Н. Кожевникова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2025. – Т. 47, № 8. – С. 44–49.
2. Кожевникова, Ю. Н. Распространение книг Нового Завета в Русской Лапландии в 1813–1814 годах / Ю. Н. Кожевникова // Религиоведение. – 2024. – № 3. – С. 32–38.
3. Ермолаева, А. С. Вклад архангельских архиереев в развитие миссии среди лопарей Кольской Лапландии в XIX – начале XX в. / А. С. Ермолаева // VII Ушаковские чтения: сб. науч. ст. – Мурманск, 2011. – С. 62–66.
4. Ходаковский, Е. В. Деревянная церковная архитектура Русского Севера XIX – начала XX в. Летопись храмостроительства / Е. В. Ходаковский. – СПб.: Коло, 2020. – 344 с.
5. Никонов, С. А. «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался». Промысловая колонизация Мурманского берега и Новой Земли крестьянами и монастырями Поморья в XVI–XVIII вв. / С. А. Никонов. – СПб.: Нестор-История, 2020. – 496 с.
6. Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф. И-16. Оп. 1. Д. 11. Л. 210.
7. ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 11. Л. 211.
8. ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 15. Л. 4.
9. Ильинский, П. Посещение Преосвященным Никанором, епископом Архангельским и Холмогорским становищ восточной стороны Мурманского берега / П. Ильин-

ский // Архангельские епархиальные ведомости. – 1893. – № 15. – С. 319–324.
10. П. И-ий. Из дневника миссионера. Наблюдения и заметки во время поездки на Мурманский берег летом 1889 года / П. И-ий // Архангельские епархиальные ведомости. – 1890. – № 11. – С. 178–193.
11. ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 11. Л. 258.
12. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. – СПб., 1891. – Т. 8. – 982 стб.
13. ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 11. Л. 258.
14. ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 11. Л. 258 об.
15. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 29. Оп. 4. Т. 2. Д. 1423. Л. 24–24 об.
16. ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 7. Л. 69.
17. Шумилов, Н. А. Архангельский родословец: (генеалогия наиболее известных дворянских, купеческих, мещанских и крестьянских родов Архангельской земли). Генеалогический справочник / Н. А. Шумилов. – Архангельск: Правда Севера, 2009. – 1087 с.
18. ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 7. Л. 70.
19. ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 21. Л. 11–12.
20. ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 2. Д. 1423. Л. 49 об.
21. ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 2. Д. 1423. Л. 13.
22. ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 2. Д. 1423. Л. 18–20.
23. Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 165. Оп. 1. Д. 8/168. Л. Л. 22.
24. НА РК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 8/133.

References

1. Kozhevnikova, Yu. N. Pastyrskaya deyatelnost pravoslavnykh svyashchennikov sredi kolskikh saamov v pervoy polovine XIX veka [Pastoral work of Orthodox priests among the Kola Sami in the first half of the XIX century] / Yu. N. Kozhevnikova // Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [Sci. notes of Petrozavodsk State University]. – 2025. - Vol. 47, No 8. – P. 44–49.
2. Kozhevnikova, Yu. N. Rasprostraneniye knig Novogo Zaveta v Russkoy Laplandii v 1813–1814 godakh [Distribution of the books of the New Testament in Russian Lapland in 1813–1814] / Yu. N. Kozhevnikova // Religiovedenie [Study of Religion]. – 2024. – No 3. – P. 32–38.
3. Ermolaeva, A. S. Vklad arkhangelskikh arkhiyereyev v razvitiye missii sredi loparey Kolskoy Laplandii v XIX – nachale XX v. [Contribution of the Archangel bishops to the development of the mission among the Lapps of Kola Lapland in the XIX – early XX centuries] / A. S. Ermolaeva // VII Ushakovskiye chteniya [VII Ushakov Readings]: collection of sci. papers]. – Murmansk, 2011. – P. 62–66.
4. Khodakovsky, E. V. Derevyannaya tserkovnaya arkhitektura Russkogo Severa XIX – nachala XX v. Letopis khramostroitelstva [Wooden church architecture of the Russian North of the XIX – early XX century. Chronicle of church building] / E. V. Khodakovsky. – St. Petersburg: Kolo, 2020. – 344 p.
5. Nikonov, S. A. «Kto v more ne khodil, tot Bogu ne malival-sya». Promyslovaya kolonizatsiya Murmanskogo berega i Novoy Zemli krestyanami i monastyryami Pomorya v XVI–XVIII vv. ["Whoever did not go to sea did not worship God". Commercial colonization of the Murmansk coast and Novaya Zemlya by peasants and monasteries of Pomor Land in the XVI–XVIII centuries] / S. A. Nikonov. – St. Petersburg: Nestor-History, 2020. – 496 p.
6. Gosudarstvennyy arkhiv Murmanskoy oblasti [State Archives of the Murmansk region] (GAMO). F. I16. Op. 1. D. 11. L. 210.
7. Ibid. F. I16. Op. 1. D. 11. L. 211.
8. Ibid. F. I16. Op. 1. D. 15. L. 4.
9. Ilinsky, P. Poseshcheniye Preosvyashchennym Nikanorom, yepiskopom Arkhangelskim i Kholmogorskim stanovishch vostochnoy storony Murmanskogo berega [Visit of His Grace Nicanor, Bishop of Arkhangelsk and Kholmogory, to the camps on the eastern side of the Murmansk coast] / I. Ilinsky // Arkhangelskiye yeparkhialnyye vedomosti [Arkhangelsk Diocesan gazette]. – 1893. – No 15. – P. 319–324.
10. P. I-iy. Iz dnevnika missionera. Nablyudeniya i zametki vo vremya poyezdki na Murmanskiy bereg letom 1889 goda [From the diary of a missionary. Observations and notes during a trip to the Murmansk coast in the summer of 1889] / P. I-iy // Arkhangelskiye yeparkhialnyye vedomosti [Arkhangelsk Diocesan gazette]. – 1890. – No 11. – P. 178–193.
11. GAMO. F. I16. Op. 1. D. 11. L. 258.
12. Opisaniye dokumentov i del, khranyashchikhsya v arkhive Svyateyshego Pravitelstvuyushchego Sinoda [Description of documents and files kept in the archive of the Holy Governing Synod]. – St. Petersburg, 1891. – Vol. 8. – 982 p.
13. GAMO. F. I16. Op. 1. D. 11. L. 258.
14. Ibid. F. I16. Op. 1. D. 11. L. 258 ob.
15. Gosudarstvennyy arkhiv Arkhangelskoy oblasti [State Archives of the Archangelsk region] (GAAO). F. 29. Op. 4. T. 2. D. 1423. L. 24–24 ob.
16. GAMO. F. I17. Op. 1. D. 7. L. 69.
17. Shumilov, N. A. Arkhangelskiy rodoslovets: (genealogiya naiboleye izvestnykh dvoryanskikh, kupecheskikh, meshchanskikh i krest'yanskikh rodov Arkhangel'skoy zemli). Genealogicheskiy spravochnik [Arkhangelsk genealogist: (genealogy of the most famous noble, merchant, petty bourgeois and peasant families of the Arkhangelsk land). Genealogical reference book] / N. A. Shumilov. – Archangelsk: Pravda Severa, 2009. – 1087 p.
18. GAMO. F. I17. Op. 1. D. 7. L. 70.
19. Ibid. F. I16. Op. 1. D. 21. L. 11–12.
20. GAAO. F. 29. Op. 4. T. 2. D. 1423. L. 49 ob.
21. Ibid. F. 29. Op. 4. T. 2. D. 1423. L. 13.
22. Ibid. F. 29. Op. 4. T. 2. D. 1423. L. 18–20.
23. Natsionalnyy arkhiv Respubliki Kareliya [National Archives of the Republic of Karelia] (NA RK). F. 165. Op. 1. D. 8/168. L. 22.
24. Ibid. F. 165. Op. 1. D. 8/133.

Благодарность (госзадание):

Статья подготовлена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра № FMEZ-2024-0002 «Динамика социокультурного облика Кольского Севера в контекстах истории освоения арктического фронтира России».

Acknowledgements (state task):

The paper was supported by the federal budget to carry out the state task of the Barents Center of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences No. FMEZ-2024-0002 «The dynamics of the socio-cultural image of the Kola North in the context of the history of the development of the Arctic Frontier of Russia».

Информация об авторе:

Кожевникова Юлия Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук»; ORCID: 0000-0002-2570-8641, SPIN-код: 7086-2023 (184209, Российская Федерация, Мурманская область, г. Апатиты, мкр. Академгородок, д. 40а; e-mail: yukozhevnikova@gmail.com).

Author:

Yulia N. Kozhevnikova – Cand. Sci. (History), Senior Researcher at the Center for Humanitarian Problems of the Barents Region, Federal Research Centre Kola Science Centre, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0002-2570-8641, SPIN-code: 7086-2023 (40a, Akademgorodok, Apatity 184209, Murmansk region, Russian Federation; e-mail: yukozhevnikova@gmail.com).

Для цитирования:

Кожевникова, Ю. Н. Церкви и часовни для российских саамов: нереализованные проекты первой половины XIX века / Ю. Н. Кожевникова // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 3 (88). – С. 57–62.

For citation:

Kozhevnikova, Yu. N. Churches and chapels for the Russian Sami: unimplemented projects of the first half of the XIX century / Yu. N. Kozhevnikova / Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2026. – No. 3 (88). – P. 57–62.

Дата поступления статьи: 27.01.2026
Прошла рецензирование: 27.01.2026
Принято решение о публикации: 30.01.2026
Received: 27.01.2026
Reviewed: 27.01.2026
Accepted: 30.01.2026

УДК 930
DOI 10.19110/1994-5655-2026-3-63-70

Городская реформа Александра II в освещении дореволюционной отечественной историографии

Расов В. А.

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
vadim.rasov@mail.ru

Аннотация

В статье автор проводит анализ оценок городской реформы 1870 г. в работах дореволюционных авторов. Основу исследования составили историографические источники 1871-1917 гг. за авторством историков, юристов, публицистов и участников работы городских дум и управ.

В ходе исследования было выяснено, что работы, в которых фигурировала городская реформа или Городовое положение 1870 г., появлялись с 1870-х гг., но они носили информирующий характер или имели поверхностный анализ реформы. В конце XIX – начале XX в. реформа и ее законодательная основа более глубоко изучались авторами.

Городская реформа в обобщающих работах имела меньший приоритет, чем земская реформа 1864 г. и рассматривалась в прямой связи с последней.

Случаи обособленного анализа реформы 1870 г. отражали негативную оценку ряда ее положений. Наибольшей критике дореволюционных исследователей подвергались избирательные нормы и высокие полномочия административных органов, контролировавших городскую думу. Однако некоторые авторы положительно оценивали реформу 1870 г. при сравнении ее с реформой 1785 г. и контрреформой 1892 г.

Ключевые слова:

городская реформа, Городовое положение 1870 г., городское самоуправление, дума, управа

The urban reform of Alexander II as revealed in pre-revolutionary Russian historiography

Rasov V. A.

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
vadim.rasov@mail.ru

Abstract

The paper analyzes assessments of the 1870 urban reform in the works of pre-revolutionary authors. The study is based on historiographic sources from 1871-1917 written by historians, lawyers, publicists and participants in the work of town Dumas and administrations.

The study revealed that works that discussed the urban reform or the 1870 Municipal Statute, appeared since the 1870s, but they were of an informative nature or had a superficial analysis of the reform. In the late XIX - early XX centuries, the reform and its legislative basis were studied in more depth by authors.

In generalizing works, the urban reform was given less priority than the 1864 Zemstvo Reform and was considered in direct connection with the latter.

Cases of isolated analysis of the 1870 reform reflected a negative assessment of a number of its provisions. Pre-revolutionary researchers were most critical of the electoral norms and the extensive powers of the administrative bodies that controlled the town Duma. However, some authors assessed the 1870 reform positively when comparing it with the 1785 reform and the 1892 counter-reform.

Keywords:

urban reform, the 1870 Municipal Statute, town self-government, Duma, administration

Изучение исторических процессов в рамках региона неразрывно связано с изучением тех же процессов в общероссийском масштабе. Городская реформа, проводимая в годы правления Александра II, была важной частью буржуазных реформ, поскольку она явилась следствием отмены крепостного права и аналогично другой реформе местного самоуправления, земской, была спорной. Совокупность диссонирующих положений не могла не подтолкнуть историков, экономистов и публицистов к осмыслению данной реформы посредством публикаций. Для исследования регионального опыта реализации реформы необходима осведомленность об оценках данной реформы в целом. Изучение историографии городской реформы как общероссийского процесса позволит сравнить результаты практической реализации реформы в регионе с оценками реформы. Историография городской реформы в сравнении с другими реформами Александра II еще не становилась объектом отдельного исследования. Одновременно с этим дореволюционная историография представляет особый интерес, поскольку авторы были практически современниками реформы 1870 г. Но в этот период не было написано работ, которые анализировали бы опыт деятельности Усть-Сысольских органов городского самоуправления.

В данной статье автор анализирует материалы, составляющие историографию дореволюционного периода по вопросу городской реформы 1870 г.

Цель исследования – анализ мнений дореволюционных авторов о реформе городского самоуправления.

Уже в 1871 г. вышел труд, обозревающий царствование Александра II и его реформы. Автор этого труда неизвестен. Работа состоит из трех отделов, расположенных в хронологическом порядке, начиная с воцарения Александра II. Каждый из отделов содержит одни и те же главы, что позволяет проследить динамику развития повторящихся вопросов. Городовое положение помещено в первой главе третьего отдела после земского и до судебного вопросов, что обусловлено хронологическим делением отделений. Городовое положение в работе процитировано практически полностью без его анализа [1, с. 372–387]. Далее идет обзор кредитных учреждений, открытых в 1861–1871 гг. [там же, с. 387–391], что придает ему целостность с вопросом о необходимости открытия кредитных учреждений, отмеченным в первом отделе, но цитирование Городового положения никак не связано с обзором кредитных обществ. Работа носит информирующий характер и не имеет какой-либо научной концепции.

В 1880 г. был написан исторический очерк о реформах Александра II за авторством А. Ф. Вертеловского. Об этом авторе практически ничего неизвестно. Судя по всему, он историк, а издание его очерка через типографию Харьковского университета может свидетельствовать об его связи с университетом. Также перед началом очерка имеется отметка, что работа прошла цензуру 1 марта 1880 г. [2, с. 2].

Цель, побудившая А. Ф. Вертеловского к написанию труда, напрямую не указана, но есть упоминание юбилейной даты – 19 февраля 1880 г. – когда «весь русский народ <…> праздновал 25-летнюю годовщину славного царствования Императора Александра II» [там же, с. 3]. Следовательно, целью очерка было освещение достижений правления царя-реформатора с положительных сторон для доказательства эффективности царствования Александра Николаевича.

Этой цели всецело соответствует содержание произведения. Персоне императора автор придает большое значение – он отмечает инициативность Александра II, его роль в подготовке реформ, на протяжении всего труда А. Ф. Вертеловский активно цитирует императора. При этом А. Ф. Вертеловский не дает ни одной ссылки на источники своей информации и не назвал ни одного документа, который лежал в основе реформ. В своем очерке А. Ф. Вертеловский рассматривает все реформы Александра II, давая им положительную оценку. Однако реформы проанализированы автором неглубоко – он уделяет внимание предпосылкам реформ, подготовке некоторых из них, но не рассматривает положения реформ, лишь отмечая наиболее крупные преобразования, которые они внесли в общество и указывая на положительные последствия каждой из реформ.

Не стала исключением из этого правила и городская реформа. Упомянув о реформе Екатерины II и об ее несоответствии нуждам общества, историк мало внимания отвел анализу сути реформы 1870 г., лишь отметил, что городская реформа дает право хозяйственного самоуправления и избавляет его от «сословных различий» [там же, с. 26], описал хозяйственные права и обязанности городских органов самоуправления – все из-за того, что он до этого рассмотрел земскую реформу, на основе которой и были составлены многие положения городской реформы. Но и земская реформа была слабо проанализирована. В работе А. Ф. Вертеловского не хватает анализа реализации реформ. Чтобы дать ответ, почему автор не затронул многие вопросы городской реформы, рассмотрим другую, более крупную реформу – отмену крепостного права.

Если в случае земской и городской реформ он просто мог не иметь доступа к материалам органов самоуправления для анализа реального положения, поскольку неизвестно, участвовал ли автор в работе этих органов, то в случае крестьянской реформы к 1880 г. всем стало ясно, что подавляющее большинство крестьян не могли начать выкупную операцию из-за нехватки денег для первоначального платежа и продолжали работать на помещика в статусе временнообязанных. Но А. Ф. Вертеловский при анализе этой реформы даже не упомянул статус временнообязанных крестьян, указав, что крестьяне получили личную свободу и обеспечение землей [там же, с. 14]. Это означает, что автор очерка намеренно проигнорировал эту часть реформы.

Несомненно, городская реформа не имела существенных законодательных недостатков, ее проблемы выражались в практике работы новых органов. Но предшествующая городской реформе, земская реформа и ее «Положение» не соответствовали заявляемым нормам. Работа имеет значение в контексте историографии городской реформы в целом, поскольку она одна из первых, которая не просто цитирует закон реформы, а представляет полноценный, хоть и неглубокий, анализ, связывающий реформу 1870 г. с предыдущим опытом городского самоуправления. Тем не менее из-за отсутствия аргументации позиции автора дальнейшее сравнение очерка с другими работами не несет информативной ценности.

Труд юриста, историка и публициста Г. А. Джаншиева качественно отличается от двух предыдущих работ, поскольку в нем был проведен тщательный анализ Городового положения и процесса его создания. Изначально Г. А. Джаншиев провел исследование судебной реформы 1864 г., но затем переключил внимание и на другие реформы Александра II. Итогом исследовательской деятельности Г. А. Джаншиева стала книга «Эпоха великих реформ: исторические справки».

Сама работа представляет собой исторические справки о великих реформах второй половины XIX в., в которой также рассматривается городская реформа Александра II. Для анализа использовалось посмертное 9 издание труда Г. А. Джаншиева 1905 г., однако статья, посвященная Городовому положению 1870 г., носит подзаголовок «Справка к 25-летию», из чего становится ясно, что она написана приблизительно в первой половине 1895 г., и была приурочена к годовщине закона – 16 июня. При анализе реформы 1870 г. Г. А. Джаншиев активно использует ретроспективный метод – он уделяет внимание предыдущим формам городского самоуправления, дискуссиям по различным деталям реформы, ведомым в среде разработчиков, и мнениям местных комиссий, которые в ходе реформы

являлись во многом опорой для формирования положений законодательства.

Автор отмечает, что еще при разработке положения активно рассматривался вопрос о праве участвовать в выборах гласных на основе оплаты квартирного налога, которая позволила бы избираться образованной интеллигенции, не имевшей своей недвижимости в городе, однако этого не произошло, по мнению автора, из-за купцов, составляющих большую часть городских дум и не заинтересованных в участии интеллигенции в деятельности думы [3, с. 549].

Также безусловным недостатком Годового положения 1870 г. он называет совмещение в лице городского головы двух ролей – председателей думы и управы. По мнению Джаншиева, это совмещение вело к произволу городских голов, наказанием гласных за их критику, что приводило к негативному влиянию на городское хозяйство [там же, с. 552].

Следующий вопрос, рассматриваемый Г. А. Джаншиевым, – административный контроль над думами со стороны губернатора и губернского правления. Эта проблема действительно была актуальной для городского самоуправления как до 1870 г., так и после. Г. А. Джаншиев сообщает нам о потенциальном решении этой проблемы в виде создания губернского присутствия, состоящего из председателей судебной власти, земских органов и казначейства. По итогу присутствия были введены, и это решение рассматривается автором как наиболее положительное [там же, с. 558].

Также одним из недостатков административного устройства городов автор называет полицию. Она должна, по мнению Г. А. Джаншиева, защищать интересы обывателей от посягательств со стороны городской администрации, кем бы она ни была представлена, а на деле выходит, что зачастую полиция сама выставляет различные нереализуемые требования. Чтобы этого достичь, автор полагает, что необходимо городскую полицию законодательно подчинить городскому самоуправлению [там же, с. 558–559]. Г. А. Джаншиев отмечает частичное решение этой проблемы – возможность городских дум составлять вместе с полицией обязательные постановления [там же, с. 561]. Сам автор не растолковывает, как именно это позволяет защитить горожан от административного произвола со стороны полиции, но мы можем предположить, что, если постановление составлено при совместной работе думы и полиции, то, следуя неукоснительно положениям этих постановлений, городское население может быть защищено от произвола самой думой, поскольку она принимала участие в разработке постановлений и сумеет заметить игнорирование или их искажения со стороны неправомерных полицейских чинов.

Говоря о разработке и введении Городового положения 1870 г., Г. А. Джаншиев отмечает положительное влияние роли личности на реформу, а именно похвал удостаивается директор хозяйственного департамента Александр Данилович Шумахер. По мнению автора, А. Д. Шумахер последовательно и спокойно приводил реформу в жизнь и после опубликовал ряд работ, объясняющих суть реформы и цели правительства [там же, с. 562].

Таким образом, Г. А. Джаншиев одним из первых поднял ряд ключевых и дискуссионных вопросов городской реформы 1870 г. Избирательные нормы и внутреннее устройство органов и должностей охарактеризовано автором негативно, а административный контроль получил положительную оценку автора благодаря решениям, предпринятым разработчиками реформы. Проблемы избирательных норм и административного контроля, на которых акцентировал внимание Г. А. Джаншиев, стали центральными вопросами дальнейшей историографии.

Избирательный ценз подвергается критике в труде меньшевика М. Я. Лукомского. Это своего рода политический трактат, в котором критикуется городское самоуправление крупных городов – прежде всего Санкт-Петербурга, периодически Москвы, основанное на Городовом положении 1892 г.

Однако в реформе 1870 г. он критикует экономический ценз, положенный в основу избирательного права и не позволявший рабочему классу пробиться в созывы – тем самым, по мнению автора трактата, правительство отводило от себя угрозы самостоятельности народных масс [4, с. 31]. Как и Г. А. Джаншиев, автор отмечает недоступность участия в органах определенным группам лиц.

Точка зрения автора действительно имеет право на существование, однако автор смотрит на проблему избирательного ценза ни столько с точки зрения пользы для местного хозяйства и экономики, сколько с точки зрения классового неравенства. Городская реформа Александра II была вызвана стремительным экономическим развитием городов на фоне складываемого капитализма, а угождение тем или иным слоям населения существовало на самом деле, но это было лишь одним из результатов, поскольку некоторые дворяне могли переселиться в город и принять участие в деятельности дум или управ. Нежелание участия широких масс – это, скорее, один из факторов, повлиявших на реформу, который привел к угождению определенным группам горожан. С этой позиции можно утверждать, что чем крупнее был представитель торгово-экономического класса, тем больше он оказывал влияние на экономику, ведь он наполнял рынок своими товарами и услугами, платил большие суммы налогов в казну [5, с. 21–26].

Правительство при разработке Городового положения было убеждено, что местное население лучше понимает нужды местного хозяйства. С точки зрения государственной власти, люди, имевшие собственность или вовлеченные в экономику иным способом, лучше разбирались в процессах местного хозяйства. По этой причине Городовое положение владельцам недвижимости или торгово-промышленного имущества придавало больше значения и права, чем рабочим.

Рассуждая о городском самоуправлении, М. Я. Лукомский не мог обойти и правительство – он охарактеризовал его как «господина положения» – правительству пришлось пойти на уступки и способствовать развитию капитализма, но оно приспособилось к капиталистическим реалиям и заручилось поддержкой торгово-промышленного класса как когда-то оно же взяло на свое вооружение поместное дворянство [4, с. 28].

М. Я. Лукомский среди негативной критики утверждает, что городское самоуправление началось именно с реформы Александра II. К такому выводу он приходит, исходя из того, что до 1870 г. местные жители не распоряжались деньгами – они лишь собирали их для губернаторов, а те уже распределяли средства на места [там же, с. 29–30]. Автор положительно оценивает Городовое положение. Это становится ясно из сравнения полномочий губернатора в законах 1870 и 1892 гг. [там же, с. 34–35], в котором контрреформа конца XIX в. занимает негативное положение, а реформа Александра II – позитивное.

Следовательно, можно говорить о негативном отношении М. Я. Лукомского к городскому самоуправлению и неоднозначной оценке реформы 1870 г. в контексте развития городского самоуправления. В этой работе продолжается тенденция негативного оценивания барьеров избирательной системы городского самоуправления по реформе 1870 г., но отмечается большая самостоятельность органов.

Наиболее близкая к работе Г. А. Джаншиева статья под названием «Город и Городовое положение 1870 года» была написана в начале XX в. российским экономистом и публицистом Г. И. Шрейдером.

Аналогично Г. А. Джаншиеву, Г. И. Шрейдер уделяет внимания процессу разработки реформы. По этому вопросу Шрейдер отмечает негативное влияние 8-летней разработки реформы, поскольку, по его мнению, с 1862 до 1870 г. государственная власть стала более реакционной, что не могло не отразиться на самой реформе [6, с. 17].

Большой критике со стороны автора подвергается закон реформы в отношении толкования понятия «городское общество» и его противоречащие друг другу функции. В этом противоречии Шрейдер видит результат изменения закона в реакционную сторону в последний момент, который выражается в том, что на самом деле несущие повинности горожане испытывают от правительства большую симпатию, чем население без повинностей [там же, с. 19–20]. В этой критике, аналогично работам двух предыдущих авторов, реформа негативно оценивается из-за отсутствия возможностей для участия разных слоев городского населения, не имевших собственности или промысла. В векторе этой критики рассматривается и трехразрядная избирательная система, чтобы не позволить большинству, платящему малое количество сборов, взять верх на выборах в думы [там же, с. 20–21]. Это замечание действительно логически обосновано, но автор, вероятно, ввиду своих политических взглядов упускает из виду буржуазный характер проводимых реформ, о котором мы рассуждали выше.

Далее автор критикует возможность дум издавать обязательные постановления. Г. И. Шрейдер отмечает, что такие постановления могли регулировать не все части городского хозяйства, что было на самом деле, но затем он отмечает, что городское самоуправление не могло привлечь к ответственности нарушителей, и этим занималась полиция [там же, с. 21]. Если следовать логике автора, что органы городского самоуправления должны иметь юридические функции контроля над исполнением своих постановлений, как это было позволено делать многим зарубежным органам самоуправления, то его замечание справедливо. Однако, если отталкиваться от нормы закона Российской империи, это невозможно, поскольку думы и управы были общественными органами и не могли иметь таких полномочий. Здесь заметно различие позиций Г. И. Шрейдера и Г. А. Джаншиева, поскольку последний считал обязательные постановления положительным нововведением городской реформы 1870 г., однако различие позиций объясняется интерпретацией функции обязательных постановлений. Если Г. А. Джаншиев рассматривал их как возможность думы противостоять превышению полномочий полиции, не углубляясь в суть сотрудничества думы и полиции, то Г. И. Шрейдер – постановления как инструмент развития городского хозяйства. Отсутствие у думы механизма принуждения снижало эффективность этого инструмента.

Вполне рациональной критике автора подвергается 6 статья Городового положения, по которой другие учреждения должны были способствовать реализации решений думы – в практике деятельности дум вполне возможны случаи игнорирования данной статьи, поскольку полиция может не всегда отозваться на просьбу думы, если за этим отношением не стоит нарушение каких-либо договоренностей или законов, а земства, юридически были на одном уровне с городскими думами и по этой причине могли отказать думе в исполнении. Г. И. Шрейдер отмечает отсутствие инструментов влияния думы на смежные органы [там же, с. 21–22].

Совмещение в городском голове полномочий двух председателей Г. И. Шрейдер критикует и он даже приводит мнение министра внутренних дел А. Е. Тимашева как доказательство актуальности данной проблемы и признания ее со стороны государственной власти [там же, с. 22]. Также автор не одобряет административный контроль, а губернское присутствие, которое фигурировало в статье Джаншиева, он рассматривает как негативное нововведение, поскольку оно не выступало защитником дум, а скорее поддерживало губернатора. Второй минус реформы – ограничение дум в распоряжении финансами города [там же, с. 26–28], что противоречит утверждению М. Я. Лукомского.

В выводе своей статьи Г. И. Шрейдер позитивно оценивает результаты деятельности дум и управ по Городовому положению 1870 г., отмечая их жизненную и творческую силу [там же, с. 29].

Г. И. Шрейдер, как и два предыдущих автора, акцентирует внимание на проблеме избирательной системы, затрагивая вопрос взаимодействия органов городского самоуправления с органами государственной власти. Методологически работа автора ближе к работе Г. А. Джаншиева, поскольку оба исследователя обращают внимание на подготовку реформы и проводят связь подготовки и итоговых положений реформы.

А. А. Титов в своей работе провел анализ всех реформ Александра II и последующих контрреформ. В начале книги указано, что она была написана в 1904 г., но ее не могли издать, а опубликованное издание 1910 г. имеет дополне-

ния [7, с. 1]. Ввиду того, что издание 1904 г. не было опубликовано, автору статьи не представляется возможности сравнить издания.

Подготовку реформы городского самоуправления А. А. Титов рассматривает поверхностно, но отмечает отличие от подготовки земской реформы – комиссии из представителей городов [там же, с. 126]. Меньшее внимание подготовке городской реформы в сравнении с земской объясняется тем, что в подготовке земской реформы автор уделял большое внимание роли П. А. Валуева в подготовке реформы и противостоянию в Государственном Совете по разного рода вопросам устройства новых органов. Но А. А. Титов не замечает, что многие положения земской реформы были адаптированы к реалиям городов, из чего следует, что подготовка реформы губернского и уездного самоуправления косвенно повлияла на реформу.

Анализируя избирательные нормы в Городовом положении 1870 г., А. А. Титов отмечает, что «вообще все население города не принимает участия в этих выборах» [там же, с. 127]. Далее эту мысль истолковывает, но не развивает. Однако можно отметить, что акцентирование внимания на факте участия в выборах только налогоплательщиков свидетельствует о том, что автор полагает необходимым предоставление права голоса без налогового ценза. Следовательно, А. А. Титов считает эти избирательные нормы не самыми лучшими. Ведь в противном случае он мог бы отметить, что в сравнении с земской реформой 1864 г. и городской контрреформой 1892 г., в которых действовал имущественный ценз, к выборам по реформе 1870 г. допускалось в разы больше людей – чтобы получить право голоса, достаточно было приобрести самое дешевое свидетельство на мелочный торг.

Анализируя полномочия и обязанности, автор труда акцентирует внимание на взаимоотношении полиции и органов городского самоуправления. Как и Г. А. Джаншиев, А. А. Титов убежден, что полиция обязана подчиняться городским думам и управам – аргументом в пользу такой позиции являются финансирование полиции городским самоуправлением и опыт зарубежных форм самоуправления, где финансируемая органами самоуправления полиция находится в их подчинении [там же, с. 128].

Рассматривая систему контроля и подотчетности городских органов, А. А. Титов отмечает организацию для коллегиальных органов решения спорных постановлений дум – губернских по городским делам присутствий и в целом отмечает самостоятельность городских органов [там же, с. 128–129]. Однако здесь автор не уделяет внимания сравнению земской и городской реформы. Изучая подготовку земской реформы, А. А. Титов отметил, что в конечном итоге земство не имело самостоятельности, а полномочия губернатора были широки [там же, с. 113–114]. А в городской реформе был организован целый орган, который потенциально мог встать на защиту городской думы, а в случае, если городские органы будут не согласны с решением присутствия, они могли обратиться в Сенат [там же, с. 128–129]. При сравнении полномочий обоих видов органов заметно, что у городских органов контроль менее суров, но автор исследования не акцентировал на этом внимание. Не стоит также забывать позицию Г. И. Шрейдера, который был убежден, что присутствие защищает интересы губернатора, а не органов городского самоуправления – в таком случае оно никак не способствует росту самостоятельности и свободы действий дум и управ. Видимо, А. А. Титов не дал оценку губернских по городским делам присутствий в контексте полномочий городских органов из-за того, что присутствия не гарантировали однозначного увеличения или сокращения свободы действий, поскольку все зависело от исхода каждого дела.

Переходя к сравнению Городовых положений реформы и контрреформы, А. А. Титов замечает, что причина реформирования системы городского самоуправления и суть реформы 1892 г. противоречат друг другу. «Из недостатков же, указанных далее в этом указе, на первый план поставлен способ производства выборов и неравномерность их», – анализируя это утверждение, А. А. Титов указывает на отсутствие возможности участия в выборах многих слоев городского общества [там же, с. 130]. Обратим внимание, что А. А. Титов говорит о Высочайшем указе, данном Сенату, который сопровождал новое Городовое положение и был опубликован в Полном собрании законов Российской империи под № 8707, когда новое Городовое положение имело № 8708. В Высочайшем указе, который цитирует А. А. Титов [там же], отмечается положительное влияние, оказанное на городское хозяйство городскими думами и управами, действовавшими в 1870–1892 гг. Но далее ни о каком преобразовании избирательного процесса речи не идет, а лишь указано расплывчатое утверждение – «в строе и деятельности городских учреждений обнаружились несовершенства, требующие исправления» [8, с. 430]. Несомненно, А. А. Титов прав – городская контрреформа сконцентрировала внимание на исправлении избирательных норм и увеличении контроля административной власти над городскими органами. Но автор додумал утверждение, которого на самом деле не было. Продолжая оценивать проблемы Городового положения 1870 г., А. А. Титов замечает проблему высоких обязательных расходов многих городов, что также полностью соответствует действительности, но не было отмечено указом и на деле не исправлено реформой 1892 г.

В завершении главы автор отмечает, что в России не существует настоящего самоуправления, сравнивая Россию с Англией [7, с. 130]. В заключении всей работы А. А. Титов охарактеризовал земскую реформу, не упомянув городской, но далее использовал местоимения «им», подразумевая обе реформы. Автор указал, что самоуправлению было не суждено укрепиться в России, поскольку оно противоречило государственному строю, что привело к урезанию полномочий органов как во время подготовки реформ, так и после их обнародования и контрреформам [там же, с. 195].

Работа А. А. Титова в сфере реформ местного самоуправления имеет смещение внимания на земскую реформу, что понятно ввиду преемственности городской реформой многих положений земской. Одновременно с этим автор не провел полноценный сравнительный анализ этих двух реформ, хотя он раскрыл суть обеих реформ доста-

точно подробно. В остальном его позиция во многом аналогична другим дореволюционным авторам.

Известный историк и политический деятель, специалист в области истории городов и самоуправления А. А. Кизеветтер в 1910 г. опубликовал исследование «Местное самоуправление IX–XIX ст.: исторический очерк». В 1917 г. вышло переиздание этой работы. Но содержание главы, посвященной реформам местного самоуправления Александра II, никак не изменилось. Ключевое отличие работы состоит в том, что после заключения всего труда автор добавил post scriptum, в котором указал, что его прогноз о демократизации и самостоятельности местного самоуправления сбылся, и реформы самоуправления 1917 г. не будут рассмотрены в этой работе [9, с. 119]. В остальном содержание обоих изданий идентично. За основу нашего анализа мы возьмем более позднее издание очерка А. А. Кизеветтера.

В своем анализе реформ местного самоуправления 1860-х гг. А. А. Кизеветтер уделяет превалирующее значение земской реформе, а о преобразовании городского самоуправления высказывается в рамках одной страницы, поэтому, чтобы лучше понять отношение историка к реформе 1870 г., необходимо обратиться к его анализу земской реформы 1864 г.

Анализ земской реформы автор начинает с исторического контекста самоуправления, обращаясь к системе Екатерины II. Далее он рассматривает подготовку реформы 1864 г., анализ которой А. А. Кизеветтером можно условно разделить на три части – анализ отзыва И. С. Унковского, который положил начало подготовке реформы, подготовка реформы в комиссии под руководством Н. А. Милютина и реакционные изменения проекта под руководством П. А. Валуева [там же, с. 103–112].

Между первым и вторым этапами анализа подготовки А. А. Кизеветтер вновь кратко обратился к историческому контексту развития местного самоуправления, чтобы отразить эволюцию самоуправления в отношении «коронных и выборных властей». Под этим выражением понимаются административная власть в виде чиновников и избранные из народа люди. До Жалованной грамоты городам в городе население никак не руководило хозяйством, а избиралось лишь для выполнения поручений. Начиная с городской реформы 1785 г. названное выше соотношение уравнялось – у народа появились возможности самостоятельного управления хозяйством, но оно происходило под жестким контролем административной власти. А с земской реформы, по мнению автора, соотношение должно было быть перевешено в сторону народного самоуправления, независимого и самостоятельного [там же, с. 107]. Но, как затем продемонстрирует сам автор, этого не произошло. Таким образом, А. А. Кизеветтер фактически представил собственную периодизацию истории самоуправления в России, где земствам было отведено место настоящих органов самоуправления. Следовательно, наряду с земствами, такими должны были стать и новые городские органы – думы и управы.

Не будем долго останавливаться на них, поскольку они содержать мысли историка, аналогичные мнениям других дореволюционных исследователей. Отметим лишь то, что А. А. Кизеветтер подметил одну любопытную особенность подготовки реформы – отделение земств от государственной исполнительной власти и присвоение им статуса частных общественных союзов, используемое комиссией Н. И. Милютина для обоснования независимости земских органов, стало основой для урезания их полномочий комиссией П. А. Валуева [там же, с. 110–112].

Рассматривая саму реформу, ее законодательную основу, историк приходит к выводу о недоверии власти к общественному самоуправлению – полномочия были слишком незначительны, что А. А. Кизеветтер сравнил их со сбором податей, который был основной функцией выбранных из народа людей в доекатерининскую эпоху самоуправления, по периодизации историка; контроль и вмешательство в местные дела были повсеместны, избирательная система, справедливо замечено, не отошла от сословной зависимости [9, с. 113–116].

Далее А. А. Кизеветтер кратко анализирует Городовое положение, используя метод экстраполяции выводов, сделанных по итогу анализа земской реформы – полномочий мало, контроль высок, а избирательная система также неравномерно допускает до выборов разные слои городского населения, хоть она и была бессословной, а контрреформа еще более усугубила все проблемы, за исключением избирательного права. Ранее он сравнил полномочия земств с функциями выборных лиц до 1785 г. Значит, этот вывод характерен и для городских органов и, следовательно, по мнению А. А. Кизеветтера, городское самоуправление в своих полномочиях, в сравнении с городским самоуправлением Екатерины II, деградировало или осталось неизменным. При этом автор отмечает, что реформа 1870 г., как и земская реформа, это «крупный шаг вперед», но она отразила на себе «колебания между старыми и новыми порядками» [там же, с. 116–117]. Исходя из этого заявления, неясно, что историк считает новыми и старыми порядками, поскольку ни одну из деталей городской реформы он не посчитал прогрессивной.

Работа А. А. Кизеветтера, являясь одним из самых поздних исследований местного самоуправления, отражает мнения аналогичные предшествующим работам. Следует отметить второстепенное внимание к городской реформе и экстраполяцию на нее выводов о земской реформе. Преимуществом данного труда является большое внимание подготовке земской реформы, на основе которой автор построил периодизацию самоуправления.

По итогу проведенного исследования можно заключить, что в первое десятилетие после реформы 1870 г. малочисленные работы либо носили информационный характер, либо положительно оценивали преобразования, не углубляясь в суть реформы. Начиная с конца XIX в. когда результаты реформы стали ясны и проводилась контрреформа 1892 г., публикации о городской реформе начали отражать более критикующие и негативные мнения. Очерк А. Ф. Вертеловского, имея слабый анализ реформ, заложил структурные (обобщающий характер работ по всем великим реформам) и методологические (анализ предшествующего опыта, причин и подготовки реформ) предпосылки дальнейшей историографии.

Работа Г. А. Джаншиева является ключевым этапом в эволюции историографии реформы. Начиная с нее почти все последующие исследования, во-первых, затрагивали одни и те же вопросы, что свидетельствует об их актуальности, а во-вторых, уделяли внимание подготовке реформы, что связано с научным характером работ, требующим изучения предпосылок исследуемых объектов. Начиная с А. А. Титова работы обобщающего характера приобрели комплексный анализ. С одной стороны, это позволило сравнить городскую реформу 1870 г. с другими реформами самоуправления, раскрыв ее особенности, преимущества и недостатки. Но, с другой – привело к смещению внимания с реформы 1870 г. или на предшествующие формы городского самоуправления, или на земскую реформу 1864 г., выводы по которой экстраполировались исследователями на городскую реформу. При этом метод экстраполяции выводов в исследуемых работах является следствием сравнительного анализа земской и городской реформ, который отражает прямое заимствование положений первой реформы последней – авторы, заметив сходство реформ, сочли удобным просто адаптировать свои выводы.

Подавляющее большинство авторов так или иначе негативно оценивали саму реформу и деятельность государственной власти в ее отношении. Наиболее часто упоминаемые недостатки были связаны с избирательной системой, обширной властью административных органов и узкими полномочиями органов городского самоуправления. В ряде проанализированных работ популярны мнения о неверном устройстве взаимодействия полиции и самоуправления, необходимости более широкого участия населения в работе органов. Изначально эти проблемы никак не анализировались, по мере углубления анализа, начиная с Г. А. Джаншиева, в работах проблемы стали более широко исследоваться, но позиции авторов не претерпели кардинальной эволюции и остались негативными. Г. И. Шрейдер углубил внимание к проблеме избирательной системы, затронув трехразрядную избирательную систему, а не только налоговый ценз.

Однако некоторые авторы подмечали положительный характер деятельности органов и их влияние как на экономику городов, так и на общество, выделяли реформу 1870 г. как начало городского самоуправления в России или крупные шаг и в его истории.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Обзор царствования государя императора Александра II и его реформ. 1855–1871. – СПб.: Русская книгопечатня, 1871. – 522 с.
2. Вертеловский, А. Ф. Реформы императора Александра II: исторический очерк / А. Ф. Вертеловский. – Харьков: Унив. типография, 1880. – 46 с.
3. Джаншиев, Г. А. Эпоха великих реформ: ист. справки / Г. А. Джаншиев. 9 изд. – СПб.: Типо-литография Б. М. Вольфа, 1905. – 859 с.
4. Лукомский, М. Я. Городское самоуправление в России / М. Я. Лукомский. – Женева: Типография Союза русских социалдемократов, 1902. – 37 с.
5. Высочайше утвержденное 16-го июня 1870 года Городовое положение, с объяснениями. – СПб.: Типография Министерства Внутренних Дел, 1870. – 240 с.
6. Шрейдер, Г. И. Город и Городовое положение 1870 года / Г. И. Шрейдер // История России в XIX веке: в 9 т. – СПб.: Издание Товарищества «Братья А. и И. Гранат и Ко», 1907. – Т. 4. – С. 1–29.
7. Титов, А. А. Реформы Александра II и их судьба / А. А. Титов. – М.: Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1910. – 199 с.
8. О введении в действие нового Городового Положения от 11 июня 1892 г. // Полное собрание законов Российской Империи, Собрание (1881–1913), Т. 12: Законы (8215–9216), Закон № 8707. – С. 430.
9. Кизеветтер, А. А. Местное самоуправление в России IX–XIX ст.: исторический очерк / А. А. Кизеветтер.– Петроград: Типография «Задруга», 1917. – 119 с.

References

1. Obzor tsarstvovniya imperatora Alexandra II i ego reform. 1855-1871 [Review of the reign of Emperor Alexander II and his reforms. 1855-1871]. – St. Petersburg: Russian Book Printing. 1871. – 522 p.
2. Vertelovsky, A. F. Reformy imperatora Alexandra II: istorichesky ocherk [Reforms of Emperor Alexander II: historical essay] / A. F. Vertelovsky. – Kharkov: University Printing House, 1880. – 46 p.
3. Dzhanshiev, G. A. Epoha velikih reform: istoricheskie spravki [The Age of Great Reforms: historical references]. 9th edition. – St. Petersburg: B. M. Wolf Typography and Litography. 1905. – 859 p.
4. Lukomsky, M. Ya. Gorodskoe samoupravlenie v Rossii [Municipal self-government in Russia] / M. Ya. Lukomsky. – Geneva: Printing house of the Union of Russian Social Democrats. 1902. – 37 p.
5. The Municipal Statute, approved by the Emperor on June 16, 1870, with explanations. – St. Petersburg: Printing House of the Ministry of Internal Affairs. 1870. – 240 p.
6. Shreider, G. I. Gorod i Gorodovoe polozhenie 1870 goda [The town and the 1870 Municipal Statute] / G. I. Shreider // Istoriya Rossii v XIX veke [History of Russia in the XIX century]. In 9 vols. – St. Petersburg: Publishing House of the "Brothers A. and I. Granat and Co Partnership". 1907. – Vol. 4. – P. 1-29.
7. Titov, A. A. Reformy Alexandra II i ih sudba [Reforms of Alexander II and their fate] / A. A. Titov. – Moscow: Printing house of I. D. Sytin Partnership. 1910. – 199 p.
8. O vvedenii v deistvie novogo Gorodovogo Polozheniya ot 11 iyunya 1892 g. [On the introduction of the new Town Regulations of June 11, 1892] // Complete collection of laws of the Russian Empire, Collection (1881-1913), Vol. 12: Laws (8215-9216), Law No. 8707. – P. 430.

9. Kizevetter, A. A. Mestnoe samoupravlenie v Rossii IX-XIX stoletii: istoricheskii ocherk [Local self-government in Russia in the IX-XIX centuries: historical essay] / A. A. Kizevetter. – Petrograd: Printing House «Zadruga». 1917. – 119 p.

Благодарность (госзадание):

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН «Государственная политика развития Европейского Севера России: актуальные проблемы социально-политической, экономической, социокультурной и демографической истории в XVI–XX вв.» рег. № ЕГИСУ НИОКТР 1024072600006-8-6.1.1.

Acknowledgments (state task):

The publication was prepared within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS «State policy for the development of the European North of Russia: actual problems of socio-political, economic, socio-cultural and demographic history in the XVI-XX centuries.» Reg. No. ЕГИСУ НИОКТР 1024072600006-8-6.1.1.

Информация об авторе:

Расов Вадим Андреевич – старший лаборант-исследователь лаборатории археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID: 0000-0001-8040-7094, SPIN-код: 1558-5639 (167000, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; email: vadim.rasov@mail.ru).

Author:

Vadim A. Rasov – senior research assistant, Laboratory of Archaeography and Publication of Documents on the History of the Development of the European North of Russia, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0001-8040-7094, SPIN-code: 1558-5639 (26, Kommunisticheskaya st, Syktyvkar 167000. Russian Federation; e-mail: vadim.rasov@mail.ru).

Для цитирования:

Расов, В. А. Городская реформа Александра II в освещении дореволюционной отечественной историографии / В. А. Расов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 3 (88). – С. 63–70.

For citation:

Rasov, V. A. The urban reform of Alexander II as revealed in pre-revolutionary Russian historiography / V. A. Rasov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2026. – No. 3 (88). – P. 63–70.

Дата поступления статьи: 21.07.2025
Прошла рецензирование: 24.07.2025
Принято решение о публикации: 30.07.2025
Received: 21.07.2025
Reviewed: 24.07.2025
Accepted: 30.07.2025

УДК 930.2:323.325:27-788(470.1)"17/18"
DOI 10.19110/1994-5655-2026-3-71-79

Уходы удельных крестьян Русского Севера в монашество

Котов П. П.

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
kotoff.petr2018@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуются проблемы ухода удельных крестьян Русского Севера в монашество. Доказано, что для разрешения на переходы в обители крестьянам следовало представить прошения, одобрение живых родственников на их уход в монастырь, свидетельства об отсутствии просителей в рекрутских очередях, письменные обязательства родственников или односельчан об обработке земельных наделов и поручительства о выплатах всех денежных сборов до очередной ревизии. Все эти сведения подтверждались в приговорах сельского мира, где дополнительно гарантировались своевременная уплата денежных податей за покидающего и отсутствие его обязательств по рекрутчине. Переход крестьян должны были одобрять главы монастырей, представлявшие свидетельства о приеме желающих в свои обители. Собранный комплект документов поступал в местные региональные удельные подразделения и в случае их согласия отправлялся в Департамент уделов, который и принимал окончательное решение. Выявлено, что значительная часть удельных крестьян Русского Севера окончательное решение о переходе в монашество предваряла практикой проживания в обителях в течение нескольких лет. Кроме того, многие из уходивших в монашество имели слабое здоровье или физические недостатки. К их переходу в монастыри и удел и крестьянский мир относились достаточно благожелательно.

Ключевые слова:

Архангельская губерния, Вологодская губерния, удельные приказы, удельные крестьяне, монастыри, монашество

Conversion of appanage peasants of the Russian North to monasticism

Kotov P. P.

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
kotoff.petr2018@yandex.ru

Abstract

The paper considers the problems of the conversion of appanage peasants of the Russian North to monasticism. It is proven that in order to be allowed to move to monasteries, peasants had to submit petitions, approval of living relatives for their transition to a monastery, certificates of the absence of petitioners in recruitment queues, written obligations of relatives or fellow villagers to cultivate land plots and guarantees for the payment of all monetary fees until the next revision. All this information was confirmed in the verdicts of the village world, which additionally guaranteed the timely payment of monetary taxes for the person leaving and the absence of his obligations for recruitment. The transition of peasants had to be approved by the heads of monasteries, who presented certificates of acceptance of those wishing to join their monasteries. The collected set of documents was sent to local regional appanage divisions and, in case of their consent, was sent to the Department of Appanages, which made the final decision. It was revealed that a significant part of the appanage peasants of the Russian North preceded the final decision to become monks by living in monasteries for several years. Besides, many of those who became monks had poor health or physical disabilities. Both the appanage and the peasant world were quite favorable to their transition to monasteries.

Keywords:

Arkhangelsk Province, Vologda Province, appanage orders, appanage peasants, monasteries, monasticism

По указу Павла I от 5 апреля 1797 г. дворцовая собственность в России была преобразована в удельную. Соответственно, исчезли дворцовые поселяне, которые отныне получили статус удельных крестьян и образовали новую, третью по численности, категорию сельских жителей страны [1]. Истории удельных крестьян затрагивались в единичных статьях в контексте исследования различных проблем в конце XIX в. [2]. По инициативе удельного ведомства к 100-летней годовщине уделов готовилось издание юбилейной работы. Правда, она была опубликована только в начале XX в. и до сих пор является единственным обобщающим трудом по истории всех уделов и крестьян России [3]. По сути кратким изложением указанного труда стало появление статьи академика В. А. Боголюбова, подготовленной для шеститомного сборника по случаю другого юбилея – 50-летия отмены крепостного права в стране [4]. В работах абсолютного большинства советских ученых исследовались проблемы региональной истории удельных крестьян, в том числе разрабатывались проблемы социально-экономического развития удельной деревни в регионах [5–7], проведения реформы по отмене крепостного права [8–11] и ряд других аспектов истории удельных крестьян [12, 13]. В конце XX – начале XXI в. продолжились изыскания истории удельных крестьян по проблемам земледельческого производства [14–16], промысловой деятельности и отходничества [17, 18], политики попечительства и общественной запашки [19–21], реализации реформы 26 июня 1863 г. [22] и др. Однако

по-прежнему некоторые вопросы истории удельных крестьян остаются недостаточно или вовсе не изученными. В число последних входит и вопрос о переходе удельных крестьян в другие сословия. Поставленную проблему попытаемся проанализировать на основании законодательных документов и архивных источников, которые выявлены в Государственном архиве Вологодской губернии [23], Российском государственном историческом архиве [24] и фондах Вельского краеведческого музея [25].

Доходы от удельных крестьян поступали на содержание царя и его семьи. Одновременно с законом о создании уделов был опубликован и указ о формировании штатов для управления уделами и удельными крестьянами [26]. Центральным органом управления являлся Департамент уделов, с 1801 г. – Министерство уделов, с 1809 г. – вновь Департамент уделов, который с 1826 г. стал частью Министерства двора и уделов. В регионах были созданы девять удельных экспедиций. Каждой из них подчинили удельных крестьян нескольких губерний. Например, в состав Архангельской удельной экспедиции включили все удельные села и деревни Архангельской и Вологодской губерний [27], т. е. Русского Севера, территория которого отображена на карте.

В 1808 г. управление уделами переформатировали и в регионах создали удельные имения (конторы), объединявшие, как правило, удельных крестьян в рамках конкретных губерний. На Русском Севере страны были сформированы самостоятельные Архангельская и Вологодская удельные конторы [28], которые в конце 1858 г. оказались объединены в Вельское удельное имение [29].

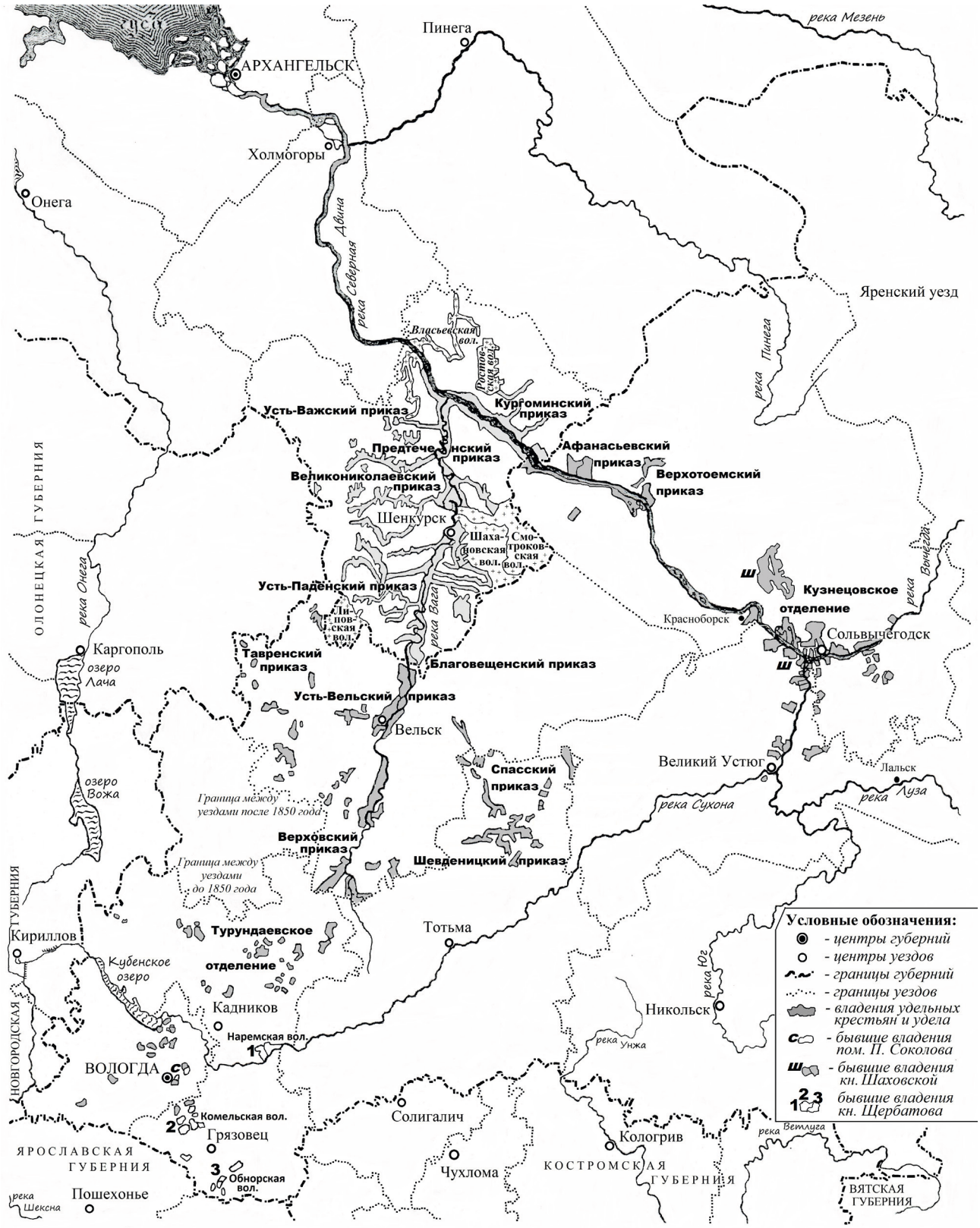
Удельные экспедиции и конторы (имения) делились на удельные приказы, управление которых основывалось на принципах общинного самоуправления. Поначалу удельные чиновники почти не вмешивались в работу избрания приказных «начальников». В ходе реализации упомянутого закона от 1808 г. внедрялся более строгий, «надлежащий присмотр» за выборами и работой приказных выборных. Этот присмотр стал почти тотальным после развертывания политики попечительства удела с начала 1830-х гг., когда не только усилили контроль за работой приказных старост, писарей и помощников писарей, но и полностью регламентировали их избрание. Удельные приказы, в свою очередь, состояли из волостей, которые на Русском Севере являлись сложившимися крупными общинами, общинами-волостями.

Как и в других регионах, при создании приказов в Архангельской удельной экспедиции не всегда учитывались не только пределы губерний и уездов, но и сложившиеся границы прежних дворцовых волостей. Например, Борецкий удельный приказ включал волости из Шенкурского уезда Архангельской губернии и Сольвычегодского уезда Вологодской губернии. Удельные крестьяне пяти волостей и части Верхококшенской волости (вол.) из Тотемского уезда были объединены в Спасский удельный приказ, в который оказались включены и две волости из Вельского уезда. Другие четыре волости и часть Шевденицкой вол. уезда в совокупности с четырьмя волостями и частью Пакшенской вол. Вельского уезда образовали Верховский удельный приказ. И, наконец, пять удельных волостей Тотемского уезда, а также оставшиеся части Верхококшенской и Шевденицкой волостей основали Ромашевский удельный приказ. Примеры можно множить и по другим уездам.

Вероятно, удел осознал свою ошибку и поправил ее в ходе упоминаемой реорганизации удельного ведомства и его управления в 1808 г. Отныне низовые удельные подразделения почти всегда стали оформляться в рамках административных границ губерний и уездов. При этом, в Сольвычегодском уезде Вологодской губернии еще в 1804 г. на базе купленного владения княгини Варвары Шаховской (1748–1823) оформилось Кузнецовское удельное отделение (удельные отделения приравнивались к приказам, хотя были ниже по статусу). В трех южных уездах все той же Вологодской губернии в 1808 г. создали Турундаевское удельное отделение, в состав которого вошли купленные уделом в 1804 г. имение помещика Соколова и приобретенная в 1824 г. вотчина князя Щербатова [30, 31]. Изменение границ между Вельским и Кадниковским уездами Вологодской губернии не затронули удельные владения [32]. В 1850 г. самые низовые удельные подразделения претерпели еще одну реорганизацию, когда произошло объединение ряда волостей и, в отдельных случаях из расформированных волостей создали несколько новых. На рисунке наглядно показано расположение удельных приказов и отделений в Архангельской и Вологодской губерниях, которые были сформированы в 1808 г. и существовали вплоть до начала отмены крепостного права в удельной деревне по закону от 26 июня 1863 г. [22, 33].

Удельные крестьяне России, как и иные жители империи, имели право ухода в монашество. В таблице обобщены все выявленные случаи перехода удельных поселян Архангельской и Вологодской губерний в монастыри. За весь период существования уделов в Архангельской губернии всего зафиксировано 14 случаев перехода удельных крестьян в монашество, в Вологодской – 20 эпизодов. При этом из удельной деревни Архангельской губернии восемь человек, или 57,1 %, ушли в монастыри в 1820-х гг., трое, или 21,4 %, – в 1810-х гг. и оставшиеся трое – в 1830–1840-х гг. Иные пропорции наблюдались в Вологодской губернии, где в 1810-х и 1840-х гг. в монашество переходило по трое удельных поселян, что составило по 15,0 % всех переходов, в 1820-х гг. – в два раза больше, шесть крестьян и крестьянок, или 30,0 %, в 1830-х и 1850-х гг. – по четверо мужчин, или по 20,0 % уходов в монашество. В Архангельской и Вологодской губерниях обнаружено всего по два эпизода ухода удельных крестьянок в монастыри (соответственно 14,3 и 10,0 % всех переходов), остальные уходы оказались связаны с мужчинами.

Абсолютное большинство удельных поселян Русского Севера перечислялось в Соловецкий монастырь, в Архангельской губернии таких было 11 случаев, или 78,6 % от всех переходов, в Вологодской – 14 эпизодов, или 70,0 %. Названия обителей, принявших удельных крестьян из Вологодской губернии, оказались более разнообразными по сравнению с Архангельской губернией (таблица).

Карта. Расположение удельных приказов в Архангельской и Вологодской губерниях в 1809–1863 годах (автор: П. Котов).
Map. Location of the Appanage Prikazs in the Arkhangelsk and Vologda provinces in 1809–1863 (author: P. Kotov).

Уходы удельных крестьян Архангельской и Вологодской губерний в монашество в 1810–1851 годах

Conversion of appanage peasants of the Arkhangelsk and Vologda provinces to monasticism in 1810–1851

Годы	Крестьяне	Селение	Волость	Удельный приказ	Уезд	Монастырь
Архангельская губерния						
1814–1817	Рожин Федор Федорович, 36 лет	дер. Даниловская	Федоровская	Великонико-лаевский	Шенкурский	Соловецкий
1817	Шалимова Татьяна	-	Предтеченская	Предтеченский	Шенкурский	Каргопольский Успенский, дев.
1818–1819	Фатьянов Николай Афанасьевич, 51 год	дер. Чюшевская	Воскресенская	Благовещенский	Шенкурский	Соловецкий
1821	Губницын Семен Евсеевич (умер во время оформления)	дер. Лапинская	Селецкая	Кургоминский	Шенкурский	Великоновгород-ский Клоповский
1822	Губницына, вдова Семена Евсеевича	дер. Лапинская	Селецкая	Кургоминский	Шенкурский	Новгородский Сырков, дев.
1823	Семушкин Иван Гаврилович	дер. Носовская	Шеговарская	Предтеченский	Шенкурский	Соловецкий
1823–1824	Шангин Иван Иванович	-	Володимировская	Предтеченский	Шенкурский	Соловецкий
1823–1824	Глазачев Михайло Андреевич	-	Шеговарская	Великониколаевский	Шенкурский	Соловецкий
1824–1826	Дерябин Кирилл	-	Пуйская	Благовещенский	Шенкурский	Соловецкий
1826	Алферов Андрей Петрович, 26 лет	-	Усть-Пуйская	Усть-Паденский	Шенкурский	Соловецкий
1826–1827	Захарьин Игнатий Григорьевич, 26 лет	дер. Олисовская	Усть-Важская	Усть-Важский	Шенкурский	Соловецкий
1832	Сергачева Пелагея Петровна, 32 года	дер. Осиновская	Усть-Паденская	Усть-Паденский	Шенкурский	Соловецкий
1838–1839	Плюснин Аверкий Васильевич, 30 лет	дер. Ушаковская	Усть-Паденская	Усть-Паденский	Шенкурский	Соловецкий
1842–1843	Нечаев Матвей Иванович, 30 лет	дер. Антоновская	Слободская	Усть-Важский	Шенкурский	Соловецкий
Вологодская губерния						
1810	Феофилатьев Максим Филиппович	дер. Мокиевская	Верхотоемская Нижнего конца	Верхотоемский	Сольвычегодский	Соловецкий
1810–1814	Деревцов Варлам Петрович	дер. Давыдовская	Пучужская	Афанасьевский	Сольвычегодский	Соловецкий
1814–1816	Дылевская Мария Васильевна	-	-	Турундаевское отд.	-	Горный Успенский, дев.
1820	Гулин Петр Алексеевич, 47 лет	дер. Малые Ефи-мовы	Терминская 1-я половина	Верховский	Вельский	Соловецкий
1823	Карамзин Филипп Федорович, 28 лет	дер. Леонтьевская	Верхотоемская Верхнего конца	Верхотоемский	Сольвычегодский	Киево-Михайловский
1823	Попов Михайло Леонтьевич, 31 год	дер. Секиринская	Кулойско-Покровская	Верховский	Вельский	Соловецкий
1823	Орлов Яков Иванович	дер. Горы Челпановы	Хмельницкая	Тавренский	Вельский	Тихвинский
1824–1825	Зензинов Степан Павлович	дер. Кудринская	Верховская	Верховский	Вельский	Николаевский Пешношский
1826	Максимова Парасковья	дер. Дюковская	Усть-Вельская	Усть-Вельский	Вельский	Новгородский Десятинский, дев.
1837	Климовский Федор Иванович, 43 года	дер. Пятинская	Терминская Первая	Верховский	Вельский	Соловецкий
1837	Дербин Василий Захарович, 40 лет	дер. Рогачевская	Терминская Первая	Верховский	Вельский	Соловецкий
1837	Сальников Арсений Семенович, 30 лет	дер. Моисеевская	Терминская Первая	Верховский	Вельский	Соловецкий
1838	Рудаков Глеб Иванович, 36 лет	дер. Мининская	Пежемская	Усть-Вельский	Вельский	Соловецкий
1843	Сальников Дмитрий Матвеевич, 29 лет	дер. Боровиковская	Верховская	Верховский	Вельский	Иверский Богородский
1845	Капустин Максим Степанович, 30 лет	дер. Артемьевская	Морозовская	Тавренский	Вельский	Соловецкий
1849	Демидов Григорий Герасимович, 63 года	дер. Олотинская	Морозовская	Тавренский	Вельский	Соловецкий
1850	Дудоров Александр Константинович, 30 лет	дер. Софроновская	Кулойско-Покровская Верхняя	Усть-Вельская	Усть-Вельский	Соловецкий

Окончание табл.

1851	Саврасов, Александр Федорович, 32 года	дер. Калитинская	Морозовская	Тавренский	Вельский	Соловецкий
1851	Кожевников Иван Степанович, 44 года	дер. Великопольская	Тавренская Наст. сотни	Тавренский	Вельский	Соловецкий
1852	Дербин Прохор Степанович, 48 лет	дер. Крыловская	Низовская Верхняя	Верховский	Вельский	Соловецкий

Источники. [23, д. 9590, л. 356–1181; 24, д. 571–589, 1431, 1569, 1854, 1860; 25, № кп 1483, кп 1538, кп 1541, кп 1547, кп 1548, кп 1555].
Sources. [23, d. 9590, l. 356–1181; 24, d. 571–589, 1431, 1569, 1854, 1860; 25, No. kp 1483, kp 1538, kp 1541, kp 1547, kp 1548, kp 1555].

Следует признать, что число уходов удельных крестьян Русского Севера в монастыри оказалось не так и значительно. Однако в Архангельской губернии эти случаи зафиксированы по всем удельным приказам, в том числе из Предтеченского и Усть-Паденского приказов ушло в монахи по три крестьянина и крестьянки, из остальных приказов – по два. В Вологодской губернии 40,0 % (восемь крестьян) перечислилось в монастыри из Верховского приказа, четверть (пять крестьян) – из Тавренского удельного приказа, 15,0 % (три человека) – из Усть-Вельского приказа, 10,0 % (две души м. п.) – из Верхотоемского и по одному человеку – из Афанасьевского приказа и Турундаевского удельного отделения. В Вологодской губернии не выявлено эпизодов ухода крестьян из Спасского и Шевденицкого приказов и Кузнецовского отделения (см. таблицу).

Основная часть удельных крестьян уходила в монастыри далеко не в пожилом возрасте. Во всяком случае удалось выявит возраст семи ушедших в монашество удельных крестьян Архангельской губернии, шестерым из которых было от 26 до 36 лет и только одному исполнился 51 год. В Вологодской губернии по источникам получилось определить возраст 14 перешедших в монахи удельных крестьян, среди которых восемь человек (57,1 %) оказались в возрасте от 26 до 36 лет, пятеро (35,7 %) – от 40 до 48 лет и только одному исполнилось 63 года (см. таблицу).

Переселение удельных крестьян в монастыри проходило по определенным правилам, имеющим прямую аналогию с их переходом в городские сословия. Однако было и очень существенное отличие – крестьяне, уходящие в монашество, освобождались от уплаты единовременных выплат, которые были весьма значительными. Прежде всего удельное ведомство стремилось нивелировать убытки, которые могли наступить в случае уменьшения ревизских душ при переселении крестьян в монастыри. Проиллюстрируем это на конкретных эпизодах. Так, в августе 1824 г. удельный поселянин Благовещенского приказа Кирилл Дерябин (Шенкурский уезд) просил перевести его «в монашество в Соловецкий монастырь». К прошению был приложен «мирской приговор Пуйского сельского общества» о согласии перехода Дерябина в монашество, «отсутствия его в рекрутских списках» и указывалось, что «до ревизии земляной участок обрабатывать и оплачивать за его душу подати и прочие повинности крестьянин той же волости Михайло Беляевский, в чем обязался подпискою». При этом акцентировалось, что «за исправное поступление податей» отвечает не только М. Беляевский, но и «все общество». В сентябре того же года Департамент уделов «указал» на отсутствие согласия «от Духовного начальства, от монастыря», каковое было получено лишь в апреле 1826 г., и в июне крестьянину был разрешен переход в монахи Соловецкого монастыря [24, д. 578, л. 1–10 об.].

Подобно К. Дерябину, прошла свой путь и «крестьянская девка» Предтеченского удельного приказа Татьяна Шалимова (Шенкурский уезд), просившая «уволить ее для поступления в Каргопольский Успенский девичий монастырь». Свое прошение в январе 1817 г. она подкрепила мирским приговором Предтеченского прихода (волости), «по которому показанную просительницу Шалимову из ведомства своего без препядственно увольняют». А также, что у крестьянки «нет долгу никакого и родственники согласны». В марте монастырь прислал свое согласие о принятии Шалимовой «в сестры» [там же, д. 572, л. 1–5 об.].

Нередко окончательному переходу крестьян в монастыри предшествовала своеобразная апробация нахождения в обителях. Так, в мае 1810 г. В. П. Деревцов, крестьянин дер. Давыдовской Афанасьевского приказа (Сольвычегодский уезд) получил «увольнительное письмо выборных <…> удельной Пучужской волости <…> на моление в разных российских монастырях». Право на обработку надела и выплату податей и повинностей до следующей ревизии взял на себя его родной брат Степан. В ноябре 1813 г. из Соловецкого монастыря пришло согласие на принятие Деревцова в обитель и в ноябре 1814 г. за 30 подписями выборных мирского общества приговор «на право записаться ему в монахи», что и было санкционировано уделом 24 марта 1816 г. [там же, д. 583, л. 1–11]. В том же «Ставропигиальном Соловецком монастыре» четыре года проживал «по плакатным пашпортам» крестьянин дер. Чюшевской Благовещенского приказа Н. А. Фатьянов (Шенкурский уезд), который в конце 1818 г., с согласия архимандрита, пожелал «вступить в монашеское братство». В мирском приговоре за более, чем 30 подписями «выборных добросовестных крестьян» Воскресенского прихода (волости) давалось согласие на уход односельчанина в монашество и указывалось, что «рекрутская очередь за Фатьяновым не состоит». К приговору прилагалась «подписка» его зятя об обработке надела и обязательстве вносить платежи «бездоимочно до 8 ревизии». В феврале 1819 г. разрешение на переезд крестьянина в монастырь было получено от Департамента уделов [там же, д. 573, л. 1–6 об.].

Довольно часто в монастыри переходили крестьяне, страдавшие от болезней или имеющие физические недостатки. Они не могли обрабатывать свои земельные наделы, вести хозяйство, иметь семьи. Например, удельный поселянин дер. Даниловской Великониколаевского приказа Ф. Ф. Рожин (Шенкурский уезд) в прошении о желании пе-

рехода в монастырь в 1814 г. писал, что «с самого малолетства имеет частократные болезненные припадки, за каковыми к хлебопашеству и другим крестьянским работам находит себя не в силах» и «с давних лет находится по папертам в разных монастырях» и он никогда «не включался в рекрутские очереди». Крестьянин получил одобрение Федоровского сельского общества на монашество, угодья «обязался подпискою» обрабатывать его брат Григорий, как и выплаты податей и повинностей до очередной ревизии. После получения просьбы Соловецкого архимандрита Паисия от 1 октября 1817 г. удельное ведомство удовлетворило прошение Рожина [там же, д. 571, л. 1–8]. В сентябре 1826 г. разрешение на уход в тот же Соловецкий монастырь получил крестьянин Усть-Пуйской вол. одноименного приказа А. П. Алферов, который был «хром правою ногою и слаб здоровьем» [там же, д. 579, л. 1–9 об.].

Удельные крестьяне уходили не только в местные монастыри. Так, крестьянин дер. Леонтьевской Верхотоемского приказа Ф. Ф. Карамзин (Сольвычегодский уезд) просил отпустить его в «Киево-Золото-Верхо-Михайловский монастырь». Проситель отмечал, что «не в силах будучи слабым здоровьем заниматься принадлежащими земледельческими работами». В приговоре мирского общества Верхотоемской вол. Верхнего конца кроме всех стандартных положений отмечалось «о наличии Карамзина в рекрутской очереди, но бельма на обеих глазах не позволяют включать его в набор». После получения согласия от монастыря Департамент уделов выдал Карамзину «увольнительную» и в апреле 1823 г. получил ответ о зачислении крестьянина в состав братии [там же, д. 585, л. 1–10]. В 1825 г. удельный поселянин С. П. Зензинов из дер. Кудринской Верховского приказа получил согласие всех 23 добросовестных Верховского сельского общества на переселение в Николаевский Пешношский монастырь с обязательством «об уплате государственных и прочих повинностей до будущей ревизии сверх поручительства брата Зензинова Емельяна» [там же, д. 588, л. 1–8]. В 1826 г. Департамент уделов разрешил увольнение в «Новгородский Десятинский девичий монастырь» крестьянки дер. Дюковской Усть-Вельского приказа Парасковьи Максимовой [там же, д. 589, л. 1–7 об.]. В 1843 г. после прохождения всех процедур в послушники «Первоклассного Иверского монастыря» был зачислен крестьянин дер. Боровиковской Верховской вол. одноименного удельного приказа Д. М. Сальников (Вельский уезд), который «кроме обучения детей грамоте и писать никакими крестьянскими работами никогда не занимался» [там же, д. 1860, л. 1–8 об.].

Уход больных крестьян в православные обители, вероятно, даже поощрялся уделом и не пресекался крестьянскими общинами. Так, в мирском приговоре крестьян Усть-Паденской вол. одноименного приказа Шенкурского уезда от 5 марта 1832 г. выказано согласие на переход «крестьянской девки» П. П. Сергачевой в монастырь, отмечается «слабое ее здоровье», «не способность к крестьянскому труду» и делается вывод, что у общества «нужды в ней нет» [там же, д. 1106, л. 1–10].

В архивных источниках зафиксирован необычный эпизод. Летом 1821 г. крестьянин дер. Лапинской Селецкой вол. Кургоминского удельного приказа С. Е. Губницын (Шенкурский уезд) подал прошение о переходе «в иноки Великоновгородского Клоповского монастыря». В ходе сбора необходимых документов крестьянин умер [там же, д. 574, л. 1–3]. После этого вдова Сергачева попросила оставить ее «черноризницей» в Новгородском Сырковом девичьем монастыре, «где она оказалась по воле умершего мужа». В августе 1822 г. ее просьба была удовлетворена [там же, д. 574, л. 9а-9в, 15].

Таким образом, уходы удельных крестьян в монастыри осуществлялись по сложившимся правилам, по которым, в отличие от перехода в городские сословия, не существовало единовременных денежных взносов. В остальном было много общего. Для перехода в монашество крестьяне также должны были собрать комплект документов, включающий личное прошение, согласие близких родственников, указание на отсутствие уходящего в очереди на отбывание рекрутской повинности, письменное подтверждение от родственников или односельчан о принятии земельного надела, согласие на его обработку и уплату денежных податей за уходящего вплоть до проведения очередной ревизии. Все указанные положения подтверждались в отпускном приговоре мирского общества, в котором отображались не только согласие на уход крестьянина в монастырь, но и все обязательства по обработке наделов уходящего и уплате всех государственных и ведомственных платежей до проведения следующей ревизии. Кроме этого, удельному поселянину следовало озаботиться свидетельством от главы обители, в котором фиксировалось согласие на прием желающего в монашество. Собранные документы рассматривались вначале в региональных подразделениях – удельных экспедициях или конторах. Окончательный вердикт о переходе крестьян в монастыри выносил Департамент уделов. Многие из удельных крестьян Русского Севера уходили в монашество в силу их болезней или физических недостатков. Большая часть удельных поселян региона уходила в Соловецкий монастырь, но некоторые из них уходили и в обители Московской, Киевской, Новгородской, Олонецкой и Вологодской губерний. Большинство случаев уходов удельных крестьян Архангельской и Вологодской губерний имели свои своеобразные оттенки, при этом сохраняя общую основу. Заметим, что подтверждается мнение о частом уходе в монашество людей с физическими недостатками или одиноких. Напротив, опровергается устоявшееся представление, что в монастыри перечислялись главным образом пожилые.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое (ПСЗРИ-1). Т. I–VL. – СПб., 1830. – Т. XXIV. – № 17906. – С. 525–569.
2. Ходский, Л. В. Земля и земледелец: Экономическое и статистическое исследование: в 2 т. / Л. В. Ходский. – СПб., 1891. – Т. 2. – С. 12–125.

3. История уделов за столетие их существования. 1797–1897: в 3 т. – СПб., 1901–1902. – Т. 1. – 733 с.; – Т. 2. – 581 с.
4. Боголюбов, В. А. Удельные крестьяне / В. А. Боголюбов // Великая реформа: в 6 т. – М., 1911. – Т. 2. – С. 294–364.
5. Гриценко, Н. П. Удельные крестьяне Среднего Поволжья (Очерки) / Н. П. Гриценко. – Грозный, 1959. – 585 с.
6. Половинкин, Н. С. Дворцовые (удельные) крестьяне Среднего Поволжья и Приуралья (вторая половина XVI – первая половина XIX веков) / Н. С. Половинкин. – Тюмень, 1992. – 142 с.
7. Котов, П. П. Хозяйство удельных крестьян Севера середины XIX в. / П. П. Котов // Хозяйство северного крестьянства в XVI – начале XX вв.: межвуз. сб. науч. тр. – Сыктывкар, 1987. – С. 21–29.
8. Левашев, В. Реформа 1861 г. в Самарской и Симбирской губерниях / В. Левашев. – Куйбышев, 1940. – 72 с.
9. Богатикова, Г. И. Реформа 26 июня 1863 г. в удельной деревне / Г. И. Богатикова // Исторические записки. – 1958. – Т. 63. – С. 81–123.
10. Котов, П. П. О земельном обеспечении бывших удельных крестьян по реформе 1863 года / П. П. Котов // Буржуазные реформы в России второй половины XIX века. – Воронеж: Воронежский ун-т, 1988. – С. 54–63.
11. Котов, П. П. К вопросу о реформе 1863 г. на Севере / П. П. Котов // Изучение аграрной истории Европейского Севера СССР на современном этапе. – Сыктывкар, 1989. – С. 78–83.
12. Ивашута, Л. П. Проблемы удельной деревни в Советской исторической литературе / Л. П. Ивашута // Вопросы истории Урала: сб. 14. – Свердловск, 1976. – С. 106–117.
13. Котов, П. П. К вопросу об удельных крестьянах в советской историографии / П. П. Котов // Проблемы изучения и преподавания историографии истории СССР в высшей школе: межвуз. сб. науч. тр. – Сыктывкар, 1989. – С. 104–111.
14. Красникова, Ю. Н. Удельные крестьяне Северо-Запада России в конце XVIII – первой четверти XIX века: из истории аграрных отношений / Ю. Н. Красникова. – СПб., 2014. – 199 с.
15. Шайхисламов, Р. Б. Удельные крестьяне Южного Урала в дореформенный период / Р. Б. Шайхисламов, Н. С. Мысляева // Современная научная мысль. – 2018. – № 6. – С. 52–56.
16. Котов, П. П. Проблемы изучения уровня земледелия на примере Шенкурского уезда Архангельской губернии / П. П. Котов // Известия Коми НЦ УрО РАН. – 2012. – № 1 (9). – С. 83–88.
17. Караханян, Т. Н. Промысловые занятия во Владимирской удельной конторе (на примере Ковровского и Судогодского уездов) / Т. Н. Караханян // Научное пространство: актуальные вопросы теории и практики. – Чебоксары, 2020. – С. 47–49.
18. Котов, П. П. Особенности отходничества удельных крестьян Европейского Севера России / П. П. Котов // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2012. – № 3. – С. 149–155.
19. Завитаев, А. Н. Попечительная политика в удельной деревне Саратовского Поволжья и ее результаты / А. Н. Завитаев // Казанская наука. – 2015. – № 6. – С. 35–38.
20. Красникова, Ю. Н. Организация общественной запашки в удельной деревне в первой половине XIX века / Т. В. Емельянова, Ю. Н. Красникова // Современная научная мысль. – 2021. – № 5. – С. 13–19.
21. Котов, П. П. Материалы об общественной запашке удельных крестьян Европейского Севера России как исторический источник / П. П. Котов // Петербургские чтения – 97. Петербург и Россия: материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». Сер. «Петербург и Россия». – СПб., 1997. – С. 453–457.
22. Котов, П. П. Отмена крепостного права в удельной деревне по реформе 26 июня 1863 года в русской историографии / П. П. Котов // Известия Коми НЦ УрО РАН. – 2017. – № 4 (32). – С. 79–87.
23. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 388. Оп. 1.
24. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 515 – Департамент уделов. Оп. 7.
25. Вельский краеведческий музей. Д. кп 1483, кп 1538, кп 1541, кп 1547, кп 1548, кп 1555.
26. ПСЗРИ-1. – Т. XXIV. – № 17907. – С. 569.
27. ПСЗРИ-1. – Т. XXV. – № 18423. – С. 126.
28. ПСЗРИ-1. – Т. XXX. – № 23020. – С. 226–258.
29. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе (ПСЗРИ-2). Т. I–LV. – СПб., 1830–1884. – Т. XXXIII. – Отделение 2. – № 33861. – С. 451–452.
30. Котов, П. П. Расширение удельных владений в Вологодской губернии в первой четверти XIX века / П. П. Котов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2021. – Т. 43, № 4. – С. 39–46. – DOI: 10.15393/uchz.art.2021.616.
31. Котов, П. П. Характеристика помещичьих имений Вологодской губернии, приобретенных удельным ведомством в 1804 и 1824 годах / П. П. Котов // Известия Коми НЦ УрО РАН. – 2021. – № 4 (50). – С. 46–54. – DOI: 10.19110/1994-5655-2021-4-46-54.
32. Котов, П. П. Изменение границ Вельского и Кадниковского уездов Вологодской губернии в середине XIX века / П. П. Котов // Известия Коми НЦ УрО РАН. – 2019. – № 3 (39). – С. 65–71. – DOI 10.19110/1994–5655–2019–3–65–71.
33. ПСЗРИ-2. – Т. XXXVIII. – Отделение 1. – № 39792. – С. 678–702.

References

1. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Pervoe. [Complete collection of laws of the Russian Empire. 1st collection] (Further – PSZRI-1). Vol. I–VL. – St. Petersburg, 1830. – Vol. XXIV. – No. 17906. – P. 525–569.
2. Khodsky, L. V. Zemlja i zemledelec: Jekonomicheskoe i statisticheskoe issledovanie [A land and a farmer: Economical and statistical study]: in 2 vols / L. V. Khodsky. – St. Petersburg, 1891. – Vol. 2. – P. 12–125.
3. Istorija udelov za stoletie ih sushhestvovanija. 1797 – 1897 [The history of appanages during the century of

their existence. 1797-1897]. In 3 vols. – St. Petersburg, 1901–1902. – Vol. 1. – 723 p.; – Vol. 2. – 581 p.
4. Bogolyubov, V. A. Udelnye krestyane [Tsar family peasants] / V. A. Bogolyubov // Velikaja reforma [Great reform]. In 6 vols. – Moscow, 1911. – Vol. 2. – P. 294–364.
5. Gritsenko, N. P. Udelnye krestyane Srednego Povolzhya (Ocherki) [Tsar family peasants of the middle Volga region (Essays)] / N. P. Gritsenko. – Grozny, 1959. – 585 p.
6. Polovinkin, N. S. Dvortsovye (udelnye) krestyane Srednego Povolzhya i Priuralya (vtoraya polovina XVI – pervaya polovina XIX vekov) [Palace (state) peasants of the Middle Volga region and the Pre-Urals (second half of the XVI-first half of the XIX centuries)] / N. S. Polovinkin. – Tyumen, 1992. – 142 p.
7. Kotov, P. P. Khozyaistvo udelnykh krestyan Severa serediny XIX v. [The household of Tsar family peasants of the North in the mid-XIX century] / P. P. Kotov // Khozyaistvo severnogo krestyanstva v XVI – nachale XX vv. [The economy of the northern peasantry in the XVI – early XX centuries]. Interuniversity collection of sci. papers. –Syktyvkar, 1987. – P. 21-29.
8. Levashev, V. Reforma 1861 g. v Samarskoj i Simbirskoj gubernijah [The reform of 1861 in Samara and Simbir provinces] / V. Levashev. – Kuibyshev, 1940. – 72 p.
9. Bogatikova, G. I. Reforma 26 ijunja 1863 g. v udelnoj derevne [The reform of June 26. 1863 in a Tsar family village] / G. I. Bogatikova // Istoricheskie zapiski [Historical notes]. -.1958. – Vol. 63. – P. 81–123.
10. Kotov, P. P. O zemelnom obespechenii byvshikh udelnykh krestyan po reforme 1863 goda [About the land provision of the former state peasants on the reform of 1863] / P. P. Kotov // Burzhuaznye reformy v Rossii vtoroi poloviny XIX veka [Bourgeois reforms in Russia of the second half of the XIX century]. – Voronezh: Voronezh Univ., 1988. – P. 54–63.
11. Kotov, P. P. K voprosu o reforme 1863 g. na Severe [To the question of the reform of 1863 in the North] / P. P. Kotov // Izuchenie agrarnoj istorii Evropejskogo Severa SSSR na sovremennom etape [The study of agricultural history of the European North of the USSR at the present stage]. – Syktyvkar, 1989. – P. 78–83.
12. Ivashuta, L. P. Problemy udelnoj derevni v Sovetskoj istoricheskoj literature [Problems of the appanage village in Soviet historical literature] / L. P. Ivashuta // Voprosy istorii Urala [Problems of the history of the Urals]. Collection 14. – Sverdlovsk, 1976. – P. 106–117.
13. Kotov, P. P. K voprosu ob udelnykh krestyanakh v sovetskoi istoriografii [On the issue of appanage peasants in Soviet historiography] / P. P. Kotov // Problemy izucheniya i prepodavaniya istoriografii istorii SSSR v vysshei shkole [Problems of studying and teaching historiography of the history of the USSR in higher education]. Interuniversity collection of sci. papers. – Syktyvkar, 1989. – P. 104–111.
14. Krasnikova, Yu. N. Udelnye krestyane Severo-Zapada Rossii v kontse XVIII - pervoi chetverti XIX veka: iz istorii agrarnykh otnoshenii [The Tsar family peasants of the North-West of Russia at the end of the XVIII-first quarter of the XIX century: from the history of agrarian relations] / Yu. N. Krasnikova. – St. Petersburg, 2014. – 199 p.
15. Shaikhislamov, R. B. Udelnye krestyane Yuzhnogo Urala v doreformennyi period [Appanage peasants of the Southern Urals in the pre-reform period] / R. B. Shaikhislamov, N. S. Myslyaeva // Modern scientific thought. – 2018. – No. 6. – P. 52–56.
16. Kotov, P. P. Problemy izucheniya urovnya zemledeliya na primere Shenkurskogo uezda Arkhangelskoi gubernii [The problems of studying the level of agriculture on the example of Shenkursky Uyezd of Arkhangelsk Province] / P. P. Kotov // Izvestija Komi nauchnogo centra Uralskogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk [Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences]. – 2012. – No. 1 (9). – P. 83–88.
17. Karakhanyan, T. N. Promyslovye zanyatiya vo Vladimirskoi udelnoi kontore (na primere Kovrovskogo i Sudogodskogo uezdov) [Fishing activities in the Vladimir Appanage Office (on the example of Kovrov and Sudogod Uyezds)] / T. N. Karakhanyan // Nauchnoe prostranstvo: aktualnye voprosy teorii i praktiki [Scientific space: current issues of theory and practice]. – Cheboksary, 2020. – P. 47–49.
18. Kotov, P. P. Osobennosti otkhodnichestva udelnykh krestyan Evropeiskogo Severa Rossii [Peculiarity of seasonal work of Tsar family peasants in the European North of Russia] / P. P. Kotov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta [Bull. of St. Petersburg Univ.]. History. – 2012. – No. 3. – P. 149–155.
19. Zavitaev, A. N. Popechitelnaya politika v udelnoi derevne Saratovskogo Povolzhya i ee rezultaty [Trusteeship policy in the appanage village of the Saratov Volga region and its results] / A. N. Zavitaev // Kazanskaya nauka [Kazan Science]. – 2015. – No. 6. – P. 35–38.
20. Krasnikova, Yu. N. Organizatsiya obshchestvennoi zapashki v udelnoi derevne v pervoi polovine XIX veka [Organization of public plowing in an appanage village in the first half of the XIX century] / T. V. Emelyanova, Yu. N. Krasnikova // Sovremennaya nauchnaya mysl' [Modern Scientific Thought]. – Moscow, 2021. – No. 5. – P. 13–19.
21. Kotov, P. P. Materialy ob obshchestvennoi zapashke udelnykh krestyan Evropeiskogo Severa Rossii kak istoricheskii istochnik [Materials on the public plowing of state peasants of the European North of Russia as a historical source] / P. P. Kotov // Peterburgskie chteniya – 97. Peterburg i Rossiya. Materialy Entsiklopedicheskoi biblioteki «Sankt- Peterburg-2003». Ser. «Peterburg i Rossiya» [Petersburg Readings-97. Petersburg and Russia. Materials of the Encyclopedia library "St. Petersburg-2003". Series "Petersburg and Russia"]. – St. Petersburg, 1997. – P. 453–457.
22. Kotov, P. P. Otmena krepostnogo prava v udelnoi derevne po reforme 26 iyunya 1863 goda v russkoi istoriografii [The abolition of serfdom in villages of the Tsar family by the reform of June 26, 1863 in the Russian historiography] / P. P. Kotov // Izvestija Komi nauchnogo centra Uralskogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk [Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences]. – 2017. – No. 4 (32). – P. 79–87.
23. Gosudarstvennyj arhiv Vologodskoj oblasti (GAVO) [State archive of the Vologda region (SAVD)]. F. 388. Op. 1.

24. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive] (RGIA). F. 515. – Departament udelov [Department of Appanages]. Op. 7.
25. Velskii kraevedcheskii muzei (VKM) [The Velsk Museum of Local History (VLHM)]. D. kp 1483, kp 1538, kp 1541, kp 1547, kp 1548, kp 1555.
26. PSZRI-1. - Vol. XXIV. - No. 17907. - P. 569.
27. Ibid. - Vol. XXV. - No. 18423. - P. 126.
28. Ibid. - Vol. XXX. - No. 23020. - P. 226–258.
29. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Vtoroe [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2] (Further – PSZRI-2). Vol. I–LV. – St. Petersburg, 1830–1884. – Vol. XXXIII. – Section 2. – No. 33861. – P. 451–452.
30. Kotov, P. P. Rasshirenie udelnykh vladenii v Vologodskoi gubernii v pervoi chetverti XIX veka [Expansion of appanages in the Vologda province in the first quarter of the XIX century] / P. P. Kotov // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [Sci. notes of Petrozavodsk State Univ.]. – 2021. Vol. 43. – No 43(4). – P. 39–46. – DOI: 10.15393/uchz.art.2021.616.
31. Kotov, P. P. Kharakteristika pomeshchichikh imenii Vologodskoi gubernii, priobretennykh udel'nym vedomstvom v 1804 i 1824 godakh [Characteristics of the landlords' estates of the Vologda province obtained by the Appanage Department in 1804 and 1824] / P. P. Kotov // Izvestija Komi nauchnogo centra Uralskogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk [Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences]. - 2021. – No. 4 (50). – P. 46–54. – DOI: 10.19110/1994-5655-2021-4-46-54.
32. Kotov, P. P. Izmenenie granits Velskogo i Kadnikovskogo uezdov Vologodskoy gubernii v seredine XIX veka [Change of boundaries of the Velsky and Kadnikovsky Uyezds of the Vologda Province in the mid-XIX century] / P. P. Kotov // Izvestija Komi nauchnogo centra Uralskogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk. Series "Historical demography" [Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences]. – 2019. – No 3 (39). – P. 65–71. – DOI 10.19110/1994-5655-2019-3-65-71.
33. PSZRI-2. – Vol. XXXVIII. – Section 1. – No. 39792. – P. 678–702.

Благодарность (госзадание):

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Acknowledgements (state task):

The research was carried out within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS.

Информация об авторе:

Котов Петр Павлович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором отечественной истории, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID 0000–0002–7641–2437, SPIN-код 5659-7780 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: kotoff.petr2018@yandex.ru).

Author:

Petr P. Kotov – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Sector of National History, Leading Researcher, Institute of Language, Literature and History, FRC Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences; ORCID 0000–0002–7641–2437, SPIN-код 5659-7780 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: kotoff.petr2018@yandex.ru).

Для цитирования:

Котов, П. П. Уходы удельных крестьян Русского Севера в монашество / П. П. Котов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 3 (88). – С. 71–79.

For citation:

Kotov, P. P. Conversion of appanage peasants of the Russian North to monasticism / P. P. Kotov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and philology". – 2026. – No. 3 (88). – P. 71–79.

Дата поступления статьи: 16.01.2026
Прошла рецензирование: 16.01.2026
Принято решение о публикации: 30.01.2026
Received: 16.01.2026
Reviewed: 16.01.2026
Accepted: 30.01.2026

УДК 097:069(470.13)
DOI 10.19110/1994-5655-2026-3-80-83

Владельческие знаки на книгах финно-угроведа Лыткина Г. С. в собрании Национального музея Республики Коми

Краева Н. В.

Национальный музей Республики Коми,
г. Сыктывкар

nadezhda-kraeva@mail.ru

Аннотация

Владельческие и дарственные надписи на книгах в последние десятилетия признаны полноценным историческим источником. Научная библиотека Национального музея Республики Коми ведет системную работу по выявлению редких книжных экземпляров с «биографией» (особая судьба, известные владельцы) с публичной демонстрацией таких артефактов. В статье уделено внимание ученому филологу Г. С. Лыткину, чья деятельность стала ключевой для становления коми (зырянской) письменности и книжной культуры. Акцент сделан на его переводах на зырянский язык и сохранившихся экземплярах с владельческими знаками (экслибрисы, автографы, надписи).

Ключевые слова:

Г. С. Лыткин, редкие издания, владельческие знаки, Великая Княгиня Александра Иосифовна, крестьянин Н. П. Чеусов, земский служащий В. А. Тентюков, финно-угровед Д. В. Бубрих

Ownership marks on books of the Finno-Ugric scholar G. S. Lytkin in the collection of the National museum of the Komi Republic

Kraeva N. V.

National Museum of the Komi Republic,
Syktyvkar

nadezhda-kraeva@mail.ru

Abstract

Ownership and gift inscriptions on books have been recognized as a valuable historical source in recent decades. The Scientific Library of the National Museum of the Komi Republic is systematically identifying rare book copies with a "biography" (special fate, well-known owners) and publicly displaying such artifacts. The paper focuses on the philologist G. S. Lytkin, whose work became key to the formation of the Komi (Zyryan) written language and book culture. The emphasis is on his translations into the Zyryan language and preserved copies with ownership marks (ex-libris, autographs, and inscriptions).

Keywords:

G. S. Lytkin, rare editions, ownership marks, Grand Duchess Alexandra Iosifovna, peasant N. P. Cheusov, Zemstvo official V. A. Tentyukov, Finno-Ugric scholar D. V. Bubrikh

Основоположником национальной научной школы изучения этнографии и истории народов коми был Георгий Степанович Лыткин (1835–1907) – первый коми лингвист, историк и литератор, этнограф и фольклорист. Начав свою деятельность как калмыковед, алтаист, он постепенно становится финно-угроведом, исследователем традиционной культуры народа, из среды которого вышел.

Важная заслуга Г. С. Лыткина заключается в том, что он впервые грамотно описал фонетическую систему коми языка, расшифровал памятники древнепермской (древнекоми) письменности, составил первые и до сих пор единственные сравнительные словари коми, удмуртского и мордовского языков. Сегодня его труды находятся в поле зрения специалистов финно-угроведов и не потеряли своей научной значимости.

Хотелось отметить, что в библиотеке Национального музея Республики Коми, хотя и в небольшом количестве, представлены труды самого Георгия Лыткина. Изданий всего шесть, однако все они – прижизненные: «Псалтырь [Ошкансьылӧм]» (СПб., 1885), «Святое евангелие от Матвея, Марка, Луки и Иоанна и Деяния Святых апостолов [Вежа бур-јуӧр Матвујсан, Марксан, Лукасан, Іоаннсан, сесса Вежа апостољаслӧн керӧмјасыс]» (СПб., 1885), «Божественная литургия иже во святых отца нашего Иоанна Златоустого [Вежа мијан ајлӧн Зарнівома Іоаннлӧн Јенлы кесјалӧм]» (СПб., 1883), «Начатки христианского православного учения [Христос вылӧ вескыда ескыны велӧдӧмлӧн понданыс]» (СПб., 1900), «Миян господьлӧн Јісус Крістослӧн вежа бурјуӧр Матвејсянь [Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея]», изданный на средства Великобританского библейского общества (СПб., 1882), «Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык» (СПб., 1889). На некоторых выявлены владельческие знаки, по которым можно сделать вывод: книги Георгия Степановича Лыткина были востребованы как в XIX, так и в XX в.

Г. С. Лыткин родился в уездном городе Усть-Сысольске в купеческой семье. После смерти отца и раздела имуще-

ства семья была фактически разорена. В 1848 г. Георгий окончил Усть-Сысольское уездное училище, затем Вологодскую гимназию. В двадцатилетнем возрасте поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, а через год перевелся на факультет восточных языков. Окончив в 1859 г. курс по монголо-калмыцкому разряду с золотой медалью и защитой диссертации на ученую степень кандидата, он получил от университета направление в командировку в Астраханскую, Ставропольскую губернии и область Войска Донского для изучения калмыцкого языка на месте. Два года, проведенные Лыткиным в калмыцких степях, принесли ему заслуженную известность археографа-калмыковеда: молодому ученому удалось собрать целый ряд выдающихся памятников древней калмыцкой литературы [1, с. 296]. Полагаясь на современных востоковедов, можно утверждать, что в середине XIX в. Георгий Степанович принадлежал к числу самых компетентных специалистов по вопросам древней калмыцкой и монгольской письменной культуры.

Свидетельством научного интереса Лыткина к восточным языкам является «Тибетско-русский словарь» [2], который находился в его личной библиотеке. На титульном листе сохранилась владельческая надпись «Георгія Лыткина», а на корешке – суперэкслибрис «Г.С.Л.». Изучив учетные документы музея [3], удалось выяснить, что словарь был пожертвован 16 октября 1925 г. родной сестрой Г. Лыткина Анной Степановной Забоевой. На сегодняшний день это единственный известный нам экземпляр из его собрания.

По возвращении из экспедиционной поездки Лыткин должен был стать профессором калмыцкой лингвистики, но он решил вернуться к своей юношеской цели – работать на благо просвещения зырян. Известный педагог и общественный деятель Н. Ф. Бунаков, рассказывая о годах совместной учебы в Вологодской гимназии, вспоминал: «Он мечтал и толковал о просвещении своего народа, к которому относился с трогательной верой в его способность к развитию. И на свое образование смотрел как на средство для просвещения зырян. Это был в своем роде Инсаров Тургенева. У нас немногие понимали его, большинство подсмеивалось над этим неуклюжим и добродушным, но страшно упорным и настойчивым зырянским патриотом. И все невольно любили и уважали Лыткина» [4, с. 196].

В 1861 г. Г. С. Лыткин ходатайствует о направлении его на родину штатным смотрителем Усть-Сысольских училищ. Попытки получить должность в Коми крае успехом не увенчались, и он был вынужден работать преподавателем истории и географии в гимназиях и училищах Санкт-Петербурга.

Г. С. Лыткин активно занимался переводом на коми язык различных текстов. Понимая, что употребление зырянского языка на родине было крайне ограничено, он попытался ввести этот язык в сферу богослужебной практики. Он вспоминал, что в детстве любил посещать церковь и слушать литургию, хотя служба совершалась на непонятном ему славянском языке. Непонимание церковнославянского и русского языков вызвало в нем желание «сделаться священником, чтобы потом объяснять другим то, что поется и читается в церкви» [5, с. I]. Исполняя свою детскую мечту, он перевел на зырянский язык многие церковные книги.

В издании книг Г. С. Лыткина на зырянском языке большую роль сыграла Великая Княгиня Александра Иосифовна. В предисловии к книге «Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык» Г. Лыткин пишет: «Великая Княгиня Александра Иосифовна обратила Свое Августейшее внимание на эти переводы и соизволила препроводить их в распоряжение г. Обер-Прокурора Св. Синода, Статс-Секретаря К. П. Победоносцева, который, ревнуя о духовном просвещении инородцев, не знающих русского языка, испросил благословение Святейшего Синода на их издание» [там же, с. II].

В процессе изучения изданий, переводчиком которых был Г. С. Лыткин, были выявлены владельческие книжные знаки. Книги «Святое евангелие» (СПб., 1885) и «Божественная литургия» (СПб., 1883) находились в домашней библиотеке крестьянина Николая Павловича Чеусова. На обеих книгах имеются рукописный экслибрис «Изъ библіотеки Николая Чеусова» и круглая печать с надписью «в центре – Н. П. Чеусов, по окружности – Устьсысольс[каго] уезда Вильгортской волос[ти]». Покнижный просмотр фонда научной библиотеки НМРК позволил выявить 70 изданий конца XIX – начала XX в. с книжными знаками Н. П. Чеусова.

Николай Павлович родился в крестьянской семье в с. Выльгорт Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии в 1860 г. Был хозяином крепкого крестьянского хозяйства. Долгое время служил волостным писарем. За время службы в Усть-Сысольском уезде взялся за организацию книжной торговли и в 1896 г. открыл в с. Выльгорт книжную лавку. В 1897 г. становится одним из организаторов открытия в Выльгорте бесплатной библиотеки-читальни. В 1906 г. он был избран гласным Усть-Сысольского земского собрания от Выльгортской волости. С 1911 г. действительный член Усть-Сысольского отделения Архангельского Общества изучения Русского Севера [6, с. 159]. В советские годы выполнял ряд общественно-выборных должностей: заведующий волостным отделом народного образования, делопроизводитель актов гражданского состояния, член-секретарь Сысольского Уисполкома и др.

Наличие богослужебных книг в библиотеке Н. П. Чеусова говорит о почитании религиозной литературы, изданной на русском и зырянском языках его земляком Г. С. Лыткиным. Очевидно, он полагал, что эти книги будут понятны и доступны как родственникам, так и односельчанам.

Владельческая надпись «В. Тентюков» была выявлена на книге «Миян господьлӧн Јісус Крістослӧн вежа бурјуӧр Матвеjсянь [Святое Евангелие от Матфея]» (СПб., 1882). Книга принадлежала секретарю Усть-Сысольской уездной земской управы Венедикту Александровичу Тентюкову.

Мещанин г. Усть-Сысольска Венедикт Александрович Тентюков родился в 1861 г. Получил образование в Усть-Сысольском уездном училище. Почти 30 лет, с 1886 по 1913 г., состоял секретарем Усть-Сысольской уездной земской управы. Оставаясь верным земской службе, в 1919 г. он был избран председателем последней Временной Усть-Сысольской уездной управы.

Из личного собрания В. А. Тентюкова в фонде музея выявлено 25 изданий конца XIX – начала XX столетия, и только одна – религиозного содержания.

В библиотеке музея хранятся две книги под названием «Божественная литургия Иоанна Златоуста» на церковнославянском и коми-зырянском языках, изданные в 1883 г., в год 500-летия со времени возведения св. Стефана в сан епископа. На титульных листах обеих книг выявлен практически нечитаемый владельческий знак, но с императорской короной! Удалось ее расшифровать – «под императорской короной надпись "Александры Іосифовны" по кругу – "комнаты ее высочества Г.В.К." (Государыни Великой Княгини)». Можно с уверенностью утверждать, что книги находились в комнатах Ее Императорского Высочества Великой Княгини Александры Иосифовны, принцессы немецкого герцогства Саксен-Альтенбурга, супруги великого князя Константина Николаевича, младшего брата императора Александра II.

Но как «Литургия Иоанна Златоуста» оказалась в комнатах Ее Высочества? Можно только предположить, что за помощь в издании «Литургии», книги были поднесены в дар Г. С. Лыткиным Александре Иосифовне. И возникает следующий вопрос: как данные издания попали в Коми областной музей? После революционных событий 1917 г. дворцы членов бывшей императорской фамилии стали одним из основных поставщиков художественных ценностей в музейные собрания, книжных коллекций в библиотечные фонды страны. Музейные работники, члены Общества изучения Коми края выезжали в Москву и Ленинград в государственные книгохранилища, букинистические магазины для отбора книг в библиотеку Коми областного музея, благодаря которым, возможно, удалось спасти эти издания [7, с. 178].

Главным трудом своей жизни Г. С. Лыткин считал «Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык» (СПб., 1889). В предисловии к этому изданию он признавался: «И в Вологодской гимназии, и в Санкт-Петербургском университете не покидала меня мысль – быть когда-нибудь полезным подрастающему поколению зырян переводами книг религиозного содержания на зырянский язык и составлением такой книги, которая дала бы им возможность изучить русский язык, употребляемый и в церкви, и в науке, и в суде» [5, с. I]. Большинство критиков отмечают ту благодарную роль, которую сыграла книга Георгия Степановича в общественной жизни коми народа и называют ее «истинно зырянской энциклопедией».

Эта книга принадлежала известному лингвисту, доктору филологических наук, одному из создателей отечественной научной школы в области финно-угорской филологии Дмитрию Владимировичу Бубриху, о чем говорит его автограф «ДБубрих».

Дмитрий Владимирович родился в 1890 г. в Петербурге. Окончил Петербургский университет. В конце 1920-х гг. обратился к исследованию финно-угорских языков. Много работ посвятил он исследованию коми, мордовского, удмуртского и карельского языков. Во время Великой Отечественной войны, будучи в эвакуации в Сыктывкаре вместе с сотрудниками Петрозаводского университета, в течение двух лет он не просто выучил два финно-угорских языка – коми и удмуртский, но научно описал их системы в двух книгах: «Грамматика литературного коми языка» (Л., 1949), «Историческая фонетика удмуртского языка» (Ижевск, 1948), являющихся для современных финно-угроведов настольными и через 70 лет [8, с. 204]. Ученого, которого интересовали не только вопросы исторической морфологии, фонетики и синтаксиса, но и фольклора, этнографии, археологии, топонимики и этнонимики финно-угорских народов, вполне могла заинтересовать книга Г. Лыткина «Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык».

Таким образом, исследование владельческих надписей на книгах из фондов научной библиотеки Национального музея Республики Коми подтверждает многоуровневость исторического источника (от личной пометки до культурного феномена), подчеркивает актуальность музейной работы по атрибуции и интерпретации книжных артефактов, углубляет знание о книжной культуре Коми края.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. Терюков, А. И. История этнографического изучения народов коми. – СПб.: МАЭ РАН, 2011. – 513 с.
2. Тибетско-русский словарь, с присовокуплением алфавитного списка, изданный Императорскою Академиею Наук, составленный Я. Шмидтом, Статским Советником и Кавалером орденов Св. Анны второй степени с И. К., Св. Станислава второй и Св. Владимира четвертой степени, Доктором философии, ординарным Академиком Императорской Академии Наук, почетным членом Императорского Казанского Университета, иностранным членом Азиатских Обществ в Париже и Лондоне, членом Корреспондентом Общества Наук и Художеств в Батавии и пр.». – СПб., 1843.– XI. – 765 с.
3. Книга описи областного музея в г. Устьсысольске. № 1 (№ 1–2331).
4. Арсеньев, Ф. А. В дебрях Севера / Ф. А. Арсеньев // Русские писатели XVIII–XIX веков о земле Коми / сост. З. Я. Немшилова. – Сыктывкар, 1999. – С. 193–201.
5. Лыткин, Г. С. Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык / Г. С. Лыткин. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1889. – 226 с.
6. Степанова, Е. Н. Книжные коллекции библиотеки Национального музея Республики Коми (на примере личных библиотек участников краеведческого движения в Коми крае в начале XX в.) / Е. Н. Степанова // Известия Общества изучения Коми края. – 2007. – № 1. – С. 158–165.
7. Краева, Н. В. Владельческий книжный знак Великой Княгини Александры Иосифовны на книгах коми ученого Георгия Степановича Лыткина / Н. В. Краева // Экслибрисы как информационный ресурс для изучения книжной культуры: материалы конференции (Москва, 27–29 октября 2021 г.). – М., 2021. – С. 178–182.

8. Бурлыкина, М. И. Ученый-энциклопедист А. С. Сидоров: жизнь и творчество / М. И. Бурлыкина. – Сыктывкар, 2007. – 497 с.

References

1. Teryukov, A. I. Istoriya etnograficheskogo izuchenoya narodov komi [The history of ethnographic study of the Komi people] / A. I. Teryukov. – St. Petersburg: MAE RAS [Museum of Archaeology and Ethgnography, RAS], 2011. – 513 p.
2. Tibetsko-russkii slovar' [Tibetan-Russian dictionary], with an alphabetical list, published by the Imperial Academy of Sciences, compiled by Ya. Schmidt, State Councilor and Knight of the Orders of St. Anna, second degree, I. K., St. Stanislaus of the second and St. Vladimir of the fourth degree, Doctor of Philosophy, Ordinary Academician of the Imperial Academy of Sciences, honorary member of the Imperial Kazan University, foreign member of the Asian Societies in Paris and London, Corresponding member of the Society of Sciences and Arts in Batavia, etc. – St. Petersburg, 1843. XI. – 765 p.
3. Kniga opisi oblastnogo muzeya v g. Ustsysolske [The inventory book of the regional museum in Ustsysolsk]. №1 (№1-2331).
4. Arsenyev, F. A. V debryah Severa. Russkie pisetali XVIII-XIX vekov o zermle Komi [In the wilds of the North. Russian writers of the XVIII-XIX centuries about the Komi land] / F. A. Arsenyev / Comp. Z. Ya. Nemshilova. – Syktyvkar, 1999. – P. 193-201.
5. Lytkin, G. S. Zyryanskii krai pri episkopah Permskih i zyryanskii yazyk [Zyryan territory under the bishops of Perm and the Zyryan language] / G. S. Lytkin. – St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1889. – 226 p.
6. Stepanova, E. N. Knizhnie kollekcii biblioteki Nacionalnogo muzeya Respubliki Komi (na primere lichnyh bibliotek uchastnikov kraevedcheskogo dvizheniya v Komi krae v nachale XX v.) [Book collections of the library of the National Museum of the Komi Republic (on the example of personal libraries of participants of the local history movement in the Komi Region at the beginning of the XX century)] / E. N. Stepanova // Proc. of the Society for the Study of the Komi Region. – Syktyvkar, 2007. - No. 1. – P. 158-165.
7. Kraeva N. V. Vladelcheskii knizhnii znak Velikoi Knyagini Alexandry Iosifovny na knigah komi uchenogo Georgiya Stepanovicha Lytkina [The ownership book sign of Grand Duchess Alexandra Iosifovna on the books of Komi scientist Georgy Stepanovich Lytkin] / N. V. Kraeva // Ex-libris as an information resource for the study of book culture: conference proceedings (Moscow, October 27-29, 2021). – Moscow, 2021. – P. 178-182.
8. Burlykina, M. I. Uchenii-enciklopedist A. S. Sidorov: zhizn' i tvorchestvo [The scientist-encyclopedist A. S. Sidorov: life and work] / M. I. Burlykina. – Syktyvkar, 2007. – 497 p.

Информация об авторе:

Краева Надежда Вениаминовна – заведующий отделом книжного фонда Национального музея Республики Коми; ORCID: 0000-0002-4110-4629, SPIN-код: 5456-6372 (167000, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 6; email: nadezhda-kraeva@mail.ru).

Author:

Nadezhda V. Kraeva – manager of the Department of the Book Fund of the National Museum of the Komi Republic, ORCID: 0000-0002-4110-4629, SPIN-code: 5456-6372 (6, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167000, Russian Federation; e-mail: nadezhda-kraeva@mail.ru).

Для цитирования:

Краева, Н. В. Владельческие знаки на книгах финно-угроведа Лыткина Г. С. в собрании Национального музея Республики Коми / Н. В. Краева // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 3 (88). – С. 80–83.

For citation:

Kraeva, N. V. Ownership marks on books of the Finno-Ugric scholar G. S. Lytkin in the collection of the National Museum of the Komi Republic / N. V. Kraeva // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2026. – No. 3 (88). – P. 80–83.

Дата поступления статьи: 19.12.2025
Прошла рецензирование: 23.01.2026
Принято решение о публикации: 30.01.2026
Received: 19.12.2025
Reviewed: 23.01.2026
Accepted: 30.01.2026

УДК 94«1864»:340(091)
DOI 10.19110/1994-5655-2026-3-84-91

Роль прокуратуры при расследовании государственных преступлений священнослужителей после судебной реформы 1864 года

Скутнев А. В.

Вятский государственный университет,
г. Киров
skutnev@mail.ru

Аннотация

Цель статьи – показать работу правоохранительных органов в результате осуществленной судебной реформы 1864 г. Примером выбрана деятельность окружной прокуратуры, которая выступала как особенная обвинительная власть, независимая от судебной власти. Полномочия прокуратуры были очень широкими: от начала проведения следствия до выступления обвинителем в суде. Прокурор проверял материалы, полученные в ходе дознания полицией, и часто серьезно их корректировал. Подобное стало возможным благодаря принятию новых передовых законов, регулирующих ее деятельность.

В результате судебной реформы прокуратура получила ясные и четко прописанные правила ведения следствия и доведения дела до суда. Как показывает практика, прокурор четко следовал букве закона даже по политическим делам против государственного строя. Судебная власть пореформенного времени в процессуальном плане была независима от исполнительной власти и самостоятельной в отправлении правосудия.

С другой стороны, количество возбуждаемых политических дел в годы Первой русской революции стало огромным, что доказывает конкретное направление усилий правоохранительных органов. Увеличение количества открываемых дел сказывалось на времени их рассмотрения. Прокуратура успешно работала в режиме перенапряжения, справляясь с изменившимися обстоятельствами.

Ключевые слова:

история прокуратуры, предварительное следствие, судебная реформа 1864 г., государственные преступления

The role of the Prosecutor's Office in investigating state crimes of the clergy after the judicial reform of 1864

Skutnev A. V.

Vyatka State University,
Kirov
skutnev@mail.ru

Abstract

The purpose of the paper is to demonstrate the work of law enforcement agencies following the judicial reform of 1864. The activities of the District Prosecutor's Office are used as an example.

The Prosecutor's Office acted as a special prosecutorial authority, independent of the judicial power. Its powers were very broad, ranging from conducting investigations to prosecuting in court. The prosecutor reviewed materials obtained during police inquiries and often significantly revised them. This became possible thanks to the adoption of new, progressive laws regulating its activities.

As a result of judicial reform, the Prosecutor's Office received clear and precisely defined rules for conducting investigations and bringing cases to trial. As practice shows, the prosecutor strictly followed the letter of the law, even in political cases against the state system. The post-reform judicial power was procedurally independent from the executive power and autonomous in the administration of justice.

On the other hand, the number of politically motivated cases during the First Russian Revolution has become enormous, demonstrating the specific focus of law enforcement efforts. The increase in the number of cases opened affected the time it took to review them. Although the Prosecutor's Officeworked under strain, it coped with the changed circumstances.

Keywords:

history of the Prosecutor's Office, preliminary investigation, judicial reform of 1864, state crimes

Судебная реформа 1864 г. установила четкие и объективные правила привлечения граждан страны к суду [1]. Однако внутренняя жизнь страны при этом не была перестроена на тех же основаниях равенства, что и судебная система. В результате более современная судебная система часто сталкивалась с рудиментами дореформенного суда. Например, в стране сохранились сословия и корпоративные суды. Одним из таких судов был церковный суд, который не подвергся реформированию, как другие суды, хотя проекты его преобразования и были созданы в 1870-е гг.

В результате духовное сословие подчинялось собственным судам и церковным органам управления. Однако некоторые дела в отношении клириков рассматривали

суды общей юрисдикции. Это относилось, прежде всего, к важным уголовным преступлениям. Согласно ст. 188 Устава духовных консисторий 1841 г., за совершение уголовного преступления духовное лицо подлежало исключению из духовного сословия и, следовательно, его судили уже как обычного гражданина [2].

Во время Первой русской революции старая политическая система стала трещать по швам и ее институты испытывали колоссальную, невиданную ранее нагрузку на прочность. Нам интересно рассмотреть, как судебная система реагировала не просто на совершение уголовных преступлений, а на совершение преступлений против государственного строя теми, кому была, казалось бы, поручена его защита. Мы имеем ввиду православное духовенство.

Особенный интерес представляет, как проходил уголовный процесс, когда дело касалось духовных лиц, тем более обвиняемых по политическим преступлениям. Подобные эпизоды отмечались по всем губерниям, однако суд по государственным преступлениям проводился в Судебных палатах, которые объединяли несколько губерний. Поэтому мы рассмотрим подробно только стадию подготовки к судебному заседания, т. е. следствие, надзор над которой осуществлял прокурор. С одной стороны, прокурор должен был защищать интересы государства и абсолютной, ничем неограниченной монархии, с другой – действовать в рамках правового поля, согласно действующему законодательству. Важное значение для понимания судебной системы поздней Российской империи имеет то, как прокурор выходил из этой щекотливой ситуации и какие действия предпринимал.

Данная тема, в отличие от изучения собственно пореформенной прокуратуры, иногда возникает в научных исследованиях, но явно недостаточно, учитывая масштаб преобразований судебных органов [3, 4]. Еще реже исследователи изучают работу прокуратуры по расследованию государственных преступлений [5–7] и единичны случаи изучения судебных дел в светских судах в отношении духовенства [8].

Для примера мы возьмем одно конкретное дело, рассматриваемое Вятской прокуратурой, и проанализируем его с точки зрения исполнения процессуальных норм.

Главными нормативными актами, регулирующими работу прокурора в изучаемый период, служили раздел VII. о Прокурорах Основных положений преобразования судебной части в России 1862 г. (ОПП), Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (УУС) и Уголовное уложение 1903 г. (УУ) [9–11].

Важнейшим изменением судебной реформы Александра II стало то, что обвинительная власть была отделена судебной. Законодательно было закреплено, что обвинительная власть, под которой подразумевалось обнаружение преступления и преследование виновных, принадлежит прокурорам.

В губерниях прокуратура появилась при окружных судах, кроме того при прокурорах учреждались должности товарищей, которые помогали им в работе (ст. 47 ОПП). Но до начала работы прокурорских работников по делу проводилось дознание о преступлении. Дознание по уголовным делам проводила полиция, которая должна была обо всем уведомлять прокурора. Прокурор должен был лишь следить за правильностью дознания и при необходимости давать советы.

После окончания дознания начиналось предварительное следствие: материалы передавались следователю, который находился под постоянным надзором прокурора (ст. 278-287 УУС).

По итогам следствия прокурор писал предварительное заключение (ст. 51 ОПП) и передавал дело в суд. В самом суде прокурор поддерживал государственное обвинение в суде и выступал как особая обвинительная власть (ст. 47 ОПП).

Однако по наиболее важным делам следствие проводила сама прокуратура Судебной палаты, а не окружного суда. Согласно ст. 1037 УУС, предварительное следствие по государственным преступлениям производилось одним из членов судебной палаты при личном присутствии прокурора палаты или его товарища. На основании ст. 1036 УУС прокурор палаты мог поручить производство дознания по этим делам прокурору окружного суда или его товарищу или полиции. Важно понимать, что это было сделано ввиду того, что судебные палаты были не во всех епархиях, вследствие чего расстояние до места расследования могло быть очень значительным.

Некоторые авторы считают, что прокуроры превратились в руководителей предварительного расследования [4, с. 49]. Согласно ст. 279 ОПП, при производстве дознаний о преступлениях полицейские чины состояли в непосредственной зависимости от прокуроров и их товарищей. Прокуроры за упущения при дознании даже могли привлекать их к уголовной ответственности.

По мере роста политических преступлений и усиления реакции система видоизменялась [12]. Закон от 19 мая 1871 г. прямо поручил производство дознания по государственным преступлениям жандармским офицерам при надзоре прокурора [13]. О существенном отличие юридической подготовки между жандармами и прокурорскими работниками весьма подробно написал К. П. Краковский [6]. Тем не менее именно жандармы давали ход рассмотрению дел о государственных преступлениях и проводили дознание, определяя вину.

Итак, рассматриваемое нами дело началось с того, что 23 августа 1906 г. пристав 1-го стана Яранского уезда донес прокурору Вятского окружного суда (ВОС) по Яранскому участку о совершении преступления. В донесении говорилось, что священник с. Шешурги Матвей Григорьев Ветлужский «21 августа порицал Священную Особу Императора выражением "шишка" и подстрекал крестьян не платить подати и не отдавать в военную службу сыновей» [14, л. 2]. Дело рассматривалось в течение четырех лет и завершено было только 10 ноября 1910 г. Так как дело было политическим, оно проходило под грифом «секретно».

Нужно сказать, что в 1906 г., когда рассматривалось данное преступление, прокурор Вятского окружного суда большую часть своего времени потратил именно на политические государственные дела. Самыми массовыми

и типичными были: дела по обвинению в распространении политической литературы и прокламаций [15], за публикацию политических статей [16], за выступления против существующего строя [17]. Отдельными случаями представлены дела о содержании тайной типографии [18], издательство запрещенной литературы [19], членство в тайном обществе [20].

Рассматриваемое дело принадлежит к одним из самых частых – по обвинению в оскорблении царя [21]. Только за 1906 г. прокуратура возбудила следствие по 42 таким делам. Но данное следствие было нетипичным. Во-первых, оно единственное в этом году касалось личности священнослужителя. Дела о совершении священнослужителями государственных преступлений в годы Первой русской революции случались, но не были массовыми [22]. Во-вторых, сроки подготовки дела к следствию отличались. 29 подобных дел были рассмотрены в течение года, 23 – двух лет и только по 6 делам прокурор готовил материалы больше двух лет.

Итак, приступим к изучению материалов дела. Полиция обязана была в течение суток с момента получения информации о совершении преступления уведомить об этом прокуратуру (ст. 250 УУС). Хотя ст. 253 УУС позволяла полиции провести предварительное дознание, если информация о преступлении была получена на основании слуха. Как покажет дальнейшее расследование, здесь речь идет именно о слухе, так как свидетели еще не были опрошены. Но полиция решает сообщить о данном факте, вероятно, ввиду серьезности предполагаемого преступления.

Также пристав уведомил об этом своего начальника - Яранского уездного исправника. Из дела следует, что поводом для начала следственных действий послужило сообщение Шешургского волостного правления от 21 августа [14, л. 2]. Полиция имела законное право в возбуждении дела по ст. 297 УУС.

Через месяц, 28 сентября, начальник Вятского губернского жандармского управления поставил в известность прокурора ВОС о том, что «…мною возбуждается дознание в порядке 1035 ст. УУС по обвинению в преступлениях, предусмотренных 103 и 129 ст. УУ. Производство поручается Помощнику моему в г. Вятке – Ротмистру Кожину» [там же, л. 3].

В результате 28 сентября 1906 г. было открыто производство прокурора ВОС по наблюдению за делом о священнике Матвее Ветлужском, обвиняемом в преступлениях, предусмотренных 103 и 129 ст. УУ (за оскорбление царя и как агитатора среди крестьян против существующего строя) [там же, л. 3].

Статья 1035 УУС обязывала о всяком злоумышлении, заключающем в себе признаки государственного преступления, сообщать прокурору судебной палаты. Это было связано с тем, что дела по государственным преступлениям не могли рассматриваться в окружных судах, а только судебных палатах (ст. 22 ОПП).

Следовательно, прокурор ВОС готовил обвинительный акт для такой палаты, которая располагалась в Казани.

По новому Уголовному уложению 1903 г. священник обвинялся по ст. 103 за оскорбление царствующего Императора. Максимальным наказанием по данной статье была каторга до 8 лет. За эти же действия, но если они не имели цели возбудить неуважение к особе царствующего Императора, наказанием было заключение в крепости.

Пункт 3 ст. 129 предполагал за публичное высказывание, возбуждающее неповиновение или противодействие закону или законному распоряжению власти заключение в исправительном доме до трех лет.

Как видно из материалов дела, статьи обвинения первоначально определили органы полиции. Прокурор ВОС сделал поручение товарищу прокурора Яранского уезда «представить мне сведения, требуемые предписанием от 30 сентября 1906 г. по делу о священнике Матвее Ветлужском» [там же, л. 4].

Товарищ прокурора Яранского уезда следил за дознанием и сообщал о недоработках полиции. Так, 27 ноября он уведомил прокурора ВОС «…имею честь донести, что дело, находящееся на производстве у ротмистра Кожина остается до сего времени без движения за массою у г. Кожина – по его личному мне заявлению, срочных работ по арестантским делам» [там же, л. 5]. Товарищ прокурора предложил г. ротмистру Кожину ускорить производство по означенному делу.

Дознание длилось два месяца. Товарищ прокурора Яранского уезда сделал Представление прокурору ВОС 16 января 1907 г., в котором говорилось: «Ротмистром Кожиным 10 января в с. Шешурги допрошено два свидетеля Петр Васильев Михеев и священник с. Шешурги Василий Дмитриевич Решетов. Оба они удостоверили, что священник Матвей Ветлужский, прибыв на службу в село в качестве младшего священника в феврале 1906 г., все время ведет нетрезвую жизнь и агитирует против правительства среди крестьян, собирая последних иногда в своей квартире, иногда в деревнях при случайных поездках. Первоначально Ветлужских разъяснял крестьянам Манифест 17 октября 1905 г. и затем с осени 1906 г. стал убеждать крестьян не платить подати и не отдавать рекрутов… 20августа 1906 г. в своем доме священник Ветлужских сказал в присутствии крестьян Петра Сластникова, Николая Скрябина и других, что Государь не умеет править. Его надо под задницу» [там же, л. 6].

По результатам допроса свидетелей 10 января 1907 г. священник Ветлужских был привлечен в качестве обвиняемого. Однако виновным он себя в данных преступлениях не признал, объяснив, что он «никогда крестьян к неповиновению Закона и распоряжений властей не возбуждал, а напротив убеждал их повиноваться начальству» [там же]. Мерою пресечения была избрана указанная в п. 2 ст. 416 УУС, дающаяя широкий простор для избрания меры пресечения находившимся под следствием, включая отдачу на поруки, залог, домашний арест и взятие под стражу. В нашем случае была выбрана отдача под особый надзор полиции.

Однако, хотя полиция и избрала меру пресечения, дело остановилось в связи с тем, что не были допрошены главные свидетели Скрябин и Сластников, в присутствии которых священник и произносил свои преступные слова. Они находились во временном отпуске. С другой стороны,

имеющихся показаний хватило для окончания дознания, следовательно, был установлен факт преступления и началось непосредственно следствие.

В соответствии со ст. 255 УУС полиция должна была передать дознание следователю и по прибытии его прекратить все действия (ст. 260). Хотя закон позволял следователю давать поручения полиции в дальнейшем, в данном деле полиция больше не принимала участие.

При этом, некоторые исследователи считают, что жандармерия по закону 19 мая 1871 г. фактически подменила следствие и для рассмотрения дела в суде достаточно было обвинительного заключения прокурора, составленного на основе материалов дознания [23, с. 1975]. Однако из материалов дела видно, что прокуратура провела дополнительное следствие и существенно доработала материалы дознания.

Прокурор Вятского окружного суда, ознакомившись с результатами дознания, 18 января сделал следующие распоряжения:

«№ 85 помощнику Начальника Вятского губернского жандармского управления в г. Вятке Ротмистру Кожину о передаче дознания для производства следствия Судебному следователю по важнейшим делам;

№ 86 Судебному следователю по важнейшим делам – о принятии дела к своему производству;

№ 87 Товарищу прокурора г. Шкляеву о наблюдении за производством следствия и о представлении подробных донесений;

№ 88 Товарищу прокурора Яранского участка о передаче наблюдательного за дознанием производства тов. прокурора Шкляеву;

№ 95 донесено о сем г.прокурору Казанской судебной палаты» [14, л. 9].

Как мы видим, прокурор начал по материалам дознания следствие. О начале следствия и подготовке передачи политического дела он уведомил Казанскую судебную палату, где предстояло состояться суду. Следствие было поручено вести следователю по важнейшим делам под наблюдением товарища прокурора по Вятскому окружному суду.

Однако даже эти распоряжения были выполнены с задержкой. Ротмистр Кожин 25 января сообщал прокурору Вятского окружного суда: «Сим честь имею сообщить, что таковое замедление в исполнении предложения Вашего произошло вследствие отлучки моей из г. Вятки» [там же, л. 12].

После получения материалов дознания судебный следователь по важнейшим делам 26 января 1907 г. уведомил прокурора ВОС об изменении меры пресечения, принятой в отношении священника Матвея Ветлужских.

6 февраля было издано Постановление об изменении меры пресечения, где говорилось: «Меру пресечения отменить и потребовать от последнего представить поручительства с денежною ответственностью в размере 300 рублей, а впредь до представления означенного поручительства заключить Ветлужских под стражу в Яранский тюремный замок» [там же, л. 16].

По действующему законодательству священнослужители и монашествующие, обвиняемые в вышеозначенных преступлениях, должны были содержаться под стражей отдельно от других заключенных.

У прокурора была возможность в соответствии со ст. 283 УУС требовать у следователя ограничиться менее строгой мерой в отношении обвиняемого, но только если это не касалось лишения прав состояния, как в данном случае. Важно, что с этого момента меняются статьи, по которым обвинялся подозреваемый: вместо ст. 103 и 129, были указаны п. 2 ст. 103 и п. 3 ст. 130 УУ [там же]. Ст. 130 отличалась от ст. 129 тем, что карала за распространение тех же учений и суждений, но непублично. Наказание по п. 3, что ст. 129, что ст. 130 было одинаковым – заключение в исправительном доме.

Из материалов дела видно, что, во-первых, о словах подозреваемого сообщили только его коллеги, а другие свидетели не подтвердили информацию. Во-вторых, запрещенные слова священник произносил у себя дома. Безусловно, прокуратура была более компетентна, чем жандармерия [6].

8 февраля 1907 г. товарищ прокурора Шкляев уведомил прокурора о том, что «Священник Ветлужских 4 февраля допрошен в качестве обвиняемого <…> отрицая свою виновность в означенных преступлениях, дал те же объяснения, что и 10 января при допросе Ротмистру Кожину» [там же, л. 17].

26 февраля 1907 г. товарищ прокурора Шкляев сделал Представление прокурору ВОС, в котором говорилось, что «Ввиду окончания следствия по делу о священнике Матвее Григорьеве Ветлужских, обвиняемом в преступлении, предусмотренных 103 и 130 ст. УУ, разрешите Представить Вашему Высокородию составленный мною проект обвинительного акта по этому делу, список лиц, подлежащих вызову к судебному следствию и наблюдательное производство» [там же, л. 18].

4 марта 1907 г., т. е. примерно через месяц нахождения подозреваемого в Яранском тюремном замке, крестьяне с. Шешургское (Василий Краев, Ефим Оносов, Степан Оносов, Ареф Оносов, Семен Кулыгин и Иван Оносов) изъявили желание взять на поруки названного выше священника, предоставив доказательства владения недвижимым имуществом в общей сложности на сумму 750 руб.

Судебный следователь по важнейшим делам, рассмотрев заявления крестьян Шешургского села, постановил:

1. Поручительство принять, распределив между ними размер денежной ответственности (300 руб.);

2. Священника немедленно освободить из-под стражи [там же, л. 24].

14 марта поступило Предписание прокурора Казанской судебной палаты о возвращении судебному следователю по важнейшим делам материалов для дополнения [там же, л. 25].

В результате прокурор ВОС 23 марта пишет судебному следователю о необходимости провести дополнительное следствие [там же, л. 26].

Получив законченное дело от следователя, прокурор должен был в течение недели рассмотреть его и решить произведено ли дело с надлежавшей полнотой и следует ли обвиняемого передать суду или прекратить дело.

Именно на прокурора возлагалась ответственность за достаточность доказательств, собранных по предварительному следствию [12, с. 161]. Потому что суд, получив дело, мог вернуть его следователю только при обнаружении совершения более опасного преступления.

Так как обвиняемым по делу проходил священнослужитель, третьей стороной, которая имела право получать информацию о ходе расследования, была Русская православная церковь. Судебные следователи на протяжении всего производства следствия предоставляли все сведения, разъяснявшие суть дела, духовным властям.

7 апреля прокурору ВОС поступило обращение от Вятской духовной консистории, в котором говорилось «Консистория имеет честь покорнейше просить Вас, Милостивый государь, уведомить Консисторию о положении дела о священнике с. Шешурги Яранского уезда Матвея Ветлужских, обвиняемом в преступлении предусмотренном 2 п. 103 и 3 п. 130 с. УУ, направленное к Вам Судебным следователем ВОС по важнейшим делам 23 февраля» [14 л. 28].

Не нужно при этом считать, что церковные власти всегда соглашались с обвинениями светских властей. В том же 1907 г. по результатам проведенного расследования не было подтверждено обвинение другого священника с. Моньи Малмыжского уезда А. Жилина в раздаче прокламаций [24].

В мае 1907 г. дополнительная проверка была завершена. 24 мая товарищ прокурора ВОС предоставил прокурору ВОС проект обвинительного акта [14, л. 34].

Все материалы об окончании предварительного следствия поступали в прокуратуру. Если прокурор считал, что их достаточно и они говорят о виновности лица, то он составлял обвинительный акт и передавал дело в суд. Как мы видим, прокурору могли подготовить проект акта нижестоящие работники.

В дальнейшем материалы дела рассматривала и готовила обвинительный акт для суда Судебная палата, которая находилась в Казани. Пока дело рассматривалось в Судебной палате, в июне произошло новое событие.

27 июня судебный следователь сообщил прокурору ВОС об изменении меры пресечения. Он указывал, что «27 июня поступило прошение от троих названных поручителей, именно Арефы Ксенофонтова, Ефима Поликарпова, Ивана Назарова Оносовых, в коем они ходатайствуют об освобождении их от дальнейшего поручительства за Ветлужских ввиду того, что последний имеет намерение скрыться из места своего жительства.

Судебный следователь постановил:

Потребовать от священника представить поручительство в сумме недостающих 165 руб., а впредь заключить под стражу в Яранскую тюрьму» [там же, л. 35].

Священник снова был заключен в тюрьму. Но 9 августа оставшиеся крестьяне сообщили, что готовы взять его на поруки и распределить всю сумму между собой. Ветлужских снова освободили на поруки [там же, л. 43].

На этом история со взятием на поруки не закончилась. 24 сентября поступило прошение двух крестьян Степана Оносова и Василия Краева об освобождении от дальнейшего поручительства ввиду того, что последний имеет намерение скрыться из места своего жительства [там же, л. 43]. Священника опять препроводили в тюрьму.

Как мы видим из архивных материалов, суд Казанской судебной палаты состоялся практически через год, 7 мая 1908 г. На нем на основании ст. 948 и 949 УУС священник Матвей Григорьев Ветлужских был осужден на 1 месяц заключения в тюрьме по п. 2 ст. 103 и п. 3 ст. 130. Приговор вступил в законную силу 24 мая, но срок наказания исчислили с 7 мая текущего года [там же, л. 48]. Статья 948 Устава Уголовного судопроизводства гласила, что все распоряжения по исполнению приговора, выходящие из круга непосредственных судебных действий, относятся к обязанностям прокурора, которому выдается копия протокола о каждом обвинительном приговоре. Статья 949 обязывала прокурора сообщать властям, где приговор будет приведен в действие, а также точно следить за его исполнением. Такие меры, как реализация приговора в виде заключения, взятие под надзор и изыскание убытков возлагались на органы полиции.

Ветлужских был заключен в Вятский тюремный замок 7 мая 1908 г. [там же, л. 53]. Через 2 месяца Вятский городской полицейский управник уведомил прокурора ВОС, что бывший священник Ветлужских окончил срок заключения в Вятском тюремном замке 7 июня 1908 г. [там же, л. 56]. Из чего следует, что помимо наказания преступника лишили и прав состояния. Через два года, 19 августа 1910 г., Казанская судебная палата уведомила прокурора ВОС о необходимости уплаты Ветлужских судебных издержек в размере 17 руб. 62 коп. [там же, л. 59]. Все расходы по уголовным делам взыскивались с виновных (ст. 154 ОПП). Однако 31 августа 1910 г. Яранское полицейское управление предоставило прокурору ВОС донесение с актом о несостоятельности священника М. Ветлужских к уплате судебных издержек [там же, л. 59].

Какие выводы можно сделать на основании данного предварительного следствия по делу? Мнение отдельных исследователей о том, что прокуратура имела существенные недостатки, не соответствует реальному положению вещей [25].

Прокуратура пореформенного времени была практически полностью независима от исполнительной власти. Дела, даже по государственным преступлениям, велись ею самостоятельно, без вмешательства со стороны. Влиятельные организации, такие как Русская православная церковь, даже не пытались оказывать воздействие на следствие. Деятельность прокуратуры была регламентирована законодательством. Работники прокуратуры строго следовали букве закона. А вот с мнением, что уголовное преследование в уголовном судопроизводстве постепенно выступало в качестве основной функции прокуратуры, вытесняя прокурорский надзор на второй план, стоит согласиться [26, с. 37].

Отметим важнейшую роль прокурора в досудебном процессе. Он полностью контролировал ход дела. Делал внушение сотрудникам полиции, в данном случае ротмистру. Также плотно взаимодействовал с судебным следователем. Прокуратура была, по сути, единственным институтом, который и осуществлял надзор за следствием.

Утверждение современных исследователей о том, что «жандармское ведомство было возведено в ранг самостоятельной и сильной следственной силы по политическим делам, после которой следственно-судебной власти уже фактически нечего было делать» [6] опровергается ходом рассматриваемого в нашей статье дела. Прокурорские работники были как минимум более компетентны в юридических знаниях, кроме того, перепроверяли сведения, полученные в ходе дознания.

Вместе с тем, такое двойное следствие, сначала в виде дознания полицией, а потом работы следователя, предполагало большой объем переписки, которая могла затягивать следствие. Что и показало данное дело, которое расследовалось несколько лет.

Кроме того, рассмотрение государственных преступлений в судебных палатах, которые объединяли несколько губерний, в период русских революций привело к значительному количеству дел, которые мог бы решить окружной суд. Это также вело к затягиванию рассмотрения дел, ввиду переписки между учреждениями. С другой стороны, де-факто следствием по государственным преступлениям в Вятской губернии руководил не прокурор Казанской судебной палаты, а прокурор Вятского окружного суда.

В указанный период прокуратура занималась преимущественно государственными преступлениями. Их количество намного превысило прочие уголовные преступления. На подготовку дела к суду обычно уходило до двух лет. Процесс был отлажен достаточно хорошо. При этом нетипичные дела приводили к затягиванию следствия. Но именно четко прописанные правила следствия позволяли справляться с увеличившимся количеством дел.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 2. – СПб., 1866. – 504 с.
2. Устав Духовных Консисторій 1841 года. – СПб.: Синодальная Типография, 1843.
3. Гусакова, Ю. С. Взаимодействие судебного следователя и прокурора в России по реформе 1864 года / Ю. С. Гусакова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2009. – № 16 (71). – С. 162–165.
4. Симонян, Р. З. Взаимодействие органов прокуратуры и полиции на стадии предварительного следствия во второй половине XIX - начале XX в. (по материалам Курской губернии) / Р. З. Симонян // Клио. – 2014. – № 12 (96). – С. 48–53.
5. Казанцев, С. М. Прокурорский надзор за органами дознания и следствия по политическим делам в России во второй половине XIX века / С. М. Казанцев // Государственный строй и политико-правовые идеи России во второй половине XIX столетия. – Воронеж, 1987. – С. 114–124.
6. Краковский, К. П. Политическое дознание во второй половине XIX – начале XX века / К. П. Краковский // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2012. – № 5: – URL: https://ipp.kursksu.ru/magazine/archive/number/112 (дата обращения: 23.12.2023).
7. Рыжаков, Д. Г. Верны закону и государю: некоторые аспекты деятельности прокуратуры при расследовании государственных преступлений в России второй половины XIX–начала XX века / Д. Г. Рыжаков // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2011. – № 5 (1). – С. 198–204.
8. Матвеева, Е. С. Изменения в церковном судопроизводстве по делам о преступлениях, совершаемых духовными лицами в России во II половине XIX века / Е. С. Матвеева // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – № 2. – С. 257–264.
9. Новое Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. – СПб.: Издание Каменноостровского Юридического книжного магазина В. П. Анисимова, 1903.
10. Основные положения преобразования судебной части в России. – М.: Типография В. Готье, 1863.
11. Устав уголовного судопроизводства // Судебные уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны: Ч. 1 – изданные Государственной канцелярией. 2-е изд., доп. – СПб.: в типографии 2 отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867.
12. Казанцев, С. М. История царской прокуратуры / С. М. Казанцев. – СПб., 1993.
13. Высочайше утвержденные правила о порядке действия чинов корпуса жандармов по исследованию преступлений // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XLVI. Отд.1. – СПб., 1874. – С. 591–594 (№ 49615).
14. ЦГАКО (Центральный государственный архив Кировской области). Ф. 33. Оп. 2. Д. 1089.
15. ЦГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 962-967, 973-979, 1012-1015, 1017-1021, 1035-1043, 1120, 1122, 1023, 1027-1129, 1131-1140.
16. ЦГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 955, 957, 970-972, 1055-1059,1069, 1075-1087, 1093, 1143.
17. ЦГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 1061-1068, 1070, 1094-1097, 1100, 1121, 1124-1126, 1130.
18. ЦГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 953.
19. ЦГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 1098.
20. ЦГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 1033.
21. ЦГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 981-1001, 1011, 1025-1028, 1044-1053, 1087-1092, 1103-1119.
22. ЦГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 1154, Д. 1224, 1548.
23. Погорецкий, Н. А. О соотношении розыска, дознания и следствия по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. / Н. А. Погорецкий // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 9 (46). – С. 1972–1979.
24. ЦГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ф. 237. Оп. 2. Д. 200 А. Л. 149.
25. Кириллов, М. М. Устройство Нижегородской прокуратуры по судебной реформе 1864 года / М. М. Кириллов // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2011. – № 4. – С. 221–224.
26. Смыкалин, А. С. Ограничение прокурорского надзора в свете судебной реформы 1864 г. / А. С. Смыкалин //

Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2015. – № 3. – С. 36–40.

References

1. Sudebnyye ustavy 20 noyabrya 1864 goda, s izlozheniyem rassuzhdeniy, na koikh oni osnovany [Judicial Statutes of November 20, 1864, with a statement of the rReasoning on which they are based]. Part.2. – St. Petersburg, 1866. – 504 p.
2. Ustav Dukhovnykh Konsistoriy 1841 goda [Statute of the Spiritual Consistories of 1841]. – St.Petersburg: Sinodalnaya Tipografiya [Synodal Printing House], 1843.
3. Gusakova, Yu. S. Vzaimodeystviye sudebnogo sledovatelya i prokurora v Rossii po reforme 1864 goda [Interaction of the judicial investigator and the prosecutor in Russia on the Reform of 1864] / Yu. S. Gusakova // Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo [Sci. Bulletin of Belgorod State Univ. Series: Philosophy. Sociology. Law]. – 2009. – № 16 (71). – P. 162–165.
4. Simonyan, R. Z. Vzaimodeystviye organov prokuratury i politsii na stadii predvaritel'nogo sledstviya vo vtoroy polovine XIX - nachale KHKH v. (po materialam Kurskoy gubernii) [Interaction of the Prosecutor's Office and the Police at the stage of preliminary investigation in the second half of the XIX – early XX century (based on materials from the Kursk Province)] / R. Z. Simonyan // Klio. – 2014. – № 12 (96). – P. 48–53.
5. 5. Kazantsev, S. M. Prokurorskiy nadzor za organami doznaniya i sledstviya po politicheskim delam v Rossii vo vtoroy polovine XIX veka [Prosecutorial supervision of bodies of inquiry and investigation in political matters in Russia in the second half of the XIX century] / S. M. Kazantsev // Gosudarstvennyy stroy i politiko-pravovyye idei Rossii vtoroy polovine XIX stoletiya [The state system and political and legal ideas of Russia in the second half of the XIX century]. – Voronezh, 1987. – P. 114–124.
6. Krakovsky, K. P. Politicheskoye doznaniye vo vtoroy polovine XIX – nachale KHKH veka [Political investigation in the second half of the XIX–early XX century] / K. P. Krakovsky // Istoriko-pravovyye problemy: novyy rakurs [Historical and legal problems: a new perspective]. – 2012. – № 5. – URL: https://ipp.kursksu.ru/magazine/archive/number/112 (accessed: 23.12.2023).
7. Ryzhakov, D. G. Verny zakonu i gosudaryu: nekotoryye aspekty deyatel'nosti prokuratury pri rassledovanii gosudarstvennykh prestupleniy v Rossii vtoroy poloviny XIX nachala XX veka [Faithful to the law and the sovereign: some aspects of the Prosecutor's Office activities in investigating state crimes in Russia in the second half of the XIX - early XX centuries] / D. G. Ryzhakov // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Bull. of N. Lobachevsky Nizhny Novgorod Univ.]. – 2011. – № 5 (1). – P. 198–204.
8. Matveeva, E. S. Izmeneniya v tserkovnom sudoproizvodstve po delam o prestupleniyakh, sovershayemykh dukhovnymi litsami v Rossii vo II polovine XIX veka [Changes in church judicial proceedings in cases of crimes committed by clergy in Russia in the second half of the XIX century] / E. S. Matveeva // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk [Central Russian Bull. of Social Sciences]. – 2014. – № 2. – P. 257–264.
9. Novoye Ugolovnoye ulozheniye, vysochayshe utverzhdennoye 22 marta 1903 g [New Criminal Code, highly approved on March 22, 1903]. – St. Petersburg: Edition of Kamenoostrovsky Legal Bookstore of V. P. Anisimov, 1903.
10. Osnovnyye polozheniya preobrazovaniya sudebnoy chasti v Rossii [The main provisions for the transformation of the Judicial System in Russia]. – Moscow, V. Gauthier Printing House, 1863.
11. Ustav ugolovnogo sudoproizvodstva [The Charter of Criminal Procedure] // Sudebnyye ustavy 20 noyabrya 1864 goda: s izlozheniyem rassuzhdeniy, na koikh oni osnovany [Judicial Charters of November 20, 1864: outlining the reasoning on which they are based]. Part. 1. – St. Petersburg: published by the State Chancellery in the Printing House of the 2nd department of Her Imperial Highness's Own Chancellery, 2nd edition, revised and updated, 1867.
12. Kazantsev, S. M. Istoriya tsarskoy prokuratury [History of the Tsarist Prosecutor's Office] / S. M. Kazantsev. – St. Petersburg, 1993.
13. Vysochayshe utverzhdennyye pravila o poryadke deystviya chinov korpusa zhandarmov po issledovaniyu prestupleniy [Imperially Approved Rules on the procedure for the actions of Gendarme Corps Ranks in investigating crimes] // PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 2. Vol. XLVI. Section 1. – St. Petersburg, 1874. – P. 591–594 (No. 49615).
14. Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Kirovskoy oblasti (TsGAKO) [Central State Archive of the Kirov Region]. F. 33. Op. 2. D. 1089.
15. Ibid. F. 33. Op. 2. D. 962-967, 973-979, 1012-1015, 1017-1021, 1035-1043, 1120, 1122, 1023, 1027-1129, 1131-1140.
16. Ibid. F. 33. Op. 2. D. 955, 957, 970-972, 1055-1059,1069, 1075-1087, 1093, 1143.
17. Ibid. F. 33. Op. 2. D. 1061-1068, 1070, 1094-1097, 1100, 1121, 1124-1126, 1130.
18. Ibid. F. 33. Op. 2. D. 953.
19. Ibid. F. 33. Op. 2. D. 1098.
20. Ibid. F. 33. Op. 2. D. 1033.
21. Ibid. F. 33. Op. 2. D. 981-1001, 1011, 1025-1028, 1044-1053, 1087-1092, 1103-1119.
22. Ibid. F. 33. Op. 2. D. 1154, D. 1224, 1548.
23. Pogoretsky, N. A. O sootnoshenii rozyska, doznaniya i sledstviya po Ustavu ugolovnogo sudoproizvodstva 1864 g. [On the relationship between search, inquiry, and investigation under the 1864 Charter of Criminal Procedure] / N. A. Pogoretsky // Aktualnyye problemy rossiyskogo prava [Current Issues of Russian Law.]. – 2014. – № 9 (46). – P. 1972–1979.
24. TsGAKO. F. 33. Op. 2. F.237. Op.2. D. 200 A. L. 149.
25. Kirillov, M. M. Ustroystvo Nizhegorodskoy prokuratury po sudebnoy reforme 1864 goda [The structure of the Nizhny Novgorod Prosecutor's Office under the Judicial Reform

of 1864] / M. M. Kirillov // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. Yuridicheskiy zhurnal [Gaps in Russian Legislation. Law J.]. – 2011. – № 4. – P. 221–224.
26. Smykalin, A. S. Ogranicheniye prokurorskogo nadzora v svete sudebnoy reformy 1864 g. [Limitation of prosecutorial supervision in the light of the Judicial Reform of 1864] / A. S. Smykalin // Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Bull. of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. – 2015. – № 3. – P. 36–40.

Информация об авторе:

Скутнев Алексей Владимирович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Вятского государственного университета; ORCID 0000-0003-3016-6805, SPIN-код: 7186-5064 (610000, Российская Федерация, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26; e-mail: skutnev@mail.ru).

Author:

Alexei V. Skutnev – Cand. Sci. (History), Head of the Department of Theory and History of State and Law, Vyatka State University; ORCID 0000-0003-3016-6805, SPIN-code: 7186-5064 (26, Krasnoarmeiskaya st., Kirov 610000, Russian Federation; e-mail: skutnev@mail.ru).

Для цитирования:

Скутнев, А. В. Роль прокуратуры при расследовании государственных преступлений священнослужителей после судебной реформы 1864 года / А. В. Скутнев // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 3 (88). – С. 84–91.

For citation:

Skutnev, A. V. The role of the Prosecutor's Office in investigating state crimes committed by clergy after the judicial reform of 1864 / A. V. Skutnev // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2026. – No. 3 (88). – P. 84–91.

Дата поступления статьи: 13.01.2026
Прошла рецензирование: 23.01.2026
Принято решение о публикации: 30.01.2026
Received: 13.01.2026
Reviewed: 23.01.2026
Accepted: 30.01.2026

УДК 94(47)«1901/...»
DOI 10.19110/1994-5655-2026-3-92-100

Взаимное страхование от огня недвижимости Сольвычегодского уезда Вологодской епархии в 1910-1917 годы

Рожина А. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург

arojina@bk.ru

Аннотация

В данной статье автор проводит анализ исторического опыта страхового дела в дореволюционной России на основе материалов по церковному недвижимому имуществу Сольвычегодского уезда Вологодской епархии. Источниковой основой исследования стали страховые документы, отложившиеся в фондах Хозяйственного управления при Синоде Российского государственного исторического архива и Вологодской духовной консистории Государственного архива Вологодской области. Рассматривается оценка церковных построек, размер страховых премий и компенсаций в случаях пожаров. Полученные данные позволяют провести сравнительный анализ страховых премий и оценки ущерба от огня по страховым случаям в церковной недвижимости. В Сольвычегодском уезде примерно 27 % от страховых премий расходовалось на выплаты компенсаций, что на 23 % меньше средних показателей по России. В заключении делается вывод, что страхование церковных построек на принципах взаимности оказалось менее целесообразно в Сольвычегодском уезде Вологодской епархии в 1911-1917 гг., чем в целом по Российской империи.

Ключевые слова:

страхование, взаимное страхование, страхование от огня, Россия, Вологодская епархия, Сольвычегодский уезд

Mutual insurance against fire of real estate in the Solvychegodsk Uyezd of the Vologda Diocese in 1910-1917

Rozhina A. V.

Presidential Academy of National Economy and Public Administration
St. Petersburg

arojina@bk.ru

Abstract

The paper analyzes the historical experience of insurance in pre-revolutionary Russia using materials on church real estate in the Solvychegodsk Uyezd of the Vologda Diocese. The study was based on insurance documents stored in the collection of the Economic Administration under the Synod of the Russian State Historical Archives and the Vologda Theological Consistory of the State Archives of the Vologda Region. The paper considers valuation of church buildings, the amount of insurance premiums, and fire compensation. The data obtained allows for a comparative analysis of insurance premiums and assessments for insured events involving church real estate. In the Solvychegodsk Uyezd, approximately 27% of insurance premiums were spent on compensation payments, which were 23% less than the Russian average. The conclusion is that reciprocal insurance of church buildings proved less effective in the Solvychegodsk Uyezd of the Vologda Diocese from 1911 to 1917 than in the Russian Empire as a whole.

Keywords:

insurance, mutual insurance, fire insurance, Russia, Vologda Diocese, Solvychegodsk Uyezd

Развитие страхования имущества в России связано с инициативой правительства, которое поддержало открытие первого отечественного страхового общества в 1827 г. и подготовило правовую основу для страхового дела в XIX – начале XX в. [1, с. 270–281]. Как отмечал С. Ю. Витте, наиболее распространенным видом было страхование от огня, в связи с высокой опасностью пожаров для имущества. Он видел преимущество взаимного от других видов страхования в том, что его организация предусматривает не получение прибыли и позволяет «сообща нести все убытки, причиненные известным бедствием кому-либо из членов общества» [2, с. 409–410]. Не осталась в стороне от этого процесса и церковная недвижимость, взятая во взаимное страхование в духовном ведомстве на основании высочайше утвержденного в 1904 г. Положения [3]. В 1918 г. страхование церковных построек на принципах взаимности прекратилось, в годы советской власти большое количество культовых строений разрушалось, сохранившиеся здания в своем преимуществе использовались не по изначальному предназначению.

В 2000-х гг. в отечественной науке отмечается интерес к изучению истории взаимного страхования [4–7], однако церковная недвижимость в этом вопросе остается, как правило, вне объекта исследований, за исключением немногочисленных работ. Обращаясь к церковному страхованию начала XX в., Т. Л. Николаева сфокусировала внимание на нормативно-правовой основе регламентации процесса [8]. М. С. Кокарев, рассматривая законодательную базу и отчетные документы, пришел к выводу, что в целом страхование недвижимости духовного ведомства в предреволюционные годы в Российской империи выполняло поставленные задачи, при этом 50 % от страховых премий направлялись на

компенсации ущерба от огня [9, с. 47]. В статьях А. В. Рожиной были проанализированы результаты взаимного страхования в Тотемском и Усть-Сысольском уездах Вологодской губернии в дореволюционный период. Если в Тотемском уезде целесообразность от взаимного страхования была выше, чем в целом по России, и размер компенсаций составлял около 77 % от страховых премий, то в Усть-Сысольском уезде, напротив, страхование оказалось гораздо менее выгодно [10, с. 72; 11, с. 33]. Однако обзор публикаций дает основание отметить, что исследователи крайне редко обращаются к основным источникам по страховому делу – делопроизводственным документам, позволяющим подробно изучить процесс реализации страхового дела на местах и на уровне Святейшего Синода.

Эта статья направлена на расширение представлений о взаимном страховании недвижимого имущества Русской православной церкви на основе анализа страховых карточек, страховых оценок и переписки между епархиальными и синодальными властями по материалам Сольвычегодского уезда, который простирался в северо-восточной оконечности Вологодской епархии на 37 276 кв. верст (около 40 кв. км). Древний торгово-ремесленный город Сольвычегодск, некогда процветавший благодаря соляному промыслу, развитому купцами Строгановыми, в начале XX в. был центром уезда и насчитывал немногим более 1,5 тыс. жителей [12, с. 2].

В ходе экспедиций по изучению богатств северного края в 1907–1909 гг. в этих местах непременно останавливались путешественники, совершавшие поездки по р. Вычегде. Заезжавший в город И. А. Шергин отмечал, что от богатейшего соляного промысла сохранились лишь развалины варниц и церкви [13, с. 8]. Б. В. Безсонов, описывая свои впечатления об этом маленьком городке на правом берегу р. Вычегды, писал, что «у самой воды высится окруженный деревьями собор» [14, с. 19]. Речь шла о Благовещенском соборе, построенном в 1563 г. (по сведениям страховых документов), освященном в 1584 г. (по летописным данным). Высота этого каменного храма с колокольней составляла 21 ½ саженей (около 46 м), ширина – 17 саженей и 1 аршин (около 37 м), высота до карниза – 13 саженей (около 28 м) [15, л. 2].

В 1910 г. в уездном городке находилось 12 церквей и 301 жилой дом. Функционировала городская пожарная служба, для тушения огня предназначалось шесть пожарных бочек, шесть насосов и пожарных машин. По-видимому пожарная часть работала весьма эффективно: несмотря на то, что застройка была преимущественно деревянной, за 15 лет, с 1895 по 1909 г., в г. Сольвычегодске (как и в г. Усть-Сысольске) произошло всего восемь пожаров – наименьшее количество среди городов Вологодской губернии за этот период [12, с. 4, 8–9, 30, 32; 16, с. 168–169].

Для минимизации ущерба от стихии в 1910 г. в духовном ведомстве начался процесс обязательного взаимного страхования недвижимости, расширивший функциональные обязанности благочинных. Если первоначально при введении этой должности в структуру епархиальных властей в 1799 г. работа благочинных церквей и монастырей подразумевала контролирующие функции [17, с. 51; 18, с. 1057], то возложенные на них обязанности по страховому делу были связаны с оценкой стоимости построек и финансовыми расчетами. В течение летне-осеннего периода 1910 г. благочинные Сольвычегодского уезда объехали свои округа, оценили церковное недвижимое имущество, произвели подсчеты страховых взносов и предоставили их в Вологодскую духовную консисторию, оттуда документы (страховые оценки и страховые карточки) направлялись на утверждение в Страховой отдел Хозяйственного управления, сформированный для осуществления общего контроля и организации процесса страхования построек в духовном ведомстве [3, с. 615; 10, с. 69].

Как следует из данных, приведенных в табл. 1, Сольвычегодский уезд был разделен на пять благочиннических округов. В первом округе благочинным в 1910 г. являлся священник Сольвычегодской градской Спасообыденской церкви Тихон Чулков, он выполнял обязанности по страховому делу до увольнения, согласно прошению 4 июня 1917 г. [24, с. 325]. Во втором округе до 1916 г. благочинным был священник Ильинской Вилегодской церкви Петр Баданин, с 29 июля 1916 г. до 1918 г. эту должность занимал священник Михайло-Архангельской Верхолальской церкви Алексей Клочков [25, с. 304]. В третьем округе священник Богородской Белослудской церкви Алексий Вохомский первоначально с 17 января 1910 г. назначен исполняющим обязанности благочинного, с 8 марта 1913 г. утвержден в должности [26, с. 47; 27, с. 98]. В четвертом округе работу благочинного по страховому делу выполнял протоиерей Черевковской церкви Иоанн Белоруссов до 16 августа 1911 г., когда его сменил священник того же прихода Харлампий Пулькин [28, с. 354]. В пятом округе должность благочинного занимал священник Успенской Пустынской церкви Ардалион Ржаницын, который до перемещения в 1888 г. в Вологодскую епархию на место службы его покойного

Таблица 1

Благочинные Сольвычегодского уезда Вологодской губернии в 1910 году

Table 1

Deans of the Solvychegodsk Uyezd of the Vologda province in 1910

Благочиннический округ	Должность благочинного или заменяющего благочинного по страховому делу	Имя, фамилия благочинного или заменяющего благочинного по страховому делу
Первый	Благочинный, священник Спасообыденской церкви г. Сольвычегодска	Тихон Чулков
Второй	Благочинный, священник Ильинской Вилегодской церкви	Петр Баданин
Третий	Исполняющий должность благочинного, священник Богородской Белослудской церкви	Алексий Вохомский
Четвертый	Благочинный, священник Черевковской церкви Иоанн Белоруссов	Иоанн Белоруссов
Пятый	Благочинный, священник Успенской Пустынской церкви	Ардалион Ржаницын

Источники. [15; 19–23].
Sources. [15; 19–23].

отца занимал должность благочинного второго округа Мезенского уезда Архангельской епархии [29, л. 1, 1 об., 2].

Объем работы благочинных в период взаимного страхования в духовном ведомстве был значительным. Под страхование попало все недвижимое имущество, относящееся к епархиальному ведомству: здания храмов, жилые дома, постройки для церковно-приходских школ, хозяйственного и прочего предназначения. На территории Сольвычегодского уезда проведена оценка 674 построек духовного ведомства, которые были описаны и застрахованы на сумму более 1 млн руб., ежегодные страховые премии в целом по уезду на 1911 г. утверждены в размере 2452 руб. 33 коп. (табл. 2). Размер страховых премий рассчитывали благочинные по утвержденным церковным тарифам в зависимости от страховой суммы здания, его прочности, материала постройки и покрытия крыши [10, с. 69; 30, л. 80, 80 об., 81].

Наибольшие взносы выплачивались по первому благочинническому округу, включавшему территорию уездного города и ближайших населенных пунктов. На территории округа находилось 22 каменных храма, среди них самые величественные – собор Благовещения Пресвятой Богородицы, церковь Сольвычегодского Введенского мужского монастыря и Спасообыденная церковь. По страховым документам Благовещенский собор оценивался в 51 200 руб., монастырская церковь – в 42 700 руб., Спасообыденная церковь – в 30 000 руб., страховые премии составили 30,72, 25, 62 и 18 руб. соответственно [15, л. 4, 16, 21].

К первому округу также относился Николаевский Коряжемский мужской монастырь, построенный в месте впадения р. Коряжемки в р. Вычегду. Недвижимость иноческой обители в 1910 г. была застрахована на 42 756 руб., с 1911 г. выплачивались взносы в размере 218,06 руб. На монастырских территориях располагались две каменные церкви – Благовещенская и Спасская, а также 18 деревянных построек жилого и хозяйственного предназначений. После завершения строительства в 1913 г. были застрахованы каменный храм в честь преподобного Лонгина Коряжемского и Павла Обнорского и деревянное здание для подворья Николаевского Коряжемского монастыря в г. Сольвычегодске [15, л. 23–33].

В течение 1911–1917 гг. работа благочинных была связана с оформлением документов по страховым случаям, оценкой новых церковных построек и переоценкой зданий вследствие ремонта, перестройки [3, с. 617]. После завершения строительства в 1913 г. нового каменного храма в честь преподобного Лонгина Коряжемского и Павла Обнорского и деревянного здания для подворья Николаевского Коряжемского монастыря в г. Сольвычегодске постройки были приняты «на страх» [15, л. 32, 36–37]. При отправке документов в Страховой отдел для новых зданий прилагались их планы или изображения. Четких разъяснений по оформлению графических документов не было, и их качество значительно различалось. Как правило, это были схематические планы с указанием частей здания, как, например, ранее опубликованные церковно-причтовых домов Поршенской Спасской и Верхолальской Михайло-Архангельской церквей, вновь выстроенных в 1913 г. во втором округе Сольвычегодского уезда Вологодской епархии [31, с. 306, 310]. По храму преподобного Лонгина Коряжемского и Павла Обнорского в Страховой отдел был отправлен вид фасада здания, сохранившийся в архивных фондах Хозяйственного управления при Синоде [15, л. 32–35].

В 1914 г. в Страховой отдел представлены планы вновь устроенного храма и церковно-приходской школы в с. Малая Пинега, которые демонстрируют планировку помещений с учетом сторон света (рис. 1, 2). Здание церковно-приходской школы после пожара 1908 г. в течение шести лет использовалось в качестве временного храма. По страховой оценке, произведенной первоначально 21 июля 1910 г. благочинным И. Белоруссовым, строение было застраховано по первому разряду как культовая постройка. После завершения строительства в 1914 г. новой деревянной Спасо-Преображенской церкви, она была застрахована на 14 тыс. руб., а церковно-приходская школа перестрахована на 1600 руб. [27, л. 40, 40 об., 41, 44, 44 об., 45].

Помимо оценки церковных построек к непременным обязанностям благочинного по страховому делу входил выезд в случае пожара на место происшествия для расчета суммы ущерба и составления пожарного акта. В Сольвычегодском уезде в 1911–1917 гг. наибольшее количество страховых случаев пришлось на первый и четвертый благочинические округа (четыре и три случая соответственно), один пожар произошел во втором округе. Третий и пятый округа в этот период стихия обошла стороной здания епархиального ведомства (табл. 3).

Таблица 2

Страхование церковных построек в Сольвычегодском уезде Вологодской епархии в 1911 году

Table 2

Insurance of church buildings in the Solvychegodsk Uyezd of the Vologda Diocese in 1911

Благочинический округ	Количество построек, застрахованных к 1 января 1911 г.	Страховая оценка построек к 1 января 1911 г., руб.	Ежегодные страховые премии к 1 января 1911 г., руб.
Первый	156	497 781,00	844,06
Второй	207	245 850,00	420,82
Третий	103	203 842,00	402,40
Четвертый	160	188 472, 00	536,76
Пятый	48	141 690,00	248,29
Итого	674	1 089 163,00	2 452,33

Источники. [15; 19–22].
Sources. [15; 19–22].

На территории *первого благочинического округа* уже в августе 1911 г. зафиксирован страховой случай. Загорелась приписанная к Благовещенскому собору каменная Городищенская Иоанно-Предтеченская церковь, находившаяся в трех верстах (примерно 3,2 км) от г. Сольвычегодска. По страховым документам известно, что церковь с колокольней построена в 1809 г. и была застрахована

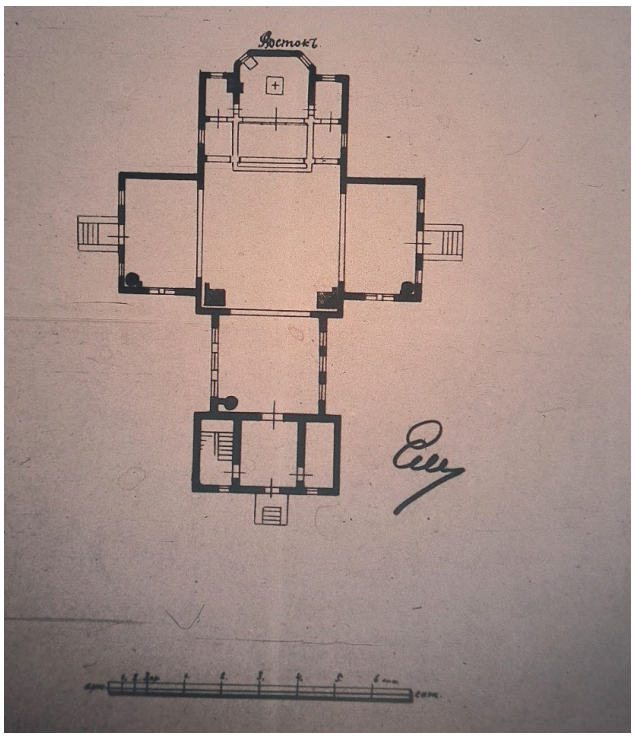

Рисунок 1. План Спасо-Преображенской церкви в селе Малая Пинега.
Pic. 1. Plan of the Church of the Transfiguration of the Savior in the village of Malaya Pinega.

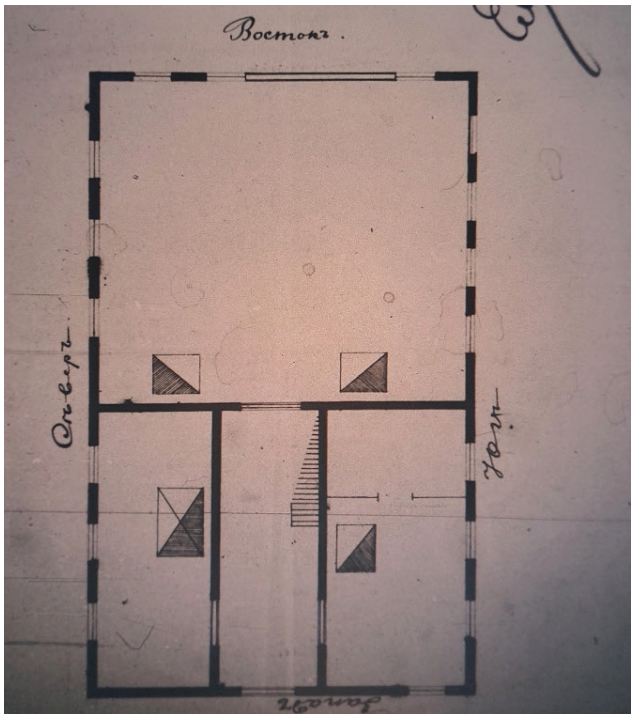

Рисунок 2. План церковно-приходской школы при Спасо-Преображенской церкви в селе Малая Пинега.
Pic. 2. Plan of the parish school at the Church of the Transfiguration of the Savior in the village of Malaya Pinega.

на 9 тыс. руб. Через месяц после пожара в «Вологодских епархиальных ведомостях» сообщались подробности происшествия. Ударившая в восьмерик под главой церкви молния вышибла раму и стекла. Внутри храма были обуглены карнизы позолоченного иконостаса. На церковной главе покривился крест. В газете зафиксировано, что сумма повреждений от пожара в Иоанно-Предтеченской церкви исчислялась в размере 100 руб. После детальных расчетов благочинным первого округа Т. Чулковым ущерб оказался почти в два раза больше и из страховых сумм была выплачена компенсация 197,9 руб. [15, л. 3, 4, 4 об.; 32, с. 368–369].

По вопросу о сумме страхования зданий после пожара руководствовались Циркулярным отношением Страхового отдела духовного ведомства от 23 декабря 1911 г. за № 39350. В нем разъяснялось, что до решения вопроса по каждому отдельному случаю в Общем страховом присутствии сгоревшие части строений исключались из страхования до их восстановления и повторной оценки [33, с. 31]. Вследствие этого предписания, после происшествия в Иоанно-Предтеченской церкви, страховая оценка здания была уменьшена на сумму компенсации и составила 8802 руб. [15, л. 4 об.].

Второй страховой случай, произошедший в первом округе, подробно описывался в «Вологодских епархиальных ведомостях». Сообщалось, что 5 июля 1912 г. «разразились две грозовыя тучи. Два церковных сторожа, находившиеся в церковной сторожке, упали на пол сторожки и, очнувшись, ударили в набат <…> Местные старожилы, лет под 70 и более, заявляют, что на своем веку не запомнят такой страшной грозы». Молния, выбив стекла в Вешкурской Христорождественской церкви, ударила в центральный иконостас, опалила позолоченные колонны и карнизы. Несмотря на разрушения, церковь уцелела, но помещения верхней и нижней частей храма были в дыму, пожаром повреждены трапезный и предельный иконостасы. В известии о пожаре отмечалось, что поврежденный огнем иконостас в верхнем холодном храме был достаточно новый (1898) и стоил 2400 руб., а иконостасных дел мастер из г. Великого Устюга оценил работу по обновлению иконостаса в 2 тыс. руб. [34, с. 338–339]. По страховой оценке, произведенной в 1910 г., иконостас в теплом храме оценивался в 300 руб., в приделе – в 200 руб., в холодном храме – в 1 тыс. руб., а здание храма застраховано на 13 тыс. руб. В результате при оценке ущерба учитывалось не мнение мастера из г. Великого Устюга, а страховая оценка постройки. На основании отношения от 25 сентября 1912 г. за № 30304 из Страхового отдела на возмещение убытков от пожара в Вешкурской Христорождественской церкви Вологодской духовной консисторией были получены денежные средства в размере 589 руб. 96 коп., из них 582 руб. 40 коп. через благочинного доставлены страхователю, остальные средства предназначались на дорожные расходы [15, л. 44 об.; 35, л. 8, 8 об.].

В сентябре 1913 г. в первом округе при Песчанской Троицкой церкви по неустановленной причине сгорел деревянный одноэтажный церковно-причтовый дом со «скотской стаей» (хозяйственная пристройка), построенный и принятый «на страх» в 1911 г. Выплаченная компенсация составила 700 руб. – 100 % от страховой оценки здания. Через три года для причетника был построен новый деревянный одноэтажный дом с мезонином под одной крышей со «скотской стаей», застрахованный на 1200 руб., т. е. на 42 % больше суммы выплат по страховому случаю [15, л. 74, 75, 75 об., 77, 77 об., 79; 35, л. 45, 45 об.].

Таблица 3

Пожары в церковных постройках в Сольвычегодском уезде Вологодской губернии в 1911–1917 годы*

Table 3

Fires in church buildings in the Solvychegodsk Uyezd of the Vologda Province in 1911–1917*

Благочинический округ/страхователь	Дата пожара	Причина пожара	Тип постройки, пострадавшей во время пожара	Материал наружных стен	Страховая оценка постройки, руб.	Годичные премии за постройки, пострадавшие от пожара, руб.	Размер страховых выплат, руб.
Первый округ							
Благовещенский собор г. Сольвычегодска	18.08. 1911	удар молнии	церковь	камен.	9 000,0	9,00	197,90
Вешкурская Христорождественская церковь	05.07. 1912	удар молнии	церковь	камен.	13 000,0	13,00	582,00
Нилиндская Николаевская церковь	01.07. 1914	не установлена	мукомольная мельница	деревян.	700,0	12,11	700,00
Песчанская Троицкая церковь	22.09. 1913	не установлена	дом	деревян.	700,0	4,90	700,00
Второй округ							
Вилегодская Богоявленская церковь	14.02. 1917	не установлена	школьный дом	деревян.	200,0	1,40	200,00
Третий округ							
–	–	–	–	–	–	-	–
Четвертый округ							
Черевковская Успенская церковь	30.08. 1912	неосторожное обращение с огнем	церковь	деревян.	7 000,0	18,2	1335,00
			дом	деревян.	1 100,0	7,7	
			амбар	деревян.	15,0	0,11	
			ледник	деревян.	10,0	0,07	
			баня	деревян.	10,0	0,17	
	17.09. 1913	неосторожное обращение с огнем	торговая лавка	деревян.	880,0	6,16	880,00
	29.11. 1914	не установлена	овин	деревян.	15,0	0,27	15,00
Пятый округ							
–	–	–	–	–	–	-	–
Всего в Сольвычегодском уезде	1911–1917	2 – удар молнии 2 – неосторожное обращение с огнем 4 – не установлена	3 – церковь 2 – дом 1 – мукомольная мельница 1 – школьный дом 1 – амбар 1 – ледник 1 – баня 1 – торговая лавка 1 – овин	2 – камен.-10-деревян.	32 630,0	73,09	4 609,90

Примечание. «–» отсутствие данных о пожарах в архивных документах за 1911–1917 гг.
Note. "–" sign in the Table indicates the absence of data on fires in 1911-1917 in archival documents.
Источники. [15; 19–22].
Sources. [15; 19–22].

Также в полном объеме от страховой суммы была получена компенсация за сгоревшую в июле 1914 г. мукомольную мельницу, относившуюся к недвижимому имуществу Нилиндской Николаевской церкви первого округа. Компенсация в размере 700 руб. позволила возвести новую мельницу. 16 января 1916 г. благочинный при оформлении страховых документов оценил постройку в размере первоначальной страховой суммы. При церкви также был застрахован новый деревянный церковно-причтовый дом, по первоначальной оценке, в 350 руб. При утверждении страховой карточки на новые строения Нилиндской Николаевской церкви в Страховом отделе оценка построек была пересмотрена и увеличена: мельница страховалась на 1 тыс. руб., дом – на 1475 руб. [15, л. 61, 61 об., 52, 62, 63].

Пожары также частым явлением были в *четвертом благочинническом округе*, причем все страховые случаи произошли в постройках Черевковской Успенской церкви в летне-осенний период 1912–1914 гг. Первое возгорание из-за неосторожного обращения с огнем 30 августа 1912 г. повредило деревянное здание Успенской церкви. По страховым документам известно, что строение было весьма древнее, но прочное, построено в 1691 г. на булыжном камне. Церковь в результате пожара уцелела, при этом были полностью уничтожены и исключены из страхования дом священника, амбар, ледник и баня. За ущерб выпла-

чена компенсация в размере 1335 руб. При этом страховая оценка церкви была уменьшена с 7 тыс. руб. до 5 тыс. руб. [27, л. 65, 69, 69 об.]. 17 сентября 1913 г. из-за неосторожного обращения с огнем сгорело принадлежавшее церкви бревенчатое здание торговой лавки. Благочинный, прибывший на следующий день после происшествия, в пожарном акте зафиксировал, что пожар произошел с 7 часов вечера и уничтожил деревянный торговый корпус до тла. В докладном реестре от 25 сентября заместителем столоначальника Вологодской духовной консистории заключено, что акт составлен правильно и расчет пожарных убытков произведен верно. На основании акта о пожаре с заключением из Страхового отдела была направлена сумма за ущерб от пожара в размере страховой оценки строений (880 руб.). [там же, л. 71, 71 об.; 35, л. 42, 42 об.]. 29 ноября 1914 г. по неустановленной причине сгорел овин, также относившийся к недвижимому имуществу Успенской церкви. Ущерб был выплачен в полном размере страховой оценки постройки (15 руб.) [27, л. 69, 69 об.].

В результате трех пожаров в с. Черевкова за повреждения огнем здания церкви и шести сгоревших построек были выплачены компенсации в размере 2230 руб. После происшествий в 1915 г. был перестроен одноэтажный деревянный церковный дом для священника с мезонином и перестрахован на 1800 руб. (вместо 1 тыс. руб.), построен новый амбар [27, л. 67, 75–78]. Сведений о других постройках, возведенных после пожаров в Успенской церкви, в страховых документах не отражено.

Последний страховой случай в Сольвычегодском уезде за период взаимного страхования произошел 14 февраля 1917 г. во втором благочинническом округе в деревянном доме, предназначавшемся для учащихся школы при Вилегодской Богоявленской церкви. Деревянное здание, построенное в 1908 г., было непрочное, покрыто досками и оценивалось в 200 руб. Причина пожара не установлена, но в связи с тем, что строение сгорело полностью, компенсация выплачена в полном объеме страховой суммы [25, л. 2–6, 6 об.].

Подводя итоги, отметим, что взаимное страхование для начала XX в. было воспринято как весьма понятный метод борьбы с последствиями от огненных бедствий в связи с тем, что ложилось на благоприятную почву народного менталитета, веками базировавшегося на принципах взаимопомощи и круговой поруки (коллективной ответственности). Огромная работа, проделанная сотрудниками Страхового отдела и благочинными по оценке церковных построек в 1910 г., позволила осуществить страхование церковной недвижимости на принципах взаимности в 1911–1917 гг. Проанализированные документы, зафиксировавшие случаи пожаров, позволяют прийти к выводам о том, что в период взаимного страхования в Сольвычегодском уезде Вологодской епархии произошло восемь пожаров. В 50 % страховых случаев причины возгорания не установлены, в 25 % – связаны с неосторожным обращением с огнем, в 25 % – произошли от ударов молнии. Во время пожаров повреждены три здания церкви (два каменных, одно деревянное) и полностью утрачены девять деревянных построек, в том числе два жилых дома, пять хозяйственных построек, здание церковной школы и помещение торговой лавки.

За 7 лет взаимного страхования в Сольвычегодском уезде были внесены страховые премии в размере свыше 17 тыс. руб. Компенсации на покрытие пожарных убытков в течение того же периода составили около 4,6 тыс. руб., т. е. 27 % от премий. В 60 % страховых случаев компенсации производились в полном объеме страховой оценки зданий. При этом выплаченные суммы за ущерб от огня не всегда позволяли страхователям построить аналогичное здание. В изучаемом регионе страхование обеспечило возведение новых строений вместо сгоревших только в 33 % страховых случаев.

Финансовые итоги взаимного страхования от огня церковной недвижимости в Сольвычегодском уезде Вологодской епархии демонстрируют гораздо меньшую степень целесообразности страхования для страхователей в этом регионе, чем в целом по Российской империи и в Тотемском уезде, где ущерб от пожаров был значительно более существенным. Дальнейшее изучение архивных фондов видится весьма перспективным для раскрытия практической реализации взаимного страхования недвижимости Русской православной церкви в последнее десятилетие существования Российской империи.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Петров, Ю. А. Россия/СССР и международный рынок страхования (XVIII–XX вв.) / Ю. А. Петров // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – 2011. – № 5. – С. 266–288.
2. Витте, С. Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 гг. / С. Ю. Витте. – СПб.: Тип. АО Брокгауз-Ефрон, 1912. – [2]. – XV. – 568 с.
3. Июня 6 [1904 года]. Высочайше утвержденное положение о взаимном страховании от огня строений духовнаго ведомства / Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е (ПСЗРИ-3). Т. XXIV. № 24.712. – СПб., 1904. – С. 614–809.
4. Дашко, В. М. Историко-правовые аспекты применения взаимного противопожарного страхования в России / В. М. Дашко, А. В. Эльмурзаев // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2014. – № 4 (25). – С. 50–54.
5. Краюшкина, Е. И. Система взаимного страхования в Тульской губернии во второй половине XIX–начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук / Е. И. Краюшкина. – Тула, 2015. – 200 с.
6. Куликова, М. Н. Обязательное взаимное страхование строений от пожара в России: дис. … канд. экон. наук / М. Н. Куликова. – М., 2011. – 160 с.
7. Логвинова, И. Л. Взаимное страхование в России: особенности эволюции / И. Л. Логвинова. – М.: Финансы и статистика, 2009. – 175 с.
8. Николаева, Т. Л. К вопросу о практическом осуществлении церковного страхования в начале XX века /

Т. Л. Николаева. – URL: http://www.religare.ru (дата обращения: 01.03.2024).
9. Кокарев, М. С. Страхование церковной недвижимости в Российской империи в начале XX в. / М. С. Кокарев // Модернизация культуры: диалоги о прошлом и настоящем в науке, искусстве, образовании: материалы IX Международной научно-практической конференции, Самара, 25–26 мая 2023 года. – Самара: Самарский государственный институт культуры, 2023. – С. 44–47.
10. Рожина, А. В. Пожары и взаимное страхование «от огня» церковных построек в Тотемском уезде Вологодской губернии в 1910–1917 годах / А. В. Рожина // Известия Коми НЦ УрО РАН. Серия «История и филология». – 2025. – № 2 (78). – С. 67–75.
11. Рожина, А. В. Реализация взаимного страхования «от огня» строений духовного ведомства в России в 1910–1917 гг. (по материалам Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии) / А. В. Рожина // Известия Коми НЦ УрО РАН. Серия «История и филология». – 2024. – № 6 (72). – С. 29–36.
12. Города России в 1910 году / Центр. стат. ком. МВД в 1910 году. – СПб.: Типо-лит. Ныркина, 1906–1914. – 1914. – 1200 с.
13. Шергин, И. А. Богатства севера (Зырянский край). Путевыя заметки, очерки и рассказы / И. А. Шергин. – М.: тип. "Печ. дело", бывш. Ф. Я. Бурче, 1908. – 152 с.
14. Безсонов, Б. В. Поездка по Вологодской губернии к нефтяным ея Богатствам на реку Ухту / Б. В. Безсонов. – СПб.г: т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1908. – 143 с.
15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 799. Оп. 33. Д. 128. 92 л.
16. Статистика пожаров в Российской империи за 1895–1910 годы. – Ч. 1. 63 губернии Европейской России. – СПб.: Центр. стат. ком. МВД, 1912. – 276 с.
17. Рожина, А. В. Благочинные монастырей в системе церковного управления Российской империи в конце XVIII–начале XX века / А. В. Рожина // Известия Коми НЦ УрО РАН. Серия «История и филология». – 2024. – № 1 (67). – С. 51–57.
18. Рожина, А. В. К вопросу о взаимном страховании строений духовного ведомства в России в период думской монархии / А. В. Рожина // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2024. – Т. 34, № 5. – С. 1055–1063.
19. Назначения, перемещения, увольнения и другия перемены по службе // Вологодские епархиальные ведомости. – 1917. – № 15–16. – С. 325–326.
20. Распоряжения епархиальнаго начальства // Вологодские епархиальные ведомости. – 1916. – № 17. – С. 304–306.
21. Распоряжения епархиальнаго начальства // Вологодские епархиальные ведомости. – 1910. – № 3. – С. 47–48.
22. Распоряжения епархиальнаго начальства // Вологодские епархиальные ведомости. – 1913. – № 6. – С. 98–99.
23. Распоряжения епархиальнаго начальства // Вологодские епархиальные ведомости. – 1911. – № 17. – С. 354–356.
24. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 496. Оп. 1. Д. 15975. 23 л.
25. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 129. 67 л.
26. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 130. 87 л.
27. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 131. 83 л.
28. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 132. 99 л.
29. Памятная книжка Вологодской губернии на 1912 год. – Вологда: Типография Губернскаго правления, 1912. – XII, 130 с.; [1] л. испр. и доп.; [2] л. рекл. объявл.
30. РГИА. Ф. 799. Оп. 31. Д. 574. 96 л.
31. Рожина, А. В. Взаимное страхование недвижимого имущества духовного ведомства в России в 1910–1917 гг. (по документам Вологодской епархии) / А. В. Рожина // Карамзинские чтения / РГИА. – Вып. 5: Памяти императора Александра III. – СПб.: РГИА, Изд-во «Аврора», 2024. – С. 303–310.
32. Повреждения от грозы и молнии // Вологодские епархиальные ведомости. – 1911. – № 18. – С. 368–369.
33. Циркулярное отношение Страхового отдела духовного ведомства от 23 декабря 1911 г. за № 39350 // Вологодские епархиальные ведомости. – 1912. – № 2. – С. 31.
34. О повреждениях от молнии в Вешкурской Христорожд. церкви Сольвычегодскаго у. // Вологодские епархиальные ведомости. – 1912. – № 15. – С. 338–339.
35. ГАВО. Ф. 496 Оп. 1. Д. 19406. Л. 8, 8 об.

References

1. Petrov, Yu. A. Rossiya/SSSR i mezhdunarodnyy rynok strakhovaniya (XVIII-XX vv.) [Russia/USSR and the international insurance market (XVIII–XX centuries)] / Yu. A. Petrov // Proc. of the History Faculty of St. Petersburg University. – 2011. – No. 5. – P. 266-288.
2. Witte, S. Yu. Konspekt lektsiy o narodnom i gosudarstvennom khozyaystve, chitannykh yego imperatorskomu vysochestvu velikomu knyazyu Mikhailu Aleksandrovichu v 1900-1902 gg. [Summary of lectures on national and state economy, read to His Imperial Highness Grand Duke Mikhail Alexandrovich in 1900-1902] / S. Yu. Witte. – St. Petersburg: Brockhaus-Efron JSC Printing House, 1912. – [2]. - XV. - 568 p.
3. Iyunya 6 [1904 goda]. Vysochayshe utverzhdennoye polozheniye o vzaimnom strakhovanii ot ognya stroyeniy dukhovnago vedomstva [June 6 [1904]. The highest approved regulation on mutual fire insurance of buildings of the ecclesiastical department] / Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. XXIV. No. 24.712.– St. Petersburg, 1904. – P. 614–809.
4. Dashko, V. M. Istoriko–pravovyye aspekty primeneniya vzaimnogo protivopozharnogo strakhovaniya v Rossii [Historical and legal aspects of the application of mutual fire insurance in Russia] / V. M. Dashko, A. V. Elmurzaev // Law. Safety. Emergency situations. – 2014. – No. 4 (25). – P. 50–54.
5. Krayushkina, E. I. Sistema vzaimnogo strakhovaniya v Tul'skoy gubernii vo vtoroy polovine XIX–nachale XX vv. [Mutual insurance system in the Tula province in the second half of the XIX – early XX centuries]: diss. ... Cand. Sci. (History) / E. I. Krayushkina. – Tula, 2015. – 200 p.

6. Kulikova, M. N. Obyazatel'noye vzaimnoye strakhovaniye stroyeniy ot pozhara v Rossii [Mandatory mutual fire insurance of buildings in Russia]: diss. ... Cand. Sci. (Economy) / M. N. Kulikova. – Moscow, 2011. – 160 p.
7. Logvinova, I. L. Vzaimnoye strakhovaniye v Rossii: osobennosti evolyutsii [Mutual insurance in Russia: features of evolution] / I. L. Logvinova. – Moscow: Finance and Statistics, 2009. – 175 p.
8. Nikolaeva, T. L. K voprosu o prakticheskom osushchestvlenii tserkovnogo strakhovaniya v nachale XX veka [On the issue of practical implementation of church insurance at the beginning of the XX century] / T. L. Nikolaeva // URL: http://www.religare.ru (accessed: 01.03.2024).
9. Kokarev, M. S. Strakhovaniye tserkovnoy nedvizhimosti v Rossiyskoy imperii v nachale XX v. [Insurance of church real estate in the Russian Empire at the beginning of the XX century] / M. S. Kokarev // Modernizatsiya kul'tury: dialogi o proshlom i nastoyashchem v nauke, iskusstve, obrazovanii [Modernization of culture: dialogues about the past and present in science, art, education] : Proc. of Intern. Sci. Conf. , Samara, May 25-26, 2023. – P. 44–47.
10. Rozhina, A. V. Pozhary i vzaimnoye strakhovaniye «ot ognya» tserkovnykh postroyek v Totemskom uyezde Vologodskoy gubernii v 1910-1917 godakh [Fires and mutual insurance «against fire» of church buildings in the Totem Uyezd of the Vologda province in 1910-1917] / A. V. Rozhina // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2025. – No 2 (78). – P. 67-75.
11. Rozhina, A. V. Realizatsiya vzaimnogo strakhovaniya «ot ognya» stroyeniy dukhovnogo vedomstva v Rossii v 1910–1917 gody (po materialam Ust'-Sysol'skogo uyezda Vologodskoy gubernii) [Implementation of mutual insurance"against fire" of buildings of the ecclesiastical department in Russia in 1910-1917 (based on materials from the Ust-Sysolsk Uyezd of the Vologda province)] / A. V. Rozhina // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. – 2024. – No 6 (72). – P. 29–36.
12. Goroda Rossii v 1910 godu [Towns of Russia in 1910] / Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs in 1910. – St. Petersburg: Nyrkin Typolithography, 1906-1914. – 1914. – 1200 p.
13. Shergin, I. A. Bogatstva severa (Zyryanskiy kray). Putevyya zametki, ocherki i rasskazy [Riches of the North (Zyran region). Travel notes, essays and stories] / I. A. Shergin. – Moscow: Printing House «Printing business», formerly F. Ya. Burche, 1908. – 152 p.
14. Bezsonov, B. V. Poyezdka po Vologodskoy gubernii k neftyanym yeya Bogatstvam na reku Ukhtu [A trip on the Vologda Province to the oil-rich area of the Ukhta River] / B. V. Bezsonov. – St. Petersburg: Partnership of R. Golike and A. Wilberg, 1908. – 143 p.
15. Rossiiskii gosudarstvennii istoricheskii arhiv [Russian State Historical Archives] (hereinafter – RGIA). F. 799. Op. 33. D. 128. 92 L.
16. Statistika pozharov v Rossiyskoy imperii za 1895–1910 gody [Statistics of fires in the Russian Empire for 1895–1910]. – Part 1. 63 provinces of European Russia. – St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1912. – 276 p.
17. Rozhina, A. V. Blagochinnyye monastyrey v sisteme tserkovnogo upravleniya Rossiyskoy imperii v kontse XVIII –nachale XX veka [Deans of monasteries in the system of church administration of the Russian Empire at the end of the XVIII – early XX century] / A. V. Rozhina // Proc. of the Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS. – 2024. - No. 1 (61). – P. 51–57.
18. Rozhina, A. V. K voprosu o vzaimnom strakhovanii stroyeniy dukhovnogo vedomstva v Rossii v period dumskoy monarkhii [On the issue of mutual insurance of buildings of the ecclesiastical department in Russia during the period of the Duma monarchy] / A. V. Rozhina // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya [Bull. of Udmurt Univ. Series "History and Philology"]. – 2024. – Vol. 34, No. 5. – P. 1055–1063.
19. Naznacheniya, peremeshcheniya, uvolneniya i drugiye peremeny po sluzhbe [Appointments, transfers, separations and other changes in service] // Vologodskiye eparkhialnyye vedomosti [Vologda diocesan gazette]. – 1917. – No. 15-16. – P. 325-326.
20. Rasporyazheniya eparkhialnogo nachalstva [Orders of the diocesan authorities] // Vologodskiye eparkhialnyye vedomosti [Vologda diocesan gazette]. – 1916. – No. 17. – P. 304-306.
21. Ibid. – 1910. – No. 3. – P. 47-48.
22. Ibid. – 1913. – No. 6. – P. 98-99.
23. Ibid. – 1911. – No. 17. – P. 354-356.
24. Gosudarstvennii arhiv Vologodskoi oblasti [State Archives of the Vologda region] (hereinafter – GAVO). F. 496. Op. 1. D. 15975. 23 L.
25. RGIA [Russian State Historical Archives]. F. 799. Op. 33. D. 129. 67 L.
26. Ibid. F. 799. Op. 33. D. 130. 87 L.
27. Ibid. F. 799. Op. 33. D. 131. 83 L.
28. Ibid. F. 799. Op. 33. D. 132. 99 L.
29. Pamyatnaya knizhka Vologodskoy gubernii na 1912 god [Commemorative book of the Vologda province for 1912]. – Vologda: Tipografiya Gubernskago pravleniya [Printing House of the Provincial Government]. – 1912. - XII, 130 p.; [1] l. revised and updated; [2] l. advertisements.
30. RGIA. F. 799. Op. 31. D. 547. 96 L.
31. Rozhina, A. V. Vzaimnoye strakhovaniye nedvizhimogo imushchestva dukhovnogo vedomstva v Rossii v 1910-1917 gg. (po dokumentam Vologodskoy eparkhii) [Mutual insurance of real estate of the ecclesiastical department in Russia in 1910-1917 (according to documents of the Vologda diocese)] / A. V. Rozhina / Karamzinskiye chteniya [Karamzin readings] / RGIA [Russian State Historical Archives]. – Issue 5: Pamyati imperatora Aleksandra III [In memory of Emperor Alexander III]. – St. Petersburg: RGIA, Izdatelstvo «Avrora» ["Aurora" Publ. House], 2024. – P. 303–310.
32. Povrezhdeniya ot grozy i molnii [Damage from thunderstorms and lightning] // Vologodskiye yeparkhialnyye

vedomosti [Vologda diocesan gazette]. – 1911. – No. 18. – P. 368-369.
33. Tsirkulyarnoye otnosheniye Strakhovogo otdela dukhovnogo vedomstva ot 23 dekabrya 1911 g. za № 39350 [Circular of the Insurance Department of the Ecclesiastical Department dated December 23, 1911, No. 39350] // Vologodskiye yeparkhial'nyye vedomosti [Vologda diocesan gazette]. – 1912. – No 2. – P. 31.
34. O povrezhdeniyakh ot molnii v Veshkurskoy Khristorozhd. tserkvi Solvychegodskogo u. [On damage from lightning in the Veshkur Christ-Born church of the Solvychegodsk Uyezd] // Vologodskiye yeparkhial'nyye vedomosti [Vologda diocesan news]. – 1912. – No 15. – P. 338-339.
35. GAVO. F. 496. Op. 1. D. 19406. 64 L.

Информация об авторе:

Рожина Анастасия Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры общественных наук Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; ORCID: 0009-0006-8971-860X, SPIN-код: 1327-6152 (199178, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43; e-mail: arojina@bk.ru).

Author:

Anastasiya V. Rozhina – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Social Sciences of the North-Western Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; ORCID: 0009-0006-8971-860X, SPIN-code: 1327-6152 (57/43, Sredny ave. V.O., St. Petersburg 199178, Russian Federation; e-mail: arojina@bk.ru).

Для цитирования:

Рожина, А. В. Взаимное страхование от огня недвижимости Сольвычегодского уезда Вологодской епархии в 1910-1917 годы / А. В. Рожина // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 3 (88). – С. 92–100.

For citation:

Rozhina, A. V. Mutual insurance against fire of real estate in Solvychegodsk Uyezd of the Vologda diocese in 1910-1917 / A. V. Rozhina // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2026. – No. 3 (88). – P. 92–100.

Дата поступления статьи: 30.07.2025
Прошла рецензирование: 01.02.2026
Принято решение о публикации: 06.02.2026
Received: 30.07.2025
Reviewed: 01.02.2026
Accepted: 06.02.2026

УДК 94(47).083
DOI 10.19110/1994-5655-2026-3-101-104

Научная теория Анциферова Н. П. в условиях советской исторической политики 1920–1930-х годов

Джакели Е. Н.

Таганрогский механический колледж,
г. Таганрог
Таганрогский институт имени А. П. Чехова
Ростовского государственного экономического университета,
г. Таганрог
dzhakeliy@mail.com

Аннотация

В статье автор рассматривает научную теорию Н. П. Анциферова и ее взаимодействие с советской исторической политикой в 1920–1930-е гг. Анализирует основные принципы теории Анциферова, ее ключевые работы и то, как государственная политика влияла на развитие его идей. Особое внимание уделено методам историко-культурного анализа, предложенным Анциферовым, и их соответствию идеологическим требованиям советской власти. Исследование показывает, что несмотря на идеологические ограничения, теория Анциферова сохранила научную ценность и внесла вклад в развитие отечественной историографии.

Ключевые слова:

Н. П. Анциферов, советская историческая политика, историко-культурный анализ, теория изучения города, 1920–1930-е гг.

N. P. Antsiferov's theory in the context of Soviet historical policy of the 1920s–1930s

Dzhakeli E. N.

State Budgetary Professional Educational Institution "Taganrog Mechanical College", Rostov Region,
Taganrog
A. P. Chekhov Taganrog Institute of Rostov State University of Economics,
Taganrog
dzhakeliy@mail.com

Abstract

The author considers N. P. Antsiferov's theory and its interaction with Soviet historical policy in the 1920s–1930s. The main principles of Antsiferov's theory, his key works, and how state policy influenced the development of his ideas are analyzed. Special attention is paid to Antsiferov's methods of historical and cultural analysis and their relevance to the ideological demands of Soviet power. The study shows that, despite ideological limitations, Antsiferov's theory retained its scientific value and contributed to the development of Russian historiography.

Keywords:

N. P. Antsiferov, Soviet historical policy, historical and cultural analysis, theory of urban studies, 1920s-1930s

Введение

Н. П. Анциферов рассматривал город как выразитель сменяющихся культур, комплексный социальный организм, который необходимо изучать в единстве его исторических, культурных и социальных аспектов [1]. Его подход предполагал анализ городского пространства как источника знаний о прошлом и настоящем общества, что нашло отражение в таких работах, как «Душа Петербурга» [2] и «Книга о городе: город как выразитель сменяющихся культур» [1].

Теория Анциферова акцентировала внимание на важности историко-культурных экскурсий, литературного анализа городского пространства и комплексного изучения городской среды [3]. В условиях советской исторической политики 1920–1930-х гг. такой подход сталкивался с определенными ограничениями, поскольку государство стремилось к унификации исторического нарратива и подчеркиванию классового анализа в ущерб культурному и историческому многообразию.

Влияние государственной политики на теоретические разработки Н. П. Анциферова

Советская историческая политика 1920–1930-х гг. характеризовалась жестким идеологическим контролем, национализацией культурных ценностей и пересмотром исторического наследия с марксистско-ленинских позиций. Декреты и инструкции, такие как Декрет СНК РСФСР «О национализации частных собраний живописи и графики» от 2 декабря 1918 г. [4], задавали тон переосмыслению культурного наследия.

Анциферов стремился сохранить целостное восприятие истории и культуры города, что вступало в противоречие с упрощенными классовыми схемами, навязываемыми государством. Тем не менее он продолжал разрабатывать свои идеи, адаптируя их к новым условиям, что видно из его работ 1920-х гг., посвященных историко-культурным экскурсиям и изучению Петербурга [5, 6].

Он также затрагивал вопросы организации экскурсий для внешкольников [7], роли главной улицы города в краеведческом изучении [8], темы пригородов и их роли в восприятии города [9], изучал литературные связи Петербурга

и Москвы на примере творчества Гоголя [10], а также разрабатывал теорию литературных экскурсий [11].

Методология Анциферова и идеологические требования времени

Методология Анциферова включала комплексный анализ городского пространства, историко-культурные экскурсии и литературный анализ города [3, 12]. Он уделял особое внимание роли личности и культуры в формировании городского облика, что не всегда находило отклик у советских историков, ориентированных на социально-экономический анализ [12].

Среди ключевых методологических разработок Анциферова – концепция литературного экскурса, проиллюстрированная на примере «Медного всадника» [13], идеи о взаимосвязи литературы и городского пространства [14], рассмотрение города как социального организма [15]. Он также уделял внимание краеведческому аспекту [16].

Тем не менее некоторые аспекты его теории, например идея о важности изучения родного города, находили поддержку в образовательной политике того времени [17, 18]. Однако общее направление советской исторической науки постепенно смещалось в сторону идеологически выдержанных исследований, что ограничивало развитие подходов Анциферова.

Основные работы Анциферова 1920–1930-х гг. и их восприятие в советском научном сообществе

Среди ключевых работ Анциферова этого периода – «Душа Петербурга» [2], «Быль и миф Петербурга» [19], «Петербург Достоевского» [20] и ряд статей об историко-культурных экскурсиях [5, 6]. Эти работы демонстрировали уникальный подход к изучению города, который отличался от господствовавших марксистско-ленинских схем.

Восприятие его идей в научном сообществе было неоднозначным: с одной стороны, их ценили за новизну и глубину анализа, с другой – критиковали за недостаточную идеологическую выдержанность и «буржуазный» подход к истории [21]. Воспоминания современников [там же], автобиографические материалы [22, 23] и письма [24] помогают лучше понять контекст его работы.

Также стоит отметить труды, посвященные Детскому Селу [25] и литературным прогулкам [26], которые дополняли общую картину краеведческих исследований Анциферова. Он обращался к теме «непостижимого города» [11, 16] и развивал теорию и практику литературных экскурсий [27].

Заключение

Теория Н. П. Анциферова представляет собой оригинальный подход к изучению городского пространства, который сохранил научную ценность несмотря на идеологические ограничения советской эпохи. Его работы демонстрируют попытку сохранить многогранное восприятие истории и культуры в условиях унификации исторического нарратива. Хотя государственная политика накладывала определенные ограничения на развитие его идей, Анциферов сумел внести значительный вклад в отечественную историографию и теорию изучения города. Его методология продолжает интересовать исследователей и может быть полезна для современного понимания исторического и культурного наследия городов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Анциферов, Н. П. Книга о городе: город как выразитель сменяющихся культур. Картины и характеристики / Н. П. Анциферов, Т. Н. Анциферова. – Л.: Брокгауз–Ефрон, 1926. – 218 с.
2. Анциферов, Н. П. Душа Петербурга / Н. П. Анциферов. – Пг.: Брокгауз–Ефрон, 1922. – 400 с.
3. Анциферов, Н. П. О методах и типах историко-культурных экскурсий / Н. П. Анциферов. – Пг.: Начатки знаний, 1923. – 39 с.
4. Декрет СНК РСФСР «О национализации частных собраний живописи и графики» от 2 дек. 1918 г. // Собр. узаконений РСФСР. – 1918. – № 89. – 906 с.
5. Анциферов, Н. П. О литературных экскурсиях / Н. П. Анциферов // Педагогическое дело. – 1921. – № 1. – С. 7–12.
6. Анциферов, Н. П. О литературных экскурсиях / Н. П. Анциферов // Педагогическое дело. – 1921. – № 2. – С. 4–9.
7. Анциферов, Н. П. Город как объект экскурсий для внешкольников / Н. П. Анциферов // Внешкольные экскурсии. – М.: Красная новь, 1924. – С. 50–73.
8. Анциферов, Н. П. Главная улица города // На путях краеведения / под общ. ред. М. М. Рубинштейна. – М.: МИР, 1926. – 106 с.
9. Анциферов, Н. П. Пригороды Ленинграда. Города Пушкин, Павловск, Петродворец / Н. П. Анциферов. – М.: ГЛМ, 1946. – 112 с.
10. Анциферов, Н. П. Москва и Петербург в жизни и творчестве Гоголя: материалы для экскурсий / Н. П. Анциферов // Гоголь в школе. – М., 1954. – С. 653–704.
11. Анциферов, Н. П. Теория и практика литературных экскурсий / Н. П. Анциферов. – Л.: Время, 1926. – 214 с.
12. Анциферов, Н. П. Краеведный путь в исторической науке: историко-культурные ландшафты / Н. П. Анциферов // Краеведение. – 1928. – № 6. – С. 321–338.
13. Анциферов, Н. П. Литературная экскурсия (Медный Всадник) / Н. П. Анциферов // Вопросы экскурсионного дела по данным Петроградской экскурсионной конференции 10–12 марта 1923 г. / под ред. Б. Е. Райкова. – Пг.: Начатки знаний, 1923. – 32 с.
14. Анциферов, Н. П. Наша улица / Н. П. Анциферов // Экскурсии в современность / под ред. Н. А. Кузнецова. – Л.: ЛГОНО, 1925. – 51 с.
15. Анциферов, Н. П. Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода / Н. П. Анциферов. – Л.: Сеятель Е. В. Высоцкого, 1926. – 150 с.
16. Анциферов, Н. П. Непостижимый город / Н. П. Анциферов. – СПб.: Лениздат, 1991. – 293 с.
17. Анциферов, Н. П. Как изучать свой город / Н. П. Анциферов. – М.: Госиздат, 1929. – 120 с.
18. Анциферов, Н. П. Как изучать свой город: в плане школьной работы / Н. П. Анциферов. – М.: Изд-во МИР, 1929. – 118 с.

19. Анциферов, Н. П. Быль и миф Петербурга / Н. П. Анциферов. – Пг.: Брокгауз–Ефрон, 1924. – 87 с.
20. Анциферов, Н. П. Петербург Достоевского / Н. П. Анциферов. – Пг.: Брокгауз–Ефрон, 1923. – 108 с.
21. Вейнерт, Я. А. Как я помню Николая Павловича Анциферова / Я. А. Вейнерт // Вестник Герценовского университета. – 2014. – № 8. – С. 139–143.
22. Анциферов, Н. П. Из воспоминаний / Н. П. Анциферов // Бродский, Ю. А. Соловки. Двадцать лет Особого Назначения. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 378–379.
23. Анциферов, Н. П. Из дум о былом / Н. П. Анциферов. – М.: Феникс, 1992. – 512 с.
24. Письмо С. А. Гарелиной-Анциферовой к И. Н. Медведевой-Томашевской от 22 октября 1958 г. // ОР РГБ. Ф. 645. Карт. 35. Ед. хр. 13. Л. 7 об. – 8 об.
25. Анциферов, Н. П. Детское Село / Н. П. Анциферов. – Л.: Гос. изд-во, 1927. – 96 с.
26. Анциферов, Н. П. Пушкин в Царском Селе (Литературная прогулка по Детскому Селу) / Н. П. Анциферов. – Л.: ОБЛОНО, 1929. – 56 с.
27. Лихачёв, Д. С. Воспоминания. Письма о добром / Д. С. Лихачёв. – М.: АСТ, 2017. – 480 с.

References

1. Antsiferov, N. P. Kniga o gorode: gorod kak vyrazhenie smenyayushchikh drug druga kultur. Kartinki i kharakteristiki [A book about the town: town as an expression of cultures succeeding one another. Images and characteristics] / N. P. Antsiferov, T. N. Antsiferova. – Leningrad: Brockhaus-Efron Printing House, 1926. – 218 p.
2. Antsiferov, N. P. Dusha Peterburga [The soul of Petersburg] / N. P. Antsiferov. – Petrograd: Brockhaus-Efron Printing House, 1922. – 400 p.
3. Antsiferov, N. P. O metodakh i tipakh istorikokulturnykh ekskursiy [About methods and types of historical and cultural excursions] / N. P. Antsiferov. – Petrograd: Nachatki Znaniy [Rudiments of knowledge], 1923. – 39 p.
4. Dekret SNK RSFSR "O nacionalizacii chastnyh sobranii zhivopisi i grafiki" ot 2 dek. 1918 g. [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR "On the nationalization of private collections of painting and graphics" of December 2, 1918] // Sobranie uzakoneniy RSFSR [Collection of Laws of the RSFSR]. – 1918. - No. 89. – 906 p.
5. Antsiferov, N. P. O literaturnykh ekskursiyakh [About literary excursions] / N. P. Antsiferov // Pedagogicheskoe delo [Pedagogical work], 1921, No. 1. – P. 7–12.
6. Antsiferov, N. P. O literaturnykh ekskursiyakh [About Literary Excursions] / N. P. Antysiferov // Pedagogicheskoe delo [Pedagogical work]. - 1921. - No. 2. – P. 4–9.
7. Antsiferov, N. P. Gorod kak obyekt ekskursiy dlya vneshkolnikov [The town as an object of excursions for outofschool children] / N. P. Antsiferov // Vneshnie ekskursii [External excursions]. – Moscow: Krasnaya Nov', 1924. – P. 50–73.
8. Antsiferov, N. P. Glavnaya ulitsa goroda [The main street of the town] / N. P. Antsiferov // Na putyakh kraevedeniya [On the paths of Local History] / Ed. M. M. Rubinstein. – Moscow: MIR, 1926. – 106 p.
9. Antsiferov, N. P. Prigorody Leningrada. Goroda Pushkin, Pavlovsk, Petrodvorets [The suburbs of Leningrad. The towns of Pushkin, Pavlovsk, Peterhof] / N. P. Antsiferov. – Moscow: GLM, 1946. – 112 p.
10. Antsiferov, N. P. Moskva i Peterburg v zhizni i tvorchestve Gogolya: materialy dlya ekskursii [Moscow and Petersburg in Gogol's life and work: materials for excursions] / N. P. Antsiferov // Gogol' v shkole [Gogol in School]. – Moscow, 1954. – P. 653–704.
11. Antsiferov, N. P. Teoriya i praktika literaturnykh ekskursiy [Theory and practice of literary excursions] / N. P. Antsiferov. – Leningrad: Vremya [Time], 1926. – 214 p.
12. Antsiferov, N. P. Kraevedcheskiy put' v istoricheskoy nauke: istorikokulturnye landshafty [The Local History Path in historical science: Historical and cultural landscapes] / N. P. Antsiferov // Kraevedenie [Local History]. – 1928. - No. 6. – P. 321–338.
13. Antsiferov, N. P. Literaturnaya ekskursiya (Mednyy Vsadnik) [A literary excursion (The Bronze Horseman)] / N. P. Antsiferov // Voprosy ekskursionnogo dela po dannomu Petrogradskoy ekskursionnoy konferentsii 10–12 marta 1923 g. [Questions of excursion work according to the Petrograd Excursion Conference of March 10–12, 1923] / Ed. B. E. Raikov. – Petrograd: Nachatki Znaniy [Rudiments of knowledge], 1923. – 32 p.
14. Antsiferov, N. P. Nasha ulitsa [Our street] / N. P. Antsiferov // Ekskursii v sovremennost' [Excursions into modernity] / Ed. N. A. Kuznetsov. – Leningrad: LGONO, 1925. – 51 p.
15. Antsiferov, N. P. Puti izucheniya goroda kak sotsialnyy organizm. Opyt kompleksnogo podkhoda [Ways of studying the city as a social organism. Experience of complex approach] / N. P. Antsiferov. – Leningrad: Seyatel' E. V. Vysotskogo [Seedman of E. V. Vysotsky], 1926. – 150 p.
16. Antsiferov, N. P. Nepostizhimyy gorod [The incomprehensible city] / N. P. Antsiferov. – St. Petersburg: Lenizdat, 1991. – 293 p.
17. Antsiferov, N. P. Kak izuchat' svoi gorod [How to study your town] / N. P. Antsiferov. – Moscow: Gosizdat, 1929. – 120 p.
18. Antsiferov, N. P. Kak uznat' svoi gorod: v plane shkol'noy raboty [How to get to know your town: in the framework of school work] / N. P. Antsiferov. – Moscow: MIR Publ. House, 1929. – 118 p.
19. Antsiferov, N. P. Byl i mif Peterburga [The past and the myth of St. Petersburg] / N. P. Antsiferov. – Petrograd: Brockhaus-Efron Printing House, 1924. – 87 p.
20. Antsiferov, N. P. Peterburg Dostoevskogo [Dostoevsky's Petersburg] / N. P. Antsiferov. – Petrograd: Brockhaus-Efron Printing House, 1923. – 108 p.
21. Weineert, Ya. A. Kak ya pomnyu Nikolaya Pavlovicha Antsiferova [How I remember Nikolai Pavlovich Antsiferov] / Ya. A. Weineert // Vestnik Gertsenovskogo universiteta [Herzen University Herald], - 2014. - No. 8. – P. 139–143.
22. Antsiferov, N. P. Iz vospominaniy [From memoirs] / N. P. Antsiferov // Brodsky, Yu. A. Solovki. Dvadcat' let Osobogo naznacheniya [Solovki. 20 years of Special Purpose]. – Moscow: ROSSPEN, 2002. – P. 378–379.

23. Antsiferov, N. P. Iz dum o bylom [From thoughts of the past] / N. P. Antsifertov. – Moscow: Feniks [Phoenix], 1992. – 512 p.
24. Letter from S. A. Garelina-Antsiferova to N. Medvedeva-Tomashevskaya, October 22, 1958 // OR RGB [Department of Manuscripts, Russian State Library]. F. 645. Cart. 35. Storage units 13. L. 7 ob. – 8 ob.
25. Antsiferov, N. P. Detskoe Selo [Children's Village] / N. P. Antsiferov. – Leningrad: Gosudarstvennoe izdatelstvo [State Publ. House], 1927. – 96 p.
26. Antsiferov, N. P. Pushkin v Tsarskom Sele (Literaturnaya progulka po Detskomu Selu) [Pushkin in Tsarskoye Selo (A literary walk through Detskoye Selo)] / N. P. Antsiferov. – Leningrad: OBLONO, 1929. – 56 p.
27. Likhachev, D. S. Vospominaniya. Pisma o dobrom [Memoirs. Letters about goodness] / D. S. Lokhachev. – Moscow: AST, 2017. – 480 p.

Информация об авторе:

Джакели Екатерина Николаевна – магистрант Таганрогского института имени А. П. Чехова Ростовского государственного экономического университета, преподаватель Таганрогского механического колледжа; ORCID: 0009-0004-5974-3981 (347936, Российская Федерация, Ростовская обл., г. Таганрог, ул. Инициативная, д. 48; e-mail: dzhakeliy@mail.ru).

Author:

Ekaterina N. Dzhakeli – Master's student at the A. P. Chekhov Taganrog Institute of the Rostov State University of Economics, lecturer at the Taganrog Mechanical College; ORCID: 0009-0004-5974-3981 (48, Iniciativnaya st., Taganrog 347936, Rostov region; e-mail: dzhakeliy@mail.ru).

Для цитирования:

Джакели, Е. Н. Научная теория Анциферова Н. П. в условиях советской исторической политики 1920–1930-х годов / Е. Н. Джакели // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 3 (88). – С. 101–104.

For citation:

Dzhakeli, E. N. N. P. Antsiferov's theory in the context of Soviet historical policy of the 1920s–1930s / E. N. Dzhakeli // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2026. – No. 3 (88). – P. 101–104.

Дата поступления статьи: 20.01.2026
Прошла рецензирование: 02.02.2026
Принято решение о публикации: 06.02.2026
Received: 20.01.2026
Reviewed: 02.02.2026
Accepted: 06.02.2026

УДК 929
DOI 10.19110/1994-5655-2026-3-105-108

Воленс Нина Васильевна и ее работы на Севере

Силин В. И.

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
silinv@rambler.ru

Аннотация

Статья посвящена жизни и деятельности ученого-экономиста Нины Васильевны Воленс (1893–1937). В 1930-х гг. Н. В. Воленс проводила экономико-статистические исследования в труднодоступных районах Российского Севера, на Кольском полуострове, в Печорском крае и Якутии.
Несмотря на прошедшее время, ее работы и сейчас представляют несомненный интерес для историков, демографов, краеведов.

Ключевые слова:

Воленс Н. В., Мурман, Печора, Якутия, статистика, Северная научно-промысловая экспедиция, Якутская экспедиция

Nina Vasilyevna Volens and her work in the North

Silin V. I.

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
silinv@rambler.ru

Abstract

The paper is devoted to the life and work of Nina Vasilyevna Volens (1893–1937), a scientist and economist. In the 1930s, N. V. Volens carried out economic and statistical research in the remote areas of the Russian North, on the Kola Peninsula, in the Pechora region, and in Yakutia. Despite the time that has passed, her works are still of undoubted interest to historians, demographers, and local historians.

Keywords:

N. V. Volens, Murman, Pechora, Yakutia, statistics, Northern Scientific and Commercial Expedition, Yakut Expedition

В начале XX в. организовывались экспедиции, проводившие статистико-экономические, в том числе подворные, исследования местного населения. О некоторых из них часто пишут исследователи, например, в работах С. В Мартынова, В. А. Журавского, Л. Н. Рума. Об исследованиях Нины Васильевны Воленс публикаций автор не встречал. Вместе с тем, она была профессиональный экономист и привлекалась к работам по исследованиям на Мурмане, в Печорском крае и работала в комплексной Якутской экспедиции АН СССР.

Н. В. Воленс родилась в Петербурге в 1893 г. Возможно, в семье Василия Петровича Воленс (1836–1903), педагога-математика, автора многочисленных учебников по математике, астрономии, геометрии и даже астрономической географии. Окончила Бестужевские Высшие женские курсы, после преподавала в 1915–1918 гг. там же политическую экономию.

В 1920 г. была организована Северная научно-промысловая экспедиция (СНПЭ), которая объединила широкий круг специалистов по различным географическим специальностям. Летом 1920 г. на Кольский полуостров выехал экономический отряд в составе семи человек под руководством Н. В. Воленс: «Мурманская партия Экономического отряда сформировалась к июлю 1920 г. в составе 4-х научных сотрудников: Н. Н. Бурыкиной, В. А. Горелова, М. М. Измайловой и М. А. Конради, 2-х экономистов-исследователей С. Ю. Крестцовой и И. В. Чекан и заведующей партией Н. В. Воленс» [1, с. 3]. Работы начались на Мурманской биологической станции. Были праработаны многочисленные бланки для исследований [2] экономики края и особенно его морских промыслов. Обследованы следующие пункты: Кильдин, Гаврилово, Териберка, Цып-Наволок, Печенга, Вайда-Губа. В результате работ описано 161 хозяйство.

В 1921 г. на Мурмане статистические обследования проводил экономический отряд СНПЭ под руководством Г. А. Мебуса. Цель работ – изучение жизни, быта и промыслов, в основном рыболовства, Мурманского края.

За время работы этого отряда было обследовано восточное побережье Мурмана от Кильдина до В. Лицы, всего – 14 селений, составлено 10 поселенных описаний, 217 бланков хозяйства, 397 бланков предприятий, 847 судовых и 1548 личных карточек промышленников.

В 1922 г. восточную часть Мурмана и побережье Кольской Губы обследовал отряд под руководством Н. В. Воленс (в составе отряда участвовали научные сотрудники Н. И. Кац и С. И. Каплан). Обобщающий итог исследований на Мурмане в 1926 г. опубликован Н. В. Воленс [3]. В своей работе она приводит самые различные сведения о жизни поморов, об их промыслах и условиях жизни. Рассмотрим сведения о населении этого громадного по территории и важного для всего государства края (таблица).

Н. В. Воленс отмечает всеобщее увеличение населения Мурмана и приводит данные о национальном составе населения разных районов. «Сопоставление данных о численности хозяйств показывает на определенное обрусение всего Мурмана в целом за двадцатилетие, протекшее между переписями. Процент русских хозяйств возрастает за счет остальных национальностей. Довольно сильно сдают финны, теряющие положение численно преобла-

Население Мурмана по результатам экспедиции Воленс Н. В.

The population of Murman according to the results of the N. V. Volens expedition

Число хозяйств				В них лиц		Обоего пола
Территория	1900 г.	1921–1922 гг.	% изменен.	1900 г.	1921–1922 гг.	% изменен.
Западный Мурман	134	183	+36,6	685	940	+37,2
Кольская Губа	64	80	+25,0	294	373	+27,6
Восточный Мурман	111	190	+71,2	480	870	+81, 3
Весь Мурман	309	453	+46,6	1459	2183	+49,6

дающей национальности на Мурмане, и сильно, не только относительно, но даже абсолютно, уменьшаются карелы» [там же, с. 18].

В 1921 г. Северной научно-промысловой экспедицией в Печорский край были командированы многие отряды (ихтиологический, этнографический, геологические для изучения этого близкого, но вместе с тем и неизвестного науке края). В том числе экономический отряд под руководством Н. В. Воленс, в задачу которого входили статистико-экономические рекогносцировочные исследования в низовьях р. Печоры с целью выявления производительных сил края для возможности их рационального использования [1, 4].

Более подробные исследования планировались на 1922 г., но за неимением средств они осуществлены не были.

Отрядом 1921 г. под руководством Н. В. Воленс (участие принимали Н. Н. Кржишталович и Г. К. Штром) были обследованы 19 населенных пунктов, находящихся в различных хозяйственных районах, в пяти из них была проведена сплошная подворная перепись. В работе подробно описаны все стороны жизни местного населения, их хозяйство и промыслы. Под обследование попали следующие населенные пункты: Конецборск, Аронец, Усть-Усса, Колва, Киппиево, Кычкар, Няшебож, Щельяюр, Ижма, Мохча, Ельская, Красный Бор, Вертеп, Галово, Кельчеюр, Усть-Цильма, Виска, В. Виска, Оксино, Тельвиска) [1].

Н. В. Воленс и ее сотрудниками были собраны сведения об использовании земель, о национальном составе населения, состоянии земледелия, рыболовстве, охоте, оленеводстве, рассмотрены различные виды местной промышленности и др. Н. В. Воленс отмечает повсеместное и общее падение промыслов и производства за время революции, и гражданской войны.

Объем статьи не позволяет более подробно рассмотреть ее работу. Приведем сведение о количестве добываемой рыбы: «Об уловах семги и нельмы в нормальное время при наличие сетей, мы имеем следующие показания:

		Среднее число пудов на ловца	
		Семги	Нельмы
1.	Оранец	3	4
2.	Конецборск	3	4
3.	Усть-Усса	7	14
4.	Щельяюр	2	4
5.	Кельчеюр	4	8
6.	Усть-Цильма	2	4
7.	В. Виска	8	16
8.	Оксино	10	20
9.	Тельвиски	9	17» [там же, с. 50].

До гражданской войны цены за пуд семги доходили до 20 руб., на нельму – 7 руб. (зарплата деревенского учителя в месяц составляла от 30 до 45 руб.).

7 апреля 1925 г. Совет Народных Комиссаров СССР постановил: для исследования производительных сил Якутской республики силами Академии наук создать экспедицию. Ее поочередно возглавляли академики С. Ф. Ольденбург, А. Е. Ферсман, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг и В. Л. Комаров. Как пишет Ю. Н. Ермолаева [5]: «Структура экспедиции была довольно сложной. Она подразделялась на 10 специализированных отрядов: геоморфологический, гидрологический, аэрометеорологический, ихтиологический, охотничье-промысловый, агрономический, статистико-экономический, лесо-экономический, этнографический и медико-санитарный. Отряды были разделены на 24 подотряда».

Якутской экспедиции, рассчитанной на пять лет работы, предстояло выполнить следующие исследования: «определить роль отдельных отраслей хозяйства в общем народном балансе Якутии; определить основные тенденции в развитии экономики края и перспективы развития народного хозяйства в Якутии; определить наиболее рентабельный тип хозяйства в разных хозяйственных районах Якутии; пролить свет, на основании изучения санитарно-гигиенических условий жизни и хода заболеваемости населения, на причины огромной смертности женского населения в Якутии» [там же].

С 1925 г. Н. В. Воленс состояла сотрудником Якутской комиссии при АН СССР. В 1926 г. она возглавляла работу экономического отряда Якутской экспедиции АН СССР [6]. В отряде работали сотрудницы Н. П. Вагнер и М. В. Зеленцова На отряд были возложены три задачи: 1) бюджетное обследование якутских хозяйств; 2) экономическое описание условий и приемов хозяйствования применительно к мелким территориальным единицам – наслегам; 3) собирание материалов о г. Якутске как центре товарного тяготения [7]. Кроме того, Н. В. Воленс осмотрела Якутский архив и познакомилась с метрическими книгами на предмет изучения движения населения в Якутии. Общая протяженность маршрутов отряда составила 1 тыс. км. Помимо экономических исследований на основе своих исследований Н. В. Воленс публикует «Очерк хозяйственного строя Якутии» [там же], в котором характеризует эволюцию хозяйства различных районов Якутии. В этой статье она выступила как очень опытный исследователь, к экономическому анализу своих результатов привлекая данные по фольклору, этнографии и другим особенностям населения. В статье рассмотрена эволюция хозяйства якутов в течение последних столетий.

В журнале «Вестник Крестьянской России», издававшемся в Праге и Берлине в 1925–1933 гг., была напечатана статья Н. В. Воленс: «О современном облике интеллигенции» (1925. – № 6–7).

Статья написана от мужского имени и под чужой фамилией, но это и понятно – требовалась конспирация. Резкой антисоветской агитации в ней нет, но чувствуется общее неприятие интеллигенцией Советского строя.

В 1928 г. Воленс была арестована вместе с другими деятелями зарубежной контрреволюционной организации «Крестьянская Россия», которую органы ОГПУ связывали с делом Трудовой крестьянской партии, и 10 апреля 1929 г. Н. В. Воленс была осуждена по ст. 58–4–10–11 УК РСФСР и постановлением Коллегии ОГПУ приговорена к 10 годам лагерей. Отбывала наказание в Ярославской тюрьме, где «занималась контрреволюционной пропагандой», была организатором и членом редколлегии издаваемого заключенными нелегального журнала «Чертополох», неоднократно объявляла голодовку. Через Воленс во время ее пребывания в столице действовал канал связи Республиканско-демократического союза с СССР [2]. Вторично приговорена Тройкой УНКВД Ярославской области 03.09.1937 к высшей мере наказания; расстреляна 04.09.1937. Место захоронения – Волголаг. Реабилитирована [по делу 1937 г.] 02.08.1989; по делу 1928 г. – Прокуратурой Санкт-Петерурга после 18.12.1991.

Лучшим памятником для исследователя является использование и упоминание его трудов. Так, многие исследователи в своих трудах ссылаются на работы Н. В. Воленс [9].

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. Воленс, Н. В. Работы Мурманского отряда / Н. В. Воленс // Работы отрядов Севэкспедиции в 1921 г.: предварит. отчет: труды Северной научно-промысловой экспедиции. Вып. 14. – СПб.: Гос. изд-во, 1922. – С. 88–90.
2. Воленс, Н. В. Работы экономического отряда на Мурмане летом 1920 года / Н. В. Воленс // Труды Северной научно-промысловой экспедиции. – 1921. – Вып. 11. – 79 с. – URL: http://kolanord.ru/html_public/col_Osvoen-KS/VolensNB_Rabota-ekonomicheskogo-otryada_1921/6/ (дата обращения: 01.11. 2025).
3. Воленс, Н. В. Колонисты Мурмана и их хозяйство: материалы статистико-экономического исследования 1921–1922 гг. / Н. В. Воленс. – М., 1926. – 112 с.
4. Воленс, Н. В. Промыслы и сельское хозяйство Печорского края (Отчет рекогносцировочного экономического исследования за 1921 г.) // Труды Северной научно-промысловой экспедиции. Вып. 21 / Н. В. Воленс. – М.; Л.: Науч.-тех. отдел ВСНХ, 1924.
5. Воленс, Н. В. Печорский отряд / Н. В. Воленс // Работы отрядов Севэкспедиции в 1921 г.: предварит. отчет: труды Северной научно-промысловой экспедиции. Вып. 14. – СПб.: Гос. изд-во, – С. 90–92.
6. Воленс, Н. В. Предварительный отчет о работах экономического отряда в Якутском округе в 1926 году / Н. В. Воленс // Материалы комиссии по изучению Якутской Автономной Советской Социалистической Республики. Краткие отчеты о работах отрядов Якутской экспедиции Академии наук 1926–1926 гг. СССР. – Л., 1929. – Вып. 10. – С. 1–23.
7. Ермолаева, Ю. Н. Якутская комплексная экспедиция АН СССР. 1925–1930 гг. / Ю. Н. Ермолаева. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yakutskaya-kompleksnaya-ekspeditsiya-akademii-nauk-sssr-1925–1930-gg/viewer (дата обращения: 01.11.2025)
8. Воленс, Н. В. Очерк хозяйственного строя Якутии / Н. В. Воленс. – Л.: Акад. наук, 1927. – 28 с.

References

1. Volevs, N. V. Raboty Murmanskogo otryada [Works of the Murmansk team] / N. V. Volens // Works of the Sevexpedition teams in 1921: preliminary report : Proc. of the Northern Scientific and Commercial Expedition. Issue 14. – St. Petersburg: State Publ. House, 1922. – P. 88–90.
2. Volens, N. V. Raboty ekonomicheskogo otryada na Murmane letom 1920 goda [The work of the economic team in Murman in the summer of 1920] / N. V. Volens // Proc. of the Northern Scientific and Commercial Expedition. – 1921. – Issue 11. – 79 p. - URL: /file:///C:/Users/illh6095/Downloads/000200_000018_RU_NLR_P19_A1SV_25504-Работы_Экономического_отряда_на_Мурмане_летом_1920_года.pdf (accessed: 01.11.2025)
3. Volens, N. V. Kolonisty Murmana i ih hozyaistvo. Materialy statistiko-ekonomicheskogo issledovaniya 1921-1922gg. [The colonists of Murman and their economy]: Materials of statistical and economic research of 1921-1922] / N. V. Volens. – Moscow, 1926. – 112 p.
4. Volens, N. V. Promysly i selskoe hozyaistvo Pechorskogo kraya (Otchet rekognostiroovochnogo ekonomicheskogo issledopvaniya za 1921 g. [Crafts and agriculture of the Pechora region (Report of the reconnaissance economic study for 1921) / N. V. Volens // Proc. of the Northern Scientific and Commercial Expedition. Issue 21. – Moscow; Leningrad : Scientific and Technical Department of the Supreme Economic Council. – 1924.
5. Volens, N. V. Pechorskii otryad [Pechora team] / N. V. Volens // The work of the Sevexpedition teams in 1921: preliminary report / Proc. of the Northern Scientific and Commercial Expedition. Issue 14. - St Petrsburg: State Publ. House. – P. 90–92.
6. Volens, N. V. Predvaritelnii otchet o rabotah ekonomicheskogo otryada v Yakutskom okruge v 1926 godu [Preliminary report on the work of the economic team in the Yakutsk okrug in 1926] / N. V. Volens // Materials of the Commission for the Study of the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic. Brief reports on the work of the Yakut expedition teams of the USSR Academy of Sciences in 1926-1926. – Leningrad, 1929. – Issue 10. - P. 1-23.
7. Ermolaeva, Yu. N. Yakutskaya kompleksnaya expedicia AN SSSR. 1925-1930 gg. [The Yakutsk complex expedition of the USSR Academy of Sciences. 1925-1930] / Yu. N. Ermolaeva. - UIRL: https://cyberleninka.ru/article/n/yakutskaya-kompleksnaya-ekspeditsiya-akademii-nauk-sssr-1925-1930-gg/viewer (accessed: 01.11.2025)
8. Volens, N. V. Ocherk hozyaistvennogo stroya Yakutii [An essay on the economic system of Yakutia] / N. V. Volens. - Leningrad: Academy of Sciences, 1927. - 28 p.)

Благодарность (госзадание):

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU-2021–0011 «Трансформация общества, власти и экономики в регионах Европейского Севера России».

Acknowledgements (state task):

The publication was prepared within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, state registration No. of the project FUUU-2021-0011 «Transformation of society, government and economy in the regions of the European North of Russia».

Информация об авторе:

Силин Владимир Иванович – доктор географических наук, доцент, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167000, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: silinv@rambler.ru).

Author:

Vladimir I. Silin – Dr. Sci. (Geography), Associate Professor, Chief Researcher at the Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167000, Russian Federation; e-mail: silinv@rambler.ru).

Для цитирования:

Силин, В. И. Воленс Нина Васильевна и ее работы на Севере / В. И. Силин // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 3 (88). – С. 105.–108.

For citation:

Silin, V. I. Nina Vasilyevna Volens and her work in the North / V. I. Silin // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2026. – No. 3 (88). – P. 105–108.

Дата поступления статьи: 07.11.2025
Прошла рецензирование: 07.11.2025
Принято решение о публикации: 30.01.2026
Received: 07.11.2025
Reviewed: 07.11.2025
Accepted: 30.01.2026

УДК 94:78.03(477.62)«1941/1945»
DOI 10.19110/1994-5655-2026-3-109-114

Деятельность театров Сталинской области в 1941–1945 годы: проблемы и достижения (по материалам Государственного архива Донецкой Народной Республики)

Щевич К. С.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк
k.shchevich@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена комплексному исследованию функционирования театральных учреждений в ключевом промышленном регионе СССР в экстремальных условиях Великой Отечественной войны и немецко-фашистской оккупации.
Цель работы – анализ организационных, творческих и бытовых аспектов жизни театров г. Сталино (современный Донецк) на основе впервые вводимых в научный оборот архивных документов.
Исследование охватывает три хронологических периода: последние месяцы мирного 1941 г., оккупацию города с октября 1941 по сентябрь 1943 г. и этап восстановления после освобождения. В предвоенный период театральная жизнь Сталино, вопреки исторической отсталости дореволюционного Донбасса в культурной сфере, достигла значительного расцвета.
С началом оккупации культурная политика кардинально изменилась. В статье автор детально анализирует механизм работы театров под контролем немецкой администрации. На основе материалов газеты «Донецкий вестник» и архивных фондов показано, как культура была превращена в инструмент пропаганды и иллюзорной «нормализации» жизни. Одновременно раскрывается истинное положение артистов: их труд был милитаризован, регулировался строгой дисциплиной с системой штрафов и табельным учетом, а скудное пайковое содержание граничило с голодом. При этом работа в театре давала относительную защиту от угона на принудительные работы в Германию.

Ключевые слова:

театр, Великая Отечественная война, газета, Донбасс, оккупация, театральная жизнь, артист

Theater activities in the Stalino Region in 1941-1945: problems and achievements (based on materials of the State Archive of the Donetsk People's Republic)

Shchevich K. S.

Donetsk State University,
Donetsk
k.shchevich@mail.ru

Abstract

The paper deals with the comprehensive study of the functioning of theatrical institutions in a key industrial region of the USSR in the extreme conditions of the Great Patriotic War and the Nazi occupation. The purpose of the work is to analyze the organizational, creative, and everyday aspects of the life of theaters in the town of Stalino (modern Donetsk) based on archival documents introduced into scientific circulation for the first time.
The study covers three chronological periods: the final months of peacetime in 1941, the occupation of the town from October 1941 to September 1943, and the post-liberation reconstruction period. In the pre-war period, Stalino's theatrical life, despite the historical cultural backwardness of the pre-revolutionary Donbass, flourished significantly.
Since the beginning of the occupation, cultural policy has changed dramatically. The paper analyzes in detail the operating mechanisms of theaters under the control of the German administration. Based on the materials of the "Donetsk Bulletin" newspaper and archival collections, it is shown how culture was transformed into a propaganda tool and the illusory "normalization" of life. At the same time, the true situation of the artists is revealed: their work was militarized, regulated by strict discipline with a system of fines and timesheets, and their meager rations bordered on starvation. At the same time, working in the theater provided relative protection from being deported to forced labor in Germany.

Keywords:

theater, the Great Patriotic War, newspaper, Donbass, occupation, theatrical life, artist

Великая Отечественная война стала беспрецедентным в истории явлением, когда для противостояния врагу были мобилизованы не только все материальные, но и духовные ресурсы советского общества. К августу 1941 г. немецкие войска приближались к важнейшему стратегическому центру – угольному Донбассу. Этот регион занимал особое место в захватнических планах нацистской Германии, которая рассматривала его как ключевой источник сырья для пополнения своих ресурсов и обеспечения нужд военной машины. При этом, по довоенным планам, 1941 год должен был стать временем расцвета для всех музыкальных учреждений г. Сталино, что резко контрастировало с наступившими суровыми реалиями.

Цель данной статьи – на основе анализа архивных документов исследовать деятельность театров г. Сталино (современный Донецк) в 1941–1945 гг.

Длительное время театральная жизнь города обеспечивалась преимущественно силами гастролирующих коллективов. Постоянный оперный театр был учрежден в 1932 г. в Ворошиловграде на основе передислоцированного Винницкого передвижного оперного театра. Возведение специального театрального здания по проекту архитектора Л. Котовского было начато в 1936 г.

Создание музыкального театра в Сталино явилось событием глубоко символическим. В дореволюционном Донбассе стационарных театральных сооружений не существовало вовсе. Артисты гастролирующих трупп, время от времени появлявшиеся в рабочих поселках, подвергались систематическим ограничениям и притеснениям со стороны полицейских чинов и промышленников. Ни о какой организованной художественной самодеятельности местного населения в тот период говорить не приходилось.

В беседе с журналистом издания «Социалистический Донбасс» художественный руководитель музыкального театра И. М. Лапицкий ознакомил публику с ближайшими планами коллектива. Он сообщил, что по решению областного исполкома Донецкий русский музыкальный театр начинает свою работу 12 апреля 1941 г. Торжественное открытие планируется отметить постановкой оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин». Уже 14 апреля зрителям будет представлена музыкальная комедия «Маскотта» Одрана. К концу апреля театр подготовит третью премьеру – оперу Ш. Гуно «Фауст», а в начале мая на сцене появится «Золотой петушок» Н. А. Римского-Корсакова [1, с. 4].

История Сталинского академического украинского музыкально-драматического театра восходит к 1927 г. Его первым местом основания был Харьков, где он начал свою деятельность как передвижной украинский рабочий театр. Основателем и первым художественным руководителем коллектива стал режиссер А. Д. Захаров, выпускник школы Московского художественного театра (МХАТ). Уже с 1928 г. руководство перешло к известному режиссеру В. С. Василько, впоследствии получившему звание народного артиста СССР. В г. Сталино театр открыл свой первый сезон 7 ноября 1933 г. постановкой пьесы «Бастилия божьей матери», которая впервые в Советском Союзе была представлена именно на сцене в столице Донбасса [2, с. 7].

Своим самобытным и насыщенным репертуаром Сталинский академический украинский музыкально-драматический театр уже в первые годы работы завоевал признание и вошел в число ключевых театральных коллективов Украинской ССР. Ядро труппы в начальный период составляли такие актеры, как Г. Чайка, Л. Гаккебуш, Ю. Разумовская, В. Добровольский, В. Грипак и Д. Лазуренко, а также режиссеры М. Смирнов и П. Ковтуненко.

В январе 1941 г. в Сталино планировалось проведение театрального фестиваля для передовиков машинно-тракторных станций. 60 лучших стахановцев должны были приехать в город, чтобы увидеть на сцене Сталинского драматического театра ключевые произведения советской драматургии: «Аристократы» Н. Погодина, «Гибель эскадры» и «Платон Кречет» А. Корнейчука, «Егор Булычев» М. Горького и др.

В мае 1941 г. Сталинский академический украинский музыкально-драматический театр уехал на гастроли – сначала в Мариуполь, а затем в г. Осипенко. Тем временем в самом Сталино летний театральный сезон был насыщенным и разнообразным. В июне жителям города представил свои работы орденоносный Малый театр, считавшийся одним из лучших в стране. За время гастролей было показано 25 спектаклей, среди которых – «Евгения Гранде», «Стакан воды», «На бойком месте», «Женитьба Белугина», «Без вины виноватые» и «Бешеные деньги». В июле на сцене в Сталино выступил Харьковский театр юного зрителя. В его программу вошли такие постановки, как «Голубое и розовое», «Из искры», «Красная шапочка», «Снежная королева», «В доме № 5» и «Иван Телесик». В августе гастроли продолжил Ленинградский театр драмы и комедии, представивший спектакли «Анна Каренина», «Кто смеется последним», «Уриэль Акоста» и «Последняя жертва» [3, с. 2].

Жизнь в главном городе шахтерского региона резко изменилась с приходом октября 1941 г. Начавшаяся 22 июня война быстро достигла г. Сталино, к осени город был захвачен врагом. Информации о буднях горожан в оккупации почти не сохранилось, поскольку отступавшие немецкие власти уничтожали документы. Единственным источником сведений является газета «Донецкий вестник», издававшаяся оккупантами с 23 ноября 1941 г. [4, с. 2].

Несмотря на организованную эвакуацию, часть жителей и учреждений не успела покинуть город. С приходом захватчиков повседневная жизнь не остановилась, но людям пришлось существовать в непривычных и тяжелых условиях.

В ноябрьском выпуске «Донецкого вестника» в статье «Сектор эстрады» сообщалось о регистрации артистов в городе (в тексте использовалось старое название – Юзовка). Всего зарегистрировали 40 чел.: певцов, музыкантов, чтецов, циркачей и других исполнителей. Оккупационные власти, отрицая все советское, заявляли, что «культурное проведение досуга» – посещение концертов, прослушивание радио, просмотр кино – является естественным правом каждого. Они представляли удовлетворение этих «культурных потребностей» как основу «нормальной, полноценной жизни» [5, с. 4].

Следующей мерой оккупантов стала подготовка ко всеобщей переписи населения на декабрь 1941 г. Для этого при Городской управе создали статистическое бюро. Собранные данные передавались в адресное бюро, а сама перепись преподносилась как необходимое условие для «восстановления производственных и материальных ресурсов города».

30 ноября 1941 г., перед началом постоянных выступлений, Юзовский украинский музыкально-драматический театр провел большой концерт для немецких военных местного гарнизона. Программа была насыщенной: выступали солисты, оркестр, хор и танцевальная группа театра. Также участвовали ансамбль русской народной песни под руководством Пышкиной, ансамбль домр Жи-

ленко, артисты эстрады – музыканты Сычев и Миргородский, танцор Значков, эквилибрист Калганов и др. [6, с. 14].

На страницах газеты «Донецкий вестник» неоднократно появлялись объявления о приеме заявок для организации концертов от воинских частей, клубов, дворцов культуры и школ. И в связи с этим ряд артистов Юзовского украинского музыкально-драматического театра в это же время отправились для обслуживания солдат германской армии на линии фронта. В эту отправленную бригаду входили – Бойко, Ярославской, Сысоенко, Глуховых, Ткаченко и др. [7, с. 1].

5 февраля 1942 г. со своеобразных гастролей вернулась бригада артистов музыкально-драматического театра. За 10 дней бригадой проведено 17 концертов. Сразу по возвращению в город артисты начали репетиции оперы «Катюша». Стационарная работа театра была возобновлена 15 февраля. Параллельно шла подготовка к премьере одноактного фольклорно-музыкального этюда «Вечерницы» и опере «Русалка». Коллектив театра полностью погрузился в рабочую атмосферу, работая на износ, чтобы удовлетворить культурные потребности жителей города. Уровень игры был высокого качества, но чувствовалась потребность в костюмах и декорациях. Почти все декорации были вывезены вместе с эвакуированной частью коллектива театра в Казахскую ССР.

Материальное положение артистов оперного театра в оккупированном городе было крайне тяжелым. Помимо основной заработной платы, они получали скудный продовольственный паек. Согласно нормам, установленным оккупационными властями, артист получал в день 210 г хлеба, 5 г жиров и 50 г мяса, а певец хора – и того меньше: 100 г хлеба, 100 г чая, 100 г крупы и 20 г мяса. Этих продуктов категорически не хватало для полноценного существования, и к середине 1943 г. на свою зарплату артисты уже почти ничего не могли приобрести. В качестве поощрения иногда выдавались карточки на посещение театрального буфета, однако качество и свежесть блюд, приготовленных из продуктов низкого качества, оставляли желать лучшего. Чтобы выжить, артистам приходилось ездить за продуктами в близлежащие села, что требовало специального разрешения властей.

Трудовая дисциплина в театрах на оккупированной территории была подчинена почти военным порядкам. Каждый рабочий день начинался с обязательной переклички с использованием персональных номерных жетонов, которые отмечались на табельной доске. Любые нарушения – будь то опоздания, прогулы, курение в запрещенных местах, использование электроприборов или появление на работе в нетрезвом состоянии – скрупулезно фиксировались в специальных ведомостях и заносились в табель. Зарплата выплачивалась только после утверждения этого документа, а за проступки следовали жесткие санкции: денежные штрафы, лишение продовольственного пайка на несколько дней, понижение в должности или увольнение с передачей документов на биржу труда, что часто означало принудительную отправку на работы в Германию.

Поездка в Германию в составе творческой делегации считалась привилегией, но для этого требовалось не только высокое профессиональное мастерство, но и безупречное личное дело. Каждый сотрудник театра заполнял подробную анкету («Личный листок»), где указывались национальность, социальное происхождение, партийная принадлежность и другие данные. Эти сведения тщательно проверялись Персональным отделом городской управы для определения степени «благонадежности».

С 1 января 1943 г. оперный театр был передан в прямое подчинение военному командованию в связи с приближением линии фронта и необходимостью усиления контроля. Зимой 1943 г. советские войска находились в 20 км от города, что заставило немецкое командование рассматривать вопрос об эвакуации, однако к весне фронт стабилизировался и отодвинулся на 100–120 км [8, с. 4].

В конце января 1942 г. театр эстрады и миниатюры начал подготовку к постановке водевиля «Приемный день» И. К. Лысенко-Коныч и скетча «Влюбленная пара» Г. Дроздова [9, с. 4].

12 февраля 1942 г. в газете «Донецкий вестник» была напечатана «Вторая программа театра миниатюр». Традиционно считается, что зритель лучше всего запоминает, воспринимает первое и последнее выступление на сцене [10, с. 3].

В репертуаре театра доминировала эстрада, хотя изредка ставились и одноактные пьесы Чехова. Эти спектакли основывались преимущественно на текстовом материале, поскольку, как уже упоминалось, театр испытывал острый недостаток в декорациях и костюмах. Именно поэтому такие произведения, как «Юбилей» и «Медведь», не снискали широкой популярности у городской публики.

После продолжительных творческих поисков театр перешел к постановке оперетт, которые были соответствующим образом адаптированы с учетом ограниченных условий существования коллектива.

С 1 по 31 декабря в Юзовском театре эстрады и миниатюр, незадолго до этого переименованном в «Пеструю сцену», состоялись юбилейные представления. В честь годовщины создания этого театра оккупационными властями в газете «Донецкий Вестник» была опубликована обширная статья, посвященная его истории. Инициатором создания театра эстрады и миниатюр выступил Евгений Крюков. Первым шагом стало формирование эстрадного сектора при Юзовской опере, куда вошли оставшиеся в городе артисты эстрады и цирка. К юбилейной дате «Пестрая сцена» подготовила украинскую музыкальную комедию в четырех действиях, поставленную режиссером Левченко [11, с. 4].

Столица Донбасса – г. Сталино – была освобождена 8 сентября 1943 г. в ходе тяжелых и кровопролитных боев. Однако мирная жизнь восстанавливалась не сразу. Отступая, немецко-фашистские захватчики целенаправленно уничтожали городскую инфраструктуру, оставив после себя практически сплошные руины. Возвращавшимся из эвакуации учреждениям приходилось крайне трудно: они были вынуждены работать в помещениях, мало приспособленных для их деятельности, используя любые частично уцелевшие здания вместимостью около 350 мест. Например, Мариупольский драматический театр, возобновив-

ший работу еще в сентябре 1943 г., разместился в здании бывшего магазина «Гастроном» [12, с. 148], поскольку его собственное здание было разрушено. Аналогичная ситуация сложилась и в Сталино.

Сталинский государственный украинский музыкально-драматический театр (имени Артема) вместе со Сталинским музыкальным театром вернулись в освобожденный город в январе 1944 г. Находясь в эвакуации, театр не только сохранил основные кадры, но и пополнил труппу рядом высококвалифицированных актеров. Его собственное здание было разрушено, в то время как помещение Музыкального театра уцелело. В результате театру имени Артема пришлось разместиться там на правах аренды. Оказавшись в стесненных условиях, руководство обоих коллективов пошло на компромисс, сократив репертуар. Было согласовано, что театр имени Артема будет давать по 14 спектаклей в месяц. В его январскую программу 1944 г. вошли постановки: «Ой, не ходи, Грицю», «Наталка Полтавка», «Жди меня», «Подвязка Лукреции» и «Концерт» [13, с. 15]. Планировалось, что посещаемость достигнет максимума – 14 088 зрителей за все 14 спектаклей, а общий доход театра за январь должен был составить 160 014 руб. [14, с. 14].

К предстоящему сезону 1944 г. руководство театра имени Артема подготовило детальный финансовый план, включавший как доходную, так и расходную части. Ожидалось, что общая выручка театра за сезон составит 2 651 680 руб., что позволило бы полностью покрыть все запланированные расходы. Сумма необходимых затрат оценивалась в 1 184 764 руб.

Административно-хозяйственные расходы были распределены по нескольким статьям. На приобретение канцелярских и бухгалтерских принадлежностей ежемесячно выделялось 200 руб., а на почтово-телеграфные услуги и междугороднюю связь – 250 руб. В годовом исчислении общая сумма канцелярских расходов составляла 5400 руб.

Отдельной строкой в бюджете были предусмотрены средства для гастрольных поездок в Киев и Москву. На эти цели выделялось 920 руб., куда входила оплата железнодорожных билетов, суточные и квартирные расходы для сотрудников, направляемых в командировки [15, с. 30].

Для достижения запланированных доходов театр активно инвестировал в рекламу. Ежемесячно размещалось 15 объявлений стоимостью 50 руб. каждое, что в месяц составляло 750 руб., а за год – 9 тыс. руб. Радиореклама обходилась несколько дороже – 9600 руб. в год. Кроме того, значительные суммы выделялись на полиграфическую продукцию: афиши, фотографии для витрин, а также на изготовление стендов и рекламных щитов – всего 43 600 руб.

Театр также вел активную социальную работу, регулярно организуя концерты для детей фронтовиков. Подтверждением такой деятельности служит, например, расписка кассира театра М. Ф. Магальченко о выделении 771 билета на концерт 14 февраля 1944 г. общей стоимостью 12 632 руб. Средства на подобные мероприятия выделялись из городского бюджета и носили регулярный характер [16, с. 39].

Что касается ценовой политики, то билеты на вечерние спектакли были как минимум на 3 руб. дороже, чем на утренние. Несмотря на более низкую стоимость, утренние представления пользовались меньшим спросом, поскольку основная часть горожан была занята на работе в дневное время. В случае стопроцентной заполняемости зала театр мог бы получить максимальный доход в размере 33 056 руб. [17, с. 134].

По итогам отчетного 1944 г. Сталинский государственный украинский музыкально-драматический театр имени Артема отработал 308 дней в соответствии с утвержденным планом. За этот период было дано 169 вечерних спектаклей на стационаре, что на 18 представлений превысило плановые показатели. Такое количество постановок стало возможным ввиду вынужденной работы в арендованном помещении, которое театр делил с музыкальным коллективом, чередуя дни выступлений.

В целом за год по количеству спектаклей план был перевыполнен на 107,7 % (237 вместо запланированных 220). Однако по посещаемости план оказался недовыполнен на 6,3 % (фактически 68,7 % при плановых 75 %). Что касается финансовых сборов, здесь также наблюдается недовыполнение на 3,5 %: при плане в 2 651 700 руб. фактически было собрано 2 564 200 руб. Снижение показателей заполняемости зала и сборов объясняется периодом организационной перестройки театра и корректировкой репертуара [18, с. 16].

Новый сезон 1945 г. начался с плановой проверки соблюдения финансово-сметной дисциплины театра за период с января 1944 по январь 1945 г. В ходе проверки было установлено, что сотрудники приобретали необходимые товары на частном рынке. Согласно авансовому отчету за апрель, были оплачены чернильный прибор за 300 руб. и этажерка за 100 руб. Кроме того, были куплены пять полумягких стульев за 1 тыс. руб., два мягких кресла за 800 руб. и еще один набор для письма за 1100 руб. [19, с. 24].

Помимо этих трат, руководство театра выделяло в среднем по 5 тыс. руб. на создание музыкального сопровождения для новых и капитально восстановленных постановок. За пять новых композиций было уплачено 25 тыс. руб. На изготовление аппаратуры и приспособлений для звуковых, шумовых и световых эффектов в среднем выделялось 2 тыс. руб. на постановку, что за 10 спектаклей составило 20 тыс. руб. Значительно больше – 55 тыс. руб. – было затрачено на приобретение бутафории для 10 новых постановок. Расходы на рекламу по сравнению с 1944 г. снизились: изготовление 20 рекламных щитов обошлось в 200 руб., а расклейка афиш за 11 месяцев – в 2200 руб. Отдельной статьей расходов были выделены 7280 руб. на лекции по повышению квалификации сотрудников.

В это же время Музыкальный театр, также вернувшийся в январе 1944 г., готовил документацию для утверждения плана доходов и расходов на 1944 и 1945 гг. Бухгалтерия театра прогнозировала доход в размере 2 532 200 руб., исходя из фактических сборов за три месяца работы, составивших 659 400 руб. Предполагалось, что театр будет работать только шесть месяцев из семи, поскольку один

месяц отводился на подготовку к осенне-зимнему сезону [20, с. 5].

В расходной смете театра были предусмотрены средства на курсы повышения квалификации для артистов. Ежемесячно на обучение штатного состава выделялось 6520 руб. Всего за три месяца на курсах прошли подготовку 289 чел., общая стоимость обучения составила 19 560 руб. Директор театра Камшилов регулярно направлял сотрудников на занятия, наибольшее количество артистов посещало балетные курсы, курсы актерского мастерства, ритмики и пластики, меньше – занятия по вокалу.

В целом сезон 1944 г. для Музыкального театра оказался успешным. За это время была практически полностью восстановлена деятельность, прерванная эвакуацией 1941 г.: ставились новые спектакли, проводились благотворительные концерты, велась подготовка к совместным проектам.

На 1945 год театр планировал получить доход в размере 2 782 000 руб. при расходной части в 4 630 000 руб. В расходы были включены затраты на заработную плату, командировки, административно-хозяйственные нужды, текущий ремонт и прочие статьи. На новые и капитально восстановленные постановки было выделено 750 тыс. руб. Сумма, указанная в отчете, отличается от сметной из-за переноса части затрат на следующий год, а также включения некоторых расходов в другие сметные документы [21, с. 318].

На основе изучения материалов Государственного архива ДНР можно сделать комплексные выводы о судьбе театров Сталинской области в тяжелый период 1941–1945 гг.

История театральной жизни региона в эти годы прошла через три радикально различных этапа, каждый из которых раскрывает ее уникальную роль и уязвимость. Предвоенный 1941 год стал временем культурного расцвета Сталино, кульминацией целенаправленной политики 1930-х гг. по преодолению дореволюционной провинциальной отсталости Донбасса. Открытие новых сцен, амбициозные премьерные планы и гастроли столичных коллективов свидетельствовали о превращении промышленного гиганта в значимый культурный центр. Культура была немедленно поставлена на службу целям оккупационной администрации, превратившись в инструмент пропаганды и создания иллюзорной «нормальности».

Анализ архивных документов позволяет сделать вывод, что театры в оккупационный период функционировали как милитаризованные предприятия с жесткой дисциплиной, табельным учетом и системой штрафов. Материальное положение артистов, существовавших на скудные, граничащие с голодом пайки, было катастрофическим. В этих условиях сама возможность работать в театре становилась не актом свободного творчества, а стратегией физического выживания и хрупкой гарантией от угона на принудительные работы.

Наиболее показательным аспектом исследования стало выявление механизмов почти немедленного возрождения театральной жизни после освобождения города в сентябре 1943 г. Несмотря на тотальные разрушения, необходимость делить одно уцелевшее здание и острый дефицит всего – от декораций до костюмов – театры продемонстрировали феноменальную организационную и экономическую гибкость. Детальный анализ финансовой отчетности, смет и плановых показателей театров имени Артема и Музыкального театра показывает, как в условиях послевоенной разрухи коллективы выстраивали сложные модели хозяйственной деятельности. Они скрупулезно планировали доходы от сборов, распределяли расходы на новые постановки, рекламу и даже курсы повышения квалификации артистов. Это стремление к организационной самодостаточности и плановому развитию стало ключевым фактором не просто выживания, а профессионального сохранения в крайне неблагоприятной среде.

Важнейшим выводом является понимание роли театров в процессе духовной реабилитации общества. С момента освобождения их деятельность вышла за рамки чисто эстетических, приобретя глубокую социальную значимость. Благотворительные концерты для детей фронтовиков, активное взаимодействие со зрителем, репертуар, сочетавший национальную классику и современную драматургию, – все это работало на восстановление психологической ткани города. Театры стали не очагами развлечения, а пространствами символического «возвращения к жизни», дававшими эмоциональную опору и утверждавшими победу культуры над смертью и разрушением.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Социалистический Донбасс. – 1941. – № 86. – 12 апреля. – С. 4.
2. Степкин, В. Первый театр города Сталино: [Донецкий академический музыкально-драматический театр – история] / В. Степкин; записала Л. Лях // Донецкий кряж. – 2011. – 23–29 сентября (№ 35).
3. Социалистический Донбасс. – 1941. – № 81.– 4 апреля. – С. 2
4. Донецкий вестник. – 1941. – № 1. – 22 ноября. – С. 2.
5. Донецкий вестник. – 1941. – № 5. – 30 ноября. – С. 4.
6. Суббота-Акцент. – 2011. – № 24. – 14 июня. – С. 14.
7. Донецкий вестник. – 1942. – № 12. – 8 февраля. – С. 1.
8. Донецкий вестник. – 1942. – № 3. – 4 января. – С. 4.
9. Донецкий вестник. – 1942. – № 7. – 22 января. – С. 4.
10. Донецкий вестник. – 1942. – № 13. – 12 февраля. – С. 2.
11. Донецкий вестник. – 1942. – № 96. – 27 ноября. – С. 4.
12. Карпенко, Р. Живая летопись Донецкой муздрамы / Р. Карпенко, Н. Крамар // Донецкое время. Время выбрало нас. – 2016. – С. 148.
13. Освободителям Донбасса посвящается: [к 75-летию со дня освобождения Донбасса от немецко-фашистских захватчиков]. – Донецк: Брэнд, 2018. – С. 15.
14. Государственный Архив Донецкой Народной Республики (ГАДНР). Ф. Р6417. Оп. 1. Д. 5 Л. 14.
15. ГАДНР. Ф. Р6417. Оп. 1. Д. 5. Л. 30
16. ГАДНР. Ф. Р6417. Оп. 1. Д. 5. Л. 39.
17. ГАДНР. Ф. Р6417. Оп. 1. Д. 7. Л. 134.
18. ГАДНР. Ф. Р4982. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.
19. ГАДНР. Ф. Р6417. Оп. 1. Д. 7. Л. 24.

20. ГАДНР. Ф. Р4800. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.
21. ГАДНР. Ф. Р6417. Оп. 1. Д. 7А. Л. 318.

References

1. Socialisticheskii Donbass [Socialist Donbass]. , 1941. – No. 86. – April 12. – P. 4.
2. Stepkin, V. Pervii teatr goroda Stalino [The first theater of the town of Stalino: (Donetsk Academic Music and Drama Theater – history)] / V. Stepkin. – Donetsk Ridge. – 2011. – September 23–29 (No. 35).
3. Socialisticheskii Donbass [Socialist Donbass]. - 1941. – No. 81. – April 4. – P. 2.
4. Donetskii Vestnik [Donetsk Bulletin]. - 1941. – No. 1. – November 22. – P. 2.
5. Donetskii Vestnik [Donetsk Bulletin]. - 1941 – No. 5. – November 30. - P. 4.
6. Subbota-Akcent [Saturday – Accent]. - 2011. – No. 24. – June 14. – P.14.
7. Donetskii Vestnik [Donetsk Bulletin]. , 1942. – No. 12. – February 8– P. 1.
8. Donetskii Vestnik [Donetsk Bulletin]. - 1942. – No. 3. – January 4. – P.4.
9. Donetskii Vestnik [Donetsk Bulletin]. - 1942. – No. 7. – January 22. – P. 4.
10. Donetskii Vestnik [Donetsk Bulletin]. - 1942. – No. 13. – February 12. – P.2.
11. Donetskii Vestnik [Donetsk Bulletin]. - 1942. – No. 96. – November 27. – P.4.
12. Karpenko, R. Zhivaya letopis' Doneckoi muzdramy [The living chronicle of Donetsk Musical Drama Theatre] / R. Karpenko, N. Kramar / Donetsk time. Time has chosen us. – 2016. – P. 148.
13. Osvobozhdeniyu Donbassa posvyaschaetsya [Dedicated to the liberators of Donbass [to the 75th anniversary of the liberation of Donbass from the Nazi invaders] / Ministry of Culture of the DPR. – Donetsk: Brand. – 2018. – P. 15.
14. Gosudarstvennii arhiv Donetskoi Narodnoi Respubliki [State Archive of the Donetsk People's Republic]. F. P6417. Op.1. D.5. L. 14.
15. Ibid. F. P6417. Op.1. D.5. L. 30.
16. Ibid. F. P6417. Op.1. D.5. L. 39.
17. Ibid. F. P6417. Op.1. D.7. L.134.
18. Ibid. F. P4982. Op.1. D.2. L. 16.
19. Ibid. F. P6417. Op.1. D.7. L. 24.
20. Ibid. F. P4800. Op.1. D.1. L. 5.
21. Ibid. F. P6417. Op.1. D. 7A. L. 318.

Благодарность (госзадание):

Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Acknowledgement (state task):

The publication was prepared within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS.

Информация об авторе:

Щевич Кристина Сергеевна – старший преподаватель кафедры истории России Донецкого государственного университета; ORCID: 0009–0004–8196–1328, SPIN-код: 2776-5596 (283001, Российская Федерация, Донецкая Народная Республика, г. Донецк, ул. Университетская, д. 24; e-mail k.shchevich@mail.ru).

Author:

Kristina S. Shchevich – Senior Lecturer at the Department of Russian History, Donetsk State Univ.; ORCID: 0009–0004–8196–1328, SPIN-code: 2776-5596 (24, Universitetskaya st., Donetsk 283001, Donetsk People's Republic, Russian Federation; e-mail: k.shchevich@mail.ru).

Для цитирования:

Щевич, К. С. Деятельность театров Сталинской области в 1941 – 1945 годы: проблемы и достижения (по материалам Государственного архива Донецкой Народной Республики) / К. С. Щевич // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 3 (88). – С. 109–114.

For citation:

Shchevich, K. S. Theater activities in the Stalino Region in 1941-1945: problems and achievements (based on materials of the State Archive of the Donetsk Peoples' Republic) / K. S. Shchevich // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2026. – No. 3 (88). – P. 109–114.

Дата поступления статьи: 30.12.2025
Прошла рецензирование: 26.01.2026
Принято решение о публикации: 30.01.2026
Received: 30.12.2025
Reviewed: 26.01.2026
Accepted: 30.01.2026

УДК 930.2
DOI 10.19110/1994-5655-2026-3-115-118

«…Не знаю, что будет со мной впереди» (тыловой дневник Лосева И. А.)

Морозова Е. И.

Национальный музей Республики Коми,
г. Сыктывкар
ele69085328@yandex.ru

Аннотация

В статье рассказывается о тыловом дневнике Лосева Ивана Андреевича, переданном в Национальный музей Республики Коми в 2020 г. Дневник представляет собой листочки бумаги разного цвета и размера, на которых мелким почерком карандашом и чернилами записаны даты и описаны моменты личной жизни. Иван Андреевич пишет о своих переживаниях за семью, оказавшуюся в годы Великой Отечественной войны в Сыктывкаре, в то время как он вместе с заводом ЗИС был эвакуирован в Ульяновск, бытовой неустроенности и болезни, закончившейся смертью автора дневника.

Ключевые слова:

эвакуация, дневник, письмо, переживание, семья, болезнь

"…I don't know what will happen to me in the future" (I. A. Losev's rear diary)

Morozova E. I.

National Museum of the Komi Republic,
Syktyvkar
ele69085328@yandex.ru

Abstract

The paper tells about the rear diary of Ivan Andreevich Losev, transferred to the National Museum of the Komi Republic in 2020. The diary consists of pieces of paper of different colors and sizes, on which dates and moments of his personal life are written in small handwriting, pencil and ink. Ivan Andreevich writes about his feelings for his family, who found themselves in Syktyvkar during the Great Patriotic War, while he and the ZIS factory were evacuated to Ulyanovsk, his domestic disorder and illness, which ended with the death of the author of the diary.

Keywords:

evacuation, diary, letter, experience, family, illness

Опыт фронтового поколения Великой Отечественной войны (1941–1945) является для нас особо значимым в силу того, что это было поколение победителей, которое не только отстояло независимость собственного Отечества, но и остановило фашизм в мировом масштабе.

Историки говорят: «Война на всех одна, но у каждого своя». Та, которую прошли они, фронтовики и труженики тыла, с их переживаниями, миропониманием, страхами и мечтами. Своей памятью.

В 2024 г. в Национальном музее Республики Коми была открыта выставка «Человек на войне». Ее главными экспонатами стали дневники, которые вели наши земляки в годы войны. Сам факт сохранения этих редких документов – личных свидетельств той войны, уже является уникальным.

Официального запрета на ведение дневника в годы войны не существовало, однако «нежелательность» их ведения объясняли «на местах». Дневник невольно мог рассказать о запретном. И речь идет даже не о секретных данных. Порой даже информация о настроении писавшего могла быть использована противником в пропагандистских целях.

Среди представленных на выставке дневников выделялся один. Он не был фронтовым. Он тыловой. Его автор – Иван Андреевич Лосев, вел записи с 7 августа 1941 г. по 25 мая 1942 г.

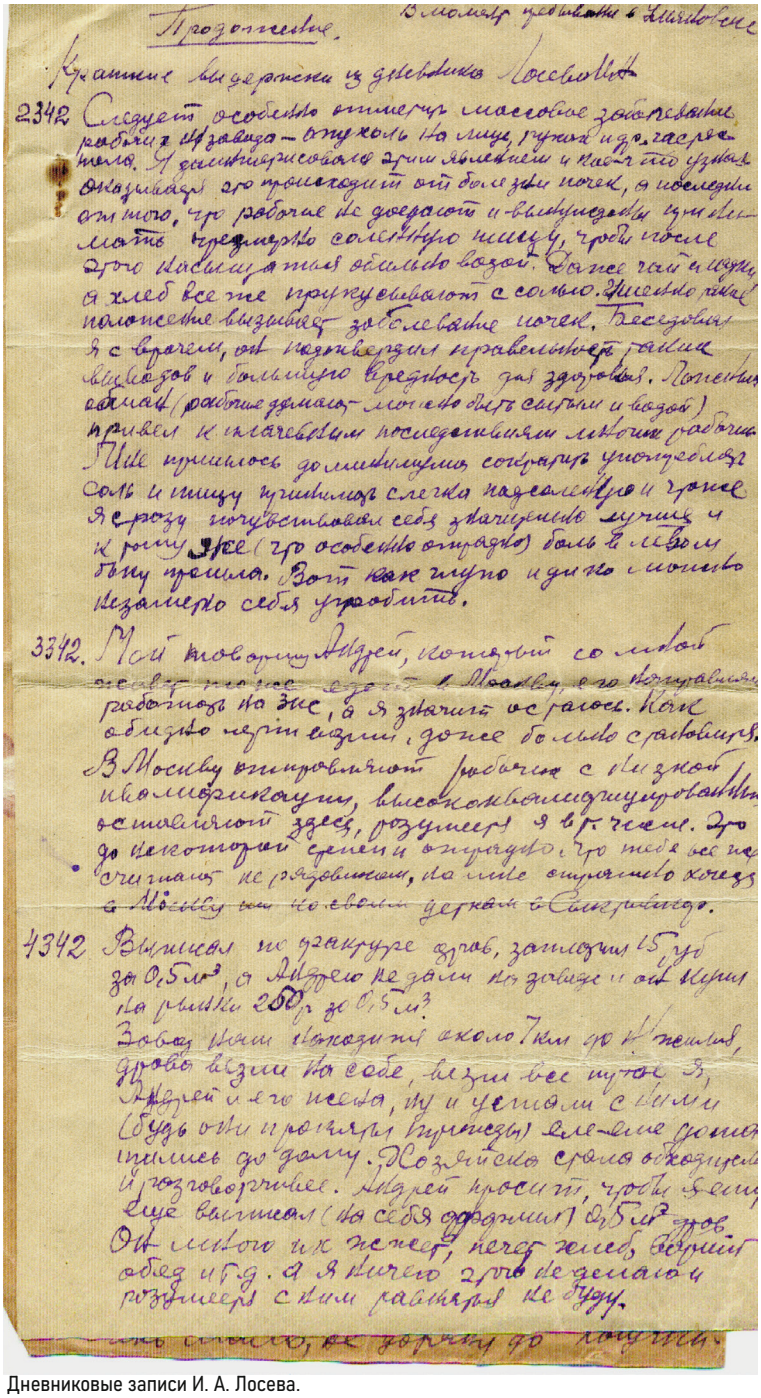
Собственно говоря, дневник нетипичен. Ни записная книжка, ни тетрадь. Разного цвета и размера листочки бумаги, на которых мелким почерком записаны даты и описаны моменты личной жизни человека. Они сохранились чудом, лишь потому, что автор отправлял их родным в г. Сыктывкар.

Иван Андреевич Лосев родился в 1904 г. в с. Левинка Тульской губернии. С Коми краем судьба связала его в 1930 г., когда он был отправлен по линии ЦК ВКП (б) на руководящую партийную работу. Работал секретарем Сторожевского райкома партии, секретарем горкома ВКП (б) в г. Сыктывкаре. Некоторое время Иван Андреевич руководил Нювчимским чугунолитейным заводом.

В 1936 г. Лосев окончил Институт хозяйственников (Москва), курс промакадемии им. Когановича. Работал на машиностроительном заводе имени Сталина инженером-конструктором.

В канун войны, 19 июня 1941 г., супруга И. А. Лосева Евдокия Михайловна (в девичестве Мишарина) с детьми выехала на каникулы на свою родину, в Сыктывкар.

Известие о начале Великой Отечественной войны застало их в г. Котласе. Первым желанием было вернуться обратно. Но затем Евдокия Михайловна решила привезти детей в Сыктывкар.

Дневниковые записи И. А. Лосева.
Diary entries of I. A. Losev.

Из дневника И. А. Лосева (орфография и пунктуация сохранены):

«Здравствуй, моя родная семья – Дуся, дочка Эмусик и сынок Вовусик!!! Дуся, получил письмо твое, писанное 7/VII. Оно шло ровно месяц, в котором ты писала о приезде в Москву «будь, что будет». Но позже я получил телеграмму, уведомляющую о зимовке вашей в Сыктывкаре. Телеграмма меня успокоила в это опасное время. Да, Дуся, тебе придется перезимовать там. Устраивайся на работу в какую-либо школу, устрой и деток на учебу и живите себе на доброе здоровье. Про себя же можно выразиться одним словом – не знаю, что будет со мной впереди…» [1, с. 18].

Уже в первые месяцы Великой Отечественной войны началась масштабная эвакуация оборонных заводов в тыл, перемещение огромного количества людей (около 10 млн чел.). Иван Андреевич Лосев вместе с заводом ЗИС был эвакуирован в г. Ульяновск [2, с. 304].

Срочность эвакуации приводила на новом месте к множеству проблем с размещением людей, обеспечением их продовольствием, топливом, водой. В тяжелейших условиях, без должной бытовой устроенности, человек в тылу трудился по 10–11 часов, сверхурочно, отдавая последние силы, чтобы снабдить фронт всем необходимым. Эвакуация завода производилась в октябре-ноябре 1941 г. Первый эшелон с оборудованием прибыл из Москвы в Ульяновск 30 ноября 1941 г. [3, с. 23].

Из дневника Ивана Андреевича:

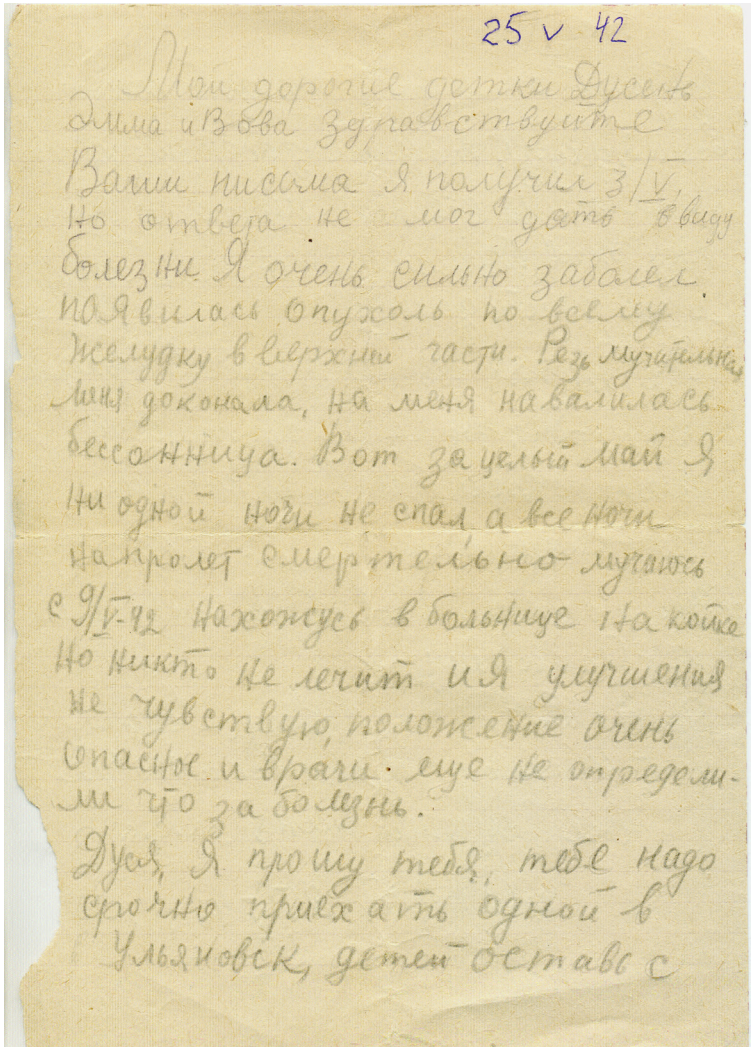
«5/XII-41 г., г. Ульяновск, ст. Киндяковка.

Утром поднялся рано, спать почему-то не хотелось, а в комнате холодно слишком; сплю на полу, койки нет, вернее, она была, но хозяин взял для себя; так что сплю на полу, не мешаю никому. Настроение, а отсюда и самочувствие, паршивое…» [1, с. 19].

«Хозяйка требует дров, покупай по 350–400 рублей м 3., и баста <…> Белье не стиранное, и нечем стирать, нет мыла. Ходил в столовую, канальи совсем не приготовили ничего, так и пошел спать «на чистый желудок…» [там же, с. 27].

Еще одним испытанием для Ивана Андреевича стало отсутствие писем от родных. И каждое письмо из Сыктывкара доставляло большую радость: «22/XII.41. Ба! Радости мне привалило! При очередном посещении почтамта я получил письмо от Дуси и детей. Как я рад этому долгожданному письму! Признаюсь, от радости я не заметил, как смахнул слезу; тут же на почтамте сел и залпом трижды прочитал. Бегом на квартиру скорей, скорей писать ответ…» [там же, с. 25].

О семье Иван Андреевич думает постоянно: «30/XII.41 <…> Работал хорошо, долго задержался <…> Вечером заходил в промтоварный магазин ЗИС, взял для себя 2 пары носков и для Вовы две пары, для Маргариты две пары, а для Эммы и Дусени нет, очень жаль…». Любовь к детям, тоска по ним проходит почти через каждую запись дневника: «…Что-то нет писем от деток моих. Хочется знать о них чуть ли не ежедневно, как соскучился по ним я! Ах, дети мои, дети! Когда же я увижу вас, наконец? Когда же я прижму вас к груди своей? Как томительно-грустно терпишь и переносишь разлуку с детьми. Я часто вспоминаю тот день, когда я детишек своих целый день водил по ЦПКиО им. Горького. Это было 17 июня 1941 г., а 19-го они уехали в Сыктывкар. Мое сердце чувствовало, что детки уезжают от меня на долго-долго, и я все отставил, все свои дела, и этот памятный

25 V 42

Мои дорогие детки Дусень
Эмма и Вова здравствуйте
Ваши письма я получил 3/V
но ответа не мог дать в виду
болезни. Я очень сильно заболел
появилась опухоль по всему
желудку в верхней части. Резь мучительная
меня доконала, на меня навалилась
бессонница. Вот за целый май я
ни одной ночи не спал а все ночи
напролет смертельно мучаюсь
с 9/V-42 нахожусь в больнице на койке
но никто не лечит и я улучшения
не чувствую, положение очень
опасное и врачи еще не определи-
ли что за болезнь.
Дуся, я прошу тебя, тебе надо
срочно приехать одной в
Ульяновск, детей оставь с

Последнее письмо жене от 5 мая 1942 года.
Last letter to the wife, dated May 5, 1942.

день целиком посвятил деткам. Я их катал на колесе смеха, на колесе обозрения, на карусели, на лодке по озеру, покупал им много мороженого, печенья и конфет – вообще, все то, что детки требовали. Я охотно удовлетворял их желания, и они были чрезмерно рады, и я остался доволен по сей день, хотя заслужил порицание от Дусени, когда приехали мы домой поздно. Удастся ли еще когда-либо провести так время с детками в Москве? Трудно предсказать, а хорошо было бы, если бы это снова повторилось» [там же, с. 27].

В январе 1942 г. Лосев заболел, о чем записал в дневниковых записях так: «18.1.42. Что-то чувствую себя скверно, тошнит сильно, а голову ломит, словно с перепоя. Простыть дело нехитрое, но как будто вел себя осторожно. Незаметно остываешь ночью во время сна, когда в квартире, как в хлеву, и сползает пальто (покрываюсь поверх одеяла). Пойду к врачу, дело неважное. Был на почтамте, и с пустым носом все. Караул! Где мое письмо от семьи?» [там же, с. 33].

На заводе болели многие. Иван Андреевич пытался проанализировать ситуацию: «2.3.42. Следует особенно отметить массовое заболевание рабочих нашего завода – опухоль на лице, руках и других частях тела. Я заинтересовался этим явлением и кое-что узнал. Оказывается, это происходит от болезни почек, а последнее оттого, что рабочие недоедают и вынуждены принимать чрезмерно соленую пищу, чтобы после этого насыщаться обильно водой. Даже чай сладкий, а хлеб все же прикусывают с солью. Именно такое положение вызывает заболевание почек...» [там же, с. 43].

Записи о работе короткие. Это и понятно, завод оборонный. Здесь выпускались довоенные ЗИС-5, его военный вариант ЗИС-5В «Захаров», на шасси которого устанавливались установки залпового огня – «Катюши». О выпускаемой продукции Иван Андреевич говорит образно: «На партсобрании директор завода Иван Алексеевич Лихачев требовал не сборки, выпуска и производства, а требовал «дать машину», а партсобрание пообещало в ближайшее время доделать машину <...> 11.2.42. На производстве все в порядке, работа подвигается успешно, скоро начнем давать на поля сражений свою грозную смертоносную машину. Ну и подсыпим же перцу под хвост фашистскому зверью!..» [там же, с. 37].

Последняя запись дневника Ивана Андреевича Лосева датируется 25 мая 1942 г.: «Мои дорогие детки Дусень, Эмма и Вова, здравствуйте! Ваши письма я получил 3/V, но ответа не мог дать в виду болезни. Я очень сильно заболел. Появилась опухоль по всему желудку в верхней части. Резь мучительная меня доконала, на меня навалилась бессонница. Вот за целый май я ни одной ночи не спал, а все ночи напролет смертельно мучаюсь. С 9/V-42 нахожусь в больнице на койке. Но никто не лечит, и я улучшения не чувствую. Положение очень опасное, и врачи еще не определили, что за болезнь. Дуся, я прошу тебя, тебе надо срочно приехать одной в Ульяновск, детей оставь с бабушкой и Марией, Колиной женой. Если я умру, то вещи заберешь, которых со мной на старой квартире много, но если буду жив, обсудим вместе, как жить и где жить дальше. Не теряя времени скорее приезжай, может быть, ты меня еще застанешь в живых...» [там же, с. 47]. В июне 1942 г. Ивана Андреевича Лосева не стало.

Дневник И. А. Лосева, конечно же, не предполагался для издания. Но тот факт, что Иван Андреевич решил сберечь свои записи, говорит о многом. Этими маленькими листочками он хотел рассказать жене и детям о своей любви к ним, о той душевной боли и переживаниях по поводу невозможности воссоединения, о выживании на пределе возможностей. В 2012 г. «Тыловой дневник военной поры И. А. Лосева: Ульяновск – Сыктывкар. 1941–1942 гг.», благодаря усилиям его дочери Э. И. Лосевой, был опубликован.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. Лосева, Э. И. Тыловой дневник военной поры И. А. Лосева: Ульяновск-Сыктывкар, 1941-1942 гг. / Э. И. Лосева. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2012. – 48 с.
2. Шелепенков, М. А. ЗИС-150, ЗИС-151. История автомобилей ЗИЛ / М. А. Шелепенков. Т. 1. – Кострома: ООО «М Эдиториал», 2024.
3. Пьянков, С. А. Этапы трудного пути: Ульяновский автомобильный завод в годы Великой Отечественной войны / С. А. Пьянков// Вопросы истории. – 2023. – № 7, ч. 2.– С. 22–37.

References

1. Loseva, E. I. Tylovoi dnevnik voennoi pory I. A. Loseva [I. A. Losev's rear diary of the wartime] / E. I. Loseva. – Ulyanovsk – Syktyvkar: Komi Sci. Center, Ural Branch, RAS. 1941-1942, 2012. – 48 p.
2. Shelepenkov, M. A. ZIS-150, ZIS-151. Istoriya avtomobilei ZIL [The history of ZIL cars] / M. A. Shelepenkov. Vol. 1. – Kostroma: «M Editorial» LLC, 2024.
3. Pyankov, S. A. Etapy trudnogo puti: Ulyanovski avtomobilni zavod v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Stages of the difficult path: the Ulyanovsk Automobile Plant during the Great Patriotic War] / S. A. Pyankov // Questions of History. – 2023. – No. 7, Part 2. – P. 22-37.

Информация об авторе:

Морозова Елена Ивановна – специалист по экспозиционной и выставочной деятельности ГБУ РК «Национальный музей Республики Коми» (167000, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 6; e-mail: ele69085328@yandex.ru).

Author:

Elena I. Morozova– Specialist in exhibition and show business National Museum of the Komi Republic, (6, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167000, Russian Federation; email: ele69085328@yandex.ru).

Для цитирования:

Морозова, Е. И. «...Не знаю, что будет со мной впереди» (тыловой дневник Лосева И. А.) / Е. И. Морозова // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 3 (88). – С. 115–118.

For citation:

Morozova, E. I. "...I don't know what will happen to me in the future" (I. A. Losev's rear diary) / E. I. Morozova // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2026. – No. 3 (88). – P. 115–118.

Дата поступления статьи: 19.12.2025
Прошла рецензирование: 26.01.2026
Принято решение о публикации: 30.01.2026
Received: 19.12.2025
Reviewed: 26.01.2026
Accepted: 30.01.2026

УДК 001.891:332.1(470.13)"196/199"
DOI 10.19110/1994-5655-2026-3-119-127

Научно-технические проблемы развития Коми АССР в советский период

Самарин А. В.

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
al.samarin@mail.ru

Аннотация

В работе рассматривается роль науки в создании и развитии добывающей промышленности региона. Благодаря многочисленным исследованиям в начале 1930-х гг. нефтяная и угольная промышленности кардинально изменили отраслевую структуру экономики Коми АССР. В последующие десятилетия экономика региона развивалась высокими темпами за счет больших капиталовложений. Однако с середины 1970-х гг. из-за завершения экстенсивного этапа развития в экономике Коми появились признаки стагнации. Проанализирована динамика капитальных вложений в промышленность Коми АССР в период с 1961 по 1989 г., выявлены ключевые проблемы, препятствовавшие устойчивому экономическому развитию региона в 1970–1980-е гг. Особое внимание уделено попыткам ученых преодолеть замедление экономического развития региона через разработку комплексных научно-технических программ, определению ключевых направлений интенсификации промышленного производства. В заключении статьи кратко анализируются последствия распада единой стратегии научно-технологического развития в 1990-е гг. и обозначаются современные вызовы для науки в контексте реколонизации и реиндустриализации Севера.

Ключевые слова:

научные исследования Европейского Севера, роль науки в социально-экономической модернизации, экономика Коми, промышленное освоение Арктики, комплексные научно-технических программы

Scientific and technical problems of the Komi ASSR development in the Soviet period

Samarin A. V.

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
al.samarin@mail.ru

Abstract

The paper considers the role of science in the creation and development of the extractive industry in the region. Thanks to numerous studies in the early 1930s, the oil and coal industries radically changed the sectoral structure of the Komi ASSR economy. In the following decades, the region's economy developed rapidly due to large capital investments. However, since the mid-1970s, signs of stagnation have appeared in the Komi economy due to the completion of the extensive stage of development. The dynamics of capital investments in the Komi ASSR industry in the period from 1961 to 1989 is analyzed, and key problems that hindered the sustainable economic development of the region in the 1970s and 1980s are identified. Special attention is paid to the attempts of scientists to overcome the slowdown in the economic development of the region through the development of comprehensive scientific and technical programs, and the identification of key areas for the intensification of industrial production. In conclusion, the paper briefly analyzes the consequences of the collapse of the unified strategy of scientific and technological development in the 1990s and identifies current challenges for science in the context of the recolonization and reindustrialization of the North.

Keywords:

scientific research of the European North, the role of science in socio-economic modernization, Komi economy, industrial development of the Arctic, comprehensive scientific and technical programs

Исторически так сложилось, что индустриальное развитие Европейского Севера России в советский период тесно связано с двумя аспектами. Во-первых, с необоримой верой советской власти в то, что с помощью науки можно решить любую проблему, а во-вторых, с теми научными задачами, которые пришлось решить для того, чтобы создать на Севере мощную промышленную базу.

Существует довольно много работ, освещающих первые научные исследования в регионе. Т. П. Филипповой [1] изучены важнейшие исследования Европейского Севера во второй половине XIX в., которые позволили сформировать первоначальные сведения о богатстве края. В трудах Т. А. Малковой [2] продемонстрирована роль центральных научных учреждений и экспедиций в изучении территории Коми края в конце XIX – первой половине XX в. В монографии А. А. Бровиной [3] проанализированы основные направления изучения Европейского Севера и зарождение академической науки, стационарной академической науки. Автор данной работы также описал предпосылки создания академических баз и их роль в социально-экономической трансформации региона [4–6]. Л. Г. Борозинец с соавторами описал историю крупнейших добывающих предприятий и отраслевой науки региона начиная от их зарождения до наших дней [7, 8]. А. Н. Ту-

рубанов в цикле монографий раскрыл историю формирования и развития важнейших отраслей промышленности региона, в том числе и развитие топливного комплекса республики [9, 10]. К сожалению, все названные работы имеют, скорее, констатирующий характер. В них нет попыток дать оценку кризисным явлениям в экономике региона начиная с конца 1970-х гг. Такую попытку предпринял первый Глава Республики Коми Ю. А. Спиридонов в своей монографии [11], рассуждая о путях будущего развития региона, он обозначил основные социально-экономические и общественно-политические «якоря», тормозившие развитие Республики Коми в 1980–1990-е гг. Однако главной работой, позволяющей оценить масштаб необходимых преобразований в научно-технической сфере региона, была коллективная монография экономистов Коми филиала АН СССР В. П. Подоплелова, Г. В. Канева, Г. А. Князевой [12]. Эта работа находится на стыке источников и историографии, так как авторы комплексного плана развития научно-технического прогресса в Коми АССР в своем монографическом исследовании повторили основные выводы плана, добавив свои комментарии к предлагаемым мероприятиям. К сожалению, близость и погруженность в описываемые события не позволили ученым подняться на новый уровень рефлексии и дать оценку собственным предложениям. Таким образом, в данной статье будет продемонстрирована роль науки в создании и развитии добывающей промышленности Коми АССР и рассказано о попытках ученых преодолеть замедление экономического развития региона в 1980-е гг.

В царское время на Север было отправлено много экспедиций. К 1917 г. Коми край оставался отсталой аграрной окраиной несмотря на то, что специалистам в столице и чиновникам на местах было хорошо известно о наличии здесь богатых минеральных запасов. Об углях в Большеземельской тундре упоминал М. В. Ломоносов, сведения об угольной гальке в Печорском крае встречаются в труде Т. А. Борноволокова, опубликованном в 1811 г. В 1848 г. экспедиция Русского географического общества под руководством профессора Эрнеста Гофмана документально подтвердила наличие каменного угля [13, с. 42]. Первые достоверные сведения о наличии нефти на р. Ухте относятся к концу XVII в. Известны попытки многих предпринимателей организовать систематическую добычу нефти в Ухтинском районе, но создать рентабельное предприятие им не удавалось [14, с. 19–32]. Сложилось мнение о том, что добыча полезных ископаемых в Коми крае бесперспективна так как запасы были не определены, их потенциал неясен, месторождения находились далеко от промышленных центров, в малонаселенных районах, где нет транспортного сообщения.

Пристальное внимание к Коми краю обратили большевики уже в 1918 г. Петроград, лидер промышленного развития России, испытывал дефицит угля, металлов и других ресурсов. Еще с дореволюционного времени промышленность Петербурга работала почти исключительно на привозном, преимущественно заграничном, топливе, причем около 93 % угля завозилось из Англии [15, с. 1]. Поэтому, несмотря на напряженную внешнеполитическую обстановку, советское правительство вынуждено было закупать иностранное топливо. Ю. Л. Дьяков подсчитал, что только за январь и февраль 1921 г. из Англии через Мурманский порт в Петроград и Москву было отправлено 1200 тыс. пудов угля [16, с. 20]. Топливную проблему было необходимо срочно решать. Перед Северной подкомиссией Комиссии естественных производительных сил России была поставлена задача скорейшего изучения природных богатств Севера, прежде всего поиска топливных ресурсов. Интервенция и гражданская война сдвинули первоначальные планы, но уже в 1920 г. Северная подкомиссия была реорганизована в Северную научно-промысловую экспедицию, которая с лета 1920 г. приступила к научным изысканиям на северных территориях, в том числе в Печорском крае и на Кольском полуострове. Одной из экспедиций на Кольский полуостров руководил А. Е. Ферсман, который обнаружил в Хибинах месторождение апатит-нефелинового сырья. Это открытие позволило развернуть комплексную программу научных исследований в данном регионе. Одним из итогов работ стало открытие Енского и Оленегорского железнорудных месторождений. В правительстве начали говорить о возможности создания металлургического завода для нужд Ленинграда. Одновременно с этим начиная с 1921 г. Северная научно-промысловая экспедиция направляла экспедиции в Печорский край для проверки многочисленных сообщений о наличии в этом регионе каменных углей. Геологами под руководством А. А. Чернова были собраны и проанализированы многочисленные пробы углей, что позволило ему в 1924 г. сделать предположение о крупном угольном бассейне в бассейне р. Печоры [17].

Начавшаяся индустриализация и ускоренное промышленное развитие обострили сырьевой и топливный голод Ленинграда. Советское правительство решило использовать внеэкономические методы для того, чтобы всеми доступными способами «продвинуть дело хозяйственной эксплуатации богатств Севера». Было принято решение первый лагерь ОГПУ создать на р. Ухте для того, чтобы окончательно ответить на вопрос, возможна ли промышленная добыча нефти в этом регионе или нет. В 1928 г. экспедиция Ухтпечлага приступила к разведочному бурению, а уже через год ценой огромных жертв и нечеловеческих усилий началась промышленная добыча нефти. В 1931 г. геологические экспедиции Ухтпечлага обосновали наличие промышленных запасов угля в районе р. Воркуты и заложили первые шахты. В 1933 г. представительная научная комиссия во главе с президентом АН СССР акад. А. П. Карпинским подтвердила выводы ученых Ухтпечлага, рекомендовала переориентировать Ленинград, весь Северо-Запад и Северный флот на нефть и уголь из Коми, а также поддержала идею строительства металлургического завода в Череповце на кольском железе и воркутинских углях [18].

В годы Великой Отечественной войны в Сыктывкар были эвакуированы академические базы с Кольского полуострова и Архангельской области, Петрозаводский государственный университет и Архангельское территориальное геологическое управление. В короткий срок

маленький провинциальный городок превратился в главный научный центр Европейского Севера. Учеными были открыты новые месторождения нефти на средней Печоре, освоен шахтный способ добычи тяжелой нефти, заложены новые шахты Интинского угольного месторождения. Фактически в этот период был заложен фундамент будущего индустриального развития региона [19].

Период 1950–1970-х гг. был временем экстенсивного промышленного освоения территорий Европейского Севера СССР. Арктическая политика государства в 1950–1980-е гг. требовала от северных республик и областей расширения промышленной и минерально-сырьевой базы. На территории Коми АССР важнейшими стали открытие Тимано-Печорской нефтегазовой провинции (1960-е гг.), разработка проблемы комплексного развития производительных сил Севера (1950-е гг.), было обосновано строительство Сыктывкарского лесоперерабатывающего комбината. Государство активно вкладывало ресурсы в развитие промышленного потенциала, строительство крупных предприятий и транспортной инфраструктуры (расширение железной дороги Воркута – Котлас, строительство трубопровода «Сияние Севера»). Создавались условия для жизни и работы в суровых климатических условиях. Создавались рабочие места и развивалась инфраструктура. Появлялись города. Поскольку добывающие отрасли в своей основе были представлены мужскими профессиями, в городах создавались предприятия для трудоустройства женщин. Таким образом, ускоренными темпами развивались легкая и пищевая промышленности, социальная сфера.

Обнаружение на территории Коми АССР крупных месторождений нефти и газа, подтверждение больших запасов угля стало отправной точкой для научного обоснования необходимости формирования Тимано-Печорского территориально-производственного комплекса (ТПК). Хотя юридически этот комплекс так и не был оформлен, но в установках XXV и XXVIII съездов КПСС были определены условия его формирования. Это позволило с 1976 по 1988 г. извлечь из недр около 500 млн, в то время как с 1959 по 1976 г. было добыто лишь 214 млн т., а с 1929 по 1959 г. – меньше 20 млн т. На этом этапе устойчиво функционировала трубопроводная система. Дополнительно вводились третья и четвертая очереди магистрального газопровода «Сияние Севера» [14, с. 148–151]. При этом, если посмотреть на динамику капитальных вложений добывающих и перерабатывающих предприятий и организаций Коми АССР за 1961–1989 гг. (диаграмма), видно, что после 1970 г. доля капиталовложений в промышленность региона начала неуклонно снижаться. Считалось, что дальнейшее поддержание высоких темпов должно произойти за счет интенсификации производств, внедрения новых технологий, обеспечивающих глубокую переработку ресурсов. В то же время ведущие нефтегазовые месторождения, такие как Вуктыльское и Усинское, в середине 1970-х гг. достигли пика своей продуктивности и началось снижение добычи, которое не удавалось компенсировать новыми месторождениями. Это потребовало срочного возврата к экстенсивным методам работы, увеличения геологоразведки и разработки новых месторождений. Пик по капиталовложениям по всем отраслям промышленности

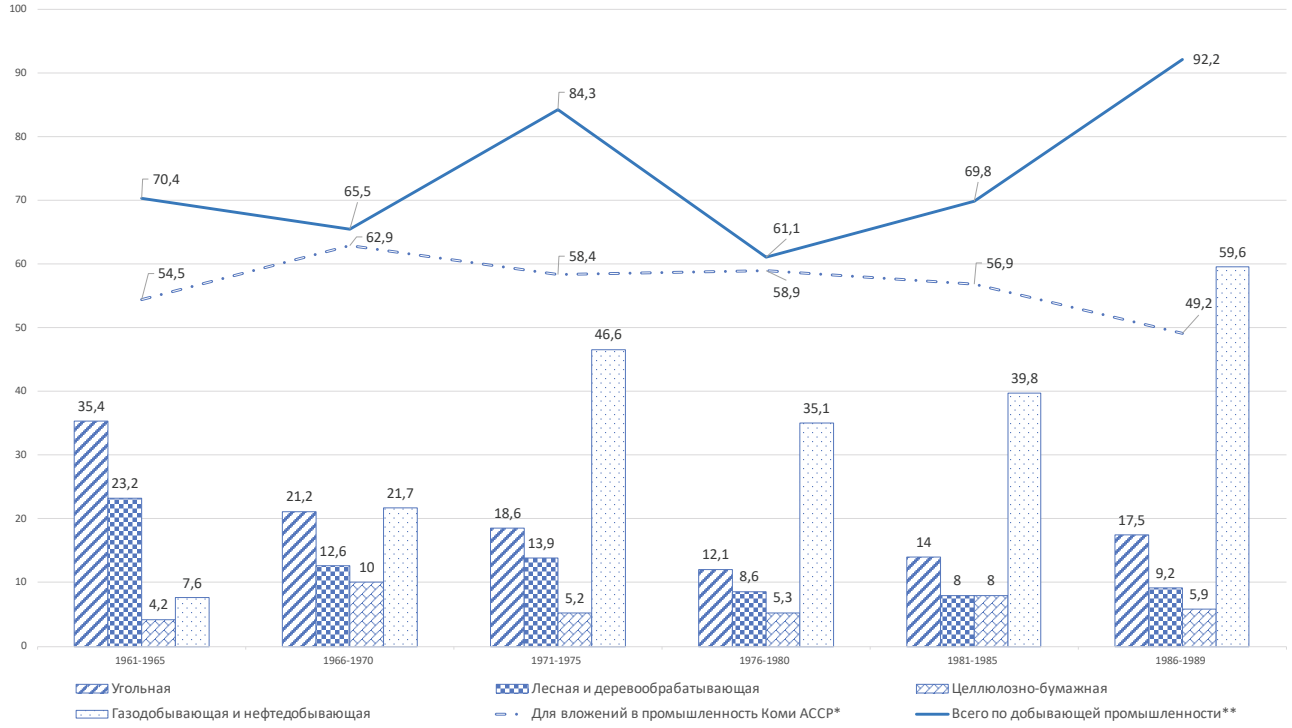

Диаграмма. Доля капитальных вложений добывающих и перерабатывающих предприятий и организаций Коми АССР по отраслям промышленности (без сельского хозяйства) за 1961–1989 годы, %.
Источник. [10].
Diagram. Share of capital investments of mining and processing enterprises and organizations of the Komi ASSR by industry sector (excluding agriculture) for 1961-1989, %.
Source. [10].

в 1975 г. связан с тем, что почти половина средств, выделенных на промышленное развитие, была направлена на нефтедобычу. В результате доля добывающей промышленности в структуре вложений неуклонно увеличивалась и к 1989 г. достигла 91 %, что фактически означало, что развитие других отраслей (строительство, транспорт, связь) практически прекратилось.

Схожие явления наблюдались и в угольной промышленности. Впервые послевоенные десятилетия в Коми АССР развернулось масштабное строительство новых шахт, за 15 лет после окончания войны в регионе было построено 23 новые шахты, в последующие 30 лет – только одна. На диаграмме видно, что после 1960 г. объемы капиталовложений в угольную промышленность неуклонно снижались. А. Н. Турубанов подсчитал, что «Печорский угольный за 1981–1985 гг. недополучил 130 млн руб. государственных капиталовложений, предусмотренных постановлением Совета Министров СССР от 5 марта 1983 г. "О мерах по развитию Печорского угольного бассейна в 1982–1985 гг. и в двенадцатой пятилетке"» [9, с. 70].

Названные процессы были проявлениями начавшегося научно-технического отставания СССР от передовых западных стран. Еще в 1960-х гг. экономисты АН СССР рассчитали, что успешный экономический рост только за счет экстенсивных факторов почти исчерпан. На место традиционных источников роста должен был прийти новый – научно-технический прогресс. Идея интенсификации экономики через науку и технику, предложенная учеными-экономистами, быстро завоевала популярность в директивных органах [20, с. 369]. Е. Т. Артемов отмечал, что «отдача от вложений в сферу НИОКР с начала 1970-х годов и вплоть до перестройки снижалась на 13–15 % за пятилетку, а доля инновационных решений и новых технологий составляла не более 20 %, тогда как в промышленно развитых странах этот показатель достигал 60–70 %» [21, с. 256]. Именно инновации были главным драйвером промышленного развития. В связи с этим остро встал вопрос об эффективности производства, более рациональном использовании имеющихся мощностей и внедрении новых технологий.

В начале 1970 г. одним из элементов, призванных обеспечить стимулирование экономики страны за счет ускорения научно-технического прогресса, стали комплексные научно-технические программы (КНТП), которые были составной частью Комплексной программы научно-технического прогресса СССР, которая, в свою очередь, должна была стать основным средством достижения перехода экономики к интенсивным методам развития хозяйства. Она была призвана обеспечить более тесную интеграцию науки с производством, усиление прямых и обратных связей [22, с. 443].

Общесоюзная программа включала информацию из региональных комплексных программ. Предполагалось, что в рамках КНТП произойдет интеграция всех участников научно-производственного цикла под общие задачи, что, в свою очередь, приведет к концентрации ресурсов и лучших кадров и, как следствие, более весомым результатам, которые могли не только предложить новые технологии, но и трансформировать целые отрасли экономики. Исследования должны были доводиться до конкретных практических результатов, т. е. либо до выпуска первой серии машин, либо до разработки и освоения нового технологического процесса, либо до создания новых материалов [23, с. 106]. Для определения приоритетов требовалось разработать прогноз долгосрочного развития научно-технического прогресса, определить возможные точки роста существующих отраслей и предвосхитить появление новых направлений. В 1980-е гг. было предусмотрено создание долгосрочных планов развития науки, тесно увязанных с перспективами народнохозяйственного развития. С этой целью ученые Коми филиала АН СССР совместно с коллегами из Кольского и Карельского филиалов разработали прогноз комплексного освоения природных ресурсов и развития производительных сил Европейского Севера СССР на период 1981–2000 гг. [24, л. 49–50].

Для создания КНТП, пригодных для Европейского Севера, было необходимо выявить уникальные условия, делающие Север столь особенным. Во-первых, основная часть техники и технологических процессов не были приспособлены к жестким природным условиям, горно-геологическим и биолого-климатическим особенностям конкретных территорий. Техника работала с меньшей производительностью, чаще ломалась. Людские ресурсы требовали большей экономической стимуляции и физиологической реабилитации. Промышленные предприятия Коми, в отличие от других регионов, оказались перегружены вспомогательными производствами и службами. Часто создание тыловых баз для Крайнего Севера происходило в угоду министерской автономии [11, с. 227]. Множество фабрик, ориентированных на «женский труд», и сельскохозяйственных предприятий в районах Крайнего Севера обеспечивали северян свежим мясом и овощами, не учитывая высокую себестоимость.

Другой причиной являлась недостаточная научная изученность территории. Несмотря на то, что регион обладал большим количеством научных организаций (Коми филиал АН СССР, Сыктывкарский государственный университет, несколько отраслевых институтов), однако геологическая изученность региона и разведанность полезных ископаемых были ниже, чем в других ресурсных районах. Большинство геологоразведочных работ были сосредоточены на нефти и газе, другие ресурсы изучались слабо [12, с. 26–27].

В-третьих, по многим отраслям накопились системные проблемы. В Тимано-Печорской нефтегазовой провинции наблюдалось затухание добычи. Для нового рывка требовалось кратное усиление геологоразведочных работ, с применением новейших методов глубокого разведочного бурения, которое в те годы применялось недостаточно активно. Газодобыча оказалась в застое из-за низкого прироста запасов. В лесодобыче и лесопереработке нужна глубокая переработка отходов и внедрение новых машин [там же, с. 44].

Основной проблемой региона были сырьевая специализация и изношенность производственных фондов. Это

приводило к тому, что сырье добывали с минимальными вложениями и вывозили на переработку в другие регионы. Поскольку стоимость вывозимого сырья была значительно ниже стоимости готовой продукции, затраты на его производство, особенно с учетом дополнительных расходов, связанных с наличием избыточной инфраструктуры, оказывались высокими. Это сдерживало центральные министерства от реализации программ по модернизации производств. В результате новая техника, автоматизация и механизация были доступны только при строительстве новых предприятий. При этом допускались ситуации, например при строительстве Ухтагазстроймаша, когда на вновь вводимых предприятиях использовали устаревшие технику и технологии [там же, с. 13]. Снижение капиталовложений в промышленность региона в 1970-е гг., о котором мы говорили выше, замедлило создание новых мощностей, что негативно сказалось на росте производительности региона.

Во второй половине 1970-х гг. директивным органам было очевидно, что капиталовложения в промышленность нужно увеличивать, однако делать это нужно комплексно, с применением принципиально новых машин и конструкционных материалов [25], рассчитанных на высокопроизводительную и надежную работу в условиях Севера [12, с. 11, 13, 15].

В рамках КНТП ученые Коми филиала АН СССР разработали целевые комплексные программы социально-экономического развития Коми АССР. Эти программы были построены на методах программно-целевого планирования. В основе каждой программы была система мероприятий, обеспечивающих получение конечных результатов, которые были увязаны по ресурсам, исполнителям и срокам осуществления системы социальных, экономических, производственных, научно-исследовательских и организационных мероприятий, что должно было обеспечить решение крупной и сложной народнохозяйственной проблемы. Мероприятия программы должны были быть адресными, поэтому каждая программа обладала организационно-исполнительской структурой, в которой определен состав исполнителей, обеспечивающих выполнение программных мероприятий (министерства, предприятия, институты и т. д.) [26].

В сжатой форме суть предложений ученых может быть сформулирована следующим образом: региональная научно-техническая политика должна базироваться на активном внедрении научных и технических новаций, способствующих экономии материальных и трудовых ресурсов. Необходимо уделять особое внимание на использование высокопроизводительного оборудования и современных технологий, адаптированных к специфическим условиям северных регионов.

Оценивая перспективы угольной промышленности, ученые доказывали, что Печорский угольный бассейн для Ленинграда и при всей дороговизне добычи угля в условиях Крайнего Севера для Северо-Запада может быть более рентабельным, чем Донбасс и Кузбасс, а учитывая его качество (низкая зольность, высокая калорийность), он больше подходит для металлургических комбинатов (в сравнении с донецким и кузбасским углями). Несмотря на более высокую себестоимость добычи конкурентоспособность достигается за счет низких транспортных расходов ближайшим потребителям. Очевидно, для металлургических комбинатов Череповца и Новолипецка, коксохимических комбинатов Калининграда и Москвы плечо доставки из Воркуты будет короче, чем из Донбасса и тем более Кузбасса. В связи с этим предлагалось снизить долю кузнецких углей с 45 до 6–8 % и увеличение доли печорских углей до 33–43 % [12, с. 38]. По мнению ученых, недооценка Печорского угля привела к нехватке капитальных вложений для роста добычи и ее поддержания. Для выполнения плановых показателей требовалось значительное расширение мощностей в Коми АССР. Увеличение добычи в 1,3 раза было возможно только при условии строительства семи новых шахт по новейшей технике. На излете советской эпохи эти рекомендации начали выполняться. Была построена крупнейшая в Европе и самая современная шахта Воргашорская, но почувствовать экономический эффект республика не успела. В начале 1990 г. начался общий экономический спад.

Для нефтедобывающей промышленности Коми АССР во второй половине 1970–1980-х гг. было характерно затухание добычи. Для выхода из этого положения нефтяникам были необходимы активное внедрение передовых методов геологоразведки и создание научно-исследовательской и производственно-экспериментальной базы для усовершенствования методов добычи тяжелой нефти. Помимо этого, нужно было нарастить объемы разведочного бурения, так как в Коми плотность бурения была в 2,6 раза ниже, чем в соседнем Ненецком автономном округе (НАО). Хотя неблагоприятные природно-экономические условия делают добычу в НАО менее рентабельной, чем в Коми [12, с. 51].

Одной из ключевых задач интенсификации газодобывающего производства являются обеспечение максимального извлечения углеводородов из месторождений и комплексное использование ценных компонентов газового сырья, включая конденсат, этан и серу. Для этого требовалось применять современные технологии. В добыче это достигается через ускорение бурения, сокращение простоев, рациональное использование скважин и строгий контроль за их разработкой. Отмечались важность автоматизации и механизации процессов с целью уменьшения ручного труда, а также внедрение компьютеров в управление производством.

Лесной промышленности требовалось ускорить развитие глубокой переработки древесины, особенно целлюлозно-бумажной отрасли. Это позволило бы значительно повысить эффективность всего комплекса. Расширение химической и химико-механической переработки помогло бы вовлечь в производство неиспользуемые виды древесного сырья, такие как низкосортная древесина II сорта и отходы.

Лесозаготовителям предлагалось внедрять новые машины, решить сложные задачи, связанные с совершенствованием технологического процесса. Главное направление – внедрение новых машин для повышения комплексной механизации всего процесса, в том числе

улучшение условий труда и сокращение трудоемких работ. Было доказано, что замена ручного труда машинами на отдельных этапах неэффективна. Требуется комплексная механизация всего процесса – заготовки, транспортировки и переработки древесины.

К сожалению, программы КНТП не были реализованы. Веские причины были как в центре, так и на местах.

Во-первых, комплексным программам не удалось преодолеть ведомственную раздробленность и местечковость. Каждое министерство ставило свои интересы выше прочих[1]. Затухание добычи минерального сырья требовало новых больших материальных затрат, из-за этого решения о разработке новых месторождений затягивались. Идея, высказанная учеными о групповом освоении месторождений Севера (продвижение от одного очага комплексно освоенных территорий к следующему), оказалась не реализована.

Во-вторых, в затратах на внедрение новой техники и передовых технологий долгое время приоритет отдавался механизации, а не массовому внедрению прогрессивных технологий на действующих предприятиях. Даже в 1985 г. на автоматизацию и вычислительную технику направлялось лишь 5,2 % затрат. Накапливались износ и отсутствие реконструкции старых производственных фондов. Новая техника вводилась преимущественно только при запуске новых производств.

Существовавшая в стране система планирования не способствовала внедрению нововведений. Предприятия, выпускающие какую-либо продукцию, опасались любых модернизаций, так как это могло замедлить производство и привести к невыполнению плана, что, в свою очередь, вызвало бы снижение премирования, нанесло ущерб репутации и кадровым решениям. Поэтому руководители искали способы увеличить выпуск продукции, используя старые технологии. В результате технические новшества применялись преимущественно только при строительстве новых предприятий.

Суровые природные условия также накладывали ограничения: это удорожание строительства и содержания объектов, повышенные затраты на заработную плату, необходимость создания социальной инфраструктуры в необжитых районах. Очевидно, что выход из положения – это работа по принципу «лучше меньше, да лучше»: новейшая техника и технология, обеспечивающие высокую производительность труда. Поддержание высокого уровня социального обеспечения для небольшого по численности населения [11, с. 227]. Переход к концепции группового освоения месторождений полезных ископаемых, введение технологий полного цикла, глубокой переработки ресурсов, производство товаров с высокой добавленной стоимостью, отказ от развитой социальной сферы (фабрик и заводов, ориентированных на «женский труд», создание тыловых баз для Крайнего Севера и др.). Все это противоречило социалистическим принципам размещения промышленности – выравниванию уровня хозяйственного и социального развития регионов.

В 1990-е гг. ситуация северной экономики еще больше усложнилась. Резкое снижение роли государства привело к приватизации крупных предприятий, отказу бизнеса от социальных обязательств, резкому сокращению рабочих мест, переходу на вахтовые методы работы и снижению экологических требований. Очевидно, что исчезла и единая стратегия научно-технологического развития – инициатива индустриального развития перешла к разрозненным коммерческим структурам с собственными программами.

Сегодня перед наукой, как и 100 лет назад, стоит вызов. Теперь он звучит так: сформировать новую стратегию научно-технологического развития Севера, создать условия для реколонизации и реиндустриализации.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Филиппова, Т. П. Деятельность Геологического комитета на европейском Севере России в 1882–1929 гг. / Т. П. Филиппова. – Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2022. – 208 с.
2. Малкова, Т. А. Научные исследования территории Республики Коми в первой половине XX века: 1901–1945 гг. / Т. А. Малкова. – Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2008. – 179 с.
3. Бровина, А. А. Научное освоение европейского Севера России (конец XIX – первая половина XX века) / А. А. Бровина. – Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2022. – 576 с.
4. Самарин, А. В. Хронология начала академических исследований Коми края / А. В. Самарин // Известия Коми НЦ УрО РАН. – 2010. – № 1 (1). – С. 113–116.
5. Самарин, А. В. Отличительные черты индустриализации Коми АССР в 1927–1937 годы / А. В. Самарин // Известия Коми НЦ УрО РАН. Серия «История и филология». – 2023. – № 1 (59). – С. 117–126.
6. Самарин, А. В. Предпосылки и истоки организации стационарных академических учреждений на Европейском Севере России (XVIII–XX вв.) / А. В. Самарин // Известия Коми НЦ УрО РАН. – 2014. – № 3 (19). – С. 6–15.
7. Борозинец, Л. Г. Тимано-Печорская провинция. Начало Российской нефтяной промышленности / Л. Г. Борозинец, А. К. Цейхмерюк // Нефтегазоносность и геолого-геофизическая изученность Тимано-Печорской провинции. История, современность, перспективы. – Сыктывкар, 1999. – С. 31–103.
8. Создание и становление научно-исследовательских и проектных организаций на территории Тимано-Печорского территориального производственного комплекса / А. К. Цехмейстрюк, Л. Г. Борозинец, В. П. Потолицын, Е. М. Гурленов // Нефтегазоносность и геолого-геофизическая изученность Тимано-Печорской провинции: история, современность, перспективы. – Ухта, 1999. – С. 155–179.

[1] В Коми АССР в рассматриваемый период активно работали следующие общесоюзные министерства: Минуглепром СССР, Мингазнефтестрой СССР, Минтрансстрой СССР, Минэнерго СССР, Агропром СССР, Минсевзапстрой СССР, Минтрансстрой СССР, Минлесбумпром СССР, МВД СССР.

9. Турубанов, А. Н. Топливный комплекс Республики Коми в XX веке / А. Н. Турубанов. – Сыктывкар, 2007. – 191 с.
10. История Коми с древнейших времен до современности. Т. 2. –2 изд., испр. и доп. / под общ. ред. И. Л. Жеребцова [и др.]. – Сыктывкар: ООО «Анбур», 2011. – 688 с.
11. Спиридонов, Ю. А. Управление социально-экономическим развитием региона / Ю. А. Спиридонов. – М.: Наука, 2001. – 352 с.
12. Экономические и научно-технические проблемы развития народного хозяйства Европейского Северо-Востока СССР / В. П. Подоплелов, Г. В. Канев, Г. А. Князева [и др.]. – М.: Наука, 1988.– 152 с.
13. Артеев, А. Камень преткновения / А. Артеев // Регион. – 2024. – № 8. – С. 36–42.
14. Нефть и газ Коми края: сборник документов и материалов / отв. ред. Ю. А. Спиридонов. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1989. – 288 с.
15. Ферсман, А. Е. Ископаемое сырье Ленинградской области и его перспективы / А. Е. Ферсман. – Л.: изд. и тип. изд-ва Акад. наук, 1932. – 38 с.
16. Дьяков, Ю. Л. Северная угольно-металлургическая база СССР: возникновение и развитие / Ю. Л. Дьяков. – М.: Мысль, 1973. – 255 с.
17. Чернов, А. А. Угленосные районы бассейна Кось-ю в Печорском крае по исследованиям 1924 г. / А. А. Чернов. – Л.: издание Геологического комитета, 1925. – 55 с.
18. В. Д. Рабочая гипотеза народнохозяйственного освоения Ухта-Печорского края (Совещание в СОПС'е Академии Наук СССР) / В. Д. // Советский Север. – 1935. – № 3, 4. – С. 113–120.
19. Самарин, А. В. Наука, спасавшая жизни: научные исследования в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны / А. В. Самарин // Журнал Российского национального комитета по истории и философии науки и техники. – 2025. – Т. 3, № 2. – С. 152–162.
20. Федоренко, Н. П. Вспоминая прошлое, заглядываю в будущее / Н. П. Федоренко. – М.: Наука, 1999. – 480 с.
21. Артемов, Е. Т. Несостоявшееся ускорение: экономическая стратегия «хрущевского десятилетия» / Е. Т. Артемов, Е. Г. Водичев. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2025.– 288 с.
22. Кротова, М. В. Анализ опыта КП НТП СССР с позиций формирования современных научных подходов к модернизации промышленности России / М. В. Кротова // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2022. – № 17–1. – С. 443–448.
23. Беляев, Е. А. КПСС и организация науки в СССР / Е. А. Беляев. – М.: Политиздат, 1982. – 143 с.
24. Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН). Ф. 1. Оп. 20. Д. 260. Л. 49–50.
25. Дибиров, М. А. Проблемы научно-технического развития СССР в контексте нерешенных задач реформирования советского хозяйственного механизма (1970-е гг.) / М. А. Дибиров // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2011. – № 1. – С. 36–40.
26. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Комплексная программа научно-технического прогресса Европейского Севера РСФСР на 1986–2005 гг. Ф. 1. Оп. 9. Д. 591.

References

1. Filippova, T. P. Deyatelnost' Geologicheskogo komiteta na evropeyskom Severe Rossii v 1882–1929 gg. [Activities of the Geological Committee in the European North of Russia in 1882–1929] / T. P. Filippova. – Syktyvkar: Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2022. – 208 p.
2. Malkova, T. A. Naučhnye issledovaniya territorii Respubliki Komi v pervoj polovine XX veka : 1901-1945 gg. [Scientific research of the territory of the Komi Republic in the first half of the XX century: 1901-1945.] / T. A. Malkova. – Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2008. – 179 p.
3. Brovina, A. A. Nauchnoye osvoyeniye evropeyskogo Severa Rossii (konets XIX – pervaya polovina XX veka) [Scientific development of the European North of Russia (late XIX – first half of the XX century)] / A. A. Brovina. – Syktyvkar: Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2022. – 576 p.
4. Samarin, A. V. Khronologiya nachala akademicheskikh issledovaniy Komi kraya [Chronology of the beginning of academic research of the Komi region] / A. V. Samarin // Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN [Proc. of the Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS]. – 2010. – No. 1 (1). – P. 113-116.
5. Samarin, A. V. Otlichitelnyye cherty industrializatsii Komi ASSR v 1927-1937 gody [Distinctive features of the industrialization of the Komi ASSR in 1927-1937] / A. V. Samarin // Izvestiya Komi nauchnogo tsentra Uralskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya «Istoriya i filologiya» [Proc. of the Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS. Series "History and Philology"]. – 2023. – No. 1 (59). – P. 117-126.
6. Samarin, A. V. Predposylki i istoki organizatsii statsionarnykh akademicheskikh uchrezhdeniy na Evropeyskom Severe Rossii (XVIII - XX vv.) [Prerequisites and origins of the organization of stationary academic institutions in the European North of Russia (XVIII - XX centuries)] / A. V. Samarin // Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN [Proc. of the Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS]. – 2014. – No. 3 (19). – P. 6-15.
7. Borozinets, L. G. Timano-Pechorskaya provintsiya. Nachalo Rossiyskoy neftyanoy promyshlennosti [Timan-Pechora province. The beginning of the Russian oil industry] / L. G. Borozinets, A. K. Tseikhmeryuk // Neftegazonosnost' i geologo-geofizicheskaya izuchennost' Timano-Pechorskoy provintsii. Istoriya, sovremennost', perspektivy [Oil and gas potential and geological and geophysical exploration of the Timan-Pechora province. History, current situation, prospects]. – Syktyvkar, 1999. – P. 31-103.
8. Sozdaniye i stanovleniye nauchno-issledovatelskikh i proyektnykh organizatsiy na territorii Timano-Pechorskogo territorialnogo proizvodstvennogo kompleksa [Creation and development of research and design organizations on the territory of the Timan-Pechora territorial production complex] / A. K. Tsekhmeistryuk, L. G. Borozinets, V. P. Potolitsyn, E. M. Gurlenov // Neftegazonosnost' i geologo-geofizicheskaya izuchennost' Timano-Pechor-

skoy provintsii: istoriya, sovremennost', perspektivy [Oil and gas potential and geological and geophysical exploration of the Timan-Pechora province: history, current situation, prospects]. – Ukhta, 1999. – P. 155-179.
9. Turubanov, A. N. Toplivnyj kompleks Respubliki Komi v XX veke [Fuel complex of the Komi Republic in the XX century] / A. N. Turubanov. – Syktyvkar, 2007. – 191 p.
10. Istoriya Komi s drevneyshikh vremen do sovremennosti. [History of Komi from ancient times to the present day]. Vol.2. - 2nd edition, revised and updated. – Syktyvkar: Anbur LLC, 2011. – 688 p.
11. Spiridonov, Yu. A. Upravleniye sotsialno-ekonomicheskim razvitiyem regiona. [Management of the socio-economic development of the region] / Yu. A. Spiridonov. – Moscow: Nauka, 2001. – 352 p.
12. Ekonomicheskiye i nauchno-tekhnicheskiye problemy razvitiya narodnogo khozyaystva Evropeyskogo Severo-Vostoka SSSR [Economic and scientific-technical problems of development of the national economy of the European North-East of the USSR] / V. P. Podoplelov, G. V. Kanev, G. A. Knyazeva [et al.]. – Moscow: Nauka, 1988. – 152 p.
13. Arteev, A. Kamen' pretknoveniya [Stumbling block] / A. Arteev // Region - 2024. - No. 8. – P. 36-42.
14. Neft' i gaz Komi Kraya [Oil and Gas of the Komi Region]: collection of documents and materials / Ed. Yu. A. Spiridonov. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1989. – 288 p.
15. Fersman, A. E. Iskopayemoye syrye Leningradskoy oblasti i ego perspektivy [Fossil raw materials of the Leningrad region and its prospects] / A. E. Fersman. – Leningrad : USSR Ac. Sci. Publ. House, 1932. – 38 p.
16. Dyakov, Yu. L. Severnaya ugolno-metallurgicheskaya baza SSSR: vozniknoveniye i razvitiye [Northern coal and metallurgical base of the USSR: origin and development] / Yu. I. Dyakov. – Moscow: Mysl, 1973. – 255 p.
17. Chernov, A. A. Uglenosnyye rayony basseyna Kos'-yu v Pechorskom kraye po issledovaniyam 1924 g. [Coal-bearing regions of the Kos-yu basin in the Pechora region according to research in 1924] / A. A. Chernov. – Leningrad: izdaniye Geologicheskogo komiteta [Publication of the Geological Committee], 1925. – 55 p.
18. V. D. Rabochaya gipoteza narodnokhozyaystvennogo osvoyeniya Ukhta-Pechorskogo kraya (Soveshchaniye v SOPS'e Akademii Nauk SSSR) [Working hypothesis of national economic development of the Ukhta-Pechora region (Meeting at the SOPS of the USSR Academy of Sciences)] / V. D. // Sovetskiy Sever. - 1935 [Soviet North. - 1935], No. 3-4.– P. 113-120.
19. Samarin, A. V. Nauka, spasavshaya zhizni: nauchnyye issledovaniya v Komi ASSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Science that saved lives: scientific research in the Komi ASSR during the Great Patriotic War] / A. V. Samarin // Zhurnal Rossiyskogo natsional'nogo komiteta po istorii i filosofii nauki i tekhniki [Journal of the Russian National Committee on the History and Philosophy of Science and Technology]. – 2025. – Vol. 3, No. 2. – P. 152-162.
20. Fedorenko, N. P. Vspominaya proshloye, zaglyadyvayu v budushcheye [Remembering the past, looking into the future] / N. P. Fedorenko. – Moscow: Nauka. 1999. – 480 p.
21. Artemov, E. T. Nesostoyavsheyesya uskoreniye: ekonomicheskaya strategiya «khrushchevskogo desyatiletiya» [Failed acceleration: the economic strategy of the "Khrushchev decade"] / E. T. Artemov, E. G. Vodichev; – Ekaterinburg : Ural Univ. Publ. House, 2025. – 288 p.
22. Krotova, M. V. Analiz opyta KP NTP SSSR s pozitsiy formirovaniya sovremennykh nauchnykh podkhodov k modernizatsii promyshlennosti Rossii [Analysis of the experience of the USSR Scientific and Progress Programme from the standpoint of the formation of modern scientific approaches to the modernization of Russian industry] / M. V. Krotova // Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya [Russia: tendencies and prospects of development]. – 2022. No. 17-1. – P. 443-448.
23. Belyaev, E. A. KPSS i organizatsiya nauki v SSSR [The CPSU and the organization of science in the USSR] / E. A. Belyaev. – Moscow: Politizdat Publ., 1982. – 143 p.
24. Nauchnyy arkhiv FITS Komi NTS UrO RAN [Scientific archive of the FRC Komi Science Centre, Ural Branch, RAS]. F. 1. Op. 1. D. 260. L. 49-50.
25. Dibirov, M. A. Problemy nauchno-tekhnicheskogo razvitiya SSSR v kontekste nereshennykh zadach reformirovaniya sovetskogo khozyaystvennogo mekhanizma (1970-e gg.) [Problems of scientific and technological development of the USSR in the context of unresolved problems of reforming the Soviet economic mechanism (1970s)] / M. A. Dibirov // Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta [Bull. of Maikop State Technol. Univ.]. – 2011. – No. 1. – P. 36-40.
26. Nauchnyy arkhiv FITS Komi NTS UrO RAN [Scientific archive of the FRC Komi Science Centre, Ural Branch, RAS]. Kompleksnaya programma nauchno-tekhnicheskogo progressa Yevropeyskogo Severa RSFSR na 1986-2005 gg. [Comprehensive program of scientific and technological progress of the European North of the RSFSR for 1986-2005]. F. 1. Op. 9. D. 591.

Благодарность (госзадание):

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Государственная политика развития Европейского Севера России: актуальные проблемы социально-политической, экономической, социокультурной и демографической истории в XVI – XX веках». № 1024072600006-8-6.1.1.

Asknowledgement (state task):

This publication was prepared within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS on the topic «State policy for the development of the European North of Russia: current issues of sociopolitical, economic, sociocultural, and demographic history in the XVI–XX centuries». No. 1024072600006-8-6.1.1.

Информация об авторе:

Самарин Алексей Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID 0000-0002-7528-4242 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail:samarin@mail.illhkomisc.ru).

Author:

Aleksei V. Samarin – Cand. Sci. (History), Senior Researcher at the Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS; ORCID 0000-0002-7528-4242 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: samarin@mail.illhkomisc.ru).

Для цитирования:

Самарин, А. В. Научно-технические проблемы развития Коми АССР в советский период / А. В. Самарин // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 3 (88). – С. 119–127.

For citation:

Samarin, A. V. Scientific and technical problems of the Komi ASSR development in the Soviet period / A. V. Samarin // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «History and Philology». – 2026. – No. 3 (88). – P. 119–127.

Дата поступления рукописи: 04.02.2026
Прошла рецензирование: 04.02.2026
Принято решение о публикации: 06.02.2026
Received: 04.02.2026
Reviewed: 04.02.2026
Accepted: 06.02.2026

УДК 39:001.891.55(=511.13)"1964"
DOI 10.19110/1994-5655-2026-3-128-137

Полевые материалы этнографа Грибовой Л. С. по исторической традиции в современном быту и духовной культуре коми-пермяков (1964)

Шарапов В. Э., Жеребцов И. Л.

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар

sharapov.valery@gmail.com
zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

Аннотация

В публикации приводятся ранее не опубликованные полевые материалы, собранные Л. С. Грибовой в ходе четырехмесячной экспедиции у коми-пермяков весной-летом 1964 г. В 1961–1968 гг. Л. С. Грибова училась в заочной аспирантуре при Коми филиале АН СССР по специальности «Этнография народов СССР» и под руководством д.и.н. С. А. Токарева работала над темой диссертационного исследования «Историческая традиция в народном искусстве коми-пермяков». Л. С. Грибова представила лишь некоторые результаты своих полевых разысканий в докладе «Культ древних у коми-пермяков» на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Москве. Однако большая часть обширнейших фольклорно-этнографических материалов по традиционной и современной культуре коми-пермяков, зафиксированных молодым исследователем, не вошли в последующие академические статьи и монографии известного советского этнографа Л. С. Грибовой и до настоящего времени остаются не опубликованными в полной мере. Эти сведения представляют несомненный интерес для обсуждения проблематики, связанной с изучением динамики традиционной культуры коми-пермяков в советский период и настоящее время.

Ключевые слова:

коми-пермяки, традиционная и современная культура, Коми-пермяцкий национальный округ

Field materials of ethnographer L. S. Gribova on the historical tradition in the everyday life and spiritual culture of the Komi-Permians (1964)

Sharapov V. E., Zherebtsov I. L.

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar

sharapov.valery@gmail.com
zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

Abstract

The paper presents previously unpublished field materials collected by ethnographer L. S. Gribova during a four-month expedition among the Komi-Permians in the spring and summer of 1964. From 1961 to 1968, L. S. Gribova studied in correspondence graduate school at the Komi Branch of the USSR Academy of Sciences, specializing in «Ethnography of the Peoples of the USSR». She worked on her dissertation «Historical Tradition in the Folk Art of the Komi-Permians» under the supervision of Dr. Sci. (History) S. A. Tokarev. In August 1964 L. S. Gribova presented some results of her fieldwork in the paper «The Cult of the Ancients among the Komi-Permians» at the 7th International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences in Moscow. However, much of the extensive folklore and ethnographic field material on the traditional and contemporary culture of the Komi-Permians, recorded by the young researcher, was not included in subsequent academic papers and monographs of the renowned Soviet ethnographer L. S. Gribova and remains unpublished in full to this day. This information is of undoubted interest for discussion of issues related to the study of the dynamics of the traditional culture of the Komi-Permians during the Soviet period and the present.

Keywords:

Komi-Permians, traditional and contemporary culture, Komi-Permian National Okrug

Этнограф Любовь Степановна Грибова (15.08.1933–12.10.1986) родилась в с. Большая Коча Кочевского района Пермской области в коми-пермяцкой семье, окончила школу в родном селе, затем Кудымкарский учительский институт, в 1956 г. поступила в Московский государственный университет, где специализировалась по кафедре этнографии (ее возглавлял видный советский этнограф д.и.н., проф. С. А. Токарев; Л. С. Грибова считала себя его ученицей), участвовала в экспедициях, дипломную работу подготовила по истории материальной культуры коми-пермяков («“Культ древних” у коми-пермяков и его исторические корни») [1–11].

В 1961 г. Л. С. Грибова окончила Московский государственный университет и была распределена на работу в Сыктывкар, в Коми филиал АН СССР. С 1 августа 1961 г. она работала младшим научным сотрудником отдела этнографии и археологии, первоначально под руководством ведущего коми этнографа Л. Н. Жеребцова собирала материалы об изменении культурно-бытового уклада населения Коми АССР в годы Советской власти, но по

прошествии полутора лет сочла необходимым изменить тематику исследований, вернувшись к своим первоначальным, еще студенческим научным интересам. В январе 1963 г. Л. С. Грибова обратилась к руководителю коми филиала АН СССР П. П. Вавилову с просьбой перевести ее с коми-зырянской на коми-пермяцкую тематику (этногенез коми-пермяков, духовная культура или этнические связи коми-пермяков и коми-зырян), мотивировав это тем, что по коми-зырянской тематике уже работают Л. Н. Жеребцов, Я. Н. Безносиков и П. А. Куратов [1, 5, 12, 13]. Тогда же к П. П. Вавилову обратилась коми-пермяцкий лингвист к.филол.н. Р. М. Боталова (выпускница Коми пединститута, будущий доктор филологических наук, с 1963 г. долгое время работавшая в Институте языкознания АН СССР под руководством ведущего коми лингвиста В. И. Лыткина [14]), также просившая дать Л. С. Грибовой возможность заниматься этнографией коми-пермяков [1, 5].

Прошения были удовлетворены, и в том же году Л. С. Грибова поехала в экспедицию в Коми-Пермяцкий национальный округ, где в течение двух месяцев собирала материалы об исторической традиции в современном быту и духовной культуре коми-пермяков, а в октябре 1963 г. поступила в заочную аспирантуру Коми филиала АН СССР по специальности «Этнография народов СССР». В июне 1964 г. ее научным руководителем был утвержден д.и.н., проф. С. А. Токарев, который привлек молодого исследователя к участию в VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (3–10 августа 1964 г.), ставшему значимым событием в развитии отечественной этнографической науки [15]. В материалах конгресса появилась первая небольшая публикация Л. С. Грибовой, подготовленная, очевидно, на основе ее дипломного сочинения [16].

В 1964–1968 гг. Л. С. Грибова провела еще три экспедиции к коми-пермякам, во время которых собрала обширный и разнообразный полевой материал, освещавший состояние народного прикладного искусства и бытовые традиции коми-пермяков, представляющий несомненный научный интерес [5, 10, 12, 13]. В 1965–1968 гг. исследователь опубликовала четыре научные работы [17–20], одна из которых («Чудь по коми-пермяцким преданиям и верованиям») была подготовлена еще в 1962 г., а также изданную в Кудымкаре научно-популярную публикацию о художнике П. И. Субботине-Пермяке. На базе экспедиционных материалов Л. С. Грибова подготовила и в 1969 г. защитила кандидатскую диссертацию «Историческая традиция в народном искусстве коми-пермяков» [21]. Собранные ею сведения вошли в монографии «Пермский звериный стиль: Проблемы семантики» [22] и «Декоративно-прикладное искусство народов коми» [23], изданный уже после ее смерти альбом «Народное искусство коми» [24], но значительная часть материалов осталась неопубликованной – в частности, ряд экспедиционных отчетов, хранящихся в Научном архиве ФИЦ Коми НЦ УрО РАН [16].

Среди них – отчет об экспедиции 1964 г. в Сысольский район Коми АССР и Коми-Пермяцкий национальный округ. В том году в отделе этнографии и археологии Коми филиала АН СССР был создан этнографический отряд, который возглавил Л. Н. Жеребцов. В составе отряда были также Л. С. Грибова, П. А. Куратов, Е. А. Бирюкова, И. М. Паршуков и А. В. Мошев [25–27]. Целью работы Л. С. Грибовой был сбор материалов по исторической традиции в общественном и семейном быту, а также в духовной культуре коми-пермяков [25, л. 3; 26]. Планировались полевые исследования северных районов Коми-Пермяцкого национального округа, а также выезд в Красновишерский район Пермской области для изучения группы язьвинских пермяков. Л. С. Грибова пробыла в экспедиции четыре месяца. На севере Коми-Пермяцкого национального округа были изучены Гайнский и Косинский районы; кроме того, состоялись кратковременные выезды в некоторые сёла Кудымкарского и Кочевского районов (центральная часть округа). Поездка к язьвинским пермякам не состоялась из-за нехватки времени. Собранный материал включал личные наблюдения Л. С. Грибовой, сообщения информаторов из числа местных жителей, а также иллюстративный материал (фотографии и зарисовки художников А. В. Мошева и И. М. Паршукова) [25].

Общие результаты полевой работы этнографического отряда вошли в «Научный отчет об итогах этнографической экспедиции 1964 г. в Сысольский район Коми АССР и в Коми-Пермяцкий национальный округ». Материал, собранный Л. С. Грибовой, вошел в III раздел отчета и приложения [25, л. 46–87]. Ниже помещен фрагмент этого раздела, посвященный свадебному и похоронно-поминальному обрядам, детским играм, традиционной медицине, музыкальным инструментам. Публикаторами внесена минимальная редакторская правка.

* * *

Свадебная обрядность

<…> В наше время изредка еще встречается свадьба по старому обычаю, однако сохраняются элементы обряда, но содержание его приняло совершенно иной, новый характер. Так, формальный договор между родителями жениха и невесты сохраняется, однако фактически это – договор двух молодых людей, с которым поневоле должны считаться родители. Девичник также сохранился, однако в этот день невеста и не думает оплакивать свою судьбу, она просто в этот день готовится с помощью подруг к радостному дню свадьбы. Во время самой свадьбы, которая, как и в прошлом, еще сохранила «стол» и «пир», происходит гулянье и всеобщее веселье с песнями (старинными и современными), музыкой и т. д. Ушли в прошлое религиозные моменты в свадьбе. Регистрация производится в загсе или в сельском совете, забыты суеверные приметы, предостережения от колдовства во время свадьбы и т. д. Одним словом, в свадьбе наблюдается синкретизм старых и современных элементов, причем из старины сохраняется внешняя обрядовая сторона.

В последние годы нередко стали проводиться комсомольско-молодежные свадьбы. Примером такой свадьбы может служить одна свадьба, которую удалось увидеть в с. Коса. Женились тракторист д. Чадзова Николай Федорович Мартынов и учительница Раиса Васильевна Бусова. Ему – 23 года, ей – 22. Года два до этого, пока Ни-

колай был в армии, молодые вели дружескую переписку. Постепенно дружба переросла в любовь. Во время кратковременной побывки солдата молодые были обручены, сохранили верность и чистоту своих отношений до свадьбы. Их свадьба, которую справляли после уборки, в сентябре, вылилась не только в праздник их деревни, но даже в районный праздник.

Свадьбу справляли в с. Коса, хотя молодые оба проживали в д. Чадзова (за 30 километров). На гулянье, кроме родственников, были приглашены комсомольско-молодежные активисты из ряда других пунктов (Раиса и Николай – большие общественники районного масштаба, поэтому их знают и уважают во многих пунктах). Кто не смог приехать, поздравили молодых в приветственных телеграммах. Для праздничной церемонии был отведен большой зал Косинского дома культуры. Сцену и зал убрали ветками березы, рябины, ковровыми дорожками, цветами. Председатель женсовета Н. И. Филимонова открывает торжественный акт бракосочетания словами:

Мы строим коммунизм.
Что в мире краше, чем этот труд?
Где доблести предел?
Предела нет!
А кто сказал, что наша любовь
Должна быть мельче наших дел?

Затем заведующая бюро ЗАГС З. С. Шлякова познакомила молодых с советскими законами о браке. Именем РСФСР скрепляется гражданский брак. После этого к жениху и невесте подносят на красной бархатной подушечке кольца, и они обмениваются ими. Предлагается тост за здоровье молодой четы. Затем преподносятся подарки молодоженам, все гости поздравляют молодых, слышится традиционное горько. В заключение молодежь поет песню: Будет людям счастье. Свадебная процессия направляется к красочно украшенной машине. Молодые и сопровождающие уезжают в д. Чадзова, чтоб продолжить празднество по случаю большого события в жизни молодых людей. Праздник длится несколько дней.

Так выглядит современная молодежная свадьба. Это – один из многих новых современных обрядов, которые входят в жизнь коми-пермяков [25, л. 54–56].

Традиционные детские игры

Как и в прошлой экспедиции, мы в этом сезоне уделили внимание традиционным формам воспитания детей. В частности, удалось записать ряд игр. Приводим одну из них, наиболее распространенную в Гайнском районе.

Штандр. Группа детей выделяет двух вожаков – «матки». Все встают попарно в два ряда. Одиночки не играют. Всем парам дают кличку: мак – дерево, цвет – револьвер и т. д. Первый из первого ряда говорит маткам: «Матки, матки, чей вопрос, кому в рыло, кому в нос». Первая матка отвечает: «Мой вопрос», – и выкрикивает одно из названий: «Мак!» – играющий под таким названием идет к нему (условные тайные знаки или сигналы не допускаются). Сколько пар, столько и вопросов. Если остался один, и у него нет пары, одна из маток говорит: «Пусто на густо». Тот берет какой-нибудь маленький предмет, зажимает в которой-нибудь руке и спрашивает у матки: «Где густо? Где пусто?» – Матка показывает. Если отгадал – человек идет в его команду, если не отгадал – в другую. Так образовались две группы. Теперь начинается совместная игра. Первая матка бросает мяч вверх и выкрикивает кличку, например, «Мак!» – сам и все окружающие разбегаются в разные стороны. А тот, чье имя было выкрикнуто, должен поймать мяч и крикнуть: «Штандр!» – Все останавливаются на тех местах и в таком положении, в каком застал их окрик. Тогда этот галевой («шарин») кидает мячом в кого-нибудь.

Если галевой не смог поймать мяч, брошенный вверх маткой, он берёт его уже с земли, но на это уходит время, и играющие могут убежать далеко. Он может поднять мяч и кричать «штандр» или выкрикнуть какую-либо другую кличку, например, «Дерево», тогда уже «дерево» должен поймать мяч и кричать «штандр». Тот, в кого попал мяч, выбывает из игры. Если галевой не попал в цель, у него появляется «рука» («ки»). Он снова берет мяч и кричит «штандр». Если у него наберется три «руки», он выбывает из игры. В которой команде больше «рук», та проигрывает. Кто играет лучше всех, тот остается до конца и становится «старшим» («палачом», «прокурором»). С расстояния в 10 шагов он кидает мяч каждому игроку в спину по три раза. При этом «подсудимому» нельзя сходить с места, изворачиваться и т. д. На этом игра кончается [там же, л. 56–57].

Традиционные музыкальные инструменты

<…> В Гайнском и Косинском районах, как и в других районах, в прошлом широко были распространены самобытные музыкальные инструменты *пӧлян-ы* и *пиксан-ы*. Но здесь мы видим и новые разновидности их. На Ильин день шли специально за тростником *(туру-гум)* в лес. Это – высокое ветвистое растение с полым стеблем, растет в чаще, высотой до двух метров. Местами называют его *«пӧлян»* (дудка). Из этого растения делали своеобразную флейту под названием пиксан или чипсан. Это полая трубка длиной 40–50 см. При игре дуют в трубку с верхнего конца, прикрывая и открывая полностью или частично нижний конец трубки, и таким образом получая мелодию.

В Косинском районе помнят *пӧлян-ы* до 1,5 метров длиной. Это большие и тяжелые трубы из того же тростника, обмотанные берестой, издающие громкий низкий звук. Эти *пӧлян-ы* у коми-пермяков пока были неизвестны, и косинцы, по-видимому, сохранили очень древний музыкальный инструмент, аналогичный марийским девичьим трубам. Трубами и дудками играли в прошлом на игрищах. В настоящее время игра в дудки еще сохранилась, играют изредка на досуге дома или по пути с поля.

Другим видом духовых инструментов являются различного рода самодельные свирели и свистульки (детские и охотничьи – для приманки птиц), которые делаются из весенних прутьев черемухи, ивы или из гусиных перьев. Конструкция всех их сводится, в основном, к следующему: полая трубка с закрытым концом имеет отверстие сбоку и небольшую щель в верхнем конце, в которую дуют. В зависимости от величины щели изменялся звук. Данные

инструменты широко распространены и бытуют почти повсеместно и в настоящее время.

Барабан. Так называют дощечку с двумя палками, которые имеют пастухи. Они ударяют ритмично то одной, то другой палкой вместе или врозь, получая четкую дробь. Под эти звуки привыкший к ним скот собирается к пастуху. Другим, очевидно, более старинным видом барабана, или, скорее, деревянной трещотки был выдолбленный кусок бревна с палкой внутри. Такой барабан еще недавно был в д. Селище, но найти его уже не удалось. Пастухи же применяли и трубы *(пӧлян)*. Рассказывают, что в прошлом в д. Селище пастух никогда не ходил на пастбище – вечером поднимался на гору и начинал трубить. Весь скот собирался в деревню [там же, л. 72–73].

Представления о «мыжа» и народная медицина

Так же, как и иньвенские коми-пермяки, косинские до сих пор имеют ряд предрассудков, веру в кару со стороны духов мертвых *(мыжа)* и других сверхъестественных сил (святых, бога, некоторых животных и т. д.). Существует боязнь порчи взглядом, словом, прикосновением и напусканием какого-либо недуга. Поэтому до сих пор в наиболее удаленных от районных центров местах, а в особенности в деревнях, где отсутствуют медпункты, еще сохраняются знахарки и колдуньи, которые лечат самобытными способами, травами или даже магическими действиями. Так, если ребенок сильно плачет, лицо его брызгают водой, которую вначале ковшом выносят на улицу, затем заносят обратно, кидают в нее угольки и, наконец, используют. Остатки выливают на порог, под дверь. Опухоли, крупные фурункулы и др. «чертят» угольками или ножом, веря, что после этой процедуры боль должна утихнуть и опухоль – исчезнуть.

Ранение лечат экстрактом из вина и порошка белемнита (чертов палец – *куль чунь*). Порошок белемнита так же применяется как присыпка. При простуде ставят банки (даже консервные пол-литровые). В д. Сизова Кочевского района был случай, когда эти банки удалось снять, разбив их топором. Боли внутри живота обычно утоляют с помощью массажирования с мылом.

Особенно развита народная медицина в Косинском районе. Почти в каждой деревне есть женщина, которая собирает травы, высушивает их, затем применяет для лечебных настоек. Интересно, что травы собирают чаще в период раннего цветения (не раньше и не позже), подвергают свободной сушке на воздухе, в тени. К сожалению, местные жители не знают научных названий трав, а собрать их тоже не удалось.

1) Трава *«запарная»* – это высокая (до 40 см) трава, на которой по одному цветку на стебле. Растет на сухих возвышенных полянах. Высушив вышеописанным способом, траву заваривают в кипятке и настаивают, затем пьют по 100 г три раза в день. Она излечивает от болезни сердце, от поноса. В больших дозах опасна – при беременности может получиться выкидыш.

2) *Шмака турун* – можно курить и пить настойку. Маленьких детей просто окуривают. Эта трава действует успокаивающе, усыпляюще. Употребляют при эпилептических заболеваниях.

3) *Ной-турун.* Растет высотой до 25 см, с мохнатыми листьями, с желтоватыми цветами. Применяется при нарывах.

4) *Му-калина.* Ползучее растение с ягодами, похожими на ягоды можжевельника, более приятными на вкус. Ягоды и кусты заваривают и пьют от эпилепсии.

5) *Жо-ягод* – ягоды калины. Делают настой ягод с сахарным песком (1:1), принимают при болезни печени и желудка.

6) *Змей-турун.* Растет в озерах. Употребляют при нарывах.

7) *Желля-турун,* или *ерш-турун.* Растет в озерах – от женских заболеваний, от кровотечений.

8) *Чочком лапка.* Растет на сухих высоких местах – от болей.

9) *Тягун-турун* – от грыжи и выпадения матки.

10) *Цвет черемухи* – для выкидыша.

11) *Путш-кулан (мята)* – от желудочных заболеваний.

12) *Пихтовая хвоя пареная* – от ревматизма и паралича. Делается теплая ванна с пихтовой хвоей.

13) *Корни шиповника* – от всяких болезней. Поят заваркой и парят в ванне с корнями шиповника от простудных и ревматических заболеваний.

14) *Пареными муравьями* мажут при костных заболеваниях.

Лечили также и скот: травами, массажем. Кроме этих, возможно, действительно целебных трав, якобы имеются травы, предохраняющие от различных социальных бедствий и т. д. Так, трава «царий волос» якобы спасает от суда и армии. Есть якобы даже травы, владельцам которых не только постоянно сопутствует удача, но они даже могут получить желаемое (напр., родить двойников и т. д.). В народе даже существует поговорка: «Только три травы бесполезны».

Лечебными считаются также некоторые виды камней. Вот что сообщает нам о них краевед-любитель д. Гайнцова Кочевского района С. И. Исаев.

Чариз (от слова *чаротом*). Остаток якобы брошенного с неба молнией при громе. Камень ярко-прозрачного цвета, 2–3 см окружности. Несколько продолговат (овал). Якобы имеет сверхъестественные лечебные свойства. Им чертят опухшие места, так называемые *шой-лы*, в виде больших бородавок, зоб и др., лишаи (экзеляр и др.). Чертят только с наговорами, спрыскивая водой с углями.

Куль-чунь. Зеленого цвета, нетвердый, легко соскабливается ножом, получается белый порошок. Лечат задержку мочи, а подчас для гона мочи. Поят при болях в животе, тоже – с наговорами.

Камень от сорока болезней – камень дыроватый с тремя-четырьмя дырочками, якобы проеденный червями. Сверху шероховатый желто-коричневый. Лечат: пропускают через отверстия воду с наговорами и поят от задержания мочи у людей и скота, от задержки молока у коров, поят и моют вымя.

Более опытные знахари готовят настой из трав. Камни выманить у них трудно, да и узнать тоже [там же, л. 73–77].

Похоронно-поминальные обряды

У северных коми-пермяков еще прочно держатся старинные похоронно-поминальные обряды. Несмотря на то, что основная масса населения, за исключением религиозных старух, несомненно, не верит в загробную жизнь и понимает бессмыслие многих отживших обычаев и ритуала, связанных с похоронами и поминками умерших, все-таки они продолжают бытовать, почти не изменяясь. Это – «святая» традиция. Соблюдение ее обусловлено негласными правилами общежития, определенными нормами поведения, и разрушитель ее обычно рискует быть осужденным родными и знакомыми, ослыть грубияном и невежественным человеком. Память о покойном, независимо от того, хороший это был человек или плохой, должна быть всегда только светлая, и обычно даже о врагах после их смерти редко кто решится вспомнить какие-либо отрицательные стороны их жизни. И это – также не из боязни перед умершим или его духом и не потому, что это грех (это уже забыто), сколько по традиции, потому, что так принято, потому, что так делалось сотни лет.

Чтобы дать ясное представление о похоронах, можно подробно описать действительный процесс похорон, который члены нашей экспедиции наблюдали воочию.

Это было в д. Конопля Мысовского с/с Гайнского района. Мы еще накануне слышали, что умер старик лет 60. Утром, когда услышали плач и пение, пошли в дом покойного. Вся изба была наполнена народом, народ был на крыльце, в сенях и даже на улице; здесь были и старые, и молодые, даже дети. Одни пришли проститься с родным, другие – просто посмотреть. Покойник (старик лет за 60) лежал на передней лавке головой к иконам. Под ним было какое-то рваное тряпье, укрыт белым полотенцем во всю длину тела. Над покойником висело новое белое полотенце (покупное). Стол на этот раз стоял длинной стороной к боковой лавке, у стола стоял спиной к людям и лицом к покойнику и иконам местный «поп» (вернее, местный старожил, исполняющий за неимением попа его роль в «нужные» для деревни моменты). Он что-то невнятно, через нос, бормотал, смотря в книгу, а группа женщин, стоявшая поодаль у забора, повторяли вслед за ним «Господи, помилуй», а затем пели «Святой боже, святой, крепкий, святой бессмертный, помилуй нас». Так повторялось несколько раз.

Затем «поп» отошел, на стол постелили скатерть, поставили буханку хлеба, соль и брагу в туесе. Группа женщин снова запела и бесконечно повторяла «Святой боже…», ничего не прибавляя к вышеописанным словам. В это время одна женщина, кажется, самая старая, зажгла «ладан» в специальном ковшике и стала окуривать больного. Близкие покойного, две его дочери, громко рыдали, нисколько не стесняясь присутствующих, и, несомненно, к естественной скорби прибавилась и общепринятая в коми-пермяцком крае «обязанность» близких оплакивать покойного нарочито-громко с причитаниями.

Мужчинам было велено внести гроб. Гроб поставили на поленья посередине комнаты, изголовьем к передней лавке. Затем занесли веники и сухую листву от них расстелили в гроб. Сверху набросили старую чистую тряпку (кажется, от юбки), наконец, постелили длинное белое полотнище. Оно оказалось много длиннее гроба, одна женщина хотела оборвать торчавший почти на метр конец полотнища, но ей не разрешили, скомкали конец в изголовье. Затем уложили в гроб покойного, не открывая его. Кажется, он одет в темную поношенную, но чистую одежду. На ногах поношенные туфли, очевидно, те, которые он носил при жизни. На голове белый капот, сверху – старая кепка. По обычаю, всех верующих христиан здесь хоронят только в белой одежде, но умерший, оказывается, не был верующим и потому перед смертью наказал схоронить его в обычной одежде.

Зажгли три свечи, поставили их на край гроба слева, справа и над головой покойного. Затем началось прощание близких с умершим. Обе дочери долго плакали, причитая, над умершим, под аккомпанемент хора, который пел «Святой боже…». Затем стали прощаться все: каждый подходил к гробу с ног покойного обходил его по часовой стрелке, трижды преклонив колени и склоняя голову к сложенным на край гроба рукам. Причем в руках у каждого обязательно был платок, край фартука или кепка (очевидно, прикасаться к гробу голыми руками по обычаю не положено). Простились, только старшие из присутствующих и близкие родственники. Остальные до конца остались наблюдателями. Дети не прощались.

Затем вынесли гроб с покойником – ногами вперед – на улицу и поставили его на сани, хотя было лето, и стояла сухая погода. Ямщик, молодой еще человек, сел на лошадь, и процессия потянулась к кладбищу. Пошли не все, однако многие, в том числе молодежь и дети, вместе с родственниками умершего и приглашенными пошли следом за гробом. Прибыв на кладбище, процессия остановилась у вскопанной заранее ямы. Глубина ямы поразила нас – более двух метров. В стенках ямы приблизительно на высоте одного метра вырыто по три проема. Вначале в яму спустили пожилую женщину, очевидно, родственницу покойного. Ударом заступа о землю она сделала три креста на дне ямы и окурила яму ладаном (выгнала чертей). Затем ее подняли из ямы. Мужчины уложили три толстых перекладины. На эти перекладины над могильной ямой поставили гроб, головой покойника на северо-запад, посыпали покойного поверх покрывала горстями земли, затем закрыли гроб крышкой, не прибивая ее. Началось снова прощание. Обходя по часовой стрелке гроб, прощающиеся трижды склоняли головы к крышке гроба, шепча что-то, очевидно: «Прости». В это время родственница умершего, пожилая женщина начала раздавать «дары»: хлеб, муку, шерсть, куски ткани. Дары получили в основном те, кто принял участие в обмывании покойника, в отпевании его, кто сколотил гроб, выкопал яму и т. д. Вещи раздавались не через гроб, а около него.

Затем под гробом провели три длинных полотнища, и с двух сторон могильной ямы взялись за их концы и приподняли гроб. Другие вытащили из-под гроба брусья. Гроб осторожно начали опускать в яму. В это время хор снова запел, подошли два охотника с ружьями и дважды выстрелили в небо. Гроб опустили на дно ямы, вытащили полотнища, и они опять пошли в дар. На гроб бросили несколько

комьев земли. Затем в яму спустился мужчина, ему подавали брусья, он вложил их в вырытые в стенки ямы проемы, затем на них положил в ряд доски. Затем он поднялся из ямы. Могилу начали засыпать. Сначала сбрасывали землю лопатами и руками девочки-подростки. Затем за лопаты взялись взрослые, и яма быстро заполнилась землей. На этом церемония похорон завершилась. Люди начали расходиться по домам. Многие пошли к могилам своих умерших родственников, чтобы помолиться. Приглашенные ушли на поминальный ужин. Мы не были приглашены, поэтому сочли неудобным навязать свое присутствие людям, которые так были заняты своим горем.

Таков обряд погребения у северных коми-пермяков. По существу, он мало чем отличается от похорон в других коми-пермяцких районах. Однако небольшие изменения наблюдаются повсеместно. Так, например, обычно прощаются все присутствующие, а не часть их, причем многие просто обходят гроб, не касаясь его и не преклоняя колен. Далеко не всегда производится отпевание, а тем более – в сопровождении чтения молитв. Таких «попов», какой есть в д. Мысы, в округе – единицы, также нет молитвенных книг, да и очень немногие из стариков помнят молитвы до сих пор. Но формальное моление, плач с причетами еще повсеместно распространены. Хотя ритуал остается прежний (обязательно пока трехдневное или хотя бы двухдневное оставление умершего дома, обязательны обеды, угощения в память умершего, раздача некоторых вещей умершего посторонним), однако он все более теряет, а зачастую уже утерял свою религиозную сущность, превращаясь в обычную гражданскую панихиду, во время которой близкие и родные отдают последние почести умершему, выражают свою скорбь и соболезнование по поводу кончины, вспоминают его заслуги перед обществом и т. д.

Вместо христианского креста или еще более древних языческих надгробных знаков нередко ставят памятник со звездой, независимо от того, коммунист умерший или нет. Лет 20 назад памятник со звездой ставился только на могиле коммуниста. Памятник сооружается обычно из деревянных досок и окрашивается в красный цвет. К нему нередко прибивают небольшую рамку со стеклом с карточкой умершего. Новым в похоронном обряде является и то, что зачастую гроб обивают красным материалом, делаются венки из веток и цветов. Покойника в последний путь провожают с музыкой (духовой оркестр или обыкновенная гармонь), везут на кузове грузовой машины.

Поминальный обряд также в значительной мере сохранил традиционную форму. Покойника поминают, устраивая жертвенную тризну и небольшие дары в церковь или просто знакомым («жертва умершему») в день похорон (обычно – это на третий день после смерти), затем на девятый день, на двадцатый и на сороковой (шесть недель), а также ежегодно в день смерти и в общепоминальный Четверг – Семик.

В разных слоях населения поминки справляются по-разному. Крестьяне-колхозники, в особенности пожилые, справляют поминки «по старинке», т. е. с молитвами, свечами, с обильным угощением и дарами «бедным». Мужчины, как и женщины, принимают участие в поминках, однако скорее с целью выпивки, чем с действительным желанием «помянуть» умерших. Нередко поминки умерших, особенно в общепоминальные дни (Семик и Радуница), когда население ходит на кладбища, превращаются в большой праздник. На кладбище идут с гармошками, с вином, пивом, брагой и с обильной закуской. После редкого причитания *(деръялöм)* на одной-двух могилах (какой-нибудь одинокой вдовы или матери), редкого моленья *(юрбитöм)* и окуривания *(кадиччöм)*, начинается всеобщая тризна с обильной выпивкой. Дело нередко кончается песнями, плясками и даже дракой. Празднество продолжается и дома, весь день и вечер. Однако интеллигенция, в особенности коммунисты, поминки отрицают и не справляют, хотя надо признать, что скорее это так рекламируется, чем делается на самом деле. Это и естественно: в современных поминках отражается не столько вера в загробную жизнь и преклонение перед силой духов умерших (это почти никто уже не сознает), сколько моральная потребность каждого принести благодарность, дань, вспомнить своих близких, родных, сыгравших, возможно, огромную роль в твоей жизни, в жизни данного коллектива и т. д. Плохо не то, что поминки продолжают существовать, а то, что они превращаются иногда в обыкновенную пьянку и разгул, что, казалось бы, никак не соответствует сущности ритуального торжества [25, л. 77–83].

Культ «древних»

У коми-пермяков, небольшой группы их в Кочевском и Косинском районах, сохраняются пережитки более древнего языческого культа – поминки «древнего», чудского народа. <…> Кратко хочется дать описание самих поминок, непосредственно увиденных нами в местечке Важ Чадзöв летом 1964 г. во время экспедиции. 19 июня, в субботу перед христианским праздником Троицей, я решила попасть на поминки «древних», о существовании которых знала с детства, но давно не наблюдала. Я ожидала, что в урочище Важ Чадзöв соберется человек 10–15 больных старух, которые придут просить древних снять с них кару. До поляны меня проводила библиотекарь Чадзöвской сельской библиотеки, дальше она со мной не пошла: «Неудобно, люди скажут, что сами активисты ходят на поминки».

Я приблизилась к месту поминок. Каково же было мое удивление, когда я увидела массу людей в ярких праздничных одеждах, группами сидящих почти по всей опушке леса около священного столба, в основном, к западу от него. Здесь было не меньше 200 человек. Были женщины, старые и молодые, даже молоденькие девушки, дети, старики и несколько молодых мужчин. Трапеза была в полном разгаре. Почти все сидели группами и в одиночку, разложив перед собой домашнюю стряпню, открыв туесы с пивом, брагой и т. д.

Увидев меня – незнакомого человека с фотоаппаратом (я уже фотографировала их издали, боясь, что они уйдут) – люди начали быстро собираться, многие тут же встали и двинулись к лесу. Масса заволновалась, однако многие остались на месте, а некоторые, вновь прибывающие, вели себя непринужденно, начинали молиться, вста-

вая даже на колени и кланяясь до земли перед столбом. После моления они садились, стелили на землю, принесенную с собой скатерть или полотенце, раскладывали шаньги, пироги, яйца и т. д., приступали к еде. Ели сами и угощали других, предлагали угоститься каждому, кто находился поблизости.

Я подошла совсем близко, сначала ко мне отнеслись недоверчиво, некоторые посматривали зло или недружелюбно. Начали уговаривать «не снимать их для газеты». Я сказала им, что попала к ним случайно, увидев толпу, решила, что народ справляет какой-то праздник. А фотоаппарат у меня личный, и, если кто желает, я могу сфотографировать. Желающих оказалось очень много, и мне пришлось долго ходить и щелкать по группам. Все предлагали мне угоститься. Многие силой заставляли поесть или выпить именно их пиво. Я знала, что отказ от угощения оскорбляет людей, поэтому и поела, и попила.

Многие из поминающих уже ушли. Все уходили в сторону леса, но я знала, что они уходят не домой, а к реке, и поэтому пошла вместе с ними. Люди уже помылись в реке, только немногие женщины и дети еще стояли по колено в воде, но и те, увидев меня, быстро поднимались на берег. Здесь на зеленой лужайке началось веселое гулянье. Женщины, взявшись за руки организовали хоровод. Начались песни, пляски. Нашлась и гармоника. Одни просто гуляли по берегу, другие сидели, разговаривали, смеялись. Снова угощали друг друга. Так как у некоторых с собой были вино и водка, многие опьянели, народ стал веселый и несколько развязный.

Ко мне подходили сами, просили «заснять» их, рассказывали, для чего они ходят сюда. Важ Чадзöв, по их мнению, – самое страшное место, оно «карает» людей, приносит им болезни костей, глаз, головы и т. д. Рассказали ряд случаев, когда никакие врачи якобы не смогли вылечить их, а вот молитва и поминки «древних» излечили от недуга. Постепенно народ начал расходиться, и к трем часам дня я была уже в селе – пришла вместе с поминающими, многие из которых убедительно просили меня зайти к ним: ведь сегодня у них праздник, и есть чем угостить.

Так прошли поминки «древних» летом прошлого года. Таким образом, они сегодня еще существуют. Две фотопленки, заснятые во время поминок, зафиксировали пережиток, уходящий в далекую древность, в период, когда люди боялись мести своих умерших сородичей, веря в загробную жизнь и зависимость живых от мертвых.

Правда, этот пережиток сохранил от культа предков только единственную религиозную черту: веру в сверхъестественную порчу и исцеление, сами же поминки, весь обряд превратился в обычную праздничную прогулку и массовое гуляние. Именно последнее, пожалуй, невозможно ликвидировать. Особенно молодежь и дети идут сюда не «отмаливать» грехи, вину перед древними «родителями», а просто ради любопытства, ради вкусной пищи и ради веселого гулянья. Среди «поминающих» я заметила несколько интеллигентных молодых пар (очевидно, студентов), которые уединились в различных укромных местах у реки. Наверняка, эти пары пришли сюда не молиться и не «лечиться».

Мне думается, навряд ли надо ликвидировать это гулянье вообще. Пусть оно останется традиционным местным праздником, только надо в него влить новое содержание. Пусть во время этого праздника вспомнят не только своих «чудских» предков – основателей деревень этого края, но и погибших за родину героев, героев, построивших колхозы, организаторов советской власти, школ, клубов – людей, которые отдали свою жизнь народу. Можно было бы организовать здесь же, на поляне, небольшой концерт. И все это можно организовать в субботу же после работы, а не с утра, тем более что следующее за ней воскресенье – тоже праздник, бывшая Троица, превращенная здесь, в Косинском районе, в День Березки, в веселый праздник весны и цветов, в праздник с массовым гуляньем, концертами, песнями и плясками с коллективным угощением. Даже их можно было бы слить в один праздник весны, если перенести место празднества из села в это традиционное для народа Важ Чадзöв. Только в том случае, если новое в празднестве будет интересным, содержательным, старый обряд поминовения «древних родителей» отомрет окончательно [там же, л. 83–87].

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники

1. Личное дело Л. С. Грибовой // Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН). Ф. 1. Оп. 22. Д. 31.
2. Грибова Любовь Степановна // Ученые Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН / сост. И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2000. – С. 50–51.
3. Шарапов, В. Э. Л. С. Грибова – исследователь народной культуры коми / В. Э. Шарапов // Арт. – 2003. – № 4. – С. 94–98, 148.
4. Жеребцов, И. Л. Грибова Любовь Степановна / И. Л. Жеребцов // Ямал: энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа. – Салехард, 2004. – Т. 1. – С. 247.
5. Жеребцов, И. Л. Любовь Степановна Грибова / И. Л. Жеребцов, В. Э. Шарапов // Очерки по истории изучения этнографии коми. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2007. – С. 138–140.
6. Дерябин, В. С. Научные заслуги Л. С. Грибовой в развитии российской этноархеологии / В. С. Дерябин // Этнокультурное наследие пермских финнов. – Кудымкар, 2013. – С. 9–11.
7. Шарапов, В. Э. Л. С. Грибова – исследователь народного изобразительного искусства коми / В. Э. Шарапов // Этнокультурное наследие пермских финнов. – Кудымкар, 2013. – С. 19–23.
8. Мальцева, Н. А. О жизни и деятельности известного финно-угорского этнографа Любови Степановны Грибовой / Н. А. Мальцева // Грибова Л. С. Пермский звериный стиль. – Кудымкар: Коми-пермяцкий этнокультурный центр, 2014. – С. 162–167.
9. Мальцева, Н. А. Этнограф Любовь Степановна Грибова: страницы биографии / Н. А. Мальцева // Коми-пермяц-

кий этнографический сборник. – СПб.: Маматов, 2014. – С. 54–68.
10. Шарапов, В. Э. Вклад Л. С. Грибовой в изучение декоративно-прикладного искусства народов Коми / В. Э. Шарапов, И. Л. Жеребцов / Известия Коми НЦ УрО РАН. Серия «История и филология». – 2023. – № 1 (59). – С. 211–215.
11. Черных, А. В. Из истории коми-пермяцкой этнографии: Любовь Степановна Грибова. К 90-летию со дня рождения / А. В. Черных, Д. И. Вайман // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. – 2023. – № 2. – С. 61–67.
12. Миронова, Н. П. Экспедиционная повседневность женщины-этнографа Коми филиала АН СССР в 1960-е гг. (по личным дневникам Л. С. Грибовой) / Н. П. Миронова, Н. Г. Лисевич, А. Г. Оседах // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект). – СПб.: ЛГУ, 2019. – С. 331–337.
13. Бровина, А. А. Личный фонд исследователя народной культуры Л. С. Грибовой в Научном архиве Коми НЦ УрО РАН / А. А. Бровина, Н. Г. Лисевич // Финно-угроведение. – 2010. – № 1. – С. 87–93.
14. Коньшин, А. Е. Творчество Р. М. Баталовой: социально-политическая значимость / А. Е. Коньшин // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 123–129.
15. Алымов, С. С. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук в Москве (1964) и трансформация советской этнографии в эпоху оттепели / С. С. Алымов // Сибирские исторические исследования. – 2023. – № 1. – С. 96–127.
16. Грибова, Л. С. Культ «древних» у коми-пермяков / Л. С. Грибова // Материалы VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. – М.: Наука, 1964. – С. 7.
17. Грибова, Л. С. Чудь по коми-пермяцким преданиям, верованиям / Л. С. Грибова // Всесоюзная конференция по финно-угроведению: тезисы докладов и сообщений. – Сыктывкар, 1965. – С. 137–140.
18. Грибова, Л. С. Историческая традиция в современном прикладном искусстве коми-пермяков / Л. С. Грибова // Тезисы докладов и сообщений V Уральского археологического совещания. – Сыктывкар, 1967. – С. 83–86.
19. Грибова, Л. С. Современное прикладное искусство коми-пермяков / Л. С. Грибова // Материалы Второй Коми республиканской молодежной научной конференции. – Сыктывкар, 1967. – С. 50–53.
20. Грибова, Л. С. Традиционная резьба на сельских постройках коми-пермяков / Л. С. Грибова // Советская этнография. – 1968. – № 6. – С. 107–116.
21. Грибова, Л. С. Историческая традиция в народном искусстве коми-пермяков: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Л. С. Грибова. – М.: МГУ, 1969. – 16 с.
22. Грибова, Л. С. Пермский звериный стиль: Проблемы семантики / Л. С. Грибова. – М.: Наука, 1975 – 148 с.
23. Грибова, Л. С. Декоративно-прикладное искусство народов коми / Л. С. Грибова. – М.: Наука, 1980. – 240 с.
24. Грибова, Л. С. Народное искусство коми / Л. С. Грибова, Э. А. Савельева. – М., 1992. – 190 с.
25. Жеребцов, Л. Н. Научный отчет об итогах этнографической экспедиции 1964 г. в Сысольский район Коми АССР и в Коми-Пермяцкий национальный округ / Л Н. Жеребцов, П. А. Куратов, Л. С Грибова // Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 108. 195 л.
26. Жеребцов, И. Л. Л. Н. Жеребцов – участник этнографических экспедиций 1950–1970-х годов (к столетию со дня рождения) / И. Л. Жеребцов // Известия Коми НЦ УрО РАН. Серия «Историческая демография». – 2025. – № 9 (85). – С. 100–114.
27. Жеребцов, И. Л. П. А. Куратов. Поселки лесозаготовителей верхней и средней Сысолы по материалам этнографической экспедиции 1964 года / И. Л. Жеребцов, В. А. Саблин, И. Н. Тяпин // Известия Коми НЦ УрО РАН. Серия «Историческая демография». – 2025. – № 9 (85). – С. 142–151.

References

1. Lichnoe delo L. S. Gribovoy [Personal file of L. S. Gribova] // Scientific Archive of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. F. 1. Op. 22. D. 31.
2. Lyubov Stepanovna Gribova // Scientists of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. – Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2000. – P. 50–51.
3. Sharapov, V. E. L. S. Gribova – issledovatel' narodnoj kultury komi [L. S. Gribova – a researcher of the Komi people's culture] / V. E. Sharapov // Art. – 2003. – No 4. – P. 94–98, 148.
4. Zherebtsov, I. L. Lyubov Stepanovna Gribova / I. L. Zherebtsov // Yamal. Encyclopedia of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. – Salekhard, 2004. – Vol. 1. – P. 247.
5. Zherebtsov, I. L. Lyubov Stepanovna Gribova / I. L. Zherebtsov, V. E. Sharapov // Essays on the historical studies of the Komi ethnography. – Syktyvkar: Inst. of Language, Liter. and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2007. – P. 138–140.
6. Deryabin, V. S. Nauchnye zaslugi L. S. Grobovoj v razvitii rossijskoj etnoarheologii [L. S. Gribova's scientific contributions to the development of Russian ethnoarchaeology] / V. S. Deryabin // Ethnocultural heritage of the Permian Finns. – Kudymkar, 2013. – P. 9–11.
7. Sharapov, V. E. L. S. Gribova – issledovatel' narodnogo izibrazitelnogo iskusstva komi [L. S. Gribova – a researcher of the folk art of the Komi people] / V. E. Sharapov // Ethnocultural heritage of the Permian Finns. – Kudymkar, 2013. – P. 19–23.
8. Maltseva, N. A. O zhizni i deyatelnosti izvestnogo finno-ugorskogo etnografa Lyubovi Stepanovny Gribovoj [About the life and work of the renowned Finno-Ugric ethnographer Lyubov Stepanovna Gribova] / N. A. Maltseva // Gribova L. S. Perm animal style: problems of semantics. – Kudymkar: Komi-Permian Ethnocultural Center, 2014. – P. 162–167.

9. Maltseva, N. A. Etnograf Lyubov Stepanovna Gribova [Ethnographer Lyubov Stepanovna Gribova: pages of her biography] / N. A. Maltseva // Komi-Permian Ethnographic Collection. – Kudymkar: Mamatov, 2014. – P. 54–68.
10. Sharapov, V. E. Vklad L. S. Gribovoj v izuchenie dekorativno-prikladnogo iskusstva narodov Komi [Contribution of L. S. Gribova to the study of decorative and applied art of the Komi people] / V. E. Sharapov, I. L. Zherebtsov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «History and Philology». – 2023. – № 1 (59). – P. 211–215.
11. Chernykh, A. V. Iz istotii komi-permyackoj etnografii: Lyubov Stepanovna Gribova. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya [From the history of Komi-Permian ethnography: Lyubov Stepanovna Gribova. To the 90th birth anniversary] / A. V. Chernykh, D. I. Vaiman // Bull. of Perm Federal Research Center. – 2023. – № 2. – P. 61–67.
12. Mironova, N. P. Ekspedicionnaya povsednevnost' zhenschiny-etnografa komi filial AN SSSR v 1960-e gg. (po lichnym dnevnikam L. S. Grobovoi) [The expeditionary daily life of a female ethnographer at the Komi Branch, USSR Academy of Sciences in the 1960s (based on the personal diaries of L. S. Gribova)] / N. P. Mironova, N. G. Lisevich, A. G. Osedakh // Natural and geographical factors in the everyday life of the Russian population: history and modernity (regional aspect). – St. Petersburg: Leningrad State Univ., 2019. – P. 331–337.
13. Brovina, A. A. Lichnyj fond issledovatelya narodnoj kultury L. S. Gribovoj v Nauchnom arhive Komi NC UrO RAN [Personal Fund of the researcher of folk culture L. S. Gribova in the Scientific Archive of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS] / A. A. Brovina, N. G. Lisevich // Finno-Ugrian studies. – 2010. – No 1. – P. 87–93.
14. Konshin, A. E. Tvorchestvo R. M. Batalovoj: socialno-politicheskaya znachimost' [Creativity of R. M. Batalova: social and political significance] / A. E. Konshin // Historical and cultural heritage of the Ural-Volga Region peoples. – 2022. – Vol. 12, No 1. – P. 123–129.
15. Alymov, S. S. VII Mezhdunarodnyj congress antropologicheskih i etnograficheskih nauk v Moskve (1964) i transformaciya sovetckoj etnografii v epohu ottepeli [The 7th International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences in Moscow (1964) and the transformation of Soviet Ethnography during the Thaw Era] / S. S. Alymov // Siberian historical research. – 2023. – No. 1. – P. 96–127.
16. Gribova, L. S. Kult «drevnikh» u komi-permyakov [The cult of the «ancients» among the Komi-Permians] / L. S. Gribova // Proc. of the 7th Intern. Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences. – Moscow: Nauka, 1964. – P. 7.
17. Gribova, L. S. Chud' po komi-permyackim predaniyam i verovaniyam [Chud' according to Komi-Permian legends and beliefs / L. S. Gribova] // All-Union Conference on Finno-Ugric Studies: abstracts of papers and reports. – Syktyvkar, 1965. – P. 137–140.
18. Gribova, L. S. Istoricheskaya tradiciya v sovremennom prikladnom iskusstve komi-permyakov [Historical tradition in the contemporary applied art of the Komi-Permians] / L. S. Gribova // Abstracts of papers and presentations at the Vth Ural Archaeological Conference. – Syktyvkar, 1967. – P. 83–86.
19. Gribova, L. S. Sovremennoe prikladnoe iskusstvo komi-permyakov [Modern applied art of the Komi-Permians] / L. S. Gribova // Materials of the Second Komi Republican Youth Sci. Conference. – Syktyvkar, 1967. – P. 50–53.
20. Gribova, L. S. Tradicionnaya rezba na selskih postrojkah komi-permyakov [Traditional carving on Komi-Permian rural buildings] / L. S. Gribova // Soviet ethnography. – 1968. – No. 6. – P. 107––116.
21. Gribova, L. S. Istoricheskaya tradiciya v narodnom iskusstve komi-permyakov [Historical tradition in the folk art of the Komi-Permians]: abstract of diss... Cand. Sci. (History) / L. S. Gribova. – Moscow: Moscow State University, 1969. – 16 p.
22. Gribova, L. S. Permskij zverinyj stil' [Perm Animal Style: problems of semantics] / L. S. Gribova. – Moscow: Nauka, 1975. – 148 p.
23. Gribova, L. S. Dekorativno-prikladnoe iskusstvo narodov komi [Decorative and Applied Arts of the Komi People]/ L. S. Gribova. – Moscow: Nauka, 1980. – 240 p.
24. Gribova, L. S. Narodnoe iskusstvo komi [Komi Folk Art] / L. S. Gribova, E. A. Savelyeva. – Moscow, 1992. – 190 p.
25. Zherebtsov, L. N. Nauchnyj otchet ob itogah etnograficheskoj ekspedicii 1964 g. v Sysolskij rajon Komi ASSR i v Komi-Permyatskij nacionalnyj okrug [Sci. report on the results of the ethnographic expedition to the Sysola region of the Komi ASSR and Komi-Permian National Okrug in 1964] / L. N. Zherebtsov, P. A. Kuratov, L. S. Gribova // Sci. Archive of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. F. 1. Op. 13. D. 108. 195 L.
26. Zherebtsov, I. L. L. N. Zherebtsov – uchastnik etnograficheskih ekspedicij 1950-1970-h godov (k stoletiyu so dnya rozhdeniya) [L. N. Zherebtsov – participant in ethnographic expeditions in the 1950s and 1970s (on the centenary of his birth)] / I. L. Zherebtsov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. Series «Historical Demography». – 2025. – No. 9(85). – P. 100–114.
27. Zherebtsov, I. L. P. A. Kuratov. Poselki lesozagotovitelej verhnej i srednej Sysoly po materialam etnograficheskoj ekspedicii 1964 goda [Logging settlements in the Upper and Middle Sysola, based on materials of the 1964 ethnographic expedition] / I. L. Zherebtsov, V. A. Sablin, I. N. Tyapin // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. Series «Historical Demography». – 2025. – No 9 (85). – P. 142–151.

Благодарность (госзадание):

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Acknowledgents (state task):

The publication was prepared within the frames of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences.

Информация об авторах:

Шарапов Валерий Энгельсович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, ORCID: 0000-0003-0032-7081, SPIN-код: 3536-5731 (167023, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: sharapov.valery@gmail.com).

Жеребцов Игорь Любомирович – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, ORCID: 0000-0002-7115-4547, SPIN-код: 4146-9470 (167023, Российская Федерация, г. Сыктывкар, Республика Коми, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru).

Authors:

Valery E. Sharapov – Cand. Sci. (History), Leading Researcher of the Ethnography Sector, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, ORCID: 0000-0003-0032-7081, SPIN-code: 3536-5731 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167023, Russian Federation; e-mail: sharapov.valery@gmail.com).

Igor L. Zherebtsov – Dr. Sci. (History), Director of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, ORCID: 0000-0002-7115-4547, SPIN-code: 4146-9470 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167023, Russian Federation; e-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru).

Для цитирования:

Шарапов, В. Э. Полевые материалы этнографа Грибовой Л. С. по исторической традиции в современном быту и духовной культуре коми-пермяков (1964) / В. Э. Шарапов, И. Л. Жеребцов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 3 (88). – С. 128–137.

For citation:

Sharapov, V. E. Field materials of the ethnographer L. S. Gribova on the historical tradition in the everyday life and spiritual culture of the Komi-Permians (1964) / V. E. Sharapov, I. L. Zherebtsov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2026. – No. 3 (88). – P. 128–137.

Дата поступления статьи: 13.04.2026
Прошла рецензирование: 30.04.2026
Принято решение о публикации: 08.05.2026
Received: 13.04.2026
Reviewed: 30.04.2026
Accepted: 08.05.2026

УДК 94(47).084.9
DOI 10.19110/1994-5655-2026-3-138-142

Нравственно-трудовые ценности, отраженные в северном художественном тексте второй половины XX века

Кушнерева К. В.

Вологодский научный центр РАН,
г. Вологда

k.v.kushnereva@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию специфики нравственно-трудовых ценностей, репрезентированных в северном художественном тексте второй половины XX в. На материале прозы таких писателей, как В. П. Астафьев, В. Г. Распутин, Ю. В. Бондарев, С. П. Залыгин, Ю. С. Рытхэу и др., автор рассматривает, как суровые условия Русского Севера формируют особую этическую систему, в которой труд выступает не только как экономическая необходимость, но и как ключевой элемент духовного бытия человека и его связи с миром. В фокусе анализа находятся ценности коллективной ответственности, взаимопомощи, бережного отношения к природе, честного мастерства, стоицизма и достоинства в условиях экстремального быта. Автор приходит к выводу, что в северном тексте труд осмысливается как способ сохранения человеческого в человеке, нравственный императив и форма диалога с традиционной культурой и окружающим ландшафтом, что составляет основу для противостояния процессам социального и экологического отчуждения, актуальным для второй половины XX столетия.

Ключевые слова:

северный текст, нравственно-трудовые ценности, Русская литература XX в., региональная литература, труд-долг, коллективизм, взаимопомощь

Moral and labor values reflected in the Northern literary text of the second half of the XX century

Kushnereva K. V.

Vologda Science Center, Russian Academy of Sciences,
Vologda

k.v.kushnereva@yandex.ru

Abstract

The paper deals with the specifics of moral and labor values represented in the Northern literary text of the second half of the XX century. Based on the prose of such writers as V. P. Astafyev, V. G. Rasputin, Yu. V. Bondarev, S. P. Zalygin, Yu. S. Rytkhau, [et al.], it is considered how the harsh conditions of the Russian North form a special ethical system in which labor acts not only as an economic necessity, but also as a key element of a person's spiritual existence and his connections with the world. The analysis focuses on the values of collective responsibility, mutual assistance, respect for nature, honest craftsmanship, stoicism, and dignity in an extreme lifestyle. The author comes to the conclusion that in the Northern text, labor is understood as a way to preserve the human in a person, a moral imperative, and a form of dialogue with traditional culture and the surrounding landscape, which forms the basis for resisting the processes of social and environmental exclusion relevant to the second half of the XX century.

Keywords:

Northern text, moral and labor values, Russian literature of the XX century, regional literature, labor-duty, collectivism, mutual assistance

Северный художественный текст второй половины XX в. сформировался как мощное философское и эстетическое явление, в центре которого – осмысление кризисного состояния взаимоотношений человека, природы и цивилизации. В творчестве Виктора Астафьева, Валентина Распутина, Юрия Рытхэу, Сергея Залыгина и других писателей суровый ландшафт Севера и Сибири становится не просто декорацией, а активным субъектом повествования, формирующим особую этическую систему ценностей. В ее основе лежит представление о труде как духовной практике, нравственном императиве, способе установления гармоничной связи с миром и противостояния процессам социального и экологического отчуждения, характерным для индустриальной эпохи.

Цель данной статьи – проанализировать, как в художественном мире северной прозы труд трансформируется из экономической или биологической необходимости в акт духовного делания, а нравственные ценности обретают конкретное, «материальное» воплощение в повседневных практиках. Мы исходим из гипотезы, что ключевым конфликтом в этом тексте является противостояние двух моделей отношения к миру: инструментально-потребительской (природа как ресурс, человек как функционер) и духовно-сопричастной (природа как сакральное целое, труд как сотворчество и долг).

Черты общественного сознания и поведения, формирующиеся в социальной среде производственного социума России в 1950–1980 гг. – крайне интересная и малоизу-

ченная тема в историографии. Проведенные к настоящему моменту исследования затрагивают лишь некоторые аспекты проблематики, обращаясь отдельно к указанным категориям. В советское время в центре внимания находился производственный коллектив. В постсоветское время ученых заинтересовал процесс формирования «нормы» отношения к труду – трудовой мотивации мобильности населения. Примечательны изыскания и рассуждения на тему границ власти рабочего класса и вовлечения рабочих в управление государством. Здесь трудовая общность рассматривается не только как производительная, но и как главная общественно-политическая сила страны [1, с. 34].

Литературный феномен северного текста развивался в тесной связи с движением «деревенской прозы» и натурфилософской публицистикой 1960–1980-х гг. Писатели-«северяне» выдвинули целостную экологическую программу, включавшую не только защиту внешней природной среды, но и охрану внутреннего пространства человеческой нравственности и культуры. В их произведениях труд осмысливается метафизически – как способ сохранения человеческого в человеке, форма диалога с традицией и ответственного присутствия в мире.

Как правило, в сюжетах книг труженики вступали в непримиримую борьбу с мастером, обывателем, рвачом, для которого главное – собственное благополучие. Произведения интерпретировали взаимоотношения рабочих и технической интеллигенции, преемственность от поколения к поколению лучших традиций рабочего класса, рост классового самосознания, руководящей роли коммунистов. Большинство художественных замыслов литераторов советского периода сводилось к анализу духовного и гражданского становления личности в процессе творческого одухотворенного труда [2, с. 127].

Литература о Русском Севере и Сибири второй половины XX в. сформировалась как мощное и самобытное явление, выходящее за рамки сугубо региональной темы. Она стала художественным ответом на ключевые вызовы эпохи: безудержную индустриализацию, отчуждение человека от природы и собственной духовной сущности, кризис традиционных ценностей. «Северный текст» в интерпретации Виктора Астафьева, Валентина Распутина, Юрия Рытхэу, Сергея Залыгина – это не просто описание суровой географической реальности, а философское осмысление предельных условий человеческого существования. В этих условиях базовые категории труда и нравственности переплетаются, образуя целостный этический кодекс выживания и осмысленного бытия.

Прежде чем обратиться к художественному осмыслению, необходимо признать суровый физиологический контекст жизни и труда на Севере. Научные исследования, подобные работам школы Н. А. Агаджаняна, фиксируют экстремальное напряжение организма человека в условиях Заполярья [3, с. 3–7]. Изучение вахтового труда показывает, что функциональное состояние организма рабочих определяется не только производственными нагрузками, но и «плечом» вахты, сезоном, климатическими контрастами, часто приводя к истощению резервов. Эта научная картина важна как объективный фон: литература показывает человека не в комфортных условиях, а на грани его физических возможностей [4].

Художественный текст делает из этой физиологии этический вывод. Если наука констатирует стресс и дезадаптацию, то литература исследует, как в этих пограничных состояниях рождается или, напротив, разрушается человеческое достоинство. Труд в повестях Виктора Астафьева или Валентина Распутина – это всегда испытание на прочность, в котором проверяется не профессиональная квалификация, а нравственный стержень личности. Усталость, холод, опасность становятся не просто препятствиями, а очищающими стихиями, отделяющими подлинную ценность от мнимой.

Система нравственно-трудовых ценностей в северном художественном тексте

The system of moral and labor values in Northern literary text

Ценность	Содержание	Художественное воплощение
Труд как долг и сотворчество	Осознание себя частью природного целого; отказ от хищнического, потребительского отношения; труд как диалог и соблюдение «законов тайги»	В. Астафьев «Царь-рыба» (1976). Контраст между браконьером Игнатьичем, воспринимающим природу как ресурс для присвоения, и образом законного промысла, требующего уважения и меры. Мистическое возмездие осетра – наказание за нарушение этического табу [5]
Коллективизм и взаимопомощь	Выживание в экстремальной среде возможно только через солидарность. Индивидуализм и эгоизм смертельно опасны и безнравственны	В. Распутин «Прощание с Матерой» (1976). Труд жителей острова (сенокос, заготовка) – это форма коллективного бытия и сопротивления безликому решению о затоплении. Разрушение общины приравнивается к духовной гибели [6]
Бережное отношение к природе (экологическая этика)	Природа – не фон и не кладовая, а живой, одушевленный субъект, партнер и судья. Перекликается с идеями глубинной экологии о внутренней ценности природы	С. Залыгин «Тропы Алтая», публицистика. Ю. Рытхэу «Когда киты уходят» (1977). Труд охотника-чукчи – часть космологического миропорядка, нарушение которого (беспощадный промысел) ведет к трагическим последствиям для рода и природы [7, 8]
Связь с традицией и памятью предков	Труд как продолжение дела отцов и дедов, способ передачи культурного кода и сохранения идентичности	Все творчество Ю. Рытхэу. В «Сне в начале тумана» труд оленевода или морского охотника показан как воплощение мудрости поколений, как ритуал, обеспечивающий гармонию человека и Вселенной [8]
Стойкость, аскеза, достоинство	Умение стоически переносить лишения, находить опору во внутренней силе, а не во внешних благах. Труд в таких условиях – акт утверждения свободы духа	В. Астафьев «Ода русскому огороду». В. Шукшин, персонажи-«странники». Труд на скудной земле, «взаперти у моря-океана» (у Ю. Рытхэу), становится школой нравственной закалки и духовной независимости

В северной прозе формируется устойчивый комплекс взаимосвязанных ценностей, которые можно систематизировать, как показано в таблице.

Центральным сюжетообразующим конфликтом северной прозы является столкновение описанной выше традиционной этики с логикой технократического прогресса. Этот конфликт носит не социально-бытовой, а метафизический характер.

Сторона традиции («корень»): носители северной этики – старики (Дарья Пинигина в «Прощании с Матерой»), потомственные охотники и рыбаки, хранители родовой памяти. Их труд цикличен, привязан к природным ритмам, наполнен личностным смыслом. Их ценность – укорененность [9].

Сторона прогресса («техносфера»): молодые герои, чиновники, «пришлые» строители и эксплуатационники. Их труд линеен, рационален, направлен на преобразование и подчинение природы. Их ценность – эффективность. Ярчайшие символы этого мира – затопляющая Матеру вода Ангары.

«Прощание с Матерой» – трагедия, история беды, которая имеет не национальные, и тем более не местные, а планетарные истоки и последствия.

Вот как В. Г. Распутин говорил про свою повесть: «То, что происходило на Ангаре во время строительства электростанций, я видел воочию, это надо было только осмыслить. Моя деревня тоже испытала переселение – трагедию, которая, в сущности, стала знаком времени. Это действительно трагедия: уходят в небытие родные могилы, вся прежняя жизнь, не один пласт, на котором стояла деревня, а все ценности и святыни, которые она нажила. Об этом надо было написать, окунувшись в глубины народной беды. Возможно, что-то не удалось. Может быть, оказалось не по силам, а может быть, я считал тогда, что написать нужно именно так» [10, с. 5].

«Сюжет каждой вещи Распутина связан с испытанием, выбором, с темой жизни и смерти. Смерть высвечивает характеры всех действующих лиц, в "Прощании с Матерой" – в последние дни перед потопом, который меняет судьбы всех персонажей, обостряет вопрос о смысле жизни, соотношения нравственности и прогресса, бытия и небытия, прошлого и будущего, старого и нового – недаром так ощутимы библейские реминисценции в повести», – писал В. В. Вахрамеев [11, с. 120]. Получается можно говорит о том, что повесть показывает потерю жителей деревни своей связи с родиной, родной землей. Только молодому поколению, духовная связь с местом рождения и жительства которых не так крепка, легко получается преодолеть сомнения и сделать выбор в пользу переезда из поднадоевшего сельского быта, переехать в город.

В «Прощании с Матерой» короткий экскурс в прошлое подчеркивает: эта земля была согрета и передана людям предками, она стояла века и все, что на ней выросло и окрепло, достойно бережного, хозяйского мудрого и трезвого отношения [12, с. 33]. И начав строительство на этой территории, истории деревни, той многовековой, придет конец и никогда уже население не вернется в свою «Матеру».

И. Л. Бражников говорит о произведении так: «Остров "Матера", каким его создал художественный гений В. Г. Распутина, обладает рядом существенных отличий от обыкновенного мира "большой земли", тоже представленном в его знаменитой повести "Прощание с Матерой". Прежде всего, остров отличает своеобразие течения времени. Здесь время как бы заканчивается, исчезает оно преодолено и побеждено вековечностью» [9, с. 21].

«Прощание с Матерой» – повествование не о судьбе сибирского села, затопленного ради великой стройки, это произведение на мировую тему, так как тема отношения к родным местам интересует всех во всем мире. Повесть В. Г. Распутина связывает судьбу уходящей в прошлое традиционной России с судьбой мира.

В конфликте традиций и техносферы писатели-северяне, часто через трагические сюжеты, отстаивают идею, что технический прогресс, лишенный нравственного и экологического императива, ведет к цивилизационному тупику. Они интуитивно предвосхитили современные дискуссии об устойчивом развитии, которое «должно начинаться с пересмотра ценностей и целей развития». Их литература – это художественное исследование катастрофических последствий нарушения баланса между человеческими потребностями и хозяйственной емкостью биосферы.

Произведения В. Астафьева и В. Распутина осуществляют напоминание о нравственности через природу. Экологическая катастрофа в их книгах (гибель тайги, островов, рек) – это следствие катастрофы духовной. Браконьер Игнатьич грешен не потому, что нарушает статью устава рыбнадзора, а потому, что преступил высший нравственный закон, порвал связующую нить. Его труд (браконьерский лов) безнравствен, так как основан на алчности и инструментальном отношении к живому существу.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что нравственно-трудовые ценности, отраженные в северном художественном тексте второй половины XX в., представляют собой целостную и актуальную этическую систему. Это не ностальгия по патриархальному укладу, а острая философская рефлексия о пределах человеческой власти над миром.

Северная проза утверждает, что труд обретает смысл только будучи одухотворенным ответственностью, смирением перед величием природы и памятью о своем месте в цепи поколений. Она предлагает альтернативу глобализированному потребительству – этику осознанного самоограничения и сопричастности. В эпоху антропоцентризма, когда воздействие на природу вышло за рамки допустимого, этот художественный опыт становится не просто предметом литературоведения, а важным ресурсом для переосмысления базовых ценностей современной цивилизации. Северный текст, таким образом, оказывается не региональным, а универсальным высказыванием о том, как остаться человеком в мире, балансирующем на грани экологической и духовной катастрофы.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Столетова, А. С. Ценностное отношение рабочих к созависимым категориям «труд» и «власть» в 1950–1980 гг.: модели поведения и эмоционально-психологическое самочувствие населения / А. С. Столетова // Вестник Костромского государственного университета. – 2024. – Т. 30, № 4. – С. 34–41. – URL: https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-34-41.
2. Столетова, А. С. Трудовое самосознание рабочих Русского Севера второй половины XX в. / А. С. Столетова // Вестник Томского государственного университета. – 2025. – № 519. – С. 125–135. – doi: 10.17223/15617793/519/16.
3. Гудков, А. Б. Северное направление научной школы академика Н. А. Агаджаняна / А. Б. Гудков // Экология человека. – 2013. – № 1. – С. 3-7.
4. Агаджанян, Н. А. Юбилеи и поздравления / Н. А. Агаджанян // Вестник РАМН. – 2013. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nikolay-aleksandrovich-agadzhanyan (дата обращения: 31.12.2025).
5. Художественная литература // В. П. Астафьев. Царь-рыба. – URL: https://azbyka.ru/fiction/car-ryba-astafev/5/ (дата обращения: 30.12.2025).
6. Распутин, В. Прощание с Матерой / В. Распутин. – URL: https://chitaj.ucoz.net/_ld/0/53____.pdf (дата обращения: 30.12.2025).
7. Залыгин, С. П. Тропы Алтая / С. П. Залыгин. – М.: Советский писатель, 1964. – 400 с.
8. Рытхэу, Ю. С. Когда киты уходят / Ю. С. Рытхэу // Современные легенды. – М.: Советский писатель, 1980. – 336 с.
9. Бражников, И. Л. Время, история и вечность в повести В. Распутина «Прощание с Матерой» / И. Л. Бражников // Литература в школе. – 2010. – № 3. – С. 21–23.
10. Румянцев, А. Г. Талант из глубины Сибири: Валентин Распутин / А. Г. Румянцев // Литература в школе. – 2017. – № 10. – С. 2–8.
11. Вахрамеев, В. В. В тени мирового древа: земля или территория?: (художественный мир повести В. Распутина «Прощание с Матерой») / В. В. Вахрамеев // «Увидеть лицо человечье...» : от литературы – к жизни: пос. для учителей литературы. – Вологда, 2011. – С. 120-122.
12. Тендитник, Н. С. Судьба Сибири – личная судьба: О творчестве В. Распутина / Н. С. Тендитник. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. – 44 с.

References

1. Stoletova, A. S. Cennostnoe otnoshenie rabochih k sozavisimym kategoriyam «trud» i «vlast'» v 1950–1980 gg.: modeli povedeniya i emocional'no-psihologicheskoe samochuvstvie naseleniya [Value attitude of workers towards the codependent categories of "Labor" and "Power" in the 1950s–1980s: patterns of behavior and emotional and psychological well-being of the population] / A. S. Stoletova // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta [Bull. of Kostroma State Univ.]. – 2024. – Vol. 30, № 4. – P. 34–41. – URL: https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-34-41.
2. Stoletova, A. S. Trudovoe samosoznanie rabochih Russkogo Severa vtoroj poloviny HKH v. [Labor self-awareness of workers in the Russian North in the second half of the XX century] / A. S. Stoletova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bull. of Tomsk State Univ.]. – 2025. – № 519. – P. 125–135. – doi: 10.17223/15617793/519/16
3. Gudkov, A. B. Severnoe napravlenie nauchnoj shkoly akademika N. A. Agadzhanyana [The Northern direction of Academician N. A. Agadzhanyan's Scientific School] / A. B. Gudkov // Ekologiya cheloveka [Human ecology]. – 2013. – № 1. – P. 3-7.
4. Agadzhanyan, N. A. Yubilei i pozdravleniya [Anniversaries and congratulations] // Vestnik RAMN [Bull. of RAMN]. –2013. – №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nikolay-aleksandrovich-agadzhanyan (accessed: 31.12.2025).
5. Hudozhestvennaya literature [Fiction] // V. P. Afanasyev. Tsar'-ryba. [Tsar-fish]. – URL: https://azbyka.ru/fiction/car-ryba-astafev/5/ (accessed: 30.12.2025).
6. Rasputin, V. // Proshchanie s Matyoroj [Farewell to Matera] / V. Rasputin. – URL: https://chitaj.ucoz.net/_ld/0/53____.pdf (accessed: 30.12.2025).
7. Zalygin, S. P. Tropy Altaya [Trails of Altai] / S. P. Zalygin. – Moscow: Sovetskij pisatel' [Soviet writer], 1964. – 400 p.
8. Rytkhau, Yu. S. Kogda kity uhodyat [When the whales leave] / Yu. S. Rytkhau // Contemporary legends: - Moscow: "Soviet writer" Publ. House, 1980. – 336 p.
9. Brazhnikov, I. L. Vremya, istoriya i vechnost' v povesti V. Rasputina «Proshchanie s Materoj» [Time, History, and Eternity in V. Rasputin's Story «Farewell to Matera»] / I. L. Brazhnikov // Literature at school. – 2010. – № 3. – P. 21–23.
10. Rumyantsev, A. G.. Talant iz glubiny Sibiri: Valentin Rasputin [Talent from the depths of Siberia: Valentin Rasputin] / A. G. Rumyantsev // Literatura v shkole [Literature at school]. – 2017. – № 10. – P. 2–8.
11. Vakhrameev, V. V. V teni mirovogo dreva: zemlya ili territoriya?: (hudozhestvennyj mir povesti V. Rasputina «Proshchanie s Materoj») [In the shadow of the World Tree: earth or territory?: (the artistic world of V. Rasputin's story «Farewell to Matera»)] / V. V. Vakhrameev // «Uvidet' lico chelovech'e...» : ot literatury – k zhizni [«To see a human face...» : from literature to life: [handbook for literature teachers]. – Vologda, 2011. – P. 120-122.
12. Tenditnik, N. S.. Sud'ba Sibiri – lichnaya sud'ba: O tvorchestve V. Rasputina [The fate of Siberia – a personal fate: On the works of V. Rasputin] / N. S. Tenditnik. – Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Univ. Publ. House, 1985. – 44 p.

Благодарность (госзадание):

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00938 «Векторы эволюции общественного сознания в историко-культурном пространстве Русского Севера второй половины XX века», https://rscf.ru/project/25-28-00938/.

Acknowledgement (state task):

The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 25-28-00938 «Vectors of the evolution of public consciousness in the historical and cultural space of the Russian North of the second half of the XX century», https://rscf.ru/project/25-28-00938/.

Информация об авторе:

Кушнерева Ксения Владимировна – аспирант Вологодского научного центра Российской академии наук, учитель истории и обществознания МАОУ «СОШ № 1»; ORCID: 0000-0002-7411-5498, SPIN-код: 8584-3655 (160000, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Зосимовская, д. 1, e-mail: k. v.kushnereva@yandex.ru).

Author:

Ksenia V. Kushnereva – postgraduate student at the Vologda Scientific Center, Russian Academy of Sciences, teacher of history and social science at Secondary School No. 1; ORCID: 0000-0002-7411-5498, SPIN-code: 8584-3655 (1, Zosimovskaya st., Vologda 160000, Russian Federation; e-mail: k.v.kushnereva@yandex.ru).

Для цитирования:

Кушнерева, К. В. Нравственно-трудовые ценности, отраженные в северном художественном тексте второй половины XX века / К. В. Кушнерева // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 3 (88). – С. 138–142.

For citation:

Kushnereva, K. V. Moral and labor values reflected in the Northern literary text of the second half of the XX century / K. V. Kushnereva // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2026. – No. 3 (88). – P. 138–142.

Дата поступления статьи: 12.01.2026
Прошла рецензирование: 03.02.2026
Принято решение о публикации: 06.02.2026
Received: 12.01.2026
Reviewed: 03.02.2026
Accepted: 06.02.2026

УДК 821.511.132-1
DOI 10.19110/1994-5655-2026-3-143-152

Поэтическое творчество коми поэта Лодыгина В.

Горинова Н. В.

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
ngorinova@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена созданию представления о развитии поэтической мысли коми поэта XX – начала XXI в. В. Лодыгина, анализ лирики которого позволяет раскрыть идейно-художественное своеобразие его стихотворного творчества, выявить особенности эстетического мировидения. В статье представлены основные вехи развития творчества поэта, прослежена специфика поэтики. Анализ поэзии коми автора выявляет основные этапы развития его поэтической системы. В 1970-е гг. в первых стихотворных сборниках писателя доминируют радостно-мажорные настроения, обусловленные его ощущением гармонии мира и человека. В 1980-е гг. в поэзии В. Лодыгина наблюдается понижение оптимистического пафоса. В эти годы он выступает как созерцатель чистого, естественного мира народного существования, не омраченного социальными проблемами. Коренной перелом в поэтическом мире В. Лодыгина происходит в кризисные для страны 1990-е гг., в произведениях этого периода главенствуют темы разрушения и смерти, неприятия общественной действительности. В конце жизненного пути – в 2000-е гг. – автор признает тщетность человеческих переживаний, смиряясь перед противоречивостью и изменчивостью земного существования. Его последние стихотворения напоминают наставления умудренного опытом человека. Поэзия В. Лодыгина отражает не только процесс развития художественного самосознания отдельного писателя, но и динамичность движения литературы на протяжении 60 лет. Кроме того, выраженные автором в стихотворениях ощущения – ощущения его современников, вкусивших радость от победы над фашизмом и опустошенных перестроечными преобразованиями. Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые рассмотрена динамика развития поэтической системы В. Лодыгина.

Ключевые слова:

коми поэзия, Василий Лодыгин, лирический герой, «тихая лирика», тема Родины, тема смерти, тема смирения

The poetic works of the Komi poet V. Lodygin

Gorinova N. V.

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
ngorinova@mail.ru

Abstract

The paper deals with the development of the poetic thought of the Komi poet of the XX - beginning of the XXI centuries V. Lodygin. An analysis of his lyrics reveals the ideological and artistic originality of his poetic work, and identifies the features of his aesthetic worldview. The paper presents the main stages in the poet's creative development and traces the specific features of his poetics. Analysis of this Komi poet's poetry reveals the main stages in the development of his poetic system. In the 1970s – in the writer's first poetry collections - joyous moods dominate, driven by the sense of harmony between the world and man. In the 1980s V. Lodygin's poetry shows a decline in optimistic pathos. During these years, he acts as a contemplator of the pure, natural world of folk existence, unclouded by social problems. A radical turning point in V. Lodygin's poetic world occurred during the 1990s, a time of national crisis. Themes of destruction, death, and rejection of social reality dominate his works from this period. At the end of his life - in the 2000s - the author acknowledged the futility of human experience, resigning himself to the contradictions and volatility of earthly existence. His final poems resemble the admonitions of a man wise and experienced. V. Lodygin's poetry reflects not only the development of an individual writer's artistic self-awareness, but also the dynamic evolution of literature over 60 years. Furthermore, the feelings expressed in the poems are those of his contemporaries, who tasted the joy of victory over fascism and were devastated by the transformations of perestroika. The scientific novelty of the work lies in its first consideration of the dynamic development of V. Lodygin's poetic system.

Keywords:

Komi poetry, Vasily Lodygin, lyrical hero, «quiet lyrics,» theme of the Motherland, theme of death, theme of humility

Василий Григорьевич Лодыгин (1947–2022) – современный коми поэт, поэт-песенник, член Союза писателей СССР (1982). Он посвятил художественному творчеству более 60 лет. Его долгий путь в литературе отмечен 12 стихотворными и прозаическими сборниками, различными премиями, в том числе и Государственной премией Правительства Республики Коми им. И. А. Куратова. В 2017 г. ему было присвоено почетное звание «Народный поэт Республики Коми». В. Лодыгин является одним из активных организаторов и участников фестиваля-конкурса «Ва-

силей», ежегодно проходящего с 1994 г. в с. Усть-Кулом Республики Коми. Этот праздник позволяет зрителям знакомиться с новыми песнями, встретиться с их авторами. Некоторым коми писателям В. Лодыгин помог найти себя на литературном поприще. Его произведения были переведены не только на русский язык, но и на эстонский [1] и венгерский [2]. Первые стихотворные сборники В. Лодыгина были рассмотрены В. А. Латышевой, критически отнесшейся к превалированию оптимистических настроений в его текстах [3]. Положительную оценку его поэзия получила в словарных статьях В. Н. Дёмина [4], А. В. Малевой [5], выявивших тематические предпочтения автора. В. Н. Дёмин ставит В. Лодыгина в один ряд с такими выдающимися коми поэтами, как Г. Юшков, А. Ванеев, В. Тимин, А. Некрасов [6, с. 5]. Его рассказы и поэмы частично рассмотрены в обобщающих статьях Г. К. Лисовской [7, с. 23], Т. Л. Кузнецовой [8, с. 5], Е. В. Ельцовой [9, с. 107]. Многие аспекты творчества В. Лодыгина еще не раскрыты и требуют дальнейшего исследования. Анализ его произведений позволит выявить не только творческий потенциал автора, его вклад в развитие коми художественной словесности, но и выявить некоторые тенденции развития культуры периода порубежья, обозначить направления современного искусства. Объект исследования – стихотворные сборники поэта. Предметом исследования служит проблемно-тематическое разнообразие стихотворений В. Лодыгина. В своих исследованиях мы опирались на работы Ю. Б. Борева [10], М. М. Бахтина [11]. Задачи работы – выявление и оценка особенностей мировосприятия художника, характеристика методов отражения реалий изменяющейся действительности в различные периоды творчества. Материалом исследования являются произведения, вошедшие в поэтические сборники В. Лодыгина «Менам улича» («Моя улица», 1972), «Ставыс на водзын» («Все еще впереди», 1978), «Мича лун» («Погожий день», 1986), «Вуджанін» («Переправа», 1993), «Чалльӧг» («Приток», 2005), «Миянладорын» («В нашем округе», 2017). Основными методами исследования являются сравнительно-сопоставительный, социокультурный и биографический методы.

В. Лодыгин входит в региональный литературный процесс в 1960-е гг. Его художественная деятельность, длившаяся более 60 лет, делится на несколько этапов, каждый из которых обладает своими эстетическими особенностями, определившимися интеллектуальными пристрастиями. Первый этап его творчества относится к 1960–1970 гг., это период становления поэта, социально-нравственного возмужания. Первые поэтические сборники В. Лодыгина для взрослой аудитории «Менам улича» и «Ставыс на водзын» отмечены традиционной для этого времени и начинающего поэта тематикой: в них доминируют темы Родины, труда, любви, много стихотворений автор посвящает матери. Произведениям указанных сборников присущи радужно оптимистические тона, риторика жизнерадостности и счастья. Жизнерадостный пафос раннего В. Лодыгина обусловлен как молодостью автора, так и атмосферой послевоенного времени: испытавшая тяготы и разруху войны страна в 1960-е гг. переживает коренные перемены: идет благоустройство социальной жизни, наступает период стабильного и устойчивого развития. К тому же в обществе еще крепка память о Великой Победе над фашистами, она вселяет уверенность в завтрашнем дне, в силе и могуществе советского народа. В произведениях В. Лодыгина начального периода выявляются основные тенденции развития коми поэзии в целом, которая характеризуется «сохранением социального оптимизма поэзии предыдущего периода, постепенным выходом за идеологические рамки, отказом от явной риторики, агитации, уступившим место лиризму и романтическим ощущениям, навеянным периодом “оттепели”» [12, с. 449].

Вместе с этим творчество раннего периода В. Лодыгина обладает самобытностью, самоценностью, что в первую очередь выявляется в мироощущении его лирического героя. Одна из основных тем его произведений, как, впрочем, и многих других коми авторов, становится тема деревни [13, с. 163]. Стихотворения В. Лодыгина являются ярким выражением ощущения слитности поэта со своим народом. Лирического героя поддерживает мысль о том, что он – часть зырян, их жизни и судьбы, труда, философии, миропонимания. В стихотворениях «Тані дедлӧн и батьлӧн му» («Здесь край отца и деда»), «Зільлун» («Старание»), «Видз вылын» («На лугу»), «Ме крестьянинлӧн пи» («Я – сын крестьянина»), «Страдна кад» («Время страды»), «Менам киын томсянь ворсіс лэчыд коса» («С молодости в моей руке играла коса») В. Лодыгин, рисуя картины трудовой жизни коми села, одухотворяет деревню и ее жителей, подчеркивая не только идиллию соборного труда, но и мудрость, красоту мироустройства, раскрывая ощущение целостности и устойчивости сельской общины, связь поколений ее представителей, а также способность народной духовности противостоять разладу и способствовать развитию гармоничных отношений в социуме. Созерцание лирическим героем сельского быта сопряжено с любованием: сцены труда односельчан вселяют в него ощущение безмятежного счастья. Жизнь среди зырян для него – наивысшая ценность, более того автор гордится тем, что он – коми человек:

Коми муӧй дзик помтӧм и дортӧм,	‘У Коми земли нет конца ни края,
Векни сы серти морелӧн от.	Площадь моря уже его широт.
Кытчӧдз воӧдчан – сэні и гортын,	Куда ни доберешься – там и дом родной,
Кодкӧд аддзысян – сійӧ и ёрт	Кого ни встретишь – тот и друг.’[1] [14, с. 3]

Мотив причастности к судьбе народа звучит и в стихотворениях В. Лодыгина, посвященных памяти о Великой Отечественной войне. Подвиг участников битвы с фашизмом, их высокие духовные идеалы укрепляют лирического героя в мысли о том, что поколение поэта, хотя и не участвовавшее в силу своей молодости в боевых сражениях, способно отразить удар врага. Несокрушимый дух отцов и дедов становится наследием последующих поколений победителей: «Ми чужим ветымынӧд воясын» («Мы рождены в пятидесятые годы»), «Ыджыд вын» («Крепкая сила»), «Вермам врагӧс! Виччысьӧй» («Победим

[1] Здесь и далее перевод наш – Н. Г.

врага! Ждите»), «Медтӧ ловъя на ӧні дед» («Лишь бы жив был сейчас дед»).

В целом обозначенные стихотворения В. Лодыгина можно назвать патриотическими: они дышат любовью к Родине, народу коми, природе зырянского края. В них все становится предметом поэтизации и описывается с необычайной теплотой. С другой стороны, эти произведения передают ощущение безмятежности, отсутствие тревоги и беспокойства за будущее своего народа. Мир, окружающий лирического героя, – природа и социальная жизнь, исполнен гармонии, некой упорядоченности бытийного характера. Это важно не только для поэта, но и для его современников, в памяти которых глубоко укоренились ужасы недавней войны, для которых мир, отсутствие войны являются основным ценностным вектором. В произведениях В. Лодыгина данного периода чувствуется доверие к социальным, моральным устоям и традициям общества, к власти.

Особое место в поэзии В. Лодыгина занимают стихотворения, посвященные матери. Поэт очень любил и даже боготворил свою мать – она научила его всему, что может понадобиться человеку в жизни. В лирических произведениях «Бара сьыланкыв бӧрддзӧдӧ менӧ» («Снова песня доводит меня до слез»), «Тӧда, тулысыс мыйла мем дона» («Знаю, почему весна мне дорога»), «Мам йылысь» («О маме»), «Мамлы письмӧ» («Письмо маме»), «Сарапан дӧра» («Ткань для сарафана»), «Пӧсылка» («Посылка») раскрываются неподдельные нежные чувства автора к матери – любовь, восхищение, поэта огорчают разлуки с ней. В произведениях перед нами выступает образ идеальной женщины – трудолюбивой, скромной, терпеливой, малословной, Бога чтущей, дружелюбной, которой, к сожалению лирического героя, приходится доживать свой век одной, вдали от детей, переехавших из отчего дома в более перспективные села. Скорей всего, пребывание матери далеко от поэта и становится отправной точкой написания им стихотворений о ней. В стихотворении «Дӧра вылын мойд» («Сказка на полотне») автор рисует образ вышивающей и одновременно поющей (рассказывающей сказку) матери. Здесь она подобна античным мойрам или паркам: она словно совершает магическое действие – плетет судьбу человека, судьбу лирического героя, которому она дала жизнь и для которого создание стихотворений и песен становится призванием, божественным предопределением.

Второй сборник «Ставыс на водзын» выявляет эволюцию авторского восприятия жизни. Лирический герой уже не так восхищен окружающей действительностью. Теперь в поэзии В. Лодыгина наличествуют и раздумья о присутствующих в земном существовании противоречиях, которые он выражает, прибегая к отображению природных явлений. Например, в стихотворении «Каля» («Чайка») автор рисует картину борьбы чайки с волнами, сравнивает ее с уткой и соловьем, их жизнь отличается относительным спокойствием. Увиденное заставляет поэта задуматься о сильном характере борцов, неподдающихся невзгодам, бросающим им вызов. Зачастую лирический герой второго сборника В. Лодыгина подвергает осмыслению степень свободы. В размышления об этом заставляют погрузиться наблюдения за поведением лошадей. Красота этих животных всегда привлекала внимание художников, в том числе и писателей. Вспомним, что одним из символов поэтического вдохновения является пегас – крылатый конь. В случае с коми поэтом значение этого образа еще раз подтверждается: его воодушевляет свободолюбие лошадей, быстрота и грациозность их перемещений. В стихотворении «Пышйӧма менам вӧлӧй» («Убежал, оказывается, мой конь») с образом молодого и задорного коня, убегающего от своего хозяина и быстро перемещающегося по лугам и раздольям, ассоциируются мечты, устремления и помыслы автора. Текст исполнен неподдельной радостью, молодой удалью, оптимистическими настроениями. Но в поэзии В. Лодыгина возникает и другой образ лошади. Писатель все чаще задумывается о воздействии человека на этих животных, об ограничении людьми их свободы. Автор выявляет, как жестоко подавляется свобода лошадей не только в цирке («Вӧвъяс йылысь» («О лошадях»)), но и в сугубо бытовых условиях села / деревни («Мен колӧ чань, код седлӧ эз на тӧдлы» («Мне нужна лошадь, которая не знала седла»)). Образ коня позволяет писателю раскрыть разрушительную силу людей, хозяев природы, заставляющих окружающую среду меняться ради своей прихоти. В стихотворениях «Тэ мыйла, мортӧй, татшӧм скӧр» («Ты почему, человек, так агрессивен»), «Йӧралӧн бӧрдӧм» («Плач лося») лирический герой В. Лодыгина, уже не прибегая к аллюзиям и метафорам, обвиняет своих современников в уничтожении природы: «Тэ мыйла, мортӧй, татшӧм скӧр – / Став бурсӧ вины кыптӧ лолыд? / Со тані сулаліс том вӧр, / Но сійӧс керавны мӧй коліс? / Со тані вӧлі дозмӧр койт, / а ӧні няйтӧ пӧрӧм керӧс…» ‘Ты почему, человек так сердит – / Все прекрасное стремишься погубить? / Здесь рос прекрасный лес, / Неужели его надо было полностью срубить? / Здесь было токовище глухарей, / а теперь здесь гора мусора…’ [15, с. 23]. Как можно убедиться, в поэзии коми через стихотворения В. Лодыгина усиливается экологическая тема. Теперь в литературе человек это не только царь Вселенной, но и ее разрушитель.

Нельзя не отметить любовную лирику В. Лодыгина. Многие стихотворения в первых двух сборниках автор посвящает именно этой теме. В большей части из них, среди которых «Пожъясьӧны юын…» («Полощут у реки…»), «Діалӧма покос помас ныланӧс» («Оторвалась на покосе девушка»), «Не кӧ тэнад олӧм» («Если бы не твоя жизнь»), «Пос да ва» («Мост и вода»), «Мекӧд вочасис ныв» («Мне повстречалась девушка»), «Ытшкыны кыакӧд мунін» («Косить с восходом ты пошла»), «Видзӧдам вылӧ да вылӧ» («Смотрим вверх и вверх»), «Кӧсйӧм» («Желание»), «Шызьӧдас став ывла выв» («Взбудоражит всю природу»), «Томлун» («Молодость»), «Гусятор» («Тайна»), «Вӧрыс и ваыс нин узьӧ» («Природа спит»), «Эз миян вылӧ талун усь» («Не на нас сегодня упало»), нет драматического или трагического накала, нет душевных терзаний и мук. Лирический герой этих произведений – молодой человек – находится в состоянии влюбленности, в некоторых текстах нет даже этого переживания, есть симпатия, есть желание любоваться красотой девушки или просто приблизиться

к ней. В стихотворениях «Сэки тэкӧд» («Тогда с тобой»), «Лежнӧг сикӧтша ныв» («Девушка в шиповниковых бусах»), «Мунан татысь» («Уедешь отсюда») раскрываются чувства героя, любимая которого уехала, оставила его, но здесь также нет сильных переживаний, есть приятные воспоминания, рождающие ощущение радости жизни, душевного подъема. Любовь к девушке, часто оставаясь безответной, не омрачает жизнь лирического героя, наоборот, наполняет его сердце ликованием.

Третий стихотворный сборник «Мича лун» знаменует новый этап творческого развития В. Лодыгина. Здесь характерная многим его произведениям патетика снижается, тональность художественных текстов поэта обретает спокойный размеренный темп, приходит время умиротворенных размышлений. Теперь герой находится в поисках тишины, покоя, единения с родными местами. В 80-е гг. XX в. эстетические поиски автора близки поэтике представителей так называемой «тихой лирики», для которой свойственны элегическое созерцание и медитативное раздумье о смысле бытия. Знаменательно в этом отношении стихотворение «Лӧнь» («Тишь»), выявляющее созерцание художником умиротворенного деревенского пейзажа. Наблюдаемые им трогательная простота и незатейливый быт жизнедеятельности односельчан, вплоть до усталой, свесившей язык собаки, по мысли героя, должна служить основой человеческого бытия, мудрого и гармоничного развития сосуществования людей. В стихотворении «Габов гездын» («В местечке Габов») идет перечисление милых сердцу деталей жизни родной деревушки В. Лодыгина – утренний туман, луна, уха, приготовленная на костре, лодка, движущаяся по реке, кошка, уснувшая под лучами солнца. Стихотворение передает ощущение тихой радости лирического героя, исполнение его давних ожиданий встречи с родными местами. Лирический текст «Югыд шог» («Трогательная печаль») снова передает детальное описание малой Родины автора, теперь они возникают в воспоминаниях героя, находящегося вдали от любимой деревни.

Слитность человека с деревенской жизнью – один из основных мотивов «тихой лирики». Ее создатели – «в основном выходцы из села. Поэтому в их текстах этот образ символизирует единство с землей, указывает на укорененность в родной грунт. Для них село – берег детства, неисчерпаемый духовный колодец, который вдохновляет на протяжении всей жизни» [16, с. 300]. В поэзии В. Лодыгина 1980-х гг. этот мотив также утверждается. В этот период автор все чаще обращается к бытописанию деревенского мира. В стихотворениях «Пывсян» («Баня»), «Пач» («Печь»), «Праздник», «Гожӧм пом» («Конец лета»), «Турунла ветлӧм» («Поездка за сеном»), «Йи вылын» («На льду»), «Кадыс петӧма лун шӧрысь» («Время после полудня»), «Вӧвлӧм вӧлӧга» («Еда в прошлом»), «Ӧтувъялун» («Единство»), «Оласног» («Жизненный уклад»), «Вунӧдчис» («Подзабыл»), «Керка» («Дом»), «Прокӧ дед» («Дед Прокопий») перед нами предстают живые картины народной жизни, раскрываются особенности крестьянской действительности, своеобразие национального уклада. Чувствуется крепкая связь лирического героя с реалиями сельской действительности, ему близки обычаи и миропонимание окружающих его людей, он впитал в себя нравы и устои деревенского человека. В каждой строчке этих стихотворений ощущается любовь автора к бытовым деталям, даже самым маленьким. Например, в стихотворении о бане:

Пуан ваын небзяс мича корӧсь,	‘В кипящей воде смягчится красивый веник,
Ок и бура швачакам сійӧн ми.	Ох и хорошо мы попаримся им.
Жарыс пырас пытшкӧ ырӧш сорӧн,	Жар войдет в нас вместе с квасом,
Яйным лоас быттьӧ пачын би	Тело будет как огонь в печи’ [17, с. 29.]

Описанные поэтом незначительные, на первый взгляд, детали сельской жизни скрывают в себе подлинную красоту мироздания. Как отмечает В. Н. Дёмин, «для В. Лодыгина характерен рассказ не о необычном, а о каждодневном, которое поэт воспринимает как чудо, как необычное. Это необычное в крестьянском деревенском житье-бытье, в деревенских праздниках, в простом быте, в простых радостях» [4, с. 324].

Примечательно, что сборник «Мича лун» завершается поэмой «Мам» («Мама»). Здесь, как и в предыдущих произведениях В. Лодыгина, посвященных матери, выражены нежные чистые чувства автора к ней. Раскрывая ее тяжелый жизненный путь, омраченный военными и послевоенными социально-экономическими трудностями, ее безграничную любовь к детям, жизни, труду, поэт отождествляет ее с «высшим нравственным идеалом» [9, с. 104], мерилом духовных ценностей. Возвращаясь к теме «тихая лирика», обратимся к цитате Е. В. Ельцовой о поэме В. Лодыгина: образ мамы в поэме писателя, «вырастая, как правило, из представлений о конкретном человеке, матери поэта, становится обобщенным образом материнства, а также оказывается равным образу родины, страны» [там же, с. 107]. Так, выражая в поэме свои чувства и мысли о близком сердцу человеке, В. Лодыгин снова обнажает свою глубокую привязанность к малой Родине.

Как известно, одно из направлений, которого придерживались «тихие лирики», было натурфилософским, в их произведениях настойчиво звучит мотив единения с природой [16, с. 170]. В художественных произведениях 1980-х гг. В. Лодыгин подвергает осмыслению глубокую внутреннюю связь человека с природой, обращая внимание на ее воздействие на коми людей. Так, писатель грустит вдалеке от родного леса, его волнует возвращение к любимым деревьям в бору, он желает стоять рядом с ними часами, его заставляют весело приплясывать прыжки и стрекот кузнечика, его приводят в восторг луга, недавно омытые дождем. Лирический герой В. Лодыгина стремится сохранить первозданное единение человека с природой. Чувствуя сопричастность к ней, он обретает душевное равновесие. Автор, по сути являясь советским поэтом, в своих стихотворениях апеллирует к сознанию древнего коми, для которого природа была местом и объектом поклонения и который был духовно и физически отождествлен с ней. В современном мире зыряне утратили

прежние религиозные представления о природе, но она не стала для них просто символом культурной памяти. Художник отмечает ее неоднозначное присутствие в жизни коми человека. Эти размышления были характерны и для произведений первых сборников В. Лодыгина. В стихотворениях «Ставыс пармасянь» («Все от пармы»), «Эжва» («Вычегда»), «Пожӧм» («Сосна»), «Эм сус и кыдз…» («Есть кедр и береза…»), «Зэр войт» («Капля дождя»), «Тӧвру» («Ветерок») восхищение лирического героя природными явлениями в какой-то степени становится неким поклонением перед ними. В третьем сборнике мотив связи природы и человека усиливается. Конечно, тема природы является одной из магистральных в коми литературе, об этом свидетельствуют многие литературоведческие работы, а также монография О. С. Зиявадиновой «Художественное воплощение природы в коми литературе». По словам исследователя, зачастую коми произведения показывают человека, «вписанного в природный миропорядок, унаследовавшего многовековую народную нравственность. Обратившись к основам бытия человека, писатели не могли не задуматься над “вечными” вопросами, <…> в том числе и вопросам о взаимоотношении человека с природой. Основополагающим в понимании природы коми авторами является философское ее осмысление, оно реализуется в природоведческих наблюдениях, пронизанных ощущением красоты и гармонии природного мира, идеей родственного внимания человека к природе» [18, с. 69–70]. По мысли исследователя, способы выражения природных мотивов и образов «формируют в произведениях авторов философскую картину мира, специфику национального сознания, мироощущение этноса, психологию, эстетические представления, духовную жизнь, культуру, традиции, опыт патриархальной жизни» [19, 115]. В творчестве В. Лодыгина чувственное восприятие природы развивается в русле сложившихся в коми литературе традиций.

В третьем сборнике В. Лодыгина особую лирическую тональность обретают стихотворения о сыне: «Мича лун» («Погожий день»), «Шонді петӧм бӧрын» («После восхода солнца»), «Югыд зэр» («Светлый дождь»), «Керка» («Дом»), «Ворсысьяс» («Игроки»), «Коркӧся пес вӧчӧм» («Когда-то при заготовке дров»), «Пилӧн челядьдыр» («Детство сына»), «Муслун» («Любовь»), «Войын» («Ночью»), «Меддона кыв» («Самое ценное слово»). Необходимо отметить, что название сборника исходит из стихотворения «Мича лун», выражающего переживания автора в день, когда он впервые взял на руки своего сына. Этот день, по всей видимости, стал поворотным для писателя, открывшего в себе самом новые чувства – отцовские, а вслед за этим и новый творческий потенциал, вылившийся в стихотворный сборник. Образ ребенка в поэзии В. Лодыгина не связан с идеями воспитания, назидания. Здесь он исполнен нежности, искренности, тепла, являясь воплощением счастья и чистоты. В стихотворении «Войын» он передает свои переживания в момент болезни сына: пристально наблюдая за ним, лирический герой то и дело поправляет одеяльце, в которое укутано больное дитя. Эти прикосновения к постели выражают трепетную заботу родителя, его нежные чувства к сыну. Несмотря на вынужденное бдение, на страх за здоровье мальчика, героя радует невербальное общение с ним, умиляют прикосновения к детскому одеялу: отношения между больным и здоровым в стихотворении способствуют усилению, укреплению связей между описываемыми родственниками. Так, лирический герой надеется на то, что его сын будет поправлять покрывало на его уже мертвом, находящемся в гробу теле. В эту ночь без сна он словно прокладывает дорогу отцовско-сыновней любви к вечности.

В поэзии В. Лодыгина 1970–1980-х гг. наблюдается процесс самоопределения лирического героя, который устремлен к гармоническим связям со своим народом, природой, обществом. Через образы родины, коми человека, природы, через отношение к ним определяется место лирического героя в мире и его характер.

В 1993 г. В. Лодыгин издает очередной сборник стихов «Вуджанін» («Переправа»), который выявляет коренные перемены, произошедшие в художественном сознании автора. Как известно, в 1990-е гг. вся литература в целом переживает кардинальные преобразования [20, с. 7]. Социально-политические катаклизмы конца XX в., воздействуя на общественное мировосприятие, способствуют трансформации культурно-эстетической парадигмы, появлению новых художественных форм, обновлению идейно-тематического плана произведений. Поэзия В. Лодыгина – яркое тому свидетельство. Здесь на смену любовно-трогательному созерцанию действительности приходит резкая критика общественных явлений времени порубежья. Описание Коми края и жизни уже не вызывает восхищения, радости, лирический герой автора подавлен, раздосадован, потрясен, опустошен. Символично название сборника – «Переправа», – выявляющем состояние общества времен перестройки, перехода страны от одной государственной формации к другой, и связанных с этим политических, экономических и нравственных катаклизмов. Оно также служит названием стихотворения В. Лодыгина, выражающем необходимость новых свежих сил для преодоления возникших на рубеже веков общественных трудностей.

Художественный мир В. Лодыгина, претерпевая внутренние трансформации в 1990-е гг., наполняется подлинным драматизмом. Лирический герой четвертого сборника отмечает нравственное оскудение современного общества («Олӧм» / «Жизнь», «Правда», «Странаысь бокӧ вежӧр мунӧ» / «Разум отходит от страны», «Гумыльга» / «Водоворот», «Правительственнӧй дача» / «Правительственная дача», «Ӧнія оласног» / «Современный уклад жизни»), несправедливость, угнетение, голод послевоенного прошлого, о чем ранее нельзя было писать / говорить («1947-ӧд во» / «1947-й год», «Бригадир», «Вир юысь» / «Кровопийца», «Сталин гӧра» / «Гора Сталина», «Диктатура»), его волнует попрание его односельчанами святынь («Мельнича» / «Мельница», «Вичко» / «Церковь», «Вабергач» / «Водоворот»), ослабление семейно-родовых связей («Тима Вась», «Шойна вылын» / «На кладбище»), обеднение и угасание деревни («Ӧнія томлун» / «Современная молодость», «Сиктса зонъяс карса нывъяслы» / «Сельские парни городским девчатам», «Автобус виччы-

сян керкаын» / «На автобусной станции», «Ӧдзӧсӧд ӧдва нин тӧрӧ» / «В дверь еле влезает»). В поэзии В. Лодыгина 1990-х гг. начинает остро звучать экологическая тема («Орт» / «Душа», «Веськодьлун» / «Равнодушие», «М. Н. Лебедев ладӧн» / «В лад М. Н. Лебедева», «Нюр» / «Болото», «Коз» / «Ель», «Ош» / «Медведь», «Кӧин» / «Волк»). В перечисленных стихотворениях автор, обнажая неприглядные стороны реалий повседневной жизни, казалось бы, своего села, открывает духовную катастрофичность эпохальных масштабов, выявляя разрушение естественной гармонии:

Вӧльнӧй светас олам скачӧн-котӧрӧн,	‘На вольном свете живем торопясь,
Сӧмын кык да куим лола котырӧн.	Только по двое, по трое в семье.
Чӧртыс тӧдӧ, кытчӧ ставным тэрмасям,	Черт знает, куда все торопимся,
Ӧта-мӧдкӧд зыксям, пурсям, вермасям…	Друг с другом ссоримся, ругаемся, боремся…’ [21, с. 36].

Поэзия будничной повседневности в произведениях В. Лодыгина 1990-х гг. сменяется картинами некрасивой, почти уродливой жизни перестроечного времени. Подвергается изменению образный строй стихотворений. Теперь тексты автора исполнены выражениями с яркой негативной коннотацией: «*шылясьӧны видзӧдлытӧг гуяс*» ‘сравнялись с землей могилы без должного ухода’, «*пӧрласьӧны крестъяс*» ‘кресты падают’, «*куим буквaa гӧгӧр тані кыв*» ‘здесь везде слово из трех букв’, «*а ӧні ылӧджыка ыстӧны*» ‘а сейчас подальше отсылают’, «*бӧръя рубтӧ зепсьыд кыскӧны*» ‘последний рубль из кармана вытаскивают’, «*эрдӧ петӧм пыдди / быттьӧ джуджыд гуын*» ‘вместо выхода на открытую местность / будто в глубокой могиле’, «*вабергачӧ быттьӧ / кылӧдӧма юыс*» ‘словно в водоворот / привела река’, «*коркӧ вичкоас вӧчлісны склад, / ӧні гожӧмнас узьлӧны ыжъяс*» ‘когда церковь превратили в склад, / теперь летом спят тут овцы’ и т. д. Стихотворения этого периода отражают трагизм социального и национального существования. Здесь пульсируют тревожные ритмы века, содержащие эсхатологические мотивы, связанные не только с умиранием деревни, но и с разрушением целостности мира, устоев коми национальной жизни.

Социально-нравственные проблемы современности вызывают у автора глубокие переживания. Он обеспокоен судьбой коми народа, страны, малой Родины, природы родного края, духовным состоянием молодежи. Лирического героя его стихотворений, описывающего негативные стороны общественной жизни 1990-х гг., волнует вопрос: почему страна оказалась в таком положении? Бесплодные поиски ответа на него рождают неуверенность в завтрашнем дне: лирический герой часто думает о смерти. Так, первое стихотворение сборника содержит следующие слова: «*Ме тӧдлі шуда час и тужа-нужа, / И коркӧ кула*» ‘Я знал счастливые часы и нужду, / И когда-нибудь умру’, четвертое стихотворение «Сьӧлӧмшӧр» (букв.: ‘сердцевина сердца’, что значит, «Дорогая») напоминает завещание: «*Эм Габов грездын кыддза-льӧмъя нӧрыс…/ Мед сэні лоас менам креста йӧрыс…*» ‘В местечке Габов есть холм, покрытый березами и черемухой…/ Пусть там будет моя могила…’, он обращается к реке Воч, а вместе с ней и к деревне, в которой родился и вырос: «*Ок, Вочӧй, сӧстӧм ваа Вочӧй, … / Эн дивит, вола мый зэв шоча, / А сэсся-й некор нин ног лок*» ‘Ох, моя Воч, моя чистоводная Воч, …/ Не ругай меня за то, что редко бываю у тебя, / А скоро и совсем не приду’, художественный текст «Тулысын» («Весной») начинается со следующих слов: «*Олӧмсӧ олӧма-вылӧма…*» ‘Жизнь прожита’ и т. п. Мотив смерти, присутствующий в сборнике «Вуджанін», выражает усталость лирического героя, его нежелание подстраиваться под этот разрушающийся мир или как-то изменять окружающую действительность. Во времена эпохальных перемен его охватывает стремление оставить жизнь. В разделе сборника «Сьӧкыд во» раскрываются различные состояния лирического героя – он описывает себя как потерявшегося в лесу, или отгоняющего мысли о самоубийстве, или слепнущего, или озлобившегося на соседских детей, или видит во сне себя тонущим в реке… Лирический герой В. Лодыгина, не конкретизируя, рассказывает о сложнейшем периоде своей жизни:

Во колис, вывті сьӧкыд во,	‘Год прошел, очень тяжелый год,
Ме вывті сьӧкыд гӧрйӧн муніс.	По мне прошелся тяжелым плугом.
Дзик нинӧм вежсьӧмыс эз ло,	Вообще никаких перемен не произошло,
Эз югды менлы вылӧ луныс…	Не просветлел для меня день…’ [21, с. 65].

Как видим, в стихотворениях коми поэта радостно-оптимистичное восприятие жизни уступает место элегически-печальной тональности. Новый сборник диссонирует в контексте предыдущих сборников В. Лодыгина, выявляя тревожно-беспокойные чувства автора, связанные с завтрашним днем Родины и самого себя. Социально-нравственный кризис 1990-х гг. оставил в душе лирического героя кровоточащие раны.

Последствия социально-нравственного кризиса 1990-х гг. осмыслены В. Лодыгиным и в следующем стихотворном сборнике «Чалльӧг» («Приток»). В нем поэт отмечает сломленность человека, пережившего перестроечные годы. Стихотворения исполнены чувствами горечи, сострадания, невосполнимой утраты за народ коми, не сумевшим сохранить дух победы над фашизмом в период социально-политических катаклизмов конца XX в. («Россия вӧсна сьӧлӧм висьӧ» / «Сердце болит за Россию»). Из хозяина жизни он превратился в мало оплачиваемого поденщика. Он, претерпев унижение, теряет уважение к себе, перестает дорожить Родиной, страной, природой, семьей и т. п. Писатель с горечью говорит о том, что нередко его современник спивается («Ачымӧс тӧда: ен на» / «Самого себя знаю: еще силен», «Овтӧм керкаын» / «В опустевшем доме», «Дасысь нин гындыліс шерӧн» / «Десять раз уже бомбил градом», «Кеня Геня», «Терпитлӧма Енмыс» / «Терпел Бог», «Мый лолӧ, ставыс пӧ тай бурлань» / «Говорят, что ни происходит, все к лучшему»). Стремления, желания такого человека мельчают, как, впрочем, он сам:

Посняліс дзикӧдз нин мортыс,	‘Совсем обмельчал человек,
Ловнас и вежӧрнас йӧй.	Душой и разумом отупел.
Асланым енъюгыд гортын	Наш светлый дом
Тадзи помасям мӧй?	Неужели так закончится?’
	[22, с. 112].

Как видим, тема обмельчания человека в данном отрывке связана с темой исчезновения зырян и человечества вообще. Эта тема затрагивалась В. Лодыгиным еще в предыдущем сборнике, но в стихотворениях 2000-х гг. она значительно усилилась. Поэт все чаще прибегает к словам «могила», «конец», «кладбище», «темнота». Знаменательно в этом отношении стихотворение «Овтӧм керкаын» («В нежилом доме»). Актуальная для современного мира проблема вымирания деревень художником показана через ёмкий образ пустующего дома, желающего покинуть землю. С надеждой смотрят ввысь заброшенные избы умерших Семӧ Вася, Ӧсип Ӧльӧша, Степан Ивана, Прокӧ Вася, Петыр Гриши. В прошлом добротные хозяйства крепко связанных с землей мужиков приходят в запустение, а затем и умирают. Деревенский дом – часто используемый в искусстве образ, нередко становящийся не столько фоном, частью пейзажа, сколько символом всего крестьянского мира, крестьянской России. Например, предшествующей соцреалистической литературе присуще использование образа прочного просторного светлого дома, характеризующего успешное развитие сельского хозяйства в СССР. В период порубежья художественная картина меняется, что связано с упадком сельского хозяйства в России, символом которого в литературе становится заброшенная деревенская усадьба. В. Лодыгин наделяет душой коми избу, тем самым усиливая степень нерадивости детей умерших хозяев этих домов, их причастности к смерти «живых» домов, а вместе с этим и кончины деревни.

Эсхатологическая тема в поэзии В. Лодыгина 2000-х гг. воздействует на структуру произведений: в некоторых из них обнаруживаются свойства фольклорных причитаний. Приведем в пример следующий отрывок стихотворения:

Югыд шондіӧй, зарни гӧгыльӧй,	‘Яркое мое солнце, золотой мой кружок,
Чужтысь-быдтысьӧй, мамӧйгӧгиньӧй,	Родительница моя, вырастившая меня, мама моя,
Кытчӧ воштысин, кытчӧ сайлін?	Куда пропала, куда спряталась?
Пемыд кымӧръяс тӧлыс ваяліс…	Темные облака ветер принес…’
	[22, с. 125].

Стихотворение-плач обращено к солнцу, которое, как известно, еще не умерло, но здесь оно ассоциируется с счастьем, миром, радостью, гармонией, которые, по мнению лирического героя поэта, оставили современный мир. Здесь, как и в коми причитаниях, главенствует мотив горя, утраты. Также автор использует характерный для коми плачей зачин – формулу обращения – «яркое мое солнце», при этом в состав этого обращения входит сравнение с солярными объектами. Далее, как в причетах, идет нагнетание трагической обстановки путем перечисления негативных явлений в жизни лирического героя, напоминающих ряд перечислительных параллелизмов: «*Тэтӧг кӧдзалӧ олӧм-вылӧмыс, / Дугдӧ юргыны мича сьылӧмыс. / Тэтӧг чорзьӧны небыд кывъясыс, / Тэтӧг вошӧны мича нывъясыс…*» ‘Без тебя холодеет житье-бытье, / Перестает звучать красивая песня. / Без тебя твердеют мягкие слова, / Без тебя исчезают красивые девушки…’ [там же, с. 126]. В стихотворении В. Лодыгина наблюдается также характерный для коми причитаний изосиллабизм – равносложность, деление стиха на ритмические единицы, равные между собой по числу слогов:

– ′– –′– – –′– –′– —
– ′– –′– – –′– –′– —
– ′– –′– – –′– –′– —
– ′– –′– – –′– –′– —

Такая структура причета, по мнению исследователя В. В. Филипповой, обусловлена внутрислоговым распевом, определенной мелодикой жанра [23, с. 17]. Использование коми поэтом в лирическом тексте ритмики причитаний позволяет сохранить в стихотворении нагнетающие грусть эмоции. В стихотворениях «Зэв тай эськӧ уна дзоридзыс» («Очень, конечно, много цветов»), «Чышъяныс мамлӧн воймӧма» («Мамин платок обветшал»), «Бӧрдӧм» («Плач») также соблюдается ритмика этого жанра. Свойства причитаний, присущие перечисленным текстам, позволяют автору выразить боль, которую он чувствует, размышляя о прошлой гармоничной славной и благословенной жизни коми народа. В этих произведениях он словно оплакивает зырян, не выдержавших испытания времен перестройки, а также умирающие деревни родного края, обедневшую природу коми.

В 2017 г. выходит очередной стихотворный сборник В. Лодыгина под названием «Миянладорын» («В нашем округе»), знаменующий наступление нового этапа в творческой жизни поэта. Резкую критику социальных противоречий порубежного периода сменяет выражение теплых чувств к родному краю, близким людям. Писатель в своих текстах вновь воспевает красоту малой Родины. Конечно, этому во многом способствует общественно-политическая ситуация в стране: к 20-м гг. XXI в. жизнь российских граждан налаживается, обретая спокойный размеренный темп. Также, наверное, автор, который приближается к своему 70-летнему юбилею, все больше стремится к безмятежному и умиротворенному состоянию, которое он все чаще находит в тишине леса и деревеньки, где он родился и вырос.

Конечно, В. Лодыгин не может не размышлять о состоянии современной жизни. В новом сборнике также подвергаются художественному осмыслению нравственные проблемы общества 2000-х гг. (например, пьянство сельчан, угасание деревень, опустение полей и пашен и т. д.), но оно не проникнуто острым накалом, напряженными эмоциями, а выглядит как наставление. Лирический герой словно стремится передать накопленную им мудрость читателю:

Вӧчны мый, ог бура тӧдӧй,	‘Делать что, не знаем точно,
Сӧмын ылӧсалам ми.	Знаем только приблизительно.
Со и олам век на сьӧдас,	Вот и живьем все еще в темноте,
Юрын йи и лолын йи	В голове лед и в душе лед’
	[24, с. 99].

К концу жизненного пути В. Лодыгин подобно мудрому Соломону приходит к пониманию того, что в жизни человека много проблем, но много и суеты (Все суета сует, Екклесиаст 1:2), и что необходимо принять ее такой, какая она есть, не поддаваясь сильным негативным переживаниям. Лирический герой, чувствуя сопротивление среды, уже не ощущает внутреннего конфликта. Он, придя в преклонные лета, познав себя и окружающий мир, а также естественный круговорот жизни и смерти, не мучится рефлексиями о прошедших годах, его не тревожат будущее человека и человечества, мысли об апокалипсисе. Он обретает эмоциональную устойчивость, цельность восприятия жизни.

Поэзия В. Лодыгина занимает особое место в литературной жизни Республики Коми, еще раз подчеркивая уникальность коми культуры. Она отражает общее движение современной зырянской художественной словесности, выявляя переменчивость представлений о ценностных ориентирах человеческой жизни. Художественное наследие В. Лодыгина – сложный тернистый путь самопознания автора, постижения и принятия им неоднозначности мироустройства, перехода от эмоционально-эстетического постижения действительности к критическому мышлению, от гармоничных отношений с собой и окружающей действительностью к нарушению внутренней целостности и ощущению утраты устойчивости реальности. В связи с увеличением тревоги и напряженности в изменяющемся социуме в стихах В. Лодыгина красота северной природы, деревенского общества, внутреннего мира человека, свойственные народной эстетике, постепенно теряют свою органичность: хаос и жестокость переходного времени приводят поэта к разрыву с традициями, к сомнениям в разумных основах бытия, в будущности коми народа. Однако при этом, радостно-мажорное восприятие действительности, как и эсхатологические ощущения и принятие болевых точек своего века, раскрываются автором через традиционные для коми поэзии образы природы и деревенского быта, сквозь призму народной нравственности и философии. Накопленный В. Лодыгиным психологический опыт, растворенный в поэтических сборниках, способствует обогащению культурного наследия зырян, расширению границ эстетического мышления коми.

Различные периоды художественного наследия В. Лодыгина выявляют смену его художественных ориентиров на протяжении долгой поэтической жизни, связанной как с духовным взрослением автора, так и с нестабильностью общественно-политической ситуации. Как бы то ни было, на каждом этапе в своих произведениях он выражает мироощущение современного ему общества, чувства своего поколения, радуясь и негодуя вместе с ним. И второе, что связывает авторские сборники стихотворений разных лет – это любовь к коми народу, коми земле, ставших центром его поэзии, его жизни, судьбы и открывших его эстетическое дарование.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Valton A. Seal kaugel-kaugel. Valik komi proosat. 30 lugu 27-lt autorilt aastatest 1924–2010. Koost. N. Obrezkova, A. Valton. – Tallin: Kirjastuskeskus, 2011. – 328 p.
2. Megyek élö testvérmhez. Finnugor költők antológia. – Budapest: M. irószövetség, 1993. – P. 51.
3. Латышева, В. А. «Шудыс сьӧлӧмӧ оз тӧр…» В. Лодыгинлӧн кывбуръяс йылысь / В. А. Латышева // Войвыв кодзув. – 1996. – № 6. – Лб. 26–29.
4. Дёмин, В. Н. Василий Григорьевич Лодыгин / В. Н. Дёмин // Писатели Коми: биобиблиогр. слов.: в 2 т.; науч. ред. В. Н. Дёмин. – Сыктывкар: Национальная библиотека РК, Коми НЦ УрО РАН, 2017. – Т. 1. – С. 323–329.
5. Малева, А. В. Василий Григорьевич Лодыгин / А. В. Малева // Писатели Коми: биобиблиогр. слов.: в 2 т.; науч. ред. В. Н. Дёмин. – Сыктывкар: Анбур, 2017. – С. 565–574.
6. Лисовская, Г. К. Коми рассказ 90-х гг. XX в. / Г. К. Лисовская // Современная коми литература: проблематика, герой, стиль. – Сыктывкар: Национальная библиотека РК, Коми НЦ УрО РАН, 2004. – С. 21–32.
7. Demin, V. Neli komi laulu / V. Demin // Neli komilannat (Нёль коми сьылан). – Tallinn: Virgela, 1998. – Pp. 5–8.
8. Кузнецова, Т. Л. Малые формы коми прозы конца XX – начала XXI в.: особенности художественного развития / Т. Л. Кузнецова. – Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2014. – 40 с.
9. Ельцова, Е. В. Образы матери в поэмах В. Попова, В. Лодыгина, В. Ванюшева / Е. В. Ельцова // Ученый. Поэт. Публицист: к шестидесятилетию творческой деятельности В. М. Ванюшева / отв. ред. Р. В. Кириллова. – Ижевск: УдмФИЦ УрО РАН, 2021. – С. 100–108.
10. Борев, Ю. Б. Эстетика / Ю. Б. Борев. – М.: Высшая школа, 2002. – 511 с.
11. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
12. Ельцова, Е. В. Пути развития коми поэзии второй половины XX – первой четверти XXI вв. / Е. В. Ельцова // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2021. – Т. 15, № 3. – С. 446–456.
13. Eltcova, E. Die Darstelling von Stadt und Land in der modernen komi-syrjanischen Dichtung / E. Eltcova // Ulrike Kahrs, Monika Schötschel. Literaturoziologishe Entwicklungen bei Wolgafinnen und Permien (1985–2008). – Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2011. – Pp. 163–182.
14. Лодыгин, В. Менам улича: кывбуръяс / В. Лодыгин. – Сыктывкар: Коми книжнӧй издательство, 1972. – 72 с.
15. Лодыгин, В. Ставыс на водзын / В. Лодыгин. – Сыктывкар: Коми книжнӧй издательство, 1978. – 128 с.
16. Портова, П. А. Поэтическая «оттепель»: «громкая» и «тихая» лирика. Своеобразие философской поэзии / П. А. Портова // Актуальные вопросы развития современного общества, экономики и профессионального образования. – Пенза: Наука и образование, 2023. – С. 164–174.
17. Лодыгин, В. Мича лун: кывбуръяс, поэма / В. Лодыгин. – Сыктывкар: Коми книжнӧй издательство, 1986. – 88 с.

18. Зиявадинова, О. С. Художественное воплощение темы природы в коми литературе / О. С. Зиявадинова. – Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2021. – 104 с.
19. Зиявадинова, О. С. Парадигма «природа – человек – родовой дом» в художественном сознании коми поэтов второй половины XX в. / О. С. Зиявадинова // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. – 2022. – № 2. – С. 115–121.
20. Bartens, R. Näkökulma kominkieliseen vuosituhannen vaihteen lyriikkaan / R. Bartens // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. – 2004. – № 90. – P. 7–56.
21. Лодыгин, В. Вуджанін: кывбуръяс / В. Лодыгин. – Сыктывкар: Коми книжнӧй издательство, 1993. – 104 с.
22. Лодыгин, В. Чалльӧг: кывбуръяс / В. Лодыгин. – Сыктывкар: Коми небӧг лэдзанін, 2005. – 240 с.
23. Филиппова, В. В. Поэтика фольклора коми-ижемцев (жанр причитания): автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. В. Филиппова. – М., 1992. – 20 с.
24. Лодыгин, В. Миянладорын: кывбуръяс, поэмаяс / В. Лодыгин. – Сыктывкар: Анбур, 2017. – 240 с.

References

1. Valton, A. Seal kaugel-kaugel. Valik komi proosat. 30 lugu 27-lt autorilt aastatest 1924–2010. Koost. N. Obrezkova, A. Valton [It's far, far away there. A selection of Komi prose. 30 stories by 27 authors from 1924-2010. Assembly. N. Obrezkova, A. Walton]. – Tallin: Kirjastuskeskus, 2011. – 328 p.
2. Megyek élö testvérmhez. Finnugor költők antológia [I'm going to get the latest. Finno-Ugric poet Anthology]. – Budapest: M. irószövetség, 1993. – P. 51.
3. Latysheva, V. A. "Shudys s'ölömo oz tör..." V. Lodyginlon kyvburyas vylys [Happiness does not fit in the heart: about poems by V. Lodygin]. / V. A. Latysheva // Voyvyv kodzuv [North Star]. – 1996. – №. 6. – P. 26–29.
4. Demin, V. N. Vasily Grigorievich Lodygin / V. N. Demin // Pisateli Komi: biobibliograficheskii slovar'[Komi writers: biobibliographic dictionary]: in 2 vols. – Syktyvkar: Nacionalnaya biblioteka RK [National Library of the Komi Republic], Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2017. – Vol. 1. – P. 323–329.
5. Maleva, A. V. Vasily Grigorievich Lodygin / A. V. Maleva // Pisateli Komi: biobibliograficheskii slovar' [Komi writers: biobibliographic dictionary]: in 2 vols.. – Syktyvkar: Anbur, 2017. – P. 565–574.
6. Lisovskaya, G. K. Komi rasskaz 90-h gg. XX v. [Komi story of the 1990s of the XX century] / G. K. Lisovskaya // Sovremennaya komi literatura: problematika, geroi, stil [Modern Komi literature: problems, hero, style]. – Syktyvkar: Nacionalnaya biblioteka RK [National library of the Komi Republic], Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS Publ, 2004. – P. 21–32.
7. Demin, V. Neli komi laulu / V. Demin // Neli komilannat (Нёль коми сьылан) [Four songs]. – Tallinn: Virgela, 1998. – P. 5–8.
8. Kuznetsova, T. L. Malye formy komi prozy koncza XX – nachala XXI v.: osobennosti hudozhestvennogo razvitiya [Small forms of Komi prose of the late XX – early XXI centuries: features of artistic development]. / T. L. Kuznetsova. – Syktyvkar: Federal Research Centre Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2014. – 40 p.
9. Eltsova, E. V. Obrazy materi v poemah V. Popova, V. Lodygina, V. Vanyusheva [Images of the mother in the poems of V. Popov, V. Lodygin, V. Vanyushev] / E. V. Eltsova // Uchenyj. Poet. Publicist: k shestidesyatiletiyu tvorcheskoj deyatelnosti V. M. Vanyusheva [Scientist. Poet. Publicist: for the 60-th anniversary of V. M. Vanyushev creative activity] / Ed. R. V. Kirillova. – Izhevsk: Udmurt Federal Research Centre, Ural Branch, RAS, 2021. – P. 100–108.
10. Borev, Yu. B. Estetika [Aesthetics] / Yu. B. Borev. – Moscow: Vysshaya shkola [Higher school], 2002. – 511 p.
11. Bakhtin, M. M. Voprosy literatury i estetiki [Questions of literature and aesthetics] / M. M. Bakhtin. – Moscow: Hudozhestvennaya literatura [Fiction], 1975. – 504 p.
12. Eltsova, E. V. Puti razvitiya komi poezii vtoroj poloviny XX – pervoj chetverti XXI vv. [Ways of development of Komi poetry of the second half of the XX - first quarter of the XXI centuries] / E. V. Eltsova // Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij [Yearbook of Finno-Ugric studies]. – 2021. – Vol. 15, No. 3. – P. 446–456.
13. Eltcova, E. Die Darstelling von Stadt und Land in der modernen komi-syrjanischen Dichtung [Depiction of a town and village in modern Komi-Zyryan poetry] / E. Eltcova // Ulrike Kahrs, Monika Schötschel. Litertursoziologishe Entwicklungen bei Wolgafinnen und Permien (1985–2008) [Ulrike Kars, Monica Schetschel. Literary and sociological developments in the Volga region and Perm (1985-2008)]. – Hamburg: Verlag Dr.Kovač, 2011. – P. 163–182.
14. Lodygin, V. Menam ulicha: kyvburjyas [My street: verses] / V. Lodygin. – Syktyvkar: Komi knizhnoje izdatelstvo [Komi Book Publ. House], 1972. – 72 p.
15. Lodygin, V. Stavys na vodzyn [There's still more to come] / V. Lodygin. – Syktyvkar: Komi knizhnoje izdatelstvo [Komi Book Publ. House], 1978. – 128 p.
16. Portova, P. A. Poeticheskaya «ottepel»: «gromkaya» i «tihaya» lirika. Svoeobrazie filosofskoj poezii [Poetic "thaw": "loud" and "quiet" lyrics. The originality of philosophical poetry] / P. A. Portova // Aktualnye voprosy razvitiya sovremennogo obshhestva, ekonomiki i professionalnogo obrazovaniya [Actual issues of development of modern society, economy and professional education]. – Penza: Nauka i obrazovanie [Science and Education], 2023. – P. 164–174.
17. Lodygin, V. Micha lun: kyvburyas, poema. [Beautiful day: verses, poem] / V. Lodygin. – Syktyvkar: Komi knizhnoje izdatelstvo [Komi Book Publ. House], 1986. – 88 p.
18. Ziyavadinova, O. S. Hudozhestvennoe voploshhenie temy prirody v komi literature [Artistic implementation of the theme of nature in Komi literature] / O. S. Ziyavadinova. – Syktyvkar: Federal Research Centre Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2021. – 104 p.
19. Ziyavadinova, O. S. Paradigma «priroda – chelovek – rodovoj dom» v hudozhestvennom soznanii komi poetov vtoroj poloviny XX v. [The paradigm of "nature – man – family home" in the artistic consciousness of Komi poets

of the second half of the XX century] / O. S. Ziyavadinova // Istoriko-kulturnoe nasledie narodov Uralo-Povolzhya [Historical and cultural heritage of the Ural-Volga region peoples]. – 2022. – №. 2. – P. 115-121.
20. Bartens, R. Näkökulma kominkieliseen vuosituhannen vaihteen lyriikkaan. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja [A look at the Komi lyrics of the turn of the millennium. Periodical of the Finno-Ugric Society] / R. Bartens. – Helsinki, 2004. – №. 90. – P. 7–56.
21. Lodygin, V. Vudzhanin: kyvburyas [Crossing: verses] / V. Lodygin. – Syktyvkar: Komi knizhnoje izdatelstvo [Komi Book Publ. House], 1993. – 104 p.
22. Lodygin V. Challog: kyvburjyas [Inflow: verses] / V. Lodygin. – Syktyvkar: Komi knizhnoje izdatelstvo [Komi Book Publ. House], 2005. – 240 p.
23. Filippova, V. V. Poetika folklora komi-izhemcev (zhanr prichitaniya) [Poetics of Izhma-Komi folklore (lament genre)] : abstract of diss... Cand. Sci. (Philology) / V. V. Filippova. – Moscow, 1992. – 20 p.
24. Lodygin, V. Miyanladoryn: kyvburjyas, poemajas [In our district: verses, poems] / V. Lodygin. – Syktyvkar: Anbur Publ., 2017. – 240 p.

Благодарность (госзадание):

Работа подготовлена в рамках плановой темы «Художественный опыт коми литературы в социокультурном контексте (2026-2030 гг.)». FUUU-2026-0005.

Acknowledgements (state task):

This work was prepared within the frames of the planned topic «The artistic experience of Komi literature in the sociocultural context (2026-2030)». FUUU-2026-0005.

Информация об авторе:

Горинова Наталья Васильевна – кандидат филологических наук, заведующий сектором литературоведения Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID: 0000–0003–1128–7273, SPIN-код: 3079-4052 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: ngorinova@mail.ru).

Author:

Natalya V. Gorinova – Cand. Sci. (Philology), Head of the Sector of Literary Criticism, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS; ORCID: 0000–0003–1128–7273, SPIN-code: 3079-4052 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: ngorinova@mail.ru).

Для цитирования:

Горинова, Н. В. Поэтическое творчество коми поэта Лодыгина В. / Н. В. Горинова // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 3 (88). – С. 143–152.

For citation:

Gorinova, N. V. The poetic works of the Komi poet V. Lodygin / N. V. Gorinova // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2026. – No. 3 (88). – P. 143–152.

Дата поступления статьи: 09.12.2025
Прошла рецензирование: 09.12.2025
Принято решение о публикации: 30.01.2026
Received: 09.12.2025
Reviewed: 09.12.2025
Accepted: 30.01.2026

УДК 82.0(091)82-14
DOI 10.19110/1994-5655-2026-3-153-158

Ванеев Альберт – Ванюшев Василий: диалог с природой

Зиявадинова О. С.

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
olgazijav@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию типологически и генетически близкой тенденции художественного воплощения взаимоотношений природы и человека, являющейся одной из важнейших в творчестве оригинальных и уникальных финно-угорских поэтов – А. Е. Ванеева и В. М. Ванюшева. Своеобразие философских представлений о мире, отношения к природе в культуре финно-угорских народов на материале исследуемых нами текстов осмыслены в совокупности и динамике исторического процесса основных принципов изображения природы, согласно которым мир природы мыслится как мир гармоничный, упорядоченный, цельный. Анализ избранных литературных стихотворений поэтов дает возможность раскрытия художественных исканий и эстетических принципов воплощения темы взаимоотношений природы и человека, исследовать развитие натурфилософских идей авторов наряду с общекультурными и фундаментальными представлениями, позволяет говорить об общих идеях их художественного мировидения, формируя особое представление о естественной среде как о живом существе. Выявлена специфика осмысления социально-философских, натурфилософских идей, воплощенных в текстах авторов, способов моделирования смыслов в философском пейзаже на уровне тематики, художественной поэтики в общекультурном контексте.

Ключевые слова:

А. Е. Ванеев, В. М. Ванюшев, человек и природа, национальные образы мира, пейзаж, диалог культур

Albert Vaneev – Vasily Vanyushev: dialogue with nature

Ziyavadinova O. S.

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
olgazijav@mail.ru

Abstract

The paper studies the artistic embodiment of the relationship between nature and man, a key feature in the works of the original and unique Finno-Ugric poets A. E. Vaneev and V. M. Vanyushev. The uniqueness of philosophical understandings of the world and attitudes toward nature in the culture of the Finno-Ugric peoples based on the texts we study are understood in the totality and dynamics of the historical process of the fundamental principles of depicting nature, according to which the world of nature is conceived as harmonious, orderly and integral. The analysis of selected literary poems by these poets reveals their artistic pursuits and aesthetic principles for embodying the theme of the relationship between nature and man, explores the development of the authors' natural philosophical ideas alongside with their general cultural and fundamental concepts and allows us to discuss about the general ideas of their artistic worldview, forming a unique understanding of the natural environment as a living being. The specifics of understanding socio-philosophical and natural philosophical ideas embodied in the authors' texts, as well as methods of modeling meanings in the philosophical landscape at the level of thematic and artistic poetics in a general cultural context are revealed.

Keywords:

A. E. Vaneev, V. M. Vanyushev, man and nature, national images of the world, landscape, dialogue of cultures

Тема взаимоотношений природы и человека является неотъемлемой частью любой национальной литературы, она хранит богатейшее наследие и собственные уникальные черты, являющиеся неотъемлемой частью финно-угорского мира. Художественный мир коми поэта А. Е. Ванеева (1933–2001) и удмуртского лирика В. М. Ванюшева (1936) отличается многообразием художественных тенденций и стилистических перспектив в изображении природы: в контексте натурфилософских размышлений о бесконечном развитии мира, в диалоге своего времени с социальными вопросами и проблемами эпохи, своеобразии поэтики пейзажа. В творчестве авторов воплощены и сплетены насущные и вечные проблемы – история народа с ее ментально-культурной сущностью, поиск идентичности этнического единства, отражение интеллектуального и эмоционального глубокого творческого восприятия жизни.

Среди немногочисленных работ последних лет о развитии темы природы в лирике поэтов как важнейшего компонента ценностной культуры финно-угорской общности можно выделить исследования О. С. Зиявадиновой [1–3], Н. С. Братчиковой [4], Е. Г. Красновской [5]. Материалом исследования являются поэтические сборники «Бара кылалӧ йи…» («Снова тронулся лед…», 1964), «Снежная Республика моя» (1977), «Наша ягода – брусника» (1983), «Ловъя би» («Живой огонь», 1983) «Гыяс» («Волны», 1999) А. Ванеева, «На просторах земных» (1990), «У всего есть душа» (2002) В. Ванюшева, которые дают возможность обнаружить об-

щие тенденции в развитии художественного осмысления природы в стихотворениях художников.

А. Е. Ванеев – выдающийся представитель национальной словесности в культуре Республики Коми, член Союза писателей СССР (1965), народный поэт Республики Коми (1996). Он проявил себя как общественный деятель, талантливый переводчик и глубокий исследователь коми поэзии, посвятивший себя изучению творчества и наследия основоположника коми литературы И. А. Куратова. Его вклад был удостоен Государственной премии Коми АССР им. И. А. Куратова (1979) и звания заслуженного работника культуры Коми АССР (1988). Помимо литературной и научной деятельности, А. Е. Ванеев возглавлял научную группу по созданию энциклопедии «Республика Коми». Художественные произведения А. Ванеева как ведущего поэта коми рубежа XX–XXI вв. были переведены на многие языки мира: венгерский [6, 7], финский [8–10], эстонский [11].

Поэзия А. Е. Ванеева – размышления о северном крае, характере коми человека, любящего свой неповторимый своеобразный край, его прошлом и настоящем, об обычаях народа, поиске бытийных констант и основ человеческого существования. Образ природы органичен для художественного мира автора, неразрывно связан с концепцией человека. О. И. Шайтанов утверждает, что «открывая природу», каждая национальная культура открывает себя, свою самобытность [12, с. 14]. Тема взаимоотношений естественной среды и человека имеет большую значимость в художественном творчестве А. Ванеева в формировании натурфилософии автора, которая проявлена как доминанта системы духовного мира, эквивалент модели мироздания, постоянно саморазвивающаяся, во взаимодействии с человеком, в выявлении проблемы взаимодействия природы и общества, природы и человека, в определении социально-исторической сущности человека. Кроме того, коми поэт осмысляет понимание природы в нравственно-этическом и эстетическом плане. Природные элементы – география, ландшафт, климат – служат отражением сложного взаимодействия человека и природы, определяя его место в социокультурном пространстве, демонстрируя принцип единства природного и общественного, специфику реализации подхода «пространство природы – пространство социума» [13].

Д. С. Лихачёв, рассматривая природу в историко-литературном контексте, приходит к выводу, «что пейзаж страны – такой же элемент национальной культуры, как и все прочее <…> Пейзаж – выражение души народа…» [14, с. 65]. В стихотворениях А. Ванеева «Гулыд яг» («Светлый бор»), «Чужан сиктын» («В родном селе»), «Талун асылыс сӧдз» («Сегодня утро ясное»), «Войвывса гожӧм» («Северное лето»), «Тӧвся кыдзъяс» («Зимние берёзы»), «Еджыд эрдъяс» («Земля белоснежная») природа осмыслена как изначальная, первичная, «первая» действительность, наполненная гармонией и безмятежностью:

Торъя муса овлӧ чужаніныд,	‘Мне мила земля моя родная:
Ставыс сэні югыд, сӧстӧм, бур:	Кажется мне – вся она светла.
Сӧмын мича рӧмъяс аддзӧ синмыд,	Не дорога – радуга цветная
Ньӧти тепкан кок улад оз сюр.	Предо мной ровнешенько легла.
Югыдджыкӧсь сэні тувсов войяс,	Даже ночи вешние светлее,
Шемӧсмӧдӧ вӧр-ваыслӧн мич:	Даже лес там выше и стройней,
Торъя югӧр шондіыс сэн койӧ,	Даже солнце ласковей под нею,
Торъя шӧвкӧн лӧставлывлӧ видз.	Даже травы шелка зеленей.
Шаньӧсьджык сэн весиг арся зэръяс -	Я и в дождь осенний грешным словом
На вылӧ и элясьны оз позь.	В горький час в сердцах не оболгу.
…Мӧд ног гортӧс казытывны ог вермы,	Не скажу о родине плохого.
Мед кӧть сэсся эскасны кӧть оз. [15, с. 77].	Верьте иль не верьте – не могу’ [16, с. 13].
	(Перевод А. Смольникова).

В цикле сонетов «Чужан сикт йылысь сонетъяс» («Сонеты о родном селе») А. Ванеев создал образ родной коми земли, сумел передать краски, звуки, движение, величавость природы, дал почувствовать национальную идею о любви к малой родине. За внешней простотой лирической организации текста скрывается стремление приблизиться к реальной жизни, понять ее глубинный смысл:

Кымын ола, пыді гӧгӧрвоа	‘Чем дольше живу, тем все глубже понимаю
Вӧрлысь мывкыд, сылысь этш да сям.	Разум леса, его силу и нрав.
Сійӧ меным кыв-вора и ловъя,	Он для меня красноречивый и живой,
Мӧвпалысь, и вильшасьысь, и рам.	Думающий, озорной и скромный.
Кымын ола, ясыддыка аддза,	Чем дольше живу, тем яснее вижу,
Кутшӧм дона вӧр и ва, и му.	Как мне дороги лес, и вода, и земля.
Корсюрӧ нин чайтсьӧ, мый ме ачым	Иногда мне кажется, что я и сам -
Парма чуркйын быдмысь ловъя пу [15, с. 64].	Дерево, растущее в родной парме’ [16, с. 7].
	(Перевод Г. Иванова).

Л. Н. Гумилев пишет, что «этнос (народ) – явление природы, обнаруживаемое через ощущение (отнюдь не сознание или самосознание)» [17, с. 252]. Лирический герой А. Е. Ванеева стремится найти «код» к первоначалам жизни, к первозданной природе:

Эм коми му.	‘Земля есть коми,
Эм чужан сикт,	Есть село родное
И керка,	И старый дом в таёжном том краю
Кӧні потан менам вӧвлі,	Где бабушка,
Кӧн мукӧд пӧрысь пӧчъяс моз жӧ дзик	Склонившись надо мною,
Се мусса пӧчӧй сьывліс меным: «Ӧввӧ!» [15, с. 51].	У люльки пела: «Баюшки-баю!»’ [16, с. 35].
	(Перевод И. Лашкова).

В сборнике «Войвывса сонетъяс» («Северные сонеты», 1988) А. Е. Ванеев предстает как художник, чувствующий «фактуру» реальности и умеющий ее блестяще передать. В ней изображена импульсивная, органическая, эмпирически-натуральная жизнь, сотканная из мигов бытия окружающего мира, в ее суверенном и вечном самообновлении. Образ концепт земли пред-

стает одной из фундаментальных констант коми культуры, в контексте философско-эстетических исканий эпохи, наполняется новым значением, ассоциируется с матерью-землей, связана с мифологемой матери – земли. Лирический сюжет цикла сонетов «Шонділӧн кытш» («Орбита солнца») – философско-поэтическое повествование о величии и красоте коми природы, содержащее описание природных превращений, которые происходят в течение года, его пространственно-временная реализация представляет собой гармоничный круговорот жизненных процессов природы, деление на времена года, описание смены времен года по месяцам. Природные мотивы в сонетах становятся сюжетообразующими. Поэтизация зимы воплощена в сонетах «Декабрь», «Январь» и «Февраль». Картины весеннего цветения соответствуют топике рая, символизируют праздник рождения окружающего мира, его пробуждения. Лирический герой в сонетах «Июнь», «Июль», «Август» «растворяется» в ароматах душистых трав, в журчании лесного ручейка, в летнем дуновении северного ветра, в запахах, в звуковой симфонии леса. Сонеты, посвященные осени, пронизаны ощущением красоты и гармонии окружающего мира. Лирический герой автора переживает вселенские превращения стихии, ее годового цикла, который поэтизируется как мистерия творения, вплетенная в процесс круговращения жизни. Мифологема солнца в художественном творчестве А. Ванеева связана с мудростью всеединства, архетипом детства. Символ солнца связан с комплексом важнейших мировоззренческих установок поэта, как творящего начала, строящего из хаоса гармонию природы. Пейзажная кольцевая композиция, суть поэтики природы А. Е. Ванеева – бесконечная система непрерывных кругов – циклов, моделирующих природные взаимодействия, нерасчленимая цельность окружающего мира, движение человека и природы в едином потоке жизни, цикличном, гармоничном постоянном круговороте, обеспечивающем вечность, неизменность.

В философско-поэтических сонетах А. Ванеева воссоздана модель мира героев и автора, которую можно обозначить как космическую, согласно ей, человек мыслится малой частичкой мироздания, природы, связанной с окружающим его потоком жизни. Поэт предстает певцом, воспевающим коми природу, воспевающим людей, вписанных в природную гармонию и целостность бытия. В сонетах автора – отражение мировоззрения лирического героя на более глубоком уровне с его близостью к природе, символизирующее мифологическое сознание.

Любовь к природе, тема поиска истины в постижении мира, тема преемственности времен и поколений нашла свое воплощение в научной и литературной деятельности В. М. Ванюшева, доктора филологических наук Удмуртии, члена Союза писателей Российской Федерации в сборнике очерков о родном крае «Нити времен» (1972) на русском языке, сборниках стихотворений «Выжыосы» («Родные корни», 1975), «Шунды но гудыри» («Солнце и гроза», 1980) [18, 75]. Метод художественного творчества и эстетика В. Ванюшева построены на особом внимании к детали, на создании живого многообразия жизни, отражающих не внешний ход событий, а причинно-упорядоченный окружающий мир. Художественная натурфилософия автора на глубинном уровне характеризуется близостью к природе, символизирует мифологическую составляющую человеческого сознания. Стихотворения В. Ванюшева, касающиеся аспекта развития философии взаимоотношений естественного мира и человека, актуализируются в своей общественной и социокультурной значимости, прослеживают эволюцию темы природы в комплексе мировоззренческих аспектов**,** в сложной системе взаимоотношений общества и окружающего мира. В художественных пейзажах автора воплощено богатое разнообразие природных форм, игра света и тени, придающие картинам живость, дыхание природы, атмосферу национального мироощущения, весь тот эффект, который «разлит» в природе.

Выстроенный поэтом градационный ряд пространственного перемещения лирического героя от пространства небесного (небо, белый снег, звезды), истинного, открытого к пространству земному (снег, березы) демонстрируют путь героя ко внутренней гармонии, обретению ориентиров природного и божественного начала:

Буду хоть где я – никогда не одинок.
Над моею головой простерлось небо.
Синева сочится между строк,
Падая на землю белым снегом.
С неба миллиарды близких звезд
Мне мигают, где бы я там ни был… [19, с. 25].

(Перевод А. Канева).

Движение вовлекает небо и землю в единый процесс бытия. Соприкосновение с природой становится для лирического героя не только попыткой приобщиться к таинству мира, но и способом своеобразного очищения, возможностью окунуться в новый поток времени, останавливающий свое течение в минуты полной отдачи созерцанию. В художественном мире автора воспето знойное лето, весна, полная жизни, движения, деревья, цветы, символизирующие украшение земли, родная природа в таинстве и красоте пробуждения, шелест лиственниц, шум ручейков:

Как же лето не любить,
Если все зазеленело,
Птичьей песней зазвенело [20, с. 19].

(Перевод А. Кондратьева).

И синел василек,
И гвоздика горела
В доспевающей солнечной ржи… [там же, с. 30].

(Перевод В. Бояринова).

Единство и бесконечность природного процесса ясно очерченные, предметное подчеркивает образ родника из стихотворения «Я шел, собираясь прочистить родник…» – воплощение непрерывности жизни:

Я шел, собираясь прочистить родник,
Чтоб всякий к нему благодарно приник.
Был путь к роднику через речку непрост –
Там хлюпал подгнившими досками мост.
И я подновил его дряхлый настил,

Чтоб всякий без страха мостом проходил.
Родник все зовёт, все торопит – беги!..
Да кто-то калину сломал у реки,
И цвет белоснежный привядший опал…
Но я её ствол по пути подвязал.
Спешу к роднику…
Только вижу вокруг
Дела, что моих дожидаются рук.
Когда я пришёл к роднику, то вдали
Уж солнце скрывалось за краем земли –
Родник, не гневись, припозднился чуть-чуть,
Недальний, но хлопотный выдался путь [там же, с. 52].

(Перевод В. Бояринова).

Мотив возвращения к истокам (возвращение в деревню, погружение в древнюю историю удмуртов, погружение в глубины времени) является одним из основных в произведениях В. М. Ванюшева. Возвращение в отчий дом, в лоно природы дарует лирическому герою утраченную гармонию:

Снова снится деревня родная,
И гляжу я с холма на поля,
Сверху мельничный пруд узнавая,
Нашу кузницу и тополя…
Это кровь моих прадедов властно
Призывает в родные места…
Как давно я уехал!
Но всюду
Образ отчего дома берег!…
И деревня, как детство, мне снится,
И зовут дорогие поля;
И вздыхает, склоняясь, пшеница,
И, желтея, шумят тополя… [там же, с. 58].

(Перевод В. Бояринова).

Перед нами – лирический портрет деревни, произведение пронизывают тема пути, мотивы странствия, ухода и возвращения лирического героя (возвращение домой насыщено мотивами вновь обретенной родины, любовью к родной земле, природе), как обретение им не только своего места, но и себя истинного. О природе, доме говорится как о колыбели жизни, душевного равновесия, гарантии самодостаточности, это обретение своего места героем в мире, в окружающей среде, его укорененность, вписанность в природное пространство. Лирический герой соотносит природу с домом, манящим гармонией и обещающим надежность, складывается глубоко философское восприятие мира. Природа не просто предмет созерцания, но образ времени, соучастница жизни, соучастница истории, повседневных событий, она, в соответствии с концепцией В. Ванюшева, вечна, сохраняет для человека память о его далеких предках с целью познания себя. Удмуртский поэт в своих стихотворениях обращается к природе как к источнику жизненных сил, к роднику творчества, вдохновению художника, к раздумьям о самовыражении личности:

Когда солнце садилось над нами
На зазубренный гребень лесной,
Как всегда, не с пустыми руками
Мы спешили из чащи грибной.
У девчонки цветы пламенели,
Шла старуха с охапкою хмеля,
Дед с корзинкой грибов,
И гляди-ка —
В туеске у мальчишки брусника!
Пусть сума у меня на боку
Нынче дичью опять не набита,
Но несу я из леса строку [18, с. 60].

(Перевод В. Бояринова).

В философско-эстетической стихии произведений автора актуальна проблема взаимоотношений природы и естественного мира, поиска природных форм, она занимает чрезвычайно важное место и решается в мировоззренческом плане. Подробная детализация ландшафтных форм, внимание к мельчайшим фактическим подробностям, предстающим в событийной динамике, во всей неисчерпаемости проявлений – основные составляющие поэтики природоописаний В. М. Ванюшева. Лирика удмуртского поэта откровенна, заряжает читателя социально-этическим, эстетическим импульсом, сохраняя богатство индивидуальных жизненных, естественных форм. Пейзажная лирика является способом воплощения совершенства мироздания, она пронизана движением, музыкальностью, элегической тональностью. Философская, социокультурная доминанта понимания природы в творчестве избранных нами авторов рассматривается как пример развития литературного процесса национальных регионов России, дает возможность вписать анализ художественного материала регионов в эволюционные процессы современной литературы XX – начала XXI в., расширить системный подход к исследованию, включающий историко-культурный, социальный контексты изображения проблем современной эпохи. В ходе исследования установлено, что изображения природы, отражающие основные мотивы натурфилософии XX столетия, художники слова воспринимают как эквивалент всей модели мироздания, средоточие нравственных и духовных традиций, основу человеческого бытия, специфики мировосприятия патриархального уклада жизни.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Зиявадинова, О. С. Природа и человек в поэзии В. М. Ванюшева и А. Е. Ванеева / О. С. Зиявадинова // Ученый. Поэт. Публицист: к 85-летию со дня рождения и 60-летию творческой деятельности В. М. Ванюшева: коллективная монография / УдмФИЦ УрО РАН; сост. и отв. ред. Р. В. Кириллова. – Ижевск, 2021. – С. 208–216.
2. Зиявадинова, О. С. Природа и человек в художественном сознании коми поэтов 1960–1980-х гг. / О. С. Зиявадинова // Пермистика 19: диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. науч. ст. – Сыктывкар, 2023. – С. 325–333.

3. Природа и человек в художественном сознании А. Е. Ванеева, В. В. Тимина, С. А. Попова, Г. А. Юшкова / О. С. Зиявадинова // Владимир Тимин: «Медым йӧзыс казьтылісны бурӧн…» / «Чтоб добром вспоминали люди…»: сб. ст. о творчестве В. В. Тимина // отв. ред. Е. В. Остапова. – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2022. – С. 43–53.
4. Братчикова, Н. С. Размышления об удмуртской поэзии: лирика В. М. Ванюшева / Н. С. Братчикова // Ученый. Поэт. Публицист: к 85-летию со дня рождения и 60-летию творческой деятельности В. М. Ванюшева: коллективная монография / УдмФИЦ УрО РАН; сост. и отв. ред. Р. В. Кириллова. – Ижевск, 2021. – С. 195–208.
5. Красновская, Е. Г. Найдется песня для души (О лирике В. Ванюшева) / Е. Г. Красновская // Ученый. Поэт. Публицист: к 85-летию со дня рождения и 60-летию творческой деятельности В. М. Ванюшева: коллективная монография / УдмФИЦ УрО РАН; сост. и отв. ред. Р. В. Кириллова. – Ижевск, 2021. – С. 216–224.
6. Finnougor eletrajzi lexicon kistukre / P. Domokos. – Budapest: Akad. kiadó, 1990. – 366 p.
7. Medveének. A keleti finnugor népek irodalmának kistükre. Szerk. Domokos Péter. – Budapest: Európa Könyvkiadó, 1975. – 926 p.
8. Bartens, R. Näkökulma kominkieliseen vuosituhannen vaihteen lyriikkaan / R. Bartens // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. – 2004. – № 90. – P. 7–56.
9. Jugras Balatonah sah. Suomelas-ugrilazii runoloi karjalan, suomen ja vepsän kielil – Jugrasta Balatonille. Suomalais-ugrilaista runoutta karjalan, suomen ja vepsän kielillä. – Petroskoi: Periodika, 2006. – 221 p.
10. Käenkukunta yöt. Komien lyriikka. Toim. R. Bartens. – Helsinki: SKS, 1984. – 198 p.
11. Seal kaugel-kaugel. Valik komi proosat. 30 lugu 27-lt autorilt aastatest 1924–2010. Koost. N. Obrezkova, A. Valton. – Tallinn: Kirjastuskeskus, 2011. – 328 p.
12. Шайтанов, И. О. Ф. И. Тютчев: поэтическое открытие природы / И. О. Шайтанов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. – 127 с.
13. Зиявадинова, О. С. В. А. Савин: пространство природы, пространство социума / О. С. Зиявадинова // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2020. – № 2. – С. 56–60.
14. Лихачев, Д. С. Земля родная / Д. С. Лихачев. – М.: Просвещение, 1983. – 256 с.
15. Ванеев, А. Е. Бара кылалӧ йи… / А. Е. Ванеев. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1964. – 72 с.
16. Ванеев, А. Е. Ловъя би. Кывбуръяс да поэмаяс / А. Е. Ванеев. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1983. – 257 с.
17. Гумилев, Л. Н. Этносфера. История людей и история природы / Л. Н. Гумилев. – М.: Экопрос, 1983. – 543 с.
18. Богомолова, З. А. Писатели и литературоведы Удмуртии / З. А. Богомолова. – Ижевск: Удмуртия, 2006. – 219 с.
19. Ванюшев, В. У всего есть душа… / В. Ванюшев; пер. с удмурт. А. Канева // Луч. – 2002. – № 3/4. – С. 25.
20. Ванюшев, В. М. На просторах земных: сб. / В. М. Ванюшев. – М.: Сов. Россия, 1990. – 173 с.

References

1. Ziyavadinova, O. S. Priroda i chelovek v poezii V.M. Vanyusheva i A.E. Vaneeva [Nature and man in the poetry of V. M. Vanyushev and A. E. Vaneev] / O. S. Ziyavadinova // Scientist. Poet. Publicist: on the 85th birth anniversaryand the 60th anniversary of V. M. Vanyushev's creative activity: collective monograph / Udmurt Federal Research Centre, Ural Branch, RAS; Comp. and Ed. R. V. Kirillova. – Izhevsk, 2021. – P. 208-216.
2. Ziyavadinova, O. S. Priroda i chelovek v hudozhestvennom soznanii komi poetov 1960-1980-h gg. [Nature and man in the artistic consciousness of Komi poets of the 1960s-1980s] / O. S. Ziyavadinova // Permistics 19: dialects and history of the Permian languages in interaction with other languages: collected sci. papers. – Syktyvkar, 2023. – P. 325-333.
3. Priroda i chelovek v hudozhestvennom soznanii A. E. Vaneeva, V. V. Timina, S. A. Popova, G. A. Yushkova [Nature and man in the artistic consciousness of A. E. Vaneev, V V. Timin, S. A. Popov, G. A. Yushkov] / O. S. Ziyavadinova // Vladimir Timin: «Medym jözys kaztylisny burön…» / «Chtob dobrom vspominali lyudi [«So that people may remember kindly…»]: collection of papers about the work of V. V. Timin / Ed. E. V. Ostapova. – Syktyvkar: Pitirim Sorokin Syktyvkar State Univ. Publ., 2022. – P. 43-53.
4. Bratchikova, N. S. Razmyshleniya ob udmurtskoj poezii: lirika V. M. Vanyusheva [Reflections on Udmurt poetry: lyrics by V. M. Vanyushev] / N. S. Bratchikova // Scientist. Poet. Publicist: on the 85th birth anniversary and the 60th anniversary of V. M. Vanyushev's creative activity: collective monograph / Udmurt Federal Research Centre, Ural Branch, RAS; Comp. and Ed. R. V. Kirillova. – Izhevsk, 2021. – P. 195-208.
5. Krasnovskaya, E. G. Najdetsya pesnya dlya dushi (O lirike V. Vanyusheva) [There is a song for the soul (About the lyrics of V. Vanyushev)] / E. G. Krasnovskaya // Scientist. Poet. Publicist: on the 85th birth anniversary and the 60th anniversary of V. M. Vanyushev's creative activity: collective monograph. – Udmurt Federal Research Centre, Ural Branch, RAS; Comp. and Ed. R. V. Kirillova. – Izhevsk, 2021. – P. 216-224.
6. Finnougor eletrajzi lexicon kistukre. Ed. P. Domokos. – Budapest: Akad. kiadó, 1990. – 366 p. (In Hungarian)
7. Medveének. A keleti finnugor népek irodalmának kistükre. Szerk. Domokos Péter. – Budapest: Európa Könyvkiadó, 1975. – 926 p. (In Hungarian)
8. Bartens, R. Näkökulma kominkieliseen vuosituhannen vaihteen lyriikkaan / R. Bartens // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja, 2004. – No. 90. – P. 7–56. (In Finnish).
9. Jugras Balatonah sah. Suomelas-ugrilazii runoloi karjalan, suomen ja vepsän kielil – Jugrasta Balatonille. Suomalais-ugrilaista runoutta karjalan, suomen ja vepsän kielillä. –Petroskoi, Periodika Publ., 2006. – 221 p. (In Finnish).
10. Käenkukunta yöt. Komien lyriikka. Comp. R. Bartens. – Helsinki: SKS, 1984. – 198 p. (In Finnish)

11. Seal kaugel-kaugel. Valik komi proosat. 30 lugu 27-lt autorilt aastatest 1924–2010. Koost. N. Obrezkova, A. Valton. – Tallinn: Kirjastuskeskus, 2011. – 328 p. (In Estonian)
12. Shaitanov, I. O. F. I. Tyutchev: poeticheskoe otkrytie prirody [The poetic discovery of nature] / I. O. Shaitanov. – Moscow: Moscow Univ. Publ., 1998. – 127 p.
13. Ziyavadinova, O. S. V. A. Savin: prostranstvo prirody, prostranstvo sociuma [The space of nature, the space of society] / O. S. Ziyavadinova // Philological sciences. Sci. reports of the higher school, 2020. – No. 2. – P. 56–60.
14. Likhachev, D. S. Zemlya rodnaya [Native land] / D. S. Likhachev. – Moscow: Prosveshhenie Publ., 1983. – 256 p.
15. Vaneev, A. E. Bara kylalö yi... [The ice broke again] / A. E. Vaneev. – Syktyvkar, Komi Book Publ. House, 1964. – 72 p. [In Komi]
16. Vaneev, A. E. Lovya bi. Kyvburyas da poemayas [The living fire of a poem] / A. E. Vaneev. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1983. – 257 p. (In Komi)
17. Gumilev, L. N. Etnosfera. Istoriya lyudej i istoriya prirody [Ethnosphere. The history of people and the history of nature] / L. N. Gumilev. – Moscow: Ekopros Publ., 1983. – 543 p.
18. Bogomolova, Z. A. Pisateli i literaturovedy Udmurtii [Writers and literary critics of Udmurtia] / Z. A. Bogomolova. – Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2006. – 219 p.
19. Vanyushev, V. U vsego est` dusha... [Everything has a soul...] / V. U. Vanyushev. Transl. from Udmurt by A. Kanev // Luch [Ray]. - 2002. - No. 3/4. – P.25
20. Vanyushev, V. M. Na prostorax zemnyh [In the vastness of the earth] : collection / V. U. Vanyushev. – Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 1990. – 173 p.

Благодарность (госзадание):

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН: «Коми литература: особенности художественного воссоздания картины мира» № FUUU-2022-0090.

Acknowledgements (state task):

The publication was prepared within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS: «Komi literature: features of the artistic reconstruction of the World Picture» No. FUUU-2022-0090.

Информация об авторе:

Зиявадинова Ольга Сайфидиновна – научный сотрудник, кандидат филологических наук сектора литературоведения Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID: 0000-0001-5560-4037, SPIN-код: 5446-0935 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: olgazijav@mail.ru).

Author:

Olga S. Ziyavadinova – Researcher, Cand. Sci. (Philology), Department of Literary Studies, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0001-5560-4037, SPIN-code: 5446-0935 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: olgazijav@mail.ru).

Для цитирования:

Зиявадинова, О. С. Ванеев Альберт – Ванюшев Василий: диалог с природой / О. С. Зиявадинова // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 3 (88). – С. 153–158.

For citation:

Ziyavadinova, O. S. Albert Vaneev - Vasily Vanyushev: dialogue with nature / O. S. Ziyavadinova // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series"History and Philology". – 2026. – № 3 (88). – P. 153–158.

Дата поступления статьи: 05.12.2025
Прошла рецензирование: 05.12.2025
Принято решение о публикации: 30.01.2026
Received: 05.12.2025
Reviewed: 05.12.2025
Accepted: 30.01.2026

УДК 811.511.13'28'34
DOI 10.19110/1994-5655-2026-3-159-165

Фонетические особенности нердвинского диалекта коми-пермяцкого языка (вокализм)

Сажина С. А.

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар

sazinas@rambler.ru

Аннотация

Статья посвящена описанию фонетических особенностей одного из малоизученных диалектов южного наречия коми-пермяцкого языка. В работе впервые представлены особенности вокалической системы идиома: рассмотрены артикуляционная характеристика и дистрибуция гласных; проанализированы наиболее типичные для идиома комбинаторные фонетические процессы; охарактеризованы особенности акцентуации. Материалом исследования послужила языковая выборка из образцов речи, зафиксированных во время диалектологических экспедиций автора в район проживания носителей изучаемого идиома в 2019, 2022 и 2025 гг. Представленный и проанализированный в работе диалектный материал расширяет представление о нердвинском диалекте коми-пермяцкого языка, позволяет охарактеризовать его современное состояние, дополняет имеющиеся сведения об особенностях коми-пермяцких диалектов и создает основу для дальнейшего обобщающего изучения и описания общекоми диалектного ландшафта.

Ключевые слова:

коми-пермяцкий язык, нердвинский диалект, фонетические особенности, вокализм

Phonetic features of the Nerdvino dialect of the Komi-Permian language (vocalism)

Sazhina S. A.

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar

sazinas@rambler.ru

Abstract

The paper describes the phonetic features of one of the little-studied dialects of the southern idiom of the Komi-Permian language. The paper presents, for the first time, the peculiarities of the vocalic system of the idiom: the articulatory characteristics and distribution of vowels are considered; the combinatorial phonetic processes most typical of idioms are analyzed; the features of accentuation are characterized. The research material was a linguistic selection from speech samples recorded during the author's dialectological expeditions to the area where native speakers of the studied idiom lived in 2019, 2022 and 2025. The dialect material presented and analyzed in this work expands the understanding of the Nerdvino dialect of the Komi-Permian language, allows us to characterize its current state, complements the available information about the features of Komi-Permian dialects and creates the basis for further generalizing study and description of the general Komi dialect landscape.

Keywords:

the Komi-Permian language, Nerdvino dialect, phonetic features, vocalism

Введение

Целенаправленное изучение коми-пермяцких диалектов ведется уже с 20-х гг. XX столетия: достигнуты значимые результаты в деле описания языковой специфики отдельных территориально-языковых разновидностей [1–8] и сравнительно-сопоставительного изучения диалектных микросистем [9, 10]. Однако часть диалектов до сегодняшнего дня остаются обстоятельно не исследованными. Наблюдаемые в настоящее время изменения языковой ситуации в регионе распространения коми-пермяцкого языка, вызванные сокращением численности носителей, оттоком населения с территории Коми-Пермяцкого округа в крупные русскоязычные населенные пункты [11], меняют условия существования диалектов и ведут к их постепенному исчезновению. В связи с этим документация и описание малоисследованных идиомов – неотложная задача коми-пермяцкого языкознания.

Объект настоящей работы – один из неописанных диалектов коми-пермяцкого языка – нердвинский, бытующий на территории современного Ленинского сельского поселения Кудымкарского района Пермского края и являющийся его самой южной территориальной разновидностью. Данный идиом не являлся объектом специального синхронного научного исследования; отдельные сведения о его особенностях кратко отражены в работах В. И. Лыткина [12, с. 26, 51–52; 13, с. 59], Р. М. Баталовой [9, с. 229–230], А. С. Кривощековой-Гантман [14, с. 14–17], А. С. Лобановой [15], С. А. Сажиной [16].

Носителями нердвинского диалекта являются люди старшего и пожилого возраста, использующие родной язык исключительно в сфере семейно-бытового общения; молодежь и дети языком не владеют. В существующей ситуации языкового сдвига изучение и описание рассма-

триваемого идиома приобретает особую актуальность: необходимы фиксация диалектной речи и всесторонний анализ его специфики на всех языковых уровнях.

Статья сосредоточена на 1) рассмотрении артикуляционных характеристик и дистрибуции гласных описываемого диалекта; 2) анализе комбинаторных фонетических процессов, имеющих место в идиоме; 3) характеристике особенностей акцентуации. Научная новизна работы заключается во введении в оборот и анализе языкового материала, демонстрирующего специфику нердвинского диалекта в области фонетики.

Методологической основой данной работы явились исследования, в которых рассмотрены некоторые аспекты изучения диалектной фонетики на материале коми, коми-пермяцкого и других финно-угорских языков [9, с. 21–123; 10, с. 6–80; 17, с. 89–159; 18–20].

Материалы и методы

Основную эмпирическую базу статьи составили языковые материалы диалектологических экспедиций автора в район проживания носителей нердвинского диалекта в 2019, 2022 и 2025 гг. Сбор лингвистических данных осуществлялся в населенных пунктах Мазунина, Подгора, Пронина, Пятино, Якина, Ленинск Кудымкарского района Пермского края. Иллюстративные примеры в статье приводятся в коми научной транскрипции [21, с. 64–67; 22, с. 30–32]. Для решения поставленных задач в работе использованы традиционные методы лингвистического исследования: описательный и сравнительный. Расшифровка и интерпретация диалектного материала осуществлялись посредством слухоаналитического метода звучащей речи. К анализу диалектного материала применен комплексный недифференцированный подход: выявляются и описываются все языковые элементы независимо от их отношения к диалектным различиям.

Результаты и их обсуждение

Система вокализма нердвинского диалекта представлена семью фонемами: */и/, /э/, /ы/, /ö/, /у/, /о/, /а/*. По акустико-артикуляционным характеристикам они совпадают с соответствующими фонемами коми-пермяцкого литературного языка [23, с. 68–69]. В исконных словах фонемы */и/, /ы/, /ö/, /а/* не имеют позиционных ограничений, функционируют как в первом, так и в последующих слогах слова; некоторые ограничения в употреблении присущи гласным */э/, /о/, /у/*.

1. Артикуляционная характеристика и дистрибуция гласных

Фонема ***/и/*** – гласный переднего ряда, верхнего подъема, иллабиальный. В слове может занимать любую позицию: 1) анлаут: ***ин'*** 'жена', ***ич'ипийа·н*** 'деверь', ***и·н'дыны*** 'посылать'; 2) инлаут: *кин* 'кто', *мöди·к* 'другой', *пö·рис'* 'старый'; 3) ауслаут: *уža·ли* '(я) работал', *кы·ž'**и*** 'как', *н'**и*** 'уже'.

Фонема ***/э/*** – гласный переднего ряда, среднего подъёма, иллабиальный. В исконных словах встречается в пределах слова во всех позициях, но в ауслауте, как правило, лишь в одосложных словах: 1) в анлауте: ***эч'ч'ö*** 'сюда', ***э·на*** 'эти'; ***эм*** 'есть'; 2) в инлауте: *н'эм* 'ничего', *кука·н'н'**эс*** 'телята', *пэрнапа·с* 'могу'; 3) в ауслауте: *мэ* 'я', *тэ* 'ты'. В ауслауте двусложных и многосложных слов гласная [*э*] не встречается.

Ограничено функционирование данной фонемы и в неперво слоге исконных слов. Фонема [*э*] в этой позиции встречается в следующих случаях: 1) в показателе множественного числа *-эз / -эс / -э: вö·ллэз* 'лошади', *кэ·ркуэс* 'дома', *и·н'каэнысö* '(их) жён'; 2) в показателе эгрессива *-с'эн': го·да три·с'эн'* 'лет с трех', *кэ·курс'эн'ыс* 'от (деревни) Кекур'.

Фонема ***/ы/*** – гласный среднего ряда, верхнего подъема, иллабиальный. Встречается в: 1) анлауте: ***ы**·лын* 'далеко', ***ы**·стыны* 'отправить'; 2) инлауте: *пыза·н* 'стол', *кычö·м* 'какой', *о·žž**ык*** 'раньше'; 3) ауслауте: *ка·йны* 'подниматься', *шу·öны* 'говорят', *ог с'а·мс'**ы*** 'не умею'.

Фонема ***/ö/*** – гласный среднего ряда, среднего подъема, иллабиальный. Функционирует в позициях: 1) анлаута: ***ö**·тöрас* 'на улице', ***ö**·ни* 'сейчас', ***ö**·тнам* '(я) один'; 2) инлаута: *йöрнö·с* 'рубаха', *вунö·ти* 'забыл', *та·т**ö**н* 'здесь'; 3) ауслаута: *ны·л**ö*** 'им', *баи·т**ö*** 'говорит', *ки·нк**ö*** 'кто-то'.

Фонема ***/а/*** – гласный среднего ряда, нижнего подъема, иллабиальный. В слове может занимать любую позицию: 1) анлаут: ***а**·с'ныс* 'они сами', ***ас'*** 'пусть', ***а**·ž'ž'ыны* 'видеть'; 2) инлаут: *дöма·с* 'заплатка', *пас'* 'шуба', *бэрга·лны* 'крутиться'; 3) ауслаут: *ö·нис'**а*** 'теперешний, современный', *си·йа* 'он', *гуна* 'гумно'.

Фонема ***/у/*** – гласный заднего ряда, верхнего подъема, лабиальный. Может занимать в слове следующие позиции: 1) анлаут: ***у**·чöт* 'маленький', ***у**·мöл'* 'плохой', ***у**·на* 'много'; 2 инлаут: *йурбы·тны* 'молиться', *вак**у**·л'* 'водяной'; 3) ауслаут односложных слов: *пу* 'дерево', *с'**у*** 'рожь', *йу* 'пей' и др. Фонема [*у*] практически не встречается в ауслауте двусложных и многосложных исконных слов. Исключение составляют некоторые слова, такие как *кэ·рк**у*** 'дом', *ви·ч'к**у*** 'церковь', *мö·йм**у*** 'в прошлом году', *уд'о·рв**у*** 'в позапрошлом году', восходящие исторически к сложным словам.

Фонема ***/о/*** – гласный заднего ряда, среднего подъема, лабиальный. В исконных словах функционирует в: 1) анлауте: ***о**·рсны* 'не', ***о**·лны* 'жить', ***ой*** 'ночь' и 2) инлауте: *кор**о**·с'* 'дом', *н'**о**·штöм* 'молодой', *ч'**о**·ч'ком* 'белый'. В ауслауте исконных слов данная фонема встречается ограниченно: *та·в**о*** 'в этом году', *вэжа·йк**о*** 'крестный', *оз л**о*** 'не станет'.

2. Фонетические явления в области гласных

2.1. Ассимиляция гласных

В исследуемом идиоме имеют место ассимилятивные явления в области гласных. Более широко распространен регрессивный тип уподобления, прогрессивный тип встречается редко. Ассимиляции подвержены гласные *[ö], [ы] [о], [у]*, лишь в одной позиции – фонема *[а]*, не замечено уподобление гласных *[и]* и *[э]*. Чаще всего под ассимиляцию попадают безударные гласные в предударной и заударной позициях, но также встречаются случаи уподобления гласных под ударением.

В корневой морфеме встречаются оба вида уподобления: а) прогрессивная ассимиляция: *коро·с'* (< *корöс*); б) регрессивная ассимиляция: *мыжы·к* (< *мужык*) 'муж', *но-*

о·тны (< *нуотны* < *нуӧтны*), *ышы·нас* (< *ӧшынас*) ‘в окне’, *ла·ас* (< *лоас*) ‘будет’, *па·ам* (< *поам* < *пондам*) ‘будем / начнём’.

Уподобление по регрессивному типу систематически наблюдается в идиоме при присоединении суффикса множественного числа существительных *-эз / -эс* к заимствованным и исконным словам с гласным [*а*] в анлауте ([*а*] > [*э*]): *па·лк**э**эс* (< *палкаэс*) ‘палки’, *испо·тк**э**эс* (< *испоткаэс*) ‘рукавицы’, *н'и·тк**э**эс* (< *н'иткаэс*) ‘нитки’, *ша·н'г**э**эз* (< *шан'гаэз*) ‘шаньги’, *зо·нк**э**эс* (< *зонкаэс*) ‘парни’, *и·н'кээслӧ* (< *ин'каэслӧ*) ‘женщинам’, *с'эмйэ·эскӧт* (< *с'эмйаэскӧт*) ‘с семьями’. В некоторых случаях возможно последующее стяжение гласных: *пар'онкэсӧ* (< *пар'онкээсӧ*) ‘паренки-то’.

В суффиксальной морфеме зафиксирован лишь прогрессивный тип уподобления: *кру·шка**а*** (< *крушкаӧ*) ‘в кружку’, *руz'**о**·говӧй* (< *руz'огӧвӧй*) ‘ржаной’, *во·лок**о**т'ис* (< *волокӧт'ис*) ‘по волоку’, *пожу·м**о**вӧй* (< *пожумӧвӧй*) ‘сосновый’, *йайо**о**й* (< *йайоӧй* < *йайовӧй*) ‘мясной’, *н'о·н'а**а*** (< н'он'аӧ) ‘моя крёстная’, *мӧд бо·кс'ин'**и**с* (< *бокс'ин'ыс*) ‘с другой стороны’, *бӧ·рс'ан'**а**м* (< *бӧрс'ан'ым*) ‘за мной’; *ви·**и**т виыт*) ‘масло-то’, *с'и·т**о**о* (< *с'итоӧ*) ‘в сито’, *л'э·птӧн**ӧ*** (< *л'эптӧны*) ‘поднимают’, *зы·бка**а*** (< *зыбкаӧ*) ‘в колыбель’, *му·**у**н* (< *муын*) ‘в земле’, *смэтанаан* (< *смэтанаӧн*) ‘со сметаной’, *йы·лаас'* (< *йылаӧс'*) ‘острые’, *с'уу·штан* (< *с'уыштан*) ‘засунешь’, *сор**о**·лтимӧ* (< *сорӧлтимӧ*) ‘замешали’.

Следует отметить, что ассимиляция гласных в нердвинском диалекте получила не столь широкое распространение, как в южных вэовых кудымкарско-иньвенском и нижнеиньвенском диалектах [10, с. 32; 24, с. 112–113].

2.2. Корреспонденция гласных

В идиоме наблюдаются случаи внутридиалектной корреспонденции гласных, источником происхождения которой чаще всего являются вторичные комбинаторные изменения:

*[ӧ] // [ы]: **ӧ**шы·н // **ы**шы·н* ‘окно’, ***ӧ**·д'д'ӧн // **ы**·д'д'ӧн* ‘очень’;

*[ӧ] // [э]: по·с**ӧ**ž' // по·с**э**ž'* ‘крыльцо, сени’, *кэр**ӧ**·с // кэр**э**·с* ‘гора’, *й**ӧ**за·й // й**э**за·й* ‘свекор’;

*[и] // [а]: уч'**и**·т'ик // уч'**а**·т'ик* ‘маленький’;

*[ы] // [а]: žэн**ы**т'ик // ž'эн**а**т'ик* ‘коротенький’;

*[о] // [у]: т**о**·мӧн // т**у**·мӧн* ‘в молодости’, *горӧ·тлыны // гурӧ·тлыны* ‘вскрикивать’. У-овая огласовка для данных основ характерна также в коми-язьвинском наречии: *тум* ‘молодой’, *гу·рөлтнө* ‘закричать, вскрикнуть’ [1, с. 109, 188]).

2.3. Стяжение гласных

Во избежание зияния в диалекте спорадически происходит стяжение гласных на стыке неодносложной основы слова на гласную (чаще всего [*а*], реже [*и*], [*у*]) и морфологического показателя с гласным звуком в анлауте. Данный фонетический процесс замечен в сочетаниях: [*аӧ*], [*аы*], [*уы*], [*иӧ*], [*аы*]: *ӧ·д'д'ӧн га·жа мэ·ст**ы**н* (< *мэст**аы**н*) ‘в очень красивом месте’, *ви·ч'ку**ы**н* (< *вич'ку**ы**н*) ‘в церкви’, *о·лӧмас'* (< *олӧм**аӧ**с'*) ‘жили’, *вӧ·лӧмас'* (< *вӧлӧм**аӧ**с'*) ‘были’, *абу уža·лӧм**ӧ**с'* (< *абу угалӧм**аӧ**с'*) ‘не работали’, *дӧ·р**аӧ**вӧй* (< *дӧр**аӧ**вӧй*) ‘холщовый’, *с'о·ркн'**иӧ**вӧй* (< *с'оркн'**иӧ**вӧй*) ‘из репы’, *кӧз'а·йэва**ыс*** (< *кӧз'а·йэва**ыс***) и др.

При стяжении гласных на стыке основы и суффиксальной морфемы чаще всего наблюдается сохранение гласной основы[1]: $V_1V_2 > V_1$ (*ви·ч'ку**ы**н* < *вич'ку**ы**н* ‘в церкви’); реже – гласной суффикса: $V_1V_2 > V_2$ (*дӧ·р**аӧ**вӧй* < *дӧр**аӧ**вӧй* ‘холщовый’).

Стяжение гласных систематически происходит также на стыке показателя множественного числа и лично-притяжательного суффикса в формах номинатива существительных множественного числа посессивного склонения 2 и 3 лица единственного числа, в которых два гласных оказались рядом в результате выпадения интервокального согласного [з] из состава форманта множественного числа: *кокэзыт* > *кокк**эы**т* > *кокккэ**т*** ‘твои ноги’; *с'иннэзыс* > *с'инн**эы**с* > *с'иннэ**с*** ‘твои глаза’.

2.4. Выпадение гласных

Выпадение гласных в середине и конце слова для нердвинского диалекта в целом нехарактерно.

В ряде южных и северных коми-пермяцких говоров в формах инфинитива и глаголов 3 лица множественного числа настоящего времени конечные гласные часто редуцируются и выпадают: *вайӧн* ‘несут’ (< *вайӧн**ы***), *мӧда ӧктын* (< *мӧда ӧктын**ы***), *вэтлӧтӧн* (< *вэтлӧтӧн**ы***) ‘ходят’ и др. [9, с. 227–228; 5, с. 39; 6, с. 33–34]. Для нердвинского диалекта данное явление не характерно.

Случай синкопы выявлен лишь в одной основе – выпадение гласной *ы* в слове *гырис'* ‘крупный’ > *грис'*: *о·zzык то·ко **гри·с'сӧ** чис'т'и·тлимӧ* ‘раньше только крупную чистили’, *с'о·рт'н'иыс пӧ бы·дмӧма **грис'*** и ***грис'*** ‘репа, дескать, выросла крупная-крупная’, грис' копна· ‘большая копна’.

3. Словесное ударение

Нердвинский диалект характеризуется морфологизированным типом ударения, при котором одни формо- / словообразовательные форманты являются всегда ударными, другие – безударными. В исследуемом идиоме ударными являются:

1) отыменные и отглагольные суффиксы *-ӧт, -ӧс, -ис', -ан, -ӧм, -ас* и др.: *шогӧ·т* ‘болезнь’, *каз'тис'а·н* ‘поминки’, *сороlта·с* ‘смесь’, *вэлӧч'ч'ӧ·м* ‘учеба’, *бытта·с* ‘приемный ребенок’;

2) непроизводные суффиксы существительных: *-ӧг, -ӧс, -ис', -ӧт, -ын* и др.: *кымӧ·с* ‘лоб’, *майӧ·г* ‘кол’, *ч'ики·с'* ‘коса’, *йукмӧ·с* ‘прорубь’, *пычы·н* ‘оторочка’;

3) деминутивный суффикс существительных *-ок*: *курӧжо·ккэз* ‘курочки’, *ин'као·к* ‘женщина’, *кэркуо·к* ‘домик’, *вӧро·к* ‘лесок’;

4) суффикс с пренебрежительным оттенком *-шӧн*: *кан'шӧ·н* ‘кошка’;

5) приставка мэд-, образующая формы превосходной степени прилагательных: *мэ·дбасӧк* ‘самый красивый’, *мэ·дбур* ‘самый хороший’;

6) суффикс высокой степени качества прилагательных *-ӧл*: *ч'ӧскытӧ·л* ‘слишком сладкий’, *курытӧ·л* ‘слишком горький ’, *куз'ӧ·л* ‘слишком длинный’;

7) первый слог деминутивного суффикса прилагательных / наречий *-ын'ик*: *слабы·н'ик* ‘слабенький’, *шоч'ы·н'ика* ‘редковато’;

8) формант *-йан (-ан)* в косвенных падежных формах личных местоимений 1 и 2 лица множественного числа,

[1] V – гласный звук.

образованных от генитивной основы: ми(й)а·нкӧт ‘с нами’, ми(й)а·нӧс ‘нас’, ти(й)а·нӧс ‘вас’, ти(й)а·нлӧ ‘вам’ и др.;

9) суффикс порядковых числительных *-ӧт*: *куимӧ·т* ‘третий’, *н'ол'ӧ·ттэс* ‘четвертые’;

10) суффикс собирательных числительных *-нан*: *нийа кыкна·ныс* ‘они вдвоем’, *куимна·ныс пэтисӧ* ‘втроем вышли’;

11) глагольные суффиксы *-ӧт, -ал, -ышт (-ыш)*[2], *-ӧлт, -ас', -уйт, -айт, -ит (-ыт), -ыл* как в инфинитивных, так и в личных и императивных формах глагола: *чыкӧ·тӧ* ‘наводит порчу’, *виӟ'ӧ·т* ‘смотри’, *удӟа·лӧмӧс'* ‘работали’, *пука·лан* ‘сидишь’, *баи·тлӧм* ‘говорил, оказывается’, *йурбы·тны* ‘молиться’, *ас' кос'мы·штӧ* ‘пусть подсохнет’, *с'уйы·шны* ‘засунуть’, *т'ут'т'а·с'ан* ‘качаешься на качелях’, *ч'эч'ч'ӧ·лтан* ‘подпрыгнешь’, *танцу·йтӧнӧ* ‘танцуют’, *гӧн'а·йтлисӧ* ‘гоняли’, *запты·лисӧ* ‘запасали’ и др.;

12) деепричастный суффикс *-икӧ*: *шонди пукс'и·кӧ* ‘во время восхода солнца’;

13) суффиксоид *-быт*, образующий наречия времени: *ойбы·т* ‘всю ночь’.

К суффиксам, которые перетягивают ударение на предшествующий слог относятся:

1) деминутивный суффикс прилагательных *-ик*: *н'эбы·т'ик* ‘мягонький’, но *н'э·быт* ‘мягкий’; *вэкн'а·т'ик* ‘узенький’, но *вэ·кн'ыт* ‘узкий’, *куры·т'ик* ‘горьковатый’, но *ку·рыт* ‘горький’;

2) суффикс *-м* в глаголах, образованных от двусложных прилагательных: *ч'оч'ко·ммыны* ‘побелеть’, но *ч'о·ч'ком* ‘белый’; *н'ошӧ·ммӧма* ‘стал некрасивым’, но *н'о·штӧм* ‘некрасивый’;

3) суффикс сравнительной степени *-жык*: *уна·жыкис'* ‘большее количество раз’, но *у·на* ‘много’; *пӧри·с'жык* ‘старше’, но *пӧ·рис'* ‘старый’, *бэднӧ·йжыкӧс'* ‘беднее’, но *бэ·днӧй* ‘бедный’; *бойо·кжык* ‘побойчее’, но *бо·йок* ‘бойкий’.

Колебания в постановке ударения наблюдаются в формах причастий на *-ан* и *-ис'* – данные суффиксы могут быть как ударными, так и безударными: *каз'ти·с'ан лун* ‘поминальный день’, *йай вундала·н тарэ·лка*; *йу·ис' морт* ‘пьющий человек’, *горзи·с' ка·га* ‘плачущий ребенок’.

В нердвинском диалекте встречаются случаи переноса ударения на конечную гласную [*а*] открытого слога основы или корня главным образом в двусложных словах: *ӧнӟа·* ‘как это, как бишь’ *мыл'а·* ‘почему’, *мӧтпырс'а·* ‘в другой раз’, *карта·* ‘хлев’, *мымда·* ‘сколько’, *эта ыжда·* ‘вот такой величины’, *икота·* ‘кликушество’. Данное явление характерно также для кудымкарско-иньвенских говоров бассейна р. Велвы, говоров кочевского и косинского диалектов [10, с. 44], верхнекамского наречия [25, с. 494] и южных коми-зырянских диалектов (верхнесысольского и лузско-летского) [26, с. 4, 57].

Замечен также перенос ударения на гласную [*и*] второго открытого слога: *пими·* ‘войлочная обувь в виде галош’, *кис'т'и·* ‘кисти’, *йурс'и·* ‘волосы’, *коти·* ‘коты’. Аналогичные случаи зафиксированы в верхнекамском наречии [25, с. 494], южных коми-зырянских верхнесысольском [26, с. 4] и лузско-летском [27, с. 57] диалектах.

[2] В глаголах со значением моментативного действия суффикс является безударным.

Словоизменительные суффиксы в исследуемом идиоме, как и в других коми-пермяцких диалектах, кроме характеризующихся качественно-вокальным ударением оньковского и нижнеиньвенского, коми-язьвинского наречии [1, с. 33–34; 10, с. 47], являются безударными. Однако наблюдаются случаи переноса ударения на падежный формант в составе наречий и местоимений: *ылыс'и·н'* ‘издалека’, *кыкӧ·н* ‘вдвоем’, *кыс'и·н'* ‘откуда’, *кинлӧ·н* ‘у кого’, *кинлӧ·* ‘кому’, *кинӧ·скӧ* ‘кому-то’, *кинӧ·с* ‘кого’, *кычӧ·* ‘куда’, *кычӧ·чкӧ* ‘до какого-то места’ и др. Аналогичные случаи зафиксированы нами в верхнекамском наречии коми-пермяцкого языка [25, с. 494].

В сложных словах ударение, как правило, падает на вторую часть: *посӧ·z'* ‘крыльцо’, *вэжа·н'* ‘крестная’, *н'инкӧ·м* ‘лапти’, *пэрнапа·с* ‘крест (молитвенный жест)’, *айаны·л* ‘золовка’, *горӧ·м* ‘устье русской печи’, *ч'эрин'а·н'* ‘рыбник’, *вакӧ·л'* ‘водяной’.

В ряде случаев ударение имеет смыслоразличительную функцию: *н'э·кӧр* ‘некогда’ – *н'экӧ·р* ‘никогда’, *йӧ·ышны* ‘быстро выпить’ – *йуы·шны* ‘немного выпить’, *йуа·н* ‘питье’ – *йӧ·ан* ‘пьешь’, *ола·н* ‘жизнь’ – *о·лан* ‘живешь’ и др. Процессы фонологизации ударения в той или иной мере характерны для всех коми-пермяцких, частично южных коми-зырянских диалектов, характеризующихся морфологизированным типом ударения, но степень их проявления в них различна [10, с. 49].

Русские заимствования сохраняют ударение языка-источника, однако при присоединении к заимствованным основам собственных грамматических формантов действуют акцентуационные правила диалекта: *с'и·л'нӧй* ‘сильный’, но *сил'нӧ·йжык* ‘более сильный’; *сла·бӧй* ‘слабый’, но *слабӧйӧ·л* ‘слабоватый’, *слабы·н'ик* ‘слабенький’; *ч'эмода·н*, но *ч'эмодано·к* ‘чемоданчик’; *шал'*, но *шал'о·ккэз* ‘шалечки’ и др.

Заключение

Проведенный анализ языкового материала позволил выявить основные особенности вокалической системы нердвинского диалекта коми-пермяцкого языка. В изучаемом идиоме функционирует семь гласных фонем, акустико-артикуляционные характеристики которых совпадают с соответствующими фонемами коми-пермяцкого литературного языка. Позиционные ограничения присущи гласным */э/, /о/, /у/*; фонемы */и/, /ы/, /ӧ/, /а/* функционируют в любой позиции слова. Ассимилятивные явления в области гласных по сравнению с другими южными диалектами коми-пермяцкого языка получили в диалекте не столь широкое распространение. В то же время они явились основным источником наблюдаемой в идиоме внутридиалектной корреспонденции гласных [*ӧ*] // [*ы*]; [*ӧ*] // [*э*]; [*и*] // [*а*]; [*ы*] // [*а*]; [*о*] // [*у*]. Активным фонетическим процессом в нердвинском диалекте является стяжение гласных, наблюдаемое на стыке неодносложной основы слова на гласную и морфологического показателя с гласным звуком в анлауте. По специфике ударения нердвинский диалект обнаруживает общность с кудымкарско-иньвенским диалектом коми-пермяцкого языка [9, с. 82–89], который

является центром возникновения явления морфологизации ударения – его закрепления на определенных суффиксах и слогах [10, с. 43].

Перспектива дальнейшего изучения рассмотренной темы состоит в комплексном исследовании диалектной фонетики коми и коми-пермяцкого языков с целью составления обобщающих исследований, создания диалектных словарей и атласов, отражающих особенности территориальных разновидностей коми языков.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Диакритические знаки
' – мягкость согласного; ˙ – ударение.

Источники и литература

1. Лыткин, В. И. Коми-язьвинский диалект / В. И. Лыткин. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 228 с.
2. Баталова, Р. М. Оньковский диалект коми-пермяцкого языка. Унифицированное описание диалектов уральских языков / Р. М. Баталова. – М., 1990. – 205 с.
3. Баталова, Р. М. Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка / Р. М. Баталова. – М.; Гамбург, 1995. – 197 с.
4. Баталова, Р. М. Кудымкарско-иньвенский диалект коми-пермяцкого языка / Р. М. Баталова. – М.; Гамбург, 2002. – 168 с.
5. Лобанова, А. С. Кочёвский диалект коми-пермяцкого языка: дис. … канд. филол. наук / А. С. Лобанова. – М., 1993. – 167 с.
6. Дмитриева, Р. П. Косинско-камский диалект коми-пермяцкого языка (фонетика, морфология): дис. … канд. филол. наук / Р. П. Дмитриева. – Йошкар-Ола, 1998. – 195 с.
7. Пономарева, Л. Г. Фонетика и морфология мысовско-лупьинского диалекта коми-пермяцкого языка: дис. … канд. филол. наук / Л. Г. Пономарева. – Ижевск, 2002. – 207 с.
8. Федосеева, Е. Н. Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка: дис. … канд. филол. наук / Е. Н. Федосеева. – Ижевск, 2002. – 280 с.
9. Баталова, Р. М. Коми-пермяцкая диалектология / Р. М. Баталова. – М.: Наука, 1975. – 252 с.
10. Баталова, Р. М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки) / Р. М. Баталова. – М.: Наука, 1982. – 164 с.
11. Тюленёва, А. М. Коми-пермяцкий язык в языковой ситуации Пермского края / А. М. Тюленёва, Е. В. Ерофеева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2025. – Т. 17, вып. 1. – С. 62–73.
12. Лыткин, В. И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам (с обзором диалектов и диалектологическим словарем) / В. И. Лыткин. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 128 с.
13. Лыткин, В. И. Историческая грамматика коми языка. Введение. Фонетика / В. И. Лыткин. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1957. – Ч. I. – 135 с.
14. Кривощекова-Гантман, А. С. Коми-пермяцкие говоры / А. С. Кривощекова-Гантман, Л. П. Ратегова. – Пермь, 1980. – 69 с.
15. Лобанова, А. С. О некоторых особенностях нердвинского диалекта коми-пермяцкого языка / А. С. Лобанова // Пермистика 10: Вопросы пермской и финно-угорской филологии. – Ижевск: Удмуртский университет, 2009. – С. 221–228.
16. Сажина, С. А. Морфологические особенности нердвинского диалекта коми-пермяцкого языка / С. А. Сажина // Пермские языки в полиэтничном пространстве: история и современное состояние: труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. – Вып. 79. – Сыктывкар, 2025. – С. 178–199.
17. Карпова, Л. Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние / Л. Л. Карпова. – Ижевск: МарШак, 2020. – 563 с.
18. Карпова, Л. Л. Фонетические маркеры верхнечепецкого диалекта удмуртского языка / Л. Л. Карпова // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2023. – Т. 17, № 4. – С. 462–473.
19. Водясова, Л. П. Фонетические явления в области вокализма в переходном диалекте мокшанского языка / Л. П. Водясова, Г. С. Иванова, Н. В. Иванова // II Ӱпымарий лудмаш (II Васильевские чтения): Актуальные проблемы современной компаративистики. Мат. Всерос. науч.-практ. конф. с межд. уч. – Йошкар-Ола, 2023. – С. 57–64.
20. Эрцикова, Г. А. Об отличительных фонетических явлениях в диалектной речи горных марийцев левобережья Волги / Г. А. Эрцикова // Родной язык как фактор культурной идентичности: мат. межрегион. науч.-практ. конф. с межд. уч. – Ижевск: Национальная библиотека Удмуртской Республики, 2021. – С. 115–120.
21. Современный коми язык: уч. для вузов / под. ред. В. И. Лыткина. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. – Ч. I: Фонетика, лексика, морфология. – 312 с.
22. Некрасова, Г. А. Современный коми язык в таблицах и схемах / Г. А. Некрасова. – Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2025. – 234 с.
23. Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология: уч. для вузов / под. ред. В. И. Лыткина. – Кудымкар: Коми-пермяц. кн. изд-во, 1962. – 340 с.
24. Лобанова, А. С. Об ассимиляции гласных звуков в диалектах коми-пермяцкого языка / А. С. Лобанова // Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов: сб. статей. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2000. – С. 110–114.
25. Сажина, С. А. Верхнекамское наречие коми-пермяцкого языка: особенности вокализма / С. А. Сажина // Вестник угроведения. – 2024. – Т. 14, № 3 (58). – С. 489–497.
26. Жилина, Т. И. Верхнесысольский диалект коми языка / Т. И. Жилина. – М.: Наука, 1975. – 268 с.
27. Жилина, Т. И. Лузско-летский диалект коми языка / Т. И. Жилина. – М.: Наука, 1985. – 272 с.

References

1. Lytkin, V. I. Komi-yazvinskiy dialekt [Komi-Yazva dialect] / V. I. Lytkin. – Moscow: USSR Ac. Sci. Publ., 1961.– 228 p.
2. Batalova, R. M. Onkovskiy dialekt komi-permyatskogo yazyka. Unificirovannoe opisanie dialektov uralskih yazykov [Onkovo dialect of the Komi-Permian language. Unified description of the dialects of the Uralic languages] / R. M. Batalova. – Moscow, 1990. – 205 p.
3. Batalova, R. M. Nizhneinvenskiy dialekt komi-permyatskogo yazyka [Low-Inva dialect of the Komi-Permian language] / R. M. Batalova. – Moscow–Hamburg, 1995. – 197 p.
4. Batalova, R. M. Kudymkarsko-invenskiy dialekt komi-permyatskogo yazyka [Kudymkar-Inva dialect of the Komi-Permian language] / R. M. Batalova. – Moscow–Hamburg, 2002. – 168 p.
5. Lobanova, A. S. Kochyovskiy dialekt komi-permyatskogo yazyka [Kochyov dialect of the Komi-Permian language]: diss… Cand. Sci. (Philology) / Lobanova A. S. – Moscow, 1993. – 167 p.
6. Dmitrieva, R. P. Kosinsko-kamskiy dialekt komi-permyatskogo yazyka (fonetika, morfologiya) [Kosino-Kama dialect of the Komi-Permian language (phonetics, morphology)]: diss… Cand. Sci. (Philology) / Dmitrieva R. P. – Yoshkar-Ola, 1998. – 195 p.
7. Ponomareva, L. G. Fonetika i morfologiya mysovsko-lupinsky dialekta komi-permyatskogo yazyka [Phonetics and morphology of the Mysovo-Lupiin dialect of the Komi-Permian language]: diss… Cand. Sci. (Philology) / Ponomareva L. G. – Izhevsk, 2002. – 207 p.
8. Fedoseeva, E. N. Leksika severnogo narechiya komi-permyatskogo yazyka [Vocabulary of the northern dialect of the Komi-Permian language]: diss… Cand. Sci. (Philology) / E. N. Fedoseeva. – Izhevsk, 2002. – 280 p.
9. Batalova, R. M. Komi-permyatskaya dialektologiya [Komi-Permian dialectology] / R. M. Batalova. – Moscow: Nauka, 1975. – 252 p.
10. Batalova, R. M. Arealnye issledovaniya po vostochnym finno-ugorskim yazykam (komi yazyki) [Areal studies on the eastern Finno-Ugric languages (Komi languages)] / R. M. Batalova. – Moscow: Nauka, 1982. – 164 p.
11. Tyulenyova, A. M. Komi-permyatskiy yazyk v yazykovoy situatsii Permskogo kraya [The Komi-Permian language in the linguistic situation of the Perm Region] / A. M. Tyulenyova, E. V. Erofeeva // Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. – 2025. – Vol. 17. Issue 1. – P. 62–73.
12. Lytkin, V. I. Dialektologicheskaya khrestomatiya po permskim yazykam (s obzorom dialektov i dialektologicheskim slovarem) [Dialectological anthology on the Permian languages (with an overview of dialects and a dialectological dictionary)] / V. I. Lytkin. – Moscow: USSR Ac. Sci. Publ., 1955. – 128 p.
13. Lytkin, V. I. Istoricheskaya grammatika komi yazyka. Vvedenie. Fonetika [Historical grammar of the Komi language. Introduction. Phonetics] / V. I. Lytkin. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1957. – Part I. – 135 p.
14. Krivoshchekova-Gantman, A. S. Komi-permyatskie govory [Komi-Permian dialects] / A. S. Krivoshchekova-Gantman, L. P. Rategova. – Perm, 1980. – 69 p.
15. Lobanova, A. S. O nekotorykh osobennostyakh nerdvinskogo dialekta komi-permyatskogo yazyka [About some features of the Nerdvinsky dialect of the Komi-Permian language] / A. S. Lobanova // Permistika 10: Voprosy permskoy i finno-ugorskoy filologii [Permistics 10: Issues of Permian and Finno-Ugric Philology]. – Izhevsk: Udmurt Univ. Publ. House, 2009. – P. 221–228.
16. Sazhina, S.A. Morfologicheskie osobennosti nerdvinskogo dialekta komi-permyatskogo yazyka [Morphological features of the Nerdvinsky dialect of the Komi-Permian language} / S. A. Sazhina // Permskie yazyki v polietnichnom prostranstve: istoriya i sovremennoe sostoyanie [The Permian languages in a multiethnic space: history and current state]: Proc. of the Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. – Issue 79. – Syktyvkar, 2025. – P. 178–199.
17. Karpova, L. L. Dialekty severnogo narechiya udmurtskogo yazyka: formirovanie i sovremennoe sostoyanie [Dialects of the northern idiom of the Udmurt language: formation and current state] / L. L. Karpova. – Izhevsk: MarShak Publ., 2020. – 563 p.
18. Karpova, L. L. Foneticheskie markery verkhnechepetskogo dialekta udmurtskogo yazyka [Phonetic markers of the Upper Chepets dialect of the Udmurt language] / L. L. Karpova // Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. – 2023. – Vol. 17. – No. 4. – P. 462–473.
19. Vodyasova, L. P. Foneticheskie yavleniya v oblasti vokalizma v perekhodnom dialekte mokshanskogo yazyka [Phonetic phenomena in vocalism in the transitional dialect of the Moksha language] / L. P. Vodyasova, G. S. Ivanova, N. V. Ivanova // II Ӱpymariy ludmash (II Vasilyevskie chteniya): Aktualnye problemy sovremennoy komparativistiki [II Vasilyev Readings: Current problems of modern comparative studies]. Materials of the All-Russian Sci. Pract. Conf. with intern. participation. – Yoshkar-Ola, 2023. – P. 57–64.
20. Ertsikova, G. A. Ob otlichitel'nykh foneticheskikh yavleniyakh v dialektnoy rechi gornykh mariytsev levoberezh'ya Volgi [The Characteristic Phonetic Phenomena in the Dialect Speech of the Hill Mari from the left bank of the Volga River] / G. A. Ertsikova // Rodnoy yazyk kak faktor kul'turnoy identichnosti [Native language as a factor of cultural identity]. Interregional Sci. Pract. Conf. with Intern. participation. – Izhevsk: National Library of the Udmurt Republic, 2021. – P. 115–120.
21. Sovremennyy komi yazyk: ucheb. dlya vyssh. ucheb. zaved. [Modern Komi language: textbook for higher education institutions]. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1955. – Part I: Fonetika, leksika, morfologiya [Phonetics, vocabulary, morphology]. – 312 p.
22. Nekrasova, G. A. Sovremennyy komi yazyk v tablitsakh i skhemakh [Modern Komi language in tables and dia-

grams] / G. A. Nekrasova. – Syktyvkar: FRC Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2025. – 234 p.
23. Komi-permyatskiy yazyk. Vvedenie, fonetika, leksika i morfologiya: uchebnik dlya vuzov [The Komi-Permian language. Introduction, phonetics, vocabulary and morphology: textbook for universities]. – Kudymkar: Komi-Permian Book Publ. House, 1962. – 340 p.
24. Lobanova, A. S. Ob assimilyatsii glasnykh zvukov v dialektakh komi-permyatskogo yazyka [On the assimilation of vowel sounds in the dialects of the Komi-Permian language] / A. S. Lobanova // Permistika 6: Problemy sinkhronii i diakhronii permskikh yazykov i ikh dialektov [Permistics 6: Problems of synchrony and diachrony of the Permian languages and their dialects]: collection of papers. – Izhevsk: Udmurt University Publ. House, 2000. – P. 110–114.
25. Sazhina, S. A. Verkhnekamskoe narechie komi-permyatskogo yazyka: osobennosti vokalizma [Upper-Kama dialect of the Komi-Permian language: peculiarities of vocalism] / S. A. Sazhina // Vestnik ugrovedeniya [Bull. of Ugric Studies]. – 2024. – Vol. 14. –No. 3 (58). – P. 489–497.
26. Zhilina, T. I. Verkhnesysolskiy dialekt komi yazyka [Upper Sysola dialect of the Komi language] / T. I. Zhilina. – Moscow: Nauka, 1975. – 268 p.
27. Zhilina, T. I. Luzsko-letskiy dialekt komi yazyka [Luza-Letka dialect of the Komi language] / T. I. Zhilina. – Moscow: Nauka, 1985. – 272 p.

Благодарность (госзадание):

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме НИР «Пермские языки как исторически сложившаяся и динамически развивающаяся система» (рег. № 126020216215-0).

Acknowledgements (state task):

The paper was prepared within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS on the research topic «The Permian languages as a historically established and dynamically developing system» (registration No. 126020216215-0).

Информация об авторе:

Сажина Светлана Александровна – кандидат филологических наук, заведующий сектором языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID: 0000-0003-4902-6415, SPIN-код: 4488-4993 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: sazinas@rambler.ru).

Author:

Svetlana A. Sazhina – Cand. Sci. (Philology), Head of the Sector of Language, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0003-4902-6415 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation. e-mail: sazinas@rambler.ru).

Для цитирования:

Сажина, С. А. Фонетические особенности нердвинского диалекта коми-пермяцкого языка (вокализм) / С. А. Сажина // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 3 (88). – С. 159–165.

For citation:

Sazhina, S. A. Phonetic features of the Nerdvino dialect of the Komi-Permian language (vocalism) / S. A. Sazhina // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2026. – No. 3 (88). – P. 159–165.

Дата поступления статьи: 16.04.2026
Прошла рецензирование: 28.04.2026
Принято решение о публикации: 08.05.2026
Received: 16.04.2026
Reviewed: 28.04.2026
Accepted: 08.05.2026

УДК 069.9(470.13-25)
DOI 10.19110/1994-5655-2026-3-166-170

Изобразительное искусство Республики Коми: сравнительный анализ зональных выставок 1979 и 2013 годов

Беляева Н. Ж.

Национальная галерея Республики Коми,
г. Сыктывкар

genddel@yandex.ru

Аннотация

В статье автор анализирует трансформацию изобразительного искусства Республики Коми за 34 года между двумя зональными выставками «Советский Север–5» и «Российский Север–11», прошедших в Сыктывкаре в 1979 и 2013 гг. Выявлены различия в количестве художников и их распределении по видам искусства, изменения в гендерном и возрастном составе участников выставки – увеличение числа женщин-художниц и повышение среднего возраста художников. Отмечены постепенная централизация культуры и сосредоточение ее в столице республики, усиление вовлеченности творческих деятелей в профессиональные институции. За три десятилетия изменилась тематика произведений, жанровая специфика, исчезли некоторые виды искусства и появились новые (иконопись, медальерное дело), заметно диверсифицировалось декоративно-прикладное искусство. В советский период среди экспонатов преобладали масштабные произведения, посвященные истории и освоению территории, ее людям; в постсоветское время работы становятся небольшими по размеру, камерными и отражающими индивидуальный мир самого художника. Произошли перемены в организации зональной выставки в Сыктывкаре: ушла практика планомерной, продуманной работы по подготовке выставки; ведущая роль перешла от Коми отделения Союза художников к Национальной галерее Республики Коми.

Ключевые слова:

изобразительное искусство, советское искусство, Республика Коми, социалистический реализм, современное искусство

Fine Arts of the Komi Republic: a comparative analysis of the zonal exhibitions of 1979 and 2013

Belyaeva N. Zh.

National Gallery of the Komi Republic,
Syktyvkar

genddel@yandex.ru

Abstract

The paper analyzes the transformation of the fine arts of the Komi Republic over the 34 years between the two zonal exhibitions «Soviet North–5» and «Russian North–11», held in Syktyvkar in 1979 and 2013. Differences in the number of artists and their distribution by art form were identified, as well as changes in the gender and age composition of the exhibition participants - an increase in the number of female artists and an increase in the average age of artists. The gradual centralization of culture and its concentration in the capital of the republic, along with increased involvement of creative artists in professional institutions are noted. Over the past three decades, the themes and genre specifics of the works have changed, some art forms have disappeared, while new ones have emerged (icon painting, medal making), decorative and applied arts have noticeably diversified. During the Soviet period, exhibits were dominated by large-scale works dedicated to the history and development of the territory and its people; in the post-Soviet period, the works became smaller in size, more intimate and more reflective of the artist's individual world. Changes occurred in the organization of the zonal exhibition in Syktyvkar: the practice of systematic, well-thought-out preparation for the exhibition ceased; the leading role shifted from the Komi Branch of the Union of Artists to the National Gallery of the Komi Republic.

Keywords:

fine arts, Soviet art, Komi Republic, socialist realism, modern art

История зональных выставок в СССР началась с 1960 г. В РСФСР было определено восемь зон, потом их количество увеличилось до 11 («Москва», «Ленинград», «Советский Север», «Советский Юг», «Большая Волга», «Сибирь социалистическая» и др.). Эти выставки стали своеобразной формой отчета региональных отделений Союза художников. Из них выставком, в который входили ведущие художники страны, отбирали лучшие работы, отправлявшиеся затем в Москву на масштабную выставку «Советская Россия».

Первая зональная выставка «Советский Север» прошла в 1964 г. в Архангельске. В дальнейшем они собирались сначала один раз в три года, а начиная с 1970-х гг. – через каждые пять лет. С распадом Советского Союза на несколько лет ушла и традиция зональных выставок. Возродились они в 1998 г., уже с измененным названием.

В Сыктывкаре прошли две зональные выставки: «Советский Север-5» в июне–июле 1979 г. и «Российский Север-11» в августе–ноябре 2013 г. Между выставками пролегло 34 года, за это время поменялось очень многое – от

страны и политического строя до парадигмы культуры и отношения к искусству. Чтобы наглядно представить, как изменилось изобразительное искусство, автором была предпринята попытка проанализировать состав экспонентов и произведений на этих двух выставках, ограничившись только разделом Республики Коми (до 1991 г. – Коми АССР).

Отбор на выставки был строгий, но традиционно хозяевам выставки давали возможность представить большее количество экспонентов и работ, чем гостям. Поэтому данные по этим двум выставкам могут показать достаточно точный срез коми изобразительного искусства того периода, тем более, что отбирались только свежие работы, созданные за последние 3–5 лет перед выставкой. Основой для анализа послужили данные каталогов и другой печатной продукции выставок, статьи в прессе, документы ведомственного архива Национальной галереи Республики Коми (НГРК).

В выставке «Советский Север» 1979 г. участвовало 536 авторов из восьми регионов: Коми АССР, Карельской АССР, Архангельской, Вологодской, Мурманской, Новгородской, Псковской и Кировской областей. 2912 произведений [1] расположились в трех локациях: основная часть занимала Дом политпросвещения (сейчас – Коми республиканская академия государственной службы и управления). Справа от входа в здание посетителей встречала масштабная скульптура В. А. Рохина «Домна Каликова», которая после закрытия выставки была перенесена на постоянное место на ул. Советскую. Вторая часть живописи, графики и скульптуры была показана в школе № 14 на ул. Орджоникидзе (учащиеся были на каникулах). Экспозицию декоративно-прикладного искусства можно было посмотреть в здании Коми республиканского художественного музея (сейчас НГРК) по адресу ул. Коммунистическая, 6 [2, с. 6]. Общая экспозиционная площадь составила 4 тыс. м^2.

О выставке «Российский Север» точных данных нет; указывалось, что участвовали более 700 авторов и более 1500 произведений. К регионам-участникам добавились Санкт-Петербург, у которого раньше была своя зона, и Череповецкое объединение, отделившееся от Вологодского союза художников. Число локаций увеличилось. Основная экспозиция расположилась в здании НГРК, во всех ее залах на двух этажах. Помимо этого, были задействованы лучшие выставочные площадки Сыктывкара и Выльгорта общей площадью 2800 м^2: Национальный музей Республики Коми, Центр культурных инициатив «Югор», Школа искусств, выставочные залы Сыктывкарского государственного университета, Эжвинской детской художественной школы, Сыктывдинского дома народных ремесел «Зарань».

В 1979 г. от республики выставился 61 художник с 294 произведениями [2] (в среднем, по четыре работы на человека); в 2013 г. – 73 художника с 207 произведениями [3, с. 27–35, 108–131] (в среднем по 2,8 работы). Такая разница объясняется тем, что на «Советском Севере» многие художники выставляли большое количество работ, иногда более 10. Все они прошли строгий отбор выставкомом. Например, председатель местного Союза художников Р. Н. Ермолин представил 21 произведение, В. С. Порохня – по 17, В. И. Смирнов – 16. И это были живопись, графика, скульптура – фундаментальные для советской культуры виды искусства.

На «Российском Севере-2013» выставком решил предоставить возможность художникам из Республики Коми выставить по пять–шесть работ, но оказалось, что выбирать было не из чего. В итоге авторы выставили, в основном, одну–три работы, а в числе тех, кто показал большое количество произведений, превалировали мастера декоративно-прикладного искусства (В. В. Попов – 15 работ, В. Л. Торопов – 9).

Если сравнивать две выставки по составу художников, то количество живописцев осталось прежним – 26, при том, что общее количество художников в 2013 г. возросло. Доля графиков уменьшилась (24 – в 1979 г., 17 – в 2013 г.). Скульпторов стало больше (5 и 11 соответственно); в 1979 г. был перекос в монументальную скульптуру [4], а в 2013 г.– в станковую. Количество прикладников стало больше в два раза (13 и 27 чел. соответственно).

В 1979 г. Сыктывкар представляли 42 художника (68 % от общего числа), Воркуту – 7, Ухту – 6, Инту – 4, из районов был только один человек. В 2013 г. процентное соотношение сыктывкарцев выросло еще больше – 61 чел. (84 %), представительство других городов значительно уменьшилось (Воркута – 2 чел., Ухта – 3, Инта – 1), зато появились участники из разных районов республики, в основном, прикладники и мастера народного творчества (5 чел.). При этом надо принимать во внимание, что в 1979 г. в республике насчитывалось более 1,1 млн чел., в 2013 г.– около 880 тыс.; в 1979 г. в Сыктывкаре проживало 15 % от всего числа жителей республики, в 2013 г. – уже 27 %. Централизация культурной жизни региона усиливалась.

Количество членов Союза художников увеличилось: 25 чел. в 1979 г., 37 – в 2013 г., что связано, в первую очередь, с упрощенными правилами приема. Помимо этого, значительная часть художников, занимающихся декоративно-прикладным искусством, состояла в Союзе мастеров Республики Коми, созданном в 1993 г. Таким образом, несмотря на постсоветскую критику чрезмерной централизации управления искусством, вовлеченность в профессиональные институции не только не уменьшилась, но даже выросла, появились новые объединения.

Если рассматривать гендерное соотношение, то можно отметить резкий рост числа женщин-художниц: в 1979 г. – 11 женщин из 61 участника выставки (18 %); в 2013 г. – 33 из 73 (45 %); практически половину художников составляют женщины. В 1979 г. представительницы прекрасного пола были в своем большинстве прикладниками (8 из 11), а в 2013 г. живописцев и графиков в совокупности насчитывалось столько же, сколько и прикладников. Появились женщины-скульпторы (А. А. Неверова) и женщины-иконописцы (Л. В. Пунегова).

Можно отметить и тенденцию к повышению среднего возраста художников республики – 41 год в 1979 г. и 52 года – в 2013 г. В 1979 г. львиная доля приходилась на деятелей искусств младше 50 лет (51 чел., или 84 %),

старше 60 было только 3 чел., а старше 70 – ни одного (самым пожилым экспонентом была жительница Сысольского района А. В. Базарова, автор домотканых половиков, которой исполнилось 66 лет). Большую долю молодых художников можно объяснить постановлением правительства, вышедшего незадолго до выставки «Советский Север», которое призывало обратить внимание на молодое поколение и всячески способствовать его развитию и возможности участвовать в культурной жизни страны.

В 2013 г. количество молодых художников снизилось вдвое: младше 50 лет было 30 чел. (т. е. 41 % от общего количества), 60–70 лет исполнилось 19 художникам, 11 чел. были старше 70 лет. Самым возрастным экспонентом стал живописец и график, ветеран Великой Отечественной войны 88-летний В. В. Кокачев.

Художники в количестве 15 чел. участвовали в обеих зональных выставках: С. С. Асташев, В. А. Безумов, Т. В. Васильева, Г. А. Дмитриев, В. Р. Ермолин, В. Н. Кислов, В. В. Кокачев, В. П. Кононов, А. В. Копотин, В. Н. Куликов, А. А. Куликова, В. А. Рохин, С. А. Торлопов, В. В. Трофимов, В. С. Шустов. Только в 1979 г. они были молодыми, ищущими, много работающими художниками, а в 2013 г.– признанными классиками, работающими в силу возраста менее интенсивно. К примеру, можно сравнить участие в выставках С. А. Торлопова. На «Советском Севере» он представил 17 произведений живописи и графики: триптих «Поэма о северном море» (1976–1977), масштабную работу «Мать Земля Коми» (1978, размеры 212 х 200 см), пейзаж «Пай-Хой. Лебединое озеро» (1976), а также свою вьетнамскую серию (1975). На «Российском Севере» была всего одна работа Торлопова: этюд «Соловки», датированный 2012 г., хотя поклонники его творчества знают, что он побывал на Соловках в 1991 г. Переписывание дат на более поздние для пропуска работ на выставки стало обычной практикой современных художников.

Если обратиться к видам искусства, которые представляли художники республики, то можно заметить, что произведений живописи и графики стало в два раза меньше, а произведений декоративно-прикладного искусства – в три раза больше. В 1979 г. произведения живописи, графики и скульптуры, по праву считавшиеся основными видами советского искусства, составляли 83 % от всех экспонатов, а в 2013 г. – всего 58 %.

В 2013 г. совсем не было плаката, монументального и театрально-декорационного искусства, книжных иллюстраций, зато появились иконопись (Г. С. Тонков) и медальерное искусство (Л. В. Пунегова). Диапазон декоративно-прикладного и народного искусства заметно расширился: в советское время оно было представлено преимущественно резьбой и росписью по дереву, изделиями из оленьего меха, а также масштабными гобеленами С. А. и Г. В. Добряковых. В современный период активно развивается керамика, ручное ткачество, батик, пэчворк, валяние по шерсти, т. е. предпочтение отдается общемировым практикам, но зачастую связанных с мифологическими сюжетами или символами коми. Развиваются и традиционные виды прикладного искусства: резьба по дереву, капу, сувелю, плетение из бересты и елового корня, народный костюм.

Что касается жанровой специфики, то в 1979 г. преобладали пейзажи (81 произведение), портреты (44), сюжетные композиции (37), натюрморты (16), была широко представлена иллюстрация (28). Пресса писала о художниках 1970-х гг.: «Мы вправе ждать от них произведений, которые бы отражали те огромные изменения в экономической и духовной жизни, что происходят в республике. Однако не так уж много наберется тематических картин, которые бы отличались глубиной проникновения в психологию образа, в характер эпохи» [5]. Но все же мы видим среди произведений выставки 1979 г. и композиции большого масштаба, и актуальную для страны и республики тематику: история края, индустриализация и освоение севера, портреты современников (В. В. Кокачев «Ляпинский поход»; А. Н. Безумов «Портрет работницы СЛПК, делегата XXV съезда КПСС В. Ф. Маланьевой»; Ф. Ф. Вдовин «Изыскания в Приполярье»). Существовал государственный заказ, оплачивались творческие командировки, особо поощрялась актуальная тематика. В то же время современники отмечали, что не только в искусстве Коми, но и в советском искусстве в целом прослеживалось уменьшение числа тематических картин.

В XXI в. эта тенденция продолжилась. На выставке 2013 г. превалировали произведения небольшого размера, отражающие индивидуальные переживания, впечатления, ощущения, интерпретации (И. А. Дасюк «Очередь за квасом»; А. И. Неверов «Теща в последних лучах солнца»; Т. В. Васильева «На Монмартре»). Приоритет остался за пейзажем (44), однако пленэрная живопись ушла на второй план; у художников не чувствовалось интереса к изображению родных городов и сел. Количество портретов снизилось вдвое (23, в основном скульптурные), практически исчез автопортрет. Работы В. П. Кононова «В зеркале интересов» и В. Б. Осипова «Ночное зеркало» являются исключениями: это не столько автопортреты, сколько композиции. Количество «чистых» портретов и натюрмортов стремится к нулю, жанры всё больше смешиваются между собой, сливаются в бессюжетные или абстрактные композиции. Появляются мифологические, религиозные и фантастические темы.

Если рассматривать организационные моменты, становится заметной возросшая роль НГРК, которая стала локомотивом подготовки и проведения выставки в 2013 г. (в других регионах главенствующую роль играют местные отделения Союза художников России). Коми отделение Союза заняло пассивную позицию и ограничилось предоставлением произведений на выставком. Для сравнения: в 1979 г. выставка тщательно готовилась; Союз художников контролировал готовность произведений; выставком, созданный за год до мероприятия, предварительно отобрал работы на местах [6]. До открытия выставки были изданы каталог и другая печатная продукция, писались аналитические статьи. У выставки были главный художник – сыктывкарец В. Я. Сердитов, который подготовил эскизы экспозиций, а также автор плаката, пригласительных билетов и памятного нагрудного значка В. Б. Чернов из Мурманска, и автор обложек проспектов, каталога и приглашения А. М. Гаранин (Сыктывкар).

В 2013 г. окончательный отбор происходил в Сыктывкаре перед самой выставкой, поэтому не осталось точных цифр по участникам и экспонатам, а каталог вышел уже после закрытия выставки, созданный силами коллектива НГРК. Никаких подготовительных макетов будущих экспозиций не существовало, главный художник не определен. Дизайнерами Коми республиканской типографии В. В. Токаревым и Д. В. Черницыным был создан брендбук – фирменный стиль выставки и все, что с ней связано. Экспозиции готовились сотрудниками галереи и членами выставкома на ходу, на скорую руку.

Ощутимо изменилось и отношение художников к критике. После «Советского Севера» в Сыктывкаре прошел Пятый съезд художников Коми, на котором были рассмотрены как успехи коми искусства, так и недостатки в развитии профессионального изобразительного искусства республики. Отмечались нехватка тематических работ, законченных портретов, пейзажей, натюрмортов, отрыв от натуры, надуманность композиций, отсутствие постоянной вдумчивой работы [5].

В постсоветское время институт художественной критики сошел на нет. Художники стали относится к критике чрезвычайно болезненно. В задачи искусствоведения входит сейчас создание творческой биографии художника, а не анализ его работ. Тем не менее в рамках «Российского Севера-2013» была проведена Всероссийская научно-практическая конференция «Художественная жизнь Северо-Запада России. История и перспективы», где были заслушаны доклады, затрагивающие вопросы развития изобразительного искусства Республики Коми [7].

Немаловажный фактор – закупка произведений. В 1979 г. в фонды художественного музея еще до открытия выставки, на основании протокола заседания республиканского выставкома были закуплены работы 16 художников, в том числе и молодых. У каждого приобрели по одной работе, кроме А. В. Мошева, у которого закупили серии книжных иллюстраций. Стоимость произведений, в зависимости от вида, жанра, размера и т. д., варьировала от 150 до 1250 руб. В последующем и другие работы с зональной выставки попали в фонды музея.

После «Российского Севера» также были осуществлены закупки (как и в 1979 г. – за счет федерального и республиканского бюджетов). Произведения живописи, графики и скульптуры приобретены у 17 авторов, с ценником от 25 до 300 тыс. руб. Декоративно-прикладное искусство закупалось по отдельному списку (три художника, стоимость произведений – 40–45 тыс. руб.). Надо заметить, что в советское время в музей работы поступали только через закуп; для художников это была одна из самых ощутимых статей дохода. После 1990-х гг. закуп работ практически не производится. Возможно, это одна из причин малочисленности молодых художников в современный период.

Таким образом, сравнение двух зональных выставок дает нам картину трансформаций, произошедших в изобразительном искусстве Республики Коми с 1970-х до 2010-х гг.: от идеологизированных больших полотен и скульптур – к камерному искусству, от работы с натуры – к визионерским практикам, от интереса к человеку, современнику – к погружению в собственные переживания. За 34 года значительно выросло число женщин-художниц, диверсифицировались декоративно-прикладное искусство и народное творчество. Общественные объединения не только расширились, но и созданы новые. Однако отсутствие достойной оплаты творческого труда и заказов влияет на состояние современного изобразительного искусства в республике.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. О времени и о себе // Красное знамя. Специальный выпуск. – 1979. – Июль.
2. Зональная художественная выставка «Советский Север-5». Каталог. Живопись, графика, плакат, скульптура, монументальное искусство, театрально-декорационное искусство, декоративно-прикладное искусство, народное искусство / авт. вступ. ст. К. П. Анисова; сост. Л. С. Агошкова [и др.]. – Сыктывкар, 1979. – 99 с.
3. XI региональная художественная выставка «Российский Север» / авт. вступ. ст. С. Н. Левандовский; сост. Э. К. Поповцева. – Сыктывкар, 2013. – 311 с.
4. Ермолин, Р. Н. Жизнеутверждающее искусство / Р. Н. Ермолин // Красное знамя. – 1979. – 19 августа.
5. Зыль, Л. Ф. Без скидок на молодость. Заметки с V съезда художников Коми АССР / Л. Ф. Зыль // Красное знамя. – 1979. – 15 декабря.
6. Говорова, Л. И. Музей готовится к выставке / Л. И. Говорова // Красное знамя. – 1978. – 3 ноября.
7. XI региональная художественная выставка «Российский Север». Всерос. науч.-практ. конф. «Художественная жизнь Северо-Запада России. История и перспективы»: сб. ст. / сост. О. Л. Талянина. – Сыктывкар, 2013. – 130 с.

References

1. O vremeni i o sebe [About time and about myself] // Krasnoe Znamya [Red Banner]. Special issue. – 1979. – July.
2. Zonalnaya hudozhestvennaya vystavka “Sovetskii Sever-5”. Katalog. Zhivopis’, grafika, plakat, skulptura, monumentalnoe iskusstvo, teatralno-decoracionnoe iskusstvo, dekorativno-prikladnoe iskusstvo, narodnoe iskusstvo [Zonal art exhibition «Soviet North-5». Catalog. Painting, graphics, poster, sculpture, monumental art, theatrical and decorative arts, decorative and applied arts, folk art] / Author, introduction K. P. Anisova; Comps. L. S. Agoshkova [et al.]. – Syktyvkar, 1979. – 99 p.
3. XI regionalnaya hudozhestvennaya vystavka “Rossiiskii Sever” [XI Regional art exhibition «Russian North»] / Author, introduction S. N. Levandovsky; Comp. E. K. Popovtseva. – Syktyvkar, 2013. – 311 p.
4. Ermolin, R. N. Zhizneutverzhdayuschee iskusstvo [Life-affirming art] / R. N. Ermolin // Krasnoe Znamya [Red Banner]. – 1979. – August 19.

5. Zyl', L. F. Bez skidok na molodost'. Zametki s V s'ezda hudozhnikov Komi ASSR [No allowances for youth. Notes from the V Congress of Artists of the Komi ASSR] / L. F. Zyl' // Krasnoe Znamya [Red Banner]. – 1979. – December 15.
6. Govorova, L. I. Muzei gotovitsya k vystavke [The museum is preparing for the exhibition] / L. I. Govorova // Krasnoe Znamya [Red Banner]. – 1978. – November 3.
7. XI regionalnaya hudozhestvennaya vystavka "Rossiiskii Secer" [XI regional art exhibition «Russian North»]. All-Russian Sci. Pract. Conf. «Artistic life of Northwest Russia. History and prospects»: collection of papers / Comp. O. L. Talyanina. – Syktyvkar, 2013. – 130 p.

Информация об авторе:

Беляева Надежда Жоржевна – специалист по экспозиционно-выставочной деятельности I категории Национальной галереи Республики Коми, ORCID: 0009-0003-2246-9803, SPIN-код: 6301-0470; https://www.ngrkomi.ru/ (167983, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Кирова, д. 44; e-mail: genddel@yandex.ru).

Author:

Nadezhda Zh. Belyaeva – specialist in exposition and exhibition activities of the 1st category of the National Gallery of the Komi Republic; ORCID: 0009-0003-2246-9803, SPIN-code: 6301-0470; https://www.ngrkomi.ru/ (44, Kirov st., Syktyvkar 167983, Russian Federation; e-mail: genddel@yandex.ru).

Для цитирования:

Беляева, Н. Ж. Изобразительное искусство Республики Коми: сравнительный анализ зональных выставок 1979 и 2013 годов / Н. Ж. Беляева // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 3 (88). – С. 166–170.

For citation:

Belyaeva, N. Zh. Fine Arts of the Komi Republic: a comparative analysis of the zonal exhibitions of 1979 and 2013 / N. Zh. Belyaeva // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2026. – No. 3 (88). – P. 166–170.

Дата поступления статьи: 26.12.2025
Прошла рецензирование: 02.02.2026
Принято решение о публикации: 06.02.2026
Received: 26.12.2025
Reviewed: 02.02.2026
Accepted: 06.02.2026

Всероссийская научная конференция «Исторический опыт научного освоения арктических территорий России»

All-Russian Scientific Conference "The historical experience of scientific exploration of Russia's Arctic territories"

Уважаемые читатели!

В предлагаемом вниманию читателей блоку статей об освоении арктических территорий страны представлены статьи участников Всероссийской научной конференции «Исторический опыт научного освоения арктических территорий России», рекомендованные оргкомитетом к публикации в научном журнале «Известия Коми НЦ УрО РАН» серии «История и филология». Исследование Арктики имеет непреходящее значение для России. Это не только вопрос национальной безопасности и экономического развития, связанный с богатейшими ресурсами и уникальной транспортной артерией – Северным морским путем, но и пространство для фундаментальных научных открытий, определяющих наши знания о планете, ее климате и геологической истории. Все эти вопросы стали предметом обсуждения на состоявшейся в ФИЦ «Коми НЦ УрО РАН» 28–29 октября 2025 г. научной конференции. Организаторами конференции выступили Отдел гуманитарных междисциплинарных исследований, Институт геологии ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Коми республиканское отделение Русского географического общества. Мероприятие приурочено к двум знаковым юбилеям: 150-летию со дня рождения легендарного полярного исследователя Владимира Александровича Русанова и 500-летию начала освоения Северного морского пути.

В представленных материалах нашли отражение фундаментальные исторические сюжеты осмысления многогранного пути, который прошла Россия в изучении и освоении Арктики, от первых смелых экспедиций до современных высокотехнологичных проектов, о роли отдельных ученых и научных организаций в этом процессе. Особое внимание уделено неизвестным страницам в истории открытия и добычи медной руды в Русской Лапландии в XVIII в., роли купечества в развитии пароходства на арктических территориях России во второй половине XIX – начале XX в., деятельности научных организаций, изучавших ресурсный потенциал Севера России; вопросам изучения естественных производительных сил Новой Земли, углехимическим исследованиям в Воркутинском районе Коми АССР (1930–1950-е гг.), исследованиям арктических территорий ученым-геологом А. А. Черновым, биографии ученого-конструктора различных приборов и оборудования для воздушных и дрейфующих экспедиций в Северном Ледовитом океане Ю. К. Алексеева.

Публикация данного блока статей демонстрирует процессы научного поиска и результаты, имевшие не только научно-экономическое, но и политическое значение, и актуализирует вопросы изучения исторического опыта научных исследований Арктики в контексте современных геополитических тенденций и планов укрепления арктических позиций России.

Заведующая Отделом гуманитарных междисциплинарных исследований, доктор исторических наук
Бровина Александра Александровна

Участники Всероссийской научной конференции «Исторический опыт научного освоения арктических территорий России». 28 октября 2025 года.
Participants of the All-Russian Scientific Conference «Historical experience of scientific development of the Arctic territories of Russia». October 28, 2025,

Пленарное заседание Всероссийской научной конференции «Исторический опыт научного освоения арктических территорий России». 28 октября 2025 года.
Plenary session of the All-Russian Scientific Conference «Historical experience of scientific development of the Arctic territories of Russia». October 28, 2025,

УДК 94:001.891(985)
DOI 10.19110/1994-5655-2026-3-172-179

Исторический опыт научных исследований историко-культурной и природной среды Арктической зоны Российской Федерации

Бровина А. А.

Отдел гуманитарных междисциплинарных исследований
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар

brovina@frc.komisc.ru

Аннотация

Статья посвящена историческому анализу научных исследований Арктической зоны РФ начиная с первых научных идей М. В. Ломоносова и заканчивая современными исследованиями. Автор анализирует этапы развития научного изучения Арктики, включая организацию первых полярных станций, роль международных научных проектов (Международные полярные годы), деятельность Полярной комиссии Академии наук СССР, а также вклад советских ученых в изучение природно-ресурсного потенциала и экологических проблем Арктики. Особое внимание уделено вопросам институционализации науки в Арктике, созданию научных стационаров и развитию крупных исследовательских центров, таких как Арктический и антарктический научно-исследовательский институт (ААНИИ). В статье также освещена роль Арктической комплексной исторической экспедиции в изучении культурного и природного наследия Арктики в 1990-е гг. Подчеркивается, что изучение исторического опыта научных исследований Арктики является актуальной задачей в контексте современных геополитических споров и планов восстановления арктических позиций России.

Ключевые слова:

Арктическая зона РФ, геополитические интересы России, международные научные проекты, изучение ресурсов и экологии, историко-культурная среда, история науки, Полярная комиссия АН СССР, Арктический и антарктический научно-исследовательский институт, вклад советских ученых, Морская арктическая комплексная экспедиция

Historical experience of scientific research of the historical, cultural and natural environment of the Arctic zone of the Russian Federation

Brovina A. A.

Department of Humanitarian Interdisciplinary Research,
Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar

brovina@frc.komisc.ru

Abstract

The paper provides a historical analysis of scientific research in the Arctic zone of the Russian Federation, starting with the first scientific ideas of M. V. Lomonosov and continuing with contemporary research. The author analyzes the stages of development of scientific research in the Arctic, including the organization of the first polar stations, the role of international scientific projects (International Polar Years), the activities of the Polar Commission of the USSR Academy of Sciences, as well as the contribution of Soviet scientists to the study of the natural resource potential and environmental problems of the Arctic. Special attention is paid to the institutionalization of science in the Arctic, the creation of research stations, and the development of large research centers such as the Arctic and Antarctic Research Institute (AARI). The paper also highlights the role of the Arctic Complex Historical Expedition in studying the cultural and natural heritage of the Arctic in the 1990s. It is emphasized that studying the historical experience of scientific research in the Arctic is an urgent task in the context of contemporary geopolitical disputes and plans to restore Russia's positions in the Arctic.

Keywords:

Arctic zone of the Russian Federation, geopolitical interests of Russia, international scientific projects, resource and environmental studies, historical and cultural environment, history of science, Polar Commission of the USSR Academy of Sciences, Arctic and Antarctic Research Institute, contribution of Soviet scientists, Marine Arctic Complex Expedition

Россия с древнейших времен присутствовала на арктических территориях и оценивала их как неотъемлемую часть государства, но относилась к ним достаточно пассивно, по возможности используя природные богатства в целях пополнения казны. Россия обладает богатейшим историческим опытом научно-исследовательской деятельности в Арктике. Осмысление исторического опыта научного познания Арктической зоны РФ и уроков исследования в социально-экономическом, культурном развитии – важнейшая актуальная задача. Это стратегически важный регион для России, уникальная территория с богатейшим историко-культурным наследием. Изучение истории продвижения человека в Арктику – обширная, как и сам регион, тема, достойная многотомного монографического изложения. Для понимания масштабности этой задачи обратимся к знаковым сюжетам в истории изучения Арктики.

Первые научные идеи, связанные с осмыслением и оценкой важности арктических пространств для госу-

дарственного развития, принадлежат М. В. Ломоносову. Он обратил внимание на арктические пространства (обозначил задачи по географическому описанию Ледовитого океана, Северного и Южного полюсов; поднял вопрос об изучении и добыче северных металлов и драгоценных камней) и попытался убедить власти в перспективности изучения и освоения Российского Севера [1, 2]. По сути это были первые попытки обозначить возможности и проблемы экономического освоения природных богатств Севера. Его идеи реализовывались в экспедиционных исследованиях Русского географического общества, Императорской академии наук и специализированных научных обществ не только в XVIII, но и в XIX, и даже в начале XX в.

В конце XIX в. изучение арктических территорий стимулировали политические и экономические интересы разных стран. С ростом научно-технических возможностей ряд правительств северных держав стал выстраивать свои геополитические планы в отношении Арктики и Северного морского пути (СМП). Участились несанкционированные вторжения на исконно российские территории. Геополитическая ситуация тем самым подталкивала российское правительство к организационным решениям.

Между тем, крупнейший проект по изучению Арктики был предложен руководителем австро-венгерской экспедиции, открывшей Землю Франца-Иосифа, Карлом Вейпрехтом. В 1875 г. он вернулся из экспедиции на Землю Франца-Иосифа в Баренцевом море с убеждением, что скоординированные научные исследования в Арктике будут гораздо продуктивнее, чем исключительно географические исследования. Свои взгляды он впервые изложил на заседании Академии наук в Вене в начале 1875 г. и развил их на заседании Ассоциации немецких натуралистов и физиков позже в том же году [3]. Его попытки представить свои идеи на международном уровне были отложены из-за конфликта между Россией и Турцией, и только в 1879 г. он выступил на Международной метеорологической конференции в Риме. Предложение Вейпрехта о создании сети исследовательских станций в Арктике для одновременной регистрации метеорологических и геомагнитных явлений было одобрено конгрессом, который постановил, что «эти наблюдения будут иметь первостепенное значение для развития метеорологии и расширения наших знаний о земном магнетизме» [4]. В более практическом плане конгресс предпринял меры по организации еще одной конференции, специально посвященной предложению Вейпрехта. В октябре 1879 г. была проведена конференция в Гамбурге, затем вторая – в Берне в 1880 г., а третья – в Санкт-Петербурге годом позже.

В работе Первого Международного полярного года 1882–1883 гг. приняли участие 12 стран (по две полярные станции открыли Россия и США, по одной – Финляндия (входившая в то время в состав Российской империи), Германия, Австро-Венгрия, Великобритания, Швеция, Дания, Норвегия и Голландия и две в Антарктиде – Германия и Франция, установившие в Арктике исследовательские станции для наблюдений, касающихся метеорологии (температура, барометрическое давление, влажность, ветер, облачность, осадки); земного магнетизма (склонение, наклон, интенсивность); северного сияния и астрономии. Санкт-Петербургская Императорская академия наук активно включилась в эти международные исследования Арктики. Российское правительство выделило средства на организацию двух полярных станций на архипелаге Новая Земля (м. Малые Кармакулы) и в устье р. Лены (м. Сагастырь), поручив их устройство Императорскому Русскому географическому обществу.

Полярными станциями в Первый Международный полярный год был собран обширный научный материал, опубликованный в 36 томах. Однако решение основной проблемы – выяснение циркуляции атмосферы и той роли, которую в этом занимают полярные страны, в тот год не состоялось. Причины «неуспеха» – недостаточно широкая сеть станций из-за неосвоенности Арктики, низкий уровень развития метеорологии и отсутствие аэрологии в то время. Оценивая результаты проведенных работ, исследователи приходили к выводу, что «план Вейпрехта был задуман правильно, но осуществление его было преждевременным. Его проект не отвечал ни географической исследованности Арктики, ни развитию геофизики (метеорологии). Выдвигая этот проект, К. Вейпрехт определил траекторию изучения Арктики, по крайней мере, на полстолетия» [5, с. 8–10]. Так или иначе, было положено начало стационарным наблюдениям на полярных станциях.

На рубеже XIX–XX вв. позиции России в северных широтах укреплялись. В 1894–1898 гг. построены железные дороги Вологда-Архангельск, Пермь-Вятка-Котлас, проектировались дороги на Мурманском побережье. Большое значение придавалось освоению СМП, начаты гидрографические исследования его западного участка под руководством известного русского полярника А. И. Вилькицкого.

По инициативе С. Ю. Витте, в 1897–1899 гг. были выделены средства для строительства первого российского ледокола «Ермак» по проекту адмирала С. О. Макарова. В этот период консультантом российского правительства по научно-техническим вопросам часто выступал Д. И. Менделеев, который поддерживал правительство в стремлении осваивать северные территории России и СМП и даже сам готовил экспедицию и просил разрешить ему использовать «Ермак» для поиска путей на Дальний Восток через северные моря, но получил отказ. При жизни его мнение о необходимости победить полярные льды, о военно-морской обороне страны, о поисках выгодных торговых путей для сырья и продукции Севера, о значимости экономических вопросов Северо-Востока России и Сибири, не было в полной мере оценено правительством [6]. Но идеи по освоению Арктики начали активно развивать уже в советское время. Это еще один пример, когда ученый опередил свое время.

Одним из первых удачных опытов международного научного сотрудничества в Арктике можно считать экспедицию по градусному измерению на архипелаге Шпицберген 1899–1901 гг. В 1898 г. со стороны Шведской королевской академии наук поступило предложение об организации совместной научной экспедиции. Императорская Санкт-Петербургская академия наук согласилась на предложение Швеции. Оно было положительно встречено

и С. Ю. Витте, поскольку позволяло наладить международные отношения в позитивном ключе и привлечь шведские финансы. Со стороны Императорской Санкт-Петербургской академии наук была образована особая комиссия из представителей Академии, Военного и Морского ведомств, возглавляемая его Императорским Высочеством Великим князем Константином Константиновичем.

Программа экспедиции разработана на совместных заседаниях членов российской и шведской комиссий. Цели исследований подробно изложил Феодосий Николаевич Чернышёв. Участникам экспедиции удалось проникнуть в неизведанные до этого времени центральные районы архипелага и получить материалы в области геодезии, астрономии, гидрографии, зоологии, ботаники, геологии, метеорологии, физики и других естественных наук. Главная исследовательская задача экспедиции – измерение дуги меридиана, была успешно выполнена. Работы ученых позволили уточнить форму и размер нашей планеты, величину сжатия эллипсоида Земли. Полученные данные заинтересовали международный научный мир [7]. В результате внимание России переключилось на арктические территории.

Для общей иллюстрации процессов организации научных исследований в Арктической зоне уместно вспомнить первые научные стационары на Севере России, которые были основаны на рубеже XIX–XX вв. Мурманская биологическая станция (осн. в 1881 г. на Соловках) являлась самым северным научным учреждением России. Ее работы дали богатый материал по наблюдению над морской флорой и фауной и сыграли важную роль в изучении северных морей. Первое в истории Российского государства приполярное научное учреждение на Европейском Северо-Востоке России – Зоологическая станция Императорской академии наук в с. Усть-Цильма Архангельской губернии, основано в 1905 г. В. А. Журавским. Задачами первых научных стационаров изначально были фундаментальные исследования в области естественнонаучных дисциплин. Но менявшиеся общественно-политические условия переориентировали их вектор внимания на народнохозяйственные и промысловые работы, что в целом не умаляет их вклад в развитие науки в Арктике.

Заметное влияние на изучение Арктики оказала Полярная комиссия Академии наук, основной задачей которой было определено научное исследование полярных стран вообще и Русского Севера в частности (1914–1936). Полярная комиссия АН СССР работала как межведомственная организация, объединяя многих специалистов, работавших на Севере. Ее деятельность оказала существенное влияние на: освоение приполярных территорий и осуществление экспедиционных исследований отечественными учеными, определение западной и восточной границ российских арктических территорий, отклонение проектов иностранных экспедиций по изучению необследованных островов в пределах отечественного сектора Арктики. Полярная комиссия занималась активной популяризаторской работой, созданием стационарных академических учреждений, перспективным планированием экономики страны [8].

Самый результативный этап в развитии научных исследований в Арктике связан с советским периодом, когда научно-исследовательские работы приобрели государственное значение. Власти в стремлении вывести страну из экономического кризиса, разразившегося в результате Первой мировой и Гражданской войн, возлагали большие надежды на использование природных ресурсов Севера и активно отстаивали государственные интересы в Арктической зоне. Именно на этой волне мощное развитие получили научно-исследовательские работы по изучению природно-ресурсного и экологического потенциала Арктики, начатые во времена царского режима. В плане ГОЭРЛО намечался целый комплекс изыскательских работ, которые хоть и касались в основном поиска местных топливных и энергетических ресурсов, но проводились комплексно и давали новые знания в плане геологического изучения северных территорий.

В начале 1919 г. Народный комиссариат торговли и промышленности по инициативе правительства создал в Петрограде Комиссию по практическому использованию богатств Русского Севера. Комиссия выполняла чисто практические задачи по вывозу оленины и дичи из Печорского края; изучению морских, речных и озерных промыслов; добыче и вывозу соли; изысканию стройматериалов для постройки гужевых дорог. Процесс создания Научной комиссии начался в августе 1918 г., а завершился 10 февраля 1919 г. формированием Петроградского отделения научно-технического отдела ВСНХ, в состав которого вошли, в том числе, представители КЕПС и Полярной комиссии. 22 февраля Комиссия по практическому использованию богатств Русского Севера была передана в состав нового органа, задачей которого считалось всестороннее изучение Русского Севера с целью более правильного и полного промышленного его использования. В дни, когда в районе Архангельска еще шли последние бои с интервентами, 19 февраля 1920 г. в Вологде состоялось межведомственное совещание при Особой продовольственной комиссии Северного фронта. Главным пунктом повестки был вопрос об организации специального органа для руководства хозяйственной и исследовательской деятельностью на территории, прилегающей к Северному Ледовитому океану. К практическим задачам были отнесены: исследование районов, имеющих промысловое значение; разработка планов научно-промысловых работ, технических сооружений по утилизации отбросов рыболовства и промыслов, морских пароходных рейсов и организация промысловых баз; обследование районов рыболовства и морского промысла; организация холодильного оборудования в промысловых районах и снабжение их заготовительными устройствами; рациональная организация оленеводства. Для развития данных работ от ученых требовалось провести описания промысловых животных, разработать руководства и карты, подготовить научные описания и статьи по отдельным промысловым отраслям, экономике, географии и путям сообщения Севера. 4 марта 1920 г. Президиум ВСНХ создал при Научно-Техническом отделе Северную научно-промысловую экспедицию. Во главе Ученого Совета сто-

ял президент Академии наук А. П. Карпинский. Возглавил Севэкспедицию Р. Л. Самойлович [9].

Основной формой работы стало формирование отрядов, которые строились по тематическому и региональному признакам. Отряды Севэкспедиции были направлены в различные районы Севера России – Белое, Карское, Баренцево моря, Большеземельскую тундру, район Печоры, берега Оби, Кольский полуостров, хребет Пай-Хой. В 1920 г. акад. А. Е. Ферсман разворачивает свои работы на Кольском полуострове в Хибинском массиве. Профессор В. П. Виттенбург производит геологические изыскания в Лапландии, а И. Д. Стрельников и ряд других зоологов продолжают свои исследования на Мурманской биологической станции в Кольском заливе. В последующие годы работы были перенесены в Баренцево море, на Новую Землю и к берегам Карского моря (В. П. Виттенбург) на острова Вайгач и Северный Урал (Н. А. Кулик). По числу участников, количеству отрядов это был самый масштабный этап в освоении северных территорий страны. Северная научно-промысловая экспедиция стала одним из центров общегеографического и геологического изучения Арктики, единственной и крупнейшей правительственной координирующей организацией в системе научных учреждений страны. По существу действовал государственный институт, изучавший естественные богатства Севера. В 1925 г. Северную научно-промысловую экспедицию преобразовали в Институт по изучению Севера. В 1930 г. он стал Всесоюзным арктическим центром работ по исследованию Российской Арктики и обеспечению запросов мореплавания по Северному морскому пути и других отраслей экономики.

Таким образом, новый этап в изучении Российской Арктики начался в 1920-е гг., когда Правительство Советской республики начало активные исследования недр Севера, и исследования Арктики приобрели системный характер и значимость для страны. Исследования определялись как научными и экономическими проблемами, так и политическими аспектами создания надежного военного форпоста страны в Арктике. Необходимость широкого научно-технического изучения территории была очевидна. Правительство планировало сделать Север России главным источником естественных производительных сил для страны [10].

Отметим еще одну важную страницу истории научного изучения Арктики – Второй Международный Полярный год 1932–1933 гг. С инициативой о его проведении, приуроченного к 50-летию Первого МПГ, выступил в 1927 г. президент Германской морской обсерватории в Гамбурге Доминик. Основной задачей являлось изучение циркуляции атмосферы в полярных районах, прежде всего в Арктике. Программа исследований объединяла ученых 44 государств и включала метеорологические и астрономические наблюдения, исследование солнечной радиации, атмосферного электричества, земного магнетизма, наблюдения за полярными сияниями и распространением радиоволн, работы по гляциологии и океанографии и пр. Со стороны СССР в работе участвовало 92 станции, из них 33 – новые. Самой северной гидрометеорологической станцией в мире стала станция на острове Рудольфа (Земля Франца-Иосифа).

В 1932–1933 гг. СССР провел в Арктике 26 морских экспедиций с целью гидрологических, гидрографических и гляциологических исследований. По данным, полученным советскими морскими экспедициями, была построена подробная карта Карского моря и его проливов, разработаны первые ледовые прогнозы для арктических морей. Многие станции продолжили работу стационарно. Значительным событием стал поход ледокольного парохода «А. Сибиряков» по Северному морскому пути из Архангельска во Владивосток. Этот поход положил начало его использования в качестве действующей транспортной магистрали. Руководителем похода был директор Всесоюзного арктического института О. Ю. Шмидт, командовал пароходом известный полярный капитан В. И. Воронин [11].

17 декабря 1932 г. было организовано Главное управление СМП, в задачу которого входило проложить окончательно путь от Белого моря до Берингова пролива, оборудовать его и держать в исправном состоянии, обеспечив плавание по этому пути. Управление объединило работавшие в Арктике организации разных ведомств. Директор Арктического института О. Ю. Шмидт возглавил новую организацию (в наши дни это Арктический и антарктический научно-исследовательский институт (ААНИИ)). С 1936 г. начались ежегодные экспедиции в арктических морях, направленные на комплексное изучение морей и островов Арктики. Столетняя история становления и развития российского центра полярных исследований и освоения СМП отражена в фундаментальных трудах М. И. Белова, Д. М. Пинхенсона и др. [12–14].

В 1930-е гг. усилиями многих государственных ведомств и прежде всего научных организаций создавался новый облик Арктики. Проводили исследования особенностей климата, различных природных ресурсов, животного и растительного мира, активно пополнялись знания о геологическом строении. На Кольском полуострове были открыты запасы аппатита – «камня плодородия». В бассейнах Ухты и Печоры обнаружены промышленные запасы нефти и каменного угля. На Колыме и Индигирке советские геологи открыли новые месторождения золота, которые стали основой для создания крупных золотодобывающих предприятий. На Кольском полуострове за 1926–1937 гг. было построено 39 предприятий, в том числе горно-химический трест «Апатит». Европейский Север в предвоенные годы был главным лесоэкспортным районом СССР. Надо отдать должное хорошей организации работы научных учреждений и производственных предприятий, которые продолжали успешно работать и в годы Великой Отечественной войны.

Важным фактором этих успехов было создание на Севере стационарных научных учреждений: Кольской базы АН СССР (1934), Северной базы АН СССР (1936). После войны государственная политика развития северных территорий имела свое продолжение. К научно-исследовательским работам в послевоенный период кроме Арктического института подключились организации, созданные в годы Великой Отечественной войны в Красноярске, Новосибирске, Тюмени. В заполярных районах работали экспедиции Западно-Сибирского филиала АН СССР (1943), Якутской научно-исследовательской базы АН СССР (1947). В 1948 г.

в Ленинграде на базе отдела геологии АНИИ и горно-геологических служб «Главсевморпути» был образован Научно-исследовательский институт геологии Арктики» (НИИГА), который специализировался на изучении геологического строения и разведке нефти, угля, золота, руд различных металлов в Центральном и Восточном секторах Советской Арктики.

Начиная с 1954 г. в Арктике в крупных масштабах систематически стали проводиться воздушные научно-исследовательские экспедиции «Север». С 1937 г. в Северном Ледовитом океане в круглогодичном режиме дрейфовали одновременно по две–три научно-исследовательских станции ААНИИ «Северный полюс». В результате высокоширотных воздушных экспедиций конца 1940-х-начала 1950-х гг. были открыты подводные хребты им. Ломоносова, Менделеева, Геккеля. Рельеф дна Арктического бассейна, вопреки сложившимся представлениям, предстал в виде сложных горных систем с глубоководными котловинами и впадинами. Стали понятны законы движения водных масс и дрейфующих льдов океана. Изменения представлений о структуре его ложа позволили геологам высказать предположение, что ценные полезные ископаемые могут находиться не только на побережье, но и на дне. Эти открытия были признаны мировой научной общественностью крупнейшими географическими открытиями XX в.

В 2020 г. российский центр полярных исследований ААНИИ отметил 100-летний юбилей. В статусе государственного научного центра институт продолжает научные исследования в области гидрометеорологии и смежных с ней областей, мониторинга окружающей среды, проводит экспедиционные исследования в Северном Ледовитом океане, арктических и замерзающих морях России. Деятельность ученых направлена на обеспечение реализации стратегий развития в области рационального природопользования, транспортно-логистических и телекоммуникационных систем, обеспечения национальной безопасности страны [15].

В 1950–1960-е гг. существенный вклад в изучение Арктики внесла Междуведомственная комиссия по проблемам Севера при Совете по изучению производительных сил Госплана СССР, созданная в 1954 г. с целью поиска наиболее эффективных путей использования природных ресурсов северных территорий в развитии народнохозяйственного комплекса страны. От Комиссии ожидали научно выверенные рекомендации о том, какими путями и методами осваивать северные районы, чтобы они могли не только поставлять необходимые народному хозяйству ресурсы, но и быть самодостаточными территориями. Важное место в исследованиях стали занимать социальные и экологические проблемы. С 1958 г. основные результаты этой работы стали издавать в специальных выпусках под общим названием «Проблемы Севера» [16].

Отметим, что впервые за всю историю освоения Российского Севера в рамках деятельности Междуведомственной комиссии был выполнен огромный пласт работ, связанных с поисками возможностей для здорового и комфортного проживания человека на Севере. Медики, биологи, социологи, психологи и другие специалисты изучали возможности адаптации и плодотворной жизни людей в северных широтах; предлагали различные варианты лечебных и профилактических мероприятий. Ученые однозначно приходили к выводу, что осваивать Север нельзя без учета интересов человека. В декабре 1969 г. на расширенном Пленуме комиссии ее председатель – д. э. н. С. В. Славин, сказал, что «основным путем повышения экономической эффективности развития и размещения производительных сил зоны Севера СССР может быть только интерес к человеку труда, для которого и должна проводиться вся государственная политика на Севере» [17].

Вторая половина XX столетия ознаменовалась все в большей степени увеличивавшимся социально-экономическим ростом арктических районов СССР, повышением их значимости в народнохозяйственной практике. В творческих лабораториях экономических институтов Академии наук и организаций промышленного производства разрабатывались целевые программы, направленные на создание территориально-производственных комплексов, охватывавших одновременно производственное, социальное и экологическое развитие конкретных территорий в арктическом регионе (Мурманский ТПК, Тимано-Печорский ТПК, Северо-Обской ТПК, Северо-Енисейский ТПК) [18].

В 1990-е гг. государство практически отказалось от решения многих научных, социальных и экологических проблем на северных территориях, оставив население городов и рабочих поселков без поддержки. Изучение культурного и природного наследия Арктики в этот период взяли на себя ученые-энтузиасты. С 1986 г. на островах, архипелагах и материковом побережье Северного Ледовитого океана работала Арктическая комплексная историческая экспедиция Научно-исследовательского института культуры Министерства культуры РФ и АН СССР, с 1992 г. – Морская арктическая комплексная экспедиция. Ее создателем и бессменным руководителем был П. В. Боярский (1943–2022), к. ф.-м. н., д. и. н., Почетный полярник. Под его руководством на протяжении 36 лет ежегодно проводились работы по комплексному выявлению и изучению культурного и природного наследия на островах и архипелагах Российской Арктики. Специалистами МАКЭ в Арктическом регионе выявлено более 2 тыс. уникальных объектов культурного и природного наследия с древнейших времен и до конца XX в. Подготовлены карты историко-культурного и природного наследия Новой Земли, Вайгача, Соловков и рекомендации по комплексному сохранению и рациональному использованию историко-культурной и природной среды. Проведены подводные исследования памятников в гидросфере, осуществлены исторические эксперименты по мореплаванию в морях Северного Ледовитого океана. В 2009 г. по его инициативе был создан Национальный парк «Русская Арктика», на территории северной части Северного острова Новой Земли и архипелаге Земля Франца-Иосифа [19]. Деятельность МАКЭ имела конкретные научные задачи и четкую геополитическую направленность. Как говорил П. В. Боярский: «То, что мы там находим, доказывает, что все эти архипелаги и остро-

ва, даже немногие открытые когда-то иностранными подданными, за столетия освоены нами, русскими. Это наша территория! И мы будем ее защищать!» [20].

Таким образом, можно заключить, что развитие науки в Арктике прошло значительный путь, который отражен в большом массиве разнообразных по своей видовой и жанровой принадлежности, тематической направленности публикаций. За столетия пребывания Российского государства в Арктике его отношение к ней от пассивного потребительства трансформировалось к активному созиданию, когда приступили к интеграции региона в экономику страны, когда произошло включение науки в процесс освоения Арктики. Интерес к Арктическому региону в России был стимулирован внешними процессами – зарубежными научными и исследовательскими экспедициями, в том числе и в сопредельных России акваториях.

Индикатором проявления науки как фактора, повлиявшего на геополитические решения в арктическом регионе, стали первые международные проекты научного сотрудничества, такие как Международный полярный год и русско-шведская экспедиция по градусному измерению на архипелаге Шпицберген. Институционализация науки в Арктике была последовательным процессом, происходившим параллельно во всех вовлеченных в исследования Арктики странах, что позволило вывести их на систематизированный и плановый уровни.

В контексте современных геополитических споров о Северном морском пути и арктическом шельфе, когда обозначились амбициозные планы восстановления арктических позиций России, вопросы научного изучения богатых природных ресурсов Арктики и практического применения накопленного за столетие опыта, научных идей и разработок стали предметом постоянного внимания российского правительства. Поэтому для оценки российских претензий на защиту своих интересов в регионе изучение исторического опыта научных исследований историко-культурной и природной среды Арктической зоны Российской Федерации, отраженного в архивных документах и научных трудах XIX–XX вв., является актуальной задачей и заслуживает глубокого и объективного академического исследования.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Ломоносов, М. В. Рассуждение о происхождении ледяных гор в северных морях / М. В. Ломоносов // Ломоносов, М. В. Полное собрание сочинений. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 3. – С. 447–460.
2. Ломоносов, М. В. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию / М. В. Ломоносов // Ломоносов, М. В. Полное собрание сочинений. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 6. – С. 417–498.
3. Heathcote, N. de V. The First International Polar Year / N. de V. Heathcote, A. Armitage // Annals of the International Geophysical Year. Vol. 1. – London: Pergamon Press, 1959. – P. 6–100.
4. Greely, A. W. Handbook of Arctic Discoveries / A. W. Greely. – Boston: Roberts Brothers, 1896. – 257 p.
5. Визе, В. Ю. Международный полярный год / В. Ю. Визе. – Л.: Изд-во Всесоюзного Арктического института при ЦИК СССР, 1932. – 74 с.
6. Менделеев, Д. И. Докладная записка об исследовании Северного полярного океана / Д. И. Менделеев // Советская Арктика. – 1937. – № 6. – С. 17–24.
7. Чернышёв, Ф. Н. О ходе работ экспедиции по градусным измерениям на островах Шпицбергена в 1899–1900 гг.: Речь академика Ф. Н. Чернышёва, читанная в публичном заседании Императорской Академии наук 17 декабря 1900 г. – [СПб.]: Тип. Императорской Академии наук, [1900]. – 52 с.
8. Бровина, А. А. Полярная комиссия АН СССР: к истории изучения европейского Севера России в начале XX века / А. А. Бровина // Исторический журнал: научные исследования. – 2016. – № 3 (33). – С. 336–346.
9. Российский государственный архив экономики. Ф. 3429. Оп. 7. Д. 889.
10. Бровина, А. А. Академия наук СССР и индустриальная модернизация страны: исторический опыт освоения приарктических территорий России (1920–1930-е гг.) / А. А. Бровина // Genesis: исторические исследования. – 2018. – № 7. – С. 57–65.
11. Бровина, А. А. Арктическая экспедиция 1933 г. на ледокольном пароходе «А. Сибиряков»: по материалам личного дневника микробиолога Б. Л. Исаченко / А. А. Бровина, С. Л. Егорова // Вопросы истории естествознания и техники. – 2022. – Т. 43, № 3. – С. 599–616.
12. Белов, М. И. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 1. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века / М. И. Белов; под ред. Я. Я. Гаккеля [и др.]. – Л., 1956. – 592 с.
13. Пинхенсон, Д. М. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 2. Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма / Д. М. Пинхенсон; под ред.: Я. Я. Гаккеля, М. Б. Черненко. – Л., 1962. – 766 с.
14. Белов, М. И. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 3. Советское арктическое мореплавание 1917–1932 гг. / М. И. Белов; под ред.: Я. Я. Гаккеля, М. Б. Черненко. – Л., 1959. – 510 с.
15. Емелина, М. А. Летопись Арктического института: от Севэкспедиции до ГНЦ РФ ААНИИ, 1920–2020 гг. История полярных исследований: в 2 т. / М. А. Емелина, М. А. Савинов, П. А. Филин. – М., 2020–2021. – Т. 1. – 824 с.; – Т. 2. – 904 с.
16. Междуведомственной комиссии по проблемам Севера – 15 лет // Летопись Севера. Т. V. – М., 1971. – С. 6–26.
17. Славин, С. В. Основные вопросы повышения эффективности развития и размещения производительных сил Севера СССР / С. В. Славин // Проблемы Севера. Вып. 16. – М., 1972. – С. 5–27.
18. Тимошенко, А. И. Трансформации в российской государственной политике освоения Арктики и Северного морского пути (XVIII–XXI вв.) / А. И. Тимошенко // Го-

сударственная политика России в Арктике: стратегия и практика освоения в XVIII–XXI вв: сб. науч. тр. / отв. ред. В. А. Ламин. – Новосибирск: Сибирское науч. изд-во, 2012. – С. 4–35.
19. Труды Морской арктической комплексной экспедиции / под общ. ред. П. В. Боярского. – М., 1993–2006.
20. Физик и лирик. История неутомимого исследователя Арктики Петра Боярского. – URL: https://aif.ru/society/people/fizik_i_lirik_istoriya_neutomimogo_issledovatelya_arktiki_petra_boyarskogo (дата обращения: 12.09.2025).

References

1. Lomonosov, M. V. [Rassuzhdenie o proiskhozhdenii ledyanykh gor v severnykh moryakh] [Discussion about the origin of the ice mountains in the northern seas] / M. V. Lomonosov // Lomonosov M. V. Polnoe sobranie sochinenij [Complete collection of works]. – Moscow; Leningrad: USSR Ac. Sci. Publ., 1952. – Vol. 3. – P. 447–460.
2. Lomonosov, M. V. Kratkoe opisanie raznykh puteshestvij po severnym moryam i pokazanie vozmozhnogo prokhodu Sibirskim okeanom v Vostochnuyu Indiyu [Brief description of various trips across the northern seas and an indication of the possible passage of the Siberian Ocean to East India] / M. V. Lomonosov // Lomonosov M. V. Polnoe sobranie sochinenij [Complete collection of works]. – Moscow; Leningrad: USSR Ac. Sci. Publ., 1952. – Vol. 6. – P. 417–498.
3. Heathcote, N. de V. The First International Polar Year / N. de V. Heathcote, A. Armitage // Annals of the International Geophysical Year. Vol. 1. – London: Pergamon Press, 1959. – P. 6–100.
4. Greely, A. W. Handbook of Arctic Discoveries / A.W. Greely. – Boston: Roberts Brothers, 1896. – 257 p.
5. Vize, V. Yu. Mezhdunarodnyj polyarnyj god [International Polar Year] / V. Yu. Vize. – Leningrad: Publishing House of the All-Union Arctic Institute under the Central Executive Committee of the USSR, 1932. – 74 p.
6. Mendeleev, D. I. Dokladnaya zapiska ob issledovanii Severnogo polyarnogo okeana [Report on the exploration of the Arctic Ocean] / D. I. Mendeleev // Sovetskaya Arktika [Soviet Arctic]. – 1937. – No. 6. – P. 17–24.
7. Chernyshyov, F. N. O khode rabot ekspedicii po gradusnym izmereniyam na ostrovakh Shpicbergena v 1899–1900 gg.: Rech` akademika F.N. Chernyshyova, chitannaya v publichnom zasedanii Imperatorskoj Akademii nauk 17 dekabrya 1900 g. [On the progress of the expedition's work on degree measurements on the islands of Svalbard in 1899-1900: Speech by Academician F. N. Chernyshyov, read at a public meeting of the Imperial Academy of Sciences on December 17, 1900] / F. N. Chernyshyov. – [St. Petersburg]: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, [1900]. – 52 p.
8. Brovina, A. A. Polyarnaya komissiya AN SSSR: k istorii izucheniya evropejskogo Severa Rossii v nachale XX veka [Polar Commission of the USSR Academy of Sciences: on the history of the study of the European North of Russia in the early XX century] / A. A. Brovina // Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya [Historical J.: scientific research]. – 2016. – № 3(33). – P. 336–346.
9. Rossijskij gosudarstvennyj arkhiv ekonomiki [Russian State Archive of Economics]. F. 3429. Op. 7. D. 889.
10. Brovina, A. A. Akademiya nauk SSSR i industrialnaya modernizaciya strany: istoricheskij opyt osvoeniya priarkticheskikh territorij Rossii (1920–1930-e gg.) [The USSR Academy of Sciences and the industrial modernization of the country: the historical experience of the development of the Arctic territories of Russia (1920-1930s)] / A. A. Brovina // Genesis: istoricheskie issledovaniya [Genesis: historical research]. – 2018. – № 7. – P. 57–65.
11. Brovina, A. A. Arkticheskaya ekspediciya 1933 g. na ledokolnom parokhode «A. Sibiryakov»: po materialam lichnogo dnevnika mikrobiologa B. L. Isachenko [The Arctic expedition of 1933 on the icebreaking steamer «A. Sibiryakov»: based on the materials of the personal diary of microbiologist B. L. Isachenko] / A. A. Brovina, S. L. Egorova // Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki [Questions of the history of natural science and technology]. – 2022. – Vol. 43, № 3. – P. 599–616.
12. Belov, M. I. Istoriya otkrytiya i osvoeniya Severnogo morskogo puti. T. 1. Arkticheskoe moreplavanie s drevnejshikh vremen do serediny XIX veka [The history of the discovery and development of the Northern Sea Route. Vol. 1. Arctic navigation from ancient times to the mid-XIX century] / M. I. Belov; Ed. Ya. Ya. Gakkel [et al.]. – Leningrad, 1956. – 592 p.
13. Pinkhenson, D. M. Istoriya otkrytiya i osvoeniya Severnogo morskogo puti. T. 2. Problema Severnogo morskogo puti v epokhu kapitalizma [The history of the discovery and development of the Northern Sea Route. Vol. 2. The problem of the Northern Sea Route in the era of capitalism] / D. M. Pinkhenson; Eds. Ya. Ya. Gakkel, M. B. Chernenko. – Leningrad, 1962. – 766 p.
14. Belov, M. I. Istoriya otkrytiya i osvoeniya Severnogo morskogo puti. T. 3. Sovetskoe arkticheskoe moreplavanie 1917-1932 gg. [The history of the discovery and development of the Northern Sea Route. Vol. 3. Soviet Arctic navigation 1917-1932] / M. I. Belov; Eds. Ya. Ya. Gakkel, M. B. Chernenko. – Leningrad, 1959. – 510 p.
15. Emelina, M. A. Letopis` Arkticheskogo instituta: ot Sevekspedicii do GNC RF AANII, 1920–2020 gg. Istoriya polyarnykh issledovanij [The Chronicle of the Arctic Institute: from the Northern expedition to the State Scientific Center of the Russian Federation - Arctic and Antarctic Research Institute, 1920–2020. History of polar research]. In 2 vols / M. A. Emelina, M. A. Savinov, P. A. Filin. – Moscow, 2020–2021. – Vol. 1. – 824 p.; – Vol. 2. – 904 p.
16. Mezhvedomstvennoj komissii po problemam Severa – 15 let [Interdepartmental Commission on the Problems of the North – 15 years] // Letopis` Severa [Chronicle of the North]. Vol. V. – Moscow, 1971. – P. 6–26.
17. Slavin, S. V. Osnovnye voprosy povysheniya effektivnosti razvitiya i razmeshchheniya proizvoditel`nykh sil Severa SSSR [The main issues of increasing the efficiency of development and deployment of productive forces in the

North of the USSR] / S. V. Slavin // Problemy Severa [Problems of the North]. Issue 16. – Moscow, 1972. – P. 5–27.
18. Timoshenko, A. I. Transformacii v rossijskoj gosudarstvennoj politike osvoeniya Arktiki i Severnogo morskogo puti (XVIII-XXI vv.) [Transformations in the Russian state policy of development of the Arctic and the Northern Sea Route (XVIII-XXI centuries)] / A. I. Timoshenko // Gosudarstvennaya politika Rossii v Arktike: strategiya i praktika osvoeniya v XVIII-XXI vv. [State Policy of Russia in the Arctic: strategy and practice of development in the XVIII-XXI centuries]. Collection of sci. papers / Ed. V. A. Lamin. – Novosibirsk: Siberian Scientific Publ. House, 2012. – P. 4–35.
19. Trudy Morskoj arkticheskoj kompleksnoj ekspedicii [Proc. of the Arctic Marine Complex Expedition] / Ed. P. V. Boyarsky. – Moscow, 1993–2006.
20. Fizik i lirik. Istoriya neutomimogo issledovatelya Arktiki Petra Boyarskogo. [Physicist and lyricist. The story of the tireless Arctic explorer Pyotr Boyarsky] – URL: https://aif.ru/society/people/fizik_i_lirik_istoriya_neutomimogo_issledovatelya_arktiki_petra_boyarskogo (accessed: 12.09.2025).

Благодарность (госзадание):

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания по теме НИР № 1022041400015-8-6.1.1 «Наука на Севере России как основа устойчивого развития регионов Европейского Севера и Арктической зоны РФ».

Acknowledgments (state task)

The paper was prepared within the frames of the state task on the research theme No. 1022041400015-8-6.1.1 «Science in the Russian North as a basis for sustainable development of the regions of the European North and the Arctic Zone of the Russian Federation».

Информация об авторе:

Бровина Александра Александровна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий Отделом гуманитарных междисциплинарных исследований Федерального исследовательского центра Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID: 0000-0001-6223-437X, SPIN-код: 4564-4223 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 24; e-mail: brovina@frc.komisc.ru).

Author:

Aleksandra A. Brovina – Dr. Sci. (History), Chief Researcher, Head of the Department of Humanitarian Interdisciplinary Research at the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences ; ORCID: 0000-0001-6223-437X, SPIN-code: 4564-4223 (24, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: brovina@frc.komisc.ru).

Для цитирования:

Бровина, А. А. Исторический опыт научных исследований историко-культурной и природной среды Арктической зоны Российской Федерации / А. А. Бровина // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 3 (88). – С. 172–179.

For citation:

Brovina, A. A. Historical experience of scientific research of the historical, cultural and natural environment of the Arctic zone of the Russian Federation / A. A. Brovina // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «History and Philology». – 2026. – № 3 (88). – P. 172–179.

Дата поступления статьи: 24.12.2025
Прошла рецензирование: 24.12.2025
Принято решение о публикации: 30.01.2026
Received: 24.12.2025
Reviewed: 24.12.2025
Accepted: 30.01.2026

УДК 94+929(470.21)
DOI 10.19110/1994-5655-2026-3-180-185

Медный завод Русинга: очерк истории открытия и добычи медной руды в Русской Лапландии в XVIII веке

Петровский М. Н.

Геологический институт ФИЦ Кольского НЦ РАН,
г. Апатиты
petrovsk2@rambler.ru

Аннотация

В историографии горных промыслов Русской Лапландии получили распространение следующие заблуждения: медные руды на р. Русинга открыты в 1732 г. понойским крестьянином Г. Звонковым; их разработкой в 1735 г. занялись архангелогородские купцы Ф. Чирцов, Е. Собинский и Ф. Прядунов; в 1739 г., по воле Э. Бирона, медный завод Русинга был отобран у вышеупомянутых купцов и отдан К. А. фон Шёнбергу. Также считается, что медная руда была бедная и что из нее было выплавлено только 126 пудов 15,5 фунтов красной меди, а ее себестоимость составляла 343 руб. 30 коп. за пуд. Эти утверждения противоречат содержанию делопроизводительных документов, сохранившихся в фондах Берг-коллегии и Сената Российского государственного архива древних актов. В статье, на основании выявленных источников, автор рассказывает, кем и когда были в действительности открыты медные руды р. Русинга и что это были за руды. Почему первооткрывателям было отказано в бергпривилегии. Сколько было израсходовано денег на строительство Лапландских заводов (Русингского по добыче медной руды и Шаговского медеплавильного) К. А. фон Шёнбергом. Сколько на самом деле было добыто медной руды и выплавлено меди.

Ключевые слова:

Русская Лапландия, XVIII век, медный завод Русинга, Елизар Ерофеев, Фёдор Мырцов, Курт Александр фон Шёнберг

The Rusinga Copper Factory: an outline of the history of the discovery and mining of copper ore in Russian Lapland in the XVIII century

Petrovsky M. N.

Geological Institute of the Federal Research Centre Kola Science Center, Russian Academy of Sciences,
Apatity
petrovsk2@rambler.ru

Abstract

The following misconceptions have become widespread in the historiography of mining in Russian Lapland: copper ores on the Rusinga River were discovered in 1732 by the Ponoy peasant G. Zvonkov; their development was undertaken in 1735 by the Arkhangelsk merchants F. Chirtsov, E. Sobinsky, and F. Pryadunov; in 1739, by order of E. Biron, the Rusinga copper factory was taken from the aforementioned merchants and given to K. A. von Schönberg. It is also believed that the copper ore was poor, yielding only 126 poods (15.5 pounds) of red copper at a cost of 343 rubles 30 kopecks per pood. These claims contradict the contents of the official documents preserved in the collections of the Berg-Collegium and the Senate of the Russian State Archive of Ancient Acts. This paper, based on the sources identified, explains who actually discovered the Rusinga copper ores, when, and what kind of ores they were. Why the discoverers were denied mining privileges. How much money was spent on the construction of the Lapland plants (the Rusinga copper ore mining plant and the Shagovsky copper smelter) by K. A. von Schönberg. How much copper ore was actually mined and smelted.

Keywords:

Russian Lapland, XVIII century, Copper factory, Rusinga, Elizar Erofeev, Fyodor Myrtsov, Kurt Alexander von Schönberg

В 1739–1742 гг. на Терском берегу Кольского п-ва у устья р. Русинга работал Русингский медный горный завод, на котором производилась добыча медной руды как из кварц-кальцитовых жил, так и из вмещающих их зеленых сланцев. Плавка добытой руды осуществлялась на Шаговском медеплавильном заводе, имевшем пять печей для плавки и располагавшемся в урочище Валдушки в окрестностях Архангельска. Русингский и Шаговский заводы имели общее название – Лапландские медные заводы [1, с. 55; 2, с. 105]. Заводы были построены в 1739 г. «Берг-компанией», созданной генерал-берг-директором К. А. фон Шёнбергом. Здесь, хотя бы кратко, стоит остановиться на том, что в российской историографии принято, еще со времен В. Н. Татищева, негативно относится к деятельности «Берг-компании» и К. А. фон Шёнберга [3]. Но в то же время мнение, распространенное В. Н. Татищевым, необходимо рассматривать как предвзятое. Ведь, в принципе, К. А. фон Шёнбергу удалось сделать то (приватизировать казенные горные заводы), чего сам В. Н. Татищев, да и не только он (приватизировать казенные заводы, например, хотел и Г. В. де Геннин), добивался с весны 1724 г. – но потерпел неудачу [4]. Между тем, в историографии XVIII – начала XIX в., посвященной деятельности горной промышленности Российской империи, историю деятельности «Берг-компании» и причины опалы Шёнберга старались не рассматривать. Так, П. фон Гавен, очевидец событий, писал, что он об этом не рассказывает, потому что эту историю будет неприятно читать как императрице

Елизавете, так и другим лицам [5, p. 283–284]. А. Шлёцер указывал, что эта история настолько глупая, что он не хочет о ней говорить [6, p. 121]. Академик И. Ф. Герман и вовсе уклонился от ответа без объяснения причин [7]. В 60-х гг. XIX в. А. Ф. Гёбель реконструирует историю деятельности «Берг-компании» и Шёнберга [8], но его труд не был, да и не мог быть, издан по цензурным соображениям. В дальнейшем Лапландские заводы, как правило, лишь кратко упоминаются в контексте сугубо отрицательной деятельности Шёнберга в России [9, с. 439, 463–465; 109–110; 10, с. 147; 11, с. 131, 399; 12, с. 178]. Исключением являются: работа Я. А. Балагурова [1], в которой автор рассматривает историю формирования рабочих кадров Лапландских заводов; небольшая научно-популярная статья И. Ф. Ушакова [13], в ней автор кратко изложил историю заводов и привел ряд ошибочных сведений (руда открыта в 1732 г. понойским крестьянином Г. Звонковым; разработкой этих руд занялись в 1735 г. архангелогородские купцы Ф. Чирцов, Е. Собинский и Ф. Прядунов; меди выплавлено 126 пуд. 15,5 фунт.; себестоимость пуда меди – 343 руб. 30 коп.; руды Русенги были крайне бедными, а Шёнберг – авантюрист). Утверждения И. Ф. Ушакова противоречат делопроизводительным документам, хранящимся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА).

Историографический анализ показывает, что деятельность Лапландских заводов практически не изучена, хотя она является важной вехой в истории становления горного дела в России. Данная статья призвана частично восполнить данный пробел. Основной источниковой базой для ее написания послужила делопроизводственная документация, хранящаяся в РГАДА в фондах Берг-коллегии и Сената и разряда Финансы. Обратимся к этим документам.

Медная руда была открыта летом 1736 г. «загородом Архангельским в Лапонии близе Трех островов в губе Русениха» архангелогородским купцом Елизаром Ерофеевым и лисестровской волости крестьянином Федором Мырцовым. О своей находке они «объявили» в Кабинет министров в начале января 1737 г. и тогда же подали прошение о получении привилегии на разработку этих руд [14, л. 232]. Но именным указом от 27 января (7 февраля) 1737 г. им разрешалось заниматься только поисками руд: «…по прошению оных Ерофеева и Мырцова, по сей Горной привилегии в обысканных и в протчих местах где поделают, велено им всякие металлы приискивать и копать невозбранно и если приищут какие руды, то по силе указа 1720 году фунтов по пяти с описанием присылать в Генерал-берг-директориум» [там же, Л. 232 об.; 15]. Обнаруженная руда располагалась на вершине Высокого холма в четырех верстах к югу от р. Русинга.

В июле 1737 г. найденный «рудный флёц» был осмотрен генерал-берг-директором К. А. фон Шёнбергом и признан богатым – состоящим из медной зелени (малахит) с «примазкою купфер черни (тенорит)» и содержащим «37 фунтов чистой меди на центнер руды», т. е. 37 фунтов меди в 100 фунтах руды; помимо меди в руде было обнаружено и серебро [14, л. 232 об.]. Руда была очень богатая даже для тех времен, когда разрабатывались месторождения со средним содержанием меди около 15 %.

После осмотра, но еще до своего возвращения из поездки в Русскую Лапландию, Шёнберг 7 (18) августа отправил доношение Анне Иоанновне, в котором предлагал построить на р. Русинга казенный медный завод. Но Кабинет министров предложил сначала провести более детальное изучение открытых руд и «сделать исчисление, приложа все прочие расходы какими ценами, медь станет <…>, а без того начинать не надлежит, дабы вместо прибыли, не сделалось наивящшаго убытка» [16, № 7393, с. 310–311]. Об этом гласил именной указ от 3 (14) октября 1737 г. В этом указе оговаривалось и то, что также необходимо решить, какой лучше завод поставить – медный или серебряный. В связи с этим указом, для более детального изучения месторождения, в Три Острова была отправлена экспедиция во главе с берггауптманом Н. фон Псиландерхильмом – известным шведским минералогом, принятым на службу в российскую Берг-коллегию в марте 1736 г.

20 ноября (1 декабря) 1737 г. экспедиция прибыла в Трёхостровье. Здесь Н. фон Псиландерхильм установил, что открытый рудный флёц является верхним и не распространяется на глубину, т. е. не имеет перспектив к разработке. К такому выводу он пришел исходя из того, что Е. Ерофеев и Ф. Мырцов, не дождавшись разрешения на добычу, с августа 1737 г. начали разработку медной руды (ее добычу проводили понойские крестьяне, возглавляемые Г. Звонковым). Всего к 30 декабря 1737 г. ими было добыто 5 тыс. пудов (82 т) руды и из них 3 тыс. пудов (49 т) уже было доставлено в Архангельский город, а руда в этом флёце была практически исчерпана [14, л. 233].

Но Псиландерхильм обнаружил ряд новых рудных жил как на берегу самой р. Русенга, так и на берегу моря к северу от нее. В своем доношении в Генерал-берг-директориум он указал, что, в отличие от руды, найденной Е. Ерофеев и Ф. Мырцов, обнаруженные им руды были «свежими», имели большую мощность и вертикальное падение: «А что под оной горой многие богатые медные жилы являлись, то явили мы старание. Прямую жилу сыскали, которая в вышину горы пошла и такую жилу посчастию их без кварца и шпата, толщиной в три четверти аршина (53,4 см), под берегом означенной речки внизу и с принадлежащим той жиле падением подошвенным камня нашли и оная жила в горе медная суть. С веста к нордосту простирание ея в сто саженей (213 м) при свидетельстве же этой жилы нашли. Нашли же в ней свинцовый признак (галенит) з блендою (сфалерит) з блейчкупферерц (теннантит-тетраэдрит) и пестрою медною рудою (борнит) и медной колчедан (халькопирит), тако же свежую медь (самородная медь), такую руду из таких сортов, которые во флеце не показаны. Притом пошли для подлинного свидетельства оной новосысканной жилы на гору, и ходя горной лозой изобрели более ста сажень, что та жила свое прямое простирание имеет, и по местам богата она в толщину оказывалась. Сверх того многие маленькие жилы из оста в вест и между остнордом и вестзюйдом к той жиле склонялись и которые все являлись изрядные и богатые быть» [там же, л. 233 об.]. Пробная плавка привезенных образцов показала, что в руде содержится «43 фунта чистой меди на центнер».

В конце марта 1738 г. Ерофеев и Мырцов опять обратились в Кабинет министров с просьбой дать им привилегию на разработку медной руды и строительство медеплавильного завода в Трёхостровье. На заседании 19 (30) апреля Генерал-берг-директориум рассмотрел челобитную рудооткрывателей. На основании того, что хотя Ерофеев и Мырцов нашли в Лапландии медные руды, но так как главные рудные жилы были открыты людьми Генерал-берг-директориума, просителям было отказано в привилегии. В резолюции для Кабинета министров к тому же указывалось, что: «…к тому же то место по сей стороне Белого моря, где помянутыя Мырцов с товарищем плавильной завод построить намерены, такого положения, что на оном больше одной или двух печей построить невозможно, из которого явствует что они ни довольного и потребного мнения, ни охоты, ни всесильной руки производить оную горную работу не имеют и хотя б они впредь и более печей построить хотели, то они по генеральной привилегии более уволнительных годов требовать иметь будут и таким бы образом от столь надежных и богатых руд казне Ея Императорского Величества никакой прибыли недостанетца» [там же].

Генерал-берг-директориум также уведомлял Кабинет министров, что «Для доброты вышеобъявленных руд надлежит на тех местах работу производить казенным коштом, или оные отдать партикулярным людем, таким же которые б могли для доброты тех руд сильною рукою разрабатывать на таких кондициях, от которых бы могла наивящая казне Ея Императорского Величества прибыль быть, а не на таких, как прежде сего отдавалисе» [там же, л. 234–234 об.].

Что же касается рудооткрывателей, то было решено выплатить им вознаграждение в размере потраченных компаньонами денег на поиски и добычу руды. К этим же деньгам, согласно 9 пункту «Берг-привилегии», добавить денег из расчета 4 руб. за гривенку (204,75 г) чистой меди, сколькое ее получается из пуда руды. В данном случае, при содержании 37 фунтов на 1 ц, это 60 руб. добавки.

3 (14) марта 1739 г. привилегию на разработку месторождения получил К. А. фон Шёнберг [16, № 7767, с. 739–741] и сразу же приступил к строительству Лапландских медных заводов. Всего на обустройство и оплату работ на заводах к июню 1742 г. было истрачено 104 974 руб. 91¼ коп. (на завод Русинги – 26 483 руб., на Шаговский завод – 78 491 руб. 91¼ коп.). Из них: 50 тыс. руб. были даны Анной Иоанновной; Карл и Густов Бироны вложили 7 тыс. руб.; остальное это личные деньги К. А. фон Шёнберга и деньги, занятые им у непоименованных частных лиц. Здесь примечательно то, что герцог Эрнст Бирон не вложил ни копейки своих денег в «Берг-компанию» [17, 18].

В итоге к 25 июня (6 июля) 1742 г., времени ареста К. А. фон Шёнберга, на заводе Русинга было пройдено 27 горных выработок. Согласно сохранившимся чертежам этих выработок, их общая протяженность составила 435,37 м (шахтные стволы – 87,15 м; штольни, штреки и гезенки – 348,22 м). Среднее сечение выработок: стволов 2 х 2 кв. лахтера (4 х 4 м^2); горизонтальных и наклонных выработок – 1,2 х 2 кв. лахтера (2,4 х 4 м^2) [19]. Исходя из этих данных, мной был оценен объем извлеченной породы, он равен 4737,31 м^3. При средней плотности извлеченных пород 3 тыс. кг/м^3 это составит 14 211,40 т (867 530,57 пуд.).

Добываемая руда, как можно видеть из легенд к чертежам завода [там же], состояла из следующих минералов: главные – *Gediegen Kupfer* (самородная медь), *Retb Kupfererz* (красная медная руда, или куприт), *Kupferglanz* (медный блеск, или халькозин), *Kupfergrün* (медная зелень, или малахит), *Kupferschwarze* (медная чернь, или теннорит); второстепенные – *Buntes Kupfererz* (пестрая медная руда, или борнит), *Kupferkies* (медный колчедан, или халькопирит), *Fahlerz, Bleichkupfererz* (блеклая медная руда, или теннантит-тетраэдрит), *Silber* (самородное серебро), *Bleiglanz* (свинцовый блеск, или галенит), *Blende* (цинковая обманка, или сфалерит), *Galmey* (галмей, или смитсонит, этого минерала в шахтах № 9 и 21 было настолько много, что из добытой руды сразу выплавляли латунную медь), *Gold* (самородное золото, оно было найдено только в штреке № 27, отходящем от шахты № 24).

Согласно ведомостям [20], на р. Русинга к июню 1742 г. было добыто 63 558 пуд. (1041,17 т) медной руды, т. е. на руду пришлось около 7,33 %. Всего на Шаговском заводе было переплавлено 56 236 пуд. (921,23 т) руды, при этом получено 15 746 пуд. (257,94 т) меди. Следовательно, среднее содержание меди в переработанной руде составило 28 %. Остаток из добытой руды хранился частью на р. Русинга (3028 пуд., или 49,61 т), а частью на Шаговском заводе (4294 пуд., или 70,34 т плохой руды). Исходя из вышеприведенных чисел, 1 пуд меди обошелся в 104 974,9125 руб. / 15 746 пуд. = 6,67 руб./пуд. Хотя в начале строительства заводов Псиландерхильм и Шёнберг рассчитывали, что себестоимость 1 пуд. меди будет равна 4 руб. Во время следствия Сенат установил, что к июню 1742 г. полученная медь не продавалась, но по представленным Е. Мейером ведомостям [20, 21] «Берг-компанией» Шёнберга было: поставлено на Красносельский латунный завод Я. фон дер Зандена 665 пуд. латунной меди на сумму 6363 руб. 53½ коп. (9,57 руб. пуд); в Петербург доставлено для продажи 10 053 пуд. 25 фунтов чистой меди на сумму 75 тыс. руб. (6,70 руб. пуд); в Архангельске подготовлено для отправки в Петербург 4951 пуд. 15 фунт. меди на сумму 37 500 руб. (6,70 руб. пуд); на Шаговском заводе хранилось 76 пуд. меди на сумму 509 руб. 20 коп. (6,70 руб. пуд). Суммарная стоимость меди составила 119 372 руб. 75½ коп. Эта медь была зачтена Сенатом в счет долгов Шёнберга. Таким образом разница между затратами на Лапландские заводы и стоимостью полученной меди составила 14 497 руб. 82¼ коп. Эту разность можно считать прибылью предприятия.

Возникшие у Сената в начале следствия вопросы к Шёнбергу о деятельности Лапландских заводов были сняты в январе 1743 г., это отмечал еще В. П. Рожков [10, с. 147]. Эти вопросы возникли из-за того, что в начале следствия Сенат не располагал сведениями о полученной меди. Да еще возникло заблуждение, что себестоимость 1 пуда меди составила фантастические 343 руб. 30 коп. Это произошло из-за того, что на первом этапе следствия на Шаговском заводе из хранящихся там 4294 пуд. плохой руды, было проплавлено 1020 пуд. и получено 4,9 пуд. чистой меди [21], т. е. содержание меди в руде 0,48 фунта

на 1 ц. Соответственно, из добытых 63 558 пуд. руды можно получить 305,78 пуд. меди. Отсюда себестоимость пуда меди 104 974,9125 руб. / 305,78 пуд. = 343,30 руб./пуд. А вот сколько было добыто серебра и золота, и куда они были потрачены? – сведений в документах нет. По каким-то причинам вопросы о серебре и золоте Лапландских заводов Шёнбергу и Мейеру Сенат не задавал. Можно предположить, что серебра на р. Русинга было добыто меньше, чем на Медвежьем острове, а золота присутствовало в виде единичных находок, и их стоимость не шла ни в какое сравнение со стоимостью меди.

В заключение можно сделать следующие выводы. Первая находка медной руды была совершена архангелогородцами Е. Ерофеевым и Ф. Мырцовым, но главные и богатые руды, послужившие основанием для строительства заводов, обнаружены экспедицией Генерал-берг-директориума, что и стало причиной отказа первооткрывателям в получении берг-привилегии. Во время работы Лапландские заводы давали в год в среднем 86 т меди, что аналогично производительности медных заводов Урала, хотя себестоимость меди на последних была ниже, 4–5 руб. за пуд. Данное обстоятельство не позволяет обвинить Шёнберга в авантюризме в связи со строительством Лапландских заводов. Но за три года работы богатые руды были исчерпаны, доношение Псиландерхильма о «пресечении» на р. Русинга медной руды поступило в Сенат 7 (18) октября 1742 г. [22]. Таким образом, на р. Русинга с медью повторилась та же история, что и на Медвежьем острове с серебром, руды были богатыми, но их оказалось мало.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Балагуров, Я. А. Формирование рабочих кадров Олонецких Петровских заводов (первая половина XVIII века) / Я. А. Балагуров. – Петрозаводск: Гос. изд. К.-Ф. ССР, 1955. – 119 с.
2. Петровский, М. Н. Открытие аметистов Беломорского побережья Русской Лапландии: исторические реалии / М. Н. Петровский // ВИЕТ. – 2025. – Т. 46, № 1. – С. 98–123.
3. Петровский, М. Н. К истории горнозаводского дела в Русской Лапландии XVIII века / М. Н. Петровский // Труды Кольского НЦ РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. – 2022. – Т. 1, № 1. – С. 104–120.
4. Юхт, А. И. Проекты В. Н. Татищева 1721–1726 гг. о развитии промышленности и торговли на Урале и в Сибири / А. И. Юхт // История и историки: историографический ежегодник 1971. – М.: Наука, 1973. – С. 293–330.
5. Havens (von) P. Nye og forbedrede Efterrætninger om det Russiske Rige efter nöyere Kundskab Som han har indsamlet paa hans Sidste Reyse. Förste Deel / P. von Haven – Kiöbenhavn, Aar: Trykt paa Autors egen Bekoftning, 1747. – 548 p.
6. Schlözer (von) A. L. Münz-, Geld-, und Bergwerks-Geschichte des Russische Kaiserthums, vom J. 1700 bis 1789. Meist aus Urkunden beschriben / A. L. von Schlözer. – Göttingen: im Verlag bei Vandenhek und Rupreht, 1791. – 216+128 p.
7. Герман, И. Ф. Историческое начертание горного производства в Российской империи. Ч. 1: О первом начале горного дела в России до царствования императрицы Елизаветы Петровны / И. Ф. Герман. – Екатеринбург: Горн. Тип., 1810. – 223 с.
8. Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 25. Оп. 1. Д. 106–108.
9. Рожков, В. П. Берг-компания на Магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии / В. П. Рожков // Горный журнал. – 1885. – № 6–7. – С. 101–140; 435–466.
10. Рожков, В. П. Материалы к истории горного промысла в царствование императрицы Елизаветы Петровны / В. П. Рожков // Горный журнал. – 1891. – № 1. – С. 133–153.
11. Павленко, Н. И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века / Н. И. Павленко. – М.: АН СССР, 1953. – 539 с.
12. Кузин, А. А. История открытия рудных месторождений в России / А. А. Кузин. – М.: АН СССР, 1961. – 340 с.
13. Ушаков, И. Ф. Избранные произведения. Т. 3. Кольская старина / И. Ф. Ушаков. – Мурманск: Мурм. книж. изд., 1998. – С. 183–190.
14. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 271. Оп. 1. ч. 1. Ед. хр. 193. Л. 232–235.
15. РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Ед. хр. 1507. Л. 33–34.
16. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 10: 1737–1739. – СПб.: Тип. II Отд. Соб. ЕИВ Канц., 1830. – 995 с.
17. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. ч. 1. Ед. хр. 55. Л. 40–43, 49–52, 200–203.
18. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. ч. 2. Ед. хр. 1090. Л. 1–18.
19. РГАДА. Ф. 271. Оп. 3. Ед. хр. 96–110.
20. РГАДА. Ф. 19. Р. XIX. Оп. 1. Ед. хр. 82. Л. 1–131.
21. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. ч. 1. Ед. хр. 79. Л. 41–44.
22. РГАДА. Ф. 248. Оп. 16. Ед. хр. 937. Л. 208–210.

References

1. Balagurov, Ya. A. Formirovaniye rabochikh kadrov Olonetskikh Petrovskikh zavodov (Pervaya polovina XVIII veka) [Formation of the workforce of the Olonetsky Petrovsky factories (first half of the XVIII century)] / Ya. A. Balagurov. – Petrozavodsk: Gosudarstvennoye izdatelstvo Karelo-Finskoy SSR [State Publishing House of the Karelo-Finnish SSR], 1955. – 119 p.
2. Petrovsky, M. N. Otkrytiye ametistov Belomorskogo poberezh'ya Russkoy Laplandii: istoricheskiye realii [Discovery of amethysts on the White Sea coast of Russian Lapland: historical realities] / M. N. Petrovsky // Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki [Questions of the history of natural science and technology]. – 2025. – Vol. 46. – No. 1. – P. 98–123.
3. Petrovsky, M. N. K istorii gornozavodskogo dela v Russkoy Laplandii XVIII veka [To the history of mining-industrial business in Russian Lapland of the XVIII century] / M. N.

Petrovsky // Trudy Kolskogo nauchnogo tsentra RAN. Seriya: Estestvennyye i gumanitarnyye nauki [Transactions of the Kola Science Centre. Series: Natural Sciences and Humanities]. – 2022. – Vol. 1, No. 1. – P. 104–120.
4. Yukht, A. I. Proyekty V. N. Tatishcheva 1721–1726 gg. o razvitii promyshlennosti i torgovli na Urale i v Sibiri [Projects of V. N. Tatishchev 1721–1726 on the development of industry and trade in the Urals and Siberia] / A. I. Yukht // Istoriya i istoriki. Istoriograficheskiy yezhegodnik 1971 [History and historians. Historiographical Yearbook 1971]. – Moscow: Nauka, 1973. – P. 293–330.
5. Havens (von) P. Nye og forbedrede Efterrætninger om det Russiske Rige efter nöyere Kundskab Som han har indsamlet paa hans Sidste Reyse. Förste Deel / P. von Haven – Kiöbenhavn, Aar: Trykt paa Autors egen Bekoftning, 1747. – 548 p.
6. Schlözer (von) A.L. Münz-, Geld-, und Bergwerks-Geschichte des Russische Kaiserthums, vom J. 1700 bis 1789. Meist aus Urkunden beschriben / A. L. von Schlözer. – Göttingen: im Verlag bei Vandenhek und Rupreht, 1791. – 216+128 p.
7. German, I. F. Istoricheskoye nachertaniye gornogo proizvodstva v Rossiyskoy imperii. Ch. 1: O pervom nachale gornogo dela v Rossii do tsarstvovaniya imperatritsy Elizavety Petrovsny [Historical outline of mining production in the Russian Empire. Part 1: On the first beginnings of mining in Russia before the reign of Empress Elizaveta Petrovna] / I. F. German. – Ekaterinburg: Gornaya Tipografiya [Minimg Printing House], 1810. – 223 p.
8. Sankt-Peterburgskii filkial arhiva RAN [St. Petersburg Branch of the Russian Academy of Sciences archive]. F. 25. Op. 1. D. 106–108.
9. Rozhkov, V. P. Berg-kompaniya na Magnitnoy gore Blagodati v Sibiri i na Medvezh'ikh ostrovakh v Laplandii [Berg Company on Magnetic Mountain of Grace in Siberia and on the Bear Islands in Lapland] / V. P. Rozhkov // Gornyy zhurnal [Minimg J.]. – 1885. – No. 6–7. – P. 435–466; 101–140.
10. Rozhkov, V. P. Materialy k istorii gornogo promysla v tsarstvovaniye imperatritsy Elizavety Petrovny [Materials for the history of mining during the reign of Empress Elizaveta Petrovna] / V. P. Rozhkov // Gornyy zhurnal [Mining Journal]. – 1891. – № 1. – P. 133–153.
11. Pavlenko, N. I. Razvitiye metallurgicheskoy promyshlennosti Rossii v pervoy polovine XVIII veka [Development of the metallurgical industry of Russia in the first half of the XVIII century] / N. I. Pavlenko. – Moscow: USSR Ac. Sci. Publ., 1953. – 539 p
12. Kuzin, A. A. Istoriya otkrytiya rudnykh mestorozhdeniy v Rossii [History of the discovery of ore deposits in Russia] / A. A. Kuzin. – Moscow: USSR Ac. Sci. Publ., 1961. – 340 p.
13. Ushakov, I. F. Izbrannyye proizvedeniya. T. 3. Kolskaya starina [Selected Works. Vol. 3. Kola Antiquity] / I. F. Ushakov. – Murmansk: Murmansk Book Publ. House, 1998. – P. 183-190.
14. Rossiiskii gosudarstevnnii arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 271. Op. 1. ch. 1. Ed. khr. 193. L. 232–235.
15. Ibid. F. 248. Op. 22. Ed. khr. 1507. L. 33–34.
16. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Vol. 10: 1737–1739. – St. Petersburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii [Printing House of the II Department of Her Imperial Majesty's Chancellery], 1830. – 995 p.
17. Rossiiskii gosudarstevnnii arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 271. Op. 1. ch. 1. Ed. khr. 55. L. 40–43, 49–52, 200–203.
18. Ibid. F. 271. Op. 1. ch. 2. Ed. khr. 1090. L. 1–18
19. Ibid. F. 271. Op. 3. Ed. khr. 96–110.
20. Ibid. F. 19. R. XIX. Op. 1. Ed. khr. 82. L. 1–131.
21. Ibid. F. 271. Op. 1. ch. 1. Ed. khr. 79. L. 41–44.
22. Ibid. F. 248. Op. 16. Ed. khr. 937. L. 208–210.

Благодарность (госзадание):

Работа выполнена по теме НИР ГИ КНЦ РАН № FMEZ-2024-0004.

Asknowledgements (state task):

The work was carried out under the research topic of the Geological Institute of the Kola Science Center, RAS No. FMEZ 2024-0004.

Информация об авторе:

Петровский Михаил Николаевич – кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник лаборатории минерагении Арктики Геологического института Федерального исследовательского центра Кольского научного центра Российской академии наук; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9103-1616, SPIN-код: 9679-8535 (184209, Российская Федерация, Мурманская обл., г. Апатиты, ул. Ферсмана, д.14; e-mail: petrovsk2@rambler.ru).

Author:

Mikhail N. Petrovsky – Cand. Sci. (Geol. & Miner.), Senior Researcher at the Laboratory of Arctic Minerageny of the Geological Institute of the Federal Research Centre Kola Science Center, Russian Academy of Sciences; ORCID: https://orcid.org/0000–0002–9103–1616, SPIN-code: 9679-8535 (14, Fersman st., Apatity 184209, Russian Federetion; e-mail: petrovsk2@rambler.ru).

Для цитирования:

Петровский, М. Н. Медный завод Русинга: очерк истории открытия и добычи медной руды в Русской Лапландии в XVIII веке / М. Н. Петровский // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 3 (88). – С. 180–185.

For citation:

Petrovskiy, M. N. The Rusinga Copper Factory: An outline of the history of the discovery and mining of copper ore in Russian Lapland in the XVIII century / M. M. Petrovsky // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2026. – No. 3 (88). – P. 180–185.

Дата поступления статьи: 10.12.2025
Прошла рецензирование: 10.12.2025
Принято решение о публикации: 30.01.2026
Received: 10.12.2025
Reviewed: 10.12.2025
Accepted: 30.01.2026

УДК 94(47)
DOI 10.19110/1994-5655-2026-3-186-190

Роль купечества в развитии пароходства на арктических территориях России во второй половине XIX – начале XX века (на примере деятельности Булычева А. В.)

Лейман И. И.

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
irinaleyman@gmail.com

Аннотация

В статье дана характеристика роли купца А. В. Булычева (уроженца Вятской губернии, впоследствии архангельского купца первой гильдии) в развитии пароходного сообщения на Европейском Севере России. Основной транспортной артерией региона была Северная Двина. В первой половине XIX в. судоходство по ней было преимущественно сплавное; транспортировка грузов производилась посредством барок. В летнее время из-за мелководья притоки Северной Двины использовались для доставки товаров довольно ограниченно. Инициатива организации пароходного сообщения в регионе в конце 1850-х гг. принадлежала вятским купцам, в их числе был А. В. Булычев. Первый рейс между Архангельском и Великим Устюгом в 1858 г. совершил пароход «Северо-Двинского пароходного общества». В 1867 г. А. В. Булычев учредил собственное пароходство под названием «Десятинный». Именно его пароходы первыми прошли по Сухоне, Вычегде и Ваге (важнейшим с позиции торговли притокам Северной Двины) и начали осуществлять пассажирские перевозки в дополнение к буксирно-пассажирским. Отдельным направлением деятельности А. В. Булычева были организованные перевозки паломников за весьма умеренную плату к Соловецкому и Свято-Ульяновскому мужским монастырям. Значительную часть своих доходов купец передавал церквям и монастырям Европейского Севера России.

Ключевые слова:

купечество, пароходство, А. В. Булычев, Северная Двина, Архангельская губерния, Вологодская губерния

The role of merchants in the development of shipping in the Arctic territories of Russia in the second half of the XIX–early XX centuries (based on the example of A. V. Bulychev's activity)

Leyman I. I.

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
irinaleyman@gmail.com

Abstract

The paper describes the role of merchant A. V. Bulychev (a native of Vyatka province, later a first-guild merchant from Arkhangelsk) in the development of steamship service in the European North of Russia. The Northern Dvina River was the main transport artery of the region. In the first half of the XIX century, navigation along it was mainly by rafting; cargo was transported by barges. In summer, due to shallow waters, the tributaries of the Northern Dvina were used only sparingly for shipping goods. The initiative to establish steamship service in the region in the late 1850s came from Vyatka merchants, including A. V. Bulychev. The first voyage between Arkhangelsk and Veliky Ustyug was made in 1858 by a steamship belonging to the Northern Dvina Steamship Company. In 1867, A. V. Bulychev founded his own steamship company "Desyatinny". It was his steamships that were the first to navigate the Sukhona, Vychegda, and Vaga rivers (the most important tributaries of the Northern Dvina for trade) and began offering passenger transportation in addition to tow-passenger services. A. V. Bulychev also organized pilgrimage services to the Solovetsky and St. Ulyanovsky Monasteries for a very reasonable fee. The merchant donated a significant portion of his income to churches and monasteries in the European North of Russia.

Keywords:

merchants, shipping, A. V. Bulychev, Northern Dvina, Arkhangelsk province, Vologda province

Введение

В Российской империи речное пароходство стало активно развиваться после 1843 г., когда государственный совет признал «положительным» развитие на судоходных путях буксирного пароходства и всем желающим было даровано право с разрешения Главного управления путей сообщения и публичных зданий учреждать буксирное пароходство, устраивать на реках пристани и «делать какие-либо улучшения в самом русле рек» [1, с. 431–432]. Наиболее существенный вклад в развитие речного пароходства на Европейском Севере России внес А. В. Булычев, уроженец г. Орлова Вятской губернии, впоследствии – архангельский купец первой гильдии.

Материалы и методы

Тема влияния купечества на развитие транспортной системы Российской империи и ее отдельных регионов практически не затронута вниманием исследователей. В то же время именно состояние путей сообщения являлось не только залогом успешной профессиональной деятельности представителей торгового сословия, но и важным импульсом развития территории. Пароходное сообщение стало значимым катализатором усиления товарообмена и социальных связей на Европейском Севере России, включая и арктические территории (железная дорога свяжет Архангельск с центром страны только в конце XIX в.). В данной статье на базе публикаций губернской периодической печати, законодательных актов, а также справочно-статистических и архивных материалов дано описание деятельности по развитию пароходства на Европейском Севере России купца А. В. Булычева, одного из самых активных представителей данного направления предпринимательства в регионе.

Результаты и их обсуждение

В конце 1850-х гг. «пионерами» речного пароходства на Европейском Севере России стали вятские купцы Изергины и Ф. Т. Булычев, а также купеческий сын А. В. Булычев [2, с. 120]. Предприятие получило название «Северо-Двинское пароходное общество». Первоначальный капитал составил 150 тыс. руб. и был предназначен для покупки двух пароходов, барж, постройки пристаней и «складочных амбаров» [там же, с. 120–121]. В июне 1857 г. А. В. Булычев ездил в Бельгию, где заказал на известной фабрике «Кокериль и Ко» два парохода с железными корпусами. 22 июля 1858 г. (здесь и далее даты приводятся по старому стилю) к архангельскому порту из Бельгии были доставлены в разобранном виде речные пароходы «Юг» и «Двина» [3, с. 287; 4, с. 29]. 24 августа 1858 г. пароход «Юг» отправился в свой первый рейс по Северной Двине из Архангельска до Великого Устюга с пассажирами на борту и двумя груженными баржами на буксире [5, с. 249].

3 октября 1858 г. был утвержден устав «Северо-Двинского пароходного общества» [6]. Учредителями выступили купцы И. Я. Грибанов и Ф. Т. Булычев, купеческий сын А. В. Булычев. Целью общества была перевозка пассажиров и товаров от Соловецкого острова по Белому морю и по рекам Северной Двине, Сухоне, Вологде, Порозовице, Шексне, Волге, Каме и Вятке, а также по Кубенскому озеру [там же, с. 205]. К 1861 г. «Северо-Двинское пароходное общество» имело в собственности два парохода, 18 барж, две плавучие пристани (в Архангельске и Великом Устюге), около 30 лодок и карбасов. Однако в 1867 г. дела общества были ликвидированы, а все его пароходы, баржи и иные объекты инфраструктуры перешли во владение купцов из Вятской губернии (братьев Кардаковых, С. Зырина и А. Прозорова) [7; 8, с. 127].

В январе 1867 г. А. В. Булычев направил архангельскому губернатору ходатайство о необходимости развития пароходства в Белом море, включая сообщение с Норвегией [9, с. 138]. Проект, однако, не был осуществлен, и с 1868 г. купец переключился на речное судоходство. Первый пароход, купленный им в Бельгии, получил название «Десятинный», так как десятую часть доходов от пароходства А. В. Булычев отдавал церкви и, в частности, Соловецкому монастырю [10, с. 441].

В 1872 г. по инициативе А. В. Булычева были проведены первые опыты пароходного сообщения от Вологды до Архангельска, показавшие, что двинские пароходы могут ходить по Вологде и Сухоне до спада воды (примерно, до конца июня). В 1873 г. пароходство «Десятинный» объявило о начале еженедельных рейсов между Вологдой и Архангельском посредством двух больших товаропассажирских пароходов «Десятинный» и «Илья Грибанов»; для перевозки по Сухоне грузов планировалось построить небольшие баржи [11, с. 26]. Пароходство «Десятинный» также предлагало желающим добраться до Соловецкого монастыря, пробыть там три дня и на том же пароходе вернуться обратно. Общее время в пути от Вологды до монастыря и обратно составляло около 20 дней, билет стоил 12 руб. В 1870-х гг. в собственности компании были пароходы «Десятинный», «Илья Грибанов» и «Сухона»; на первых двух были общие и семейные каюты, буфет, в котором можно было найти «возможный в этой местности стол, вина и другие потребности по самым умеренным ценам» [11, с. 26; 12, с. 4]. В период половодья рейсы выполнялись через каждые пять дней; после спада весенней воды «для беспрерывного движения грузов и перевозки пассажиров» использовался мелководный пароход «Сухона», который был специально заказан в Бельгии в 1873 г. [там же].

В конце 1870-х – начале 1880-х гг. пароходы компании «Десятинный» перевозили пассажиров до Свято-Ульяновского монастыря, о чем свидетельствуют неоднократно публиковавшиеся в «Вологодских губернских ведомостях» объявления. Так, в мае 1876 г., с началом навигации, пароход «Десятинный» следовал до Свято-Ульяновского монастыря из Вологды через Усть-Сысольск [13, с. 3]. В 1878 г. «Десятинный» начинал путь в Великом Устюге и далее шел по Вычегде через Сольвычегодск, Яренск и Усть-Сысольск. Вне этих населенных пунктов по пути следования пассажиры могли подняться на борт «в местах погрузки дров, и из лодок, где кому удобнее»; цены за проезд были «для доставления удобства посетителям монастыря самые дешевые» [14, с. 4]. В пункте назначения «Десятинный» находился в течение трех дней, а затем отправлялся обратно до Великого Устюга. С 1879 г. маршрут стал еще более удобен для пассажиров, которые жили в юго-западных районах Вологодской губернии: в Великом Устюге по возвращении из монастыря они могли пересесть на пароход «Сухона», который следовал до Вологды [15, с. 6].

3 июня 1883 г. А. В. Булычев подал в Вологодскую городскую управу прошение «устроить на собственный счет» пристань для пароходов [16, л. 3]. Купец отмечал, что в губернском городе нет общественных пристаней «для остановки пароходов, приема и выпуска пассажиров и багажа, и даже отведенных для оных мест» и что не предвидится «заботливости об этом общественного городского управления кроме насильственных требований, не на чем

не основанных сборов с пароходовладельцев» [там же]. Он просил выделить для постройки пристани участок по правому течению р. Вологды ниже железнодорожной водокачки и пользоваться им в течение 24 лет с уплатой определенной суммы в пользу городских доходов (при этом не платить отдельный сбор за пароходы, но вносить, при необходимости, деньги за барки и буксируемые пароходами суда). В апреле 1884 г. Вологодская городская дума заключила с А. В. Булычевым арендный договор на 12 лет [16, л. 5, 30].

В 1880-х гг. пароходство «Десятинный» после произведенных «изысканий и опытов» стало осуществлять движение пароходов по Ваге. Например, с конца августа и до начала октября 1886 г. отправлялись грузы из Архангельска до Шеговар, а «в случае прибыли воды» и до Шенкурска, о чем сообщали объявления, публиковавшиеся в этот период в «Вологодских губернских ведомостях» [17, с. 12; 18, с. 10].

В 1887 г. пароходство «Десятинный», «по примеру Волжского», открыло пассажирское пароходство в дополнение к буксирно-пассажирскому (последнее предполагало одновременную перевозку пассажиров и буксирование груженых барж) [19, с. 8]. Следует отметить, что пароходы других владельцев – С. В. Ананьина, М. Д. Кондакова, В. И. Кострова – в это время были исключительно буксирно-пассажирскими [20, с. 109]. Три легких парохода компании «Десятинный» должны были отправляться из Вологды и Архангельска раз в три дня; на пароходах работал буфет и использовалось паровое отопление. В Вологде отправление парохода пассажиры могли ожидать в «устроенном на этот предмет вокзале на самой пристани», расположенной вблизи церкви Кирилла Чудотворца и относительно недалеко от железнодорожного вокзала [19, с. 8]. В 1888 г., когда первый Великоустюгский епископ Иоанникий отправился с визитом в «местности зырянского края» – Яренск, Усть-Сысольск и Ульяновский монастырь, он перемещался по Вычегде именно на пароходе купца А. В. Булычева [21, с. 10–11].

В 1890-х гг. легкие пассажирские пароходы А. В. Булычева «Вычегда», «Луза» и «Пинега» в течение всей навигации ходили между Архангельском и Вологдой; кроме того, рейсы совершали буксирно-пассажирские пароходы «Десятинный», «Филипп Булычев», «Вага» и «Сухона» [22, с. 150].

В конце 1890-х гг. дела пароходства «Десятинный» шли не очень успешно: сказывалось и появление сильных конкурентов в лице Северного пароходного общества «Котлас – Архангельск – Мурман» (учреждено в 1897 г. архангельскими купцами Ф. Линдесом и А. Сурковым), и почтенный возраст основателя [23; 24, с. 137]. А. В. Булычев с 1899 г. безвыездно жил в Соловецком монастыре, где скончался в 1902 г. в возрасте 75 лет [10, с. 443]. Пароходством продолжил заниматься его зять Я. Беляевский; в начале XX в. он занимал должность председателя правления крупнейшего на севере пароходного общества «Котлас – Архангельск – Мурман», которому ранее был продан буксирный флот А. В. Булычева [24, с. 137; 25, с. 170]. Напоминанием об А. В. Булычеве стали принадлежавшие обществу пароходы «Преподобный Савватий» и «Преподобный Зосима», посвященные соловецким святым, много значившим для «пионера» речного пароходства Европейского Севера России.

Выводы

Появление пароходов на арктических территориях России во второй половине XIX – начале XX в. стало одним из важнейших импульсов развития региона. Система рек бассейна Северной Двины была ведущей транспортной артерией Европейского Севера России. В первой половине XIX в. судоходство по Северной Двине было преимущественно сплавное. Основную массу товаров отправляли к Архангельскому порту на барках в первые два месяца по вскрытию рек, пока держалась весенняя вода; в летнее время из-за мелководья части притоков Северной Двины количество грузов, перевозимых по ним, было незначительно. С развитием пароходного сообщения внутренние связи региона (между Архангельской и Вологодской губерниями) в период навигации стали практически беспрерывны; осуществлялось как сплавное, так и взводное судоходство. Существенно возрос объем перевозимых грузов, отдельным самостоятельным направлением со временем стали пассажирские перевозки. «Пионером» пароходства на Европейском Севере России стал орловский, а впоследствии архангельский купец А. В. Булычев. При его активном участии первые пароходы пошли по Северной Двине и ее основным притокам, были построены пароходные пристани в Архангельске и Вологде.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). II. – Т. XVIII (1843), № 16999.
2. Архангельские губернские ведомости. – 1858. – № 16.
3. Архангельские губернские ведомости. – 1858. – № 35.
4. Справочная книжка для Архангельской губернии на 1860 год. – Архангельск, 1859.
5. Архангельские губернские ведомости. – 1858. – № 31.
6. ПСЗ. II. – Т. XXXIII (1858), № 33590.
7. ПСЗ. II. – Т. XLII (1867), № 44961.
8. Справочная книжка Архангельской губернии на 1868 год. – Архангельск, 1868.
9. Овсянкин, Е. А. Архангельск купеческий. Ч. 1 / Е. А. Овсянкин. – Архангельск, 2000.
10. Вологодские епархиальные ведомости. Прибавление. – 1902. – № 15.
11. Вологодские губернские ведомости. – 1873. – № 8.
12. Вологодские губернские ведомости. – 1875. – № 23.
13. Вологодские губернские ведомости. – 1876. – № 40.
14. Вологодские губернские ведомости. – 1878. – № 38.
15. Вологодские губернские ведомости. – 1879. – № 39.
16. Государственный архив Вологодской области. Ф. 475. Оп. 1. Д. 197.
17. Вологодские губернские ведомости. – 1886. – № 33.
18. Вологодские губернские ведомости. – 1886. – № 39.
19. Вологодские губернские ведомости. – 1887. – № 14.

20. Справочная книжка и календарь Архангельской губернии на 1888 год. – Архангельск, 1888.
21. Вологодские губернские ведомости. – 1888. – № 37.
22. Справочная книжка и адрес-календарь Архангельской губернии на 1897 год. – Архангельск, 1896.
23. ПСЗ. III. – Т. XVII (1897), № 14410.
24. Чермных, Н. А. Благодетель земли северной архангельский купец Афанасий Булычев / Н. А. Чермных. – Сыктывкар, 2016.
25. Памятная книжка Архангельской губернии на 1912 год. – Архангельск, 1912.

References

1. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie II [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection II]. – Vol. XVIII (1843). – No. 16999.
2. Arkhangelskiye gubernskie vedomosti [Arkhangelsk Provincial Gazette]. – 1858. – No. 16.
3. Ibid. – 1858. – No. 35.
4. Spravochnaya knizhka dlya Arkhangelskoy gubernii na 1860 god [Reference book of the Arkhangelsk province for 1860]. – Arkhangelsk, 1859.
5. Arkhangelskiye gubernskie vedomosti [Arkhangelsk Provincial Gazette]. – 1858. – No. 31.
6. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie II [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection II]. - Vol. XXXIII (1858). No. 33590.
7. Ibid. Collection II. - Vol. XLII (1867), No. 44961.
8. Spravochnaya knizhka Arkhangelskoy gubernii na 1868 god [Reference book of the Arkhangelsk province for 1868]. – Arkhangelsk, 1868.
9. Ovsyankin, E. A. Arkhangelsk kupecheskiy [Arkhangelsk of merchants]. Part 1 / E. A. Ovsyankin. – – Arkhangelsk, 2000.
10. Vologodskiye eparkhialnyye vedomosti. Pribavleniye [Vologda Diocesan Gazette. Supplement]. – 1902. – No. 15.
11. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. – 1873. – No. 8.
12. Ibid. – 1875. – No. 23.
13. Ibid. – 1876. – No. 40.
14. Ibid. – 1878. – No. 38.
15. Ibid. – 1879. – No. 39.
16. Gosudarstvennyy arkhiv Vologodskoy oblasti [State Archives of the Vologda Region]. F. 475. Op. 1. D. 197.
17. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. – 1886. – No. 33.
18. Ibid. – 1886. – No. 39.
19. Ibid. – 1887. – No. 14.
20. Spravochnaya knizhka i kalendar' Arkhangel'skoy gubernii na 1888 god [Reference book and calendar of the Arkhangelsk province for 1888]. – Arkhangelsk, 1888.
21. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. – 1888. – No. 37.
22. Spravochnaya knizhka i kalendar' Arkhangelskoy gubernii na 1897 god [Reference book and calendar of the Arkhangelsk province for 1897]. – Arkhangelsk, 1896.
23. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection III. – Vol. XVII (1897), No. 14410.
24. Chermnykh, N. A. Blagodetel' zemli severnoy arkhangelskiy kupets Afanasy Bulychev [Benefactor of the Northern land, Arkhangelsk merchant Afanasy Bulychev] / N. A. Chermnykh. – Syktyvkar, 2016.
25. Pamyatnaya knizhka Arkhangelskoy gubernii na 1912 god [Memorial book of the Arkhangelsk province for 1912]. – Arkhangelsk, 1912.

Благодарность (госзадание):

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме НИР «Государственная политика развития Европейского Севера России: актуальные проблемы социально-политической, экономической, социокультурной и демографической истории в XVI–XX вв.» № FUUU-2025-0026.

Acknowledgents (state task):

The study was carried out within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS on the research topic «State policy for the development of the European North of Russia: current problems of the socio-political, economic, socio-cultural and demographic history in the XVI-XX centuries». No. FUUU-2025-0026.

Информация об авторе:

Лейман Ирина Игоревна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID: 0000-0002-3415-4927, SPIN-код: 1341-2310 (167000, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: irinaleyman@gmail.com).

Author:

Irina I. Leyman – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Senior Researcher at the Laboratory of Archaeography and Publication of Documents on the History of the Development of the European North of Russia, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0002-3415-4927, SPIN-code: 1341-2310 (26, Kommunisticheskaya st, Syktyvkar 167000. Russian Federation; e-mail: irinaleyman@gmail.com).

Для цитирования:

Лейман, И. И. Роль купечества в развитии пароходства на арктических территориях России во второй половине XIX – начале XX века (на примере деятельности А. В. Булычева) / И. И. Лейман // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 3 (88). – С. 186–190.

For citation:

Leyman, I. I. The role of merchants in the development of shipping in the Arctic territories of Russia in the second half of the XIX–early XX centuries (based on the example of A. V. Bulychev's activity) / I. I. Leyman // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2026.– No. 3 (88). – P. 186–190.

Дата поступления статьи: 10.12.2025
Прошла рецензирование: 10.12.2025
Принято решение о публикации: 30.01.2026
Received: 10.12.2025
Reviewed: 10.12.2025
Accepted: 30.01.2026

УДК 94:553.04-047.37(470.1/.2)
DOI 10.19110/1994-5655-2026-3-191-195

Научное изучение минерально-ресурсного потенциала Европейского Севера России в конце XIX – первой трети XX века

Филиппова Т. П.

Отдел гуманитарных междисциплинарных исследований
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
tpf@frc.komisc.ru

Аннотация

На основе обширного комплекса архивных документов и опубликованных трудов ученых автор анализирует процесс научных исследований минерально-сырьевых ресурсов Европейского Севера России в конце XIX – первой трети XX в. в контексте решения государственных задач по освоению северных и арктических территорий. Показаны результаты экспедиционных изысканий научных учреждений, важнейшими итогами которых стало открытие промышленных месторождений полезных ископаемых, имеющих всесоюзное значение: каменного угля, нефти, апатит-нефелиновых руд, радия, пегматитов, железных руд. Определено, что выявленные учеными месторождения ценного сырья и подсчеты их промышленных запасов дали мощную сырьевую базу для развития горной промышленности на Европейском Севере страны. Сделан вывод, что в данный период был заложен фундаментальный базис в освоении ресурсного потенциала этой территории, что определило его большое значение для развития страны на долгие годы.

Ключевые слова:

минерально-сырьевые ресурсы, научные исследования, Европейский Север России, Арктическая зона РФ, горная промышленность

Scientific study of the mineral resource potential of the European North of Russia in the late XIX - first third of the XX centuries

Filippova T. P.

Department of Humanitarian Interdisciplinary Research,
Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar
tpf@frc.komisc.ru

Abstract

Based on an extensive set of archival documents and published works of scientists, the process of scientific research of the mineral resources of the European North of Russia from the late XIX to the first third of the XX centuries is analyzed in the context of solving state tasks for the development of the northern and Arctic territories. The results of expeditionary surveys of scientific institutions are shown, the most important of which were the discovery of industrial mineral deposits of national significance: coal, oil, apatite-nepheline ores, radium, pegmatites, iron ores. It was determined that the valuable raw material deposits identified by scientists and their estimated industrial reserves provided a powerful raw material base for the development of the mining industry in the European North of the country. It was concluded that during this period the fundamental basis for developing the resource potential of this territory was laid, determining its great significance for the development of the country for many years to come.

Keywords:

mineral resources, scientific research, European North of Russia, Arctic zone of the Russian Federation, mining industry

Сегодня Россия находится в поисках дальнейших путей развития Севера и Арктики, что определяется новым осмыслением геополитической роли этих территорий и ростом их стратегического значения в обеспечении страны ценными ресурсами. В данных условиях вопросы выбора подходов и методов к изучению богатейших природных недр северных регионов приобретают актуальное значение. Современные тенденции созвучны с предшествующими историческими эпохами, например периодом конца XIX – первой трети XX столетий, когда особое внимание государства и науки уделялось изучению ресурсного потенциала северных и арктических территорий, с целью его включения в экономическое развитие страны. Одним из регионов, где в этот период развернулись интенсивные научные исследования, направленные на поиски месторождений минеральных ресурсов, стал Европейский Север России. Научное осмысление этого богатейшего исторического опыта значимо для формирования современных стратегий освоения Севера и может дать импульс к осмыслению этой проблемы.

Цель статьи – реконструировать процесс научного изучения минерально-сырьевых ресурсов Европейского Севера России в конце XIX – первой трети XX в. в контексте решения государственных задач по освоению и развитию северных и арктических территорий страны. Для исследования были привлечены документы, выявленные в фондах государственных и региональных архивохранилищ, а также опубликованные научные труды ученых-исследователей Севера. Важной частью источникового поля исследования стали законодательно-нормативные

документы, которые определили важнейшие государственные векторы в познании этой территории в указанный период. Данная проблематика, несмотря на внимание исследователей к истории освоения Европейского Севера России [1, 2], не становилась предметом отдельных изысканий в историографии.

Территория Европейского Севера России, уникальная по богатству стратегических природно-сырьевых ресурсов, издавна находилась в фокусе пристального внимания науки и государства. В течение XIX в. ее изучение проходило в рамках единичных экспедиций под эгидой Санкт-Петербургской академии наук, Русского географического общества, Корпуса горных инженеров, Санкт-Петербургского минералогического общества. Их важными результатами стали первые научные данные о наличии на этой территории каменного угля, золота, нефтеносных пород (А. А. Кейзерлинг, Э. К. Гофман, А. И. Антипов, Н. В. Широкшин, К. М. Бэр). Тем не менее на протяжении этого периода большая часть региона оставалась малоизученной и являлась «белым пятном» для науки.

Активизация изучения минеральных ресурсов Европейского Севера России наметилась в конце XIX столетия, когда быстрое развитие промышленности страны в результате модернизационных реформ обусловило необходимость вовлечения природных недр отдаленных районов в экономику. Для организации планомерных геологических исследований и поисков ценного минерального сырья в 1882 г. была организована первая государственная геологическая служба – Геологический комитет. С началом его деятельности сотрудники ведомства приступили и к изучению территории Европейского Севера в соответствии с общими требованиями к освоению отдельных районов России. В течение 1882–1917 гг. были организованы экспедиционные обследования Северного и Южного Тимана, Северного Урала, Кольского полуострова, архипелага Новая Земля, проведенные под руководством геологов Ф. Н. Чернышева, Е. С. Федорова, П. Б. Риппаса, П. И. Полевого, А. Н. Замятина. Важнейшими итогами этих изысканий стали начало систематического изучения Ухтинского нефтеносного района и оценка его перспективности для экономики страны, а также выявление железорудных месторождений вдоль магистрали Мурманской железной дороги и на севере Кольского полуострова. В изучении Европейского Севера России комитетом был впервые применен комплексный подход, который включал геологические изыскания, поиски, разведку и оценку промышленных перспектив полезных ископаемых. Итоги научных исследований Геологического комитета стали фундаментальной основой для изучения территории в советский период [3–5].

1917 год стал эпохальным в истории России. Под влиянием политических трансформаций и социально-экономического кризиса актуальное значение приобрели вопросы применения минерального сырья периферийных регионов в экономике советского государства. Принятый в 1920 г. «Государственный план развития электроэнергетической отрасли в Советской России» (ГОЭРЛО) [6], который стал стратегическим планом экономического и научно-технического развития страны, предусматривал развертывание научных исследований северных и арктических территорий, организацию Северного морского пути, создание энергетических объектов на Севере. Европейский Север рассматривался как богатейшая база естественных природных ресурсов, а проблема изучения его ценных недр впервые стала значимой государственной задачей.

К реализации этих важнейших направлений в 1920-е гг. были привлечены ведущие научные силы страны. В результате осуществленных экспедиционных исследований Геологического комитета, Российской академии наук (с 1925 г. – Академия наук СССР), Северной научно-промысловой экспедиции (с 1925 г. – Научно-исследовательский институт по изучению Севера) был получен колоссальный объем новых научных данных об Европейском Севере страны. Усилиями ученых (А. Е. Ферсмана, А. А. Полканова, А. А. Чернова, Б. К. Лихарева, В. М. Тимофеева, П. А. Борисова) доказано наличие на территории бассейна р. Печоры обширного каменноугольного бассейна, обосновано промышленное значение Ухтинского нефтеносного района, открыты имеющие всесоюзное значение запасы пегматитов в Северной Карелии и апатит-нефелиновых руд на Кольском полуострове [7–9].

Обоснование значительных запасов минерального сырья стало основой для начала промышленной эксплуатации месторождений и формирования горной индустрии на Европейском Севере СССР. К концу 1920-х гг. на Кольском полуострове начал функционировать трест «Апатит», главной задачей которого стала добыча апатит-нефелиновых руд, трест «Карелгранит» в Карелии организовывал работы по добыче пегматитов. Усилиями научного сообщества в данный период был совершен кардинальный поворот к научно-практическому изучению Европейского Севера, определивший дальнейшие пути изучения северных регионов и их промышленного развития в рамках индустриальной модернизации страны.

Провозглашенная в конце 1920-х гг. программа народнохозяйственного развития СССР – первый пятилетний план (1928/1929–1932/1933) – обозначил для страны новый курс индустриализации, создания тяжелой промышленности в короткие сроки. Огромное значение в новой программе придавалось форсированному геологическому изучению территории страны и поискам минеральных ресурсов для нужд промышленности. Неотъемлемой частью этой масштабной правительственной программы стало дальнейшее изучение и «завоевание» Севера, предусматривающее усиление его научных исследований и создание производств. В соответствии с государственным планированием 1930-х гг. на Европейском Севере СССР предстояло решить проблемы, связанные с изучением его важнейших геологических ресурсов и их внедрением в экономику СССР [10]. Дальнейшая разведка и эксплуатация угольных и нефтяных месторождений бассейна р. Печоры позволили бы обеспечить топливом всю промышленность Европейского Севера и г. Ленинграда, а также в перспективе весь Северный морской флот. Богатейшие железорудные месторождения Кольского полуострова определяли перспективы создания северо-западной металлургической

базы. Первостепенной оставалась задача по дальнейшей разведке пегматитовых месторождений Северной Карелии, которые могли бы снабдить всю страну ценным полевошпатным сырьем на долгие годы.

В значительной степени реализация государственной стратегии развития СССР была возложена на науку, которая в 1930-е гг. превратилась в мощный индустриальный инструмент и сыграла значимую роль в укреплении научно-технического потенциала страны. Научному сообществу в короткий срок предстояло организовать форсированное исследование северных и арктических территорий. В течение 1930-х гг. усилиями научных ведомств – Академией наук СССР, Ленинградского геологоразведочного треста, Всесоюзного арктического института, были осуществлены интенсивные экспедиционные исследования на Кольском полуострове, территории Карелии, архипелаге Новая Земля. Проблема минерального сырья Европейского Севера СССР получила научно обоснованную базу – были открыты значительные запасы промышленных месторождений (нефти, газа, каменного угля, черных, цветных и редких металлов, горнорудного сырья), даны оценки их запасов и определены пути дальнейшей эксплуатации (А. Е. Ферсман, П. А. Борисов, А. А. Чернов, А. Н. Лабунцов, В. М. Тимофеев, Н. Г. Судовиков и др.) [11–14].

Форсирование темпов научного изучения Европейского Севера СССР в 1930-е гг. обусловило широкое привлечение научных кадров через систему принудительного труда ГУЛАГа. Система концентрационных лагерей, получившая широкое распространение на этой территории, стала одним из способов привлечения научного сообщества к реализации задач индустриализации. С помощью заключенных были запущены эксплуатация и промышленная разработка крупных месторождений нефти, каменного угля, асфальтитов на территории бассейна р. Печоры и свинцово-цинковых руд на о-ве Вайгач. Научные исследования в рамках пенитенциарной системы на Севере СССР проводили известные геологи П. В. Виттенбург, К. Г. Войновский-Кригер, Н. Н. Тихонович, Н. Н. Инкин, А. Н. Флеров и др., деятельность которых сыграла значимую роль в освоении территории [15, 16].

Выявленные к концу 1930-х гг. на Европейском Севере СССР месторождения ценного сырья и подсчеты их промышленных запасов дали мощную сырьевую базу для развития промышленности, определив три горнопромышленных района – Кольский полуостров с запасами апатит-нефелиновых, железных и медно-никелевых руд; территория бассейна р. Печоры с месторождениями каменного угля и нефти: Карелия с залежами горнорудного сырья и стройматериалов. Полученные к концу 1930-х гг. результаты позволили приступить к масштабной эксплуатации природных богатств Европейского Севера СССР. Об этом свидетельствует функционирование объектов промышленной индустрии – Кольского горнопромышленного комбината по добыче апатит-нефелиновых руд; Медно-никелевого комбината на базе руд Монче-тундры; развитие горнопромышленной инфраструктуры по добыче нефти в Ухтинском районе и каменного угля в Печорском бассейне; Пегматитового завода и слюдяной фабрики в Карелии. Промышленная эксплуатация геологических недр Европейского Севера СССР оказала значимое влияние на развитие суперфосфатной, алюминиевой, нефтяной, химической, фаянсовой промышленности страны. Данные научные достижения открыли перед этой территорией широкие промышленные перспективы, определив к концу 1930-х гг. его значимую роль в развитии экономики, а также стали важным вкладом в достижение энергетической и ресурсной безопасности СССР накануне событий Второй мировой войны.

Процесс накопления научных знаний о минеральных ресурсах Европейского Севера России в конце XIX – первой трети XX в. складывался неравномерно и находился в тесной взаимосвязи со стратегическими планами государства по освоению северных и арктических территорий. На протяжении этого периода произошло поступательное изменение роли Европейского Севера в развитии страны: из состояния промышленно неразвитой территории он перешел в положение региона с развивающейся горнодобывающей промышленностью, которая стала одной из основ его экономического развития. Форсированными темпами он был включен в промышленную базу страны, что определило для него широкие экономические перспективы, оказав влияние на формирование горнодобывающих производств, создание социально-экономического фундамента, задало на многие десятилетия вектор государственной политики, направленный на освоение его минерально-сырьевой базы.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Сулейманов, А. А. Исследования Академии наук СССР в российской Арктике в 1930-е-1941 гг. / А. А. Сулейманов // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2016. – № 1. – С. 392–407.
2. Бровина, А. А. Научное освоение европейского Севера России (конец XIX – первая половина XX в.) / А. А. Бровина. – Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2022. – 576 с.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 58. Оп. 2. Д. 275–277.
4. Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 831. Оп. 2. Д. 47.
5. РГИА. Ф. 37. Оп. 57. Д. 1023.
6. План электрификации РСФСР. Введение к докладу VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России. – М.: Гос. техн. изд-во, 1920. – 230 с.
7. Ферсман, А. Е. Апатито-нефелиновая проблема Хибинских тундр / А. Е. Ферсман. – Вып. V. – Л.: Научное химико-техническое изд-во НТУ ВСНХ, 1929. – 93 с.
8. СПбФ АРАН. Ф. 922. Оп. 1. Д. 12–15, 18.
9. Труды Северной научно-промысловой экспедиции. Вып. 14: Работы отрядов Севэкспедиции в 1921 г. – СПб.: Гос. изд-во, 1922. – 95 с.
10. Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. – Т. 2. – Ч. 1. Строительство и производственная программа плана. – М.: Плановое хоз-во, 1929. – 496 с.

11. АРАН. Ф. 174. Оп. 2б. Д. 2, 5, 12, 21, 22.
12. СПбФ АРАН. Ф. 174. Оп. 2. Д. 105, 108.
13. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-9386. Оп. 1. Д. 23, 43, 115, 116, 122, 303.
14. Государственное областное казенное учреждение «Государственный архив Мурманской области в г. Кировске» (ГОКУ ГАМО в г. Кировске). Ф. 179. Оп. 1. Д. 32, 194, 247.
15. Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив РК» (ГУ РК НАРК). Ф. Р-1668. Оп. 1. Д. 77, 126, 183, 267.
16. СПбФ АРАН. Ф. 75. Оп. 1. Д. 198.

References

1. Suleimanov, A. A. Issledovaniya Akademii nauk SSSR v rossijskoj Arktike v 1930-e–1941 gg. [Research of the USSR Academy of Sciences in the Russian Arctic in the 1930s–1941] / A. A. Suleimanov // Problemy istorii, filologii, kultury [Problems of history, philology, and culture]. – 2016. –No. 1. – P. 392–407.
2. Brovina, A. A. Nauchnoe osvoenie evropejskogo Severa Rossii (konec XIX – pervaya polovina XX v.) [Scientific exploration of the European North of Russia (late XIX – first half of the XX century)] / A. A. Brovina. – Syktyvkar: Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2022. – 576 p.
3. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive]. F. 58. Op. 2. D. 275, 276, 277.
4. Sankt-Peterburgskij filial arhiva RAN (SPbF ARAN) [St. Petersburg Branch of the RAS Archive]. F. 831.Op. 2. D. 47.
5. RGIA. F. 37. Op. 57. D. 1023.
6. Plan elektrifikacii RSFSR. Vvedenie k dokladu VIII s»ezdu Sovetov Gosudarstvennoj komissii po elektrifikacii Rossii [The plan of electrification of the RSFSR. Introduction to the report to the VIII Congress of Soviets of the State Commission for Electrification of Russia]. – Moscow: State Technical Publ. House, 1920. – 230 p.
7. Fersman, A. E. Apatito-nefelinovaya problema Hibinskih tundr [Apatite-nepheline problem of the Khibiny tundra] / A. E. Fersman. – Issue V. – Leningrad: Nauchnoe himiko-tekhnicheskoe izd-vo NTU VSNH [Scientific Chemical and Technical Publ. House, Scientific and Technical Dept. of the Supreme Council of the National Economy], 1929. – 93 p.
8. SPbF ARAN [St. Petersburg Branch of the Russian Academy of Sciences Archives]. F. 922. Op. 1. D. 12-15, 18.
9. Trudy Severnoj nauchno-promyslovoj ekspedicii [Proc. of the Northern Scientific and Commercial Expedition]. Issue 14: Raboty otryadov Sevekspedicii v 1921 g. [Work of the Northern Expedition teams in 1921] – St. Petersburg: State Publ. House, 1922. – 95 p.
10. Pyatiletnij plan narodnohozyajstvennogo stroitel'stva SSSR [The five-year plan of economic construction of the USSR]. – Vol. 2. – Part. 1. Stroitel'stvo i proizvodstvennaya programma plana [Construction and production program of the plan]. – Moscow: Planovoe hoz-vo [Planned Economy], 1929. – 496 p.
11. ARAN [RAS Archives}. F. 174. Op. 2b. D. 2, 5, 12, 21, 22.
12. SPbF ARAN [St. Petersburg Branch of the Russian Academy of Sciences Archives]. F. 174. Op. 2. D. 105, 108.
13. Centralnyj gosudarstvennyj arhiv Sankt-Peterburga (TsGA SPb) [Central State Archive of St. Petersburg]. F. P–9386. Op. 1. D. 23, 43, 115, 116, 122, 303.
14. Gosudarstvennoe oblastnoe kazyonnoe uchrezhdenie «Gosudarstvennyj arhiv Murmanskoj oblasti v g. Kirovske» (GOKU GAMO v g. Kirovske) [State Regional Institution «State Archive of the Murmansk Region in Kirovsk»]. F. 179. Op. 1. D. 32, 194, 247.
15. Gosudarstvennoe uchrezhdenie Respubliki Komi «Nacional'nyj arhiv RK» (GU RK NARK) [National Archives of the Komi Republic]. F. P–1668. Op. 1. D. 77, 126, 183, 267.
16. SPbF ARAN [St. Petersburg Branch of the Russian Academy of Sciences Archives]. F. 75. Op. 1. D. 198.

Благодарность (госзадание):

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания по теме НИР 1022041400015-8-6.1.1 «Наука на Севере России как основа устойчивого развития регионов Европейского Севера и Арктической зоны РФ».

Acknowledgments (state task):

The paper was prepared within the frames of the implementation of the state task on the research topic 1022041400015-8-6.1.1 "Science in the North of Russia as the basis for the sustainable development of the regions of the European North and the Arctic zone of the Russian Federation".

Информация об авторе:

Филиппова Татьяна Петровна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела гуманитарных междисциплинарных исследований Федерального исследовательского центра Коми научного центра Уральского отделения

Российской академии наук; ORCID: 0000-0002-1116-9093, SPIN-код: 4200-1476 (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 24; e-mail: tpf@frc.komisc.ru).

Author:

Tatyana P. Filippova – Dr. Sci. (History), Leading Researcher, Department of Humanitarian Interdisciplinary Research at the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0002-1116-9093, SPIN-code: 4200-1476 (24, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: tpf@frc.komisc.ru).

Для цитирования:

Филиппова, Т. П. Научное изучение минерально-ресурсного потенциала Европейского Севера России в конце XIX – первой трети XX века / Т. П. Филиппова // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 3 (88). – С. 191–195.

For citation:

Filippova, T. P. Scientific study of the mineral resource potential of the European North of Russia in the late XIX - first third of the XX centuries / T. P. Filippova // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «History and Philology». – 2026. – № 3 (88). – P. 191–195.

Дата поступления статьи: 24.12.2025
Прошла рецензирование: 24.12.2025
Принято решение о публикации: 30.01.2026
Received: 24.12.2025
Reviewed: 24.12.2025
Accepted: 30.01.2026

УДК 55(470.1/.2-922)(09)
DOI 10.19110/1994-5655-2026-3-196-199

Исследование арктических территорий профессором Черновым А. А.

Оседах А. Г.

Отдел гуманитарных междисциплинарных исследований
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар

nastya_osedah@mail.ru

Аннотация

В статье автор рассматривает научные изыскания д. г.-м. н. А. А. Чернова на арктических территориях через призму документальных источников. В фондах Российского государственного архива экономики, Национального архива Республики Коми и Научного архива ФИЦ Коми НЦ УрО РАН сохранился комплекс научной документации А. А. Чернова. Источники показывают, что исследования ученого охватывали обширные территории (Приполярный Урал, Полярный Урал, Тиман), им были получены данные об их геологическом строении, тектонических структурах, проведены детальное стратиграфическое расчленение отложений, работы по поиску полезных ископаемых.

Ключевые слова:

А. А. Чернов, история геологии, Арктика, архив, история науки, геологические исследования

Research of the Arctic territories by Prof. A. A. Chernov

Osedakh A. G.

Department of Interdisciplinary Humanitarian Research
Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar

nastya_osedah@mail.ru

Abstract

The author considers the scientific research of Dr. Sci. (Geology & Mineralogy) A. A. Chernov in the Arctic territories through the prism of documentary sources. The collections of the Russian State Archives of Economics, the National Archives of the Komi Republic, and the Scientific Archives of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences contain a complex of A. A. Chernov's scientific documentation. The sources show that the scientist's research covered vast territories (Subpolar Urals, Polar Urals, Timan). He obtained data on their geological structure, tectonic structures, carried out detailed stratigraphic subdivision of sediments, and work on the search for minerals.

Keywords:

A. A. Chernov, history of geology, Arctic, Archive, history of science, geological study

Минерально-сырьевые ресурсы арктических территорий России привлекали внимание путешественников, промышленников, представляли интерес для государства. Значительные заслуги в изучении природных ресурсов, прогнозировании и открытии месторождений полезных ископаемых принадлежат ученым, которые в XX в. проводили обширные исследования в различных научных направлениях. Доктор геолого-минералогических наук, профессор Александр Александрович Чернов (1877–1963) многие годы посвятил научному изучению северных территорий России. Его исследования внесли значимый вклад в геологическое изучение Европейского Северо-Востока России, развитие минерально-сырьевой базы региона. В статье рассмотрены исследования А. А. Чернова на арктических территориях в XX в. на основе архивных документов. Научная документация А. А. Чернова (научные работы, статьи, доклады, отчеты научно-исследовательских работ, полевые дневники) сохранилась в фондах Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Национального архива Республики Коми (НАРК) и Научного архива ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН). В РГАЭ и НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН хранятся личные фонды А. А. Чернова.

Знакомство А. А. Чернова с северными территориями страны состоялось в 1902, 1904 гг., когда он принял участие в геологических работах учителя, геолога, палеонтолога А. П. Павлова на реках Ижме и Печоре. Об экспедициях в НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН сохранились воспоминания А. А. Чернова [1]. В результате этих полевых работ была уточнена стратиграфия верхней юры и нижнего мела, собран палеонтологический материал. В 1910-х гг. А. А. Чернов проводил полевые исследования в бассейне р. Печоры вместе со своими ученицами, которые обучались на Московских высших женских курсах (В. А. Варсанофьева, Е. Д. Сошкина, Д. М. Раузер-Черноусова, М. И. Шульга-Нестеренко и др.). В личном фонде А. А. Чернова в НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН отложились сведения об участии в данных геологических исследованиях, воспоминания об экспедициях на р. Печору в 1911, 1917, 1918 гг. [2], опубликованные в книге «Александр Александрович Чернов» [3]. В 1917 г. А. А. Чернов руководил Печорской экспедицией в бассейнах рек Цильмы и Пижмы Печорской, которая была организована на средства промышленника П. П. Рябушинского и судовладельца Д. В. Сироткина. Научные результаты экспедиции касались всех систем, слагающих Тиман,

в бассейнах рек Цильмы, Пижмы, Ижмы, важные наблюдения были проведены среди кристаллических сланцев, верхнего девона и ледниковых отложений. На следующий год исследования на р. Цильме были продолжены и организованы Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии с целью исследования бассейна левого притока р. Печоры р. Цильмы и поиска медных руд и других полезных ископаемых. Однако из-за начавшейся Гражданской войны в Архангельской губернии работы не были завершены. В результате двухгодичных исследований в бассейне р. Цильмы были дополнены сведения о геологическом строении части Среднего Тимана, выявлены новые площади распространения девонских палеобазальтов и вулканических брекчий, новые выходы метаморфических сланцев.

С 1921-го по 1950-е гг. А. А. Чернов провел геологические работы по изучению Европейского Северо-Востока России, включавшего Северный Урал, Приполярный, Полярный Урал, Пай-Хой, Большеземельскую тундру и Тиман. Научные исследования 1920–1930-х гг. А. А. Чернов проводил в рамках работ Северной научно-промысловой экспедиции НТО ВСНХ СССР, Геологического комитета ВСНХ СССР, ГУЛАГа. Он изучил палеозойские отложения западного склона Северного Урала, Пай-Хоя и на гряде Чернышева. Основным объектом исследований ученого являлись пермские отложения в бассейне р. Печоры, содержащие пласты угля. В 1924 г. на реках Косью и Кожим им были обнаружены пласты угля мощностью более 2 м. После обнаружения угля на данных реках им было выдвинуто предположение о существовании крупного каменноугольного бассейна на Европейском Северо-Востоке [4, л. 164–165]. Дальнейшие исследования А. А. Чернова были сосредоточены в бассейнах рек Косью и Уса и их притоках, на гряде Чернышева, Пай-Хое, где в пермских отложениях им были встречены мощные пласты угля. Документы об этом периоде отложились в фондах НАРК и РГАЭ, НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Сохранились черновики, предварительные отчеты, доклады А. А. Чернова о работе Верхне-Печорского отряда Севэкспедиции за 1921 г., геологических партий на реках Вычегде, Ижме, в Усинском районе за 1922–1930 гг. [4–7]. В РГАЭ сохранились полевые дневники А. А. Чернова 1924, 1927, 1928, 1932, 1933 гг. [8]. В НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН они хранятся за 1925, 1926, 1930 гг. в виде машинописных копий [9]. А. А. Чернов в экспедициях вел несколько дневников, в один он вносил записи наблюдений и данных, собранных во время экспедиционных работ, в другой – записывал маршруты передвижений, погодные условия, бытовые детали, отношения между участниками экспедиций. Данные документы являются ценными источниками для изучения экспедиционной повседневности ученых того времени. Также необходимо указать, что отчеты полевых отрядов А. А. Чернова были опубликованы в трудах Северной научно-промысловой экспедиции НТО ВСНХ СССР, Отчетах Геологического комитета ВСНХ СССР, отдельных изданиях, научных статьях ученого [10–11].

В 1930-х гг. А. А. Чернов проводил геологические исследования по поиску месторождений угля, железных руд и полиметаллов, базальтов на юго-западном предгорье Пай-Хоя, Полярном Урале, Тимане. Поворотным пунктом в исследовании и освоении Печорского угольного бассейна стало обнаружение Г. А. Черновым в 70 км от устья р. Воркуты выходов пяти пластов каменного угля от 0,7 до 1,4 м толщиной [12]. Высокое качество углей привлекло внимание государственных органов. А. А. Чернов был приглашен к обсуждению организации разведочных работ на р. Воркуте. В августе 1932 г. он был командирован Всесоюзным геологоразведочным объединением «Союзгеологоразведка» Наркомата тяжелой промышленности СССР для проведения экспертизы угольных месторождений в бассейне р. Воркуты. Об этой поездке в личном фонде А. А. Чернова РГАЭ сохранилась записная книжка, из которой можно узнать маршрут следования ученого, бытовые проблемы, с которыми он столкнулся, например, получения снаряжения и др. [13]. В результате непродолжительной поездки, по данным дневника, в Воркуте он был с 8 по 11 сентября, ученый ознакомился с условиями залегания углей в районе р. Воркуты. Геологические запасы этого района А. А. Чернов оценил в сотни миллионов тонн, и они должны были возрастать по мере развертывания разведочных работ в районе. Для освоения углей Воркуты, как считал А. А. Чернов, необходимо было разрешение транспортной проблемы [14].

Документы о научных исследованиях ученого на северных территориях начиная с середины 1930-х гг. сохранились в фондах НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, так как с 1935 до 1963 гг. А. А. Чернов работал в академических учреждениях на Севере. В 1935 г. он включился в исследования по поиску железных руд и полиметаллов на Полярном Урале, проводимых при поддержке Совета производительных сил АН СССР [15]. В 1937 г. он проводил работы на Северном Тимане, где им было установлено, что девонские отложения занимали в исследованном районе наиболее широкую площадь сравнительно с другими коренными породами Тимана [16].

В 1940-е гг. А. А. Чернов исследовал девонские отложения по р. Печорской Пижме на перспективы нефтеносности Среднего Тимана, нефтеносные и угленосные отложения правобережья средней Печоры, пермских отложений по рекам Щугор и Печоре. В ходе работ он представил стратиграфию пермских отложений вдоль западного склона Печорского Урала и в Притиманье, выяснил условия залегания полезных ископаемых [17].

Таким образом, в российских архивохранилищах сохранился комплекс документов о научных исследованиях А. А. Чернова на арктических территориях. Источники позволяют определить научные результаты и вклад ученого в изучение и освоение природных ресурсов северных территорий России, показывают, что его работы охватывали обширные территории, он представил данные об их геологическом строении, тектонических структурах, провел детальное стратиграфическое расчленение отложений исследуемых территорий.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (далее НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН) Ф. 7. Оп. 1. Д. 22. 29 л.
2. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 23. 6 л.
3. Александр Александрович Чернов / отв. ред. Н. П. Юшкин. – СПб.: Наука, 1995. – 255 с.
4. Национальный архив Республики Коми (НА РК) Ф. р-139. Оп. 1. Д. 397. 267 л.
5. НАРК. Ф. р-142. Оп. 1. Д. 43. 4 л.
6. НАРК. Ф. р-139. Оп. 1. Д. 398. 48 л.
7. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 10. Д. 4. 46 л.; Д. 8. 7 л.; Д. 18. 222 л.
8. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 637. Оп. 1. Д. 9. 8 л.; Д. 10. 15 л.; Д. 12. 12 л.; Д. 13. 41 л.
9. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 21. 14 л.; Д. 108. 109 л.; Д. 109. 102 л.; Д. 110. 43 л.; Д. 111. 24 л.; 112. 43 л.
10. Труды Северной научно-промысловой экспедиции. Вып. 14: Работы отрядов Севэкспедиции в 1921 г.: предварительный отчет. – СПб.: Государственное издательство, 1922. – 95 с.
11. Чернов, А. А. Геологические исследования в 122 листе 10-верстной карты / А. А. Чернов, М. И. Шульга-Нестеренко, Г. А. Чернов // Отчет о состоянии и деятельности Геологического комитета за 1926–1927 гг. – Л., 1929. – С. 64–65.
12. Иорданский, Н. Н. Маршрутные геологические исследования в бассейне Верхней Усы (Полярный Урал) летом 1930 г. / Н. Н. Иорданский, Г. А. Чернов // Материалы Центрального научно-исследовательского геолого-разведочного института. Региональная геология и гидрогеология. Сб. 1. – Л., М., Новосибирск, 1933. – С. 47–49.
13. РГАЭ. Ф. 637. Оп. 1. Д. Д. 11. Л. 147–189.
14. Чернов, А. А. Угли р. Воркуты в Печорском бассейне / А. А. Чернов // Химия твердого топлива. – 1933. – Т. 4, вып. 2. – С. 93–99.
15. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 10. Д. 63. 104 л.
16. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 10. Д. 89. 241 л.
17. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 10. Д. 194. 90 л.; Д. 243. 24 л.; Д. 278. 166 л.

References

1. Nauchnyj arhiv FIC Komi NC UrO RAN [Scientific archive of the FRC Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS]. F. 7. Op. 1. D. 22. 29 L.
2. Ibid. F. 7. Op. 1. D. 23. 6 L.
3. Aleksandr Aleksandrovich Chernov / Ed. N. P. Yushkin. – St. Petersburg: Nauka, 1995. – 255 p.
4. Nacionalnyj arkhiv Respubliki Komi [National Archives of the Komi Republic]. F. p-139. Op. 1. D. 397. 267 L.
5. Ibid. F. p-142 Op. 1. D. 43. 4 L.
6. Ibid. F. p-139. Op. 1. D. 398. 48 L.
7. Nauchnyj arhiv FIC Komi NC UrO RAN [Scientific archive of the FRC Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS]. F. 1. Op. 10. D. 4. 46 L.; D. 8. 7 L.; D. 18. 222 L.
8. Rossijskij gosudarstvennyj arkhiv ehkonomiki [Russian State Archives of Economics]. F. 637. Op. 1. D. 9. 8 L.; D. 10. 15 L.; D. 12. 12 L.; D. 13. 41 L.
9. Nauchnyj arhiv FIC Komi NC UrO RAN [Scientific archive of the FRC Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS]. F. 7. Op. 1. D. 21. 14 L.; D. 108. 109 L.; D. 109. 102 L.; D. 110. 43 L.; D. 111. 24 L.; D. 112. 43 L.
10. Trudy Severnoj nauchno-promyslovoj ehkspedicii. Vyp. 14: Raboty otryadov Sevehkspedicii v 1921 g.: predvaritelnyj otchet [Proc. of the Northern Scientific and Commercial Expedition. Issue 14: Work of the Northern Expedition teams in 1921: preliminary report]. – St. Petersburg.: Gosudarstvennoe izdatelstvo [State Publ. House], 1922. – 95 p.
11. Chernov, A. A. Geologicheskie issledovaniya v 122 liste 10-verstnoj karty [Geological research in 122 sheets of the 10-verst map] / A. A. Chernov, M. I. Shulga-Nesterenko, G. A. Chernov // Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Geologicheskogo komiteta za 1926–1927 gg. [Report on the state and activities of the Geological Committee for 1926–1927] – Leningrad, 1929. – P. 64–65.
12. Iordansky, N. N. Marshrutnye geologicheskie issledovaniya v bassejne Verkhnej Usy (Polyarnyj Ural) letom 1930 g. [Route geological surveys in the Upper Usa basin (Polar Urals) in the summer of 1930] / N. N. Iordansky, G. A. Chernov // Materialy Central'nogo nauchno-issledovatel'skogo geologo-razvedochnogo instituta. Regional'naya geologiya i gidrogeologiya [Proc. of the Central Research Geological Prospecting Institute. Regional Geology and Hydrogeology]. Vol. 1. – Leningrad, Moskow, Novosibirsk, 1933. – P. 47–49.
13. Rossijskij gosudarstvennyj arkhiv ehkonomiki [Russian State Archives of Economics]. F. 637. Op. 1. D. 11. L. 147–189.
14. Chernov, A. A. Ugli r. Vorkuty v Pechorskom bassejne [Coals of the Vorkuta River in the Pechora Basin] / A. A. Chernov // Khimiya tverdogo topliva [Chemistry of Solid Fuel]. – 1933. – Vol.4, Issue. 2. – P. 93–99.
15. Nauchnyj arhiv FIC Komi NC UrO RAN [Scientific archive of the FRC Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS]. F. 1. Op. 10. D. 63. 104 L.
16. Ibid. F. 1. Op. 10. D. 89. 241 L.
17. Ibid. F. 1. Op. 10. D. 194. 90 L.; D. 243. 24 L.; D. 278. 166 L.

Благодарность (госзадание):

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания по теме НИР № 1022041400019-4-6.1.1 «Научное изучение документального наследия академической науки на Европейском Северо-Востоке России».

Acknowledgments (state task):

The paper was prepared within the frames of the implementation of the state task on the research theme No. 1022041400019-4-6.1.1 "Scientific study of the documentary heritage of academic science in the European Northeast of Russia".

Информация об авторе:

Оседах Анастасия Григорьевна – кандидат геолого-минералогических наук, младший научный сотрудник Отдела гуманитарных междисциплинарных исследований Федерального исследовательского центра Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID: 0000-0002-6625-6987, SPIN-код: 7947-1008 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 24; e-mail: nastya_osedah@mail.ru).

Author:

Anastasiya G. Osedakh – Cand. Sci. (Geol. & Miner.), junior researcher of the Department of Humanitarian Interdisciplinary Research at the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0002-6625-6987, SPIN-code: 7947-1008 (24, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: nastya_osedah@mail.ru).

Для цитирования:

Оседах, А. Г. Исследование арктических территорий профессором Черновым А. А. / А. Г. Оседах // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 3 (88). – С. 196–199.

For citation:

Osedakh, A. G. Research of the Arctic territories by Prof. A. A. Chernov / A. G. Osedakh // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2026. – No. 3 (88). – P. 196–199.

Дата поступления статьи: 10.12.2025
Прошла рецензирование: 10.12.2025
Принято решение о публикации: 30.01.2026
Received: 10.12.2025
Reviewed: 10.12.2025
Accepted: 30.01.2026

УДК 930.2:581.9:633.2.033(985)"193"
DOI 10.19110/1994-5655-2026-3-200-204

Пастбищные ресурсы архипелага Новая Земля: геоботанические исследования Зубкова А. И. и Александровой В. Д. (1930-е годы)

Егорова С. Л.

Отдел гуманитарных междисциплинарных исследований
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар

sever2100@list.ru

Аннотация

В конце 1920-х гг., после резкого сокращения поголовья диких оленей на архипелаге Новая Земля, возникла идея создания здесь опытного стада домашних оленей. Плановое развитие оленеводства как отрасли советского сельского хозяйства было невозможно без оценки пастбищных ресурсов территории. Разрешением этого вопроса в первой половине 1930-х гг. занялись ленинградские геоботаники А. И. Зубков и В. Д. Александрова. В статье на основе архивных и опубликованных источников представлены направления и основные результаты их исследований на п-ве Гусиная Земля, о-ве Междушарском и части восточного побережья Новой Земли.

Ключевые слова:

Новая Земля, олени, пастбища, А. И. Зубков, В. Д. Александрова, геоботанические исследования

Pasture resources of Novaya Zemlya: geobotanical research by A. I. Zubkov and V. D. Aleksandrova (1930s)

Egorova S. L.

Department of Interdisciplinary Humanitarian Research
Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar

sever2100@list.ru

Abstract

In the late 1920s, after a sharp decline in the number of wild deer in Novaya Zemlya, the idea of creating an experimental herd of domestic deer arose. The planned development of reindeer husbandry as a branch of Soviet agriculture was impossible without an assessment of the pasture resources of the territory. In the first half of the 1930s, Leningrad geobotanists A. I. Zubkov and V. D. Aleksandrova began to resolve this issue. Based on archival and published sources, the paper presents the directions and main results of their research in the Gusinaya Zemlya Peninsula, Mezhdusharsky Island, and part of the eastern coast of Novaya Zemlya.

Keywords:

Novaya Zemlya, reindeer, pastures, A. I. Zubkov, V. D. Aleksandrova, geobotanical research

До начала XX в. на архипелаге Новая Земля обитали дикие олени в таком количестве, что на одного промышленника добыча нередко достигала около 100 голов в год, олений промысел не только обеспечивал мясом и шкурами местное население, но и служил предметом вывоза. Это привело к резкому сокращению поголовья. В период гололедицы, когда из-за ледяной корки подснежные корма становились недоступными, олени гибли от бескормицы.

К 1925 г. на архипелаге сложилась весьма тревожная ситуация, описанная в публикациях того времени: из-за резкого сокращения количества оленей страдало местное население; наблюдался падеж ездовых собак, завезенных без санитарного контроля из г. Архангельска, промышленники лишались необходимого для промысла транспорта. Ассистент Печорского ветеринарно-бактериологического института, ветврач А. Ф. Куратов по этому поводу писал: «*В результате среди промышленников явилось общее недовольство, все они имеют жалкий вид каких-то пришибленных людей. Русские промышленники, конечно, бегут оттуда, а самоедам бежать некуда*» [1, с. 9].

В таких условиях в конце 1920-х гг. возникла идея создания на Новой Земле опытного стада домашних оленей. В 1928 г. с о-ва Колгуева была завезена первая партия животных в количестве 72 голов (завозы колгуевских оленей повторялись и позднее) и выпущена на п-ве Гусиная Земля. Первые два года опытное стадо паслось на совершенно неизведанной территории: карты Гусиной Земли не существовало, не было представления о том, как слагается растительность полуострова [2, с. 8; 3, с. 80, 81].

В начале 1930-х гг. Всесоюзный Арктический институт (ВАИ) предпринял обширные биологические работы на архипелаге с целью комплексного обследования его ресурсов. Финансирование осуществлял Северный государственный трест морской зверобойной промышленности при Наркомате пищевой промышленности. В Новоземельской научно-промысловой экспедиции (1931–1934) под руководством В. К. Есипова работали орнитологи, ихтиологи, гидробиологи, зоологи, геоботаники. В этом ряду – А. И. Зубков и В. Д. Александрова, исследовавшие кормовую базу оленей архипелага.

Источниковую основу в изучении истории геоботанических исследований на Новой Земле в 1930-е гг. составили как опубликованные, так и архивные документы.

Краткие сведения о направлявшихся на архипелаг группах ученых можно обнаружить на страницах «Бюллетеня Арктического института» [4–6], о результатах обследований – в научных статьях их участников [2, 3, 7, 8].

Из неопубликованных источников выделим отчетную документацию. В фондах Научного архива Коми НЦ УрО РАН отложились два связанных друг с другом документа,

составленные В. Д. Александровой: «Предварительный отчет о работе по исследованию зимнего состояния оленьих пастбищ Гусиной Земли и острова Междушарского. 1932–1933 год» (41 л.) и «Отчет по исследованию оленьих пастбищ Новой Земли. 1932–33 гг.» (76 л.) [9, 10]. Автором также использована справочная информация о научной деятельности геоботаника А. И. Зубкова из фонда Архива управленческой документации Арктического и антарктического научно-исследовательского института [11].

Новоземельские работы А. И. Зубкова и В. Д. Александровой проходили в период, когда в советской науке актуализировались исследования хозяйственного потенциала северных и арктических территорий страны, а оленеводство вошло в систему советской плановой экономики. Изучением кормовой базы оленей в то время занимались В. Н. Андреев, Б. Н. Городков, А. А. Дедов, И. А. Перфильев, Ф. В. Самбук и др. [12–14]. В. Н. Андреев, начавший изучать тундровую растительность с конца 1920-х гг., считал геоботанические работы первой ступенью освоения новой территории: «*Геоботаническое исследование <…> должно подвести под тундровое оленеводческое хозяйство прочный научный базис, на котором только и возможна его реконструкция*» [15, с. 112].

В новоземельских условиях геоботаникам необходимо было изучить местную флору, составить карту обследованной территории, разработать план использования пастбищ в разные сезоны года.

Летом 1930 и 1931 гг. на средства транспортно-промышленного объединения «Комсеверпуть» на о-ве Южном Новой Земли были организованы геоботанические работы по устройству оленьих пастбищ Новоземельского опытного совхоза. Их возглавил Александр Иванович Зубков, на тот момент аспирант ЛГУ, до октября 1930 г. – препаратор-реставратор Ботанического музея АН СССР [2; 11, л. 1 об.].

Работы носили рекогносцировочный характер: была составлена схематическая карта оленьих пастбищ Гусиной Земли, проведена классификация типов тундр с оценкой их кормовых запасов, выдвинуто предположение, что полуостров вполне может стать базой летних пастбищ [4]. Следовало продолжить исследования, охватив дополнительные локации – остров Междушарский и Карскую сторону.

В отряд 1931 г. под началом А. И. Зубкова вошли топограф и помощник геоботаника Вера Даниловна Александрова, студентка ЛГУ. Для нее это была первая поездка на архипелаг, с которой начнется становление Александровой как ученого-тундроведа.

Работа велась по двум направлениям: съемка пастбищ Гусиной Земли; изыскание зимних кормовых площадей. В то время как Александрова и топограф трудились на Гусиной Земле, А. И. Зубков вместе с проводником-ненцем Яковом Ардеевым совершили выезд на собаках на Карскую сторону и обнаружили на правом берегу р. Савина ягельный район. Лишайниковые и мохово-лишайниковые тундры обследованного правобережья ученый отнес к «хорошим зимним пастбищам», к тому же, судя по состоянию растительного покрова, они не подвергались сильным снеговым заносам, что в новоземельских условиях было особенно актуально [2, с. 27; 5].

Геоботанические исследования 1930–1931 гг. показали: условия летней пастьбы на Гусиной Земле весьма благоприятны ввиду отсутствия комаров, оводов и наличия прекрасных пастбищ. Но развитие новоземельского оленеводства «упиралось в пастбища зимние». Зимой олени находились под угрозой бескормицы, кормовые площадки Гусиной Земли не могли обеспечить растущее опытное стадо. О ресурсах Карской стороны сведений было недостаточно. «*Следует тщательнее изучить зимние климатические условия,* – писал А. И. Зубков, – *повторяемость гололедиц в различных районах Южного острова, распределение снегового покрова, наметить участки пастбищ, которые могли бы обеспечить кормом стадо в трудный период*» [2, с. 33].

Разрешением этих вопросов занялась Вера Александрова (с 1932 г. – сотрудник ВАИ), возглавившая геоботанический отряд в 1932–1933 гг. Ее отчеты дают подробную информацию о работе отряда и его материальной оснащенности, зимовке геоботаника, пройденных маршрутах, сложностях выполнения поставленных задач.

За два лета и зиму (22 июля 1932 г. – 26 сентября 1933 г.) на о-ве Южном геоботаник при содействии топографа охватила летними работами около 2 тыс. км^2, понимая, что особенно важны были работы зимние. Поэтому, когда в ноябре 1932 г. топограф С. С. Нецецкий последним пароходом «Русанов» отправился на материк, Александрова осталась на зимовку. Только детальное изучение глубины и плотности снегового покрова тундры, снегового режима выявленных типов тундр, влияния его на растительность, – могло дать заключение об оленеемкости района. Эти вопросы В. Д. Александрова изучала в период зимовки, кочуя вместе с пастухами опытного стада, проходя длинные пешие маршруты [9, л. 1, 2; 10, л. 6, 7].

В результате удалось собрать материал по зимнему питанию оленя, условиям для растительности Гусиной Земли, составить предварительную карту пастбищ о-ва Междушарского. При обследовании Карской стороны помогли предварительные выводы А. И. Зубкова (1931) и наблюдения за дикими оленями. «Дикари» лучше были приспособлены к новоземельским условиям, чем домашние олени, и тот факт, что они предпочитали пастись на ягельниках Карской стороны, позволил предположить, что корма зимой там больше, чем на западном побережье. Если это будет доказано, сочла В. Д. Александрова, то проблему новоземельского оленеводства можно считать разрешенной. И действительно, изученный район Карской стороны по доступности ягельников зимой, климатическим условиям оказался более пригоден для зимней и весенней пастьбы, чем пастбища п-ва Гусиная Земля [9, л. 40].

Объединив геоботанические характеристики западного и восточного побережий о-ва Южного, В. Д. Александрова составила круговые сезонные кочевые маршруты оленьего стада: на Гусиной Земле с его летними пастбищами высокого качества стадо пасется все лето, к концу сентября откочевывает в восточную часть Гусиной Земли (район переходных пастбищ), на исходе ноября – на Карскую сторону, возвращаясь на Гусиную Землю в июле [3, с. 13; 10, л. 30].

Исследования В. Д. Александровой в период зимовки привели ее к принципиально важному выводу: при пастбищном районировании территории необходимо принимать во внимание не только количество и качество кормов, но и ряд других факторов. Для Новой Земли, кроме особенностей рельефа, механического состава почвы, наибольшую роль играл снеговой покров. На местном материале Александрова доказала, что снеговой покров является фактором геоботаническим: он участвует в формировании растительности, от глубины и плотности снега напрямую зависит доступность для оленей зимнего корма. Это заключение помогло выстроить последовательность действий при определении кормовых площадок: 1) выделение участка тундры с наличием растительности; 2) включение его в состав зимних пастбищ, если на участке не слишком мощный и плотный снеговой покров; 3) разделение пастбищ на категории по качеству и количеству корма [9, л. 12; 10, л. 16].

В 1934 г. исполнялось пять лет существования Новоземельского опытного оленсовхоза. Поголовье стада, достигшее к 1933 г. 750 голов, вдруг сократилось к осени 1934 г. В этой связи А. И. Зубков был направлен на очередное обследование Карской стороны. По итогам 10-месячных работ район от залива Абросимова до мыса Меншикова был покрыт маршрутами снегомерной съемки, проведены наблюдения за пастбищной нормой оленей, организационно-административной работой в совхозе [6].

При наличии явных успехов (прирост стада – около 24 %) идея организованного оленеводческого хозяйства на архипелаге к 1937 г. была признана неперспективной из-за суровости климата, ежегодных потерь в стаде зимой, отсутствия естественных укрытий от ветра во время отела. Решено было обратить внимание на повышение поголовья местной популяции дикого северного оленя. В 1934 г. правительственным постановлением охота на диких оленей Новой Земли была запрещена на пять лет для восстановления численности «дикарей» [16, с. 221].

Между тем, в своих работах середины 1930-х гг. А. И. Зубков и В. Д. Александрова доказывали возможность новоземельского домашнего оленеводства при выполнении следующих условий: 1) перенесение района кочевий стада на Карскую сторону, освоение которой может дать увеличение поголовья стада (исследования этой территории выявили оленеемкость летних и зимних пастбищ – 3–4 тыс. голов, что давало возможность отказаться от круговых кочевых маршрутов, определив за Гусиной Землей и о-вом Междушарским статус резервного фонда); 2) улучшение организации дела, рационализация ведения хозяйства (постройка укрытий для оленей, назначение компетентного руководителя совхоза, проведение зоотехнических работ); 3) применение методов пастьбы, приспособленных к физико-географическим особенностям архипелага; 4) продолжение научных обследований о-ва Южного для уточнения плана использования территории [3, с. 88–90; 17, с. 66, 67].

Несмотря на то, что домашнее оленеводство не получило дальнейшего развития, геоботанические работы 1930-х гг. имели свои научные итоги. Была описана флора о-ва Южного Новой Земли (возраст, видовой состав), выделены ботанико-географические зоны, обоснованы принципы районирования территории, составлена карта растительности, определен пищевой рацион новоземельского оленя.

Участие в экспедициях, знание Новой Земли нашли отражение в совместной работе А. И. Зубкова и В. Д. Александровой «Физико-географический очерк Новой Земли» [17], куда вошли сводные данные о климате, характере растительности и животного мира, об истории заселения архипелага, о развитии промыслов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Куратов, А. Ф. Состояние оленеводства в Большеземельской и Малоземельской тундрах и на Новой Земле / А. Ф. Куратов // Коми му – Зырянская жизнь. – 1925. – № 1 (11). – С. 6–11.
2. Зубков, А. И. Оленеводство и оленьи пастбища на Новой Земле / А. И. Зубков // Труды Арктического института. – Л., 1935. – Т. 22. – С. 7–34.
3. Александрова, В. Д. Оленеводство на Новой Земле / В. Д. Александрова // Природа. – 1937. – № 4. – С. 79–90.
4. Бюллетень Арктического института. – Л., 1931. – № 11. – С. 210–213.
5. Бюллетень Арктического института. – Л., 1933. – № 1–2. – С. 11–13.
6. Бюллетень Арктического института. – Л., 1936. – № 1. – С. 26–27.
7. Зубков, А. И. Тундры Гусиной Земли / А. И. Зубков // Труды Ботанического музея АН СССР. – Л., 1932. – Т. 25. – С. 57–99.
8. Александрова, В. Д. Летний корм оленей на Гусиной Земле (Новая Земля) / В. Д. Александрова // Труды Арктического института. – Л., 1935. – Т. 22. – С. 45–50.
9. Научный архив Коми НЦ УрО РАН (НА Коми НЦ УрО РАН). Ф. 1. Оп. 2. Д. 11. 41 л.
10. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 10. 76 л.
11. Архив управленческой документации ААНИИ. Личные дела уволенных сотрудников. Оп. 1. Д. 1026. 45 л.
12. Андреев, В. Н. Оленьи пастбища Северного края / В. Н. Андреев, Ф. В. Самбук, А. А. Дедов. – Архангельск: Изд-е Севкрайгосторга, 1931. – 168 с.
13. Перфильев, И. А. Схема организации обследования тундровых пастбищ в Сибири / И. А. Перфильев // Советский Север. – 1931. – № 1. – С. 70–77.
14. Городков, Б. Н. Об основаниях и методах хозяйственной классификации и бонитировки оленьих пастбищ / Б. Н. Городков // Советская ботаника. – 1934. – № 1. – С. 54–66.
15. Андреев, В. Н. Геоботанические исследования тундровых оленевых пастбищ / В. Н. Андреев // Советский Север. – 1930. – № 5. – С. 101–113.
16. Бюллетень Арктического института. - Л., 1934. – № 5. – С. 221.
17. Новоземельская экскурсия: сб. Ч. 1. Международный геологический конгресс. XVII сессия СССР 1937 г. / под

ред.: Р. Л. Самойловича и М. М. Ермолаева. – Л.: Изд-во Главсевморпути, 1937. – С. 29–75.

References

1. Kuratov, A. F. Sostoyanie olenevodstva v Bolshezemelskoj i Malozemelskoj tundrah i na Novoj Zemle [The state of reindeer husbandry in the Bolshezemelskaya and Malozemelskaya tundras and in Novaya Zemlya] / A. F. Kuratov // Komi mu – Zyryanskaya zhizn`. – 1925. № 1 (11). – P. 6–11.
2. Zubkov, A. I. Olenevodstvo i olenyi pastbishha na Novoj Zemle [Reindeer husbandry and reindeer pastures in Novaya Zemlya] / A. I. Zubkov // Trudy Arkticheskogo institute [Proc of the Arctic Inst.]. – Leningrad, 1935. – Vol. 22. – P. 7–34.
3. Aleksandrova, V. D. Olenevodstvo na Novoj Zemle [Reindeer husbandry in Novaya Zemlya] / V. D. Aleksandrova // Priroda [Natura}. – 1937. – № 4. – P. 79–90.
4. Byulleten` Arkticheskogo instituta [Bulletin of the Arctic Inst.]. – Leningrad, 1931. – № 11. – P. 210–213.
5. Ibid. – Leningrad, 1933. – № 1–2, – P. 11–13.
6. Ibid. – Leningrad, 1936. – № 1. – P. 26–27.
7. Zubkov, A. I. Tundry Gusinoj Zemli [Tundras of the Gusinaya Zemlya] / A. I. Zubkov // Trudy botanicheskogo muzeya AN SSSR [Proc. of the Botanical Museum of the USSR Ac. Sci. – Leningrad, 1932. – Vol. 25. – P. 57–99.
8. Aleksandrova, V. D. Letnij korm olenej na Gusinoj Zemle (Novaya Zemlya) [Summer deer food in Gusinaya Zemlya (Novaya Zemlya)] / V. D. Aleksandrova // Trudy Arkticheskogo institute [Proc. of the Arctic Inst.]. – Leningrad, 1935. – Vol. 22. – P. 45–50.
9. Nauchnyj arhiv Komi NC UrO RAN [Scientific archive of the Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS]. F. 1. Op. 2. D. 11. 41 l.
10. Ibid. F. 1. Op. 2. D. 10. 76 l.
11. Arhiv upravlencheskoj dokumentacii AANII. Lichnye dela uvolennyh sotrudnikov [Archive of Sci. Research Inst. of the Arctic and Antarctic management documentation. Personal files of dismissed employees]. Op. 1. D. 1026. 45 l.
12. Andreev, V. N. Olenyi pastbishha Severnogo kraya [Reindeer pastures of the Northern territory] / V. N. Andreev, F. V. Sambuk, A. A. Dedov. – Arkhangelsk: Sevkraigostorg Publ., 1931. – 168 p.
13. Perfilyev, I. A. Shema organizacii obsledovaniya tundrovyh pastbishh v Sibiri [The scheme of organization of the survey of tundra pastures in Siberia] / I. A. Perfilyev // Sovetskij Sever [Soviet North]. – 1931. – № 1. – P. 70–77.
14. Gorodkov, B. N. Ob osnovaniyah i metodah hozyajstvennoj klassifikacii i bonitirovki olenyih pastbishch [About the bases and methods of economic classification and bonification of reindeer pastures] / B. N. Gorodkov // Sovetskaya botanika [Soviet Botany]. – 1934. – № 1. – P. 54–66.
15. Andreev, V. N. Geobotanicheskie issledovaniya tundrovyh olenevyih pastbishch [Geobotanical studies of tundra reindeer pastures] / V. N. Andreev // Sovetskij Sever [Soviet North]. – 1930. – № 5. – P. 101–113.
16. Byulleten Arkticheskogo instituta [Bulletin of the Arctic Inst.]. – Leningrad, 1934. – № 5. – P. 221.
17. Novozemelskaya ekskursiya [Novaya Zemlya excursion]. Collection. Part 1. Intern Geolog. Congress. USSR XVII session 1937 / Eds. R. L. Samoilovich, M. M. Ermolaev. . – Leningrad: Izd-vo Glavsevmorputi [Main Northern Sea Route Publ.], 1937. – P. 29–75.

Благодарность (госзадание):

Статья написана в рамках выполнения государственного задания по теме НИР № 1022041400015–8–6.1.1 «Наука на Севере России как основа устойчивого развития регионов Европейского Севера и Арктической зоны РФ».

Acknowledgents (state task):

The paper was written within the frames of the implementation of the state task on research torpic No. 1022041400015-8-6.1.1 «Science in the North of Russia as a basis for sustainable development of the regions of the European North and the Arctic Zone of the Russian Federation».

Информация об авторе:

Егорова Светлана Львовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела гуманитарных междисциплинарных исследований Федерального исследовательского центра Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID: 0000-0002-3028-3342; SPIN-код: 6788-3543 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 24; e-mail: sever2100@list.ru).

Author:

Svetlana L. Egorova – Cand. Sci. (History), Senior Researcher in the Department of Interdisciplinary Humanitarian Research at the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0002-3028-3342; SPIN-code: 6788-3543 (24, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: sever2100@list.ru).

Для цитирования:

Егорова, С. Л. Пастбищные ресурсы архипелага Новая Земля: геоботанические исследования Зубкова А. И. и Александровой В. Д. (1930-е годы) / С. Л. Егорова // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 3 (88). – С. 200–204.

For citation:

Egorova, S. L. Pasture resources of Novaya Zemlya: geobotanical research by A. I. Zubkov and V. D. Aleksandrova (1930s) / S. L. Egorova // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2026. – No. 3 (88). – P. 200–204.

Дата поступления статьи: 10.12.2025
Прошла рецензирование: 10.12.2025
Принято решение о публикации: 30.01.2026
Received: 10.12.2025
Reviewed: 10.12.2025
Accepted: 30.01.2026

УДК 930:662.6:552.57(470.13)"193/195"
DOI 10.19110/1994-5655-2026-3-205-208

Углехимические исследования в Воркутинском районе Коми АССР (1930–1950-е годы): предпосылки организации, развитие, результаты

Симакова С. А.

Отдел гуманитарных междисциплинарных исследований
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар

simakova74@list.ru

Аннотация

В первой половине XX в. в Коми АССР происходило формирование угольной отрасли на базе ресурсов Печорского бассейна. В 1930–1950-е гг. научно-техническое обслуживание производства обеспечивали в основном репрессированные специалисты, имевшие опыт научной деятельности. Решение практических задач, направленных на увеличение объемов добычи кондиционного угля и его рациональное использование, осуществлялось в производственной лаборатории, организованной при угледобывающем предприятии. Ученые-химики определяли химико-технологические свойства, коксуемость, смерзаемость углей Печорского бассейна; разрабатывали их классификацию; рациональные методы и технологии обогащения коксующихся углей, изучали процессы окисления и самовозгорания углей. Научно-исследовательская база, заложенная учеными, послужила основой для формирования научного коллектива, продолжившего исследования во второй половине XX в. в отраслевом научно-исследовательском учреждении.

Ключевые слова:

Коми АССР, Воркутинский район, репрессированные ученые, углехимические исследования, угольная промышленность

Coal chemical research in the Vorkuta region of the Komi ASSR (1930-1950s): organization prerequisites, development, results

Simakova S. A.

Department of Interdisciplinary Humanitarian Research
Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar

simakova74@list.ru

Abstract

In the first half of the XX century the coal industry in the Komi ASSR developed based on the resources of the Pechora Basin. From the 1930–1950s, scientific and technical support for production was provided primarily by repressed specialists with scientific experience. The solution of practical problems aimed at increasing the production volumes of high-quality coal and its rational use was carried out in a production laboratory organized at the coal mining enterprise. Chemists determined the chemical and technological properties, coking properties, and congelation of the Pechora Basin coals, developed their classification. They developed rational methods and technologies for enriching coking coals, and studied the oxidation and spontaneous combustion processes of coals. The research base established by these scientists served as the foundation for the formation of a research team that continued their research in the second half of the XX century at an industry research institution.

Keywords:

Komi ASSR, Vorkuta region, repressed scientists, coal chemical research, coal industry

Ускоренный рост промышленного производства в СССР в немалой степени был обусловлен развитием минерально-сырьевой базы страны. Большую роль в этом процессе сыграл природно-ресурсный потенциал отдаленных северных регионов. В Автономной области Коми (Зырян) (с 1936 г. – Коми АССР), в рамках реализации проекта индустриализации, в 1930-е гг. началось комплексное изучение и освоение угольных месторождений Печорского бассейна. Задачи, включавшие геолого-поисковые работы, добычу и переработку каменного угля, научно-техническое сопровождение производства в 1930–1950-е гг., решали в основном узники северных исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) системы ГУЛАГ. В их числе ученые, проводившие исследования в области углехимии, направленные на увеличение объемов добычи кондиционного угля и его рациональное использование. История их профессиональной деятельности в условиях заключения до настоящего времени оставалась малоизученной. Между тем, работа ученых сыграла большую роль в становлении и развитии центра угольной промышленности, расположенного на территории Арктической зоны России.

Основу исследования составили опубликованные работы и архивные документы, сохранившиеся в фондах Российского государственного архива в г. Самаре, Национального архива Республики Коми (г. Сыктывкар), Воркутинского музейно-выставочного центра, впервые вводимые в научный оборот. Документы содержат информацию о направлениях, результатах профессиональной деятельности ученых; координации научно-исследовательских работ в области углехимии в Коми АССР.

В 1931 г. в целях эксплуатации сырьевых ресурсов, сосредоточенных на территории Европейского Северо-

Востока страны, был организован Ухто-Печорский ИТЛ ОГПУ НКВД. В том же году силами заключенных ИТЛ началась детальная разведка угольных месторождений Печорского бассейна. По результатам геологоразведочных работ в 1932 г. на Воркутинском месторождении были заложены две наклонные шахты производительностью по 150 тыс. т в год каждая; в 1937 г. заложена шахта «Капитальная» производительностью 750 тыс. т в год, в 1940 г. – шахты № 2, 3 и 4. В 1953 г. в Воркутинском районе действовало 17 угольных шахт [1, с. 56, 126]. В 1958 г. на Интинском месторождении находилось в эксплуатации девять шахт [2, л. 27–28].

Первоначально анализ проб углей осуществлялся в химической лаборатории Промысла № 2 им. ОГПУ (радиевое производство) и Центральном научно-исследовательском геологоразведочном институте (г. Ленинград). По мере расширения геологоразведочных работ и развития угледобычи возникла необходимость в организации систематических исследований малоизученных углей Печорского бассейна. В январе 1934 г. на совместном совещании работники ГУЛАГ ОГПУ и Ухто-Печорского ИТЛ, обсудив планы работ Ухто-Печорского ИТЛ на 1934 г., постановили, что для выполнения плана добычи кондиционного угля необходимо организовать жесткий контроль за его качеством. С этой целью решили доставить в пос. Рудник, находившийся на берегу р. Воркуты, необходимое количество химиков, выделить специальное лицо, на которое возложить ответственность за качество отправляемого угля и проведение мероприятий, связанных с улучшением качества и отбором пластовых и товарных проб [3, л. 9–9 об.].

В том же году в поселке была создана углехимическая лаборатория. Организатором и первым ее руководителем стал И. К. Траубенберг[1]. В начальный период лаборатория не располагала достаточным количеством сотрудников, реактивов и оборудования для всестороннего исследования свойств углей. В 1936 г. в ее штате находилось пять человек: заведующий, два инженера-химика, лаборант и рабочий [5, с. 65], их работа в основном заключалась в накоплении аналитического материала и, главным образом, данных по техническому анализу, т. е. определении показателей, предусмотренных техническими требованиями на качество углей (зольность, содержание влаги, серы, теплота сгорания, спекаемость и др.) [6, л. 2].

В 1937 г., с началом массовых репрессий в СССР, в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) ужесточился режим содержания заключенных, осужденных за контрреволюционную деятельность. С 1938 г., согласно приказу начальника Ухто-Печорского ИТЛ Я. М. Мороза, заключенных, осужденных по ст. 58, снимали с руководящих должностей [7, с. 54]. В 1939 г. вместо И. К. Траубенберга руководителем углехимической лаборатории была назначена Е. П. Чичикова[2], приехавшая на север к мужу, отбывшему 5-летний срок заключения [5, с. 181].

В том же году лаборатория получила наименование Центральная углехимическая лаборатория Управления «Воркутстрой» НКВД СССР. В 1930–1950-е гг. исследования в области углехимии проводили ученые Г. Л. Стадников[3], Г. П. Пшеничный[4], Г. Э. Бонвеч[5], И. И. Цукерман[6], Н. И. Родный[7] и др. В 1940-е гг. они работали совместно с сотрудниками Восточного научно-исследовательского углехимического и Всесоюзного научно-исследовательского геологического институтов, направленных в республику для ускорения геологоразведочных работ в Печорском угольном бассейне. Ученые определяли качественную характеристику, показатели обогатимости, смерзаемости, проводили подбор оптимальных режимов коксования углей Воркутинского и Хальмеръюского месторождений. В результате исследований была составлена их классификация, уточнена закономерность изменения свойств углей на всей площади Воркутинского месторождения в зависимости от глубины залегания пластов [10, л. 19, 19 об.].

Дальнейшее развитие производства обуславливало расширение спектра научно-исследовательских задач, связанных с изучением химико-технологических свойств углей Печорского бассейна, совершенствованием процессов добычи угля, строительством в условиях вечной мерзлоты. Для их решения в 1948 г. была организована Центральная научно-исследовательская база комбината «Воркутауголь» (ЦНИБ). В ее состав вошли более 10 лабораторий, в том числе углехимическая, которую возглавил Н. И. Родный.

В 1947 г. было возобновлено строительство Череповецкого металлургического завода, остановленное в начале Великой Отечественной войны. В связи с недостатком

[1] Траубенберг Иван Константинович (1882–1952), химик-технолог. По окончании в 1908 г. Императорского Московского университета, был оставлен при нем в должности лаборанта, с 1913 г. – приват-доцент. В 1917 г. защитил магистерскую диссертацию. В 1918 г. стал профессором Киевского политехнического института. В 1933 г. осужден по ст. 58. п. 6, 7, 9, 11 на 10 лет ИТЛ. Освобожден в 1943 г. [4, т. 2. ч. 1; 1, с. 54].

[2] Чичикова Екатерина Павловна (1908–?), инженер-химик. Окончила Ивановский химико-технологический институт (1931). С 1939 г. работала в углехимической лаборатории, с 1954 г. – в Печорском филиале Всесоюзного научно-исследовательского угольного института [4, т. 12. ч. 2. с. 329].

[3] Стадников Георгий Леонтьевич (1880–1973), химик-органик, лауреат премии им. А. М. Бутлерова (1909). Окончил Императорский Московский университет (1904). В 1939 г. осужден по ст. 58 п. 6, 7, 8 и 11 на 20 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах. С 1939 г. работал в углехимической лаборатории. В 1955 г. реабилитирован [8, с. 118, 123, 127].

[4] Пшеничный Георгий Павлович (1900–?), химик-органик. Окончил Софийский университет (1930). В 1940-е гг. арестован и осужден на 10 лет ИТЛ. Работал в углехимической лаборатории с 1940-х гг., с 1954 г. – в Печорском филиале Всесоюзного научно-исследовательского угольного института [9, л. 12].

[5] Бонвеч Герберт Эмильевич (1894–1960), химик-органик. Окончил Киевский университет (1917). В 1933 г. осужден по ст. 58, п. 7, 11 на 10 лет ИТЛ. В Воркутинский ИТЛ попал в 1941 г. Освобожден в 1946 г., работал в углехимической лаборатории, с 1953 г. – зав. химической лабораторией треста «Печорауглегеология» [5, с. 69].

[6] Цукерман Исаак Иосифович (1888–?), химик-технолог. Осужден в 1939 г. на 15 лет ИТЛ. В 1949 г. попал в Речлаг. Работал в углехимической лаборатории. В конце 1950-х гг. реабилитирован [5, с. 69].

[7] Родный Неемия Иосифович (1908–1972), канд. технич. наук (1957). Окончил Ленинградский химико-технологический институт им. Ленсовета, в 1931–1934 гг. обучался в аспирантуре АН СССР. В 1937 г. осужден на 8 лет ИТЛ. После освобождения в 1946 г. был главным инженером углехимической лаборатории. С 1961 г. работал в Институте истории естествознания и техники АН СССР [5, с. 68].

топлива для будущего металлургического производства, в 1949 г. перед комбинатом «Воркутауголь» была поставлена задача подготовить материалы для утверждения запасов углей, пригодных для коксования. С этой целью учеными проведены экспериментальные работы для уточнения химико-технологической характеристики добываемых углей. Изучена обогатимость углей, брикетируемость угольной мелочи, проведено коксование в полупромышленной коксовой печи; проанализированы данные, полученные при промышленном коксовании воркутинских углей на коксохимических предприятиях Ленинграда, Харькова и Челябинска. По результатам исследований была подготовлена записка для Всесоюзной комиссии по запасам полезных ископаемых по переутверждению запасов углей Воркутинского месторождения. Предложены рациональные методы и технологии их обогащения для принципиальной технологической схемы обогащения коксующихся углей в промышленных условиях, разработанной в Восточном научно-исследовательском углехимическом институте [там же, л. 18 об.–21].

Многие каменноугольные месторождения Печорского бассейна в начале 1950-х гг. находились еще в стадии разведки, и значительная часть пластов углей рабочей мощности не была вскрыта горными выработками. Для них отсутствовали показатели качества, определяющие направление технологического использования. В этой связи с 1951 г. под руководством Н. И. Родного и А. А. Лапина[8] проводились исследования углей разрабатываемых месторождений Печорского бассейна – Хальмеръюского, Нижнесыръягинского, Верхнесыръягинского, Воргашорского, Паембойского и Силовского. Основными направлениями работ являлись: определение химико-технологических свойств, обогатимости, коксуемости, смерзаемости углей; разработка их промышленной и генетической классификации; рациональных методов и технологий обогащения коксующихся углей; исследования процессов окисления и самовозгорания углей. Учеными дана оценка качества и марочного состава углей, охарактеризованы закономерности изменения их свойств на площади и по вертикальному разрезу. Результаты направлялись в геологоразведочный трест «Печорауглегеология» для пополнения геологической карты Печорского бассейна и представления материалов в Государственную комиссию по запасам полезных ископаемых [12, л. 29, 30].

В 1953 г. комбинат «Воркутауголь» МВД СССР был передан в ведение Министерства угольной промышленности СССР. В начале 1954 г. ЦНИБ была преобразована в Печорский филиал Всесоюзного научно-исследовательского угольного института. Основные функции филиала заключались в изыскании эффективных и безопасных систем разработки угольных месторождений в условиях Заполярья; развитии средств автоматизации и механизации производственных процессов; изучении свойств, разработке рациональных схем использования углей; способов строительства в условиях вечной мерзлоты; оказании технической помощи шахтам и стройкам Печорского бассейна [13, л. 1–2]. В соответствии с разрабатываемыми направлениями в состав филиала вошли девять лабораторий, в том числе коксования и топливоиспользования, обогащения и брикетирования, в которых были продолжены исследования печорских углей, начатые в углехимической лаборатории комбината «Воркутауголь».

Подводя итог, отметим, что необходимость научно-технического обеспечения предприятий угольной отрасли стала одним из важнейших факторов организации и развития исследований в области углехимии в республике. Большое значение в этом процессе имела работа репрессированных ученых, обладавших многолетним опытом научно-исследовательской деятельности. В производственной лаборатории, созданной при угледобывающем предприятии, они проводили систематические исследования по определению общей характеристики и классификации печорских углей, разрабатывали способы их рационального использования. Результаты исследований способствовали становлению и развитию угольной отрасли северного региона. Учеными в 1930–1950-е гг. заложены основные направления и проблематика научных работ в области углехимии, которые во второй половине XX в. были продолжены в отраслевом научно-исследовательском учреждении.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Угольная сокровищница Севера: сборник документов и материалов / ред. А. Н. Александров. – Сыктывкар, 1984. – 312 с.
2. МБУК «Воркутинский музейно-выставочный центр». НВФ № 2055.
3. Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми». Ф. Р-1668. Оп. 1. Д. 155.
4. Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. В 13 т. / ред.-сост.: Г. В. Невский, М. Б. Рогачев. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1998–2020.
5. Гулаговские тайны освоения Севера / Е. В. Маркова, В. А. Волков, А. Н. Родный [и др.]. – М.: Стройиздат, 2002. – 326 с.
6. Федеральное казенное учреждение «Российский государственный архив в г. Самаре» (РГА в г. Самаре). Ф. Р-270. Оп. 3-1. Д. 26.
7. Маркова, Е. В. Роль репрессированных ученых и инженеров в освоении Печорского угольного бассейна / Е. В. Маркова, А. Н. Родный // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 1998. – № 3. – С. 47–60.
8. Симакова, С. А. «Награждений не получал»: по страницам биографии репрессированного ученого Г. Л. Стадникова (1880–1973) / С. А. Симакова // Вопросы истории естествознания и техники. – 2024. – Т. 45, № 1. – С. 114–130.
9. РГА в г. Самаре. Ф. Р-270. Оп. 1-6. Д. 33.
10. РГА в г. Самаре. Ф. Р-270. Оп. 3-1. Д. 102.
11. РГА в г. Самаре. Ф. Р-270. Оп. 1-6. Д. 8.
12. РГА в г. Самаре. Ф. Р-270. Оп. 1-6. Д. 14.
13. РГА в г. Самаре. Ф. Р-270. Оп. 1-6. Д. 9.

[8] Лапин Александр Андреевич (1919–?), химик. Окончил Московский педагогический институт (1939). Находился в плену в 1941–1945 гг. С 1949 г. работал в углехимической лаборатории [11, л. 4].

References

1. Ugolnaja sokrovishchniza Severa [Coal treasury of the North]: collection of documents and materials / Ed. A. N. Aleksandrov. – Syktyvkar, 1984. – 312 p.
2. MBUK «Vorkutinskij muzejno-vystavochnyj centr» [Vorkuta Museum and Exhibition Center]. NVF No. 2055.
3. Nacionalnyj arkhiv Respubliki Komi [National Archive of the Komi Republic]. F. P–1668. Op. 1. D. 155.
4. Pokajanie: Komi respublikanskij martirolog zhertv massovykh politicheskikh repressij [Repentance: Komi Republican Martyrology of the victims of mass political repressions]. In 13 vols. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1998–2020.
5. Markova, E. V. Gulagovskie tajny osvoenija Severa [Gulag secrets of the development of the North] / E. V. Markova, V. A. Volkov, A. N. Rodnyj [et al.]. – Moscow: Strojizdat, 2002. – 326 p.
6. Rossijskij gosudarstvennyj arkhiv v g. Samare [Russian State Archive in Samara] (Hereinafter – RGA in Samara). F. P–270. Op. 3–1. D. 26.
7. Markova, E. V. Rol' repressirovannykh uchenykh i inzhenerov v osvoenii Pechorskogo ugolnogo bassejna [The role of repressed scientists and engineers in the development of the Pechora coal basin] / E. V. Markova, A. N. Rodny // Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda [Bull. of the Russian Humanitarian Science Foundation]. – 1998. – № 3. – P. 47–60.
8. Simakova, S. A. «Nagrazhdenij ne poluchal»: po stranicam biografii repressirovannogo uchenogo G. L. Stadnikova (1880–1973) [«He did not receive rewards»: through the pages of the biography of the repressed scientist G. L. Stadnikov (1880–1973)] / S. A. Simakova // Voprosy istorii estestvoznanija i tekhniki [Issues of the history of Natural Science and Technology]. – 2024. – Vol. 45, No. 1. – P. 114–130.
9. RGA in Samara. F. P–270. Op. 1–6. D. 33.
10. Ibid. F. P–270. Op. 3–1. D. 102.
11. Ibid. F. P–270. Op. 1–6. D. 8.
12. Ibid. F. P–270. Op. 1–6. D. 14.
13. Ibid. F. P–270. Op. 1–6. D. 9.

Благодарность (госзадание):

Статья написана в рамках выполнения государственного задания по теме НИР № 1022041400015–8–6.1.1 «Наука на Севере России как основа устойчивого развития регионов Европейского Севера и Арктической зоны РФ».

Acknowledgents (state task):

The paper was written within the frames of the implementation of the state task on research topic № 1022041400015-8-6.1.1 «Science in the North of Russia as a basis for sustainable development of the European North and the Arctic Zone of the Russian Federation».

Информация об авторе:

Симакова Светлана Алексеевна – научный сотрудник Отдела гуманитарных междисциплинарных исследований Федерального исследовательского центра Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID: 0000-0001-7361-0692, SPIN-код: 2052-5813 (167982,Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 24; e-mail: simakova74@list.ru).

Author:

Svetlana A. Simakova – Researcher at the Department of Humanitarian Interdisciplinary Research, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0001-7361-0692, SPIN-code: 2052-5813 (24, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: simakova74@list.ru)

Для цитирования:

Симакова, С. А. Углехимические исследования в Воркутинском районе Коми АССР (1930–1950-е годы): предпосылки организации, развитие, результаты / С. А. Симакова // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 3 (88). – С. 205–208.

For citation:

Simakova, S. A. Coal chemical research in the Vorkuta region of the Komi ASSR (1930-1950s): organization prerequisites, development, results / S. A. Simakova // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2026. – No. 3 (88). – P. 205–208.

Дата поступления статьи: 10.12.2025
Прошла рецензирование: 10.12.2025
Принято решение о публикации: 30.01.2026
Received: 10.12.2025
Reviewed: 10.12.2025
Accepted: 30.01.2026

УДК 910.4(98)+929
DOI 10.19110/1994-5655-2026-3-209-213

Вклад Алексеева Ю. К. в научное изучение Северного Ледовитого океана

Емелина М. А., Замятин В. Ю.

Арктический и антарктический научно-исследовательский институт,
г. Санкт-Петербург

maemelina@aari.ru
vz@aari.ru

Аннотация

Статья посвящена работам Юрия Константиновича Алексеева (1908–1973) – наиболее результативного советского конструктора гидрометеорологических приборов и оборудования для работы в полярных экспедициях, сотрудника Арктического научно-исследовательского института (1937–1939, 1945–1973). Показано, что созданные им буквопечатающая вертушка БПВ-2, радиовеха, дрейфующая автоматическая радиометеорологическая станция ДАРМС-57, лебедка «Северный полюс» в течение многих десятилетий широко использовались для изучения Центральной Арктики, арктических морей и устьевых областей рек. Подчеркнуто, что с их помощью в воздушных высокоширотных, морских и устьевых экспедициях, на дрейфующих станциях «Северный полюс» была получена очень ценная информация по Северному Ледовитому океану. Отмечено, что приборы Алексеева также использовались при исследованиях других океанов и морей. Анализ полученных данных значительно расширил знания о водных объектах, дрейфе льдов, течениях и глубинах, а также привел к открытиям мирового уровня (подводный горный хребет и глубинное течение, названные в честь М. В. Ломоносова).

Ключевые слова:

Арктика, Арктический научно-исследовательский институт, Ю. К. Алексеев, буквопечатающая вертушка, радиовеха, дрейфующая автоматическая радиометеорологическая станция, океанологические исследования

Yu. K. Alekseev's contribution to the scientific study of the Arctic Ocean

Emelina M. A., Zamyatin V. Yu.

Arctic and Antarctic Research Institute,
St. Petersburg

maemelina@aari.ru
vz@aari.ru

Abstract

The paper deals with the works of Yuri Konstantinovich Alekseev (1908–1973), the most effective Soviet designer of hydrometeorological instruments and equipment for work in polar expeditions, and an employee of the Arctic Research Institute (1937–1939, 1945–1973). It is shown that his discoveries – the BPV-2 letter-printing device, radio milestone, DARMS-57 drifting automatic radiometeorological station, and the «North Pole (Severny polyus)» winch – were widely used for many decades to study the Central Arctic, Arctic seas and river estuaries. It is emphasized that with these devices, used in high-latitude air, sea and estuarine expeditions, and at the «North Pole (Severny polyus)» drifting stations valuable information on the Arctic Ocean was obtained. It is noted that Alekseev's instruments were also used in the exploration of other oceans and seas. Analysis of the data obtained significantly expanded our knowledge about water bodies, ice drift, currents and depths, and led to world-class discoveries (an underwater mountain range and a deep current named after M. V. Lomonosov).

Keywords:

Arctic, Arctic Research Institute, Yu. K. Alekseev, letter-printing device, radio milestone, drifting automatic radiometeorological station, oceanographic research

Юрий Константинович Алексеев родился 26 мая 1908 г. в г. Вологде в семье врачей. В 1925 г., после окончания школы-девятилетки № 2, он приехал в Ленинград, с желанием поступить в Электротехнический институт им. В. И. Ленина или на электромеханическое отделение Политехнического института. Несмотря на хорошие оценки в аттестате, ему не удалось получить путевку Вологодского горотдела народного образования, которая гарантировали возможность обучения в вузе. В итоге он смог стать только вольнослушателем физико-математического факультета Ленинградского государственного университета (ЛГУ). Все же в конце 1925 г. Ю. К. Алексеева зачислили на 1-й курс, но учебу ему приходилось оплачивать. Финансовую поддержку оказывал отец, но ее было недостаточно, поэтому юноше приходилось работать [1].

Летом 1928 г. Ю. К. Алексеев был зачислен гидрологом-практикантом в состав научной группы, работавшей под руководством Н. И. Евгенова на ледокольном пароходе «Малыгин», обеспечивавшем проводку транспортных судов Карской товарообменной экспедиции. Он участвовал в Карских операциях и в 1929–1931 гг., получив бесценный практический опыт работы в Арктике. В 1930 г. успешно окончил ЛГУ по специальности «геофизика». В 1932 г. в соавторстве с Н. И. Евгеновым им была опубликована первая научная работа, посвященная итогам научно-исследовательских работ Карских экспедиций за 1928–1930 гг. [2].

С апреля 1932 по декабрь 1933 г. Ю. К. Алексеев участвовал в Особой Северо-Восточной полярной экспедиции, имевшей целью доставлять грузы для государственного треста «Дальстрой». Он выполнял обязанности

Ю. К. Алексеев (1945). Фотография из личного дела. Архив ААНИИ.
Yu. K. Alekseev (1945). Photograph from the personal file. AARI Archive.

гидролога на легендарном ледорезе «Ф. Литке». Из-за сложной ледовой обстановки судам не удалось вовремя прийти в устье Колымы и пришлось зазимовать в Чаунской губе на Чукотке. Как писал в своих автобиографиях Ю. К. Алексеев, в экспедициях он работал практически по всем разделам геофизических, гидрометеорологических и гидрографических исследований.

Во время тяжелой зимовки Ю. К. Алексеев заболел цингой. Ему пришлось отойти от работы в Арктике. По возвращении в Ленинград он перешел в трест «Средволгострой», а затем в отдел специальных исследований «Гидроэлектропроекта». С этого периода и далее он трудился уже исключительно в области разработки нового исследовательского оборудования в области гидрологии и геофизики.

В 1935 г. Ю. К. Алексеев получил первое авторское свидетельство на «Устройство для определения потока жидкости».

В мае 1937 г. Ю. К. Алексеев принял заведывание конструкторским бюро Агрометеорологического института Наркомата земледелия СССР, а в июле 1938 г. перешел на работу в Арктический научно-исследовательский институт (АНИИ) Главсевморпути (с 1958 г. Арктический и антарктический НИИ – ААНИИ) на должность технического руководителя механических мастерских. Тогда им были разработаны электротермические установки ТЭ-2 и ТЭ-3 для работ по исследованию термики льда и грунта за Полярным кругом, генератор для добывания водорода, механизированная лебедка для океанографических работ в авиаэкспедициях «Северный полюс» [3, л. 63].

С ноября 1939 г. Ю. К. Алексеев являлся штатным консультантом по приборостроению в Главгеологоразведке Всесоюзного научно-исследовательского геологического института (ВСЕГЕИ).

Одной из важнейших задач океанографии является изучение динамики водных масс. В Советском Союзе в 1930-х гг. особенно большие работы по изучению течений производились при океанографическом обследовании окраинных мелководных морей Северного Ледовитого океана (СЛО). Основным средством измерений были морские вертушки системы Экмана-Мерца. Ю. К. Алексеев, который продолжал сотрудничество с АНИИ, в 1940 г. совместно с И. В. Максимовым разработал интегратор морских течений: обычную морскую вертушку они снабдили специальным приспособлением, позволяющим использовать ее в качестве регистратора средних скорости и направления морских течений за продолжительный период времени без подъема из воды. А в декабре 1940 г. он приступил к созданию чертежей самопишущей буквопечатающей вертушки (БПВ), которая должна была обеспечить принципиальные преимущества при наблюдениях над течениями. Начавшаяся война на время прервала эти работы.

В июле 1941 г. Ю. К. Алексеев был мобилизован и направлен на работу в конструкторский отдел Государственного гидрологического института Гидрометслужбы РККА, где стал главным инженером, продолжая числиться и во ВСЕГЕИ (до октября 1941 г.). В период блокады Ленинграда он тяжело заболел на полевых работах и был эвакуирован в родную Вологду (январь 1942 г.). После лечения в госпитале, в июне 1942 г., его назначили инженером по спецпроизводству Вологодского паровозостроительного завода Наркомата путей сообщения СССР.

После окончания войны Ю. К. Алексеев был демобилизован по ходатайству начальника Главсевморпути и с 10 октября 1945 г. назначен главным конструктором конструкторского отдела АНИИ. Он сразу же включился в работу по проектированию приборов для исследований в Арктике и вернулся к экспедиционной деятельности. В мае 1946 г. его назначили главным инженером научной группы Восточной высокоширотной экспедиции на ледоколе «Северный полюс». Он руководил ее техническим снаряжением и участвовал в проведении исследований на борту судна.

По возвращении из экспедиции Юрий Константинович предложил несколько новых приборостроительных тем и возглавил эту работу в конструкторском отделе АНИИ. Вскоре он подготовил чертежи целого ряда приборов и оборудования, несколько из которых впоследствии широко использовались в Арктике: усовершенствованных моторных лебедок для глубоководных океанографических наблюдений, грунтовой лот-трубки для взятия образцов грунта, буквопечатающей вертушки, радиомаяка (радиовехи) для изучения дрейфа льда [4].

Незадолго до начала войны АНИИ организовал экспедицию в район Полюса относительной недоступности на самолете «СССР Н-169». Успешное проведение воздушной экспедиции доказало практическую осуществимость нового метода исследования Арктического бассейна СЛО. В марте–мае 1948 г. состоялась экспедиция «Север-2», которая стала началом реализации выдающейся многолетней экспедиционной программы Высокоширотных воздушных экспедиций (ВВЭ) «Север».

Важную роль в ВВЭ сыграло уже упомянутое оборудование, сконструированное Ю. К. Алексеевым: новые моторные лебедки облегченного типа и грунтовая трубка. Лебед-

ки, названные «Северный полюс», служили для опускания гидрологических приборов и измерения глубины. На барабан могло наматываться около 5 тыс. м стального троса, выдерживающего значительную нагрузку. Использование моторов облегчало трудную работу по подъему приборов. Конструкция лебедок неоднократно совершенствовалась с целью повышения надежности и уменьшения массы. Эти лебедки сыграли большую роль не только при работах ВВЭ, но и на дрейфующих станциях «Северный полюс» (СП). Применялись они также для исследований с судов.

Предложенная Ю. К. Алексеевым оригинальная модернизация трубки для отбора колонки донного грунта (использовалась также при промерах глубин), позволяла при минимальной массе трубки (22–23 кг) достичь ее максимального заглубления в осадочную толщу.

Высокоширотные воздушные экспедиции 1948 и 1949 гг. охватили исследованиями огромные районы Центральной Арктики, ранее совершенно не посещенные или мало обследованные. В итоге их работ были получены результаты, важные как в научном, так и в практическом отношении. Было установлено, что СЛО разделен мощным подводным хребтом (впоследствии назван в честь М. В. Ломоносова). На основании данных промеров глубин ученые составили батиметрическую карту, из которой видно, что существовавшие до 1948 г. представления о рельефе дна СЛО совершенно неправильны [5].

В январе 1946 г. Ю. К. Алексеев представил рабочие чертежи БПВ, над которыми он продолжал работать в течение войны. Опытный образец изготовили к 1950 г. Эта модель получила обозначение БПВ-2. Предусматривалось, что прибор может использоваться как при наблюдениях над течениями с борта судов, так и при установке на заякоренном подводном буе. В последнем случае дополнительным преимуществом, помимо снижения расходов на использование судов, являлась возможность крепить под буем несколько одновременно работающих регистраторов, расположенных на разных горизонтах глубин.

Ю. К. Алексеев также разработал несколько вариантов буев и совершенствовал способы крепления к ним БПВ.

После успешных испытаний опытного образца БПВ-2 в АНИИ смогли приступить к изготовлению в 1951 г. первой партии вертушек для своих нужд и по срочным запросам Океанологического института АН СССР, Гидрографического управления ВМС СССР и других организаций.

БПВ-2 стала первым серийным советским самописцем морских течений. Прибор образца 1950 г. (большая модель) был рассчитан на предельную глубину погружения 1200 м и имел массу 49 кг. Значения скорости и направления течения печатались краской на движущейся бумажной телеграфной ленте. Длительность действия прибора под водой в зависимости от выбранного интервала времени между измерениями составляла от 5 до 54,5 суток [6].

Это разработка Ю. К. Алексеева была представлена им на соискание научной степени, и в 1951 г. он защитил диссертацию «Автоматический печатающий регистратор течений БПВ-2» на звание кандидата технических наук.

Впервые в Арктике вертушку БПВ-2 использовали для работы в Арктике в навигацию 1952 г. в экспедиции А-65 (ледово-гидрологический патруль восточного сектора Арктики). Измерения вели как с борта судна, так и на буйковой станции. В заключении было отмечено, что БПВ-2 соответствует своему назначению и является лучшей вертушкой из всех существующих измерителей течений. Отмечалось, что работать с прибором очень удобно, спокойно и просто [7].

В 1952 г. Ю. К. Алексеевым была разработана малая (речная) модель – БПВ-2р. Предельная глубина погружения составляла 250 м, масса – 29 кг.

Обе модели самописца первоначально изготавливались экспериментальными мастерскими АНИИ. Однако возможности мастерских не позволяли выпускать необходимое количество приборов. В 1960 г. их серийное производство началось в организации п/я 501 (Завод штурманских приборов, Ленинград).

На базе БПВ впоследствии разработали: в конце 1950-х гг. в экспериментальных мастерских АНИИ – электрифицированный самописец течений (ЭСТ), в середине 1960-х гг. на Заводе штурманских приборов совместно с институтом – БПВ-6 для работы на глубинах до 6 тыс. м, в 1970-е гг. в Институте океанологии АН СССР – несколько вариантов опытных самописцев.

Благодаря характеристикам, простоте и достаточной надежности БПВ системы Алексеева получили большое распространение и использовались около 50 лет. Они являлись основным средством для измерения течений в экспедициях на судах, в ВВЭ и на СП. Во второй половине 1960-х гг. ААНИИ начал ежегодные экспедиционные исследования низовьев и устьев северных и сибирских рек. Наблюдения над течениями с помощью БПВ играли в них особую роль.

В октябре–ноябре 2000 г. в южной части Баренцева моря Гидрографической службой Северного флота были выполнены специализированные экспедиционные исследования течений для обеспечения подъема атомной подводной лодки «Курск». В ходе них с океанографического исследовательского судна «Семен Дежнев» были выставлены две автономные буйковые станции с БПВ-2 и цифровыми измерителями течений [8].

Буквопечатающие вертушки широко применялись не только в Северном Ледовитом, но и в Южном, и других океанах, неарктических морях СССР. С их помощью были сделаны крупные открытия в области океанографии. Так, в 1959 г. экспедицией Морского гидрофизического института АН СССР в экваториальной части Атлантического океана было открыто холодное подповерхностное противотечение, названное именем М. В. Ломоносова.

Самописцы течений системы Алексеева являлись объектами приборного экспорта СССР в КНР, ФРГ, Англию, Японию и Францию.

Одной из важнейших задач, стоявших перед ледовой службой Главсевморпути, являлось изучение дрейфа льда. Эти знания были необходимы для развития методов ледовых прогнозов и планирования морских операций на Северном морском пути. Для решения этой задачи был предложен метод засечек пеленгаторными станциями местонахождения автоматических радиомаяков, поставлен-

ных на дрейфующих льдах. В 1946 г. Ю. К. Алексеев представил свою разработку. В проекте устройства, названного «радиовехой», он сразу же решил отказаться от поиска форм непотопляемого корпуса и сделать его тонущим в случае разрушения под ним льда. Это позволило удешевить изготовление радиовех, уменьшить их массу и габариты. Устройство было рассчитано для удобства перевозки на самолете, питание энергией оно получало от батарей аккумуляторов, помещенных в герметичном корпусе под водой ниже льда, что позволяло их защитить от мороза. Радиопередачи сигналов должны была осуществляться периодически по сигналу часового механизма. Два опытных экземпляра радиовехи построили в 1947 г. Доводка устройства шла непросто. В 1952 г. доработанные радиовехи были установлены в Таймырском ледяном массиве воздушной экспедицией А-138. Ю. К. Алексеев являлся ее участником. Со следующего года устройства этого типа (впоследствии «веха Алексеева») стали регулярно устанавливать весной с самолетов, а с 1958 г. также и осенью – с судов.

Используя конструктивное решение радиовехи, Ю. К. Алексеев дополнил ее метеоблоком, обеспечивающим передачу несколько раз в сутки основных метеоэлементов – данных о скорости и направлении ветра, температуре и влажности воздуха. Эта информация была очень полезна для понимания условий малоизученных районов СЛО и была важна для практической работы по подготовке метеорологических и ледовых прогнозов. В мае 1956 г. два опытных образца устройства установили на льду в районе станции «Северный полюс-4». Испытания прошли успешно – одна из установок проработала безотказно около девяти месяцев. Станция, получившая обозначение ДАРМС-57 (дрейфующая автоматическая радиометеорологическая станция), была запущена в производство на заводе Балтийского Центрального проектно-конструкторского бюро Министерства морского флота [3, л. 40, 50].

За 17 лет с начала регулярных работ на дрейфующих льдах СЛО было поставлено 350 радиоавтоматов [10]. Последние ДАРМС были установлены в 1973 г., радиовехи – в 1974 г. С их помощью был получен очень большой объем информации, по мере накопления которой уточнялись и представления о движении льдов в СЛО.

Дрейфующая автоматическая радиометеорологическая станция экспонировалась на ВДНХ СССР и в зарубежных странах.

Перечень разработанных Ю. К. Алексеевым приборов и оборудования далеко не исчерпывается описанными выше. Им также были запатентован фототермограф для длительной регистрации температуры воды (1949), создан батометр объемом 250 мл (именовался «Батометр АНИИ образца 1956 года», а после выдачи в 1967 г. авторского свидетельства – «Батометр системы Алексеева Ю. К.») и мн. др.

В 1954 г. Юрий Константинович был утвержден ВАК в ученом звании старшего научного сотрудника, в одноименной должности он трудился в лаборатории новой техники, в 1961 г. перешел в лабораторию льда и методов его разрушения, с мая 1965 г. исполнял обязанности руководителя отдела совершенствования и внедрения гидрометстанций и приборов (руководил подразделением до 1969 г.). В 1957 г. награжден нагрудным знаком «Почетный полярник». За успехи в отечественном приборостроении для Арктики в 1960 г. ему присудили Большую золотую медаль ВДНХ СССР. В 1968 г. его труд был отмечен ведомственной наградой – нагрудным знаком «Отличник гидрометслужбы СССР». В 1972 г. указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 марта Ю. К. Алексееву за заслуги в области изобретательской деятельности было присвоено почетное звание «Заслуженный изобретатель РСФСР». Он стал автором 62 научных работ, 15 изобретений, защищенных авторскими свидетельствами [11]. Трудился в институте до скоропостижной кончины в 1973 г.

Юрий Константинович Алексеев стал самым плодотворным советским конструктом гидрометеорологических приборов и оборудования для работы в полярных условиях. Их применение внесло неоценимый вклад в исследования суровых и труднодоступных районов Арктики.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 7240. Оп. 9. Д. 24. Л. 2–3.
2. Евгенов, Н. И. Научно-оперативное обслуживание и исследовательская работа Карских морских экспедиций / Н. И. Евгенов, Ю. К. Алексеев // Центральный бюллетень ТАСС. – 1932. – № 9–10. – С. 11–15.
3. Архив ААНИИ. Личное дело Алексеева Ю. К. Л. 38, 40, 50, 60, 63, 73, 77, 85, 86.
4. Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга. Ф. р-369. Оп. 1–1. Д. 697. Л. 36–37.
5. Высокоширотные воздушные экспедиции 1948 и 1949 гг. – Л.; М.: Изд-во Главсевморпути, 1953. – Л. 135.
6. Самописцы течений системы Алексеева типа БПВ-2 и БПВ-2р. Техническое описание и инструкция по эксплуатации КБ0.278.000 ТО. – С. 4.
7. Фонды ААНИИ. № 0-204. Л. 53.
8. Мастрюков, С. И. Анализ течений в южной части Баренцева моря / С. И. Мастрюков, А. Ю. Устименко // Навигация и гидрография. – 2001. – № 13. – С. 170.
9. Горбунов, Ю. А. Основные результаты использования радиовех и ДАРМС для изучения дрейфа льдов в Северном Ледовитом океане / Ю. А. Горбунов, В. Г. Мороз // Проблемы Арктики и Антарктики. – 1972. – Вып. 39. – С. 33.

References

1. Tsentralnii gosudarstvennii arhiv Sankt-Peterburga [Central State Archive of St. Petersburg]. F. 7240. Op. 9. D. 24. L. 2-3.
2. Evgenov, N. I. Nauchno-operativnoe obsluzhivanie i issledovatelskaya rabota Karskih morskih ekspedicii [Scientific and operational maintenance and research work of the Kara marine expeditions] / N. I. Evgenov, Yu. K. Alekseev // TASS Central Bulletin. – 1932. – No. 9–10. – P. 11–15.

3. AARI archive [Research Institute of the Arctic and Antarctic Archive]. Personal file of Yu. K. Alekseev. L. 38, 40, 50, 60, 63, 73, 77, 85, 86.
4. Centralnii gosudarstvennii arhiv nauchno-tehnicheskoi dokumentacii Sankt-Petertburga [Central State Archive of Scientific and Technical Documentation of St. Petersburg]. F. p-369. Op. 1-1. D. 697. L. 36–37.
5. Visokoshirotnie vozdushnie ekspedicii 1948 i 1949 gg. [High-latitude air expeditions of 1948 and 1949]. – Leningrad; Moscow: Izd-vo Glavsevmorputi [The main Northern Sea Route Publishing House], 1953. – Leningrad, 135.
6. Samopistcy techenii sistemy Alekseeva tipa BPV-2 I BPV-2p [Flow recorders of the Alekseev system type BPV-2 and BPV-2p. Technical description and operating instructions KB0.278.000 TO]. – P. 4.
7. AARI funds. №. 0-204. L. 53.
8. Mastryukov, S. I. Analiz techenii v yuzhnoi chasti Barentseva morya [Analysis of currents in the southern part of the Barents Sea] / S. I. Mastryukov, A. Yu. Ustimenko // Navigation and hydrography. – 2001. – No. 13. – P. 170.
9. Gorbunov, Yu. A. Osnovnie rezultati ispolzovaniya radioveh i DARMS dlya izucheniya dreifa ldov v Severnom Ledovitom okeane [The main results of using radio milestones and DARMS to study ice drift in the Arctic Ocean] / Yu. A. Gorbunov, V. G. Moroz // Problems of the Arctic and Antarctic. – 1972. – Issue 39. – P. 33.

Благодарность (госзадание):

Исследования выполнены в рамках НИТР 2.6 Росгидромета на 2025–2029 гг. «Развитие и модернизация технологий ведения Единого государственного фонда данных о состоянии окружающей среды, ее загрязнении в условиях импортозамещения».

Acknowledgents (state task):

The research was carried out within the frames of Roshydromet (Russian Hydrometeorological Service) Research and Development Program 2.6 for 2025-2029 «Development and modernization of technologies for maintaining the Unified State Database on the state of the environment and its pollution in the context of import substitution».

Информация об авторах:

Емелина Маргарита Александровна – кандидат исторических наук, главный специалист редакционно-издательской группы Арктического и антарктического научно-исследовательского института; ORCID: 0000-0002-8280-3901, SPIN-код: 2338-2058 (199397, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Беринга, д. 38, лит. А; e-mail: maemelina@aari.ru).

Замятин Владимир Юрьевич – кандидат технических наук, начальник отдела фонда данных и научно-технической информации Арктического и антарктического научно-исследовательского института; ORCID: 0000-0003-0700-8198, SPIN-код: 7784-7519 (199397, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Беринга, д. 38, лит. А; e-mail: vz@aari.ru).

Authors:

Margarita A. Emelina – Cand. Sci. (History), Chief Specialist of the Editorial and Publishing group of the Arctic and Antarctic Research Institute; ORCID: 0000-0002-8280-3901, SPIN-code: 2338-2058 (38, Bering st., lit. A, St. Petersburg 199397, Russian Federation; e-mail: maemelina@aari.ru).

Vladimir Yu. Zamyatin – Cand. Sci. (Techn.), Head of the Department of the Data Fund and Scientific and Technical Information of the Arctic and Antarctic Research Institute; ORCID: 0000-0003-0700-8198, SPIN-code: 7784-7519 (38, Bering st., lit. A, St. Petersburg 199397, Russian Federation; e-mail: vz@aari.ru).

Для цитирования:

Емелина, М. А. Вклад Алексеева Ю. К. в научное изучение Северного Ледовитого океана / М. А. Емелина, В. Ю. Замятин // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 3 (88). – С. 209–213.

For citation:

Emelina, M. A. Yu. K. Alekseev's contribution to the scientific study of the Arctic Ocean / M. A. Emelina, V. Yu. Zamyatin // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2026. – No. 3 (88). – P. 209–213.

Дата поступления статьи: 10.12.2025
Прошла рецензирование: 10.12.2025
Принято решение о публикации: 30.01.2026
Received: 10.12.2025
Reviewed: 10.12.2025
Accepted: 30.01.2026

Рецензии Reviews

Лейман И. И. Купечество Вологодской губернии в середине XIX века (по материалам губернской периодической печати). – Екатеринбург: УрО РАН, 2024. – 158 с.
Лейман И. И. Ярмарки на Европейском Севере России в XIX – начале XX века. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2019. – 232 с.

Leiman I. I. Merchants of the Vologda province in the mid-XIX century (based on the materials of the provincial periodicals). – Ekaterinburg: Ural Branch, RAS, 2024. – 158 p.
Leiman I. I. Fairs in the European North of Russia in the XIX - early XX centuries. – Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2019. – 232 p.

Экономика Российской империи развивалась в XIX в. весьма интенсивно. Только в первой половине столетия число мануфактур увеличилось с 2,4 тыс. в 1804 г. до 15,3 тыс. в 1860 г. В 1830–1840-е гг. в России начался и промышленный переворот, характеризующийся применением машинной техники и формированием промышленной буржуазии и пролетариата.

Генезис российской буржуазии был связан с эпохой первоначального накопления капитала (XVIII – начало XIX в.). Завершение формирования предпринимательского класса происходило уже на этапе промышленного переворота в России (1830–1880-е гг.). Именно тогда машинная техника постепенно превращала предпринимательство в источник быстрого и гарантированного получения прибыли.

В начале XIX столетия наиболее активным элементом, из которого пополнялась русская буржуазия, было крестьянство: регулярные занятия торгово-промышленной деятельностью привели уже в XVIII в. к образованию слоя «капиталистых» крестьян. В царствование Александра I выкупилось на волю около 29 тыс. крепостных, причем 88 из них за суммы, превышающие 1 тыс. руб.

Мы видим, что и в России новые экономические веяния пробивались через феодальные порядки.

Однако сословные привилегии опутывали по рукам и ногам предпринимательскую инициативу.

Существование устарелой социальной иерархии тормозило деловую активность, ибо отсутствовали правовые гарантии успешного развития бизнеса. Фактически деловая элита имела экономические рычаги влияния на общество, но отнюдь не политические.

Значительную часть препонов на пути экономического развития Российской империи и активизации предпринимательской деятельности сняли Великие буржуазные реформы 1860-1870-х гг.

И хотя Россия по многим показателям продолжала отставать от ведущих стран Европы и Америки, тем не менее в начале XX в. она приобрела структуру народного хозяйства, весьма схожую с той, что имели другие промышленно развитые страны Запада в начальный период своего активного индустриального развития. Произошла существенная модернизация технической базы производства, изменились экономическое поведение предпринимателей, практика управления, качество рабочей силы.

Однако слой средней и мелкой русской буржуазии оставался слабым, огромен был отрыв элиты делового мира от своей опоры.

Это обстоятельство влияло и на «встроенность» российских предпринимательских кругов в сословно-иерархическую систему империи конца XIX–начала XX в. Фактически символом делового мира в империи оставался купец. Несмотря на то, что он потерял самостоятельную экономическую значимость, превратившись к концу XIX в. в составную часть буржуазии, тем не менее торговые элементы сохранили свою корпоративную организацию.

Для общества именно купец являлся олицетворением предпринимателя. Таким образом, купеческое звание говорило о принадлежности к определенной сословной группе и обозначало положение в классовой структуре общества. А само купечество было единственной социальной категорией, для вхождения в которую требовалось уплатить денежный взнос. Только в 1898 г. была ликвидирована связь между получением гильдейского свидетельства и занятием предпринимательской деятельностью.

Купечество продолжало сохранять сословную организацию, хотя оно объединяло сравнительно небольшой круг лиц, многие из которых к тому же вовсе не были заняты предпринимательской деятельностью. Ведь в купечестве долгие годы числились и те, кто был приписан к нему ради получения определенных сословных преимуществ, имевшихся у купечества. Более того, присутствие самого купеческого сословия в определенной степени сдерживало корпоративную консолидацию отечественной буржуазии.

Несмотря на то, что конец XIX – начало XX столетия отмечены определенным снижением роли сословного купечества в предпринимательской деятельности, тем не менее в некоторых регионах именно купцы продолжали определять деловую активность региона. К такой территории можно отнести Европейский Север Российской империи. Здесь практически отсутствовало крепостное право, торговые люди издавна играли роль связующего фактора между российской и европейской экономиками. Архангельский порт долгое время служил единственным окном российской торговли в Европу. Именно северное купечество не только занималось торговлей, но и основывало мануфактуры, фабрики, промыслы… К тому же в конце XVIII–первой половине XIX в. Европейский Север все шире

втягивался в торговые связи с русскими губерниями, в общероссийский рынок.

Возможно, именно эти соображения и обратили исследовательскую активность И. И. Лейман на купечество Вологодской губернии конца XIX – начала XX столетия [1].

В данной работе автором дано описание социально-экономической ситуации на Европейском Севере России в середине XIX столетия. Оно представлено через призму широкой и разносторонней деятельности купечества Вологодской губернии. Основным источником работы стали материалы еженедельного регионального издания «Вологодских губернских ведомостей» за 1838–1860 гг. Особо тщательно изучена база частных объявлений газеты. На этой основе дана характеристика деятельности купцов в сфере торговли и предпринимательства. Не обойдены автором и иные аспекты активности торгового люда: проанализированы основные направления благотворительной деятельности купечества, при этом отмечен значительный вклад купцов в становление в губернии системы женского образования, а также попечительские инициативы представителей торгового сословия в годы Крымской войны. Фактически впервые в практике отечественной историографии в комплексе представлена благотворительная деятельность купечества Европейского Севера в сфере городского хозяйства. Не забыты быт и общественная жизнь провинциального купечества.

Конечно, основное внимание в монографии уделено торговой деятельности вологодского купечества. Действительно, история торговли в первой половине XIX в. на Европейском Севере России (автор подразумевает под этим географическим понятием территории Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний) тесно связана с историей местного купечества. Именно представители купеческого сословия занимались оптовыми закупками преимущественно сырьевых и сельскохозяйственных товаров на территории Вологодской губернии, а нередко и соседних с ней регионов и их последующей транспортировкой до крупных торговых центров и портов, а также на ярмарки. В этот период купцы начали содержать лавки и магазины, таким образом активно развивая розничную торговую сеть не только в губернских и уездных городах, но и ряде сельских населенных пунктов. И. И. Лейман справедливо полагает, что «деятельность купечества в сфере стационарной и периодической торговли, а также обеспечение транзита товаров по территории губернии способствовала формированию в Российской империи единого внутреннего рынка» [там же, с. 128].

Автор видит задачу своего исследования не только в том, чтобы дать ретроспективу развития отечественного предпринимательства, не просто показать торгово-экономическую составляющую деятельности представителей торгового сословия, но считает необходимым на ее основе воссоздать «психологический портрет, внешний облик, семейные ценности и устои купечества, способствовать возрождению традиций благотворительности и меценатства, весьма распространенных в этой среде до революции» [там же, с. 3].

Это действительно важно, ибо «купечество Европейского Севера России сыграло большую роль в социально-экономическом и культурном развитии Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний», причем его влияние «выходило далеко за рамки торговой деятельности». [там же, с. 3]. Многие объекты социальной инфраструктуры региона (больницы, образовательные учреждения, детские приюты, богадельни и др.) не только были созданы, но и «во многом содержались на пожертвования представителей торгового сословия». Немало представителей купеческого сословия активно участвовало в городском управлении. Автор делает вполне обоснованный вывод, что купечество было «неотъемлемой частью общественной жизни наиболее развитых в торговом отношении городов» [там же, с. 128]

И. И. Лейман строит свое исследование на обширном материале еженедельного периодического издания «Вологодских губернских ведомостей» за 1838–1860 гг., полагая, что сведений, которые можно почерпнуть из периодической печати вполне достаточно, чтобы «при помощи методов количественного анализа <…> воссоздать комплексную картину жизни провинциального купечества в середине XIX в., зафиксировать основные формы активности представителей торгового сословия и проследить динамику их развития <…> выделить основные направления деятельности местного купечества и проследить происходившие в регионе в середине XIX в. социально-экономические трансформации» [там же, с. 128, 130].

Вполне вероятно, что это так, хотя привлечение иных, дополнительных источников (например, мемуарного характера, статистических данных и т. п.) обогатило бы исследование. Такой подход позволил бы более четко выявить специфику как экономической, так и общественно-политической деятельности купечества, более четко показать специфические черты именно вологодского торгового сословия, добавить какие-то новые, дополнительные штрихи к нарисованной картине. Хотя и представленный комплекс источников позволяет в целом реконструировать историю, жизнь и деятельность северного торгового люда.

Возможно, автору следовало бы избегать оценок, которые представляются несколько категоричными. Это касается, например, таких утверждений: «История дореволюционной торговли и предпринимательства в целом и купеческого сословия в частности в советской историографии по причине сложившейся политической конъюнктуры не пользовалась большим вниманием исследователей. Всплеск интереса к данной теме начинает наблюдаться с конца XX в. и продолжает сохраняться в настоящее время» [там же, с. 3]. Конечно, с конца 1980-х гг. наблюдается вполне объяснимый рост интереса к истории российского делового мира, в том числе и деятельности купеческих династий. Однако и советская историческая наука отнюдь не избегала тем, связанных с историей развития торговли и купечества. Конечно, исследования по данной тематике не столь уж многочисленны, но они есть. Достаточно упомянуть работы П. П. Смирнова, В. Е. Сыро-

ечковского, Н. В. Устюгова, Р. И. Козинцевой, А. Н. Боханова и др. [2–10]. Другое дело, что в советский период деловой мир, в том числе и купечество, представлялось в научных работах и учебных пособиях почти исключительно в темных тонах. Однако ныне преобладает иная тенденция - многие исследователи склонны идеализировать облик предпринимателей.

Работа И. И. Лейман о вологодском купечестве логически продолжает тему исследования начатую несколько ранее монографией об ярмарочной торговле на Европейском Севере в XIX – начале XX в. [11]. Обращение к истории ярмарок вполне объяснимо. Ведь торговля на российских просторах имела свои специфические черты. Это, прежде всего, громадные размеры страны и низкая плотность населения. К этому добавлялись плохие пути сообщения, неразвитость средств информации, недостаточность торговых капиталов и самих купцов. Кроме того, промышленное производство было сосредоточено в немногих центрах. В результате товарная продукция проходила через руки множества посредников, существенно поднимаясь в цене.

Именно в силу этих причин особое место в торговых отношениях с XVIII в. играют ярмарки – своеобразный, приуроченный к определенному времени и месту рынок. Продолжались ярмарки обычно одну-две недели. Они возникли в России еще в XVI в., но именно в следующем столетии начинают играть важную роль в формировании всероссийского рынка. Крупнейшими были Макарьевская и Ирбитская ярмарки.

Российские ярмарки выполняли важную не только торговую, но и информационную функции. Именно на них жители разных городов и сел общались с жителями других регионов, обменивались новостями. Во время ярмарок издавались различного рода путеводители, календари и даже регулярная пресса. Таким образом, крупные ярмарки служили не просто пунктами торговли, но и центрами обмена знаниями, опытом, техникой, навыками производства. Возможно, именно этими обстоятельствами объясняется тот факт, что в отличие от Западной Европы, где ярмарки по мере развития стационарной торговли утрачивают свое значение, в России они продолжают свою деятельность вплоть до начала XX столетия, отнюдь не утрачивая своей роли.

Более того, государство, осознавая важность ярмарок для российской экономики и культурной жизни, способствовало их развитию. В 1864 г. создается Главное управление торговли и ярмарок, которое отвечало за организацию и контроль проведения ярмарок по всей империи. Ярмарки благодаря заботе государственных структур модернизировались и развивались, превращаясь в серьезное экономическое и культурное явление.

Они, несмотря на свою кратковременность, занимали важное место в жизни местного крестьянского населения (а Европейский Север был по преимуществу крестьянским). И здесь дело не только в том, что у торгующих была возможность закупить местную продукцию (охотничьих, рыболовных и других промыслов), которая носила преимущественно сезонных характер, но и крестьяне могли приобрести нужный товар по более выгодной цене, что превращало ярмарки в инструмент конкуренции и торговли. Таким образом, ярмарки являлись для местного населения не только пунктами сбыта местного сырья, но и инструментом получения промышленных изделий и недостающего хлеба.

Благодаря ярмаркам местное население втягивалось в товарно-денежные отношения, что способствовало складыванию местного купечества и в значительной степени расширяло экономические связи с соседними регионами, содействуя формированию общероссийского рынка.

В монографии И. И. Лейман, посвященной истории ярмарок на Европейском Севере в XIX–начале XX столетий, представлен анализ основных этапов развития ярмарочной торговли в России с момента зарождения и до начала XX в. Автором выявлены ярмарочные районы Европейского Севера России, охарактеризованы их центры – города. При этом не просто представлено описание городских «ярмарочных цепей» районов, но и проанализированы их товарный профиль и значение для Европейского Севера России. Дана оценка динамике развития ярмарочной сети в сельской местности Европейского Севера России, определено значение сельских ярмарок для населения края и развития внутреннего рынка России в целом. Описаны механизм организации ярмарок на Европейском Севере России в XIX – начале XX в. и их роль для населения края.

Автор вполне обоснованно говорит о том, что «ярмарочная торговля в дореволюционной России на протяжении не одного столетия являлась основой формирования единого внутреннего рынка». Определяя территориальные рамки исследования, И. И. Лейман указывает, что на Европейском Севере, в силу разнообразных географических, климатических и хозяйственных условий, сложился широкий спектр вариантов развития ярмарочной торговли. Данное обстоятельство в сочетании с сезонным характером производства и сбыта главных ярмарочных товаров, слабого развития сухопутного сообщения, низкой плотности населения при огромных размерах территории придавало ярмарочной торговле особенное значение и позволяло проявить себя «в наибольшей полноте своих потенциальных возможностей». Что касается хронологических рамок, то начальная дата – XIX в. – обусловлена комплексом изменений, произошедших в сфере государственного управления и экономического развития России в это время. Конечная дата - начало XX в., также вполне объяснима – она определена началом Первой мировой войны и последовавшими за ней революциями [11, с. 3].

Особое внимание в монографии уделено вопросам, связанным с участием в организации ярмарочной торговли органов государственного управления и местного самоуправления России, истории ярмарок в городах Европейского Севера России в XIX–начале XX в., организации периферийных ярмарок на Европейском Севере России.

В заключение делается вывод о том, что ярмарки не просто способствовали вовлечению Европейского Севера России в огромный хозяйственный механизм страны и становлению данного региона как органичной части

внутреннего рынка России, связывая территорию региона в единый экономический механизм, но и «способствовали формированию единого информационно-культурного пространства», что в условиях неразвитости сети путей сообщения и больших размеров территории, по мнению автора, «имело исключительно важное значение». Более того, ярмарочная торговля имела и иную, далеко не экономическую ценность. А именно: «…ярмарки, ассоциировавшиеся в массовом сознании как праздничное действо, создавали условия для выплеска всех негативных эмоций, снятия накопившегося стресса и физического напряжения, что при невысоком уровне и качестве жизни в целом имело высокую значимость для психологического здоровья и душевного состояния населения». Таким образом, ярмарки не просто несли «на себе печать всех происходивших в стране политических и социально-экономических изменений, не только отражали историческую действительность, но и формировали ее». Можно даже говорить о том, что ярмарки выполняли «функцию по объединению отдельных регионов и целой страны в единое экономическое и информационно-культурное пространство [11, с. 179]. И с этими выводами автора, ознакомившись с материалами книги, трудно не согласиться.

Итожа, хотелось бы отметить большую работу, проделанную И. И. Лейман. Материалы, проанализированные автором в двух рецензируемых изданиях, вне всякого сомнения, в значительной степени помогут ученым-историкам, этнографам, студентам и аспирантам, обучающимся по историческим специальностям, краеведам в изучении истории Европейского Севера России.

Литература

1. Лейман, И. И. Купечество Вологодской губернии в середине XIX века (по материалам губернской периодической печати) / И. И. Лейман. – Екатеринбург: УрО РАН, 2024. – 158 с.
2. Сыроечковский, В. Е. Гости-сурожане / В. Е. Сыроечковский. – М.; Л.: ОГИЗ, 1935. – 123 с.
3. Смирнов, П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. 1–2 / П. П. Смирнов. – М.; Л.: Академия наук СССР, 1947. – Т. 1. – 490 с.; 1948. – Т. 2. – 736 с.
4. Яковцевский, В. Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России / В. Н. Яковцевский. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. – 203 с.
5. Устюгов, Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке: К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности / Н. В. Устюгов. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 336 с.
6. Рындзюнский, П. Г. Городское гражданство дореформенной России / П. Г. Рындзюнский. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. - 559 с.
7. Александров, В. А. Сибирские торг. Люди Ушаковы в XVII в. / В. А. Александров // Русское государство в XVII в.: новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни: сб. ст. / под ред. Н. В. Устюгова. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. - С. 131-150.
8. Козинцева, Р. И. Внешнеторговый оборот Архангельской ярмарки и ее роль в развитии всероссийского рынка / Р. И. Козинцева // Исследования по истории феодально-крепостнической России: сб. ст. / под ред. С. Н. Валка. – М.; Л.: Наука, 1964. – С. 116–163.
9. Боханов, А. Н. Российское купечество в конце XIX – начале XX в. / А. Н. Боханов // История СССР. – 1985. – № 4. – С. 106–118.
10. Варенцов, В. А. Привилегированное купечество Новгорода XVI-XVII вв. / В. А. Варенцов. – Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1989. - 94 с.
11. Лейман, И. И. Ярмарки на Европейском Севере России в XIX–начале XX века / И. И. Лейман. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2019. – 232 с.

Доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории и методики обучения
общественно-правовым дисциплинам
Института истории и права
Сыктывкарского государственного
университета им. Питирима Сорокина
О. В. Золотарев

Научный журнал

ИЗВЕСТИЯ

Коми научного центра
Уральского отделения Российской академии наук

Серия «История и филология»
№ 3 (88)

Номер подготовили:

Ответственный редактор серии – д.и.н. И. Л. Жеребцов
Ответственный секретарь серии – к.и.н. Д. В. Милохин
Выпускающий редактор – И. В. Курляк
Редактор – О. А. Гросу
Переводчик - Т. А. Искакова
Оригинал-макет – С. Ф. Камалова, Е. Н. Старцева
Дизайн обложки – Я. С. Куликова

Лицензия № 0047 от 10.01.1999.
Подписано в печать 16.06.2026. Дата выхода в свет 19.06.2026.
Уч.-изд. л. 30,0. Усл.-печ. л. 28,0. Тираж 300. Заказ № 32.
Формат 60x84 1/8. Свободная цена.

Подготовлено к изданию и отпечатано в редакционно-издательском центре ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
167982, Российская Федерация, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 24.

Адрес учредителя, издателя: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук».
167982, Российская Федерация, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 24.